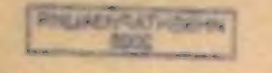
ИСТОРИЯ 45 КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИСТОРИЯ

45-ОЙ

ВОЛЫНСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

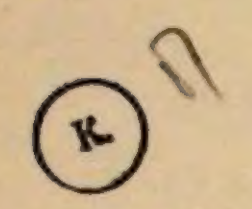
ТОМ I

БОЕВОЙ ПЕРИОД

ИЗДАНИЕ ПОЛИТОТДЕЛА 45-й ДИВИЗИИ

КИЕВ—1929

КИЕВ, ТИПОГРАФИЯ ШТАДИВА 45,
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ 9, ТЕЛ. 38-06.
ЗАКАЗ № 942—3 т. ОКРЛИТ № 1504.

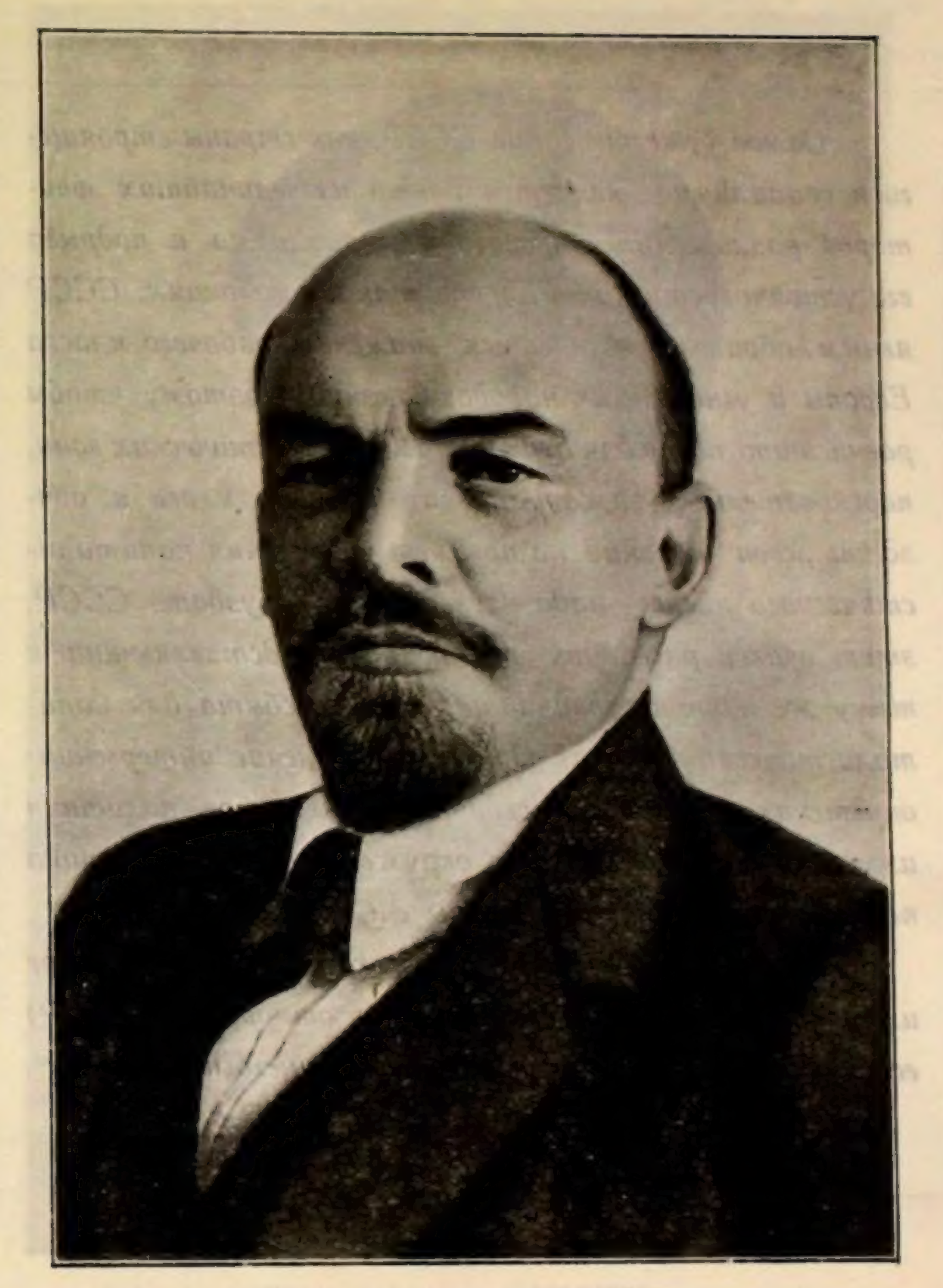
Красным партизанам, погибшим в 1919 году в тяжелой борьбе в Приднестровье с гетманско-петлюровскими бандами, у стен Хотина с румынскими боярами-помещиками, у лиманов Тилигулло-Березани в борьбе с греко-французскими оккупантами; героям славного Южного похода, пробившимся из железного кольца деникинско-петлюровской контрреволюции, усеявшим своими могилами этот тяжелый 400-верстный путь; коммунистическому батальону, бившемуся до последнего патрона и расстрелянному, целиком уничтоженному из пулеметов деникинской казачьей сволочью в сентябрьские дни 1919 года под Копыловым; замученным и зверски зарубленным белогвардейской чеченской кавалерией в снежную мятель под Николаевкой и Вознесенском в 1920 году; павшим в боях с наемниками англо-французского капитала — польской шляхтой — в мартовские ночи, в грязь, в распутицу у Бара-Комаровцы, под проволочными заграждениями у Белой Церкви, у Ново-Мирополя, в боях за реки Горынь, Иква, за Кременец, за крепость Дубно; оросившим своей кровью Галицийские леса и степи — всем им, безымянным, безызвестным и тем, чьи имена мы помним хорошо, им, поднявшимся под знаменами нашей большевистской партии на борьбу против класса эксплоататоров и угнетателей — против отечественной и иностранной буржуазии и помещиков, и своей смертью давшим нам возможность сейчас жить и строить социализм, — посвящается настоящая книга

„Революция есть война, это—единственная законная правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история, эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как и все, и всякие войны, а в интересах массы народов против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия".

(ЛЕНИН *том 6-ой стр. 71).*

„Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной войне,—есть военная организация".

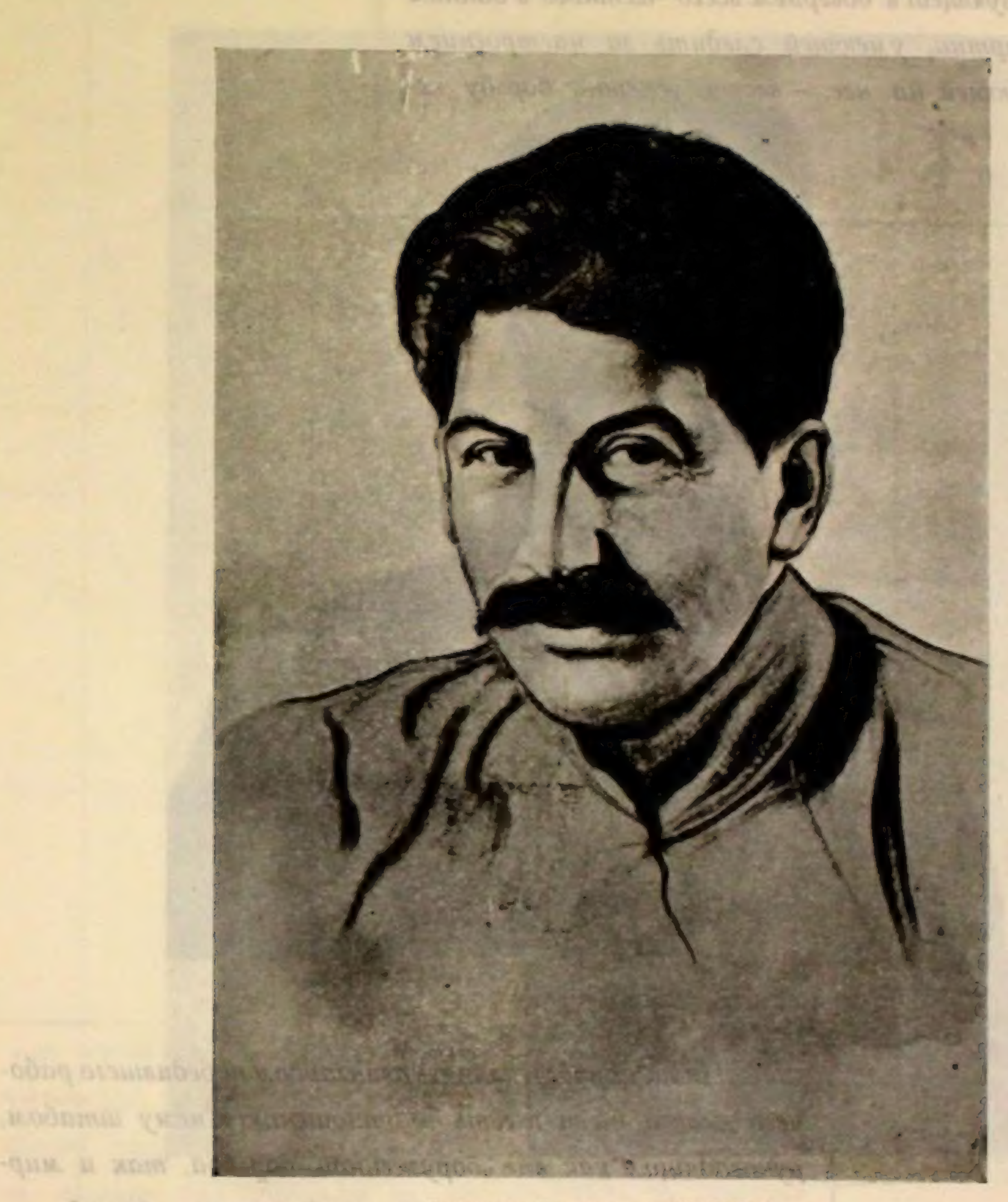
(ЛЕНИН— *том 6-ой. стр. 267—268).*

„Самое существование СССР, как страны строящегося социализма, является одним из величайших факторов разложения мирового империализма и подрыва его устойчивости как в Европе, так и в колониях. СССР явным образом становится знаменем рабочего класса Европы и угнетенных народов колоний. Поэтому, чтобы расчистить почву для будущих империалистических войн, поосновательнее зажать „свой" рабочий класс и обуздать „свои" колонии на предмет укрепления капиталистического тыла,—надо прежде всего обуздать СССР, этот очаг и рассадник революции, представляющий к тому же один из величайших рынков сбыта для капиталистических стран. Отсюда оживление интервенционистских тенденций среди империалистов, политика изоляции СССР, политика окружения СССР, политика подготовки условий для войны с СССР.

Усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных фактов нынешнего положения".

Сталин — *Политический отчет ЦК 15 с'езду—стр. 46 стеногр. отчет.*

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

„Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влияющей на нее, — вести успешно борьбу невозможно[1].

ЛЕНИН.

„Наша партия, являясь авангардом победившего рабочего класса, была и есть по отношению к нему штабом, руководящим как его вооруженной борьбой, так и мирным строительством новых хозяйственных форм".

(**ВОРОШИЛОВ**—*из статьи „Крепость Ленинской партии—основа обороны пролетарского государства")*.

„Правда" 23 февраля 1929 г. № 45(4179).

Народный Комиссар по военным и морским делам, Председатель Реввоенсовета СССР

КЛИМЕНТИЙ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ.

„Мы сильны в армии потому, что сильны в партии. А мы сильны в партии не только потому, что мы имеем большевистскую закалку, но и потому, что над партией развевается красное знамя, на котором написаны основные заветы Ленина".

*(**БУБНОВ** — „Партийная дисциплина и военная дисциплина".*

Заключительная речь на совещании секретарей военных ячеек 3-го марта 1925 года, стр. 173).

„Политсостав является одною из основных сил, строящих армию. Политсостав по своему основному призванию является прямым носителем духа нашей партии, ее сплоченности, ее политических навыков, ее партийной выдержки и политического закала".

*(**БУБНОВ**—1924 г. в воен. строит. „О к-ре Кр. армии" стр. 186).*

Член Реввоенсовета СССР и Начальник Политического Управления
Рабоче-Крестьянской Красной Армии

А. С. БУБНОВ.

Народный Комиссар РКИ и Председатель ЦКК Украины (б. член Реввоенсовета Южной Группы в 1919 году)

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЗАТОНСКИЙ.

Организатор 45-й и ее боевой Начдив, сейчас командующий войсками Украинского Военного Округа

ИОНА ЭМАНУИЛОВИЧ ЯКИР.

И. ЯКИР.

Отрывки из воспоминаний старого красногвардейца[1].

Эти воспоминания—лишь беглые наброски о том, как, идя с румынского фронта, один из многочисленных отрядов будущей рабоче-крестьянской Красной армии на ходу, в боях с врагами рождался и закалялся. Он терпел поражения, хоронил своих лучших бойцов и командиров, самоотверженно продолжая путь на север, к братьям, которые свергнули капитал и отстаивали завоевания Великого Октября. Он твердо верил в то, что, несмотря на частичные поражения, армия рабочих и крестьян, могучая и непобедимая идет к конечным победам.

* * *

Я никогда военным человеком не был, да и ничего раньше в военном деле не понимал.

Начал я свою „карьеру" с того, что организовал два-три десятка боевых ребят и на грузовиках преследовал румын у Кишинева.

Я думал, что ежели бы мы, кроме нескольких эскадронов крепкой конницы, располагали и пехотой, то румыны не так скоро захватили бы Бессарабию.

Итак, начал я с командирства над грузовиками, с тем, чтобы потом, будучи вынужденным вместе с другими большевиками отойти из Бессарабии на Днестр, начать организацию красных отрядов. Так же, как и небольшая группа моих товарищей, я занимался организацией, мобилизацией и прочими вещами, готовя сборные сводные полки, батальоны и батареи. За основу бралось имущество какой-нибудь царской части, отправившейся домой, намечался командир, и береговое приднестровское крестьянство поднималось против румын, помещиков.

Но это не все, что мне приходилось делать в Тирасполе—центре Тираспольского отряда или, как называл Муравьев, „Особой Армии по борьбе с румынской олигархией". Мне пришлось также командовать... „Китайским батальоном"...

Я думаю, что это был первый китайский батальон в рабоче-крестьянской Красной армии. Создался он так. Тирасполь лежит в низине на берегу Днестра. Полтора месяца пребывания в Тирасполе мы чувствовали себя на положении осужденных; беспрерывный огонь румынских батарей, разгром одного штабного домика за другим, потеря изо дня в день новых товарищей. Положение наше затруднялось даже отсутствием какой бы то ни было связи с центром. Но это же обстоятельство укрепляло выдержку в среде небольшой группы товарищей, взявшихся за организацию красных полков.

Нашей опорой, вокруг которой мы формировали новые части, был славный 5-й конный Заамурский полк. Полк этот целиком остался от старой армии, остался без единого офицера-заамурца (они все сбежали) и проявил себя потом, как прекрасная единодушная красная часть. Все заамурцы называли себя большевиками, и большинство из них позже действительно стали большевиками.

Итак, был у нас 5-й Заамурский полк под командой Кокорева, отряд Котовского (тоже конный) несколько бессарабских батарей и наши формирования—1-й Бессарабский полк, Приднестровский полк, 2-й полк и т. д.

Настроение было воинственное. Братва ненавидела румын, ибо по ту сторону Днестра видны были родные поля, где не так давно крестьянин вдохнул свободу, поделил было помещичью землю, и где помещик сейчас с помощью румын мстил за это зверски... Одни заамурцы были издалека, но и они держались крепко, не расходились.

Людей вообще было немного, и воевать было трудно. Мимо нас на всяких поездах ежедневно, на паровозах, лошадях казенных и крестьянских многими десятками и сотнями тысяч уезжали они на север, оставляя „Румынский фронт".

Мужик не хотел воевать, не мог. Он устал... Наши митинги и уговоры на станциях не давали никаких положительных результатов—только одиночки из тысяч оставались с нами.

Крестьянство Херсонского края также не удавалось поднять всерьез на массовое движение. Приходилось довольствоваться своими земляками-бессарабцами, не имевшим дома, ненавидевшими оккупантов-румын и своих помещиков. Лишь в середине февраля Одесса понемногу начала раскачиваться и присылать отдельные отряды, но эти отряды своей неорганизованностью и отсутствием дисциплины превзошли наши самые худшие ожидания.

У нас был Военный Совет, в состав которого входило по одному представителю от роты, эскадрона, батареи и отдельной части. Этот Совет вершил дела, имея свой президиум, секретарями которого были Ваня Рожков и я. Кроме этого Совет имел штаб и командующего.

Командовал у нас тов. Венедиктов (позже погиб на Дону). Был у нас Генкварм (тов. Левензон), Дегенарм (тов. Гарькавый) и всякие прочие „армы". Сейчас уже не упомнишь точно. Был и свой суд, который возглавлялся т. Меерсоном.

Все эти основные роли находились в руках у крепких ребят-большевиков (некоторые из них

---

[1] Эти воспоминания, не имеющие, строго говоря, непосредственного отношения к истории 45-ой, редакция помещает, как ценный документ, ознакомление с которым даст возможность читателю проследить путь, пройденный лучшими представителями нашего революционного командного состава, в том числе и талантливейшим большевистским военачальником, рожденным пролетарской революцией — т. Якиром, организатором 45-й, ее боевым начдивом. *Редакция.*

оформили свое вступление в партию несколькими месяцами позже, когда мы выбрались в Советскую Россию).

Тяжело, откровенно говоря, было командовать. Соберется это человек 150 в Военном Совете... Всяк-по своему — и ничего не разберешь. Мне вспоминается, как приехал к нам Главнокомандующий Муравьев. Все были довольны. Наконец-то начальство, руководство, определенные перспективы... Собрали Совет. Муравьев хорошо говорил, большой был демагог (предателем он сделался позже)... Ударил он себя кулаком в грудь, да как набросится на нас:

„Моя доблестная первая армия,—говорит—мрет под Рыбницей, а вы, предатели, не наступаете на Бендеры..."

Никто, нужно сказать, нам и не приказывал наступать. Мы два раза сами пробовали. Удачно (правда, с большими потерями) перебрались через реку и не только перебрались, но и гнали регулярную румынскую армию верст 30-40. А потом выдыхались и отходили.

Однако, речь Муравьева разжалобила. Некоторые дядьки даже заплакали:

„Как же это, мрет первая, а мы вот как .."

Ну, и пошли в третий раз. Пошли, хорошо дрались, много потеряли и... опять отошли. Не успели очнуться—приказ от Главнокомандующего:

„Грузитесь срочно всей армией и отходите через Одессу на север, немцы вам в тыл вышли".

Вот это была новость, неожиданность. Какие немцы, откуда они, что им здесь надо? Однако начали грузиться. Грузиться было нелегко — не хотят дядьки ехать. Немца не видно, а хату румына видно. Вот они тут—злой враг и теплая хата... Не могли понять крестьяне, как это можно бросать свое поле и куда-то уходить.

Однако почти всех уговорили. Не поехала только одна батарея. Так и осталась с 4-мя пушками на берегу Днестра продолжать войну с румынами, отбивать свою землю. Уж как мы их ни уговаривали — никак не могли убедить... Что было дальше с этой, по своему крепкой батареей, когда ей в тыл зашли австро-германские корпуса, а с фронта нажали румыны — не знаю. Думаю разошлись. А, может быть, по своей крепколобости и драться со всеми стали.

* * *

Было это в одну из очень тяжелых ночей. Я был дежурным по отряду, лежал на соломе в хате. То и дело подымал меня с соломы телефон: звонили то с одной заставы, то с другой. Кто по делу— „разведка румын показалась", а кто и без толку, просто так—скучно в ночи слушать редкий снаряд, очередь пулеметную. Замотался я до последнего... Да и кто не замотался в эти первые месяцы тяжелого года?

Ночь на фронте прошла спокойно. Под утро меня разбудили в сотый раз. Продрал глаза— передо мной китаец, одетый в какую-то синюю кофту. Произносит одно слово: „Васики! Я, мои, Васики."

— Что тебе?—спрашиваю.

— Китайси надо.

— Какие тебе китайцы?

Он все твердит свое:

— Китайси надо!

Так я его и не понял. Не понял его и наш „дегенарм" (слово это все произносили, но никто его не понимал).

Часа через два тот же китаец вошел в штаб и знаками предложил нам выйти во двор. Вышли и поняли. Во дворе в строю стояло человек 450 китайцев. По окрику: „Васики!", они подтянулись. Оказалось, что румыны по подозрению в шпионаже расстреляли трех китайцев. Китайцы, работавшие в тылу фронта на лесной порубке, озлились на румын и пришли к нам. Голые они были, голодные. Ужасную картину представляли собой. Людей у нас было мало, оружия много, все равно не вывезешь, придется оставлять... Ну, и решили, чем не солдаты. (И будущее показало, что прекрасные солдаты были). Обули, одели вооружили. Смотришь—не батальон, а игрушка. Вот меня и назначили командовать этим батальоном. Направили нас на оборону старой Тираспольской крепости. Сподручными у меня были— знакомец „Васика" и еще один китаец Сен-Фуй-ян, именовавший себя капитаном китайской службы. Хороший был солдат. Он то, собственно, и командовал, а я так, „осуществлял верховное руководство". Сначала китайцы меня не понимали, я их то же не понимал и договориться было трудно. Станешь „Васике" толковать (он был переводчиком, ибо лучшие других об'яснялся... жестами) и получается форменная комедия.

Как полагается вообще умным воякам, мы, получив распоряжение занять крепость, двинулись туда в колонне, впереди которой на заамурских лошадях (с большую собаку каждая; злые, но умные лошади) ехал я, Сен-Фуй-ян и „Васика". Дорога к крепости местами шла по совершенно открытому месту, и румыны нас тщательно обстреливали. Тогда подавалась гортанная команда— и народ очень, по-своему, недурно применялся к местности.

Итак, первым умным делом, совершенным батальоном под моим руководством с помощью китайского „капитана", было движение в колонне под огнем по ничем незащищенной местности.

Второе—в крепости мы расквартировали свой штаб в пироксилиновом погребе с многоаршинными стенами (позже принуждены были выбраться, ибо ни один телефонист не желал тянуть туда провода). Нужно, правда, отметить, что все строения были сожжены.

Скоро мы освоились в крепости, стали привыкать. Наше расположение было очень неудобно— мы внизу, румыны выше. Мы на виду: чуть кого заметят, одиночку или группу—сейчас огонь.

Посты наши стояли над берегом. Проверял я их довольно часто. Поедешь как-нибудь без „Васики", лошадь сдашь кому нибудь на заставе, а сам пойдешь пешком. Ну, и беды не оберешься! Пробираешься с трудом. Часовой не узнает. Сперва наведет на тебя винтовку и орет благим матом: „не ходи", потом узнает и расплывется: „капитана, ходи"... Осмотришь все, устанешь, возвращаешься к коню... Опять та же история — „не ходи", опять винтовка на изготовке—того и гляди, пальнет... Хоть я был и „капитана", а трудно приходилось на первых порах.

Потом привыкали. Каждый знал, без хвастовства, скажу, любил. Но забот с ними было много.

Простояли мы до самого муравьевского приказа. Отходили в арьергарде. Штаб, артиллерию и еще не помню что—в эшелонах двинули, а нас походиком. Мы прикрывали. Хорошо прикрывали. Китаец стоек, ничего не боится. Смерти не боится. Брата родного убьют в бою—он и глазом не моргнет; подойдет, глаза ему прикроет—и все тут. Сядет возле трупа, в фуражке патроны, и будет спокойно выпускать патрон за патроном. Если знает китаец, что против него враг (а наш тираспольский китаец знал это, много над ним румыны издевались), то плохо придется этому врагу. Китаец будет драться до последнего...

Я не помню, как называлась та маленькая станция, не доходя до Одессы, где мы встретились с немцами. Немцев было много, и они побили нас. Но дрались мы хорошо.. Много потеряли, но на нужное время задержали противника.

Мы стояли и подсчитывали раненых, потери убитыми и в пулеметах. Убитых было много. Не досчитывались и одного пулемета...

Через 12 верст, на отдыхе, ночью, наши пулеметчики притащили пулемет... Начальник пулемета был тяжело ранен. Двое других приволокли его и пулемета не бросили...

В то время это было сильно... Тут рядом, старые царские полки целые склады оставляли. Пулемет чуть не пятерку стоил, а то и дешевле. Пушку можно было достать за те же деньги. А они и товарища раненого и оружия своего не бросили...

После этого дела батальон еще крепче стал. Сошлись мы с ними, сроднились...

Неприятность только одна получилась. Жалованья они по 50 руб. получали и на жалованье очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати во-время и корми хорошо.

Так вот, приходят раз ко мне уполномоченные и говорят, что их „нанималось" 530 человек, и, значит, за всех я должен платить. Деньги, причитавшиеся убитым, они между собой поделят, (а в этом бою мы, пожалуй, человек 80 потеряли).

Я долго с ними толковал, убеждал, что неладно это, не по нашему. Все же они свое получили. Другой довод привели нам, говорят, в Китай семьям убитых посылать надо.

Пришлось первые месяцы платить, только потом отучили.

Много хорошего было у нас с ними в долгом многострадальном пути через Украину, весь Дон, на Воронежскую губернию. Большинство их героически погибло, но об этом после...

* * *

Я почти ничего не сказал об основе отряда. О тех, благодаря которым уже тогда, в январе 1918г., удалось сколотить довольно крепкий кулак, тысяч в пятнадцать. И не только сколотить, но и сохранить в значительной своей части на протяжении всей дальнейшей гражданской войны.

Заамурцы... На румынском фронте было несколько конных заамурских полков. Мне довелось близко знать 5-й и 6-й конные полки. Пятый был нашей твердокаменной основой.

Еще в Бессарабии 5-й конный полк был единственной твердой опорой большевиков. В один прекрасный день из него тайком ушли все офицеры, но полк от этого не распался, а крепко спаялся. Во главе сотен у него стояли старые унтера, то же было и в полку. Все они были наши, мужицкие командиры, которые позже выработались в прекрасных коммунаров, и многие, пожалуй, почти все, погибли в боях за рабоче-крестьянское дело. Из 30-40 командиров я знаю только двоих живых: Кокорева (да и тот дырявый—две пули прошли через легкое, возле сердца, искалечили человека, все болеет) да Медведева-пулеметчика, начальника команды, потом командира полка, бригады.

Политические же организаторы этого славного полка погибли все. Погиб комиссар Ваня Рожков, храбрый, крепкий большевик. Погиб, когда вырос в большого, хорошего работника, уже под конец гражданской войны, под Мелитополем. Ногу снаряд оторвал, врача не приключилось вблизи, и погиб... Последнее время Ваня Рожков командовал уже 2-й Блиновской дивизией, а до этого времени был политработником-комиссаром.

Погиб Милешин, секретарь нашего большевистского коллектива. Умней всех нас был и, как большевик, постарше. Очень мы его любили. Его зарубили казаки-красновцы. Погибли Гуровой, помощник командира, Гожий... Многие погибли. Не перечтешь добрых боевых товарищей, один за другим подымавшихся со взвода на эскадрон, с эскадрона на должность командира полка. Все они честно сражались за революцию и отдали ей свою жизнь.

* * *

Еще один эпизод, ярко рисующий состояние части нашего отряда.

Наряду с очень большой подчас боеспособностью вольница и анархия царили в первые месяцы жизни наших частей. Поле для провокации было самое благодатное.

После боя, о котором я писал, с большим сильным отрядом я прибыл в штаб отряда, оставив свой батальон в нескольких верстах в деревне на отдыхе. Доложил я в штабе, как было дело. Забрался в вагон и не заметил, как уснул.

Разбудил меня какой-то говор, шум... Позже я не раз слышал этот шум, создающийся из перебойных выкриков, шум, производимый недовольной, спровоцированной толпой... Дело было просто—бессарабцам и приднестровцам неясно было, куда они уходят, неясно было, почему они прекращают борьбу за свои деревни...

Я вышел на пути и увидел большую злобную толпу приднестровцев, подогревавшуюся с трибуны провокатором, комбатом Черновым:

„И куда это, товарищи, мы идем, и как это нас обманули и оторвали от берегов наших! Кто это, товарищи, и за сколько они нас продали? звесно хто: нас продал штаб, и итти нам надо спросить, за сколько продал, спросить нашими штыками".

Тогда я мало соображал, как в таких случаях нужно поступать. Видел опасность делу, видел провокацию был молод и горяч, пробрался к трибуне, вскочил на нее, и, когда он окончил, я начал свое.

Смысл моих слов: да, верно, продают нас, но продает не штаб, который ведет нас от опас-

ности, который ведет на организацию красных полков, на то, чтобы неизбежно потом бить врагов наших, а продают Черновы. Служат Черновы эти сознательно, или несознательно, помещику-румыну и немцу, разбивают наше единство, нашу силу.

Говорил, помнится, уверенно и горячо.

Подействовало. Только что все ревели: „Правильно... Пойдем, штыками спросим", одобряли Чернова, а после моей речи кричали опять, одобряли уже меня. Разошлись в хорошем настроении.

Все как бы успокоилось. Но вот вызвал меня кто-то из Одессы к телеграфу по делу... Телеграф был далеко от вагонов, с версту... Не успел я окончить разговор, как распахнулась дверь... Показался Чернов, а за ним взвод, человек 30. Он только рукой ткнул — вот он, взять его, „шпиона". Я и слова не успел выговорить, схватили и на улицу.

В те дни люди были звериные... Попадись им человек, ткни на него кто рукой, а особенно свой командир, убьют, замучают.

Ведут меня по путям. Смертельным боем бьют. Не только те, что ведут, а и те, что сотнями по путям слоняются. Подойдет, развернется справа да как двинет,— клонишься в сторону, падаешь, а другой — слева. Так и припадаешь то на одну, то на другую сторону, а конвойные помогают прикладами. Припадешь от удара, а приклад как ухнет в спину, все в тебе ломается, а идешь...

Били. Кто рукой, кто прикладом. Вели на расстрел. И все довольны были.

Вот он когда попался голубчик, шпион!

Был у нас рабочий-большевик Годунов. Исакием его звали. Расстреляли его немцы в Екатеринославе. Он, как увидел, что ведут меня, бросился вперед, стал кричать:

— Товарищи! Кого же вы, своего же, да еще такого?

Не подействовало. „Смазали" его прикладом, он и сошел с дороги. Сзади только слышался его крик.

Потом кинулся один командир меня спасать, Шмидт, крепкий большевик. Любили они его сильно, но и он ничего не мог сделать... Не так просто отнять у толпы человека, которого она хочет убить. Особенно трудно это было в феврале 1918 года.

И все же отняли. И довольно просто.

Вели меня мимо вагонов... Стоял там наш „Генкварм" Левензон, а рядом с ним командир полка Харченко. Хорошие ребята. Сделали вид, что не узнают меня.

— Кого это вы, товарищи?

— Шпиона.

— Куда?

— На расстрел.

— Как же это так на расстрел без допроса? Его допросить серьезно надо.

— Верно. Правильно,—загудел мой конвой

Я не все понимал. Ввели в вагон и стали допрашивать. Только потом я понял, что спасли.

Вышел командир, сказал, что дело серьезное, так в минуточку кончать нельзя, из „шпиона" все надо высосать. И толпа разошлась.

Тогда только они комедию допроса кончили и к Чернову:

— Как же это, ты, скотина?

А он трус был... Когда за ним батальон, да разжечь его сумеет,—герой, а в одиночку был труслив, предатель...

Так оно обошлось.

Осип я от побоев. Долго грудь ныла. Два дня, пожалуй, пролежал.

Этот случай нехорошо и тяжело подействовал на некоторых. Не были они еще настоящими большевиками. „Как же это так, говорили—за „них" же страдаешь, а от них же и побои терпи, смерть!" Я, хотя и битый, понимал тогда, что мы идем к крепкой Красной армии, что этот путь не гладкая дорожка, знал, что нам встретится еще немало опасностей и преград, которые нужно преодолеть. Так было везде, так было и у нас, с нашими приднестровцами.

Иона Эммануилович Якир
боевой начдив 45, ныне комвойск УВО.

* * *

Мы подошли к Одессе. У нас был приказ от главнокомандующего Муравьева. Смысл его был таков:

— В тыл нам зашли немцы. В Киеве бои с украинской Радой. Связь с центром революции, Питером, утеряна. Приказываю доблестной Особой армии погрузиться в эшелоны и двинуться на Одессу-заставу, Вознесенск и далее на север. Всю артиллерию иметь погруженной на платформах в годном к бою состоянии. При проходе мимо Одессы из всей имеющейся артиллерии открыть огонь по буржуазной и аристократической части города, разрушив таковую и, поддержав в этом деле, наш доблестный героический флот. Нерушимым оставить прекрасный дворец пролетарского городского театра. Я в таком-то часу, такого-то дня отбуду из Одессы в Николаев. Муравьев.

У нас на плечах была голова, и мы прекрасно понимали, что это не борьба, что рядом с бур-

жуем в подвале и на чердаках живет рабочий и бедняк... И понятно, что не только стрелять мы не собирались, но решили во что бы то ни стало помешать этому неправильному делу.

К Одессе в это время подходили заамурцы. Мы отправили к Муравьеву делегацию. Долго она с ним спорила. Требовала отмены приказа, особенно флоту. Мы-то и так не выполнили бы его. Спорила и добилась своего. Приказ Муравьев отменил, но делегатов наших увез,—без звонка, без свистка тихо снялся поезд и пошел на Николаев...

Расстрелял бы он, я думаю, этих дерзких делегатов, сознательных солдат революции, если бы они ему не доказали, что если они не вернутся—погибнут армии. Никто не передаст им приказа двигаться дальше и немцы застигнут.

Остановил Муравьев на полустанке курьерский салонный поезд и отпустил наших делегатов, а они на лошадях, на дрезине добрались до нас.

Может быть никому и неизвестно было, как мы спасли город Одессу от напрасного разрушения, от ненужных потерь...

* * *

Дальше пошли мы на Березовку—Колосовку—Вознесенск.

На станциях грузили снаряды, сахар, хлеб и отправляли в далекий центр... Тогда уже понимали, что голодать там будут, что снаряды все при фронтах погибнут. Упорно грузили и отправляли, специальных комендантов и заведующих погрузкой завели. Много отправили.

Встречали мы отряды разные. Дикие отряды. Они грабили, насильничали... Боролись мы с ними.

Подошли мы к Березовке, а немцы другими путями идут. Нам наперерез. Мы с юга на северо-восток, а они с запада на восток. Мы идем, а они на тылы режут...

Двигались мы. Дрались, с родными своими отрядами встречались...

Встретились мы раз с полком Ставропольским, кажется, назывался. Ночью заамурцы стрельбу услышали и на нее пошли... Было это в районе ст. Долинской. Бой идет. Винтовки залпами кроют, а кто с кем бьется разобрать нельзя.

Под утро только разобрались в чем дело. Оказалось, целый полк с фронта домой шел. В порядке шел. Знамя боевое несли. Полковник вел—хороший командир. Домой шли. Думали чудаки дойти до первого русского города. Там по всем правилам расформироваться и по домам. Ну, а по дороге им то и дело приходилось сталкиваться то с немцами, то с бандитами.

На этот раз у немцев отрядишко был небольшой и только нахальством брал, знал, что не было у нас в то время крепких сколоченных полков. Ставропольский полк, однако, хорошо дрался и сам, пожалуй отбился бы. Ну а с помощью заамурцев и совсем легко справился.

Побили немцев вместе. Потом познакомились и шли уже вместе до конца.

Так мы добрались до Екатеринослава.

Китайцы мои все таяли... Много теряли, но по дороге набирали новых. Приводили опятьраздетых — и в строй.

Зима была лютая, когда мы подошли к Екатеринославу. Заамурцев на их лошаденках прямо таки заносило снегом.

Пришли к Екатеринославу, а там тоже война. Воюют большевики с анархистами. Стрельба в городе по всем улицам. Половина домов продырявлена... Где восстание, где просто драка, а немцы не отстают, наседают.

Откровенно скажу, не понимали мы тогда всей этой обстановки, не уяснили себе: идет война с немцами, или нет. Ежели идет, так почему мы одни деремся, а армии, фронта настоящего не видать. Сами мало видели, мало разбирались в деле и обижались на центр. Не помогал нам штаб подкреплением, все нам самим приходилось драться вдоль железной дороги. Ежели присылали какой-нибудь отряд из губернского или уездного города — не воевал он долго. Или побьют его, или сам уедет.

Вот мы решили отправить в Харьков к Антонову, главнокомандующему тогдашнему, делегацию. Делегация наша потребовала ответа: воюем или нет? Ежели воюем, то где армия. И сообщила, что все в конец выбились из сил, особенно заамурцы, ставропольцы и остальные оставшиеся воевать от царских полков. Делегация заявила, что нам нужен отдых, резерв...

Антонов пояснил, что сейчас и не может быть никакого отдыха, что надо драться... Но потом учел, видно, что может пропасть хорошая, крепкая часть и отдал приказ отправить на отдых в Мариуполь.

Поехали наши. А мне и нескольким другим товарищам приказано было остаться, и из разных отрядов сколотить армию. Назвали ее, кажется третьей.

Ну, мы и остались.

Много было отрядов, годных лишь до первого боя. Был, например, отряд, — „четвертым Мариупольским“ звался, вооружен был до зубов, а в первом же бою побросал все оружие и отступил. Только его и видели.

Екатеринослав немцы заняли. А мы мосты обороняли...

От нашего отряда оставили летучий бронепоезд, одну пушку, пулеметов пару.

Тут у меня обрываются воспоминания так же, как тогда оборвалось сознание. Шарахнул меня на мосту тяжелый снаряд. Шарахнул—и вывел из строя.

В санитарный поезд сдали. Хорошо, что в поезде порядок был, врач хороший и сестер две. Они и отходили, а то обязательно помер бы.

Неделю лежал я в поезде. Сначала ничего не понимал, потом очнулся.

Когда санитарный поезд через Луганск проезжал, где стоял наш отряд, пришли ко мне товарищи, пришли и батальонцы, китайцы... Охали они. Врач им, как я потом узнал, сказал, что дело мое безнадежно. Они попрощались со мной, забрали мои сапоги и все вещи, решив, что больше они мне не нужны.

Поезд дальше двинулся... Где он только ни был. Был и в Рузаевке, и в Пензе, и во многих других пунктах, но нигде раненых и больных не принимали — всюду отвечали, что полно. Он и бродил по путям, сбрасывал то здесь, то там покойников, пока не повернули его на Москву...

До станции Арапово (часов 15 езды от Москвы) допустили, а там—стоп ни вперед, ни назад. Так мы и простояли недели две, а то и больше.

Я только весной всерьез стал поправляться. В поезде я наверное умер бы, если бы не сестра. Жалко ей меня стало — выходила.

На Рузаевке впервые вышел я на солнышке погреться...

На станции стояли эшелоны, украшенные зеленью и цветными бумажками. Эшелоны чехословаков. Вызывающе - нахально они вели себя. Паровозы захватывали, на станции распоряжались, свою администрацию назначали. У них было много эшелонов с имуществом и оружием. Потом они выступили там против Советов. Хорошо, что наш поезд ушел не на восток, а в Москву.

На станции Арапово нас всерьез задержали. Много товарищей мы там с поезда мертвыми сняли. А в других условиях они могли бы выжить... Да что поделаешь! Время было тяжелое. Порядка еще не было...

На этой станции я поправился так, что, хотя и с трудом, на своих ногах в Москву решил пробраться. Проводила меня команда, сестру в помощь до Москвы дали и поехал.

В Москве, говорили, наши украинские эшелоны стоят. Пошел я их искать. На путях случайно наткнулся на наш штабной вагон. Узнал его по приметам... Проводник знакомый страшную историю рассказал. Разбили — говорит — отряд наш до последнего человека, остатки небольшие пришли в Калач... Воронежским поезжай „там подробно узнаешь".

С трудом я в вагон забрался и поехал Калач искать. Смеялись надо мною, инвалидом: „Куды это ты калечь при полном оружии собрался?".

Долго ехали, несколько дней. Добрался до станции Таловой, там своего коменданта встретил, и он меня в Калач направил.

Нашел я там наших, да не всех... Большинство погибло—казаки поубивали. И в том числе почти всех моих китайцев. Во время гражданской войны, если казак ловил китайца — обязательно убивал, да еще издевался...

В Калаче я узнал подробности. В Луганск наших из Мариуполя перебросили. Постояли они там, а немец тут как тут. Много в Луганске отрядов было и пошли они двумя дорогами. Одни на Царицын (Ворошилов повел их), а наши на Север в Советскую Россию, через Дон.

Прошли через Луганск на Луганскую, Миллерово, а там прямой дорожкой по степям донским через казацкие станицы на Калач-Богучар.

Тут с ними несчастье приключилось. Шли тремя колоннами, тут же и китайцы мои. Среднюю Борисевич вел, полковник, что раньше ставропольцами командовал. Справа, верстах в пятнадцати шли заамурцы, а слева бессарабцы и все остальные. Груз по железной дороге шел. Немцы все нажимали. Народ устал, воевать не хотел, не мог. Заключен был с немцами мир...

Под нажимом немецкого кулака из Москвы отправили во все граничащие с Украиной пункты телеграмму о том, чтобы разоружать украинские отряды, проходящие через российскую границу...

Этот приказ и погубил нас. Предательски воспользовались им казаки и предложили нашей средней колонне разоружиться. Борисевич был человек дисциплинированный, отдал он распоряжение сдать оружие, дальше двигаться так... Как только наши стали сдавать оружие, выскочили из деревни два эскадрона и стали рубить обезоруженных, остальных в плен брать. Китайцев почти всех порубили. Борисевич, было кинулся спасать: „Как же так, по честному уговорились, мы приказ выполнили, а вы?"

Не дали и говорить, тут же его честного солдата, к этому времени понявшего уже полностью смысл борьбы за Советы, зарубили ..

Так предательски обошлись казаки с отрядом, долго дравшимся за рабочее дело. Остальные колонны не поддавались, оружия не сдали и после небольшого боя пошли на Богучар, миновав Дон...

На этом дело не кончилось. Прислали казаки своих людей в Богучар, просят начальство выехать к ним, уладить, будто, какие-то недоразумения с солдатами. А сведений о гибели колонны у наших не было. Думали—спор о поставке продовольствия. Поехали. Поехал Командующий Венедиктов, представитель суда Меерсон и еще кто-то. По приезде их сейчас же связали и отправили в Новочеркасск. А там повесили, по военно-полевому суду, как злостных большевиков. Так вторично „подковали" наших казаки станиц Вешанской, Мигулинской...

Разбитый, без командира и многих лучших товарищей, пришел отряд в Бачур-Калач и там остановился на отдых. А оттуда пошел на Воронеж через Лиски.

В Лисках такой случай был. Стояла там на узловой станции ликвидационная комиссия, ликвидировала остатки украинских армий. Ну, и нас ликвидировать хотела.

А мы, как только вышли, сейчас же все, что было способно к бою, на границах поставили: Заамурский 5-й полк на Евстратовку, а тылы пошли в Воронеж.

Ликвидационная комиссия не пускает. Предлагает сдать деньги, оружие, имущество. Деньги и отчетность мы охотно сдали, а вот оружие никак не хотели. Никак упросить, уговорить не могли: сдавай, да и только. Приказ такой...

И до сих пор понять трудно, почему не хотели нас пустить в Воронеж и положить в основу какого-нибудь формирования.

Выручил нас случай. Тут же на станции комиссия хотела разоружить один из отрядов Сиверса. Звался он Загаринским и командовал им Загарин. У комиссии маленькая команда и комендант, а у Загарина тысяча бойцов. Вот он и разоружил комиссию, арестовал и продержал, покуда она не разрешила ему отправиться. А мы тоже потихоньку заодно отправились на Воронеж.

Прибыли на станцию—штабной эшелон и при нем полурота китайцев (они все в эшелоне шли, потому и выжили) пара эшелонов с остатками бессарабцев и пришедшие на ремонт два бронепоезда.

Вечером в штаб наш пришли товарищи из местного Совета и стали щупать, что за народ: бандиты или свои. Хорошее, видно, впечатление произвели, потому что они нам рассказали, что в городе готовится восстание против советов, что восстанием заворачивает курземский латыш-

ский полк, вернее, его офицера, что в казармах ведется бешеная агитация против большевиков, против Совета.

Спросили — как мы. Надеемся ли на своих и поддержим ли Воронежский Совет. Мы конечно, обещали сделать все, что в наших силах. Подготовили свои „остатки"... Сгрузили в броневые машины. Пушки броневиков направили на загородный район, на казармы курземцев... Подготовили все и поехали в их штаб.

Мы под'ехали к штабу Курземского полка, примерно, в половине двенадцатого, т. е. за полчаса до предполагавшегося восстания. Не застали там никого. Направились в казармы. Не успел экипаж и за ним конные тронуться, как сверху была брошена бомба, не причинившая, правда, никому вреда. Задержаться у штаба, выяснить кто „пошутил" не было времени, ибо можно было упустить главное.. Воронежские товарищи торопили.

Уже квартала за два до казарм нам стали попадаться одиночки и группы вооруженных. Они ждали только сигнала. Казарменный двор был полон самого разношерстного народу—тут были и солдаты, и просто подозрительные типы, подбивавшие на грязное дело.

Наш начальник штаба с командиром одного из бронепоездов приехал на тачанке, а мы, человека четыре, верхами. Мы остались внизу, а Начальник штаба с командиром бронепоезда поднялись наверх в помещение, где шло собрание представителей гарнизона, приглашенных провокаторами. Собрание должно было решить, в какое именно время выступить.

Хорошо работали предатели. Оказалось, что помимо нас и без нашего ведома, в зале между другими „делегатами" были и по три представителя от наших частей: от бронепоездов, бронеотрядов, заамурцев и даже от остатка китайцев... Большое казарменное помещение гудело. Шло обсуждение вопроса о том, как произвести выступление и разгром партийной организации, Чека и Совета. Как всегда бывает в таких случаях, намечался и еврейский погром...

Нашего возницу окружило человек двадцать с расспросами,—кого привез? К нам, одетым заамурцами, тоже приставали. Все мы были в зимних шинелях, с заломленными папахами, с карабинами за плечами, при шашках, на маленьких заамурских лошадках и походили на истых сибирских казаков, знавших большие и трудные переходы.

Возле казарм раз'езжало несколько конных в гражданском платье. Это была какая то местная охрана или самооборона. Один из них осторожно под'ехал к нам и стал расспрашивать одного из нас, тов. Федоренко, кто мы и для чего прибыли.

Тов. Федоренко умышленно во весь голос, чтобы слышали окружающие курземцы, ответил, что мы заамурцы, что прибыли после боев, после тяжелых поражений и необычайных побед...

На вопрос—знаем ли мы, что сегодня курземцы хотят бить Совет, большевиков и евреев, Федоренко залихватски приплюснул папаху и еще громче заревел, что мы сражались, помирали из-за каждого аршина советской земли и не позволим против наших рабочих и солдатских Советов выступать.

Он кричал, что нас моя, тысячи, наши полки под боком, и мы всех бунтовщиков „порубаем".

Этот крик подействовал на окружающих и они начали втихомолку судачить о том, что мы, пожалуй, можем помешать...

В это время в зале разыгрывалась такая сцена: на председательском месте молодой офицер, с растрепанными волосами в солдатской шинели, с прислоненной к столу винтовкой всячески подделывался под „народ", толкая толпу на провокацию и предательство против Советской власти... Представитель Совета, губернский комиссар, несколько раз пытался выступить, образумить, удержать от преступного шага. Но как только он начинал говорить—подымался крик и нельзя было вымолвить ни слова. Нашему Начальнику штаба председатель тоже не хотел дать слова—боялся—что в сомнение народ введет.

Однако пришлось дать. Наши представители, человек сорок, потребовали. Они все встали и от их имени выступил командир бронепоезда: „Мы—заявил он,—столько то поездов, бронепоездов, батарей, рот, эскадронов, входили в Особую армию Румынского фронта и требуем, чтобы нашему Начальнику было дано слово". Прибрехнул он здорово эскадронов и рот прикинул для устрашения...

Дали слово нашему начальнику штаба и стал он речь держать. „Особая армия—говорил он — пешком с берегов Дуная пришла, с румынами, немцами, бандитами, казаками и еще с многими дралась. Дралась, дороги трупами своих солдат-товарищей усеивала. Дрались, Советскую власть и советскую землю отстаивали. Пришли измученные, истомленные в Советскую Россию и что здесь находим? Находим вас, тыловиков, от'евшихся, на провокацию поддавшихся и стоящих на границе непоправимого несчастья"...

В это время один наш конник вошел и нарочно, чтоб увидели все, какая у нас дисциплина, толпу растолкал, шпорами звякнул и рявкнул: „А нам, товарищ начальник, как прикажете, ждать?" Начальник штаба, быстро смекнув, что тот хочет подействовать на толпу, сердито бросил ему: „Внизу ведь, приказал ждать!" Тот повернулся на каблуках, гаркнул „слушаюсь" и, звеня шпорами, пошел вниз на улицу...

А начштаба продолжал:

„У нас — говорит — части тут подле казарм ваших подведены, 12 пушек с бронепоездов на казармы наведены, броневые машины по углам расставлены, кавалерия под городом. И только, вы, предатели, посмеете против власти нашей что сделать, мы вас вдребезги разделаем"...

Это все сильно подействовало на собравшихся. Не удалось предателям поднять их. Загудели: „Как же это бои—война промеж своих солдат?" И решили не выступать.

Так мы, совершенно случайно, помогли воронежским товарищам предупредить восстание. Офицеров на следующий день арестовали, суду предали. Рады были воронежцы, что мы прибыли во время, а то бы худо было...

„ШКОЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ ПРОХОДИТ ДЛЯ НАРОДА ДАРОМ. ЭТО—ТЯЖЕЛАЯ ШКОЛА, И ПОЛНЫЙ КУРС ЕЕ НЕИЗБЕЖНО СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ПОБЕДЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ, РАЗГУЛ ОЗЛОБЛЕННЫХ РЕАКЦИОНЕРОВ, ДИКИЕ РАСПРАВЫ СТАРОЙ ВЛАСТИ НАД МЯТЕЖНИКАМИ И Т. Д. НО ТОЛЬКО ОТ'ЯВЛЕННЫЕ ПЕДАНТЫ И ВЫЖИВШИЕ ИЗ УМА МУМИИ МОГУТ ПЛАКАТЬСЯ ПО ПОВОДУ ПОСТУПЛЕНИЯ НАРОДОВ В ЭТУ МУЧИТЕЛЬНУЮ ШКОЛУ; ЭТА ШКОЛА УЧИТ УГНЕТЕННЫЕ КЛАССЫ ВЕДЕНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, УЧИТ ПОБЕДОНОСНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, КОНЦЕНТРИРУЕТ В МАССАХ СОВРЕМЕННЫХ РАБОВ ТУ НЕНАВИСТЬ, КОТОРУЮ ВЕЧНО ТАЯТ ПРО СЕБЯ РАБЫ, ЗАБИТЫЕ, ТУПЫЕ, НЕВЕЖЕСТВЕННЫЕ, И КОТОРАЯ ВЕДЕТ К ВЕЛИЧАЙШИМ ИСТОРИЧЕСКИМ ПОДВИГАМ РАБОВ, СОЗНАВШИХ ПОЗОР СВОЕГО РАБСТВА".

(ЛЕНИН—том XI, стр 9?).

„ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА ЕСТЬ НЕИЗБЕЖНАЯ ФОРМА БОРЬБЫ В ТАКОЕ ВРЕМЯ, КОГДА МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ УЖЕ ДОШЛО НА ДЕЛЕ ДО ВОССТАНИЯ, И КОГДА НАСТУПАЮТ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ КРУПНЫЕ ПРОМЕЖУТКИ МЕЖДУ „БОЛЬШИМИ СРАЖЕНИЯМИ" В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ". (ЛЕНИН—том VII, 2, стр. 82).

БОРЬБА КРАСНЫХ ПАРТИЗАН.

Эти очерки рисуют отдельные кусочки партизанского движения, отдельные моменты борьбы красных партизан с иностранной и отечественной контр-революцией. Эти очерки рассказывают, как трудно было коммунистической партии, представленной тогда подпольными большевистскими комитетами, вести за собой, вооружая и воспитывая „на ходу" трудящуюся крестьянскую массу. Эти очерки показывают классовое лицо тех, кто в темную ночь гетманского и петлюровского разгула поднял знамя восстания против помещика, против кулака, как эту решимость, отвагу и смелость красные партизаны донесли потом до июньских дней 1919 года, когда было положено основание 45 дивизии...

Ю. ЯКОВЕНКО.

Партизанские отряды, положившие основание 45 дивизии.

Появление первых *красных* партизанских отрядов в районе будущего формирования 45-й дивизии можно отнести ко второй половине 1918 года т. е. к тому периоду, когда у власти на Украине стояла кровавая гетманщина Скоропадского.

Но прежде, чем познакомить читателя с классовым характером партизанского движения, его лозунгами и т. п., скажем несколько слов о самом районе, где действовали эти партизанские отряды.

Характеристика района действий партизанских отрядов.

Районом действий красных партизанских отрядов — был юг Правобережья Украины, а именно некоторые уезды бывшей Херсонской губ. (например Ананьевский, Елисаветградский и т. п.), Одесщина (Тилигулло-Березань), Приднестровье — сегодняшняя АМССР, начиная с самых почти южных участков, (Маяки-Плоское) и кончая самыми северными, и, наконец, отдельные районы Могилев-Подольщины и Ямпольщины.

Эти районы, за исключением Могилев-Подольщины, относятся к так называемой степи Украины. Земля здесь хорошая, плодородная, и лишь периодические засухи наносят урон земледельческому труду. Земельный надел на душу здесь на юге Украины до Октябрьской революции (да и сейчас) выше, чем например в аграрно перенаселенных участках северной части Украины. Но освоение земли возможно было, понятно, не для бедноты, которая или не имела совсем, или же имела слабый мертвый и живой инвентарь. Население Приднестровья, кроме хлебопашества, занимается еще и садоводством, огородничеством и виноделием.

До Октябрьской революции этот край, в отличие, например, от северной части Украины, где как известно, более типичным являлось мелкое имение, был районом, для которого более характерным было существование сравнительно небольшого количества, но зато крупных, ведущихся с применением всех последних достижений сельско-хоз. техники, имений. Культурнее, многочисленнее и богаче в этом районе и кулак. Он, этот кулак, украинский, немецкий, отчасти напоминал фермера, не только внешним видом своего двора (железная и черепичная крыша, палисадник у ворот и т. п.), но и большей насыщенностью живым и мертвым инвентарем, большими кусками хорошей земли, более культурным ведением своего хозяйства. Вполне естественно, что зависимость бедноты здесь от такого более мощного кулака, чем, например, в северной части Украины, не говоря уже о России, была бо́льшая. Наконец, сюда на Херсонщину, Одесщину, как известно устремлялось „на заробітки" батрачество не только аграрно-перенаселенных участков Украины, но и России, и здесь процент пришлого батрачества, принявшего впоследствии участие в гражданской войне, был довольно высок.

Таким образом, здесь мы имели классический пример развития капитализма в сельском хозяйстве, утверждавшего твердой рукой хлебные фабрики-имения, укреплявшего кулака и в то же время разорявшего огромные середняцкие массы, пролетаризовавшего их в угоду своего кошелька.

Такое развитие экономики этих районов, прилегающих к Черноморским портам, вполне об'яснимо. Именно, с того момента, когда династия Романовых прочно утвердилась в этих районах и Россия стала превращаться все больше в ми-

ровую фабрику зерна, спрос на хлеб рос колоссальным темпом. Районы, близко расположенные к портам, имея прекрасные природные условия, должны были этот спрос удовлетворить. Здесь, в этих районах, острее чувствовались классовые противоречия и тяжелее была поступь помещичекапиталистического сапога. Ко всему этому необходимо еще добавить, что население, например, сегодняшней АМССР, в особенности молдаванское, было придавлено не только экономически, но и национально. Молдаванское население жило бедно, соединяя хлебопашество с различными подсобными занятиями (рыболовство, виноградарство), при чем беднота, имея клочки виноградных плантаций, естественно не могла конкурировать и здесь с кулаком, виноградарем-садоводом — молдаванином-ли, украинцем, или немцем.

Эти крестьянские сельско-хозяйственные районы находились, к тому же, так сказать, в некотором рабочем окружении; рукой подать к таким городам, как Николаев, Одесса, Херсон, из которых Николаев, например, являлся (и является до сих пор) городом тяжелой индустрии. Это необходимо сейчас подчеркнуть, ибо рабочий класс этих городов сумел в славные дни гражданской войны организовать крестьянскую массу для борьбы с контр-революцией.

Такова социально-экономическая характеристика районов формирования 45-й дивизии.

Группа красных партизан с. Ярышева, Могилевского округа, вошедших в 1919 году в состав 45 дивизии. В центре т. Чебан, организатор партиз. отряда.

Причины партизанского движения.

Октябрьская революция докатилась в эти районы с некоторым опозданием. Первый приход Советской власти здесь надо отнести лишь к январю—февралю 1918 года. Классовые противоречия, до сих пор скрытые за формой внешнего благополучия, спокойствия и послушания крестьянских масс помещику и кулаку, сейчас получили свое яркое выражение в стихийном движении масс за власть, за землю. Правда пребывание Советской власти здесь было довольно краткое[1], но все же достаточное для того, чтобы крестьянство, вопреки и против воли эсеровских и различного типа петлюровских болтунов, успело отобрать у помещиков землю, хлеб и инвентарь. Для бедноты это кратковременное пребывание Советской власти в этих районах запечатлелось в памяти довольно яркой отметкой. Беднота успела понять и усвоить, что именно Советская власть есть ее власть, которая несет освобождение всем трудящимся и поэтому, естественно, трудовое крестьянство и прежде всего беднота в ближайшие месяцы под руководством большевистских подпольных комитетов развернула борьбу с оружием в руках против тех, кто пытался отнять у крестьянства первые завоевания Октябрьской революции.

Появление партизанских отрядов в районе формирования 45-й дивизии больше всего падает на тот период, когда гетманщина была сброшена, а петлюровщина пыталась утвердиться, т. е. на время — декабрь 1918 года и январь февраль 1919 года.

Приход гетманщины — этой власти русских монархистов и заядлых матерых украинских зубров - помещиков, как известно принес кнут-нагайку, жестокие расправы трудовому крестьянству и рабочему классу. По Украине раз'езжали карательные отряды и отбирали взятый у помещика инвентарь, землю, имущество и т. п. Немецкие генералы вывозили из Украины хлеб, сало, сахар. Украинское крестьянство стало таким образом об'ектом империалистического грабежа.

И вот против гетманщины, против немецкого империализма и поднялись Могилев-Подольские, Тилигулло - Березанские партизаны. Количество бойцов, например, на Могилев-Подольщине росло сказочным темпом. „За два месяца, — пишет тов. Чебан—мы успели завербовать на Могилев-Подольщине и Ямпольщине 12 тысяч бойцов". Не только здесь, но и по всей Украине в борьбу против гетмана были втянуты огромные массы крестьян, в первую очередь, бедноты.

Как известно, во главе этого крестьянского движения на Украине сумела на некоторое время стать петлюровщина. Мы должны, однако, отметить, что во главе партизанских отрядов, поднявшихся против гетмана и потом вошедших в состав 45-й дивизии, стояли не петлюровцы, а рабочие-большевики. Эти отряды боролись с гетманщиной, а затем, после ее свержения, продолжали борьбу с петлюровщиной. Это была, так сказать, *красная ветвь* в партизанском движении на Украине

[1] „Не успел избранный в феврале 1918 года, пишут Анатольевские и Тилигулло-Березанские партизаны, — районный Анатольевский Совет Одесского округа стать на твердые ноги, как властью на Украине овладела Центральная рада во главе с Голубовичем и Левицким, а затем ее сменил гетман". Так было и в других районах этого края.

в те дни[1]. Красные партизанские отряды действовали наряду с партизанскими отрядами, петлюровского толка в борьбе с гетманщиной, а потом боролись и с этими петлюровскими отрядами, которые нового принесли крестьянству лишь разве то, что гетманскую нагайку сменил петлюровский шомпол. Рабочий-большевик Потриваев, организатор Тилигулло-Березанцев, большевик Дьячишин и ряд других товарищей революционеров стойких самоотверженных, действовавших по указаниям Одесского и Подольского партийных комитетов, — эти фигуры ничего общего с петлюровскими атаманами не имели.

Лихолат — один из активных партизан Тилигулло-Березанск. отряда.

Мы сказали уже выше, что большинство отрядов, положивших основу 45-й дивизии (Балтские, Херсонские, Плосковские партизаны и т. п.), родились в период декабря 1918, февраля 1919 года, т. е. в тот период, когда, как пишет тов. Богун „на селах приход Петлюры может быть охарактеризован, как безвластие и произвол, в городах же это ознаменовалось передачей власти так называемым „городским самоуправлениям". Настроение трудовых крестьянских масс может быть охарактеризовано, как неудовлетворенность петлюровской властью, медлившей с вопросом о земле, да и не могущей *в силу своей кулацкой природы по революционному* решить земельный вопрос. Крестьянство хотело получить землю, петлюровцы ее не давали, оттягивая до так называемого, трудового конгресса рад, (что то похожее на учредительное украинское собрание). Большевики использовали это положение, тем более, что петлюровщина продолжала кровавые традиции гетманщины, защищая собственность помещиков и кулаков. Петлюровцев к тому же поддерживали французские войска. Так например Тираспольским и Плосковским партизанам, пришлось бороться не только с петлюровцами, но и с поддерживавшими их французскими войсками. Это еще больше компрометировало петлюровщину в глазах трудовых масс крестьянства.

В борьбе с петлюровщиной выковались также и партизанские отряды бессарабцев, перешедшие в январе 1919 года Днестр, после неудачного Хотинского восстания в Бессарабии против румынских бояр. Эти отряды, в своем преобладающем большинстве состоявшие из украинской бедноты Бессарабии, должны были, как пишет в своих воспоминаниях в настоящей книге тов. Красный „и свое убежище превратить в театр военных действий и все свои силы направить на борьбу с украинской и генеральской контр-революцией". Бессарабские партизаны, собственно говоря, попали из огня в полымя: румынского боярина здесь сменил украинский кулак и деникинский помещик, которые готовы были разгромить эти революционные баталионы. Бессарабские партизаны рука об руку с Херсонскими, Плосковскими, Ананьевскими, Могилев-Подольскими, Тилигулло-Березанскими партизанами боролись за Советскую власть, в то же время производя налеты на правый берег Днестра — на румын.

В движении красных партизанских отрядов, составивших фундамент 45-й дивизии, как нельзя лучше переплелась борьба украинских, бессарабских, молдаванских партизан против русского, украинского, немецкого, французского, румынского помещика, кулака и буржуя.

Интернациональный пролетарский фронт, против фронта *интернациональной контр-революции.*

Военные действия партизан.

Военные действия партизан носили характер смелых, инициативных налетов, внезапных, решительных, тяжелых по своим ударам. Вполне понятно, что эта тактика включала в себе и военную хитрость, примерами которой вообще очень богата история 45-й дивизии. Наступательность, смелость, инициативность характеризовали жизненность этого движения-восстания трудящихся масс, долженствовавших утвердить диктатуру пролетариата на смену мелко-буржуазной кулацкой петлюровщине и явно открыто буржуазно-помещичьей диктатуре Деникина.

Смелость налетов партизанских отрядов была поистине изумительна. В особенности дерзки были налеты небольших группок партизан на румынские войска, располагавшиеся на правом берегу Днестра. Смелы, маневренно-подвижны были налеты и Могилев-Подольских партизан, практиковавших, как пишет тов. Чебан в настоящей книге, „налеты на карательные, гетманские отряды в тот момент, когда те во главе с помещиком устраивали суд и расправу в селе, отбирая взятый у помещиков крестьянами скот, хлеб и т. п." Такими же качествами отличались плосковцы, громившие румын, бригада тов. Богуна, Тилигулло - Березанцы, давшие хороший урок не только деникинцам, но и французским офицерам и греко-зуавам и другим.

Н. И. Панченко — первый командир Тилигулло-Березанского отряда, командир 403-го стр. полка при отступл. южной группы и на деникинск. фронте.

В общем военная тактика партизанских отрядов включала в себе *внезапность налета, быструю маневренную подвижность, умение на случай неудачи на время „испариться"—уйти в подполье,* для того, чтобы снова через короткое время появиться грозной силой. Надо сказать, не преувеличивая, что свои военные успехи партизаны одерживали при явном несоответствии сил: —

[1] Конечно, не только Могилев-Подольские и Тилигулло-Березанские партизаны составляли эту красную ветвь. Сюда должны быть отнесены и партизанские отряды Таращи, отряды на Черниговщине и др., давшие начало ряду красных советских дивизий.

противник всегда был многочисленнее. Были и неудачи (например неудача у Тилигулло-Березанцев 10 марта 1919 года), когда в отряд пролезли кулацкие сынки, неудача у Могилев-Подольских партизан (14—15 января 1919 года и т. п.), но эти неудачи не гасили революционного пыла ни красных партизан, ни их железных большевистских руководителей. Партизанскими отрядами были „разыграны" сравнительно большие операции. Так считаем необходимым отметить:

Балтские партизаны на Первомайском празднестве в Рыбнице в 1919 году.

1) Разгром Могилев-Подольскими партизанами 10 петлюровского корпуса 10 марта 1919 года.

2) Серьезная операция тех же партизан по ликвидации восстания полковника Григоренко.

3) Разгром бригадой Богуна в апреле месяце 1919 года петлюровской 24 „окремої дивізії" генерала Вишневського. Тогда, партизанам удалось задержать большие грузы, предназначавшиеся петлюровцами для отправки в Бессарабию, а также загнать и утопить в водах Днестра петлюровскую кавалерию более 1000 всадников.

4) Занятие Балты, а затем и Рыбницы отрядами тов. Дьячишина вместе с Тридубскими партизанами, и т. п.

Каков был командный состав в этих партизанских отрядах? В основном это были командиры из бывших унтер-офицеров старой армии, бедняки по социальному положению, батраки, уже успевшие в период пребывания на империалистическом фронте услышать слово правды о большевиках. Конечно, они не обладали военными знаниями, достаточными для руководства большими соединениями, и учились военному делу, собственно говоря „на ходу", в боях. Среди командного состава были отдельные представители низшего офицерства царской армии. Еще слабее была военная подготовка самих рядовых партизан. Тов. Колесников, например, в своих воспоминаниях в настоящей книге рассказывает о том, что работе с пулеметом партизан учили румыны, взятые отрядом в плен. Слабая военная подготовка партизан была и в отрядах бессарабцев.

Дисциплина в партизанских отрядах была не особенно высокая. Бессарабцы, составлявшие огромный массив в партизанских отрядах, отличались наибольшей дисциплиной. Тов. Красный в своих воспоминаниях об'ясняет это таким образом: „Оторванность от родины... ставила бессарабских партизан особняком от других партизанских отрядов. В то время, как например, украинские партизаны могли каждую минуту уйти из под удара врага, рассосавшись и укрывшись по своим деревням, бессарабцы этого сделать не могли. В силу этого, в Бессарабских партизанских отрядах создалась наиболее крепкая дисциплина и спаянность. Стойкость, отвага и дисциплинированность Бессарабских партизан создали им у врагов славу „отчаянных большевиков"... Этой стойкостью, отвагой и дисциплинированностью бессарабские партизаны, как бы невольно заражали своих братьев по классу — украинских партизан.

Таков был в военном отношении человеческий материал, боровшийся в партизанских отрядах против контр-революции.

Наконец, мы хотели бы остановиться еще на одном вопросе.

Откуда партизаны брали оружие и продовольствие? Во первых так сказать „основным капиталом" явились винтовки, пулеметы, привезенные солдатами еще с империалистической войны, к тому же, поскольку этот район (Тирасполь, в частности) был в некоторой степени военной базой старой царской армии для румынского фронта, возможность запастись оружием была здесь, так сказать, выше средней. Наконец, отряды, доставали себе оружие, отнимая его у разбитого противника. Некоторую помощь оружием оказывали и рабочие городов. Так, например, Тилигулло-Березанцы получили от рабочих г. Николаева пушку, правда, без панорамы, но все же пригодившуюся потом партизанам.

Сечко Т.—партизан, политработник Мог.-п. партизан отряда, впоследств. 399 п. Расстрелян петлюров. в 1919 г.

Продовольствием партизан снабжали крестьяне сел, освобожденных партизанскими отрядами то ли от гетманского, то ли от петлюровского засилья.

Такова была, мы бы сказали, материальная база партизанских отрядов.

Большевистские подпольные комитеты—организаторы и руководители красных партизанских отрядов.

Борьба красных партизанских отрядов в районе будущего комплектования 45-й дивизии, в период с конца 1918 и начала 1919 г. г. принесла огромную пользу Красной армии, наступавшей с севера. Красные партизанские отряды по существу дезорганизовывали тыл петлюровской и белогвардейской контр-революции. Больше того, они устанавливали даже на известное время Советские островки, опорные пункты советской власти в борьбе с мелко-буржуазной, кулацкой стихией и помещиче-буржуазной контр-революцией. Эти партизанские отряды представляли из себя красную ветвь в партизанском движении на Украине конца 1918—начала 1919 г.г.

Это об'ясняется рядом обстоятельств: *во первых* в этих партизанских отрядах мы имели значительное преобладание бедноты, *во вторых*, руководителями этих отрядов, их организаторами были подпольные большевистские комитеты, придавшие этим отрядам советский облик и *в третьих* советской ориентации отрядов, рождавшихся в этом районе, надо быть обязанным бессарабским партизанам, очутившимся после своего неудачного восстания на левом берегу Днестра. Бессарабские партизаны уже с первых дней своего пребывания здесь, заняли позицию борьбы и против деникинцев и против петлюровцев. Несомненно, что наличие бессарабских, партизанских отрядов в этих районах было также одной из причин, способствовавших появлению и укреплению *красных*, партизанских отрядов.

Рабочие-большевики организовывали и сплачивали партизанские отряды. Среди руководителей отрядов были и левые эсеры, работавшие в контакте с советской властью, их также большевистски воспитывали, ведя за собой, но не плетясь за ними в хвосте, подпольные большевистские комитеты. Правда и в этих партизанских отрядах мы имели иногда, даже в командном составе совершено чуждый большевизму элемент. Но не эти одиночки задавали тон. Не они делали погоду. Сердцем движения все же являлась большевистская партия.

Вот почему, между прочим, эти партизаны, потом влившиеся в 45-ю дивизию, смогли устоять против разлагающего яда петлюровщины и махновщины, смогли быть теми боевыми кадрами, опираясь на которые, Реввоенсовет Южной Группы, партийная организация смогли вывести тысячные массы из кольца.

Вот почему на всем протяжении гражданской войны красные партизаны, численно представлявшие в полках, может быть и небольшие группки, растворявшиеся в многочисленных пополнениях, придавали советское лицо 45-й дивизии, заражали рядовую необстрелянную массу боевым энтузиазмом, героическим служением делу пролетарской революции.

Партизанский период в истории нашей дивизии должен занять, и он занимает, по справедливости, одно из почетных мест, ибо в эти тяжелые дни гетманского и петлюровского разгула была заложена основа-фундамент, на котором было построено потом славное, боевое здание, надежное оружие в руках высшего командования и Советской власти на различных фронтах в борьбе с контр-революцией, *славная 45-я Краснознаменная дивизия*.

А. КРАСНЫЙ.

Бессарабские партизаны.

Широкое участие бессарабцев в революционном партизанском движении на Украине началось с января-февраля 1919 г., с момента ликвидации Хотинского восстания (на севере Бессарабии).

Было бы, однако, ошибочным думать, что Хотинское восстание послужило главным толчком к организации бессарабских партизанских отрядов, впоследствии слившихся с красноармейскими частями 45 дивизии. Основной причиной было сложившееся к тому времени на Украине экономическое и политическое положение, настойчиво выдвигавшее на первый план активную борьбу с отечественной контр-революцией. Хотинское восстание (как и вообще борьба за освобождение Бессарабии) сыграло в данном случае лишь роль организатора и связующего элемента для бессарабских партизан. Достаточным доказательством этому является тот факт, что бессарабским партизанам меньше всего пришлось вести борьбу против своего „непосредственного" врага—румынских захватчиков и больше всего — против Петлюры и Деникина.

После подавления Хотинского восстания в Бессарабии начался безудержный разгул трусливой и мстительной румынской военщины, беспощадно расправлявшейся с захваченными крестьянами-повстанцами, их семьями, близкими, родными, друзьями и даже просто заподозренными в сочувствии повстанцам. Пылающие села и тысячи убитых и зверски замученных крестьян должны были быть искупительной жертвой за смелость повстанцев, дерзнувших с оружием в руках воспротивиться наглому захвату румынами Бессарабии и защищаться от грабежа и насилия.

Бешеный террор румынских усмирителей вынудил около 50 тысяч хотинских крестьян бежать на территорию Подолии.

В то время на Правобережьи Украины хозяйничали удалые „хлопцы" идеолога „вільної и незалежної"—„пана-добродія" Симона Петлюры.

Хотинские беженцы не возлагали на Петлюру никаких надежд. Обманутые петлюровскими властями еще во время восстания (в начале восстания петлюровский штаб обещал повстанцам свою поддержку, но в решительный момент отказал им в помощи), они искали на Украине лишь убежища, чтобы спастись от расправы румынских палачей.

Но петлюровская администрация смотрела на хотинских повстанцев, как на „подходящее" пушечное мясо для борьбы с большевиками. Теснимый

наступавшими красными войсками, занявшими к тому времени всю Левобережную Украину, Петлюра решил использовать хотинцев в качестве пополнения для своей порядком потрепанной и дезорганизованной армии. Этим маневром петлюровское командование надеялось сразу убить трех зайцев: 1) усилить свою армию и восстановить ее боеспособность, 2) „взять в руки“ многотысячную массу хотинских повстанцев, в которых петлюровская директория, хоть и не видела настоящих большевиков, но все же считала „подозрительными по большевизму“ и 3) дать выход накопившейся злобе повстанцев, бросив их против „общего врага“ — большевиков.

Петлюровские надежды, однако, не сбылись.

Повстанцы не могли забыть подлой измены Петлюры, приведшей к быстрому разгрому восстания. Предательство петлюровского штаба воочию доказало повстанцам, что с Петлюрой „бессарабской каши не сваришь“ и что нечего рассчитывать с помощью Петлюры освободить Бессарабию от румын. Кроме того, задачи и цели революционных повстанцев совершенно не совпадали с кулацко-петлюровскими.

С другой стороны, все акты Советской власти по румынской оккупации убеждали повстанцев в том, что только при помощи Советов можно надеяться вернуться в родные села. Недаром повстанцы радовались приближению красных войск к берегам Днестра. Перед взорами хотинских повстанцев Красная армия вставала, как единственная в мире сила, могущая оказать действительную реальную помощь в деле освобождения Бессарабии. Все симпатии повстанцев были на стороне тех, против кого их пытались направить петлюровцы.

Хотинцы категорически отказались пойти в петлюровскую армию и выступить против советских войск. В этом отказе петлюровские власти усмотрели результат большевистской пропаганды и приняли решительные меры к искоренению „большевистской заразы“ среди повстанцев. Несколько вожаков повстанцев было арестовано, некоторые были убиты. Звериная классовая рожа петлюровщины выявилась перед повстанцами во всей ее неприглядности. Однако, это не повлияло на хотинцев в желательном для петлюровцев смысле. Напротив того, аресты и убийства повстанческих вождей окончательно разделили бессарабских повстанцев и петлюровцев на два непримиримых лагеря. С этого момента начинаются активные партизанские действия хотинских повстанцев в петлюровском тылу.

Приблизительно в это же время и в других районах Приднестровья организуются смешанные партизанские отряды бессарабцев и жителей прибрежных сел Одесщины для борьбы с Деникиным. В эти отряды вступали сотни эмигрантов и беженцев из Бессарабии, вынужденных бросить родные места вследствие неслыханного террора румынских „победителей“.

Вырвавшись из румынского ада, эти беженцы попадали в петлюровское пекло. Круг как-будто замыкался. Но боевая революционная энергия беженцев-бессарабцев настойчиво искала выхода. И наиболее активные уходили в партизанские отряды, чтобы своей „тыловой“ помощью Красной армии ускорить разгром контрреволюции.

Выше мы уже указывали, что основной причиной возникновения и развития бессарабского партизанского движения было политическое и экономическое положение в той части Украины, где хозяйничали белые. Разумеется, это об'ясняется социальным составом бессарабской эмиграции.

Главная масса бессарабских эмигрантов состояла из бедняков-крестьян и батраков (хотинские повстанцы) и рабочих, трудовых интеллигентов и отчасти ремесленников (преимущественно из городов Бессарабии, в особенности из Кишинева и Бендер). Это были представители передовой части трудящегося населения Бессарабии, которые ни при каких условиях не могли примириться с потерей всех завоеваний Октябрьской революции, отнятых румынскими оккупантами. Выжидательному положению в Бессарабии они предпочли эмиграцию, как средство к собиранию сил для дальнейшей активной борьбы. Но обстановка на тогдашней Украине была такова, что им пришлось самое убежище свое превратить в театр военных действий и все свои силы направить на борьбу с украинской и генеральской контр-революцией.

Мы уже говорили, что хотинские повстанцы в подавляющем большинстве представляли беднацкую часть крестьянства Хотинского уезда. Притом, они почти поголовно были украинцами.

Между тем, при Петлюре жизнь беднейшего крестьянства Украины была ничем не лучше, чем при гетмане Скоропадском. То же экономическое и политическое угнетение, то же пренебрежение

Группа красных партизан, участников Бессарабского восстания, влившихся в 45 дивизию. В центре т. Чебан, организатор партиз. отряда на Могилевщине, член партии с 1918 года, рядом с т. Чебаном в военной форме—т. Левицкий, сейчас председатель Ободовской коммуны Тульчинского округа

к нуждам бедняков и т. д. Экономически-сильное кулачество, больше всего опасавшееся большевистских настроений, добровольно выполняло жандармские обязанности и буквально терроризировало сельскую бедноту и середнячество. Кулаки активно помогали проводить петлюровские мобилизации, силой заставляли бедняков итти в петлюровскую армию. Малейшее проявление бедняком-крестьянином недовольства квалифицировалось как большевизм и соответствующим образом „искоренялось". Помещичьи земли, с.-х. инвентарь и все прочее, переданное в результате Октябрьской революции крестьянам и вновь отобранное у них при гетмане и австро-германской оккупации, при Петлюре осталось у тех же помещиков. Никаких изменений не произошло. Крестьянам о земле нечего было и думать.

Петлюровская власть чрезвычайно благоволила к кулакам, справедливо видя в них свою опору. Кулак благоденствовал. Вилообразная трезубая эмблема петлюровской власти своим острием была направлена против бедноты, той самой бедноты, которая своим вооруженным восстанием осенью 1918 г. помогла Петлюре свергнуть гетманскую власть.

Соответственное положение было и в городах Украины. Рабочие и трудовая революционно-настроенная интеллигенция были зажаты в тиски, им не разрешалось ничего „лишнего", т. е. проще говоря, они не смели поднять свой голос в защиту самих себя. Аресты, избиения розгами, шомполами, убийства, грабежи, еврейские погромы и т. п. были и у петлюровцев и у белых генералов обычными методами „восстановления законности и порядка".

Хотинские повстанцы, как и вообще все бессарабские эмигранты, очутившись в удушливой атмосфере петлюровщины и русской белогвардейщины, естественно, не могли оставаться „посторонними" зрителями творившихся безобразий. Они сравнивали положение на тогдашней Украине с положением в их родной Бессарабии, стонавшей под сапогом румынских оккупантов, и не находили сколько-нибудь заметной разницы. Румынский жандарм, петлюровский вартовой и белогвардеец-полицейский были одного поля ягодами.

Вполне понятно, что в такой обстановке бессарабские эмигранты чувствовали себя не лучше, чем в оккупированной Бессарабии. Этот момент и был решающим в деле организации бессарабского повстанчества.

Характерной особенностью бессарабских партизан (как, впрочем и всех партизан) является их весьма ограниченный район действий исключительно побережье Днестра и Черного моря (вокруг Одессы), поближе к Бессарабии, чтобы в любой благоприятный момент можно было перекинуться через Днестр „в гости к румынскому королю". Но это обстоятельство поставило бессарабских партизан в особое положение, так как им приходилось вести борьбу одновременно на два фронта (которые по сути дела являлись, конечно, единым контр-революционным фронтом): 1) русский и украинский белогвардейский и 2) румынский.

Кроме того, оторванность от родины также ставила бессарабских партизан особняком среди других партизанских отрядов. В то время, как, например, украинские партизаны могли каждую минуту уйти из-под удара врага, рассосавшись и укрывшись по своим деревням, бессарабцы этого сделать не могли. В силу этого в бессарабских партизанских отрядах создалась наиболее крепкая дисциплина и спаянность. Стойкость, отвага и дисциплинированность бессарабских партизан создали им у врагов славу „отчаянных большевиков", и встреч с ними одинаково старались избегать как белогвардейцы, так и в особенности „победоносная румынская армия".

6 апреля 1919 г. 3-я Украинская Красная армия взяла Одессу. Несколько дней продолжались еще действия партизанских отрядов, до момента освобождения от белогвардейцев всей линии Днестра. Затем партизанские действия кончаются, и бессарабские партизаны вливаются в регулярные красные войсковые об'единения.

В составе 3-й Украинской Красной армии наступал на Одессу бессарабский отряд под командой тов. Райнова, сформированный после занятия красными войсками Киева. Отряд явился ядром, вокруг которого стали организовываться находящиеся в Одессе многочисленные бессарабские эмигранты.

7 апреля в Одессе организовался так назыв. Студенческий Бессарабский отряд в составе около 200 человек. В следующие дни началась организация из бессарабцев-добровольцев 1-го Бессарабского полка. Студенческий отряд влился в Бессарабский полк, составив в нем 5-ю роту. Через несколько дней выяснилась полнейшая невозможность об'единить в одном полку всех добровольцев бессарабцев ввиду громадного наплыва их. Пришлось сформировать 2-й Бессарабский полк.

Но приток добровольцев шел беспрерывно и в результате через пару недель два бессарабских полка развернулись в 1-ю Бессарабскую Дивизию, которой была поручена охрана линии Днестра, а также подготовка к более серьезным боевым действиям.

К сожалению восстание Григорьева и наступление Деникина и Петлюры надолго отсрочили боевые действия на Днестре.

23 июня была сформирована 45-я дивизия. В нее вошли наряду с другими частями и 1-я Бессарабская дивизия.

И. БОГУН.

Приднестровские партизаны.

После падения гетманщины в декабре 1918 года взяла власть Украинская директория. Собственно говоря на селах этот приход Петлюры может быть охарактеризован, как безвластие и произвол. В городах же это ознаменовалось передачей власти так называемым городским самоуправлениям, которые должны были наводить порядок и беспокоиться о благоденствии „вверенного“ им населения.

И. З. Богун—организатор партизан. отрядов на Херсонщине, командир „Южной отдельно действующей партизанск. бригады“, влившейся в 1919 г. в 45 дивизию Сейчас т. Богун—председатель Тираспольского мелиоративного товарищества. Фотограф. 1919 г.

На селе все больше поговарили о необходимости твердой власти,и, о том, когда наконец дадут землю. Немало было разговоров и о большевиках, которые должны прийти из России, выгнать остатки немцев и австрийцев, разбить петлюровскую армию и восстановить Советскую власть.

Мы, местные херсонские большевики, учитывали настроение крестьянства своих районов и решили, что откладывать вооруженное выступление до прихода большевистских войск из России, нецелесообразно. Да и возможен ли этот приход в ближайшее время? Ведь Россия окружена кольцом врагов Революции? Надо поднимать восстание, решили мы, и поднимать немедленно, пока петлюровская армия не окрепла—это во первых, пока она ведет военные действия с белыми и не в силах будет помешать нам организовывать партизанские отряды на селе—во вторых. Тем более, в селах, хотя и немало отобрали у крестьян оружия австрийцы и немцы, все же немало его и осталось.

Помню в октябре 1918 года было созвано первое большевистское совещание в селе Хуторе Ближнем, у крестьянина Николая Зайца. На собрании присутствовало 17 человек. Был избран Ревком и было решено немедленно начать вербовку отряда и в частности связаться с гор. Тирасполем. Председательствовавшему на этом собрании тов. Марченко, избранному председателем Ревкома, было поручено связаться с Тирасполем.

На второй день мы узнали, что в Тирасполе Ревкома еще нет, но есть уполномоченный Одесского Областкома большевиков тов. Анисимов (из Кронштадта). С ним мы встретились в кофейне. Тов. Анисимов, между прочим, даже не проверив нас через товарищей, а лишь ознакомившись с нашими документами, дал сразу нам явку и указал квартиру, где помещается организуемый им подпольный ревком, а также и штаб—организатор крестьянского восстания.

А через несколько дней был организован и ревком, он выпустил воззвание к крестьянам с призывом к восстанию.

Первым в город Тирасполь прибыл отряд в 72 человека вооруженный винтовками из села Ближний Хутор. Отряд, под командой Коваленко, тихо вошел в город и никого не трогая, занял бывшие Драгунские казармы, пустовавшие в то время. Прибытие отряда начало беспокоить городское самоуправление, которое не знало петлюровский ли он или большевистский? Выручил тогда нас тов. Колесников, сегодняшний Зам. Наркомзем АМССР. Он тогда работал в нашем ревкоме, и в то же время был гражданским комиссаром г. Тирасполя, представляя, грубо говоря, нашего уполномоченного во вражеском стане.

— Отряды прибыли для охраны города, я их знаю. Это я потребовал их, получив разрешение от высших петлюровских властей,—успокоил тов. Колесников испугавшихся „самоуправленцев“. Таким образом назревавший конфликт был ликвидирован в самом его зародыше.

3-го ноября из Маяк под командой тов. Гончарова прибыл также отряд, остановившись в селе Суклея, что в 4-х верстах от города Тирасполя и, выпустив пять орудийных выстрелов по городу, отряд вошел в Тирасполь, занял почту, банк, железнодорожную станцию. В городе была об'явлена Советская власть, Ревком вышел из подполья выпустил воззвание и назначил своих комиссаров. Только тогда близорукие Тираспольские „самоуправленцы“, поняли, что они были обмануты тов. Колесниковым и поспешили сообщить о захвате большевиками власти в городе в Одессу.

Французское командование, находившееся тогда в Одессе, отдало распоряжение французской воинской части, стоявшей в Бендерах, городе расположенном по ту сторону Днестра в 10 верстах, занять Тирасполь и разоружить большевиков.

Один баталион французской пехоты двинулся на Тирасполь. Наши заставы, расположенные в Парканах, немедленно сообщили нам об этом. Мы вышли из казарм и рассыпали свои цепи на удобных закрытых местах возле города. Правда, мы попытались сначала испробовать „дипломатию“. Послали навстречу движущимся французам своих парламентеров на автомобиле под белым флагом. В составе делегации был я, тов. Карпенко и тов. Черненко. Последний, студент-химик, неплохо владел французским языком. На автомобиле наша делегация приблизилась к французской цепи почти вплотную.

Навстречу нам выехал французский офицер, командовавший цепью.

— Что вам *угодно?* — спросил французский офицер.

— Что *вам* угодно? — переспросил тов. Черненко. — Вы идете на город Тирасполь боевым порядком, в то время, когда мы совершенно не намерены вести с вами войны и просим вас не вмешиваться в наши внутренние дела.

— Я послан занять город, — с гонором ответил французский офицер — и должен восстановить в нем порядок, а потому приказываю вам: идите обратно в казармы, оставьте ваше оружие и разойдитесь по домам Я обещаю вам, что никого не буду преследовать, если вы это сделаете. Если же нет, то помните, что когда я через час займу город, пощады не будет никому.

— *Русские большевики никогда и никому добровольно оружия не отдают*, — резко ответил тов. Черненко. Наш автомобиль, сделав полукруг, полным ходом пошел по направлению к Тирасполю. В догонку нам посыпался десяток выстрелов, но мы отделались счастливо. На выстрелы ответило наше орудие и потом все смолкло.

„Дипломатия" не дала нужных результатов, и мы вынуждены были принять бой. Как только французы приблизились к нашим цепям на расстояние прямого выстрела, по ним был открыт беглый огонь: с обрыва крепости, с насыпи Житомирских казарм и с вала железной дороги. Французский баталион, находившийся на открытом месте, попал под перекрестный огонь. — Не ожидая такой энергичной встречи, французы, прикрываясь артиллерией, в беспорядке начали отступать, оставляя убитых и раненых на поле Потрепанный и поредевший французский отряд, не солоно хлебавши, отступил по мосту в Бендеры. Эта победа воодушевила нас. Мы почувствовали себя способными вести борьбу с врагами Советской власти.

Но, через несколько дней Тирасполь был занят отрядом польских легионеров, располагавшим танками. Город был взят внезапным, неожиданным для нас налетом после того, как наши посты на ст. Новосавицкая были сняты. Мы вынуждены были отступить в Плоское и там на военном совещании решили пробиваться на север для соединения с Советской армией. На второй день отряд выступил из Плоского, держа направление на Вознесенск.

Прокопов С.— комвзвода парт.из отр. впоследствии влившегося в 401 полк.

Меня лично командировали для связи на ст. Помощная, где в то время стоял партизанский отряд Ткаченко. Я пробыл в отряде недолго, как представитель от тираспольцев и уже 14 февраля 1919 г. был избран общим собранием отряда командиром вместо заболевшего и отправленного в больницу в Елисаветград Ткаченко. После удачного столкновения с петлюровским отрядом Козубского, который был нами разбит, я получил приказ Начдива Скачко: „Все партизанские отряды, находящиеся на периферии Вознесенск, Голта, Балта, Помощная и т. д., об'единить в один отряд организовать роты, баталионы, полки и составить бригаду, дав ей название „3-я отдельнодействующая южная партизанская бригада".

Я приступил к выполнению этого приказа. В результате вместо распыленных мелких партизанских отрядов организовалось три полка: Ананьевский, Знаменский и Балтский. Я вступил в командование вновь организованной бригадой.

Кроме этих полков осталось еще несколько отрядов, как например: отряды Тарасенко, Попова, Недолуженко, полк Колесникова, которые сохранили самостоятельность, но уже действовали в контакте и даже с согласия штаба бригады.

Л. И. Безносов, член партии с 1917 г., организатор Красной гвардии в гор. Балте, один из организаторов отряда красных партизан, влившегося впоследствии в 401 полк 45 дивизии. Участник Южного похода и боев на деникинском фронте. Сейчас директор холодильника в г. Бирзуле (АМССР).

Организация 3-й бригады проходила как раз в тот момент, когда петлюровская армия отступала из Украины, увозя с собой колоссальные народные богатства.

Нужно было помешать петлюровцам полностью осуществить намеченный ими план „загранично-гоэкспорта". И бригада, организовываясь „на ходу", вцепилась в петлюровские полки. Нашим противником оказалась 24 „окрема дивізія" под командой генерала Вишневского. Эту дивизию и пришлось преследовать до самой бессарабской границы. Нам удалось задержать часть эшелонов с грузами на ст. Бирзула и Раздельная, а в Тирасполе предотвратить возможность вывоза части состава поездов в Бессарабию.

Отступающая петлюровская армия вынуждена была бросить эшелоны с грузами и пешим порядком отступить через Бендерский мост по ту сторону Днестра. Но наш нажим был довольно энергичен и петлюровская кавалерия, спасаясь от преследования партизан, пустилась вплавь через Днестр у села Парканы. Дело было 12 апреля 1919 года ранней весной, когда вода в Днестре была выше уровня, к тому же очень холодная. Пустившиеся вплавь кавалеристы утонули. Их тогда погибло что-то около 1000 всадников. В 3 часа дня румыны взорвали Бендерский мост.

Так закончилось бесславное отступление петлюровцев. 3-я бригада, возложенную на нее высшим командованием Красной армии задачу, выполнила

3-го мая, помню, в бригаду прибыли из Реввоенсовета 3-й Украинской Армии тов. Худяков и Пешехонов и предложили мне отменить название партизанская бригада, и влиться в состав Красной армии, как регулярная часть. Бригада была влита в Красную армию. Возвратившийся к этому времени Ткаченко принял бригаду, а я ушел на советскую работу.

Вот те кусочки из периода партизанской борьбы за Советскую власть, в которой (борьбе) мне пришлось принимать участие.

В заключение хочу сделать одно замечание. Сейчас в связи с тем, что Советская власть вполне справедливо отмечает своим вниманием бывших красных партизан, некоторые темные элементы пытаются присвоить себе это почетное звание, тем более, что это сравнительно легко сделать. Достаточно представить народному суду двух свидетелей и справка о красном партизанстве будет вами получена. Я сам знаю ряд фактов, когда бывшие петлюровцы ухитрялись это делать. По моему не мешало бы создать специальное бюро из руководителей отрядов, что ли, командного состава и т. п., которые устанавливали бы принадлежность того или иного товарища к партизанскому отряду в славные годы гражданской войны [1].

Мы сейчас работаем у плуга и по наружному виду никак не напоминаем военных. Но в нужный для Советского Союза момент, снова возьмем карабины, оседлаем коней и будем защищать Советский Союз под руководством штаба нашей дорогой 45-й дивизии.

И. КОЛЕСНИКОВ.

Плосковские партизаны.

В феврале 1919 года на территории бывших Одесского и Тираспольского уездов организовался красный партизанский отряд под руководством т.т. Тарасенко и Макаренко. В этом районе тогда господствовал Петлюра.

Отряд повел наступление на гор. Тирасполь и, благодаря поддержке со стороны бывших в городе наших товарищей, занял город. Немедленно же по занятии Тирасполя был организован Ревком.

Колесников И. Н.—организатор Плосковского партизанского отряда, влившегося в 45 дивизию, командир 400 стр. полка в Южном походе и на деникинском фронте. Член партии. Сейчас Замнаркомзема АМССР.

Начальником всех образовавшихся в Тирасполе войск партийной организацией был назначен Попов. По происхождению Попов — сын тираспольского начальника почтово телеграфной конторы, бывший офицер, тип примазавшегося к партии авантюриста, впоследствии оказавшегося изменником революции, злейший антисемит, переметнувшийся к Григорьеву. Небезынтересно, что иначе, как „главковерхом" он именовать себя не хотел.

Чуть ли не с первых дней своего назначения, Попов старался всюду подчеркнуть свое диктаторство, в результате чего стали возникать споры и недоразумения в нашем лагере. Его наметили снять, но в это время появились на ст. Тирасполь польский легион и французский отряд. Поляки, имея в своем распоряжении несколько танков, повели наступление на город и выбили отряд Попова, последний отступил через с. Малаешти на м. Павловку. В Павловке снова произошли крупные споры в руководящей части отряда из-за неправильной политической линии, взятой Поповым. В нем явно проглядывал едкий антисемит, бесшабашный анархист. Однако, несмотря на все эти довольно неприглядные качества, на стороне Попова было большинство, и он остался начальником отряда.

Отряд двинулся в районы Цебриково, Березовка и Вознесенск. Важно отметить, что нигде в бой с неприятелем Попов, как партизан, не вступал, стараясь всячески держаться подальше от неприятеля. Он очень хитро и довольно ловко избегал опасности, предпочитая заниматься обложением контрибуцией еврейских местечек и немецких колоний. Эти „операции" для Попова, разумеется, были гораздо легче боевых столкновений с неприятелем и менее опасны. При этом дело доходило иногда и до погрома, напр., в м. Гросулово было убито несколько евреев-кустарей.

В своей массе отряд состоял преимущественно из крестьян, которые в силу своей политической неразвитости, слабо противодействовали грязным делам Попова, благодаря чему они легко ему сходили. К тому же на фоне григорьевского движения эти выходки Попова как-то сглаживались (Григорьевцы и не на такие штуки были способны!)

О Попове я пишу лишь потому, чтобы показать какие элементы „прилипали" к партизанским отрядам, потом положившим основание 45-й дивизии. Отряд попова отступил из Тирасполя. Я с группой товарищей (Марченко, Цукалов и др.) остались в Тирасполе и продолжали борьбу одиночек с польскими и французскими войсками. Мы,—тогда левые эсеры,—(сейчас коммунисты) бросали бомбы в поляков, французов. Конечно, это была детская затея. Меня и моих товарищей несколько раз арестовывали. Тов. Марченко, наконец, расстреляли, мне же при помощи польского офицера - коммуниста т. Акшевского удалось бежать.

Было ясно, что французы при помощи своих подручных — поляков оккупировали Тирасполь с тем чтобы ликвидировать образовавшуюся там Советскую власть.

Я бежал через Бычок и Малаешти в с. Плоское. В Плоском собрал инициативную группу революционно-настроенных товарищей бедняков и батраков, и приступил к организации партизанского отряда. В течение 3-х дней в отряде уже насчитывалось около 200 вооруженных людей.

---

[1] Функции такого бюро в округах выполняют Окрвоенкоматы, так что создавать специальное бюро нецелесообразно.

Редакция.

С этого момента Плосковский отряд, или как его называли отряд Колесникова, стал делать набеги на петлюровские, польские, а также на вновь появившиеся в Тирасполе румынские воинские части, разбивая их, отнимая оружие, продовольствие, лошадей, аммуницию и проч. Все это шло на снабжение отряда.

Не могу не отметить одного из таких набегов на с. Малаешти, где был расположен значительный румынский отряд. Налетели мы на румын со стороны с. Ташлык, откуда те совсем не ожидали нападения. Румыны были разбиты, было взято 1 орудие, продовольствие, лошади, пулеметы и пленные (пленные должны были научить партизан пользоваться захваченными пулеметами). На следующий день в с. Плоском был получен приказ румынского командования о немедленном возвращении румынских пленных, оружия и прочего имущества, а также о выдаче им Колесникова с угрозой в случае невыполнения этого приказа смести с. Плоское с лица земли. Приказ был передан через одного плосковского гражданина.

В связи с этим грозным „требованием", мне пришлось войти с румынами в „дипломатическую" переписку. Отряд наш дипломатами не располагал, поэтому и переписка наша с румынами не отличалась особой витиеватостью. Придерживаясь язвительно-насмешливой формы, мы писали: „Мы не настолько наивны, чтобы верить, что ваша артиллерия, находящаяся в гор. Тирасполе и состоящая из двух пушек без замков может действительно смести Плоское" и т. д. (Речь шла о двух замках к пушкам, похищенных партизанами нашего отряда). Написанное в таком духе письмо к румынам, мы заканчивали строфами из известного исторического письма украинских казаков турецкому султану: „день який не знаємо, бо календаря не маємо, місяць на небі, число у книзі, и т. д. Румыны, обозленные ответом, точно в обещанное их приказом время, повели наступление. Это наступление не застало врасплох наш отряд. Мы хорошо к нему подготовились: устроили ряд засад и т. д. В результате румыны были разбиты.

После этого наши набеги следовали один за другим. Так, у ст. Ново-Савицкой нами был разбит большой отряд петлюровцев; затем разбиты и рассеяны неприятельские отряды у Гребенки, Малого-Плосского, Ташлыка и у ряда других мест.

Неизменный успех отряда в значительной доле способствовал его быстрому увеличению: количество партизан с каждым днем увеличивалось и скоро достигло 2000 человек, в том числе 120 кавалеристов. Все партизаны отряда были хорошо вооружены и снабжены всем необходимым за счет разбитого неприятеля: отряд располагал многими пулеметами и 8-ю пушками.

Общими усилиями наших отдельных отрядов петлюровцы были ликвидированы.

Справившись с петлюровцами, все наши отряды расположились на берегу Днестра и почти ежедневно вели перестрелку с румынами. Отряд Попова снова расположился в Тирасполе и снова начались споры, так как Попов, будучи начальником гарнизона, никак не мог согласиться с назначениями товарищей, которые выдвигались партийным комитетом.

В это время Григорьев занял Одессу, но с местными организациями контакта не достиг, так как не признавал партийного руководства, а парторганизация не могла согласиться с представлением диктаторских прав и полномочий отдельным выскочкам. Григорьев—этот типичный представитель интересов украинского кулачества, в результате покинул Одессу, двинулся на Знаменку и перестал подчиняться советским властям, почему последними и был об'явлен вне закона. Попов примкнул к нему, так как по своей природе он был вполне аналогичен Григорьеву. Когда обоим было предложено сложить оружие, они этому распоряжению не подчинились: против них были двинуты наши отряды, которые совместно с другими частями Красной армии их вскоре разбили

Фоника Михаил, партизан Плосковского отряда т. Колесникова. Пришел в отряд т. Колесникова за 150 верст. Участник боя под Н. Гребеней (5 окт. 1919 г.), там же ранен. Был на деник. фронте. Сейчас работ. в сельск. хоз. в с. Журы АМССР.

Так безчестно погибли они и погубили многих других, введенных ими в заблуждение.

Наступившее некоторое затишье на Приднестровьи позволило заняться реорганизацией расположенных в этой местности наших отрядов. Наиболее мощные из этих отрядов по распоряжению Командующего 3-й Армией тов. Худякова были преобразованы в отдельные регулярные части, полки, составившие потом вторую, впоследствии 131 бригаду 45 дивизии.

Плосковский партизанский отряд стал фундаментом для 400 стрелкового полка этой бригады.

И. ЧЕБАН.

Могилев-Подольские партизаны.

В ответ на жестокие расправы с крестьянами гетманских карательных отрядов и австро-немецких войск в 1918 году наша *большевистская* организация, связавшись с Губкомом Подолии, начала вербовку в красные партизанские отряды батраков и бедняков Могилевщины, питавших симпатии к Советской власти и шедших за большевистской партией. В ряд районов и сел были отправлены большевики-агитаторы и организаторы для вербовки добровольцев. Агитаторы понесли в массу лозунги „Вся власть Советам!", „Земля—крестьянам, фабрики и заводы — рабочим!", „Долой помещиков, долой оккупантов, смерть контрреволюции!"

И. М. Чебан—член партии с 1918 г., организатор красных партизанских отрядов на Могилевщине, командир Серебрийского партизанск. полка, затем переименованного в Бессарабск. 399 полк 45 дивизии, инструктор Бессарабск. бригады и политработник 45 дивизии. Сейчас завед. гражд. кассац. отд. Могилев. окрсуда.

Эти лозунги находили отклик в трудящемся крестьянстве и уже вскоре на Могилевщине и Ямпольщине мы имели партизанские отряды. Вместе с тем то там, то тут стали происходить схватки красных партизан с карательными отрядами и австро-венгерскими регулярными частями. Нашей революционной тройке в составе меня, Криворучко и Мельника удалось через каких-нибудь два месяца уже иметь на Могилевщине боевую силу, доходившую до 12 тысяч человек, кроме того дивизион кавалерии, 40 пулеметов и одну батарею при 6-ти орудиях. Это партизанское войско после нескольких боев было разделено на более мелкие отряды.

Мой отряд состоял из 1000 штыков, 150 сабель при 8 пулеметах Максима и 10 пулеметах Льюиса. Как оружие, так и боевые припасы нами были отбиты у противника. Отряд был довольно подвижен и мог перебрасываться нами на 50—60 верст, делать неожиданные нападения и скрываться от преследования противника.

Противником нашим были 12 и 20 австро-венгерские полки, специально выделенные для борьбы с партизанами. Мы имели успех в борьбе, которым понятно мы немало были обязаны поддержке бедноты и некоторой части середняков. При каждой остановке в селе мы немедленно собирали крестьянский сход, на котором делали доклад о задачах Советской власти и большевистской партии. С той же целью практиковали налеты на карательные отряды как раз в тот момент, когда те во главе с помещиком устраивали суд и расправу в селе, отбирая взятый у помещиков крестьянами скот, хлеб и т. п. С карательными отрядами мы расправлялись беспощадно, и крестьяне встречали нас очень тепло и дружественно. Как сейчас помню такие теплые встречи в селах Ярышев, Серебрия, Ровно, Куковка, Сербы, Слободка Ярышевская, Конева, Беляны Шаргородские.

Такого характера бои нашим отрядам пришлось вести вплоть до свержения гетманщины, т. е. до 2 декабря 1918 года. 3-го декабря в Могилеве мы уже встретились с представителями петлюровской власти, предложившими нам снять красный флаг.

Могилевская парторганизация вынуждена уйти в подполье. Свои отряды мы на время распускаем, попрятав конечно оружие, и один из лучших отрядов кавалерии вливаем в петлюровский гарнизон, ставя перед ним задачу разложить петлюровские войска и быть нашим боевым ядром в момент восстания. Условия для работы у нас были в общем неплохие, имелась подпольная типография, в петлюровских штабах свои представители, ну, и, наконец, реальная сила,—кавалерийский отряд „синий снаружи, красный внутри". Мы имели к тому же возможность отправлять по селам Могилевского и Ямпольского уездов большевистские листовки, в которых разоблачали всякий шаг петлюровских властей.

14—15-го января 1919 года с согласия Подольского Губкома мы сделали попытку восстания против петлюровцев, но она не увенчалась успехом и восстание было проиграно, в основном из-за явного несоответствия сил: у нас было еще мало вооруженных отрядов.

19 марта мы снова выступили, и на этот раз захватили штаб 10-го петлюровского корпуса, во главе с его командиром полковником Кириенко, 8 аэропланов, несколько орудий, пулеметов и проч. военные трофеи. Советская власть в Могилеве была восстановлена. Наш партизанский отряд был реорганизован в регулярный полк, которому дано было название Серебрийский, так как в составе полка было около 800 чел. из Серебрии. Командиром полка был назначен я. Через несколько дней полк был переименован в 3-й Бессарабский, и затем влился в состав 1-й бригады 45-й дивизии.

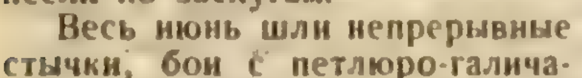
Перелистывая страницы истории, я вспоминаю, в какой тяжелой обстановке приходилось работать партийной организации. Немногочисленным группкам коммунистов приходилось воспитывать партизанскую массу, давая отпор демагогической агитации петлюровцев, приходилось закалять ее (массу) в тяжелых стычках с петлюровскими бандами и регулярными австро-немецкими и румынскими войсками.

Помню, как, когда уже все отряды были реорганизованы в 3-й Бессарабский полк, 10 мая 1919 года в Могилеве, петлюровская агентура совместно с румынской военщиной организовали контр-революционное восстание. Правда, мы его быстро подавили, но уже 20 июня киевские эсеры командировали в Могилевский уезд группу офицеров во главе с полковником Григоренко, которые успели навербовать отряд погромщиков всех мастей, и, заняв часть Ямпольского уезда, при поддержке румынской артиллерии, повели наступ-

ление на Могилев. Последний был ими занят без боя. Разбросанность моего полка на широком пространстве не дала возможности быстро собрать всю часть для отпора. Пришлось ограничиться партийной организацией 1-й роты, кав. эскадроном и подоспевшими вооруженными крестьянами революционных сел Ярышева и Серебрии. Штаб банды нашим энергичным налетом был разбит и живым был захвачен сам атаман Григоренко, который все же успел отдать приказ о погроме в городе. Мы устроили митинг в Могилеве, где и показывали Григоренко, как типичный экземпляр петлюровской „культуры". Должен сказать также, что некоторые командиры нашего полка успели переметнуться к Григоренко. Понятно, что они понесли по заслугам.

Липская А. — партиз. Могил.-под. отряда, затем красноармеец 399-го п. участник неоднократных боев. Умерла в 1920 г.

Весь июнь шли непрерывные стычки, бои с петлюро-галичанами, с бандитом Пампурой, который впоследствии был взят нами живым.

Наконец значительный бой произошел 3-го июля под Мурафой, где петлюровская кавалерия подняла кулачество нескольких сел, желая уничтожить наш полк. Напали они на нас у села Букатынки, но полк не растерялся: была брошена вперед коммунистическая рота, а за ней и весь полк. Банда была разбита, а зачинщики ее вожди, петлюровские офицеры были расстреляны. Обманутых же крестьян мы отпустили домой. Раз'яренные кр-цы готовы были сжечь Букатынку до тла. Коммунистическая часть полка сумела сдержать бойцов.

После того, как мой Серебрийский полк влился в 45 дивизию в состав 399 полка 1-й бригады, я был отозван в штадив 45 и назначен политинструктором 1-й бригады. Вместе с комиссаром бригады тов. Шебалдиным мы ездили в села, представлявшие угрозу нашему тылу, проводили там собрания крестьян, снабжали их политической литературой, сумели даже заставить ряд отрядов, организованных для борьбы против нас, осознать ошибочность своей позиции и перейти на сторону Советской власти. Некоторые такие отряды влились потом в наши полки и участвовали в Южном походе. В большинстве случаев это были отряды, составленные из бедноты и середняков, обманутых петлюровскими офицерами.

В общем пришлось повоевать с контр-революцией немало. Я лично был ранен пять раз. Получил 50 шомполов. При мне убито 4 ад'ютанта, три начальника штаба. Контр-революция терроризировала не только мою семью и однофамильцев, а также и семьи тех красноармейцев, которые служили в полку, которым я командовал. Крестьян села Серебрии петлюровцы собирали на сход и шомполовали. В селе Ярышев расстреляли 20 человек. В селе Ровно сожгли 107 крестьянских домов, в селе Слободка сожгли 20 домов и нескольких крестьян расстреляли. В селе Качковка сожгли 157 дворов, расстреляли 28 мужчин и 1 женщину.

Гончар Л.—один из активн. партизан Мог.-Под. отряда. политбоец и комвзвода 399 п. Сейчас член коллектива с Ровно, Могилевского окр.

Палачи не смогли, понятно, задушить революционного пыла. Оставшиеся в живых партизаны этих сел сейчас в преобладающей своей массе организованы в коллективы, артели и строят социалистическое хозяйство. Наши партизаны являются активом в ячейках Осо-Авиахима и военного дела не забывают. Готовятся к будущей борьбе с классовыми врагами Пролетарской Революции.

А. ПОЗДНЯКОВ.

Тридубские и Балтские партизаны.

Сурова была зима 1919 года. Сурова не морозами и вьюгами, а дикой расправой петлюровцев. В селах властвуют кулаки и помещики, от крестьян отбирают взятую ими у помещиков землю. Карательные отряды на глазах крестьянских сходов засекают шомполами на смерть лучших представителей беднейшего крестьянства.

Л. Г. Поздняков — комиссар Тридубского партиз. отряда, затем Балтского партиз. отряда, военком 401 полка при отступлен. Южной группы. Сейчас работает в Полтаве на жел. дороге.

Особенно свирепствовал атаман Козубский со своим отрядом черношлычников. Этот дикарь бандит чуть ли не ежедневно на перроне ст. Голта ставил к стенке захваченных его молодцами крестьян, заподозренных в большевизме и рабочих города и лично расстреливал. Кровь забрызгивала перрон, а он хохотал и по-звериному рычал от удовольствия.

— Долго ли будут расправляться атаманы над беззащитным крестьянством?— ставили тогда мы вопрос в тесном кругу будущих партизан.

И вот однажды в селе Великая Мечетна собрались и создали подпольный штаб для организации повстанческого отряда. В штаб повстанкома входили т.т. Лукацкий, Приходченко, Воронин, Задорожний и я. Вербовку партизан повстанком стал проводить в селах: Великая Мечетна, Малая Мечетна, Тридубы, Секретарка и Богачевка. В течение нескольких недель был сформирован отряд в количестве 250 человек, вооруженных винтовками и обрезами. Были вытащены на свет „божий" также оставшиеся в наследство от немцев два пулемета, добытые в свое время т.т. Приходченко и Ворониным. Большинство партизан было из села Тридубы и потому весь отряд наименовали „1-й Тридубский партизанский отряд". Командиром его был избран тов. Лукацкий, а помощниками—Задорожний и Воронин, начальником Пулеметной команды — Приходченко и Комиссаром отряда—я.

В 70 верстах от нас в селе Березовка, под Балтой, оперировал против петлюровцев партизанский отряд под командой Дьячишина. Повстанкому об этом было известно. Мы с Дьячишиным установили связь и решили во чтобы то ни стало соединить наши силы, чтобы создать более мощный кулак.

Было решено, что наш отряд будет наступать на Балту со стороны Мечетна-Кривое-Озеро-Бендзары, а Дьячишин со стороны Березовки, и в Балте соединимся.

В последних числах февраля 1919 года двинулись в путь, заняли Кривое Озеро, были выбиты, повели наступление и снова заняли, создали революционный комитет и, захватив оставленных бежавшими петлюровцами в экономии 20 лошадей и один пулемет, радостно провожаемые беднотой, двинулись дальше. Петлюровские лошади послужили материальной основой для конной разведки, а в Кривом Озере в наш отряд влилось 15 добровольцев.

Петлюровцы, получив подкрепление, перешли в контр-наступление на Кривое-Озеро. Встреча произошла верстах в 10-ти за местечком. Первым нашим трофеем оказалась захваченная в плен петлюровская разведка в числе 25 человек. От пленных мы узнали, что главные силы петлюровцев в количестве 400 человек, под командой атамана Янева находятся в соседнем селе. Пленных петлюровцев мы, конечно, ссадили с лошадей и посадили своих кр-цев. Увеличившаяся таким образом наша конная разведка влетела в село, занятое главными силами петлюровцев и произвела там панику. Наши пехотные силы одновременно охватили полукругом село. В результате петлюровцы были разбиты, а несколько офицеров, захваченных в плен, было нами расстреляно в присутствии населения. У петлюровцев были отобраны вещи, награбленные у крестьян этого села, и возвращены потерпевшим. На созванном нами сходе был создан сельский комитет из бедноты

Так село за селом мы отвоевывали у петлюровцев, насаждая революционные советы. Самый ожесточенный бой пришлось выдержать под самой Балтой в семи верстах в селе Бендзары, где были сконцентрированы хорошо вооруженные петлюровские части. Но все же петлюровцы и здесь были разбиты, мы вошли в Балту и соединились с отрядом тов. Дьячишина, вошедшим в город с другой стороны.

Созданные нами в селах революционные комитеты поддерживали тесную связь с отрядом, снабжали его продовольствием.

Из Балты мы вместе с Дьячишиным повели наступление на петлюровцев в Рыбницком направлении. Разбитые под Рыбницей петлюровцы бежали в Румынию. Отряд занял приднестровскую полосу и начал охранять ее. Прибывший через несколько времени в Балту партизанский отряд Ткаченко, который формировал 6-ю Украинскую дивизию предложил нам влиться в эту дивизию. Наш отряд влился и получил название 1-го Балтского полка. Тов. Дьячишин был назначен командиром полка, Задорожний—Помкомполка, он же комбат 1, Лукацкий—Комбат 2, Воронин—Комбат 3, Приходченко—начальником пулеметной команды, и я — Комиссаром полка и Военкомом Рыбницы.

В условиях сравнительного затишья, (хотя румыны постреливали с того берега) нам приходилось проводить политическую работу среди кр-цев. Мы использовывали каждую свободную минуту для воспитания бойцов и эта работа не прошла даром. Впоследствии кр-цы на деле показали свою преданность, и высокую политическую сознательность. Помню, когда изменил Григорьев, мы собрали кр-цев полка на митинг, поставили доклад о Григорьеве, изложив контр-

революционность его выступления. Кр-цы были возмущены и требовали отправки их против Григорьева.

Хотя снять полк в это время с Днестровских позиций нельзя было, но случай встретиться с григорьевцами представился 3-го мая бронепоезд „Смерть Директории", настроенный григорьевски, приехал в Рыбницу под предлогом ознакомления с позицией, поставил пулеметы против здания Рыбницкого совета, разогнал Совет, ранив в живот Комиссара труда Галицкого и пытался устроить еврейский погром.

Полк немедленно выставил свои пулеметы, разбил григорьевцев и восстановил порядок. Бронепоезд был расформирован, а захваченных главарей погрома судили в Рыбнице, и приговор к расстрелу был встречен кр-цами с удовлетворением.

Петлюровская армия на Украине была разгромлена и от открытой борьбы перешла к работе в подполье, организуя отряды для борьбы с Красной армией. Вновь организуемые петлюровские банды нередко занимались провокацией, стараясь подорвать авторитет большевиков. Входя в села, они об'являли себя большевиками, грабили крестьян, забирали лошадей и домашний скот, об'являя, что таков закон коммуны.

С одной из таких банд нашему полку пришлось встретиться в районе Кодыма. В начале июня эта банда, составлявшая один из отрядов атамана Зеленого, учинила в Кодыма еврейский погром, остановила поезд, следовавший из Киева в Одессу, изрубила всех матросов, ехавших в этом поезде и расстреляла пассажиров, заподозренных в большевизме.

Перед отправкой полка против этой банды мы провели соответствующую политическую работу среди кр-цев, раз'яснили им контр-революционный характер банды и т. п. и двинулись в путь.

Приближаясь к Кодыма, встречаем бегущих оттуда жителей, которые рассказывают нам об ужасах, творимых этой бандой.

— Их очень много,—рассказывали перепуганные жители,—вооружены, правда, чем попало и обрезами, и винтовками, и косами. Есть и пулеметы. Главная их сила расположена в лесу у ст. Кодыма.

Мы двинулись цепью. В 100 шагах от леса бандиты встретили нас оружейным огнем, завязался бой. Тов. Задорожний бросился вперед с правого фланга в атаку, с криком „ура", увлекая за собою цепь, но лишь только успел вбежать в лес, был тяжело ранен картечью из охотничьего ружья в бок и упал. Кр-цы дрогнули, и на правом фланге началась суматоха и отступление.

В это время на левом фланге остальная часть полка энергично бросилась в атаку. Отступление было приостановлено и вскоре бандиты обратились в бегство. Атаман банды был пойман, приведен в местечко и расстрелян.

Штаб Тридубского красного повстанческого отряда Снят 21 марта 1919 года в с. Кривое Озеро, Балтского района.

В Кодыме нам пришлось побыть три дня. Мы провели немалую политическую работу среди крестьянства.

Тем временем гор. Ананьев был занят бандой Казакова. Вызванный по телефону наштабригом наш полк немедленно отправился на ликвидацию этой банды.

Со ст. Черепкова, что в 9-ти верстах от Ананьева, полк пошел в наступление и кажется на 6 й или 7-й версте нами уже был захвачен в плен кавалерийский раз'езд банды Казакова в количестве 20 человек. Одеты они были различно. На фуражках красные ленточки.

— Мы тоже красные,—заявляли они—и за Советскую власть, но только без жидов и коммунистов, выехали к вам, как делегация от отряда заявить, что драться с вами не желаем.

Все же нас бандиты встретили стрельбой из пулемета в версте от города. Сопротивления особого банда не оказала и бежала из города. Войдя в город, мы оказались свидетелями ужасной картины: в редком еврейском доме не было одного-двух трупов.

Через несколько дней мы были отозваны в Рыбницу.

Тилигулло-Березанские партизаны.[1]

Не успел избранный в феврале 1918 года Анатольевский районный Совет Одесского Округа стать на твердые ноги, как властью на Украине овладела Центральная Рада во главе с Голубовичем и Левицким.

М. Ф. Потриваев—старый большевик, организатор подпольного Анатольево-Тузловского Ревкома, один из организаторов и первый комиссар Тилигулло-Березанск., впоследствии 403 п. 45 дивизии. Умер в 1922 г.

Немцы, заняв Украину, стали в ней фактическими хозяевами, а затем Центральную Раду сменил гетман Скоропадсдий.

Начались черные дни хозяйничанья на Украине „дурного пана". Начался жестокий террор. Советы и земельные комитеты были упразднены. Немецкие и гайдамацкие карательные отряды силой принуждали крестьян возвращать взятый из экономий хлеб и инвентарь, возмещать убытки.

Австро-германцы штыком, пулей и шомполом поддерживали гетмана. Началось насилие над беднотой, аресты, порки, издевательства.

Застонало село под нагайкой помещичьих сынков и иностранных захватчиков.

Вот как, например, обрушилась помещичья месть на население с. Ташино, Тилигулло-Березанского района. Гетманцы прикладами согнали ташинцев на площадь, по приготовленному заранее списку, вызывали селян, привязывали к скамьям и пороли шомполами, пока те не сознавались в своем участии в разгроме экономий. Избитых до потери сознания т.т. Кармащина, Гончаренко, Омельченко, Сербинюка и одного неизвестного отправили в немецкие шахты.

На расправу помещиков и австро-германцев крестьяне ответили поджогами и пулей.

Немцы грабили Украину, зерно, скот, нажитое потом и мозолями; добро крестьянское целыми поездами плыло в Германию.

Для борьбы за власть Советов, за землю создавали Тилигулло-Березанские бедняки свой полк под руководством большевиков.

Революционная группа в м. Анатольевка вынуждена была уйти в подполье. Тов. Потриваев, большевик, прибывший в 1918 году из Петрограда, связался с нелегальным областным партийным комитетом большевиков в Одессе. Стали готовиться к вооруженной борьбе с гетманщиной.

В июне был создан Военно-Революционный Комитет с рабочей тройкой во главе: Потриваев, Костыркин и Шелестов.

Первая боевая ячейка Ревкома возникла в селе Тузлы под руководством тов. Охотниченко и Шелестова, затем одна за другой в разных селах Тилигулло-Березани стали создаваться и расти группы бедняков, готовые выступить с оружием в руках за Советы.

25 июля 1918 года темной ночью в балке собрались подпольники. Вскоре был создан Об'единенный Военно-Революционный Комитет м. Анатольевка и села Тузлы. Первым председателем его был тов. Потриваев Марк, заместителем—Редченко И. Я. члены: Охотниченко, Костыркин и Шелестов. С первых дней активное участие в работе Ревкома принимали т. Овчаренко, Наконечный, Васильев А. Е., Николенко П. В., Щекатуров И. Г., Безбородкин Т. И., Колкутин И. В., Шевелев Е. Р., Петриченко. Все они были незаможниками по положению, большевиками по духу и смелости.

Руководителем активной группы стал большевик Потриваев, человек со стальной волей, талантом организатора, осторожный и в то же время решительный.

Б. Я. Петриченко—завоoружием Тилигулло-Березанского отряда в 1919 г.

Ревком об'единял революционные группы в разных селах Тилигулло-Березанского района.

Группы были организованы по принципу „пятерок". Каждый член Ревкома собирал вокруг себя пять человек, которых он считал верными делу пролетарской борьбы и с ними вел работу. Затем, проверив их преданность, поручал каждому из них организовывать новые пятерки. Одна пятерка никогда не виделась с другой, и члены разных пятерок не знали друг друга.

Эта система была введена с той целью, чтобы могущий попасть к ним провокатор не мог выдать всей организации.

---

[1] Статья составлена по материалам тт. А. Е. Васильева, П. Г. Костыркина, П. В. Николенко, А. А. Скляр.

К оружию.

В течение осени 1918 г. Анатольевская, Тузловская, Нечаянская, Антоново-Кодинцевская, Сычевская и Измайло-Покровская волости покрываются сетью пятерок. В ноябре м-це в Германии свергли кайзера Вильгельма. Австрийцы и немцы „двинули“ с „Украины. Это было концом Скоропадского.

Гетманцы почувствовали свою близкую смерть. Окрепший военно-революционный комитет об'явил себя законной властью в районе. По селам были проведены демонстрации, удалены старшины и старосты и организована власть Советов. Но к этому времени высадился в Одессе французский десант с греческими и зуавскими (цветными колониальными) частями, который двинулся вглубь Украины на борьбу с Советами.

И. Я. Редченко — член п.ртии с 1918 г., один из организаторов Тилигулло-Березанского отряда в 1919 г. Участник Южного похода и боев на деникинском фронте. Сейчас председатель артели имени красных партизан в Одесском округе и секр. ком'ячейки.

Кое-где вновь ожила гетманская власть. Вместе с тем началось энергичное формирование из пятерок боевого отряда для открытого выступления против греко-зуавов и добровольцев.

25 ноября 1918 года Ревком издал приказ о сборе всех отрядов в селе Поповка для выступления. Но приказ этот не был выполнен, так как участники не были еще достаточно подготовлены. Явились на сбор лишь немногие.

Комитет издал приказ о роспуске отдельных пошатнувшихся отрядов, предложив остаться для дальнейшей работы лишь „смелым в борьбе за свободу угнетенных и порабощенных“.

Опять пришлось Ревкому уйти в подполье. Белогвардейцы искали Потриваева, дорого обещая за его голову, и он вынужден был скрываться и на время уйти от работы.

В декабре в Анатольевке состоялся 2-й С'езд по инициативе и под руководством Анатольево-Тузловского Ревкома большевиков. С'езд сказал: больше спайки, больше единомыслия. Как можно скорее к открытой борьбе.

Во главе нового состава Ревкома стал т. Васильев А. Е., тов. Редченко стал председателем, и командующим вооруженными силами. Комитет твердо знал: „чтобы бороться, нужно иметь оружие“.

В январе 1919 года революционные отряды смелым налетом разоружили гетманскую варту. Добыли два пулемета, несколько десятков винтовок и 25 лошадей.

Вскоре задумали обезоружить кавалерийский отряд белых, что сидел в колонии Красная. Посланный разведчик крестьянин дал точные сведения о численности и расположении белых. 10 марта отряд под общей командой Редченко в составе 185 человек разделился на три части, чтобы по сигналу ракетой, сразу с трех сторон охватить белогвардейцев. Наступающие раньше времени подняли беспорядочную стрельбу и тем обнаружили себя. Кулацкие сынки, попавшие в отряд, с'агитировали часть партизан повернуть назад. Налет был сорван.

В это время на историческую сцену снова вышел Петлюра. Его отряды активно боролись с гетманщиной.

Ревком понял, что под маркой Петлюры можно добыть средства и деньги под лозунгом борьбы с гетманщиной. На 3-м районном с'езде решено было с разрешения Одесского Облкома завязать переговоры с Петлюрой. По просьбе представителей Ревкома комиссар петлюровского лагеря на Одесщине врач Луценко выслал на адрес Ревкома 200 винтовок, 4 трехдюймовых пушки, 12 пулеметов, большое количество патрон. Но все это на ст. Сербки перехватили добровольцы-белогвардейцы и в отряд ничего не попало.

Все же Ревком доставал оружие, вооружая изо дня в день бедноту. Во главе вооруженного отряда стали военные руководители т.т. Панченко и Черников, местные жители, хорошо знавшие военное дело.

Первые бои—первая кровь.

17 марта 1919 года Одесский Областком большевиков дал сводному партизанскому отряду имя „1-й Тилигулло-Березанский Отряд“. Это название было дано потому, что большинство бойцов его были жители сел, расположенных между Тилигулльским и Березанским лиманами.

В этот же день отряд силою в 350 человек под командой Панченко выступил из Анатольевки на мес. Березовка. Двигались на соединение с Григорьевым, командовавшим в то время красными частями, шедшими в наступление на Одессу.

По дороге был разоружен ряд немецких колоний. У села Поповка тилигулло-березанцы разбили конный отряд белых. Пролилась первая кровь—партизаны потеряли в бою одного убитым и трех раненых. По дороге отряд рос ежедневно, в него вливались новые силы, как единицами, так и целыми отрядами.

Одним из таких отрядов был Везирский партизанский отряд в количестве 112 человек, сформировавшийся на Одесщине во время гетманщины под руководством т.т. Демиденко, Скляра, Сосновского, Сотника, Кутенко и других. Работа этого отряда до вступления была схожа в общих чертах с работой Анатольево-Тузловского ревкома. Связались с Григорьевым. Разделенный по определенному приказу на три группы отряд повел наступление на греко-зуавов и добровольцев. Перешли в брод Тилигулльский лиман. Противник был сбит и начал отходить по всей линии.

Ярким показателем связи и единения между партизанами и рабочим классом в то время был такой факт: рабочие города Николаева, зная, как необходимо партизанам оружие и понимая

трудности борьбы чуть ли не с голыми руками против белогвардейцев, вооруженных до зубов, прислали тилигулло-березанцам пушку. Правда, пушка была без панорамы, но и такое оружие было для партизан очень ценно. Оно ободрило их, показав, что руководитель крестьянства—рабочий класс и идейно, и материально помогает своему союзнику.

П. Г. Костыркин—один из организаторов Тилигулло-Березанского отряда, впоследствии 403 стр. полка 45 дивизии.

Наиболее упорные бои были за обладание Дуфиновским лиманом. Противник цепко держался за свою позицию, но после удара во фланг кавалерии тилигулло-березанцев, под командой т. Васильева, начал в беспорядке отступать. Трофеями были—более 100 пленных, винтовки, автоматы и разное снаряжение.

Вперед на Одессу устремились бойцы и к 10 апреля 1919 г., несмотря на жестокий огонь с французских и английских крейсеров, тилигулло-березанцы в составе отряда Григорьева заняли Одессу.

Это было концом французского десанта. Его бесславному провалу содействовало восстание в французском флоте, поднятое моряками Марти и Бадина. Французская буржуазия, боясь перехода флота на сторону большевиков, вынуждена была спешно вернуть его во Францию. Марти же и Бадина были арестованы и посажены в тюрьму.

25 апреля отряд вошел в состав 6-й Приднестровской дивизии и получил название: 5-й Тилигулло-Березанский Полк. Первым командиром полка был назначен Панченко, комиссаром—Озерянский. К этому времени полк имел уже свыше 1000 человек бойцов, пушки, пулеметы, крепкую кавалерию. Везирский отряд составил 3-ю роту Тилигулло-Березанского полка.

Полк был влит затем в состав 3-й бригады, 5-й, впоследствии 45-й советской дивизии с переименованием в 403-й Тилигулло-Березанский полк.

Командиром полка был назначен т. Панченко, комиссаром т. Потриваев, т. Черников и Озерянский стали: первый командиром, второй комиссаром 3-й бригады 45-й дивизии.

Полк выслан был на охрану границы с Румынией.

ВОЗЗВАНИЕ

варищам крестьянам города и всего Балтскаго уезда.

ТОВАРИЩИ КРЕСТЬЯНЕ! Об'являю для сведения, что с 5 сего Августа я вступил в исполнение об'язанностей КОМЕНДАНТА г. Балты и уезда согласно приказа Политкома 45 дивизии т. ГОЛУБЕНКО и Начальника боевого участка т. ДЬЯЧИШИНА

Став на такой ответственный пост в то время когда присосавшиеся к Вам буржуазия и контр-революционеры которых Вы не замечаете—успели сделать свое гнустное дело и натравить Ваши деревни против города под лозунгом „бей комунистов". Зная эти села (ибо я проходил в Марте месяце с Тридубским партизанским отрядом при свержении Петлюровщины где возстанавливал в Ваших селах Советскую власть) я обращаюсь к Вам со следующим воззванием

1) ТОВАРИЩИ КРЕСТЬЯНЕ! Знаете ли Вы кто натравляет Вас против Советской власти?

2) Для чего эти пауки натравляют Вас против Советской власти под лозунгом „бей большевиков комунистов?

3) Знаете ли Вы ту местность в Балтском уезде где бы принуждали Вас в насильной комуне?

Нет товарищи, я думаю Вы этих пауков не знаете, а если и знаете некоторых то эти пауки сумели подделаться под Вас и обмануть Вас

Это те мироеды и помещичьи сынки которые при помощи Царского Генерала Деникина и его холопа Петлюры хотят отнять от Вас крестьян помещичью землю от рабочих заводы и фабрики, добытое для Вас Вашими сынами красноармейцами и снова стегать Вас нагайками и пить Вашу кровь, для этого они сеют национальную вражду среди крестьян моя "бей жидов" ибо они все комунисты и комуной хотят отобрать у Вас хлеб

Товарищи крестьяне, вот какую свободу эти пауки под этим лозунгом хотят Вам

Они этим стараются оттянуть с Деникинскаго и Петлюровскаго фронтов всех дерущихся против них Ваших дорогих сыновей, дабы дать возможность скорее прибыть к Вам Царскому Генералу Деникину и его холопу—Петлюре, которые этот хороший урожай хлеба, хотят забрать его от Вас и возвратить помещикам а Вас к прежнему рабству

Помните товарищи крестьяне, что советская власть сильна и если Вас просят, то только потому, что жаль убивать своих обманутых пауками бедных крестьян, за которых столько месяцев дерутся самые лучшие сыны трудового крестьянскаго народа в рядах красной армии, которые грудью своей защищают интересы крестьян и рабочих и геройски отбивают нашествия Царских Генералов и помещичьих сынков

Опомнитесь товарищи крестьяне! Это последнее воззвание к Вам Больше просить не станут. Если кто либо из крестьян опять задумает выступить против советской власти то те села будут снесены с лица земли, ибо нет места контр-революционерам в Украинской Социалистической Советской Республике

Призываю всех сознательных крестьян кому дорога земля и воля и кому дороги завоевания революции, всех кто не хочет быть рабами 1) встать на защиту Советской власти на борьбу с контр-революционерами, арестовывать таковых и доставлять ко мне в г. Балту в Комендантское Управление для предания их военно революционному Трибуналу как врагов рабоче-крестьянской власти. 2) Все имеющееся на руках оружие немедленно сдавать в Ваши Сельские Исполкомы, а последние должны доставить мне для сдачи в руки тех кто сражается в красн. армии за счастье и право бедняка крестьянина

Да здравствует власть крестьян и рабочих!

Комендант г. Балты Л. ПОЗНЯКОВ

Помошн. Коменданта И. ПРИХОДЧЕНКО

Настоящее воззвание яркий политический документ тех дней в истории дивизии когда она, отбиваясь от наседавших с северо-запада петлюровцев, вынуждена была в тылу тушить кулацкие восстания (июль—август 1919 г.) Воззвание подписано т.т. Поздняковым и Приходченко, организаторами *Тридубского* партизанского отряда, влившегося в 48-й Балтский полк, который в августе 1919 г. стоял в Балте.

„НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛАСС, ПОДНИМАЯСЬ К ГОСПОДСТВУ, НЕ МОГ НИКОГДА И НЕ МОЖЕТ ТЕПЕРЬ ДОСТИГНУТЬ ЭТОГО ГОСПОДСТВА И УКРЕПИТЬ ЕГО ИНАЧЕ, КАК СОВЕРШЕННО РАЗЛОЖИВ СТАРУЮ АРМИЮ ИНАЧЕ, КАК ПРОЙДЯ ЧЕРЕЗ ТРУДНЕЙШИЙ, МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД БЕЗ ВСЯКОЙ АРМИИ (ЧЕРЕЗ ЭТОТ МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРОШЛА И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ); ИНАЧЕ, КАК ПОСТЕПЕННО ВЫРАБАТЫВАЯ, В ТЯЖЕЛОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ, НОВУЮ АРМИЮ, НОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ, НОВУЮ ВОЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ НОВОГО КЛАССА".

(ЛЕНИН—том XVI, стр. 4'4–5, 1918 г.).

„УРОКИ РАСПАДА, ПАРТИЗАНЩИНЫ УКРАИНА ОСОЗНАЛА. ЭТО БУДЕТ ЭПОХОЙ ПЕРЕЛОМА ВСЕЙ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ЭТОТ ПЕРЕЛОМ, КОТОРЫЙ ПЕРЕЖИЛИ И МЫ, ПЕРЕЛОМ ПАРТИЗАНЩИНЫ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ШВЫРЯНИЯ ФРАЗАМИ, СМЕНИЛСЯ СОЗНАНИЕМ НЕОБХОДИМОСТИ ДЛИТЕЛЬНОЙ, ПРОЧНОЙ, УПОРНОЙ, ТЯЖЕЛОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ".

(ЛЕНИН—том XVI, стр. 263—266).

ОРГАНИЗАЦИЯ 45-ой ДИВИЗИИ

От партизанщины—к регулярной Красной армии.

1919 год для Советских Республик был годом великих испытаний, героической борьбы с контрреволюцией. Он ознаменовал собою, с одной стороны, исключительно смелый натиск рабочего класса Европы на буржуазию, и с другой, бешеные атаки генеральско-помещичьей контрреволюции на Советскую Россию.

Трон европейского капитализма зашатался под усиливающимися ударами рабочего класса. Буржуазия в смертельной опасности напрягала все усилия для того, чтобы сохранить равновесие. Она беспощадно усмиряет восстания своих рабочих и в то же время помогает российской контрреволюции расправиться с величайшей Революцией рабочего класса,—с Октябрем.

Международная буржуазия уже имела в прошлом горький урок посылки собственных солдат против революционных рабочих и крестьян России и Украины, когда те, под влиянием большевистской пропаганды, или отказывались стрелять в них, или поднимали красный флаг у себя.

Беспримерная революционная фигура французского матроса Марти, явившегося зачинщиком неповиновения французских солдат своему командованию, приказывавшему расстреливать Красную Россию, навсегда останется в памяти рабочего класса Советского Союза.

Западная буржуазия, имея этот опыт, решила теперь задачу удушения Советской России целиком переложить на русскую белогвардейщину.

Деньги, вооружение, обмундирование в колоссальном количестве перебрасываются Антантой в Сибирь—Колчаку, на Дон—Деникину, в Эстонию—Юденичу, в Архангельске она продолжает держать специальный английский десант.

Патронов и снарядов не жалеть,—дает приказ Антанта русским белым генералам, воскрешая кровавые традиции негодяя Трепова, а сама лихорадочно снабжает этих генералов всем необходимым, ставя цель уничтожить ненавистный ей очаг заразы — „большевистскую Россию".

На Волге, под Петроградом, в тайгах Сибири, на полях Украины должна была решиться судьба Советских Республик,—первого в мире рабочего государства и оплота базы Мировой Революции.

В этот славный тяжелый 1919 год кольцо белых войск охватывает пролетарские Республики со всех сторон.

Враг силен и организован, его армии скованы железной палочной дисциплиной. Во главе белых поляков стоят сынки буржуев и помещиков, до исступления ненавидящие молодую рабочую Республику.

Из-за границы Антанта перебрасывает массу технических средств: броневые автомобили и поезда последней системы английские и французские пушки, множество аэропланов, миллионы снарядов и патронов и, наконец, танки, появившиеся тогда впервые на нашем фронте.

Внутри страны, в России, на Украине вспыхивают белогвардейские, петлюровские восстания, организовываемые опытной рукой — наемников англо-французского капитала.

Это тогда партия большевиков еще раз бросила славное боевое „Революция в опасности!"

Нужно было быстро организовать отпор белогвардейско-петлюровской сволочи. Нужно было разорвать во что бы то ни стало это кольцо.

Это могла сделать лишь крепкая организованная дисциплинированная, обученная Красная армия, и все усилия партия большевиков и ведомых ею рабочих и крестьян были направлены на укрепление Красной армии.

К этому моменту Советская Россия уже сводила свои рабочие отряды в батальоны, полки, бригады и дивизии. При участии военных специалистов из числа офицеров старой армии, поставленных под контроль комиссаров, дело организации красных частей быстро подвигается вперед. Первые стычки с противником показали преимущество регулярных полков перед партизанскими отрядами рабочей гвардии. С той поры Красная армия начинает крепнуть, вырастая в действительно грозную силу для всех врагов Республики.

Не то было на Украине, которая только что освободилась от власти немецкого штыка и произвола гайдамачины. Советские и Украинские полки формировались в борьбе с гайдамацкими и гетманскими частями, нередко вырастая из стихийной волны повстанческого движения. Они носили на себе этот яркий отпечаток партизанщины — непременного спутника повстанческого движения. Основным кадром таких полков почти везде являлись добровольцы-партизаны, влившиеся по одиночке или отрядами в красноармейские части, еще когда те наступали на Украину весной 1919 г.

Добровольчество выливалось в украинских условиях в своеобразную Красную Гвардию на подобие первых рабочих отрядов, для которой казалось совершенно непонятным положение, в котором не было места свободному выбору себе командира, обсуждению приказов, подчинению „по-стольку по-скольку".

Во главе полков нередко стояли оставшиеся не у дел петлюровские и гетманские офицеры,

которые не желали победы Октябрьской революции, являлись ее врагами. Эта публика мало интересовалась воспитанием дисциплины в своих частях, предпочитая дисциплине попустительство, как способ завоевания симпатий у бойцов.

В Красную армию партизаны приносили весь свой вчерашний боевой багаж, состоявший из навыков и традиций повстанчества, и изменение этих традиций казалось многим из них странным и непонятным.

Трудно было понять этим людям—простым рядовым бойцам, рабочим и крестьянам, что то, что вчера было завоеванием, например, выборность командиров, сегодня стало уже вредным, подлежащим сдаче в архив, превратилось в собственное противоречие, ибо предстоявшая Украинской Красной армии борьба с регулярными, казачьими, офицерскими и добровольческими частями требовала организованности и дисциплинированности, быстроты и точности в исполнении боевых приказов, т. е. в общем, строгого единства действий.

Партизанщина давала как раз обратное: *разброд*, отсутствие дисциплины, обсуждение приказов командиров и т. п. „прелести", которые в наступивших условиях были баластом, тяжелыми гирями, стягивавшими ноги молодой Красной армии. Партизанщину нужно было изжить во что бы то ни стало.

В мае месяце 1919 г. между советскими правительствами России и Украины заключается соглашение об об'единении вооруженных сил для совместной обороны от наседающей белогвардейщины и создании единой Красной армии. На Украине начинается коренная реорганиация армии. Партия бросает свои лучшие силы в том числе и членов ЦК на эту ответственную работу. Реорганизацию приходилось проделывать в неслыханно-тяжелых условиях, когда некоторые части целиком уходили к атаманам, устраивая измены и подымая восстания (пример: восстание при Советской власти VI дивизии атамана Григорьева).

В числе частей, сформированных тогда на Украине, была и 45-я Советская стрелковая дивизия.

Как же была сформирована 45 дивизия?

Сформирование дивизии.

Ее матерью была 3-я Украинская Советская Армия, последняя была сформирована в апреле 1919 года. Кадр ее составился из только что перешедших на нашу сторону петлюровских частей под командой Григорьева и 5-й дивизии под командой т. Пешехонова, состоявшей из добровольцев партизан, бессарабцев и украинцев уроженцев Херсонщины. Приказ РВС Украинского фронта упразднял все части, влившиеся в ее состав и принимал их в число регулярных частей Красной армии. Однако, это не внесло существенных изменений во внутреннюю жизнь частей, в них продолжала царить выборность командиров, обсуждение боевых приказов. Вообще 3-ья Украинская армия ничем не отличалась от остальной Красной армии, формировавшейся на Украине.

В мае внутри 3-й армии как известно совершилось предательство со стороны Командующего 6-й дивизией, бывшего атамана Таврии и Крыма Григорьева, который не исполнил приказа выступить со своими частями на румынскую границу и повернул штыки против Советской власти. Нужна была огромная сила воли и авторитета, чтобы остальные части армии не подпали под разлагающее влияние антисемитской, погромно-шовинистической и контр-революционной агитации атамана Григорьева, начертавшего свои лозунги в знаменитом „Универсале". В части были брошены коммунисты, мобилизованные в Одессе, и др. городах. Усилиями их удалось переломить настроения в частях в сторону беспощадной борьбы с изменниками рабоче-крестьянскому делу—григорьевцами.

М. Н. Альбянская — бессарабка, красногвардейка, боец партизанского отряда Чухненко, впоследствии 398 полка 1 бригады, участница всех боевых походов дивизии. Награждена орденом Красного Знамени. Сейчас работает сестрой Киевской поликлиники. Член ВКП(б).

Прошло две недели, в основном григорьевщина была ликвидирована. Этот момент и совпал с началом работ по об'единению вооруженных сил Российской и Украинской Советских Республик. Приказом Комиссии по расформированию и реорганизации полевого Управления Штаба 3-й Украинской Советской армии от 23 июня 1919 г. из 5-й Советской стрелковой дивизии, отдельной Бессарабской бригады т. Мазурова, 1-й Бессарабской дивизии и некоторых специальных частей 3-й Украинской армии создается 45-я Советская стрелковая дивизия, которая по сформировании вводится в состав XII армии. Командование дивизии в начале принимает бывший Командарм III Украинской — Худяков, к концу июня оно переходит к Савицкому (Комбриг II той же дивизии), назначенный Наштадивом—Начштарм III Пионткоэский сменяется генштаба Смирновым.

Комиссаром дивизии назначается бывший член РВС III Украинской Советской армии Голубенко, Завполитотделом—Завпоарм III—Гринштейн.

В первых числах июля в дивизии производится смена высшего командного состава. Руководство организацией дивизии переходит в руки политработников, прежде работавших в Бессарабии, а теперь по приказу РВС командированных на юг Украины. Во главе дивизии становится б. член РВС VIII армии т. Якир, награжденный за операцию под Лисками против Краснова орденом Красного Знамени, 7-го июля т. Якир вступает в исполнение обязанностей Начдива. Наштадивом назначается т. Гарькавый, исполнявший обязанности Помначдива.

С этого момента в жизни дивизии начинается решительный перелом в сторону укрепления ее боевой мощи и изживания партизанского духа, унаследованного от III Укрсовармии. Дивизия

начинает все больше приобретать вид регулярной части, превращаясь из неорганизованного, малосвязанного с центральными руководящими органами, об'единения партизанских отрядов в *мощную боевую дивизию.*

В дивизию вошло три бригады и несколько специальных частей.

1-я бригада образовалась из Бессарабских полков, которые отступили из Бессарабии после Хотинского восстания.

В районе ст. Вапнярка Бессарабские полки были сведены сначала в отдельную Бессарабскую бригаду, позже влились в Бессарабскую дивизию а в июле вместе со сменой командного состава бригады влились в 1-ю бригаду 45-й дивизии, и частью во 2-ю бригаду. Комбригом был назначен тов. Грицев, а Военкомбригом т. Левензон. Полки бригады составились: 397 полк—из отряда тов. Старова, 398—из отряда тов. Чекмака и 399—из отряда тов. Кандыбы и Чебана. Кроме того при бригаде был сформирован Кавэскадрон т. Рокуша, 1-й Легартдивизион, саперная рота, рота связи и Комендантская команда. Подготовленность командного состава в большинстве вышедшего из партизанской среды была очень низка. Красноармейцы имели большой практический боевой опыт, но в строевом отношении были совершенно не подготовлены.

2-я бригада начала формироваться еще в апреле месяце в составе 5-й Советской стрелковой дивизии из частей особого назначения тов. Пешехонова, в которые входили: 4-й полк имени Тараса Шевченко, 5-й Вознесенский пехотный, 1-й Вознесенский кавалерийский полк, 6-й Одесский полк и 2-й Легартдив. В дни григорьевского мятежа—4-й полк имени Тараса Шевченко уходит на фронт, а после ликвидации григорьевщины передается в распоряжение Командующего XIV армией. В конце мая бригада пополняется двумя партизанскими отрядами: Плосковским и Слободзеевским.

Семен Рубан — бессарабец, член ВКП с 1917 г., военполитком 1 Особой Бессарабской бригады, составленной из Хотинских партизан. Сейчас работает в институте Ленина при ЦКВКП(б).

В июне Комбригом был назначен тов. Котовский, который быстро приводит части в надлежащий воинский вид. Сводятся в один полк 45-й Плосковский и Слободзеевский. Позже в бригаду вливаются: 1-й Бессарабский полк, Бессарабский Кавполк, 14-й Кавдивизион и Балтский полк тов. Дьячишина. К концу августа 2-я бригада имеет в своем составе 400 полк (бывш. 45-й Плосковский) под командой т. Колесникова, 401-й полк (бывш. 48 Балтский) под командой т. Дьячишина, 402 полк (бывш. 1-й Бессарабский) вместе с влитым при отходе Южной группы Ямпольским Карбаталионом под командой сначала Миргородского, а после тов. Криворучко, 14-й Кавдивизион тов. Домбровского, 1-й Кавполк тов. Звягинцева, (которым фактически командовал т. Нягу) 2-й Легартдивизион и некоторые другие части. Кроме того во вторую бригаду за время ее борьбы с петлюровцами под Вапняркой прибывало несколько раз пополнение, в том числе: полк моряков Стародуба и полк Мишки Япончика, оказавшиеся абсолютно небоеспособными и разбежавшиеся при первых встречах с противником. Часть этих полков была разоружена, часть разбежалась, некоторые остатки были влиты в 402-й полк. Разбитый под Вапняркой 18-й Кавдивизион был влит в 14-й Кавдивизион тов Домбровского. Военная подготовка, как у командиров, так и у красноармейцев, была невысока.

И. Е. Овчаренко—член подпольного комитета Анатольево-Тузловского района, один из организаторов Тилигулло-Березанского отряда, комбат 403 полка в период боев в Южном походе и на деникинском фронте. Награжден золотыми часами РВС Южной группы.

3-я бригада развернулась еще в составе 5-й Советской стрелковой дивизии из 5-го Тилигулло-Березанского полка. Войдя в состав V дивизии полк развертывается в бригаду. Отряд Гончарова выделяется для формирования 2-го полка бригады, после переименованного в 404-й, а 42-й Днестровский полк перед тем разоруженный отрядом Попова, перешедшего на сторону Григорьева, составляет ядро 3-го полка бригады, — 405-го. Тилигулло-березанцы составляют 403-й полк новой бригады. Командир Тилигулло-березанцев т. Черников принимает бригаду, Военкомбригом назначается т. Озерянский.

Происхождение бригады сказалось на ее внутренней организации. Комсостав был преимущественно из наиболее боевых партизан, любимых красноармейцами, но слабо подготовленных в военном отношении. Исключение составлял 405-й полк, где после его разоружения остались главным образом красные командиры 1-го выпуска; остальные почти все ушли за поповцами, во главе со своим партизаном — командиром Коваленко.

Первое время красный командный состав среди партизан красноармейцев популярностью не пользовался; в их семье еще сильны были традиции иметь выборных командиров, но первые же стычки

с противником, в которых краскомы не только храбро шли впереди цепи, но и умело руководили наступлением (что не всегда могли делать выборные храбрецы) сразу изменило к ним отношение красноармейцев партизан.

403 и 404 полки были богаты вооружением, снаряжением, конским составом и привлекали к себе много охотников добровольцев, так так подвиги этих полков были известны повсюду. Только 405 полк, имевший жалкую хозяйственную часть, при совершенном отсутствии пулеметов, и вооруженный всего на одну треть состава винтовками разных систем, первое время не только не мог увеличить кадр полка за счет добровольцев, но нередко терял своих старых красноармейцев, предпочитавших уходить в боевые 403 и 404 полки.

При бригаде был еще сформирован легкий артиллерийский дивизион.

Формирование тылов дивизии было произведено главным образом за счет учреждений и частей тыла расформированной 3-й Украинской Совармии и дивизий, входивших в ее состав.

Эти учреждения были необычайно разбухшими и неработоспособными, не говоря уже о том, что в них сидело много паразитических элементов, а то и наших классовых врагов, саботировавших работу. Тылы поглощали 60% едоцких пайков. Такое положение не могло быть терпимым и потому было начато сокращение тылов, из'ятие людей оттуда для пополнения полевых частей. Из'ятие сократило количество выдаваемых пайков, но полевым частям принесло мало пользы, ибо отправляемые в части тыловики предпочитали дезертировать, оставаясь в городе Одессе.

Из других учреждений и частей в дивизии имелись: Снабжение, Санчасть, Управление Начальника Артиллерии, баталион Связи, Инженерный баталион и некоторые другие мелкие учреждения. Работа всех тыловых учреждений протекала в чрезвычайной тяжелой атмосфере. В этих учреждениях сидели нередко люди, которые саботировали самым наглейшим образом, занимались составлением никому ненужных планов, отсиживали свое время до определенных часов и уходили домой с мыслью о том, что может быть завтра на улицах Одессы они увидят флаги царской империи. Группки честных работников в тыловых учреждениях, не имея нужных навыков к работе и, встречая этот тихий подпольный отпор контр-революц. элементов, не могли ничего сделать и работа в тыловых учреждениях проходила как то впустую, не давая нужных результатов.

Н. Г. Щекатуров — старый рабочий, член ВКП(б) с 1918 г. Один из организаторов Тилигуло-Березанского отряда.

Части дивизии в момент их сформирования были проникнуты насквозь пережитками повстанчества. Отсутствовали подготовленные в военном отношении командиры. Политработников было очень мало, да и то этим последним приходилось очень часто скрывать свою принадлежность к коммунистической партии. Все это делало очень трудным задачу перестройки дивизии в крепкую дисциплинированную боевую единицу.

И все же с июля месяца, когда в командование дивизией вступает тов. Якир начинается медленное, очень тяжелое перерождение дивизии. С большим трудом, командирам, еще самим нередко не изжившим партизанских привычек, и коммунистам, приходится внедрять в красноармейскую массу сознание необходимости твердой дисциплины и строгого подчинения приказу. Митинговщина, выборность командиров, полковой патриотизм еще долго сказываются в дивизии. По всем этим болезням был открыт самый серьезный огонь, и дивизия постепенно начала превращаться в действительную, регулярную часть.

СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ

по 45-й Советской стрелковой дивизии.

№ 01.

(По части оперативной).

Карта 10 верст в дюйме.

Ст. РАЗДЕЛЬНАЯ.

3 июля 1919 года.

1) На основании приказа № 2 войскам XII армии от 16-го июня с. г. удостоверения Реввоенсовета той же армии № 6157 от 15-го июня с. г. телеграммы его же № 15/Р. Б. и телеграммы члена Реввоенсовета 12-й армии тов. *Аралова* от 29-го июня с. г. за № 48А и приказа № 4 комиссии по расформированию Полевого Управления Штаба 3-й армии и реорганизации из состава ее штабов, частей, управлений и заведений 45-й советской стрелковой дивизии, об'являю состав вверенной мне дивизии:

2) 1-я бригада 45-й стр. сов. дивизии, комбриг—бывший комбриг отдельной Бессарабской тов. *Мазуров*.
397-й стр. сов. полк (бывш. 1-й полк Отдельной Бессараб. бригады)
398-й стр. сов. полк (бывш. 2-й полк " " ")
399-й стр. сов. полк (бывш. 3-й полк " " ")
2-й и 3-й полки 1-й Бессарабской стр. сов. дивизии.
Кавалерийский дивизион 1-й бригады 45-стр. сов. дивизии (бывш. конный полк Отдельной Бессарабской бригады).
Легкий арт. дивизион 1-й бригады 45-й стр. сов. дивизии (бывш. легкий арт. дивизион отдельной Бессарабской бригады).

3) 2-я бригада 45-й стр. сов. дивизии: комбриг—тов. *Котовский*.
Наштабриг тов. *Каменский*.
400-й стр. сов. полк (бывш. 45-й Укр. С. С. полк (комполка тов. *Колесников*).
401-й стр. сов. полк (бывш. 40-й Укр С. С. полк (комполка тов. *Курковский*).
402-й стр. сов. полк (бывш. 1-й полк 1-й Бессарабской стр. сов. дивизии (комполка тов. *Миргородский*).
Кавалерийский дивизион 2-й бригады 45-й стр. сов. дивизии (бывший конный отряд тов. *Котовского*).
Легкий арт. дивизион 2-й бригады 45-й стр. сов. дивизии (бывш. 14-й легкий арт. дивизион, командир тов. *Арелопуло*).

4) 3-я бригада 45-й стрелковой Советской дивизии:
403-й стр. сов. полк (бывш. 43-й Укр. С. С. полк) комполка т. *Панченко*.
404-й стр. сов. полк (бывш. 44-й Укр. С. С. полк) комполка тов. *Гончаров*.
405-й стр. сов. полк (бывш. 42-й Укр. С. С. полк) комполка тов. *Алексеев*.
Кавалерийский дивизион 3-й бригады 45-й стр. сов дивизии (15-й кавалерийский дивизион).
Легкий арт. дивизион (бывш. 15-й легкий арт. дивизион).

5) Отдельный кавалерийский дивизион 45-й стр. сов. дивизии (бывш. кавалерийский полк Особого назначения тов. *Безпалова*).

6) Гаубичный дивизион 45-й стр. сов. дивизии (бывш. 9-й Укр. гаубичный дивизион, командир тов. *Милешко*).

7) Тяжелый арт. дивизион 45-й стр. сов. дивизии (бывш. 9-й Укр. Сов. тяжелый дивизион командир тов. *Жнов*).

8) Автомобильно-броневой отряд 45-й стрелковой Сов. дивизии (бывш. автоброневой отряд тов. *Елина* 3-й Укр. армии).

9) 45-й Сов. авиационный дивизион (бывш. 1-й Одесский Сов. авиодивизион 3-й Укр. армии).

10) 10-й Воздухоплавательный отряд—начальник тов. *Е оров*.

11) Инженерный батальон 45-й стр. сов. дивизии (бывш. инженерный батальон 5-й стр. сов. дивизии (Дивинж тов. *Юргенс*).

12) Почтовая контора № 203 (бывш. при Штарм 3-й Укр. Сов.).
При Штадиве 45-й стр. сов. оставляю отряд особого назначения тов. *Гочева*, которому впредь до утверждения штата Штармом XII руководствоваться временным штатом, утвержденным мною согласно словесного распоряжения члена Реввоенсовета тов. *Аралова*.
13) Телеграфная контора № 208 (бывш. при Штарм 3 Укр. Сов.).
14) Во исполнение приказа комиссии по расформированию Полевого Управления Штаба 3-й армии от 30-го июня с. г. за № 4 приказываю:
а) Начальнику Штаба 45-й стр. сов. дивизии тов *Смирнову* весь личный состав расформированных полевого управления Штаба 3-й армии и Штадив 5 Укр. С. С. обратить на сформирование Штаба, управления и заведений 45-й стр. сов. дивизии, излишек личного состава Штадива 5 Укр. С. С. обратить на сформирование штабов бригад вверенной мне дивизии, а излишек Штаба 3-й Укр. Сов. армии прикомандировать в необходимом числе к Штабу дивизии впредь до окончательного сконструирования частей дивизии и указания Штарма XII; остаток сверх этого прикомандировать к Штарму XII.
б) Его-же распоряжением телеграфно-телефонный дивизион и автомотоциклетную колонну, состоявшую при бывш. Штабе 3-й Укр. Сов. Армии обратить на сформирование батальона связи вверенной мне дивизии включив в состав его одну полевую радио-станцию, бывшую при штабе 5-й Укр. Сов. С. Дивизии; радио-станцию, бывшую при штабе 3-й Укр. Сов. Армии, передать в Штаб 12-й Армии.
в) Вр. и. д. Начальника Артиллерии вверенной мне дивизии, бывшему Инспартарму 3 тов. *Плавинскому* сформировать Управление Начальника Артиллерии 45-й стр. Сов. дивизии и расформировать 13-й Легкий арт. дивизион, обратив личный, конский состав и имущество на пополнение арт. частей 45-й стр. Сов. дивизии.
г) Командиру гаубичного дивизиона 45-й стр. Сов. дивизии тов. *Милешко* в недельный срок категорически приказываю закончить формирование 1-й батареи и донести в Штаб 45.
д) Командиру Тяжелого дивизиона 45-й стр. Сов. дивизии продолжать срочное формирование в Одессе.
е) Вр. и. д. Дивизионного врача тов. *Пархоменко*, снесясь непосредственно с Одесским Окружным Военно-Санитарным Управлением, немедленно приступить к окончательному формированию Полевого подвижного госпиталя, перевязочного отряда, военно-санитарного транспорта, санитарно-гигиенического и эпидемического отрядов, руководствуясь штатами, об'явленными в приказе Реввоенсовета Р. С. Ф. С. Р. № 220 от 13-го ноября 1918 года со всеми последними дополнениями и изменениями к этому штату, а также срочно организовать летучки на участках: Рыбница-Бирзула и Тирасполь—Раздельная—Одесса.
ж) Начальнику Снабжения вверенной мне дивизии сформировать в кратчайший срок Отдел снабжения 45-й стр. Сов. дивизии из расформированного отдела снабжения 3-й Укр. Сов. Армии, руководствуясь тем же приказом № 220 от 13-го ноября 1918 года и принять самые решительные меры к образованию закупочных комиссий в районах: гг. Вознесенска, Ольвисполя, Ананьева и Балты.
з) Дивинжу 45-й стр. Сов. дивизии тов. *Мордвинову* немедленно приступить к окончательной организации, согласно приказа за № 220 от 13-го ноября 1918 года всех вверенных ему учреждений дивизии.
и) Всем лицам, упомянутым в пункте 14 сего приказа по исполнении возложенной на них задачи, немедленно донести мне, ежедневно ставя меня в известность о ходе их работы по формированию. Ответственность за быстрое и энергичное проведение в жизнь намеченных формирований возлагаю на них же.

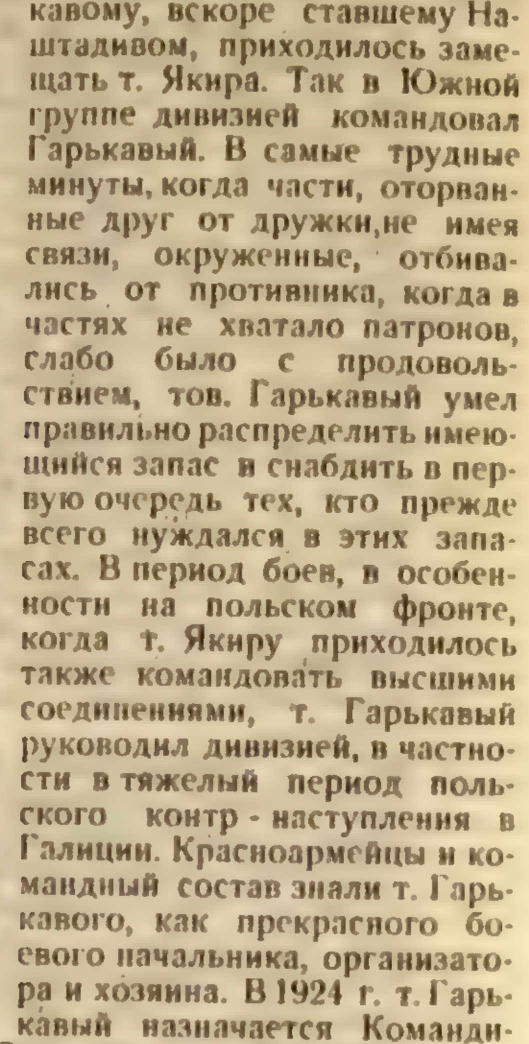
Подлинный за надлежащими подписями.

Илья Иванович Гарькавый.

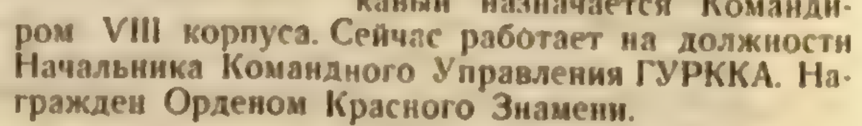
Тов. Гарькавый родился в семье незаможного крестьянина Мусиенковых хуторов бывш. Екатеринославской губернии. По профессии народный учитель. Октябрьская революция застала т. Гарькавого в Бессарабии и он вскоре выдвигается Председателем Кишиневского Исполкома. При оккупации Румынии и Бессарабии т. Гарькавый с группой активных революционных работников Бессарабии (т. т. Якир, Левензон и др.) отступает из Бессарабии с отрядами молодой Красной армии. В 45-ю дивизию попадает в июне 1919 года и назначается Помначдивом. Как человек неутомимой энергии, с большой инициативой, он вынес всю тяжесть организационной работы по формированию 45-й дивизии. Работоспособный и усидчивый Илья Иванович умел заставить всех работать, никто не имел права подумать об отдыхе, ибо никто не видел его самого отдыхающим. Никто в дивизии не знал так всех больных сторон ее, как т. Гарькавый. Все знали, что если он выезжает на смотр или передовую линию, то уж обязательно рассмотрит все закоулки, покажет полковому ад'ютанту, как нужно вести канцелярию, начпулькоманды, как нужно смазать пулемет, обозному, как запрягать лошадь, чтобы не набить холку. Тов. Якира каждый раз высшее командование отрывало на высшие соединения и т. Гарькавому, вскоре ставшему Наштадивом, приходилось замещать т. Якира.

Илья Иванович Гарькавый.

Так в Южной группе дивизией командовал Гарькавый. В самые трудные минуты, когда части, оторванные друг от дружки, не имея связи, окруженные, отбивались от противника, когда в частях не хватало патронов, слабо было с продовольствием, тов. Гарькавый умел правильно распределить имеющийся запас и снабдить в первую очередь тех, кто прежде всего нуждался в этих запасах. В период боев, в особенности на польском фронте, когда т. Якиру приходилось также командовать высшими соединениями, т. Гарькавый руководил дивизией, в частности в тяжелый период польского контр-наступления в Галиции. Красноармейцы и командный состав знали т. Гарькавого, как прекрасного боевого начальника, организатора и хозяина. В 1924 г. т. Гарькавый назначается Командиром VIII корпуса.

Сейчас работает на должности Начальника Командного Управления ГУРККА. Награжден Орденом Красного Знамени.

И. ГАРЬКАВЫЙ.

О сорок пятой.

В 1919 году мы располагались у Днестра и занимали фронт в районе Вапнярки. В тылу копошились бандиты и в отдельных уголках нашего района расположения вспыхивали восстания. Нам приходилось усмирять эти восстания, одновременно в наши ряды вливалось немало добровольцев-бедняков, батраков. Интересно отметить, что красноармейская масса настроена была в целом неплохо, но это неплохое настроение приходилось создавать нередко с огромными трудностями. Было достаточно какого-нибудь трудного момента, как в настроениях красноармейцев появлялись нотки тревоги, а иногда, в результате провокации петлюровских и деникинских агентов, и нотки злобы против Советской власти. В такие тяжелые моменты нам трудно было быть уверенными в том, что эти бойцы пойдут за нами, туда, куда мы им прикажем. Не разбегутся ли, удастся ли нам отразить внезапное наступление врага? и т. д.

И все же мы умели преодолевать плохие настроения, поддержать боевой дух красноармейцев, поддержать и дисциплину. Этого нам удавалось достигать потому, что крепка и едина была партийная организация.

Помню начался отход Южной группы. К месту расположения нашего штаба стали стягиваться войска и, в конечном счете, к этому пункту собралась вся дивизия. Правда, бригада, например, тов. Левензона[1] была вынуждена проделать со своими частями большой круг, прежде чем догнать основное ядро дивизии.

В районе Христиновки мы уже имели колонны в боевом виде. Здесь нам пришлось иметь сильные бои с противником. Двигались мы в то время просто „на север", и поэтому решение боевых задач было очень трудным, так как не знали, где противник, сколько его и т. д. Решения принимались тут же в бою и поэтому иногда это решение, подсказанное в горячую минуту, было, сказали бы мы, средним, удовлетворительным; оно могло бы быть хорошим и отличным, если бы мы знали обстановку.

---

[1] 1 бригада.

В районе Христиновки, наконец, связались с 44-й дивизией. Помню, колоннами проходили наши части. Я следил, как шли наши бойцы. Довольно бодро и уверенно проходили колонна за колонной. Эта бодрость уставших бойцов, имевших за плечами хороших три сотни с лишним верст похода, давала нам уверенность в том, что дивизия, уже достаточно обстрелянная и закаленная, сможет выдержать и более серьезные бои. Была уверенность, что дивизия, таким образом, сможет решить и более трудные задачи.

В районе Умани мы приняли решение выйти в тыл к деникинцам, окружить их и очистить себе путь. Но в это время у нас установилась связь с армией, и армия запретила делать нам это.

Весь дальнейший ход событий показывает, что наша наметка была совершенно правильна и целесообразна. Если бы мы это сделали, то на очень много срезали бы фронт и облегчили военные действия Красной армии. По выходе из кольца как известно отправились в Вязьму на переформирование.

Для нас необходимость переезда в Вязьму была понятна, но рядовой боец этого понять не мог и к такому решению высшего командования относился даже несколько недоверчиво. Надо сказать, тогда мы не знали *неисполнения приказа*. Эти слова были из'яты из нашего лексикона. Получили приказ, переговорили с красноармейцами и отправились в грязную Вязьму. Разместились в бараках со всеми неудобствами.

В Вязьме отдохнули, подтянулись, позанимались немножко. Помню, в это время к нам из Москвы приехал инструктор из штаба РККА, старикашка какой-то из бывш. генералов. Он приехал в дивизию, которую в Москве аттестовали не иначе, как „дикая". Начал он нас инструктировать, спрашивает:

— Кто у вас командир 133 бригады.

— Тов. Левензон,—отвечаем мы.

— Гм... не производит никакого впечатления...

— А командир 134 бригады?

— Тов. Котовский.

— Да... Ну, этот производит какое то впечатление.

О командире 135-й бригады тов. Голубенко, мы услыхали такой же отзыв, как и о тов. Левензоне. Пересчитали всех командиров и дошли до командира дивизии. Старикашка был очень удивлен, когда узнал, что тов. Якир—студент, а я—вовсе не полковник, за которого он меня принимает.

— Ну и народ же,—говорит, у вас подобрался!

— Да,—отвечаю,—подобрался.

— Нужно,—говорит,—сменить комсостав.

С тем и уехал. Больше мы не видали этого инструктора и ничего не слыхали о нем. Приехали в Ленинград. Нас встретили замечаниями:

— Приехала „дикая" дивизия!...

На Юг!

С Юденичского фронта на Юг. Здесь встретились с Махно. Мы очень опасались его разлагающей агитации. Но красноармейцы экзамен выдержали,—и разложенной как раз оказалась махновская армия. Бойцы дивизии не изменили делу Октябрьской революции; мы видели, что наша воспитательная работа над красноармейцами не прошла даром. Мы успели воспитать довольно твердых ребят.

Сплоченными, крепкими рядами направились на Одессу и Тирасполь.

У бойцов, в особенности, бессарабцев, было огромнейшее желание перескочить Днестр и захватить Бессарабию, занятую Румынией. Нужно было взять обещание со всех бойцов бессарабцев, в том, что они этого не будут делать. Такое обещание они давали. Но сам, например, тов. Котовский с пренебрежением относился к этим обещаниям и значения им не придавал. Политаппарату и парторганизации немало пришлось поработать над об'яснением красноармейцам всей опасности их бессарабского патриотизма, который мог повредить Красной армии и Советской стране.

Обещание, как известно, было выполнено. 45-я Дивизия, через Днестр не перешагнула, хотя об этом неоднократно приходилось жалеть, так как после уже проникнуть в наши родные края не представлялось возможным.

45-я дивизия была примером для многих.

На польском фронте помню такой случай. Заезжаю я с двумя конными в м. Чуднов. Под'езжаю к базару. Смотрю Буденовский кавэскадрон безобразничает, грабит у крестьян продукты и т. п. Под'ехал я к ним, покрыл их всех по „русски", одного огрел нагайкой, сказал несколько теплых словечек, и через пять минут кавалеристы сели на лошадей и уехали.

Я держу путь дальше. В соседнем от м. Чуднова селе узнаю, что этот же эскадрон под'ехал к спиртному заводу, пьет спирт и т. п. Немедленно под'езжаю к заводу. Вызываю командира:

— Что это за безобразие?—говорю я.

— Ничего невозможно с ними сделать,—отвечает командир.

Комиссар эскадрона подтверждает это.

Под'езжаю и говорю.

— 45-я дивизия здесь близко, и за такие безобразия вы будете наказаны!

Кавалеристы немедленно бросили барахолить, сели на лошадей и уехали.

45-я дивизия была для них той организацией, с которой они считались, ибо они 45-ю дивизию наблюдали и в боях, в которых дивизия давала пример исключительной [храбрости и самоотверженности. Они знали, что 45-я дивизия не потерпит мародеров не только в своих рядах, но и в рядах Красной армии в целом. И 45-я дивизия на всем своем пути старалась в корне пресекать малейшее проявление мародерства, сама в то же время лично подавая пример революционного выполнения долга.

Это выделяло 45-ю дивизию, ее каждого рядового бойца.

Это дает нам уверенность в том, что бойцы 45-й дивизии, воспитанные на этих боевых традициях своей части, смогут и в дальнейшем героически сражаться за Советскую власть, за дело революции во всем мире...

И. КРИВОРУКОВ.[1]

Героический налет.

Я выехал для об'езда Приднестровского фронта и ознакомления с состоянием боевых частей.

Дух войск был прекрасный, боевые качества красноармейцев выше всякой похвалы: они, действительно, готовы были выступить в любую минуту. Но организационной увязки частей между собой не было, не чувствовалось также связи между высшим командованием 3-й армии и фронтовыми войсковыми единицами. И эта поразительная расхлябанность меня сильно озадачила.

И Криворуков бессарабец, рабочий-столяр, старый большевик с 1902 г. за участие в восстании в Черноморском флоте в 1905 году приговорен к 17 годам каторги, из которых просидел 11 лет. В апр. 1919 г. председатель временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии. В 1920 г. комиссар 133 бригады на деникинском фронте В настоящее время председатель Укрвинделуправления и член Одесской Окр. КК и Горсовета.

В 6 часов вечера того же дня приходит ко мне т. Черников и заявляет, что завтра, на рассвете, ровно в 5 часов, им будут взяты Бендеры. Для меня это заявление было совершенно неожиданно.

Как само выступление, так и руководство штурмом было поручено 2-му Бессарабскому полку, во главе с его командиром Чухненко, при чем руководство всеми операциями взял на себя сам т. Черников. На мой вопрос: имеется ли приказ командарма о начале наступления и достаточно ли подготовлены части для такой серьезной военной операции, т. Черников ответил, что приказ есть и все готово для начала боевых действий; требуется только чтобы я, с своей стороны, также оказал соответствующую помощь, как людьми, так и медицинскими материалами. Я обещал ему.

Когда Черников ушел, меня взяло раздумье: выполнимо ли в данный момент такое чрезвычайно серьезное выступление. Зная, как непростительно небрежно была поставлена связь и согласованность действий войсковых частей, я усумнился в положительном исходе этой операции. Приостановить ее, однако, было уже поздно, да и не от меня это зависело, ибо военное командование в своих действиях было совершенно самостоятельно.

После обмена информацией по поводу развертывающихся событий с остальными членами правительства, было постановлено принять активное участие в этом наступлении. Было решено, что все члены правительства должны занять боевые посты. Кроме того, мы откомандировали в распоряжение комбрига т. Черникова весь наличный состав сотрудников, а также военный отряд правительства и медицинский персонал с необходимыми медикаментами.

Исходным пунктом наступления было село Парканы, куда стекались все резервы.

На мою долю стечением обстоятельств выпали чрезвычайно ответственные, можно сказать, непосильные функции „Главковерха", который должен был одновременно двигать силы к намеченному для удара пункту, обеспечить действующие части снабжением, боевыми припасами, провиантом, медицинским персоналом и к тому же заниматься подготовкой тыла.

Сверх того, имея в своем распоряжении только одного телефониста, я сам принимал по телефону сводки с боевого участка, давал распоряжения другим войсковым единицам и различным тыловым учреждениям. И вот, когда в процессе этой работы я непосредственно столкнулся с огромнейшими непорядками, я еще больше убедился в неизбежном провале этого выступления. Последующее с достаточной ясностью подтвердило мои тревожные подозрения.

* * *

По всей прифронтовой полосе мерно дышала тихая майская ночь, а безоблачное звездное небо предвещало наступление солнечного теплого дня.

Город спит, и вокруг него до самого Днестра чувствуется тревожная тишина, которая временами нарушается отдельными свистками и плеском волн. Сигнализирующая с румынской стороны ракета на мгновение освещает Терновские плавни и сады. Не проходит пяти минут, как на небе сверкает длительной лентой ответная ракета и вновь наступает зловещая тишина.

Чу... раздается несколько ружейных выстрелов. Выскочив на перрон узнаю от часового, что выстрелы раздались в том районе, где выпущена ракета на нашей стороне. Как видно, стреляли наши часовые.

Из штаба боевого участка вызывают меня к телефону: подхожу к аппарату. У телефона комбриг Черников, который доносит, что перевозочные средства готовы, но их не хватает для переброски большого отряда, поэтому придется совершать переброску мелкими частями. Высадка будет совершена вблизи железнодорожного моста, где первым долгом внезапным налетом будет снята неприятельская застава. Просит приказать т. Гончарову, командиру Приднестровского полка, подтянуть к рассвету свои части для переброски через Днестр новых резервов на подкрепление. Кроме того, он сообщает, что намечены ударные группы с конкретными заданиями и просит приготовить на утро в военном госпитале 100 коек.

Все эти приготовления производились в строжайшей тайне, и жители города не подозревали, что они утром могут встать под гул орудий и треск пулеметов.

Всю ночь, не сомкнув глаз, я дежурил у телефона, чередуясь с станционным телефонистом.

[1] Очерк принадлежит председателю временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии, которое было организовано в связи с предполагавшимся наступлением на Бессарабию в апреле 1919 г. *Ред.*

Часовая стрелка, приближаясь к четырем, вызывает душевную тревогу. Сердце учащенно бьется и сжимается от боли при мысли о возможной неудаче и гибели в этом наступлении лучших борцов революции: я почти был уверен, что многие из моих товарищей сложат там свои головы. Настроение скверное, нервное, и почему то хочется, чтобы развязка не наступила так быстро.

Пронзительный звонок телефонного аппарата заставляет меня вздрогнуть и я с тревогой беру трубку в руки. На этот раз звонит не Черников, а другой, сообщающий, что уже переправлена рота пехоты в 150 человек. Срочно требуются новые перевозочные средства. Комбриг т. Черников сам переправился на ту сторону для личного руководства операцией на месте; вместе с ним отправился и командир 2 бессарабского полка тов. Чухненко. Ждут сообщений с фронта.

Теперь от телефонного аппарата не отхожу и жду сведений о развитии дальнейших событий; одновременно выясняю, где можно найти перевозочные средства для подкрепления переправы.

Действительно, только в 1919 г. возможна была такая беспечность, когда люди затевали серьезнейшие предприятия, стоившие многих человеческих жизней, при полном отсутствии плана наступления и обеспечения переправы на случай возможной неудачи.

Какой трагизм, когда чувствуешь себя бессильным сделать все, чего требует обстановка! От сознания беспомощности создается подавленное настроение, теряется вера в успех.

Продолжительный звонок телефона и беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба со стороны Бендер вывели меня из состояния раздумья.

С нервным беспокойством беру трубку и принимаю срочное донесение из Паркан.

„5 часов утра. Переправа совершена удачно, Румынская застава взята без выстрела, часовые других постов спали и также сняты. Направившаяся цепь из 40 штыков в сторону вала Бендерской крепости заставила последнюю выкинуть белый флаг о сдаче. Другой небольшой отряд захватил вокзал, откуда без всякого боя бежали жандармы и румынские солдаты".

Часть товарищей рассыпалась по городу, чтобы призвать население к восстанию. Одна группа, после небольшой схватки, бросила бомбу и захватила казначейство, другая вошла в казармы французских солдат и об'явила их пленными. Французские солдаты, увидев перед собою группу смельчаков в 15 душ, разразились гомерическим хохотом—почему, мол тревожат их сон из-за таких пустяков. Но когда услышали стрельбу в городе и увидели в руках наших храбрецов бомбы, согласились собрать свои вещи и идти на переправу. При этом многие французы стали вытаскивать из под подушек прокламации нашей подпольной бессарабской организации и кричать, что они тоже большевики.

Чернокожие французской армии, а равно и румынские войска бежали из города; часть из них направилась на Борисовку, а часть на Каушанскую дорогу. Внезапное и неожиданное нападение на город создало огромную панику, и растерявшаяся власть скрылась.

Не теряя ни минуты времени, я вызываю к прямому проводу командарма. Вместо него подходит Начштаба армии т. Пионтковский, которому в точности передаю первое донесение с фронта и запрашиваю его мнение.

Мое сообщение ошеломило его, так как в штабе армии ничего не было известно о таком выступлении. Он был поражен этим фактом. Не будучи знаком с состоянием фронта, он не мог посоветовать, как поступить дальше, и я должен был сам изыскивать всяческие возможности, чтобы облегчить выполнение затеянного дела.

Черников командир 3 бригады 45 дивизии в 1919 году, организатор налета на Бендеры, начальник авангарда 45 дивиз. в Южном походе

Таким образом я, после разговора с начальником штаба армии, лишний раз убедился в правильности моей оценки, и меня вновь охватило чувство болезненной подавленности.

* * *

В Тирасполе встревоженное стрельбой население поднялось на ноги, а телеграф успел раструбить во все концы мира о взятии Бендер и бегстве румынских войск. Население Приднестровья ликовало.

В следующей сводке сообщалось, что на девяти рыбацких лодках перевезено на нашу сторону 160 пленных французских и румынских солдат, а на очереди к переправе стоит еще свыше тысячи человек, поэтому требуются дополнительные перевозочные средства. Кроме того, настаивают на переброске новых частей для захвата крепости, ибо отряд в 40 красноармейцев не может вступить в крепость, где имеются два баталиона румынских солдат.

Никаких перевозочных средств нигде не оказалось. Что же касается подкрепления, то оно уже двигалось по моему распоряжению, но для этого требовалось достаточно времени, ибо тов. Гончаров, по его личному заявлению, также не был посвящен в план выступления и поэтому не мог заранее подготовиться. Теперь же ему предстояло совершить героическое усилие — собрать с фронта целый полк и в течение пяти часов,

в ночное время перебросить эту часть из района с. Карагаш в с. Парканы.

В Тирасполь, наконец, прибывает первая партия пленных, конвоируемая нашими бессарабцами. Среди пленных преобладали французы, которые охотно сдавались большевикам; остальные пленные—чернокожие и румыны. Кроме военных был захвачен секретарь бендерской сигуранцы Попеско, лицо которого выражало ужас и потрясение, а бегающие, избегающие взгляда его глаза молили о пощаде. Он ясно сознавал, какая участь ждет его за мучительные пытки революционеров, которым он подвергал их в стенах сигуранцы. Бессарабцы, узнав его, негодующе потребовали, чтобы его немедленно расстреляли... Его между прочим стащили с постели, не дав одеться, как следует, и быстро перебросили на нашу сторону, Попеско отправили в ЧК, а пленных посадили в специально затребованный мною поезд и отправили в Одессу.

Тем временем со стороны Бендер усиливалась пулеметная стрельба и французская батарея, расположенная в Борисовке, открыла бешеный огонь по нашей переправе.

С фронта требуется скорейшая посылка на помощь кавалерии и аэропланов, при чем просят дать последним задание сбрасывать в Бендерскую крепость бомбы, так как крепость эта, получив сообщение французского командования о малочисленности наступающих сил, сняла белый флаг и подняв боевой, вступила в перестрелку с нашей цепью.

Французское военное командование, убедившись в трусости и ничтожестве румынского командования, допустившего до небывалого в истории позора, когда горсточка людей захватила город и держит его при наличии двух неприятельских дивизий несколько часов в своих руках, когда сдаются крепость, казначейство, в котором свыше 60 миллионов лей, вокзал, когда множество солдат сдается в плен, и вооруженная армия и жандармерия обращаются в бегство, спасая свою шкуру, решило устранить румынское командование и взять инициативу в свои руки.

И вот, им был дан приказ сосредоточить разбежавшиеся войска и всей массой повести наступление на Бендеры, чтобы выбить наших, поистине безумных храбрецов.

Канонада стала усиливаться. Авиаторов нигде нельзя было в городе найти и, лишь спустя несколько часов, сообщили, что нашли тов. Бербеко, который немедленно поднимется, но без бомб, так как их нет. Через час он действительно поднялся на своем аэроплане и взял курс на Бессарабию.

Мы с затаенным дыханием наблюдали за его смелым полетом и теми красивыми маневрами, которые совершались им в воздухе. Разбросав над Бессарабией несколько пудов манифеста Бессарабского правительства, и, обстреляв пулеметным огнем бегущих зуавов, он вернулся обратно и спокойно спустился на свое место.

Французская батарея, нащупав нашу переправу, уничтожила наши перевозочные средства, а оставшиеся пленные с досадой вернулись обратно в свои казармы. Наши бойцы бросились вплавь. Некоторые из них утонули; погиб при переправе и секретарь Тираспольского уездпаркома т. Цвигуненко, всеми любимый и уважаемый, т. Черников был контужен, Чухненко ранен в ногу, но оба вернулись... Человек пять попали в плен. В общем, потери были не так велики, если принять во внимание условия, при которых была совершена эта опасная и трудная операция: 35 человек убитых, и раненых и попавших в плен, а остальные все вернулись благополучно. Погиб в это время еще бендерский инженер тов. Хаскелевич, которого мы торжественно похоронили на тираспольском кладбище.

Так закончилась эта безумная попытка повести наступление без всякого плана и подготовки, без учета своих сил.

Нужно все же отметить, что эта исключительно храбрая вылазка являет собой яркий образец могучего воодушевления Бессарабских повстанцев, их непримиримой классовой ненависти к румынским жандармам и помещикам. Эта вылазка—образец величайшего героизма, смелости и отваги, выковывавшихся в пламени гражданской войны красных полков.

А. МИНИН.

Захват Бендер.

В мае 1919 года 3-я бригада 5-й Украинской дивизии, будущая 135 бригада 45 дивизии занимала участок по реке Днестр от гор. Дубосары до гор. Маяки. Бригада состояла из 4-х полков: 1-го Приднестровского, 2-го Приднестровского 3-го Тилигулло-Березанского и 4 Бессарабского. Командир бригады тов. Черников решил захватить Бендеры, на правом берегу р. Днестра.

Для захвата Бендер было приказано Приднестровскому и Тилигулло-Березанскому полкам к вечеру 8 мая сосредоточиться в районе Парканы.

Решено было перебросить с рассветом 9 мая небольшой отряд смельчаков на берег Днестра, а затем под его прикрытием перебросить два полка.

Отряд был составлен из охотников в количестве 123 человека, исключительно бендерцев, знавших хорошо расположение города.

Сведения о противнике были следующие: крепость, расположенная у железнодорожного моста, занята одним батальоном румын и двумя ротами французов. В самом городе, в казармах—около полка румын и французов. В лагере за городом—невыясненной численности французские, румынские и чернокожие части.

На рассвете 9-го мая отряд бендерцев под командой Коли Чухненко, обмотав весла тряпками, начал переправляться через реку. Переправа производилась немного южнее желдормоста, против водокачки. На первых 4-х лодках отправилась

группа в 32 человека, которой было дано задание разоружить без всякого шума береговых часовых, и румынскую заставу и засесть в окопах, там же у берега, обеспечивая переправу всему отряду.

Над рекой расстилался густой туман и скрывал от взоров часовых-румын четыре лодки с группой смельчаков. Лодки старались плыть по одной линии, чтобы сразу всем пристать к берегу. Удалось скрытно подплыть и пристать к берегу. 32 смельчака бесшумно выбрались из лодок на берег и тут же залегли, а лодки, оттолкнувшись от берега, поплыли обратно. Каждый из лежавших понимал, что малейшее неосторожное движение может провалить весь план.

Где то вправо и влево слышались глухие и равномерные шаги румынских часовых. Несколько человек из отряда скрылись в тумане, ползком подкрадываясь к часовым. Через пару минут послышалась возня, как-будто кто-то боролся, глухие стоны, падение тела и все опять стихло. В тумане послышался шопот: „Двигайтесь наверх. Надо найти их заставу!"

Группа двинулась на гору. Через несколько минут все были на горе. Тем временем немного южнее водокачки, шагах в трехстах высадился остальной отряд под командой Чухненко. Начали окружать дом, в котором по данным агентурной разведки, должна быть румынская застава. Во дворе залаяли собаки, но куски мяса, заранее приготовленные, успокоили их. Немного подождали и начали перелезать через забор. Перелезли. У дверей дома шагал часовой. Пара человек тихо подползли к нему и всадили штык в спину. Бросились в дом. Везде на полу и на кровати спали румыны. Их было 18 человек; винтовки же стояли в углу. Моментально все спящие были разбужены, разоружены и отправлены на берег.

Первая задача была выполнена удачно. Пустили разведку в обе стороны вдоль берега. Удалось снять еще 4-х часовых. Таким образом противоположный берег был захвачен отрядом и можно было до восхода солнца переправлять главные силы. Но полки, намеченные для переправы, не подходили.

Командир отряда Чухненко решил, что если сидеть на берегу и ждать восхода солнца, то румыны, увидев, что их незначительное количество, перебьют всех.

Решено действовать. Отряд был разделен на две партии с задачей: 1-й партии ворваться в крепость и разоружить части противника, 2-й партии в казармах на Протягайловской улице разоружить румын и захватить вокзал, всех пленных и захваченные трофеи направлять к водокачке. Партии двинулись и вскоре скрылись в тумане. Через час у водокачки толпилось до 100 человек пленных французов и до 300 человек румын. Обе партии удачно действовали и без единого выстрела разоружили спящие румынские и французские части.

Одной роте румын удалось прорваться в сторону лагеря. Поднялся переполох. Быстро стали направляться к городу войска. Со стороны лагеря по городу был открыт артиллерийский огонь. От снарядов в городе вспыхнули пожары. Город Бендеры был в руках небольшого отряда храбрецов. Со стороны лагеря на город повели наступление румынские и французские части. Завязалась перестрелка. Помощь не подходила...

Противник, выяснив, что город занял небольшой отряд красных, стал быстро наступать с юга и запада. Под натиском противника начался отход к центру города. Часть отряда была прижата к Днестру в районе мельницы „Бланка" и уничтожена. Только один человек спасся из этой группы вплавь через реку.

Другая же группа старалась задержаться в центре города на Соборной площади, но видя, что подкрепление не подходит, а румыны начинают обходить группу, Чухненко отдал приказ быстро отходить к мосту.

10 человек с одним пулеметом „Максима" остались у собора прикрывать отход группы. Вся группа благополучно добралась до водокачки и начала на лодках переправляться в Парканы. Из 10 человек, прикрывавших отход группы, добрались до водокачки только 4 человека, остальные по дороге были убиты. Румыны наседали. Оставшиеся четверо смельчаков вскочили в окопы и решили погибнуть, но дать возможность группе закончить переправу на противоположный берег. Зарядили пулемет и начали поливать свинцовым дождем наступающие румынские цепи. Одному из четырех пуля прострелила голову, и он тут же растянулся на дне окопа, но три продолжали отстреливаться. В течение 15 минут они сумели задержать натиск противника. Увидев, что группа переплыла реку и высадилась из лодок на берег, три героя разделись и бегом бросились к реке. Все три нырнули в воду и, быстро замахав руками, поплыли.

Румыны большой толпой бросились к берегу и начали охотиться за плывущими. Трое—их имена следующие: Антоша Торговцев, Ваня Минин и Ваня Степкин, продолжали плыть, держась на расстоянии 20-ти шагов друг от друга. Чтобы не служить хорошей мишенью для румын, они старались почаще нырять. Степкин нырнул и больше не показывался, а Торговцев и Минин продолжали плыть. Чухненко распорядился открыть из садовой канавы огонь из пулеметов по столпившимся румынам у берега. Как только заработали наши пулеметы, румыны бросились от берега наверх, спрятались за домами и оттуда опять начали обстреливать двух плывущих красноармейцев. Вот они уже у берега реки. Стали на ноги и вдруг Торговцев упал—его ранило в голову и раздробило кость. Минин подскочил, схватил утопавшего товарища под руки и вынес на берег. Ползком добрались до канавы и оба без чувств свалились на руки красноармейцев.

В это время подошел Котовский с эскадроном, за ним подошли и оба полка, предназначавшиеся для захвата Бендер, но было уже поздно...

Этот эпизод должен запомнить каждый красноармеец нашей дивизии и армии, и выполнять возложенную на него задачу в боевой обстановке так же, как выполнили 10 человек, оставшиеся для прикрытия отхода своего отряда.

„ДЕРЕВНЯ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ЕДИНОЙ. В ТОЙ ДЕРЕВНЕ, КОТОРАЯ, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК, БОРОЛАСЬ ПРОТИВ ПОМЕЩИКОВ, ВОЗНИКЛИ ДВА ЛАГЕРЯ — ЛАГЕРЬ ТРУДЯЩЕГОСЯ БЕДНЕЙШЕГО КРЕСТЬЯНСТВА, КОТОРОЕ ВМЕСТЕ С РАБОЧИМИ ТВЕРДО ПРОДОЛЖАЛО ИТТИ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СОЦИАЛИЗМА И ПЕРЕХОДИЛО ОТ БОРЬБЫ ПРОТИВ ПОМЕЩИКОВ К БОРЬБЕ ПРОТИВ КАПИТАЛА, ПРОТИВ ВЛАСТИ ДЕНЕГ, ПРОТИВ КУЛАЦКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕЛИКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, И ЛАГЕРЬ БОЛЕЕ ЗАЖИТОЧНЫХ КРЕСТЬЯН. ЭТА БОРЬБА, ОТКОЛОВ ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТ РЕВОЛЮЦИИ ИМУЩИЕ ЭКСПЛОАТАТОРСКИЕ КЛАССЫ, ПЕРЕВЕЛА НАШУ РЕВОЛЮЦИЮ ПОЛНОСТЬЮ НА ТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕЛЬСЫ, НА КОТОРЫЕ РАБОЧИЙ КЛАСС ГОРОДОВ ТВЕРДО И РЕШИТЕЛЬНО ХОТЕЛ ЕЕ ПОСТАВИТЬ В ОКТЯБРЕ, НО НА КОТОРЫЕ ОН НИКОГДА НЕ СМОЖЕТ ПОБЕДОНОСНО НАПРАВИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ, ЕСЛИ НЕ НАЙДЕТ СОЗНАТЕЛЬНОЙ, ТВЕРДО СПЛОЧЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ В ДЕРЕВНЯХ".

(ЛЕНИН — том XV, стр. 590—591).

ПЕРЕД ЮЖНЫМ ПОХОДОМ.

Бои с петлюровцами и ликвидации кулацких восстаний.

Только что сформированная в связи с общей реорганизацией Красной армии на Украине 45-я стрелковая дивизия к началу июля 1919 года состояла из трех стрелковых бригад, с артиллерийским дивизионом в каждой бригаде, коммунистического отряда Гуляницкого, 1 и 18 Артдивизионов и приданного из б. 6 украинской дивизии 48 Балтского полка. Общий состав дивизии выражался цифрами 11000 бойцов, 34 орудия, 123 пулемета, 3 самолета и 2 аэростата. Основные единицы—бригады были укомплектованы повстанцами-бессарабцами и партизанами Украинского Приднестровья и представляли собою испытанные, стойкие части.

45-я дивизия организационно входила в XII армию, об'единявшую действия красных войск на Правобережной Украине и занимавшую своими тремя дивизиями (44-й, 45-й и 47-й) 700 верстный фронт от Коростеня через Проскуров и далее по берегу Днестра и Черного моря через Рыбницу, Тирасполь и Одессу до Николаева и Херсона. Противником были: на северном участке — поляки, в Подолии—петлюровцы, румыны—по всему течению Днестра и, наконец, на Черном море—белый флот Деникина, пытавшийся высадить десант в районе Одессы. Обстановка осложнялась чрезвычайно активным повстанческо-бандитским движением петлюровского толка на всей Правобережной Украине. Шайки и отряды, численностью иногда до 1000 человек, неделями занимали уездные центры, прерывая всякую связь между крупными городами и югом и севером Украины, прекращая железнодорожное движение и дезорганизуя работу армейского тыла. Подходившие пополнения привлекались в первую очередь на борьбу с бандитизмом, не достигая дивизий фронта.

К моменту своей организации 45-я дивизия, как и составившие ее части б. 5 Советской Украинской дивизии и Отдельной Бессарабской бригады Мазурова, продолжает занимать 400-верстную линию фронта от м. Маяки на левом фланге (на нижнем течении Днестра), вдоль всего восточного берега Днестра до г. Ямполь и далее до жел. дороги Жмеринка—Волочиск.

Правый фланг дивизии, б. Бессарабская, а сейчас 1-я бригада, оставившая в начале июня, под давлением почти всей, сформированной в Галиции, петлюровской армии Каменец-Подольск, в первых числах июля занимала и активно обороняла 140-верстный участок от г. Бар (30 верст западнее ст. Жмеринка) до устья р. Окны, имея перед собой 3-ю и 7-ю петлюровские дивизии, общим числом до 10000 бойцов. 2-я бригада с приданным Балтским полком обороняла участок Днестра от устья р. Окны до с. Дороцкое, и 3-я бригада—по восточному берегу реки от Дороцкое до Маяки. На западном берегу Днестра в районе г.г. Сороки, Кишинев, Аккерман были сконцентрированы крупные силы румын, французов и даже поляков; были установлены VII румынский корпус, 15-я и 156-я дивизии французов и полк польских легионеров.

Справа,—от г. Бар и далее к северу занимала фронт 44-я дивизия, связанная борьбой с петлюровцами на Проскуровском и с поляками на Ровненском направлениях. Слева,—от Маяки и далее на Одессу—Николаев слабые, сравнительно, части 47-й дивизии обороняли Черноморское побережье.

Ближний тыл дивизии (районы Брацлава, Немирова, Балты) кишел бандами различных наименований.

На правом участке дивизии петлюровцы развивали активную деятельность, пытаясь ежедневными почти наступлениями в различных пунктах и действиями в стык 44-й и 45-й дивизий прервать сообщение Киев — Одесса, разобщить северную и южную группы XII армии (44 и 45 дивизии) и соединиться с многочисленными бандами, оперировавшими в глубине Правобережья.

На левом участке румыны и французы держали себя пассивно, устраивая в инженерном отношении правый берег Днестра. Действия наших частей сводились здесь к перестрелкам и налетам небольших отрядов на румынскую сторону (особенно замечательным по смелости и разительному неравенству сил был налет на Бендеры 26 — 27 мая 1919 года)[1].

6—7 июля петлюровцы, перейдя в наступление, захватывают г. Бар и ст. Жмеринка. Правофланговый 397-й стрелковый полк 1-й бригады, будучи отрезан от дивизии, отходит с батареей на участок 44-й дивизии и навсегда остается в ее составе (теряя свою нумерацию). Сообщение с Киевом прерывается, и отмеченная выше цель петлюровцев как-будто достигнута. Но 9 июля правый фланг 45 дивизии, отброшенный к ст. Ярошенка, и 44 дивизия из района Винница переходят в одновременное наступление на Жмеринку; в результате упорного боя противник оставляет Жмеринка — Бар и поспешно отходит в Ново-Ушицком направле-

---

[1] Налет на Бендеры описан в настоящей книге в статьях т. Криворукова („Героический налет") и А. Минина („Захват Бендер"); последняя статья содержит военное описание операции и зарисовку фигур участников ее. Обе статьи помещены в предыдущем разделе „Организация дивизии". *Ред.*

нии, оставляя трофеи и пленных. Связь с Киевом и 44 дивизией восстанавливается.

Оценивая наступление Петлюры, как наиболее, в данный момент, серьезное и угрожающее нашему украинскому фронту, Командование XII армией 11 июля назначает новые разграничительные линии между дивизиями, сокращая фронт 45-й за счет ее северного участка. Новая разграничительная линия с 44-й дивизией проходит через ст. Рахны — Могилев-Подольский. Соответственно этому внутри 45 дивизии производится перегруппировка: 2-я бригада, под командой т. Котовского, занимает фронт Шаргород Ямполь и далее по Днестру до с. Дороцкое, 3-я бригада сохраняет свой участок, а 1-я бригада, понесшая крупные потери в жмеринских боях, отводится в резерв дивизии за ее правым флангом в район ст. Вапнярка.

Участок правой 2-й бригады в это время был усилен прибывшим из Одессы полком матросов Стародуба. Полк этот, имевший небольшое матросское ядро, в массе своей был сформирован из деклассированных элементов Одесского порта, людей без всякой дисциплины и боевой выучки.

12 июля противник, вновь перейдя в наступление, оттеснил левый фланг 44-й дивизии на ст. Жмеринка и части 2-й бригады на линию Юлиамполь — Томашполь — Мястковка. Одновременно крупные банды захватывают железнодорожный участок между ст.ст. Жмеринка и Ярошенка, нарушают сообщение Киев—Одесса и прерывают связь с 44 дивизией. От 45-й отрывается еще один, 401 полк, ушедший к северу и влившийся в 44 дивизию.

Банды, носившие в 1919 году на Украине характер „нормального", бытового явления, настолько усилились, что к 15 июля фактически захватили территорию Брацлавского, Ольгопольского, Гайсинского и части Балтского уездов в тылу дивизии, нанося короткие удары по фронтовым железно-дорожным путям и нападая на тыловые учреждения и обозы дивизии; одной из банд были зверски уничтожены даже санитарные учреждения с ранеными 1-й бригады в д. Крыжополь. Полное отсутствие внутренних гарнизонов заставило командование дивизии выделить ряд фронтовых частей для борьбы с бандами. Помимо них против банд были брошены: коммунистический отряд Гуляницкого,[1] заградительный отряд Горева[2] и вновь сформированный отряд Особого Назначения Анулова.

Деятельность банд облегчалась и подкреплялась непрерывным рядом кулацких восстаний в тыловом районе дивизии. Если, однако, в районе Балты и южнее—на Херсонщине приходилось иметь дело по преимуществу с мелкособственнической стихией, проявлявшейся в кулацких восстаниях, то в тылу правого фланга дивизии у Брацлава и Тульчина сгруппированы были организованные регулярные банды Ляховича, петлюровского полковника Волынца и др. Как было уже указано, 12 июля эти банды прервали железно-дорожное сообщение Киев—Одесса. 13—15 июля, занятый бандами участок Жмеринка—Ярошенка, входивший в район отошедшей на Жмеринку 44 дивизии был отвоеван выведенной из резерва нашей 1-й бригадой, но, уже с 16 июля вошедшие в связь с бандами части 3 „синей" дивизии Петлюры занимают ст.ст. Ярошенка и Рахны. Правый фланг 1-й бригады был принужден отойти к ст. Юрковка. Сообщение с Киевом и 44 дивизией было на этот раз прервано окончательно, и противник стал свободно распространяться в образованный прорыв на восток в Липовецком направлении, обтекая правый фланг 1 бригады.

Невзирая на угрозу полного обхода своего правого фланга, командир 2 бригады тов. Котовский переходит в наступление с фронта Юлиамполь—Томашполь—Мястковка, 15 июля сбивает петлюровцев у Мурафы, занимает г. Ямполь, захватывая здесь орудия, и развивает успех на Могилев Подольский. Однако, в ночь на 17 июля петлюровцы, совершив от м. Джурин налет на почти поголовно пьяный, спавший без мер охранения полк Стародуба у Томашполя, наполовину уничтожают его; остатки злосчастного полка матросов бегут пешком на Одессу, оголяя центр и правый фланг бригады. Штабные команды, заградительные отряды и последние резервы с трудом ликвидируют прорыв, и к 21 июля бригада занимает фронт Журавлевка — Комаргород — Ямполь, сохраняя южнее по Днестру прежнее положение. В этот же день конница противника обходит правый фланг дивизии у Журавлевки и вынуждает 1 бригаду отойти на ст. Кирнасовка (в тылу Вапнярки); одновременно 2 бригада с боем отходит на фронт Крыжополь—Яланец—Ямполь.

23 июля Одесса вновь подкрепляет дивизию т. наз. 54 „Советским" полком Мишки Япончика, главаря одесских уголовных бандитов. Полк этот, отлично вооруженный, но сформированный из уголовных преступников и т. наз. „блатных" элементов, не вызывал особенных надежд начдива 45. 26 июля он доносит Командарму XII:

„Опасаюсь, что повторится история, как с полком Стародуба"[1].

Угрожающее положение правого фланга вынуждает Начдива 45 перебросить сюда все свои силы. 25 июля 3 бригада принимает на себя весь участок Днестра от Маяки до Ямполь, 2 бригада занимает участок Мястковка-Ямполь, а 1 бригада, перейдя в короткое наступление, занимает ст. Вапнярка и выходит на фронт Вапнярка—Савчино, имея в тылу и на правом фланге у Шарапановки конницу противника.

26 июля дивизия вновь переходит в наступление в Могилев-Подольском направлении, развивая одновременно удар на ст.ст. Журавлевка—Юрковка—Рахны для соединения с 44 дивизией. Полк Мишки Япончика оправдал опасения Начдива: при первом же серьезном столкновении с петлюровцами севернее Вапнярки „блатные" ударились в паническое бегство. Правый фланг дивизии, в связи с бегством 54 полка, оказался вновь открыт, и 1-я бригада снова отходит на ст. Крыжополь.

Новый взрыв повстанчества в тылу дивизии

---

[1] Деятельность отряда т. Гуляницкого описана в статье („Отряд революционеров"), помещенной ниже. *Ред.*

[2] Об отряде т. Горева говорит т. Гусарев в статье „Одесса в те дни" (помещена ниже). *Ред.*

[1] Яркую характеристику „полков" Стародуба и Мишки Япончика читатель найдет в статье А. Гринштейна „О своих и чужих" помещенной в этом разделе. *Ред.*

вынуждает к переброске сильных отрядов на внутренний фронт. Особенно значительными по размерам, упорству и непримиримости повстанцев были кулацкое восстание в многотысячном старообрядческом селе Плоское и хорошо организованные восстания в немецких колониях, расположенных вдоль железной дороги Одесса—Бирзула, главным же образом, в районе ст. Раздельная. Одновременно крупными бандами был занят г. Балта. Петлюровцы, координирующие свои действия с бандами, продолжают развивать наступление на 1 бригаду, медленно, с боями, отходящую от Крыжополя на ст. Рудница. Пополнений нет никаких, а артиллерийское снабжение, руководимое в Одессе членами белогвардейской организации, оставляет дивизию без патронов и снарядов. Присланные гаубичные батареи оказались негодными из-за отсутствия ответственных частей механизмов.

На борьбу с повстанцами и бандами дивизия выделила 4 крупных отряда общей силой до 3 полков с артиллерией. В результате упорных боев были подавлены кулацкие восстания в районах Кучурган, Раздельная и Плоское, при чем выяснилось, что немецкое восстание руководилось белогвардейскими офицерами[1].

1—15 августа отмечается рядом непрерывных жестоких боев с петлюровцами, имевшими основной задачей отбросить дивизию от прикрываемого ею Одесского направления. В результате этих боев 1 и 2 бригады заняли фронт на север по линии Б. Крикливцы — ст. Рудница — Хрустово — Каменка (на Днестре). Линию Днестра от Каменки до Маяки продолжала занимать 3 бригада. Общий состав дивизии к 20 августа свелся к 6000 штыкам, 500 саблям, 72 пулеметам и 24 орудиям. Эти силы были разбросаны на громадной территории небольшими группами, что затрудняло и маневр и управление и не позволяло сосредоточить сколько-нибудь крупных сил на угрожаемых участках. Ни общих, ни частных резервов не было.

Переданная кружным путем телеграмма начдива 45 командарму XII рисует положение дивизии:

„Экстренно. Секретно. Оперативно. Командарму XII. 15 августа 6 часов противник Могилевского направления значительными силами, предупредив наше намерение, повел решительное наступление, сбил наши части на линию Пирожное—Студеное—Каменка и продолжает теснить к югу, стараясь обойти висящий в воздухе правый фланг дивизии. Отсутствие русских патронов лишает возможности отбросить переходом в наступление противника, и дивизия поставлена перед возможностью потери Бирзульского узла. Линия Любашевка-Помощная взята повстанцами и местами на десятки верст срыта с насыпи, восстановление очень замедляется. Прошу директив, в частности о грузах, патронах, подлежащих эвакуации Одесса—Киев.

Бирзула, 16/VIII, № 0935. Начдив 45 Якир. Политком Гринштейн".

Начдив не добавил, что в тылу его еще не подавлено немецкое восстание, а у Одессы появились суда противника, подготовляющие высадку десанта. Деникинцы к этому времени уже подходили к Елисаветграду, ст. Помощная занималась Махно, и 45-я очутилась перед фактом полного окружения.

18 августа Командарм XII телеграфирует из Киева:

„Реввоенсовет Республики приказал:

1) Войска Южной группы (45, 47 и 58 дивизии) на север не отводить, т. к. оборона южной Украины, в частности Одессы, необходима...

2) На группу возлагается сохранение южной Украины, даже в том случае, если бы петлюровцы и деникинцы соединились в районе Умань—Елисаветград. Командарм XII Семенов."

Соединение это произошло в районе Киева. 23 августа белые, при помощи местной белогвардейской организации, заняли с моря Одессу. 45 дивизия в кольце врагов и огне внутренних восстаний, без патронов и пополнений, продолжала выполнять свою задачу—„сохранение южной Украины" от петлюровцев и румын[1].

28 августа, вследствие новой директивы, командованием XII армии отдается приказ об отходе Южной группы на север, пробивая путь через петлюровско-деникинский кордон.

---

[1] Эти кулацкие восстания освещены в помещенных ниже статьях Л. Владимирова „Против немецкого и русского кулачья" И. Колесникова „В боях" и Г. Старого „Кулацкие депутаты" и Е. Школьника, „Записки Тилигулло-Березанца". *Ред.*

[1] Жестокие бои в этот период описаны в статьях, помещенных в настоящем разделе И. Колесникова „В боях", Д. Чекмака „Догнали дивизию" и Г. Лисицкого „В последний день перед отходом". *Ред.*

А. ГРИНШТЕЙН.

О своих и чужих.

45-я дивизия выделилась из 3-й Украинской армии. Что собой представляла эта армия—трудно сказать. Во всяком случае на регулярную армию она была мало похожа. Политически невоспитанные, органически еще не порвавшие с григорьевщиной части 3-й армии представляли собой совершенно сырой и необработанный материал. Командный состав был также очень слаб. Среди него были и скрытые петлюровцы, как Савицкий (впоследствии кажется, судившийся в Одессе в ОГЧК) и явно бандитский элемент, как напр. Живодеров, командир бригады.

А. Гринштейн—Начподив 45 в 1919 году.

Настроение красноармейской массы было в общем боевое, но отсутствовала дисциплина и политическая сознательность. Так, в Поарм нередко поступали донесения, что красноармейцы срывают вывески Н. полкомов в Ольвиополе, Дубоссарах и других местах, говоря, что это „жидовские" вывески, что там готовят для крестьян „комунию" и т. п.

Эти факты тем более интересны, что в дальнейшем после известной политической обработки, эти же части, побросав свои хаты, с песнями пошли пробиваться на север через вражескую стену на соединение с Советской Россией и той самой „комунией", которая так отпугивала их в начале.

Для всех было ясно, что 3-я армия должна быть почищена и реорганизована, такого взгляда придерживались, назначенный туда членом РВС тов. Левензон и я, назначенный Начпоармом. Нас энергично поддержал в этом член Реввоенсовета 3-й армии т. Голубенко.

Положение в общем было тяжелое. Впереди румыны и очень протяженная линия Днестра, которую нужно было оборонять; позади григорьевщина, восстания, неурядицы. А ко всему этому опасность заражения наших частей григорьевскими настроениями.

Вспоминаю свою первое знакомство с частями 3-й армии.

Как то ранним летним утром, мы с т. Левензоном отправились смотреть наши части, расположенные у Днестра. Вошли в Парканы (недалеко от Тирасполя). Предложили местному командиру построить свои части. Вскоре собралась толпа кр-цев, непостроенных, плохо одетых и обутых, еще хуже дисциплинированных.

Первое впечатление было очень невыгодное. Однако после небольшой беседы выяснилось, что перед нами хороший людской материал. Все кр-цы пришли воевать добровольно. Все знали, что они идут бороться за свою власть, за рабоче-крестьянскую. Выяснилось в особенности то, что эта красноармейская масса готова была бить румынских бояр в любое время и при любых условиях. Для меня тогда же стало ясно, что исход борьбы будет зависеть не только от винтовки, но и от того, сумеем ли мы политически отшлифовать эту бунтарски настроенную крестьянскую массу..

— Но успеем ли мы это сделать?—Выразил мне свое сомнение т. Левензон, когда мы с ним возвращались из Паркан. Как бы в подтверждение его мысли с румынского берега залаяли мортирки. Румыны, заметя нас, или по другой причине, стали осыпать дорогу снарядами. Выпустив десятка полтора снарядов, они успокоились и мы благополучно добрались до своих лошадей.

Прекрасный солнечный день, а в голове мучительный вопрос: „Что то будет впереди?"

А впереди действительно были тучи.

Вскоре приехал тов. Аралов. Мы представили ему проект реорганизации армии, который им был в целом принят. Армия была расформирована, из ее состава была выделена 45-я дивизия. Предложенное нами размещение должностей также было принято тов. Араловым:—тов. Якир—Начдив, тов. Голубенко—Военкомдив, тов. Гарькавый Начштаба, я—Начподив, Левензон—Военкомбриг и др.

Так, летом 1919 года начала свое существование 45-я дивизия, вписавшая не одну славную страницу в историю нашей Красной армии.

Кто они и откуда пришли?

Прежде всего пару слов о том руководящем командном и политическом ядре, которое создало дивизию, воспитало и провело ее через огонь гражданской войны.

Как и во многих боевых частях первого периода гражданской войны это ядро состояло не из случайных лиц, а из хорошо сколоченной группы, спаянной между собой общей борьбой. Для руководящего ядра дивизии это была борьба против контр-революции в Бессарабии.

К этой руководящей организационной верхушке, включая и пишущего эти строки, принадлежали Гарькавый, Якир, Левензон, и Голубенко. Эти товарищи, за исключением Голубенко, прибыли на Украину из 8 и 9 армий. Другие командиры и политработники, сыгравшие в периоде организационного строительства дивизии большую роль, как Котовский, Ракитов, Чихчавадзе (последнего и первого уже нет в живых), и некоторые другие, влились в 45 дивизию из расформированных частей 3-й армии. Только немногие из них не были связаны по своей прошлой работе с Бессарабией. Большинство же были активными работниками Бессарабии в период между февральской революцией и оккупацией Бессарабии румынами. Тов. Гарькавый—бывший председатель Кишиневского Исполкома СРК и СД, пишущий эти строки—тов. председателя Исполкома и один из руководителей профдвижения в Кишиневе, Левензон—комендант города Кишинева и Начальник Гарнизона, Якир—один из руководителей

революционной молодежи и активный организатор первых отрядов, Красной гвардии в Бессарабии, Котовский — популярный среди Кишиневского гарнизона работник, член армейского комитета 6 армии.

То обстоятельство, что большинство актива дивизии, по своей прошлой деятельности было связано между собой общей работой в Бессарабии, наложило своеобразный отпечаток на судьбу и традиции 45-й дивизии, 45-я дивизия все время (по крайней мере 3—4 года) была притягивающим центром для всех бессарабских политических эмигрантов, всех крестьян и рабочих, бежавших на Украину из под ярма румынских бояр. Все они тянулись к 45-й дивизии, считали ее своей, родной, бессарабской. Дивизия всегда имела определенную тягу к Днестру. Где бы она ни стояла, всегда жила мечтой „на юг", „на Днестр".

Было еще одно обстоятельство, которое делало 45-ю дивизию притягивающим центром для бессарабцев—это наличие в дивизии нескольких полков, составленных почти целиком из хотинских повстанцев, которые восстали против румынских оккупантов и были вынуждены тысячами бежать на Украину в конце 1918 г.

Кто же наши командиры? Вот коротенькая справка. Якир—бывший студент, в старой армии не служил. Гарькавый—подпоручик военного времени по профессии народный учитель. Левензон—бывш. ефрейтор старой армии—служащий. Голубенко (кстати сказать он был больше командиром, чем комиссаром)—рабочий металлист, в старой армии не служил. Котовский кавалерист старой армии, кажется в каком то младшем чине. Не буду перечислять стаж остальных командиров. Огромное большинство наших командиров не имело специального военного образования. Они были просто революционерами.

Несколько подробнее я хотел бы остановиться на двух наших командирах: т. Якире и тов. Котовском.

... Помню в одно весеннее утро я сидел в штабе Тираспольского отряда и в раздумье приводил в порядок какие то бумаги. Румыны производили свой обычный обстрел города. Выстрелы как то особенно резко падали в мягкую тишину весеннего утра. Дело было в Тирасполе, в начале 1918 года. Из моего раздумья вывел меня необычайный посетитель. Вошел какой то невероятно грязный и оборванный китаец и стал мне о чем то оживленно рассказывать. После долгих трудов мне удалось уловить несколько русских слов, из которых можно было догадаться, что румыны на противоположном берегу не весьма любезно обошлись с его товарищами-китайцами.

Было смешно видеть его гримасы и прыжки, которыми он иллюстрировал свои мысли. Но было ясно, что дело идет о мести и о желании служить в Красной гвардии, и не его одного, а всего его „войска". Не верилось, что из этого что либо выйдет, но решено было посмотреть это „войско". Дело взял на себя тов. Якир, тогда еще 22-х летний юноша. Не помню уже деталей этого китайского вопроса. Помню только, что через короткий срок отряд китайцев около 600 человек был сформирован тов. Якиром.

Отряд был направлен на охрану так называемой старой Тираспольской крепости, расположенной против Кичкинского монастыря Якир был назначен командиром отряда, при чем китайцы звали его не командиром, а капитаном. Когда я однажды пришел посмотреть новое „войско" (кстати сказать очень преданное) тов. Якир с улыбкой представился:

— Капитан китайских революционных войск.

Так началась военная карьера одного из наших боевых командиров. Капитан китайских кули через короткое время, стал комиссаром так называемой, Южной завесы, членом РВС армии, Начальником дивизии, а затем командиром корпуса и на сегодня командующим Украинским Военным округом.

Не будучи сам военным, тов. Якир прошел хорошую школу гражданской войны, учась на ходу, обнаруживая всегда решительность. выдержку и живую хватку обстановки и условий гражданской войны.

Не менее интересна военная карьера другого нашего командира т. Котовского. О судьбе тов. Котовского ходят разные легенды. Многие из них имеют под собой вполне реальную почву. Он сам нам часто рассказывал о себе и мы всегда с неизменным интересом и вниманием слушали его захватывающие рассказы о необычайных приключениях в своей жизни. Тов. Котовский был в свое время бунтарем-одиночкой революционером Не связав своей судьбы с определенной партией он пошел по пути атаманства.

В прошлом тов. Котовский производил набеги на помещиков, беспокоил их, брал имущество и раздавал бедным крестьянам. Здесь в армии в революционной обстановке, он быстро находит себя, находит применение своему бунтарству и неугомонной энергии, отдавши себя целиком служению революции.

В 1919 г он был командиром одной из бригад 45-й дивизии. Военные способности т. Котовского быстро развернулись в борьбе с петлюровскими войсками. Через некоторое время он был назначен командиром кавалерийской бригады, одной из лучших конных частей наших украинских армий. После он был назначен Начдивом кавалерийской, а затем командиром Корпуса. Отличительными чертами тов. Котовского, как командира, всегда были большая личная храбрость, сильное влияние на массу и умение действовать всегда решительно с увлечением и темпераментом.

„Попутчики"

Мне хочется остановиться на нескольких своеобразных фигурах, наличие которых в дивизии подчас сводило на нет всю нашу политическую работу. Я говорю об искателях приключений, чтобы не сказать больше, которых тогда немало было в наших частях. Я остановлюсь только на трех: на Живодерове, Стародубе и одесском воре-налетчике Мишке Япончике.

С Живодеровым я познакомился в первый же день моего вступления в должность Начпоарма. Помню, я сидел у себя в кабинете. Кстати сказать, весь кабинет состоял из огромной пустой комнаты, одного не совсем исправного стола и двух стульев.

Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату не вошел, а влетел высокий, чернобородый, с живыми черными глазами человек, со знаменем в руках. Не замечая меня, он стал посреди комнаты и начал что то вычислять на знамени.

— Вы кто такой и что вы здесь делаете? — спросил я.

Он быстро повернулся ко мне и гордо заявил:

— А знаете ли вы, кто я? — и почти не ожидая ответа, внушительно проговорил: — „Я Живодеров!... Понимаете?

Когда я ему все же предложил уйти, он был очень удивлен. Видно было, что он к таким приемам не привык.

Я вызвал к себе работника из Поарма и стал расспрашивать о Живодерове. Товарищ чуть ли не шопотом сообщил мне, что с Живодеровым нет сладу и что все его боятся, при чем слово „все" он как то особенно подчеркнул. Позже я имел возможность познакомиться с стратегическими способностями Живодерова. Он об'яснял кому то план своих действий. Сверкая черными глазами и вытянув свою широкую ладонь, он восторженно и убедительно показывал:

— Вот тут (на правой части ладони) моя бригада. Тут артиллерия, там кавалерия, а я вот здесь...

И он с силой захлопнул ладонь, показывая, как он всех пристукнет. По этому поводу, знающие его работники, говорили, что Живодеров не особенно любит карту, которой он предпочитает свою ладонь. Так или иначе, Живодеров никому не подчинялся и нам пришлось порядочно повозиться, прежде чем удалось выставить его из переформированных частей армии.

Мне потом рассказывали, что Живодеров якобы стал главарем бандитской шайки, оперировавшей против соввласти и будто бы был пойман и расстрелян. Насколько это верно — не знаю, но такой конец мы ему в свое время предсказывали.

Полк Стародуба.

Этот полк был сформирован в Одессе из одних матросов, но не из тех матросов, которые в начале революции ушли на Дон и на юг Украины для борьбы с немцами и белым казачеством, а из тех, кто, потеряв всякую почву под ногами, стал искателем не всегда подходящих приключений.

Полк Стародуба я видел в Одессе марширующим по улицам города. С виду великолепный — напускать страх на жителей сколько угодно — а внутри совершенно гнилой, разложившийся. Вот этот полк и был прислан нам в середине лета для подкрепления 45 дивизии. Положение дивизии тогда было очень тяжелое и эта помощь оказалась как раз кстати, но...

Пробыв недолгое время на позиции, полк неожиданно открыл фронт и в один из самых тяжелых моментов снялся и заявил, что устал и едет в Одессу для пополнения и переформирования. Захватив санитарный состав, полк двинулся с позиций к штабу, стоявшему тогда, кажется в Бирзуле.

Когда состав подошел к станции, из него стали выскакивать озлобленные матросы, вооруженные винтовками. Ругаясь по нашему адресу отборной бранью, они собирались стать хозяевами положения. В распоряжении штаба находилось 60 кр-цев и несколько пулеметов. С такими силами мы окружили поезд и предложили стародубцам сдаться.

Я следил за нашими кр-цами. Это был экзамен. Матросы пытались всячески играть на их страстях, предлагая перейти кр-цам на их сторону и захватить штаб. Кр-цы, однако, экзамен выдержали; получив приказание стрелять, они немедленно взяли винтовки на изготовку. Матросы же, как и следовало ожидать, струсили и сдались. Я долго не мог забыть злых лиц матросов, их озлобленных выкриков, когда мы арестовывали и сажали их в теплушки.

История с полком Стародуба показала нам, что коренные части дивизии уже достаточно окрепли политически. Разлагающее влияние стародубцев, не только не повлияло на боевые части, но, наоборот, вызвало самое отрицательное с их стороны отношение.

Полк Мишки Япончика.

История и судьба этого полка достойна кисти художника и пера историка. Дело было, в общем, так. Около 2000 отборных одесских воров и налетчиков, во главе с известным воровским атаманом Мишкой Япончиком, в один прекрасный день прислали делегата в Одесский Ревком с заявлением о своей готовности служить Совласти и Красной армии. Желание их было как будто искренне. Доказательством тому до некоторой степени служило их отрицательное отношение к белым в период пребывания последних в конце 18 года в Одессе. Ревком нашел возможным удовлетворить их просьбу. Я не помню, чем руководился при этом Ревком. Быть может просто желанием, как нибудь избавиться от них, но быть может играло известную роль другое соображение — рассчет использовать эту живую силу, как хороший боевой материал... Так или иначе, полк был организован. К нему был приставлен в качестве комиссара тов. Фельдман, коммунист-анархист по убеждениям, преданный товарищ, хороший революционер.

Штаб дивизии упорно отказывался принимать Мишку Япончика. Одесса же энергично настаивала на том, чтобы влить полк Япончика в действующие части дивизии с отведением ему боевого участка. После долгих переговоров мы согласились принять Япончика. Полк прибыл. С внешней стороны он производил отличное впечатление: одних пулеметов было, насколько мне помнится, 40 с лишним штук—очень большая, по тогдашнему времени, цифра. Политическая часть полка также производила с внешней стороны выгодное впечатление: большая библиотека основная и передвижки, граммофоны с агитационными пластинками — все новенькое, чистенькое.

Но то была внешняя сторона. С внутренней же стороны полк производил очень сомнительное впечатление. Я пытался кое с кем заговорить, чтобы узнать, что влечет этих бандитов на фронт.

Ответ был общий:

— Хотим доказать, что мы тоже революционеры и стоим за Советскую власть.

Насколько ответ этот был искренен, трудно сказать. Сейчас, вспоминая прошлое, мне кажется,

что ответ в общем был искренен. Наша революция, полная героизма, пробудила у всех этих людей какой то своеобразный энтузиазм и желание приобщиться к великим подвигам нашей Красной армии. Но само собой разумеется, что одного этого желания, даже и искреннего, было недостаточно, чтобы эта орава налетчиков превратилась в революционное войско. Когда я задал одному вопрос, умеет ли он стрелять из винтовки, он несколько покривился и, ничего не ответив, показал мне на свою ручную бомбу, висевшую у него на поясе.

Во всяком случае, сомнения наши были очень велики. У тов. Якира даже возникла, кажется, мысль о том, что необходимо разоружить полк Япончика еще до выступления на позицию. Эта мысль однако была отклонена, тем более, что тов. Фельдман — комиссар полка, заявил, что он вполне ручается за боеспособность полка, хотя несколько сомневается в его политическом поведении.

Пару слов о самом Япончике. Он оказался, сравнительно, молодым человеком, среднего роста, самого обычного вида. Особенно поражал наивный, почти детский взгляд его синих глаз. С трудом верилось, что он известный воровской „батько". Сам указывал на плохое политическое состояние полка, выражал всяческие опасения, но в общем головой ручался за боеспособность людей.

На мою долю выпало принимать парад полка Япончика. Зрелище было довольно любопытное. На мои приветствия и речь последовала речь Япончика, примерно такого содержания: „Мы мол были воры и налетчики, но то было при старом режиме, а при Советском мы должны стать передовыми борцами" и т. д. и т. д. в этом роде. Все дружно кричали „ура".

Торжество однако было омрачено донесением о налете каких то молодчиков Япончика на жителей Бирзулы.

Что было дальше? Полк Япончика действительно выступил на позицию, совершил удачную атаку при помощи ручных бомб, но как только наступила ночь, на всех напал какой то панический страх и они, побросав все (винтовки они еще раньше бросили), побежали с фронта. Полк был нами разоружен.

От партизанщины — к регулярной Красной армии.

Так кончилась судьба второго пополнения нашей дивизии.

Между тем, основное крестьянское ядро дивизии, получив некоторую политическую обработку и военную закалку, быстро преображалось, превращаясь в подлинное революционное войско. Ни матросы Стародуба, ни молодчики Япончика не смогли внести разложения в основное ядро дивизии. Это тем более удивительно, что кругом бушевало море кулацких восстаний. Бывшие помещики, оставшиеся на местах петлюровцы и всякий иной белогвардейский сброд, внушали крестьянину мысль, что советская власть вводит какую то страшную „комунию". Как то раз крестьяне окрестных сел прямо приперли к штабу и стали искать в эшелонах страшную „комунию", которая, как им говорили, привезена из Москвы. Нужно подчеркнуть, что они искали в этой „комунии" нечто осязаемое, видимое и страшное для себя. Во многих местах бандиты не только разрушали полотно железной дороги, но вдобавок сворачивали рельсы в бублик. Для этого они запрягали несколько волов, которых привязывали к одному концу участка рельс и, погоняя их в сторону от пути, загибали рельсы.

Дивизия составляла в то время маленький островок среди бушующего, враждебного Советской власти, моря. Особенно страшным было восстание немцев-колонистов, имевших тесную связь с белогвардейскими агентами-офицерами.

Чем об'ясняется политическое преображение частей дивизии, не так давно отпочковавшихся от григорьевщины. Здесь несомненно некоторую роль сыграл хороший подбор политработников (хотя необходимо признаться, что политработа, в общем, находилась еще в зачаточном состоянии). Но кроме этого были и другие причины. И основная повидимому та, что в массе своей украинское беднейшее крестьянство все время крепко стояло за Советскую мужицкую власть. Не будет парадоксом сказать: то, что защищало ее, то и восставало против нее. Разница только состояла в том, что крестьяне, одетые в красноармейские шинели, видели вблизи Советскую власть и коммунистов с их порядками, а те, кто жили в селах, Соввласти тогда еще не знали и поэтому легко шли под знамена петлюровцев и разных белогвардейских агентов, не мало использовывавших наши революционные лозунги.

В кольце.

К концу лета тучи стали сгущаться. В один августовский день мы получили нешифрованное радио из главного штаба украинских войск в Киеве, указывающее, что штаб спешно эвакуирует Киев и отступает на север. То, что даже радио не было зашифровано, яснее всего рисовало положение вещей. Почти в то же время, чуть ли не в тот же день, Одесса была занята десантом с моря.

Мы остались, таким образом, в захлопнутой наглухо коробке. Позади Деникин, впереди Петлюра, слева румыны, справа Махно, мечтавший о том, чтобы либо добром переманить к себе наши части, либо же силой разоружить их и перебить. Сплошное кольцо. А свои далеко на севере, за 500 слишком верст от нас. Вдобавок ко всему — полный разрыв с частями дивизии. Помню один исключительно жуткий момент. Как то в вагон ко мне прибежал товарищ и сообщил по секрету, что мы потеряли связь со всеми своими бригадами. Стояли мягкие сумерки тихо угасающего августовского дня. Было грустно. Самые тяжелые мысли лезли в голову. Мы одни — маленькая горсточка людей, нас могут в любой момент раздавить и перебить. Неприятель глядит на нас изо всех щелей, со всех сторон.

Но это было еще не все. Прибежавшие из северной части селения товарищи сообщили, что на нас движутся два села. Если память меня не обманывает, речь шла о двух близких селах под названием Пуцицелы и Муципелы (или что-то в этом роде).

Я не помню сейчас, подтвердилось ли заявление товарища, но ничего невероятного тогда в этом, конечно, не было. А нас всего то в штабе было

80—100 человек при нескольких пулеметах. Духом однако никто из нас не пал. Были приняты все меры предосторожности на случай нападения. С другой стороны, изыскивались все пути и средства к восстановлению связи с бригадами. Действительно вскоре удалось восстановить связь со всеми бригадами, за исключением бригады т. Левензона.

Прорваться на север во что бы то ни стало.

Положение было на первый взгляд безвыходное. Что могли мы сделать одна-две дивизии на таком огромном фронте при необходимости пробиваться на север на протяжении свыше 500 верст. Помню наши мучительные сомнения звать ли с собой кр-цев дивизии — несколько тысяч человек, звать на подвиг, но и почти на верную гибель или демобилизовать их, а самим остаться в подполье. Да и пойдут ли они за нами на верную гибель?

В решающем совещании по вопросу об отступлении принимали участие тов. Якир, Затонский, Ян, Гарькавый, Немитц, бывший командующий Черноморским флотом, добровольно пришедший к нам тогда в эти тяжелые дни. Не помню где были тогда т.т. Клименко, Голубенко, Княгницкий и другие активные работники. Многие из них были где-то на фронте.

После долгих совещаний решено было отступить в полном порядке с целью пробиться на север. Командование было поручено тов. Якиру, которому в то время была подчинена еще и 58 дивизия. Связь с этой дивизией тогда была, однако, утеряна.

В Балте в конце августа 1919 г. мы вышли из вагонов, уничтожив излишек своих боевых припасов и военного имущества. Необходимая аммуниция и с'естные припасы были погружены на подводы, сами же построились и пошли в пешем строю. Части должны были несколько позднее подойти. Клубы черного дыма поднимались к небу и заволакивали городскую площадь, то жгли телефоны и иное имущество, которое нельзя было забрать с собой. Жители испуганно смотрели на наш уход. Кое-кто закрывал ставни и двери. Издали доносились взрывы уничтожаемых снарядов и имущества. Было жутко и радостно. Радостно оттого, что впереди были испытания и подвиги во имя революции.

Позади на площади—клубы черного дыма. Впереди бодрая музыка нашего штабного оркестра и звонкая песня уходящих частей.

Вперед, бесстрашно вперед.

Так начался славный прорыв Южной группы из под Одессы на север, туда, где находилось сердце Красной армии и революции.

* * *

Самое большое достоинство Красной армии, и в частности 45-й дивизии в том, что ее командный состав в огромном своем большинстве сделан из того же теста, из какого лепятся все герои революции — из преданных делу рабочего класса людей, страстно ненавидящих старый мир и в ней, в этой ненависти, черпающих свое уменье и силы бороться с буржуазным миром и его белыми армиями.

Т. ГУЛЯНИЦКИЙ[1].

Отряд революционеров

(Из истории 1-го партизанского коммунистического отряда Гуляницкого)

В июне месяце 1918 года ЦК партии большевиков командировал меня из Москвы на Украину для организации партизанских отрядов и для подпольной работы. Я явился в распоряжение Одесского Областного подпольного комитета РКП(б) и был направлен в район бывшего Ананьевского уезда.

В Ананьевском уезде я поселился в селе Счастливке Головлевской волости. Село маленькое, всего около 40 дворов, почти на 90% батрачило у крупного помещика Карла Фратца. Вокруг села Счастливка на сотни верст были крупные помещики-немцы, имевшие от полутора до двух и трех тысяч десятин земли. Батрачества здесь было, таким образом, немало, и почва для работы была благоприятная. Село Счастливка являлось к тому же еще и родиной моей жены. В Счастливке проводил в 1903—5 г.г. революционную работу, там же я скрывался от преследования жандармов в период реакции 1906—7 г.г., и был арестован за руководство забастовкой сельско-хозяйственных рабочих у помещика Келлера в 1907 г. К этому нужно добавить, что в 30 верстах от села Счастливка был расположен город Голта (теперь Первомайск), в котором было два небольших механических завода и железнодорожные мастерские.

Вот, собственно говоря, те причины, в силу которых я избрал район Счастливка для своей подпольной работы. Связь с рабочими завода я поддерживал через двух братьев моей жены Герасима и Константина Федоровых и через шофера помещика Фратца тов. Савицкого Луку. Работать подпольно было трудно, так как в каждом селе и в каждой помещичьей экономии стояли довольно большие петлюровские или гетманские отряды, к тому же кулачье устраивало слежки за мной. Несмотря на эти трудности к октябрю 1918 г. мне все же удалось создать в селе Счастливка подпольную ячейку РКП в числе 11 человек и попутно с этим приступить к организации отряда. Первое организационное собрание желавших поступить в отряд было проведено 9 ноября 1918 г. в темную, помню дождливую ночь на хуторе помещика Крусера. Хутор этот находится в глубокой балке, на 8 верст вокруг него никакого жилья. На собрание прибыло 63 человека не считая 11-ти, уже состоявших членами ячейки, итого на собрании оказалось 74 человека. Я сделал доклад о необходимости борьбы с оккупантами, с гетманско-петлюровской, помещичье-кулацкой властью и предложил образовать партизанский отряд. Все присутствующие изъявили согласие записаться в отряд и на четвертушке листа вскоре появились 74 подписи. Отряду дали название: „1-й Партизанский Коммунистический отряд т. Гуляницкого".

Т. М. Гуляницкий.

После организации отряда встал вопрос об оружии. Я располагал пока всего лишь 3-мя винтовками, затворы у которых от долгого лежания в земле заржавели и почти не действовали. Достать оружие было очень трудно, так как немцы расстреливали крестьян даже в том случае, если находили один патрон.

Вскоре я узнал от своего товарища И. Недина рабочего-литейщика г. Голты, что на заводе Фратца в Голте имеется 16 винтовок и очень много ящиков с патронами русского образца, и что все это спрятано между обшивкой потолка в слесарном цехе. Это оружие — говорил т. Недин — можно получить лишь с разрешения предзавкома. Короче говоря через три дня, ночью, рабочие завода передали нам 16 винтовок, 24 ящика патронов, пулемет системы „Кольт" и 4 ящика лент к нему. Все это мы погрузили на две подводы и 12 февраля 1919 года, созвав ночью общее собрание красных партизан отряда, вооружились.

18 февраля 1919 г. также ночью, я с группой в 21 человек разоружил отряд австрийцев в 150 человек. Отряд не мог оказать нам никакого сопротивления, так как налет наш был очень быстрый, решительный, австрийцев к тому-же мы застали спящими в казарме. Попытавшиеся сопротивляться два офицера, фельдфебель и доктор были нами убиты. В результате разоружения отряда нами было захвачено 163 винтовки, 2 пулемета системы „Максим", один пулемет „Льюиса", 3 пулемета „Шоша", очень много патронов и около 50 штук ручных гранат.

Этот первый успех сильно воодушевил партизан отряда и они готовы были начать более широкие действия. 20 февраля отряд уже насчитывал 160 человек. Долго боевых действий не пришлось ждать, и уже 23—24 февраля 1919 года отряд разоружил и выгнал австрийцев еще из 3-х экономий и два гайдамацких „куреня" из 2-х экономий. Мною был организован волостной революционный комитет в Головлевской волости, а в экономии Фратца расположился штаб отряда. У нас появилась конная сотня. К первым числам марта

[1] Старый рабочий-металлист, член ВПК(б) с 1917 г., организатор Красной гвардии на Елисаветградщине. В 1918 г ЦК РКП(б) командируется на Украину для подпольной работы, и организует красный партизанский отряд для борьбы с немцами, гетманцами и впоследствии петлюровцами. Отряд т. Гуляницкого участвует в подавлении григорьевской авантюры (май 1919 г.) а затем, войдя в состав 45-й дивизии, успешно борется с кулацкими восстаниями в районе расположения 45-й дивизии и с петлюровскими бандами. В Южном походе—отряд входил в авангард 45-й дивизии, в решающем бою Южной группы под Попельней—Бровки нанес поражение деникинцам, отбросив их к Фастову.

Т. Гуляницкий, после тяжелого ранения на деникинском фронте, демобилизован в апреле 1920 г.

Сейчас работает Зав. Отд. Труда г. Зиновьевска. Награжден Орденом Кр Знамени.

отряд увеличился до 250 чел., из которых 90% являлись бывшими фронтовиками. Дисциплина в отряде была железная. Товарищеская спайка крепкая. Помню, в отряде был такой обычай: кто во время боя без команды выходил из линии боя, того каждый партизан имел право расстрелять на месте.

В марте и апреле отряд вел упорную борьбу с петлюровскими куренями и кулацкими бандами. В апреле отряд, насчитывавший уже 360 человек,

Возвратившись после боев с бандой Волынца в Голту, я получил телеграмму из Штаба 45-й дивизии, предлагавшую мне прибыть с отрядом на ст. Бирзула в распоряжение Начальника 45-й дивизии. 28 июня я прибыл в Бирзулу и в 10 часов утра построил свой отряд на площади за вокзалом Бирзулы для смотра. Парад моего отряда принимали т.т. Якир, Гарькавый, Голубенко, и остались очень довольны боевым видом и дисцип-

Пулеметная команда 1-го партизанского отряда Гуляницкого. В центре за пулеметчиком, придерживаясь за дужку вагонной двери, стоит т. Гуляницкий. Снимок сделан на ст. Голта (Первомайск) в дни григорьевского восстания в апреле 1919 года.

переходит в Голту и охраняет этот важный пункт от банд петлюровского полковника Волынца.

Тогда же, в эти апрельские дни 1919 года, отряду пришлось участвовать в подавлении григорьевского восстания. Обстоятельства сложились так, что для ликвидации восстания могла быть выделена лишь часть отряда в количестве 120 человек, остальная же часть вынуждена была биться с бандами Волынца.

С григорьевщиной было покончено довольно быстро. Из 120 посланных для борьбы с григорьевцами в отряд возвратилось 110. Десять же были убиты, отдав свою жизнь в боях с григорьевцами. Возвратившиеся привезли с собой два горных орудия, правда, без передков, вагон снарядов, правда, не от горных, а от полевых 3-х дюймовых. Трофеям, как и дареному коню в зубы не смотрят. Радостно и торжественно встречали мы своих бойцов, привезших эти первые боевые трофеи.

Вскоре отряд получил и второе боевое крещение в боях с бандой Волынца в районе Хощеватой. Бой длился три часа. Наш отряд потерял 7 убитыми и 11 ранеными. Раненым оказался и я. Банду Волынца мы все же заставили отступить, она оставила на поле боя 16 человек убитых, 19 ранеными и 29 человек бандитов было нами захвачено в плен.

линой отряда. От тов. Якира я получил благодарность за новую боевую единицу, а 5 июля 1919 года отряд, влитый в дивизию, получил название „1-й Коммунический отряд Особого Назначения при Штабе 45-й Советской стрелковой дивизии".

Из Бирзулы отряд распоряжением начдива 45 был послан снова против надоедливых банд Волынца, который наступал на Балту и уже успел занять город к моменту прибытия нашего отряда. Коротким ударом банда Волынца была наполовину уничтожена, остальная часть скрылась в лесах. Преследуя банду, отряд занял городок Ольгополь, что на северо-востоке от Первомайска и линию узкоколейки Гайворон—Рудница.

Задержаться долго на этом участке, однако, не пришлось. События шли довольно быстро. Одесса оказалась под угрозой высадки белогвардейского десанта. Французские крейсера стали все чаще и чаще появляться на горизонте перед Одессой. В районе расположения дивизии контр-революция поднимала то тут, то там восстания. Помню, как с *половиной* отряда был срочно вызван тов. Гарькавым в Бирзулу. Прибыл в 10 часов вечера. Явился к нему. Штаб помещался на 2-м этаже железно-дорожного училища. Илья Иванович, как всегда серьезный, протянул мне руку и, не сводя

глаз с разложенной на столе трехверстки, проговорил:

— Ну что прибыл?

— Да прибыл... Что дальше?

— А дальше вот что. Здесь недалеко ст. Веселый Кут, а около станции в нескольких верстах немецкая колония Цебриково. Там что-то немцы шалят. Чорт их знает, чего они собственно хотят. Ты сейчас же отправляйся на ст. Веселый Кут, утром займи Цебриково, узнай, чего хотят немцы, всыпь им хорошенько, восстанови Советскую власть и возвращайся в штаб!

— Слушаюсь. Все будет выполнено, - ответил я— но дело вот в чем, у меня в отряде нет ни одного фунта хлеба. Прошу сделать распоряжение Начснабдиву 45 о выдаче хлеба, консервов, а также 10.000 патронов.

— Хорошо.

В течение одного часа я получил все это и уже в 24 с отрядом отправился усмирять немецких кулаков. На станцию Веселый Кут я прибыл на рассвете. Здесь я узнал, что дело не так просто, как его обрисовал мне тов. Гарькавый. Оказалось, что восставших колонистов около 2000 человек. Они хорошо вооружены: ушедшие австро-германские оккупационные отряды оставили им немало оружия, кроме того повстанцы успели разоружить стоявший в Цебриково артиллерийский дивизион в 200 человек, напав ночью на спящих красноармейцев, расстреляв весь командный состав, и *о.обенно поиздевавшись над коммунистами*. У меня же было всего 195 человек.

Неравенство сил было налицо. И все же в 8 часов утра я послал железно-дорожного стрелочника в Цебриково с предложением немедлено освободить арестованных красноармейцев артдивизиона и сдать оружие. Срок 4 часа. В ответ на мое предложение немцы начали наступление на ст. Веселый Кут. Мы их встретили пулеметным и ружейным огнем, и кулачье отошло в Цебриково.

На следующий день на рассвете отряд повел наступление на Цебриково. В 2-х верстах от колонии отряд был встречен сильной винтовочной и пулеметной стрельбой, но все же в 2 часа дня колонию мы заняли и пленных красноармейцев освободили. В бою мы потеряли 11 человек убитыми и около 20 человек ранеными.

Снова была пролита кровь лучших бойцов!..

Не успели закончить с кулацким восстанием в Цебриково, как получили приказание из штаба дивизии тушить кулацкое восстание в районе Ананьево, (села Посицелы, Святотроицкое, Жеребково). Интересная деталь. Молдавское кулачье села Посицелы, поднявшееся под руководством помещиков и офицерни против Советской власти, об'явило себя ни больше, ни меньше... Молдавской Республикой. Кулаки разобрали железнодорожный путь между Голта — Бирзула, и Голта — Жеребково, перерезали телеграфные провода и заняли позицию вдоль железной дороги. В Ананьеве к тому же появилась, так называемая „народная власть"—во главе с помещиками и офицерами.

Я был назначен начальником боевого участка Бирзула—Помощная (расстояние по железной дороге около 180 верст) и получил задачу: пробиться до станций Голты и Помощная, в Голте соединиться со второй половиной моего отряда, занять ст. Помощная, очистить ее от банд Махно и удержать эту станцию для пропуска поездов по линии Одесса—Бахмач. Одновременно я должен был и тушить кулацкие восстания в этом районе.

Отряд наш был маленький, (ведь была только половина отряда), около 150 человек. Нужно было пробиваться более сотни верст, нужно было восстанавливать разобранный путь, телеграф и все это сделать в кратчайший срок в обстановке кулацких восстаний.

И вот началась тяжелая неравная борьба. Вторая часть отряда под командой моего заместителя тов. Ткаченко и при политкоме тов. Авраменко[1], из района Ольгополь пробилась в Первомайск, где между прочим к ним присоединился Рославский железнодорожный баталион, кстати, очень недисциплинированная часть, наделавшая затем немало бед.

3-го августа 1919 года этот отряд начал пробиваться от Голты на Помощную и в 2 часа дня вступил в бой с махновскими частями. Рославский баталион проявил нестойкость и под первым натиском махновцев обратился в паническое бегство, чем ухудшил положение старых партизан отряда. Последние сопротивлялись до 10 часов вечера и уже когда не стало ни одного патрона, начали отступать по направлению к селу Благодатное, готовые встретить врага в штыки. В результате около 60 человек из отряда вместе с тов. Ткаченко попали в плен, а оставшийся его заместитель тов. Авраменко был тяжело ранен. Остатки отряда отступили и ночью с 3 на 4 августа скрывались в камышах по берегу реки Буг. Выслав 3-х человек для разведки в сторону Голты, Авраменко установил, что Голта находится в руках кулачья и что 45 человек пленных нашего отряда заперты в леднике пивоваренного завода и приговорены к расстрелу.

Разведка узнала и другое, именно что со стороны Бирзулы к Первомайску продвигаюсь я со второй частью отряда. 5-го августа 1919 года я, встретив кулацких повстанцев у села Врадиевка, разбил их и в ночь с 5-го на 6-е подошел к ст. Каменный Мост. Мне было оказано сопротивление, но все же после решительного натиска кулачье разбежалось, бросив на станции, на коновязи, около 80 лошадей, среди которых оказалось 30 лошадей из той части моего отряда, которая потерпела поражение 4 августа в бою с Махно под станцией Помощной.

6 августа я занял Первомайск и освободил красноармейцев, попавших в плен под Помощной.

В отряд скоро начало возвращаться много красноармейцев, бежавших от Махно. Все они были очень избиты повстанцами. Некоторые были изуродованы до неузнаваемости. Так, например, я не мог узнать своего заместителя Ткаченко, настолько он был избит.

8 августа наш отряд уже в полном составе на рассвете занял ст. Помощную, а 9 августа на Помощную прибыл с большим отрядом тов. Княгницкий. Мне было приказано возвратиться в Первомайск и ждать прихода частей 58-й дивизии,

[1] Авраменко был прислан по моей просьбе для политической работы Елисаветградским партийным комитетом в апреле 1919 года. тов. Авраменко через 2—3 недели стал общим любимцем; и в отряде лучше заработала ячейка. *Т. Г.*

которая отходила на север. От Начдива 45 я получил приказание связаться с отступающей 58 дивизией, держать ее в курсе того, что делается по пути ее следования. Связь с 58 дивизией удалось установить только дней через 7, т. е 15—16 августа.

А затем начался славный поход Южной группы. Отряд шел все время в авангарде 45-й дивизии, и за этот переход из рядов его выбыло 65 человек убитыми, около 80 человек ранеными и 18 человек умерло от тифа.

Отряд мой был расформирован после ликвидации Юденича и влит в полки. Большинство красноармейцев было направлено в дивизионную школу младшего комсостава.

За свои боевые действия в 1919 году в мае месяце Одесским Областным Партийным комитетом отряд был награжден Красным Знаменем.

Николай Голубенко.

Николай Голубенко, рабочий-металлист Киевского гвоздильного завода. Уже 16-ти лет попадает в Сибирь за революционную деятельность в Киевской организации большевиков. По возвращении из ссылки в 1917 году снова стал работать в Киеве на заводе. После гетманской тюрьмы т. Голубенко поступает в Красную гвардию, а затем в Красную армию. В 3-й Украинской армии он занимал должность члена Реввоенсовета. По расформировании 3-й армии т. Голубенко назначен Военкомдивом 45. В критические дни Южного похода, появляясь в самых различных местах, своим спокойствием вселял в сердца недавних партизан самообладание и уверенность, при наличии которых только и возможно было благополучное окончание операции.

После Южного похода т. Голубенко, никогда ранее не бывший военным, назначается командиром 3 (135) бригады и быстро усваивает принципы управления войсковыми соединениями. Сильная воля, настойчивость и редкое хладнокровие, в самые, казалось бы, критические моменты, вырабатывают из него в короткое время отличного боевого начальника. Его двухлетнее беспрерывное командование 3 (135) бригадой на деникинском, польском и петлюровском фронтах богато рядом примеров умелого руководства боевыми операциями в сочетании с личной храбростью.

Николай Голубенко

На долю 135 бригады выпали тяжелые бои, она несла кровавые потери, сокращалась до минимальных цифр, несколько раз была окружена, но всякий раз выходила с честью из самых тяжелых положений, быстро пополнялась, приводила себя в порядок и била противника.

Тов. Голубенко умел методами своего командования, всей своей деятельностью твердо поддерживать прекрасный боевой дух, наступательный порыв, стойкость и уверенность в окончательной победе среди бойцов бригады — традиции, установившиеся со времен Южного похода.

Красноармейцы его знали и любили. Они верили в его руководство, заражались энтузиазмом, когда он в тяжелые минуты появлялся на коне в передовой цепи.

Простота в обращении, составлявшая особенность его отношений с подчиненными допускала и выступления командиров полков с критикой распоряжений комбрига. Голубенко в таких случаях не ударялся в самолюбие, а спокойно выслушивал критикующего и, если признавал за ним резон, не прочь был принять его совет, если же нет — так же спокойно с неизменной усмешкой „отшивал" яростного, подчас, критика.

Особенностью т. Голубенко, как боевого начальника, была его дисциплинированность. Как бы тяжело ни было приказание, оно выполнялось им.

В четырехдневных боях с белополяками под Кременцем, когда после кровавых потерь выяснилась невозможность для малочисленной бригады взять этот почти неприступный, защищенный в три раза сильнейшим противником пункт, т. Голубенко докладывает свои соображения т. Якиру, но, получив в ответ приказ — взять Кременец, снова ведет бригаду на штурм, лично следуя за наступающими цепями.

Кончились боевые фронты. Голубенко, краснознаменец прощается с родной бригадой и идет на гражданскую партийную работу. Через полтора года (в 1922) т. Голубенко снова возвращается в дивизию на свою первоначальную должность военкомдива, но уже в 1924 г. снова уходит на гражданскую работу. С тех пор занимает ряд ответственных должностей. Сейчас работает в Харкове — заместителем управляющего Укрсиликаттреста.

Л. ВЛАДИМИРОВ.

Против немецкого и русского кулачья.

Приднестровский 404-й полк сформировался исключительно из добровольцев Приднестровья—жителей района Маяки-Тирасполь. Основным ядром полка был повстанческий отряд, который в свое время причинял немало неприятностей гетманской варте, греческим и французским войскам.

С начала формирования до отступления на север в составе Южной группы войск полк стоял на на румынской границе, занимая участок Маяки-Тирасполь. Постоянные стычки с румынскими войсками, иногда делавшими ответные вылазки на наш берег, подготовляли полк, закаляли его для дальнейших боев и испытаний.

Первое настоящее боевое крещение полк получил в боях с кулацкими повстанцами *русского* старообрядческого села Плоского и немцами из колоний Страсбург, Баден, Зальц, Тираспольского района.

Но одно дело было драться с румынами, другое с повстанцами своих же сел или ближних сел, откуда вышел 404 полк. Я помню, немало было случаев, когда в плен к нам попадали знакомые односельчане красноармейцев, а иногда и их родственники. Нередки случаи, когда сын-красноармеец встречал среди пленных отца, или брат—брата. Такое близкое соседство с родиной сказывалось и на настроениях значительной части полка.

Характерно, что уже после успешных боев с повстанцами (а бывали и неуспешные бои) были отдельные случаи, когда красноармейцы срывали звездочки у комполитсостава.

Меня красноармейцы нередко спрашивали: „Зачем вы товарищ политком носите звезду? „Не дай бог встретитесь с другой частью—избить могут!"

Однако, все это не мешало красноармейцам самотверженно драться с повстанцами, ибо они, хоть и поддавались временами кулацкой агитации, все же понимали контрреволюционную сущность повстанческого движения, тем более, что осознать своего классового врага красноармейцу помогал он сам, этот враг: расправа с захватываемыми в плен красноармейцами была жестока: закапывали красноармейцев живыми в землю, кололи глаза, жгли пятки и прочее. Виртуозами в этом искусстве были офицеры, а в частности немцы-кулаки.

Помню, полком получен был приказ от штаба бригады обезоружить село Плоское и бандитский отряд под командой быв. командира дивизиона Красной армии Кожемяченко, ушедшего с группой красноармейцев из армии и организовавшего банду из плосковского кулачья. Сам Кожемяченко—тип политического авантюриста. Начав свою карьеру в одном из партизанских отрядов, боровшихся с гетманом, он впоследствии очутился у Деникина, затем попал в плен в 45 дивизию, служил в ней и убежал, когда увидел, что военкомдив т. Голубенко узнал его. Таков был один из военных вождей плосковских кулаков.

Два баталиона полка с батареей и кавалерийским дивизионом под командованием тов. Макаренко (убит на польском фронте в 1920 году) выступили и расположились в одном из сел, расположенных в 3—4 верстах от села Плоское.

Через одного крестьянина села Плоское я вызвал для переговоров Кожемяченко, при чем поставил ему условие выехать в поле с одним человеком.

Утром, недалеко от села Плоское мы встретились. Он с двумя бандитами, я с одним красноармейцем. На прекрасном рыжем жеребце, он, лихо подбоченясь, под'ехал к нам. На передней луке казачьего седла висел карабин. В руке Кожемяченко держал револьвер. У его спутников—винтовки.

Инициативу разговора он попытался взять в свои руки и первыми словами его обращения ко мне было:

— Что же ты, Владимиров, жидам продался!"

Я предложил его отряду сдать оружие нам, в противном случае всех перестреляем. Наша беседа продолжалась не более 2—3 минут. Ни одно из предложений, вносимых им или мной, не могло удовлетворить нас обоих, мы, повернув лошадей, раз'ехались.

Был дан приказ открыть артиллерийский огонь по селу.

Через некоторое время к нам приехала делегация из села с предложением прибыть в село на митинг и об'яснить, почему мы стреляем?

Был воскресный день. Решили мы поехать с политкомом Кавдивизиона тов. Христофоровым (убит на польском фронте в 1920 году). С нами поехало также 3 красноармейца. На митинг собралось очень много вооруженных повстанцев. Там же была делегация от немцев из ближайшей колонии. Выступали мы и выступали вожаки восстания. Наши усилия были безуспешны. Кулаки вынесли решение оружия не сдавать, ибо оно нужно для охраны села от „банд", (а под банды они подводили красноармейские части).

К вечеру мы повели наступление на село, но из-за ударов с флангов и тыла отступили, потеряв несколько красноармейцев пленными в том числе и комиссара баталиона, а часа через три узнали, что всех наших пленников кулаки расстреляли.

После этого неудачного наступления на Плоское был еще ряд попыток со стороны других частей 45 дивизии потушить плосковское восстание, но безуспешно.

Нужно было сначала разгромить немцев в районе стан. Ново-Савицкая, за это дело мы и взялись... На станции находился наш баталион, задача которого была охранять железную дорогу и обезоружить немцев, сосредоточившихся в колонии Страсбург. Но баталион вместо этого занимался митингами.

Получив эти сведения, мы по приказу штаба бригады выслали на станцию Ново-Савицкую еще один баталион полка, конную и пешую разведки, батарею и кавдивизион.

Когда мы прибыли на станцию, то застали там делегацию от немцев в составе одного немца и одного пулеметчика из захваченного немцами бронепоезда. Эта делегация уговаривала красно-

армейцев батальона перейти на сторону повстанцев для борьбы с „комунией".

Я обратился с кратким словом к красноармейцам б-на и раскрыл контрреволюционную сущность восстания. Тут же было об'явлено решение: расстрелять немецкого посла; правда, расстрел не удался: посол убежал в кукурузу.

Затем части стали готовиться к наступлению на колонию Страсбург. За ночь был сооружен из товарного вагона и платформы „бронепоезд", на который было поставлено два орудия и пулеметы. В эту же ночь был захвачен хутор, опорный пункт восставших колонистов, и взято в плен около 30 повстанцев, которые тут же на станции Ново-Савицкая и были расстреляны (за исключением нескольких человек батраков, очевидно, случайно попавших в эту историю). Кстати нашлись люди со слабыми нервами, в том числе комиссар батальона Алилуев (вышел сейчас из партии), который плакал и просил нас, чтобы не расстреливали пленных кулаков.

На следующий день утром начался бой. Немцы были неплохо организованы. Мы имели сведения, что ими руководил командный состав немецкой оккупационной армии. После нескольких часов беспрерывного боя, стоившего потерь обеим сторонам, наша пешая разведка по железнодорожной насыпи добралась до моста и бросилась в атаку на правый фланг противника. Под мостом начался рукопашный бой, и немцы были опрокинуты. Колония Страсбург была взята до церкви. За церковью немцы готовились к контр-наступлению.

Когда мы ворвались в колонию, буквально, каждый сарай, погреб, дом „стреляли". Только после основательной „чистки" дворов (пойманных расстреливали) удалось несколько прекратить стрельбу.

От артиллерийского огня зажглись некоторые постройки, а некоторые мы сами подожгли. Мы наблюдали странные вещи, а именно: стреляли горящие дома. Секрет заключался в том, что на чердаках оказалось немало огнеприпасов. Захват колонии Страсбург был решающим фактором в деле ликвидации восстания немецких колонистов. Впоследствии были взяты и колонии Баден, Зальц и др., где нами была захвачена группа пленных кулацких повстанцев и расстреляна.

Ликвидация повстанцев в этом районе дала возможность нашему полку соединиться с частями 45-й дивизии на станции Раздельная.

После ликвидации немцев-повстанцев полк был брошен еще раз совместно с другими частями дивизии (400 полком) для ликвидации плосковского восстания. Это наступление было последним. Бой длился около суток. Сопротивление плосковских кулаков было „дьявольское". Несколько раз на отдельных участках дело доходило до рукопашной. Наконец, мы ворвались в село. Повстанцы разбиты. В „расправе" (волости) мы нашли несколько наших кр-цев, полумертвых, измученных пытками и голодом. На стенах комнат были видны большие пятна и следы пуль. Освобожденные красноармейцы рассказывали, что тут же у арестантской и расстреливали пленных.

Один из освобожденных красноармейцев узнал среди пленных караульного начальника, который отличался исключительной жестокостью и зверской расправой с пленными кр-цами. У этой же стены палач окончил свою карьеру.

С Плоским было покончено.

Г. СТАРЫЙ.

Кулацкие депутаты.

Делегатов от повстанцев[1] (их было 6 человек) привез к командиру отряда Особого Назначения тов. Гореву т. Дымов. Горев принял их в салон-вагоне и начал с ними переговоры о том, почему они восстали, чего они хотят и т. д. В ответ старая песня: „Нас притесняют, грабят..."

Беседа, продолжавшаяся около 4-х часов, не дала нужных нам результатов. Мы предложили делегатам поехать в Штаб дивизии. Они согласились. Был снаряжен паровоз и несколько вагонов. С делегатами поехал я и Дымов. С нами был небольшой отряд, потому что кругом вспыхивали кулацкие восстания и дорога была неспокойная. Поезд продвигался медленно, изредка в отдельных местах обстреливаемый бандитами. В одном месте нас обстреляли основательно. Остановились, смотрим—впереди какая-то цепь. Выскочили и мы из вагонов и также рассыпались в цепь. Вскоре оказалось, что это был наш отряд, которым командовал тов. Базарный. Отряд был выслан Штабом дивизии для восстановления пути, разрушенного бандами. В штабе думали, что Раздельная взята...

Наконец, добрались до ст. Бирзула. Делегатов привели в вагон тов. Якира. Как сейчас помню, стол был покрыт красным сукном. Присели. За столом сел председатель сельсовета, бывший в числе делегатов от восставших. Это был типичный середнячок, который, как говорится, вел политику „моя хата с краю", колебался и этой своей половинчатостью перевел себя по ту сторону баррикад, т. е. он все же больше был с восставшими, чем с нами.

В вагоне был и Илья Иванович Гарькавый. Устроили президиум и стали ожидать прихода Якира. Делегаты вели с нами непринужденный разговор, при чем держали себя довольно дерзко.

Через несколько минут в вагон вошел тов. Якир, сел за стол против президиума и сразу резким, командующим тоном обратился к делегатам. Те растерялись, побледнели и стали нервно посматривать друг на друга.

Якир встает из-за стола и, обращаясь к одному из них, спрашивает:

— Ты сколько арендуешь земли?

— Пятнадцать.

— А ты?

— Двенадцать.

— А ты?

[1] Рассказ идет об одном из многочисленных кулацких восстаний происходивших в тылу дивизии в районе ст. Раздельная-Кучурган. *Ред.*

— Двадцать.

Оказалось, что все пять—крупные землевладельцы (ведь кроме арендованной земли у них была и своя, десятин по 30), и лишь один из них был народный учитель. На этого то народного учителя Якир и наскочил:

— Ты, такой сякой, вместо того, чтобы людей просвещать, плетешься в хвосте у кулаков, помогаешь им!..

В таком духе он распекал этого учителя и кулаков. А потом, сочно выругавшись, сказал:

— Расстрелять их всех!

Делегаты бросились на колени, стали обнимать ноги Якира... Безуспешно... Тогда они—ко мне (ведь я же их привел!). Мне ничего не оставалось делать, как последовать за Якиром. Делегатов немедленно окружили красноармейцы и вывели во двор.

Я считал, что приказание т. Якира неправильно, не соответствует моменту, даже, наконец, ошибочно: ведь мы взяли их, не как заложников, а как парламентеров. Я считал, что нам невыгодно с ними так поступать. Нашел военкома дивизии Гринштейна.

— Тов. Гринштейн, я считаю что, это не совсем правильная тактика. Мне тоже в высшей степени наплевать! Но здесь дело не в шести кулацких смертях, а в том, что этим воспользуются наши враги и будут агитировать против нас.

Решили пойти к Якиру. Мы застали его стоявшим у карты и что-то рассматривающим. Гринштейн говорит ему:

— Старый не согласен с твоим распоряжением. Он считает его неправильным.

Якир отошел от карты, посмотрел на меня и говорит:

— Не нравится ему, так мы его вместе с парламентерами расстреляем.

А потом, после некоторой паузы, добавляет:

— Я и не думал их расстреливать, а хотел только попугать. Хотя народ такой, что надо бы расстрелять, да неудобно: парламентеры они. Можешь отвести их обратно, но передай через них, что если не прекратят восстания, то я тебя (т. е. меня) расстреляю.

— Хорошо, — отвечаю я.

Вернувшись от Якира, об'явил делегатам об отмене расстрела.

Нужен большой художник, чтобы описать их восторг. Они поднялись и стали кричать: „Да здравствует Революция!“ Стали обнимать друг друга, целовать. Делегатов отправили обратно к повстанцам.

Через несколько дней повстанцы разошлись по домам...

ГУСАРЕВ.

Одесса в те дни.

Основной питающей базой дивизии являлась Одесса, откуда на огромный тогда боевой участок дивизии посылались все виды снабжения, главным образом, боевые припасы, а также и некоторое пополнение людьми.

Одесса в то же время являлась гнездом сбежавшихся с севера контр-революционеров всех мастей, которые, невинно фланируя по морским пляжам, а некоторые из них, пробравшись в советские учреждения и армейские тылы, ожидали движения воды. Окрыленные успехами Деникина, продвигавшегося тогда к Воронежу и Курску, они распространяли самые невероятные слухи, утверждая, что Деникин занял уже Москву и что французский и английский флот должен высадить десант для занятия Одессы. Не ограничиваясь распространением злостных слухов, они развернули очень широко контр-революционную активную работу, стремясь с одной стороны, перерезать стратегически важный для нас железнодорожный путь Бирзула-Одесса, и с другой стороны, пользуясь сведениями своих шпионов, усердно работавших в тылу — устроить восстание в самой Одессе и ее окрестностях.

Некоторое сочувствие и поддержку в своих стремлениях белогвардейцы нашли в лице кулацких элементов немецких колоний, разбросанных в районе Овидиополь-Маяки-Страсбург. В этих местностях организовались повстанческие банды, предводительствуемые белогвардейскими офицерами с лозунгами: „бей коммунистов“ и „да здравствует демократическая власть“. Банды эти первое время имели некоторый успех, им удалось захватить ст. Раздельную, отрезав таким образом дивизию от ее тыла — Одессы. После захвата повстанцами ст. Раздельной, в связи с наводнением различными бандами политического и уголовного характера района Одессы, — одесская буржуазия и все контр-революционные элементы совсем подняли голову и со дня на день ожидали прибытия обещанных Антантой десантов. По городу, в садах, театрах, парках можно было видеть самодовольные, откормленные лица ехидно улыбающихся и о чем то горячо перешептывающихся людей.

Огромная работа по ликвидации всех банд и подавлению мятежа среди кулацкого немецкого населения была проделана местным одесским Окрвоенкоматом и частями 45-й дивизии. Всю работу по формированию частей для борьбы с бандами и по руководству боевыми операциями вынесли на своих плечах *исключительно коммунисты*, так как положиться на спецов военного дела, которыми тогда были перегружены штабы, не представлялось возможным. Работа военспецов представляла собою сплошной саботаж, более или менее удачно замаскированный различными заседаниями, разработкой всевозможных неосуществимых военных планов и проч. Высидев свои определенные часы, эти спецы отправлялись домой со спокойной совестью и с надеждой на то, что, может быть, на следующий день им идти на службу не придется, так как за ночь большевики убегут, и они останутся тогда настоящими господами положения. Подобное впечатление произво-

дил на меня почти каждый спец, с которым мне приходилось в ту пору сталкиваться.

Местные же коммунисты тогда проводили грандиозную работу. Борьба происходила на нескольких фронтах. Приходилось всю силу, всю страсть революционной энергии противопоставить контрреволюционной стихии, окрыленной лживыми сообщениями об успехах Деникина, который в то время готовился служить благодарственный молебен в московском Кремле за дарованные ему победы.

т. Черныженко — политбоец отряда особого назначения т. Горева, подавлявшего кулацкие восстания в тылу 45 дивизии. Сейчас старший инструктор ЦИК АМССР.

Приходилось разбивать замыслы контр-революционеров и уголовных элементов в самой Одессе и отражать натиск окрестных банд, искусно руководимых белогвардейцами и стремящихся овладеть городом. И эта огромная работа нашими товарищами коммунистами была успешно проведена.

Окончательное же поражение повстанческих банд и оказание морального воздействия на одесскую контр-революцию выпало на долю 45-й дивизии. По распоряжению командования дивизии, для обеспечения своего тыла, был снят с боевого участка заградительный отряд тов. Горева, имевший в своем составе пехоту, кавалерию и артиллерию. Дружным натиском отряда под умелым руководством тов. Горева была занята ст. Раздельная, на голову были разбиты и рассеяны банды, и отряд вступил в Одессу.

Появление организованного, спаянного революционной дисциплиной и хорошо снабженного отряда в Одессе явилось для контрреволюционеров совершенной неожиданностью и парализовало все их надежды. Белогвардейской активности их был положен конец.

Отряд расположился в городе, и с его помощью дивизии удалось справиться с довольно трудной задачей эвакуации Одессы, вывоза различных ценностей и проч.

Когда перебираешь в памяти все эти события, отошедшие сейчас в область воспоминаний, когда учитываешь все преодоленные трудности, все жертвы, понесенные во имя революции, и сравниваешь то прежнее время с настоящим, характеризующимся нашим военным и экономическим ростом, то с великой радостью приходишь к заключению, что как ни дорого уплатили участники описанных событий—одни—жизнью, другие — здоровьем и т. д., все эти счета полностью оплачены, ибо за них куплено наше сегодня, которое в свою очередь послужит фундаментом для дальнейших достижений на пути к завоеванию социализма во всем мире.

И. КОЛЕСНИКОВ.

В боях.

1. Восстание кулаков в Гликстале и Плоском.

В июльские дни 1919 года вспыхнул ряд *кулацких* восстаний в селах Приднестровья. Первой восстала немецкая колония Гликсталь. В Гликстале стояла хозяйственная часть 403 Тилигулло-Березанского полка, сам же полк занимал фронт по Днестру со штабом в м. Григориополь (15 верст. юг-зап. Гликсталя). Для прикрытия хозяйственной части полком был оставлен очень маленький отряд. Восставшие ночью немецкие кулаки захватили полковые запасы патронов, снаряжения и продовольствия; при этом перебили всю хозкоманду.

Когда известие о восстании дошло до Дубоссар, где стоял 400 полк под моей командой, я немедленно нарядил 30 подвод, посадил на них 200 человек, взял несколько пулеметов и 40 кавалеристов и через час с лишним окружил Гликсталь. Немцы еще спали. Спустя полчаса восстание было ликвидировано, все забранное кулаками имущество — возвращено, а зачинщики восстания расстреляны.

Почти одновременно с Гликсталем восстало кулачье русского старообрядческого села Плоское, откуда я сам родом. Плоское в это время представляло собой кулацко-повстанческий центр. Возглавлял плосковское восстание некто Батурин, плосковец, бежавший ранее из моего отряда. К Батурину присоединился кавалерийский отряд Кожемяченко. Кожемяченко сделался правой рукой Батурина.

Тов. Якир, зная, что я родом из Плоского и пользуюсь у населения авторитетом, предложил мне лично поехать в Плоское и уговорить односельчан прекратить восстание; в помощь мне вызвался ехать политком дивизии т. Голубенко. Я пытался доказать Якиру, что в Плоском кулацкое влияние настолько сильно, что ехать туда и митинговать бесполезно. Но Якир настоял на своем, и я с тов. Голубенко на автомобиле выехали в Плоское. По дороге Голубенко высказал мне свои опасения такого характера, что, мол, я, как левый эсер, могу изменить Советской власти, также, как и Батурин. Я уверил Голубенко, что скорее погибну, чем перекинусь на сторону кулаков.

Когда в'ехали в Плоское, мы увидели возле волости много народа (около 1000 человек). Все были так или иначе вооружены: некоторые — винтовками, другие—вилами. Оказалось, что это сход селян.

Я стал упрекать плосковцев в восстании против Советской власти, которая борется за лучшую

Новопавловка

[illegible]: из [illegible]

Исполком

Передайте что [illegible]
[illegible] передайте чтобы
[illegible]
людей для защиты от Коммунистов наших братьев крестьян
возможно скорый [illegible]
[illegible] крестьяне по примеру
Исаевской, Святотроицкой и [illegible]ской волостям [illegible]
на помощь [illegible] массами
разгромить уничтожение всяких
бандитов пора знать конец
всем этим кровопролитиям
[illegible]
[illegible] что мы [illegible] всем
народам спокойствия и блага
[illegible]

Уполномоченный [illegible]

Типичная для августовских дней 1919 года в районе расположения 45-ой дивизии, телеграмма организаторов кулацкого восстания, призывающая „братьев крестьян" к восстанию против Советской власти. За лицемерными фразами „пора знать конец всем этим кровопролитиям" читатель при самом беглом просмотре увидит кровожадную рожу украинского кулака, и не думающего прекращать кровопролития, готового затопить пролетарскую революцию в крови трудовых рабоче-крестьянских масс.

жизнь рабочих и крестьян. Из задних рядов раздалось шипение:

— Убить их!...

Я заявил:

— Если вы нас даже убьете, то этим вы не убьете Советской власти. Неужели вам ближе немцы-колонисты, имеющие на двор по 100 десятин земли, у которых вы работаете батраками по 16 часов в день?

В толпе произошло замешательство. Но выступили кулаки-демагоги. После долгих споров мы, ничего не добившись, решили использовать последнее средство — воздействовать на командира кавалерийского отряда Кожемяченко, (зная, что он в свое время не последовал за изменником Поповым). Но переговоры с ним не имели также успеха. Пришлось возвратиться ни с чем.

Приехав в Бирзулу, обо всем происшедшем мы доложили тов. Якиру, который отдал приказ: всей 3-й бригаде повести наступление на Плоское и ликвидировать восстание. На следующий день открылось это наступление, в котором принял участие и мой 400 полк. Плосковцы были разбиты, главари их бежали, а остальные вышли навстречу нам с красным знаменем и просили пощады.

В связи с этим не могу не отметить низких приемов плосковских кулаков. В селе в это время проживал, лечась от раны, полученной под Гликсталем, мой родной племянник, тоже Колесников. Во время восстания кулаки несколько раз приходили к нему, тяжело раненому, в хату, чтобы убить его. Когда же нужно было просить пощады у победивших красных, плосковские кулаки побежали к тому же раненому племяннику Колесникова, упрашивая его выйти с красным знаменем просить о прекращении артиллерийского огня. На такие штуки была способна только подлая кулачня.

Наступление на Плоское лично для меня было очень тяжелым, так как вся моя семья в то время находилась в Плоском и мне пришлось стрелять, что называется, по своей хате. По Плоскому было выпущено 360 снарядов, один из которых попал в мою хату и контузил пятилетнего сына. Последний спустя некоторое время умер от воспаления мозга.

400-й полк после подавления плосковского восстания был переброшен в распоряжение комбрига 2 тов. Котовского, бригада которого под сильным напором петлюровцев отошла в то время к ст. Кодыма. Выгрузившись на ст. Слободка, 400 полк отправился походом на ст. Кодыма, а оттуда на село Сербы, где нас радостно встретил тов. Котовский. Расцеловавшись со мной, Котовский обратился к полку с такими словами:

— Целую вас всех в лице вашего командира и надеюсь, что завтра при вашей помощи мы погоним эту помещичью сволочь, которая стоит на дороге революции.

И, действительно, на следующий день рано утром, под руководством тов. Котовского мы двинулись в наступление и, разбив петлюровцев, захватили в Песчанке их штаб дивизии с радиостанцией и большим имуществом. При этой операции за один день было пройдено расстояние от ст. Кодыма до ст. Крыжополь—около 35 верст.

2. Котовский.

Котовский был бесконечно преданный пролетарскому делу, храбрейший боец, богатырского телосложения, искусный военный руководитель, с сильной волей, колоссальной энергией, отличным знанием массы и чутким отношением к бойцу. Он не признавал поражений. Упорством в боях и бесконечным рядом побед он создал 2-й бригаде и неразрывно связанному с ней своему имени громкую славу. Где только появлялась 2-я бригада, там неизменно были прорывы неприятельского фронта.

Всякого красноармейца он считал непобедимым героем, утверждая, что комсостав не знает достаточно того духа и силы, которые таятся в этих раздетых и босых людях. Если иногда случались поражения, Котовский был вне себя, и тех, которые пытались отступать, гнал от себя, заявляя, что в Красной армии не может быть пораженцев.

— Вы не на свадьбе здесь, — говорил он, — куда можно приходить и уходить. *Наша задача — итти только вперед, а всякий, кто в своей башке допускает мысль об отступлении, есть вороний корм, пушечное мясо*

Этими словами Котовский вдохновлял даже труса.

Будучи сам человеком огромной воли, он имел большое влияние на других. Припоминаю такой случай.

Как то нами был захвачен в плен большой отряд петлюровцев. Когда привели их в штаб нашей бригады, к ним вышел Котовский и принялся бранить их:

— Неужели вы, дубье, не понимаете, что вас Петлюра дурачит, что петлюровское движение — чисто кулацкое, что впоследствии эти помещики и кулаки будут вас давить, как давили раньше?

А потом позвал их командира, бывшего учителя, в отдельную комнату и предложил ему возвратиться с отрядом к Петлюре, разгромить его тыл и тем самым доказать, что отряд — на стороне трудящихся. Присутствующий при этом Наштабриг т. Каменский, Комполка 402 тов. Криворучко и я стали осуждать этот замысел Котовского. Он послал всех нас к чорту, заявив:

— Я — командир бригады и отвечаю за свои действия.

Что же оказалось? Этот самый петлюровец (фамилии его не помню) сделал все, что ему приказал Котовский. Пробравшись с отрядом в тыл Петлюры и подняв там панику, он через ночь возвратился к нам с большой добычей. Так умел Котовский силой своей воли переубеждать людей.

3. Обстановка перед отходом Южной группы.

В описываемое время 134 бригада, занимавшая фронт у Тирасполя, была в очень затруднительном положении. Кулачье всех ближайших сел было враждебно настроено и всячески старалось ей вредить. Чуть ли не каждый день возникали восстания то в одном, то в другом селе. Приходилось посылать отряды подавлять эти восстания и в то же время надо было зорко следить за румынами, которые были с нами фактически в состоянии войны. Для того, чтобы подвезти, напри-

мер, фураж или продовольствие, или нарядить подводы для перевозки грузов, нужно было высылать целые отряды.

Но благодаря энергии комсостава и политсостава, руководимого такими товарищами, как Озерянский, Владимиров, Черников, Гончаров, Потриваев, знавшим свое дело и работавшим день и ночь над воспитанием кр-ской массы, бригада осталась целой и крепкой до самого отхода Южной группы к Житомиру, как понятно, и после.

Контр-революционные восстания в немецких колониях и в селах не унимались. С каждым днем наше положение ухудшалось. Тыла не было; нормальных источников продовольствия и снабжения не было. Единственным источником снабжения оставалось отбираемое у разбитого неприятеля. Кулаки в селах настолько обнаглели, что стали отравлять красноармейцев путем примешивания отравы к продуктам, и дело доходило до отравления колодцев в местах расположения красных частей.

Подводы для перевозки грузов трудно было достать, кулаки и часть населения, с'агитированного кулаками, уводили лошадей в леса и даже прятали в погреба. Были случаи, когда наши товарищи, которых посылали за подводами, не возвращались: их убивали. Так, однажды посланные штабом 45 дивизии в село Посицелы 22 человека во главе с тов. Гаазе — все были убиты.

Положение осложнялось разбросанными по всему району петлюровскими мелкими бандами, разжигавшими против нас население. Надо было быть вечно на чеку. Так, однажды я попал в плен. Когда мы стояли под Мястковкой, я и Криворучко (комполка 402) поехали бричкой в одно из ближайших сел. От'ехав от расположения наших частей, мы наскочили на петлюровскую засаду. Завязалась перестрелка. Криворучко был ранен, но успел умчаться на бричке; меня же петлюровцы схватили и повели. Вскоре показалась наша кавалерийская часть, мчавшаяся мне на выручку. Это был Миша Нягу, известный всей дивизии боец, впоследствии командир 1-го кавполка, со своим дивизионом. Его выслал на выручку мне тов. Криворучко. Петлюровцы разбежались, а частично были перебиты. Я был спасен своим другом Нягу.[1]

4. Что бы не досталось врагу...

В целях сконцентрирования всей 45-й дивизии для отхода на север т. Якир отдал приказ 1-й и 2-й бригадам двинуться через Чечельник-Бершадь на Хощевату. Обе бригады к тому времени (конец августа 1919 г.) занимали фронт между ст. ст. Попелюхи-Рудница. На путях скопились большие запасы снарядов и 2 бронепоезда. Так как вывезти этого не было возможности, то пришлось все рвать и жечь, чтобы не досталось врагу.

Т. Котовский отдал приказ мне остаться с 50-ю кавалеристами, чтобы поджечь после ухода бригады как снаряды, так и бронепоезд, а затем следовать за бригадой. Я со своим отрядом облил все вагоны керосином, а бронепоезд набил снарядами и ручными бомбами.

Петлюровцы не замедлили повести наступление на нас. Как только они приблизились на несколько сот шагов к станции, расставленные у вагонов кавалеристы по моей команде подожгли облитые керосином вагоны. Сев на лошадей и от'ехав на некоторое расстояние, мы стали наблюдать, что будет дальше. Петлюровцы, заметив наш отход от станции, бросились занимать ее и тушить пожар... В это время один за другим стали происходить взрывы. От взрывов петлюровцам пришлось очень жарко.

На совещание к Якиру с пулеметом.

Отходя на Чечельник-Бершадь, мы были в постоянном соприкосновении с неприятелем, отражая нападения его отрядов, разбросанных по пути нашего следования.

Когда 2 бригада заняла, наконец, Бершадь, штаб дивизии находился в Хощеватой. Тов. Якир ночью вызвал к себе Котовского и меня. Взяв на станции желдороги паровоз, два пулемета и 5 человек пулеметчиков, мы отправились в Хощевату, куда прибыли в 10 часов вечера. На совещании, длившемся более часа, обсуждались вопросы отхода на Киев. В конце совещания тов. Якир передал Котовскому и мне часы в виде подарка от Реввоенсовета с именными надписями.

Возвращаясь в Бершадь, мы по дороге узнали, что ст. Гайворон, через которую лежал наш путь, занята какой то бандой. Машинист отказался было вести поезд, но Котовский угрозами принудил его продолжать движение.

Ехали мы тендером вперед; пулеметы были поставлены и укреплены на тендере. При приближении к ст. Гайворон мы сразу же открыли сильнейший пулеметный огонь, и банда, сделав несколько выстрелов, отступила.

На дальнейшем пути до Бершади препятствий встречено не было.

Вырываемся из кольца...

К утру Бершадь была со всех сторон обложена неприятелем, и мы могли отступить лишь при условии прорыва образовавшегося кольца. Тов. Котовский собрал весь ком. и полит. состав и обрисовал создавшуюся тяжелую обстановку, заявив при этом, что выбиться из такого положения можно только наступлением на неприятеля, в противном случае мы оторвемся от нашей дивизии; кроме того, при усилении неприятеля, вряд ли вообще можно будет отсюда вырваться.

Немедленно были пущены во все стороны разведчики с целью узнать, где легче прорвать фронт. Вслед за разведчиками выехал в сопровождении тов. Швеца (он теперь работает в Молдавской милиции) и я. У кладбища мы, сойдя с лошадей, не успели еще осмотреться, как вдруг из-за угла выскочило около 30 человек петлюровцев, которые бросились на нас. Тов. Швец успел вскочить на лошадь и ускакать, а меня схватили.

Швец сейчас же сообщил Котовскому о моем пленении, и Котовский лично во главе кавалерийского отряда в 50 человек нагнал отряд петлюровцев, разбил его и вырвал меня из петлю-

[1] Т. Нягу, командир кавдивизиона при 2-й бригаде 45 дивизии, впоследствии командир I кавполка, кавбригады Котовского, один из отважнейших кав. командиров, смертельно ранен на польском фронте под м. Любар 27/VI-20 г. *Ред.*

ровских рук. Так я вторично был спасен от верной гибели.

Тем временем возвратившаяся разведка принесла неутешительные вести: окружение было полное. Котовский отдал приказ о наступлении в том направлении, которое было обусловлено с начдивом. На нашем пути мост через реку Беражанку был обложен петлюровскими войсками, преимущественно из галичан, располагавшими пулеметами. Котовский сам впереди наших частей бросился на неприятеля, защищавшего мост и в несколько минут неприятель был разбит и бежал, оставив нам 4 пулемета. Мы двинулись вперед.

Так вышли мы из кольца, потеряв лишь несколько человек ранеными и убитыми; сверх того потеряно было еще несколько подвод со снарядами; эти подводы, собственно говоря, удрали во время обстрела наших частей неприятельскими артиллерийскими снарядами.

Дальнейший наш отход к Житомиру сопровождался ежедневными стычками и боями с неприятелем, которые зачастую кончались для нас успешно.

Хотя мы были босы и раздеты, но, пройдя при опасных условиях расстояние от Рудницы до Житомира, мы невозможного для себя не представляли, будучи твердо убеждены в правоте нашего дела, а вместе с тем в окончательной победе. Пришедшие к Житомиру наши части состояли из закаленных бойцов, в любой момент готовых итти за революционное дело в огонь и воду.

Д. ЧЕКМАК.

Догнали дивизию...

Тяжелые, упорные бои выдерживала в июле — августе 1919 года 1-я Бессарабская бригада в районе Вапнярка-Крыжополь-Попелюхи. Изо дня в день продолжались обоюдные наскоки, то мы — на петлюровцев, то петлюровцы на нас.

Но были и периоды затишья.

„Не коммунист, а большевик".

В периоды затишья мы проводили работу среди населения. Собирали крестьянские сходы и толковали о том, что такое Советская власть, каковы ее задачи, чего хотят петлюровцы, что несет Деникин и т. п.

Нас слушали, надо сказать, довольно внимательно; бедняцкая часть села воспринимала лозунги наши, как близкие и родственные ей, как лозунги, формулировавшие по сути дела, те величайшие надежды, которые веками вынашивала бедняцкая масса Украины.

Надо подчеркнуть, что работу свою мы проводили не от имени коммунистической партии, а *от имени большевиков*. Крестьяне говорили; „мы за большевиков, но против „комунии"!...

Очень редко тогда партийцы называли себя коммунистами.

Мне вспоминается одно крестьянское собрание. Оратор не успел, что называется, и рта раскрыть, как поднялся крик, шум:

— Не хочемо слухать комунії, все одно коров позгоняєте до купи, будете доїть, а молоко вивозитимите у город!"...

— Та вже он кажуть і жінок усіх до купи зведуть, щоб на все общество значить!...

— Та я не комуніст, товариші, — оправдывается оратор. — Я більшовик.

— Добре, що ти більшовик, а то з комуністами біда!

Все же и такие собрания нам удавалось проводить редко и население, целиком предоставленное петлюровским агитаторам, нередко шло за ними даже в своей середняцкой части.

Бои также не давали нам часто возможности проводить партийные собрания в полках. А если такие и бывали, то в большинстве случаев — закрытые. На этих собраниях давалась установка коммунистам по отдельным вопросам. Примерность коммуниста в бою, вот что подчеркивалось тогда, как основная задача перед каждым и надо сказать, что в общей своей массе, коммунисты в бою были тем ядром, которое сплачивало и организовывало массу.

Через повстанческо-кулацкое кольцо.

1-го сентября 1919 года петлюровцы огромной лавой повели наступление на нашу бригаду. Напор был довольно энергичный и полк, например, тов. Кандыбы[1] был почти совершенно уничтожен. Больше того, наш 398 полк, стояв на позиции и отстреливаясь, видел, как стали загораться вагоны, в которых помещался штаб бригады. Последний был у нас в тылу и стало ясно, что петлюровцы зашли к нам уже в глубокий тыл. Создалось очень тяжелое положение. Остатки разбитых полков начали отступать. Отступал и наш полк.

Не долго думая, мы с комиссаром полка т. Суворовым решаем об'единить остатки 399-го полка Кандыбы, пулеметную команду и пр. в какую нибудь боевую единицу и вырваться из кольца, которое готовят нам петлюровцы. Вырываться на север нет никакой возможности, так как это означало пробиться через густые цепи петлюровцев и мы решаем отступить в сторону Рыбницы.

В ближайшем селе мобилизуем все подводы и, пользуясь наступившей ночью, направляемся на Рыбницу, пустив слух, что мы удрали в Бессарабию. Петлюровцы за нами в погоню. Проскакали мы верст 40, сменили подводы и, не доезжая до Рыбницы верст 10-ть, круто поворачиваем по дороге через Красненку на ст. Абамелеково.

Из Абамелеково наш путь лежал через Круты... Не доезжая до Крут верст пять, останавливаемся в одном каком то маленьком селе. Утомились до изнеможения. Ах, отдохнуть бы! Встретили нас крестьяне (село молдаванское) не особенно дружелюбно, но, помню, уже через полчаса по прибытии в село к нам начали приходить отдельные крестьяне-бедняки и сообщили:

[1] Полк т. Кандыбы, тогда 3-й, впослед. 399-й, полк 133 бригады — *Ред.*

Схема 3.
Обстановка на фронте
к концу августа 1919 г.
С
Ю
Поляки
44 д.
Житомир
Киев
Добр. арм.
Харьков
Петлюровцы
Казатин
Сквира
Винница
Черкасы
Полтава
Звенигородка
14 арм.
Умань
Елисаветград
Знаменка
Екатеринослав
Шкуро
г. Буг
г. Днестр
Румыны
Вознесенск
45 д.
Никополь
58 д.
Николаев
47 д.
Херсон
г. Днепр
Франц.
Слащев
Масштаб
40 0 40 80 120 км.
xxxxx Районы кулацких восстаний и действие банд

— В Крутах сильный петлюровский отряд в 4-5 тысяч человек.

Что делать? Ведь нам через Круты обязательно нужно пройти, а сила то наша какая — 6 рот по 100 человек! Правда, есть артиллерия и 16 пулеметов, но что за странность? Этот начальник бригадной артиллерии как то подозрительно на меня посматривает и как видно, мне не доверяет. Откровенно говоря, и я ему тоже не доверяю, но хуже всего ведь еще и то, что он мне не подчиняется. Так что особенно надеяться на артиллерию вряд ли можно. Советуемся с комиссаром Суворовым, как решить эту трудную задачу. Созываем командиров рот: „Так, мол, и так, через Круты нужно идти, а в Крутах петлюровские повстанцы!"

— Знаете что, товарищи, — говорит, волнуясь, комроты т. Кириченко — давайте вывезем на полдороги между селом, в котором мы стоим, и Крутами, две тачанки с оружием и разным барахлом. Уверяю вас, повстанцы набросятся на это барахло, начнуть делить его и обязательно передерутся, а мы в это время нападем на них!

Никто из нас не возразил. Предложение было принято.

Около часа ночи вывозим две тачанки с барахлом и верстах в двух от м. Круты бросаем. Пусть, мол, думают, бежали большевики, жарко стало, сели на лошадей, удрали, а богатство то оставили.

Сами же 6-ю ротами двинулись вперед и подковой расположились у тачанок, так саженях в 200-х не больше. Послали вперед разведку.

Чуть только начало рассветать разведка доносит:

— К тачанкам из Крут уже стали стекаться петлюровские повстанцы.

И верно. Мы явственно слышим шум, крик, гам. Отдельные выстрелы разорвали воздух... Клюет...

— Повстанцы делят барахло,—заметил Суворов.

По ранее условленному сигналу-свистку роты поднялись и окружили их. Повстанцев оказалось что-то около полуторы тысячи. Мы обезоруживаем их. Я, забравшись на тачанку, открываю что-то на подобие митинга.

Во первых, мы требуем освобождения наших двух кр-цев-разведчиков, захваченных повстанцами. Во вторых требуем возвратить лошадей и седла.

— Если вы этого не сделаете,—обращаюсь я к ним,—немедленно прикажу артиллерии открыть огонь по Крутам, а повстанцы будут расстреляны.

Подзываю своего ад'ютанта и громко отдаю приказание:

— Передайте начальнику артиллерии, чтобы начал бомбардировку местечка.

Поднялся шум, крик. Через несколько минут ад'ютант смущенно шопотом докладывает мне:

— Еще ночью, тов. Чекмак, артиллерия и пулеметчики удрали от нас!

Вот тебе и на! Стараюсь вида не подавать и с тем же гонором повторяю свои требования, возвратить кр-цев, седла и лошадей.

— Ходімте у Крути, там кр-ці у погребі, — сообщает мне, как видно, один из атаманчиков.

— Идемте! — отвечаю я.

Интересное зрелище. Полк двигается по дороге, как бы конвоируя тысячи полторы повстанцев. Войдя в Круты, получаем подарок: своих двух кр-цев, вытащенных из погреба. Им уже успели сделать на руках и ногах приличные следы от веревок.

На площади в Крутах продолжаем свой митинг, раз'ясняем еще раз политику большевистской партии и Советской власти, вскрываем всю контрреволюционность петлюровской агитации и, отпустив пленных повстанцев, провожаемые многотысячной толпой селян Крут, двигаемся в путь.

В Балте нагоняем части своей бригады, а в Хощеватой соединяемся с остальной 45-й дивизией, отходящей на север.

Г. ЛИСИЦКИЙ.

В последний день перед отходом...

(Бой у Крыжополя 1/IX-1919 года).

Теплое сентябрьское утро. Чистый, несколько сыроватый лесной воздух свежит лицо и бодрит тело. Наши цепи рассыпались в дубовом лесу. Тишина. Высоко над головой пролетит коршун и вслед ему посыпятся наши нежные послания:

— Какого черта летаешь?

Противник здесь, где-то близко. Где точно,—мы не знаем, да и важно ли это? Сейчас идут разговоры о том, почему так долго нет каптера, жрать охота. Проходит полчаса, а каптера нет. Некоторые начинают вспоминать родителей каптера, так приблизительно до 10 колена.

А вот вдали показывается и он сам. Каптер идет по направлению к нашей цепи, вместе с артельщиком, держа мешок за плечами. Вот он уже среди нас. Под шум, смех, шутки происходит выдача консервов. С аппетитом начинаем уплетать.

Каптер и артельщик уходят. Вдруг справа выстрелы и крики.

— Якиі я вам товариш?

... И глухой стон.

Оказывается, петлюровцы здесь у нас под носом. Каптер и артельщик, уходя от нас, свернули в сторону шагов 50 и попали в их лапы. Артельщику пуля раздробила глотку. Он умер там же на месте.

... Так началось утро 1-го сентября 1919 года в лесу в районе Крыжополя. Уже более 10 дней мы ведем здесь бои,—мы, бойцы 2-й бригады 45-й дивизии. Наша основная задача во что бы то ни стало выгнать из района Крыжополь—Вапнярка—Жмеринка петлюровцев и дать возможность всем нашим эшелонам выйти из этого проклятого заколдованного кольца, в каком мы очутились.

Ровно в 10 часов, в расположении соседней роты заговаривает пулемет и подымается ружейная трескотня. Осколки звуков рассыпаются в воздухе... Через несколько минут в этот хор ввязы-

ваемся и мы, и пули уже шелестят по всему лесу... Перестрелка продолжается минут 30—35. Подбадривая нас, говорят командиры:

— Ровно в 11 будет подана по цепям команда: к атаке, приготовиться. Будьте готовы! Будьте готовы...ы!.. Го-то-вы...ы!..

Бойцы рассматривают винтовки, ручные бомбы. В воздухе слышится далекое жужжание, а затем точно из нутра деревьев вылетает несколько неприятельских аэропланов. Они пролетают над нашими головами и скрываются в голубой дали.

А потом команда: „Вперед, бегом, товарищи!..

... Петлюровцы встречают атаку огнем из винтовок и пулеметов. В дело вмешивается и петлюровская артиллерия. Снаряды ложатся в наших цепях, но движение не приостанавливается, оно делается еще быстрее...

Громкие крики „Ура", и навстречу петлюровское „Слава, слава!"... Низко, низко над нашими цепями, точно шмели, кружатся петлюровские аэропланы и начинают расстреливать нас из пулеметов.

В голове копошатся мысли, такие странные... почему сейчас в лесу нет ни одного коршуна? Знают, стервы, что опасно здесь, улетели.

Вот уже явственно мы различаем красные китицы на шапках. Вот он наш враг... Все ближе и ближе. Отдельные петлюровцы поворачивают обратно, другие, наоборот, соединяясь в группы, кричат „Слава" и прут на нас. По цепям растет мощное „ура". Петлюровцы не выдерживают и пятятся назад.

Первая цепь нами разбита.

Мы останавливаемся, запыхавшиеся и усталые. Цепи заметно поредели.

Думаем, на этом кажется и конец. О преследовании отступающих петлюровцев не может быть и речи, настолько сильна усталость. Разве кавалерия наша выскочит откуда нибудь справа или слева?

Но проходит 20 минут, петлюровцы снова открывают огонь и переходят в наступление. Снова рвутся снаряды в наших цепях. У!..У!.. Чорт подери!.. Делаем сверхчеловеческие усилия и переходим в контр-атаку. Снова бежим навстречу петлюровским цепям, и снова „ура" и „слава" переплетаются вместе и гудит лес... То в одном, то в другом уголке леса вспыхивает рукопашная схватка. Свежие цепи петлюровцев волной напирают на нас...

Начинаем отступать. Некоторые роты уже успели потерять до 50 процентов своего состава. Отступаем группками... Во многих группках нет командного состава—он убит. Жуть, ужас и страх охватывают бойцов. Идем, отстреливаясь, и путь наш тяжелый лежит мимо трупов наших товарищей, еще совсем недавно веселых и жизнерадостных.

Когда мы, наконец, входим в село, преследование прекращается. С радостью набрасываемся на воду, пьем, наливаем баклажки и снова пьем. Усталость адская, но в селе оставаться нельзя.

Из села тащимся до ст. Рудница. Вечером приходим на станцию и группками уставших людей вливаемся в море таких же уставших, запыленных, с горящими глазами, людей, полных все же огня, гнева и ненависти к тем, которые сегодня заставили их отступить. Тут и пехотинцы, и конные, и бронепоезда на путях, в серых сетках пыли, с длинным стволами своих орудий, смотрящих в сторону петлюровцев.

Станция погружается в темноту. Гомон и говор человеческой волны стихает, и наступает тишина. Мы садимся на перрон, прислонившись к стенке здания, у окон телеграфной станции. В полуосвещенной комнате постукивает телеграфный аппарат, а где то в стороне, в темноте ночи журчит и потухает скрип возов, тачанок и подвод. Это наши отходят от ст. Рудница по направлению к ст. Попелюхи. В толпе растет слух и, точно стрекоза, скачет по человеческим головам:

— Котовский приехал!.. Котовский приехал!..

У всех приподнимается настроение и радость, энтузиазм зажигаются в глазах и теплят сердце. Вот он и сам. Огромный, круглолицый, он взбирается на площадку вагона и дрожащим, волнующим голосом говорит нам:

— Славные орлы!.. В сегодняшнем бою мы много потеряли лучших товарищей. Но задачи еще не решили. Нам еще нужно продвигаться вперед... Если есть среди вас слабые, пока не поздно, можете идти домой, не мешайте нам выполнять большую задачу...

Котовский бросает слова в темную ночь. Эти слова огненными языками, кажется, лижут небо. Затаив дыхание, слушаем.

Котовский сходит с трибуны и в ответ ему несется шумное, многоголосое:

— Пойдем, все!..

Ровно в полночь оставляем Рудницу и двигаемся в направлении ст. Попелюхи. Расстояние до Попелюхи небольшое, но огромная усталость добивает, что называется, нас. Точно, пьяные двигаются роты.

Эх, прилечь бы сейчас на землю—и заснуть, заснуть!!!

— Ребята, веселее, веселее,—звенят голоса командиров, точно во сне.

Наконец, приходим в Попелюхи. Усаживаемся на перроне, на насыпи, на траве, где попало, и через 5—10 минут храп разрывает воздух. В юго-западной окраине неба вспыхивают огоньки и гаснут... Где-то далеко бухают орудия... Что бы это было?

Одиночные, глухие выстрелы из винтовок рождаются и тонут во мраке...

Мы засыпаем!.. Завтра в далекий путь!..

ЮЖНЫЙ ПОХОД.

Южный поход—яркая страница не тольчо в истории 45 дивизии, но и всей Красной армии. Этот 400 верстный поход „отступления и одновременного наступления" в обстановке кулацко-бандитских восстаний, в кольце деникинско-петлюровской контрреволюции, полон величайшего героизма, отваги и самоотверженности трудящихся масс, с винтовкой в руках, со считанным количеством патронов, но с твердой уверенностью в победе, в правоте великого дела пролетарской революции пробивавшихся и пробившихся на соединение с северными частями Красной армии.

Южный поход закончился успешно прежде всего потому, что во главе войск Южной группы стояли твердые, стойкие большевики—Затонский, Гамарник, Якир, Клименко, Лаврентий, что коммунисты, являя пример революционного выполнения долга, были цементом, сплачивавшим красноармейскую массу в стальной кулак, о который разбивались все попытки контр-революционеров задушить, уничтожить Южную группу и ее основное ядро — 45 дивизию. За Южный поход 45 дивизия сделалась Краснознаменной и выросла в крепкую боевую единицу.

М. ВАСИЛЕНКО.

Поход Южной группы.

I. Обстановка в районе действий Южной группы к концу августа 1919 г.

Группировка белых армий. Их намерения.

Август месяц 1919 года характеризуется крайней активностью белых армий и упорной борьбой красного командования за инициативу.

Южный фронт, поколебленный рейдом Мамонтова, не только удержался на месте, но и готовился к контр-наступлению. Но к этому же времени на фронте XIV и XII армий обстановка складывается крайне неблагоприятно.

Деникин, сосредоточив пятерное превосходство сил в районе Харькова, развивает наступление на Киев с одновременным выдвижением от Екатеринослава на Знаменку-Елисаветград и из Крыма на Херсон-Николаев и Одессу.

К 18 августа армия Деникина уже вышла на линию Рыльск-Лубны-Помощная-Николаев, а к концу августа белые уже подходят к Киеву.

XIV армия, понеся большие потери, отходит к северу.

Одновременно с этим, польские дивизии развивают активные действия на Коростенском и Ровненском направлениях, стремясь к тому же Киеву.

Не отстает в этом стремлении и Петлюра. Нанося удары в направлении на Вапнярку, во фланг и тыл 45-й дивизии, он одновременно наступлением от Винницы на Казатин углубляет прорыв и в дальнейшем грозит занять Киев и овладеть Правобережной Украиной.

Районы Звенигородка, Сквира, Казатин, Винница, Христиновка заняты бандами петлюровской ориентации.

Намерение белого командования ясно из самых направлений его ударов:

Овладеть Киевом, как политическим центром Украины, вместе с тем Правобережной Украиной,—это первая задача. Окружить и уничтожить Южную группу XII армии (45, 47 и 58 дивизии) — это вторая задача.

Группировка сил XII армии и намерения красного командования.

К началу августа XII армия имела задачами: 1) борьбу с поляками на Ровненском направлении, 2) борьбу с Петлюрой в Каменец-Подольском направлении, 3) охрану вост. берега Днестра против румын и 4) прикрытие границ с моря на участке Одесса-Херсон.

Группировка сил XII армии к началу августа была следующая:

44-я дивизия—фронтом на запад, имея левый фланг в Виннице;

45-я дивизия—фронтом на запад, имея правый фланг в районе ст. Вапнярка и левый—у м. Маяки, в районе Одессы, главные силы дивизии в районе Вапнярки и заставы по р. Днестр.

47-я дивизия прикрывала Одессу с моря и 58-я дивизия занимала район Николаев-Херсон, имея задачами борьбу против добровольческой

армии и борьбу с Махно. Помимо этих сил были еще мелкие гарнизоны по городам и новые формирования в районе Одессы.

Наиболее активными участками XII армии был петлюровский фронт в районе Винница-Вапнярка и участок борьбы против банд, которые особую активность проявляли в тыловых районах правого и левого флангов 45-й дивизии.

Тыл XII армии с востока был прикрыт XIV армией, фронт которой к началу августа проходил по Днепру от Алешки, в районе Херсон, на Екатеринослав и далее на Полтаву. Однако, прикрытие это являлось скорее видимостью, чем реальным фактом, ибо кордон, который представляла собою растянутая XIV армия, по существу не мог служить прикрытием. Позже это далосебя знать.

Таким образом, для XII армии, уже в половине августа создавалось положение, при котором она была взята как бы в клещи, готовые сомкнуться где-то в районе Киева. (*Схема № 3*). Такое положение внушало серьезные опасения красному командованию.

18 августа Главком телеграфировал Командарму XII:

„Оборона Южной Украины, в частности г.г. Одессы и Николаева необходима, а потому войска трех находящихся там дивизий нельзя отводить на север. Считаю необходимым, чтобы на одну из этих дивизий, и притом, на более прочную, была возложена задача по обеспечению за нами постоянной связи между Киевом и Южной Украиной. На эту дивизию должна быть возложена упорная оборона Умань, Ольвиополь, Ново-Украинка, Ново-Миргород, Звенигородка путем активных действий против противника, наступающего, как с запада со стороны Вапнярка, так и с востока со стороны Знаменка. Все три дивизии, оставляемые в Южной Украине, должны быть об'единены в одну группу, на которой должно лежать сохранение за нами Южной Украины и в том случае, если не удастся воспрепятствовать соединению петлюровцев с деникинцами в районе Умань-Елисаветград. Войска эти должны принять все меры к тому, чтобы об'единить вокруг себя население для борьбы с противником".

В развитие этой директивы 18 августа командование XII армией отдало приказ:

„Сегодня Реввоенсовет Республики приказал:

Первое — войска Южной группы (45, 47 и 58 дивизии) на север не отводить, так как оборона Южной Украины и, в частности, Одессы необходима.

Второе—на одну, более прочную, дивизию группы возложить обеспечение прочной связи с Южной Украиной, для чего ей упорно оборонять район Умань, Ольвиополь, Новоукраинка, Ново-Миргород, Звенигородка путем активных действий против противника, наступающего со стороны Вапнярка на восток, и со стороны Знаменка на запад.

Третье—на группу возлагается сохранение Южной Украины даже в том случае, если деникинцы и петлюровцы соединятся в районе Умань и Елисаветград, и

Четвертое — войска должны принять все меры, чтобы об'единить вокруг себя население для борьбы с противником точка. В развитие этой директивы приказываю направить возможно больше сил против Деникина, дабы отвлечь его силы с Южного фронта, где ему готовится мощный удар. Части Приднепровского участка удерживают линию Бобринская-Черкасы.

Поезд с патронами 17 августа выступил со станции Бобринская на Вознесенск. Якир утверждается командующим группой.

Киев 18 августа.

п п. Командарм Семенов Чл. РВС (подпись) № 2105".

Вот намерение красного командования.

Однако жизнь опережала все планы, и планам Главкома так и не суждено было осуществиться. Деникин, развивая наступление на запад: от Полтавы на Киев и от Екатеринослава на Елисаветград и одновременно из Крыма на Херсон-Николаев, к 18 августа вышел на линию Рыльск-Помощная-Николаев, а к 31 августа, продолжая наступление, занял Киев.

В то же время Петлюра, расширяя прорыв между 44 и 45 дивизиями, стремительно двинулся на Киев и 30 августа занимает его. Опасения главкома оправдались. Деникинцы с петлюровцами встретились, правда, не в районе Умань-Елисаветград, как предполагал главком, а значительно севернее.

Южная группа отрезана, отрезаны три дивизии защищавшие Украинский фронт (45-я, 47-я и 58-я).

Оставалось приступить к выполнению задачи поставленной главкомом на случай, если не удастся помешать соединению деникинцев с петлюровцами, т. е., образовав группу из трех дивизий, продолжать борьбу, об'единяя вокруг себя население отрезанной Украины.

Но обстановка, сложившаяся к концу августа, не благоприятствовала выполнению и этой задачи.

В основном обстановка к концу августа характеризуется так:

Настроение населения: открыто враждебные выступления кулачества; середняк, запуганный росказнями о „комунии", в значительной части идет на поводу у кулака, в лучшем случае держит „нейтралитет"; беднота, терроризированная кулачеством, запуганная бандами, молчит и только в виде своих лучших представителей, своего актива, борется за Советскую власть, пополняя ряды Красной армии и партизанские отряды. Подобная обстановка не только не благоприятствовала выполнению задач обороны, а наоборот, затрудняла его. Примером, иллюстрирующим это затруднение, может служить выписка из проекта доклада начдива 45 Командарму, написанного в августе 1919 года.

„Внутренний фронт: для подавления банд в тылу частей дивизии в различных местах сформированы четыре отряда под общим руководством бывшего Командарма 9 тов. Княгницкого. Первый отряд в составе двух орудий, роты матросов в 60 штыков, отряда особого назначения при штабе дивизии—120 шты-

ков и 10 сабель, 6 пулеметов, находится в районе Киев-Раздельная. В настоящее время связи нет, в виду занятия повстанцами Веселого Кута, Иваньки, Затишья и Перекрестово.

Второй отряд под командой комбрига 3 тов. Черникова в составе 2-х орудий, 4-х рот, при 4-х пулеметах находится в районе Кучурган-Раздельная. Имеется донесение, что в районе Кучурган отрядом ликвидировано восстание в колониях Страсбург и Баден. Дальнейших сведений за прекращением связи не поступало.

Третий отряд под командой командира 400 стрелкового полка тов. Колесникова в составе 2-х орудий, 4-х рот, при 4-х пулеметах сделал попытку ликвидации восстания сел Малаешты-Плоское, был разбит и отступил к Ташлыку. Выполнить возложенную на него задачу по ликвидации восстания района Комаровка, Плоское, Малаешты, Красная Горка, Спея, Токмазея, Тея, Бутор — третий отряд способным не считаю, так как он состоит из жителей восставшего района.

Четвертый отряд под командой командира 48 Балтского полка в составе 400 штыков при пяти пулеметах, при одном орудии находится в гор. Балте. Часть этого отряда в составе 100 штыков при одном пулемете в связи с занятием с. Перекрестово переброшена в этот район, дабы восстановить связь с отрезанными частями района Раздельная. Оставшаяся часть в г. Балта слишком малосильна по сравнению с бандами, которые оперируют в районе Балта, и при небольшом нажиме таковых город Балта может быть оставлен. Кроме того, попрежнему заняты различными бандами районы Брацлав, Гайсин, Гайворон, Ладыжино, Хощевата, Христиновка, Ольвиополь, Чечельник. Меры к ликвидации не могут быть приняты за отсутствием сил, снять с боевых участков бригад что-либо считаю невозможным. Районом восстания захватываются все новые и новые села и волости.

Двух рот курсантов, а также их артиллерийского взвода из Одессы не получил. Дивизия бессильна. *Патроны истекают*. Положение района тяжелое, необходима реальная помощь извне. Прошу ваших срочных и необходимых указаний. Бирзула 5 августа Нр...

Начдив 45 Якир, Политком Голубенко, Наштадив Гарькавый".

Силы Южной группы были недостаточны и разбросаны на широком фронте. Иллюстрацией, характеризующей силы и их расположение, может служить выписка из того же проекта доклада 45-й дивизии Командарму XII по состоянию на 15 августа.

Неофициально. Проект доклада Командарму.

Киев. Командарму XII.

„Доклад о положении фронта 45 дивизии к . . . час . . . 15 августа 1919 г. Карта 10 верст в дюйме.

Внешний фронт. Участок 1-й бригады. С. Павловка: 2 эскадрона Особого кавалерийского полка, 100 сабель. Б. Крикливцы: 398-й полк 200 штыков, 8 пулеметов, Попелюхи: 399-й полк 180 штыков, 5 пулеметов. Для обеспечения правого фланга в с. Городище одна рота коммунистического заградительного отряда т. Гуляницкого, 100 штыков, 2 пулемета. В районе Рудница находится бронелетучка в составе 2 орудия, 4 пулемета. 397 полк, будучи отрезан в районе Вапнярка, отступил в направлении Жмеринки, сведений о нем никаких не имеется 1-ая бригада после ряда упорных боев и заразительного действия двух разложившихся частей полка Стародуба и при малочисленности штыков вообще небоеспособна. Артиллерия: 2 орудия—Б. Крикливцы.

Участок 2 бригады. 402 полк 400 штыков, 12 пулеметов, усиленный 2-мя эскадронами кавалерии 100 сабель освещает местность Горячковка - Зеленка - М. Крикливцы. В Севериновка Ольгопольский баталион 80 штыков, 30 сабель, в Каменка Ямпольский баталион 100 штыков и 1-й кавдив 50 сабель. Артиллерия: Рудница - Болган - Хрустово - Каменка 4 орудия. Рашков-Попенки 48-й Балтский полк 350 штыков, 40 сабель, 5 пулеметов. Попенки-Роги 400 полк: 380 штыков, 6 пулеметов. Роги-Дороцкое 3-й Бессарабский полк 600 штыков 2 пулемета. 401 полк, будучи отрезан, находится в районе Жмеринка. Связи и никаких сведений о нем нет. Артиллерия: Рыбница-Журы 4 орудия.

Участок 3-й бригады: Дороцкое - Ташлык 403 полк 1200 штыков, 6 пулеметов. На участке Ташлык - Парканы стоящие наши части обезоружены жителями и часть совсем снята с позиции восставшими крестьянами сел: Малаешты, Плоское Комаровка, Спея, Тея, Токмазея и Красная Горка. Кроме того, две роты перешли, присоединившись, к повстанцам. 404 полк около 1500 штыков при 12 пулеметах занимает участок от г. Тирасполя до Маяки. Ввиду того, что район охвачен восстанием немцев-колонистов, положение на этом участке точно неизвестно за отсутствием связи. Часть рот с этого участка оттянута для ликвидации банд в районе Кучурган. Кавалерия при двух пулеметах и 60 сабель несет службу раз'ездов и дозоров от Парканы до Чобручь. Артиллерия: Ташлык, Тирасполь, Суклея, Маяки 8 орудий. Приложение: схема расположения:

Итого силы 45-й дивизии перед Южным походом исчислялись в количестве 5090 штыков, 64 пулемета, 20 орудий и 430 сабель, что для огромного фронта 45-й дивизии было абсолютно мало.

Настроение войск, в общем, было боевое, но некоторые части поддавались агитации повстанческих сел, иные части были заражены махновщиной. Иллюстрировать это положение можно следующими документами:

Киев. Командарму XII.

„Доношу, что 10 июля эскадрон кавалерийского дивизиона под влиянием агитации темных элементов взбунтовался, расстрелял командира дивизиона и политкома, после чего направился в село Плоское, 20 верст к северу от Тирасполя. К повстанцам присоеди-

нилось несколько тысяч кулаков из окрестных деревень. Меры к подавлению восстания приняты. Село Плоское окружено со всех сторон войсками, обстреливается артиллерией. Повстанцы упорно сопротивляются. 27.VII № 0764 Начдив 45 Якир. Политком Гринштейн. 28/VII-19 г. 12 час. 50 минут".

Примером плохой стойкости в борьбе с врагом может служить сдача в плен частей 47 дивизии, защищавших Одессу, а иллюстрацией разлагающего влияния махновцев может служить переход на сторону Махно двух бригад 58 дивизии, отступавшей из Николаева на Вознесенск.[1]

Потеря желдорог, связывающих с центром, с источниками снабжения, резко обострила вопросы снабжения боеприпасами, а уход от желдорог в острой форме выдвигал проблему колесного обывательского транспорта, которая так трудно разрешалась и вооружала население против воюющих.

Недостаток огнеприпасов не давал возможности оставаться в местности, насыщенной бандитизмом, на территории постепенно, но неуклонно сокращавшейся вследствие успешного продвижения врагов.

Недостаток патронов иллюстрируется донесением начдива 45 Командарму. Вот оно:

Штадив 45 Бирзула.

Киев. Командарму XII.

„Противник делает невероятные усилия, чтобы сбить правый фланг, нанося главный удар в направлении на Песчанку. Силы противника весьма значительны. Не будучи в состоянии держаться, штабриг 2 оставил Песчанку, в настоящий момент из нее отходят и части.

Отсутствие русских патронов губит положение, которое своими средствами дивизия восстановить и удержать не будет в состоянии. Бирзула 14 августа Нр 0915а.

Начдив 45 Якир. Политком Гринштейн.

Наштадив Гарькавый.

Вот краткий, далеко не исчерпывающий обзор обстановки, сложившейся к концу августа 1919 года для войск Южной группы XII армии. Только зная в деталях эту обстановку, можно вполне понять настроения возглавляющих эту группу, можно понять те затруднения, кои испытывали лица, принимавшие решения.

„Помню наши мучительные сомнения, звать ли с собой кр-цев дивизии, несколько тысяч человек, звать на подвиг, но и почти на верную смерть или демобилизовать их, а самим остаться в подполье. Да и пойдут ли они за нами на верную гибель?"

Так пишет начпоарм и позже начподив дивизии т. Гринштейн.

И в такой обстановке командованием XII армии Южной группы ставится новая задача, суть которой ясна из приказа Южгруппы № 01 от 28 VIII 1919 г.

II. Южный поход.

Группировка частей Южной группы к 28/VIII.

К моменту принятия решения на отход (конец августа 1919 г.) части Южгруппы занимали следующее положение:

Части 58-й дивизии с остатками 47 дивизии двигались от Вознесенска (80 кл. с-з Николаева) на Голту (Первомайск). К 30 августа они были в районе Голты. Сведений о численности этих частей не имеется. 45-я дивизия в это же время 1-й и 2-й бригадами вела бой с регулярными петлюровскими частями на фронте Жабокрич - Крыжополь (20 к. ю-з Вапнярка) — Вольфантовка (50 кл. ю-з Вапнярка).

Ян Гамарник - член РВС Южной группы в 1919 году, сейчас генеральный секретарь ЦК компартии Белоруссии.

3 бригада занимала фронт по Днестру от Рыбница до Маяки.

Помимо 58, 47 и 45 дивизий в районе Южной группы было около десятка мелких отрядов, силою от 50 до 100 штыков каждый, и парторганизации городов оставляемого района (Одессы, Тирасполя и др.)

Вот все силы Южгруппы и их примерная группировка к концу августа 1919 г., когда был отдан приказ войскам Южной группы XII армии № 01 от 28 августа.

Приказ по Южной группе войск XII армии (По части оперативной).

28 августа 1919 г. № 01 Карта 10 в. в дюйме.
ст. Бирзула.

Организация похода.

Общее положение. Одесса, Вознесенск, Помощная, Черкасы, Переяславль заняты деникинцами. Пространство между Каневом и Белой Церковью и к югу от этой линии по ж. д. Бирзула—Голта, кишит бандами, действующими в согласии с Петлюрой. На линии Жабокрич-Крыжополь-Вольфантовка—регулярные петлюровские части, далее к югу по Днестру-румыны.

Согласно сообщения радио от 27/8 наши войска на всех частях Южного фронта перешли в наступление и, в частности, нанесли удар петлюровцам и деникинцам в районах Василькова и Корсуня на направлениях из Киева. Части Южгруппы в настоящую минуту расположены:

а) 45-я дивизия сосредоточена в районе Бирзула от наседающих петлюровцев и на линии Балта-Помощная от деникинцев.

[1] Яркую иллюстрацию махновского лагеря из ст. Помощная дает Ф. Анулов в ст. „Прорыв" (пом. в этом разделе). *Ред.*

б) 58 дивизия на переходе с линии Новая-Варваровка на линию Братское-Голта.

Уцелевшие части 47 дивизии, отходя от Одессы, протягиваются и вливаются в части 58 дивизии.

Задача. Применяясь к создавшейся обстановке и преследуя цели, поставленные последними директивами Командарма XII, полученными по радио, задача Южной группы войск XII армии следующая: жертвуя подвижным ж. д. составом, но сохраняя максимум живой силы и материальных средств, войскам группы, выйти шоссейными и грунтовыми дорогами на соединение с Советскими войсками, действующими севернее Киева, нанеся противнику решительный удар с тыла в каком либо одном пункте его расположения между Фастовом и Переяславлем. Имеемые силы организовать следующим образом:

1) Начальнику 45-й дивизии тов. Гарькавому выделить в авангард 3 бригаду тов. Черникова с придачей ей отрядов т. т. Степаненко, Гуляницкого, роты запасного полка и комендантской команды, поезда особого назначения. Все эти части, составляя авангард группы, подчиняются тов. Черникову.

2) 58 дивизия и уцелевшие части 47 дивизии составят правый боковой отряд под общей командой тов. Федько.

3) 1-я и 2-я бригады 45-й дивизии составят левый боковой отряд под общей командой Комбрига I тов. Грицева.

4) Главные силы в составе: пяти рот 48 Балтского полка, отряда тов. Базарного, отряда латышей, Сводного Коммунистического Тираспольского отряда, отряда тов. Черненко и 15 Кавалерийского дивизиона, а также учреждений Южной группы, Реввоенсовета и Штаба 45 дивизии под общей командой Наштадива тов. Гарькавого.

5) Арьергард в составе отряда тов. Мациевского и Ананьевского гарнизона.

Указанным отрядам ставится следующая задача:

1) Авангарду тов. Черникова к вечеру 30 сего августа выйти на линию Емиловка-Голованевск - Хощевата - Бершадь - Жабокричка производя впереди себя разведку на Тальное, Умань, Христиновку и Гайсин.

2) Правому боковому отряду тов. Федько (58 и 47 дивизии) к вечеру 3 сентября вытянуться по линии Юзефполь-Покатилов-Торговица, пустив конные части по дороге Ольшанка-Добрянка-Ново-Архангельск.

3) Левому боковому отряду тов. Грицева (1-я и 2-я бригада 45 дивизии) до ночи 30 на 31 августа продолжать удерживать занимаемую линию Таркановка-Крыжополь-Вольфантовка во чтобы то ни стало.

4) Главным силам к 30-му вечером сосредоточиться в Балте.

5) Арьергарду к 30-му вечером подтянуться на ст. Чубовка.

На 30-е к вечеру штабам упомянутых отрядов быть:

Штабу авангарда тов. Черникова в Хощевата, Штабу левого бокового отряда тов. Грицева в Рудница, Штабу главных сил и группы в Балта. Штабу арьергарда тов. Мациевского в Бирзула. Всем штабам соединиться друг с другом и со штабом Южной группы войск имеющимися в указанных пунктах правительственными телефонами, а также мотоциклетами и конниками и подробно донести мне о положении. Штабу Южной группы войск и Штабу 58-й дивизии сверх того немедленно установить в местах стоянок радио-станции.

В пути следования колонн всем начальникам частей иметь тщательное наблюдение за телеграфными проводами исправляя их где нужно для установления связи. Заместителем моим назначаю т. Гарькавого

п. п. Командующий Южной группой Якир

Член РВС XII армии Затонский

Член Реввоенсовета Южной группы Ян Гамарник.

За Нач. Штаба Кононов.

Чтобы правильно понять этот приказ сегодня, надо перенестись в обстановку 1919 г. Надо вспомнить, что дивизия только начала формироваться. Надо учесть, что обстановка растянутых фронтов и непрерывных восстаний в тылу создавала невероятное перепутывание частей, а ненадежность и трудность связи еще усложняла вопрос управления. Наконец, надо учесть, что новая задача требовала поворота фронта от 90 до 180 градус,. а это в свою очередь требовало осуществления сложнейших перегруппировок, создавало обстановку неизбежности образования импровизированных соединений. Командующий группой вынужден непосредственно отдавать приказания отдельным полкам и даже ротам, и это в данной обстановке было неизбежно и даже необходимо. Не отдал бы приказания Комгруппы,—и полк или рота в силу трудностей связи с непосредственным начальником вовсе не получили бы никакого приказа. Непрерывные бои с петлюровцами на участке 1-й и 2-й бригад еще больше осложняли это положение.

Приказы №№ 03, 04, 05, 06 писались приблизительно в схожей обстановке и носили тот же характер, однако с приказа № 06 уже чувствуется что в управлении наступает перелом, что кризис операции миновал, что бригады и дивизии начинают организованно оформляться и их командование и штабы берут в свои руки руководство. Приказ № 06, как завершающий период организационного отхода, приводится полностью:

Приказ по Южной группе войск XII армии (по части оперативной).

2 сентября 1919 г. № 06 ст. Балта, карта 10 верст в дюйме.

Во исполнение общей задачи частям Южной группы войск к 16 часам 5 сентября занять следующее положение.

1) Правой колонне 58 дивизии правым флангом выйти на Подобное, а левым остаться у Христиновки и Роскошевки, не теряя связи с 45-й дивизией.

2) 3-й бригаде 45 дивизии с приданными ей отрядами: а) 405 полку с Бессарабским отрядом т. Бобкова оставаться на прежнем фронте от Роскошевки (ж. д. станции близ Христиновки) до Степановки (ж. д. ст. у Теплика),

б) 403 п-ку с линии Соболевка-Демидовка отойти на линию Степановка (ж. д. ст. у Теплика)—Генриховка, в) 404 полку с линии Соболевка сняться с позиции и уйти за фронт, собравшись в резерве в Россоша.

3) Кавалерийский отряд из Торговицы передвинуть в Тальное.

4) 2-й бригаде с линии Демидовка-Пятковка отойти на линию Генриховка-Джулинская. Арьергарду перейти из Ольгополя через Бершадь и присоединиться к 2-й бригаде в Джулинской.

5) 1-й бригаде к тому же сроку из Генриховки уйти и сосредоточиться в Россоша в полном составе вместе с 48 Балтским полком.

6) Главным силам из Терновки к тому же сроку передвинуться в Максимовку.

7) Штабам быть: Штабу 58 Дивизии в Максимовка, Штабу Южной группы войск в Максимовка (там же), Штабу 47 дивизии в Терновка, Штабу 45 Дивизии в Россоша, Штабу арьергарда в Джулинская, 47 дивизии оставаться в арьергарде в Терновка.

Командующий Южной группой Якир. Член Реввоенсовета Ян Гамарник. Начальник Штаба Немитц.

Одновременно с оперативным руководством командование группы производит большую работу по поднятию боеспособности частей.

Приказ № 07 от 4 сентября и выписка из приказа № 08 от 12 сентября дают некоторую характеристику этой работы.

ПРИКАЗ

по Южной группе войск XII армии (по части Оперативной) 4 сентября 1919 г. № 07 м. Хощевата.

Замечено, что среди красноармейцев и командного состава во время похода наблюдается пьянство. Еще раз напоминаю товарищам кр-цам и командному составу об условиях нашего похода: кругом нас находятся наши враги—петлюровцы, деникинцы и прочие банды; их агенты пытаются споить нас и этим обессилить крепкие ряды красноармейцев.

Реввоенсовет Южгруппы, неся ответственность за каждаго красноармейца, приказывает всем командирам частей и политкомам Южной группы строго следить и не допускать разлагающего факта—пьянства. Замеченных в пьяном виде расстреливать на месте. Приказ прочесть во всех частях, ротах и командах.

Командующий группой Якир. Чл. РВС Ян и Н. Голубенко.

А вот характерная выписка из приказа № 08 от 12/IX.

§ 6.

„Дивизии во все время движения основательно портить линии железных дорог Фастов—Белая-Церковь, Фастов—Казатин и Казатин Погребище и вести усиленную разведку во время движения и стоянок.

§ 7.

Указываю, что почти все движения совершаются вслепую, части перед выступлением не имеют сведений о противнике и о состоянии дорог по пути своего следования, что совершенно недопустимо.

§ 8.

Обращаю внимание начдивов на необходимость своевременного и точного выполнения приказов.

§ 9.

Оперативные сводки и срочные донесения посылать к 6 и 18 часам. Я нахожусь в Штадиве 45. Мои заместители Начдив 45 тов. Гарькавый и Начдив 58 тов. Федько.

Командующий Южной группой т. Якир. Чл. РВС Ян.

Результаты работы командования группы вскоре сказались на результатах боевой работы.

Если в первый период операции войска двигались вслепую, а, натолкнувшись на пр-ка, стремились избежать столкновения с ним или оттолкнуть его, то начиная с приказа № 08 характер действий войск меняется.

Порыв вперед, стремление отрезать, окружить, уничтожить врага, вот то основное, чем можно охарактеризовать новый курс в работе войск.

Сохраняя в основном во все время похода группировку, указанную в приказе группы № 01 от 28/VIII, части дивизии, имея ежедневные столкновения с крупными бандитами и конными частями регулярных петлюровских войск, к 6/IX сосредоточились в районе Теплик-Хощевата, имея целью дальнейшее движение на север в район Сквира-Фастов и далее на Коростень, где предполагались части XII армии. Именно „предполагались", так как с началом похода всякая, даже радио-связь, прекратилась, и здравый смысл командования выбирал из тьмы слухов наиболее вероятные.

С выходом на линию желдороги Христиновка-Казатин, части дивизии встретились с регулярными войсками противника. На правом фланге группы 58 дивизия вела упорные бои с белыми войсками в районе Тальное-Звенигородка, отбрасывая их к востоку, а в районе ст. Монастырище дивизии путь преградили петлюровцы (Запорожская дивизия) с бронепоездами. В результате боев 8—9 сентября 3-я бригада отбросила противника в юго-зап. направлении, очистив таким образом путь дивизии.

12 сентября, сбивая выставляемые по пути петлюровские отряды, дивизия сосредоточилась в районе Молчановка-Рубченка-Морозовка 20—15 клм. южнее Сквира, где, наконец, установила по радио связь с 44-й дивизией, действующей в районе Ушомир-Тетерев, и поставила себе ясную задачу: сбивая противника, выйти через желдорогу Фастов-Казатин в районе Житомира на соединение с северными войсками.

Уже 13 сентября стало ясным, что противник старается во что бы то ни стало окружить и

уничтожить войска Южной группы, не допуская перехода ими линии желдороги Казатин-Фастов. В этом отношении спелись враждовавшие между собою белые и петлюровцы. Последние, не надеясь на стойкость своих войск, подготовили к обороне против прорывающейся дивизии, линию Паволочь-Молчановка, имея в районе ст. Попельня бронепоезда и бригаду галичан, а белые, действуя от Киева (ими был занят Фастов), выдвинули свои бронепоезда к ст. Кожанки-Попельня.

Наступал решительный момент. Рядом энергичных мер все способное носить оружие было из'ято из обозов и полки пополнены.

15/IX в районе ст. Бровки-Хорлеевка-Попельня противником был выставлен последний заслон. 2-я и 3-я бригады, отряды т.т. Гуляницкого и Анулова в результате продолжительного боя разбили противника на голову. 600 пленных, 7 орудий и 14 пулеметов сопровождали эту победу. Клещи раздались в обе стороны. Путь к северу был свободен.

В отношении состава 45 дивизии к концу операции можно отметить ряд интересных моментов.

1) В составе дивизии по состоянию на 24 сентября не значатся 397 и 401 полки отрезанные в боях, предшествовавших отходу от своих бригад и влившиеся у Жмеринки в состав ранее отошедшей к северу 44-й дивизии.

2) В составе дивизии не значится 399 полк,—видимо 180 штыков, составлявшие полк, растаяли в боях первого периода операции в районе Крыжополь и полк перестал существовать

и, наконец, третье и важнейшее обстоятельство заключается в том, что к концу операции 45 дивизия после ряда боев и значительных потерь не только не уменьшила числа штыков бывших к концу августа, а даже, наоборот, увеличила их число больше чем на 1000.

Это является прекрасным показателем стойкости убеждений бойцов дивизии не желающих оставлять рядов дивизии в самой тяжелой обстановке.

Еще больше характерно увеличение почти вдвое числа пулеметов и артиллерии, что показывает, что и, отступая, дивизия умела наносить врагу мощные удары и умела вооружать себя за счет трофеев, отбираемых от врагов. *(Схема № 4).*

В заключение можно сказать:

Вся операция выхода из кольца отмечена почти непрерывными столкновениями преимущественно с бандами и особенно серьезными боями: 1) в районе ст. Рудница и Крыжополь в момент начала отхода[1] 2) большим боем в районе ст. Попельня-Бровки у желдороги Киев-Винница, боем, благополучный исход которого предрешил успех всей операции[2] и наконец, 3) боями третьего периода за овладение Житомиром, по существу своему, уже действиями совместно с 44 дивизией, успешный исход коих явился фактическим соединением этих дивизий. Описание каждого из этих боев может и должно стать предметом особого очерка.

По разному можно подходить к вопросу оценки этой операции. Одни хотели бы видеть в ней неисполнение буквы приказа, а другие хотели бы создать „непрерывные бои с полчищами противника, горами трупов и массами трофеев".

Мы же на основе имеющихся у нас материалов попробуем дать свою оценку.

В обстановке, которая создалась в конце августа, возможны были три решения: 1) продолжать драться; сдача частей 47 й, переход к Махно бригад 58-й и недостаток патронов в 45-й дивизии этому мешали;

2) разойтись, это отвечало настроению слабых, это отвечало характеру партизан.

Но это не отвечало настроению актива, стоявшего во главе войск и, в частности, 45 дивизии, не отвечало настроениям партийного актива, и было выдвинуто третье новое решение: не гибнуть на месте, не распылять сил, а, собрав кулак, итти вперед и силой проломить созданные в тылу барьеры.

Дьячишин — организатор Балтских партизан, боровшихся с гетманом, немецкими оккупантами, петлюровцами в 1919 году, командир 48-го Балтского полка, влившегося во 2 бригаду 45 дивизии в 1919 г. Впоследствии—командир 401 полка, затем — комбриг 134. Ранен на польском фронте в 1920 г. Член партии с 1917 г. Сейчас в Одессе на хозяйственной работе.

Ни сотни верст, отделяющие Южную группу от Красной армии, ни многократное превосходство противника, ни его вооружения не остановили героических намерений группы.

И величие этой операции, по нашему мнению, вовсе не в тех боях, коих оказалось меньше, чем можно было ожидать, не в тех лишениях, коих оказалось не так много,—а в дерзновении принимавших решение, в отваге бойцов, последовавшей за этим решением.

Отказаться от сравнительно спокойного, а главное, привычного пребывания в подполье, отказаться от соблазна „умыть руки", взять на себя огромную ответственность за десятки тысяч жизней и вывести их из бандитского района, сберечь оружие, сберечь актив, дать десяток тысяч бойцов, а, главное, дать моральную победу Красной армии—вот в чем величие этого решения и этого похода.

В заключение мы считаем возможным несколько остановиться на значении похода Южной группы для последующей истории 45 стрелковой Волынской дивизии.

---

[1] Воспоминания о боях у Рудницы-Крыжополя содержатся в статьях: а) Ф. Левензона „Героические дни Южного похода". (помещена ниже) и б) Г. Лисицкого „В последний день перед отходом" (помещена в разделе „Перед походом Южной группы"). *Ред*

[2] О разгроме противника на линии Попельня-Бровки рассказывают в своих воспоминаниях: а) Ф. Анулов—(„Прорыв"). б) Е. Школьник („Записки Тилигуло-Березанца"). в) А. Зарицкий („Комуния идет"), г) М. Львовский („В кольце") Все эти статьи помещены в настоящем разделе. *Ред.*

Во-первых дивизия за этот поход стала Краснознаменной, во-вторых во время похода Южной группы дивизия впервые услыхала, впервые усвоила, впервые применила на практике те лозунги, которые вписали ее имя в историю революционной борьбы в числе первых среди первых.

„Всегда вперед", „всегда к победе"—лозунг старых бойцов, с которым они пробивали дорогу всей группе при выходе из кольца, лозунг, с которым они прикрывали с фланга выход Южной группы, лозунг, с которым 45-я дивизия позже совместно с конницей, а иногда и впереди ее, шла к Львову, с которым дивизия пробивала фронт Петлюры, лозунг, который позже в мирной работе, будучи превращен в традицию 45-й стр. дивизии, обеспечил ей первенство в достижениях по учебе и обеспечит пребывание в первых рядах и в будущих боях.

В этой же операции дивизия восприняла и другой лозунг: „спрашивай, *где* враг, а *сколько* его, узнаешь когда враг будет тобою разбит", лозунг, с которым дивизия уходила из кольца, с которым она громила поляков, уничтожала петлюровщину.

В этой операции, как никогда раньше, была закреплена традиция старых партизан и подпольщиков: вера друг в друга командира-вождя и красноармейца-бойца, взаимная выручка их и поддержка, — традиция, которая дала уверенность вождям, а с ней и силы вывести бойцов из западни, традиция, которая позже дала победы у Дубно, довела до Львова, вывела без потерь назад, дала разгром Петлюры и обеспечивает огромные достижения дивизии в деле мирной работы—подготовки к обороне социалистического государства.

Пусть же живут традиции дивизии!

Пусть же живет в наших сердцах память о павших творцах их... пусть живет в нас признательность и уважение к живым творцам традиций — ветеранам дивизии, свидетелям героического прошлого дивизии!

Им, живым и мертвым, посвящается этот очерк.

Ю. Я.

О партийно-политической работе в те дни.

45-ю дивизию, как и в целом Красную армию, организовывала и сплачивала в боях за дело пролетарской революции наша славная комунистическая партия. Еще в 1918 году, а затем и в 1919 г., коммунистическая партия через свои подпольные большевистские комитеты организовывала в селах Херсонщины, Одесщины и сегодняшней АМССР из бедноты и батрачества красные партизанские отряды, которые боролись с гетманом, Петлюрой, румынами, и греко-французскими оккупационными войсками.

Руководителями этих большевистских комитетов были старые подпольщики-рабочие Петрограда, Одессы, Киева, Николаева и др. Это ядро, к слову немногочисленное, сумело в тяжелых условиях разгула гетманщины, петлюровщины организовать массу на борьбу. Оно сумело воспитать у крестьян-партизан классовую ненависть к буржуазии и помещикам, выковать в них преданность делу пролетарской революции и готовность бороться с классовыми врагами пролетарской революции до последнего вздоха.

Первой большой задачей, которая была поставлена командованием и политическим аппаратом частей Красной армии, пришедших в район Одессы, Херсонщины, АМССР, перед коммунистами, влившимися с партизанскими отрядами в части армии — была задача бороться с партизанщиной, царившей среди красноармейцев и командиров, бороться за дисциплинированную регулярную Красную армию Украины.

Эта задача была довольно трудная, ибо и среди самих коммунистов, этой партийной молодежи, лишь недавно вошедшей в партию, были живы еще традиции партизанщины, и поэтому не все коммунисты могли решительно и твердо проводить линию на борьбу с партизанщиной за регулярную Красную армию. Все же, благодаря твердости руководящего ядра старых большевиков, коммунистическая масса в целом эту задачу выполняла неплохо. А трудности здесь были большие, ибо иногда партизанские настроения среди красноармейцев и отдельных командиров граничили с явной контр-революцией.

Достаточно вспомнить, например, поведение тилигулло-березанцев будущего 403 полка в мае 1919 года, в момент восстания Григорьева. Ведь ни для кого не секрет, что часть красноармейцев Тилигулло-Березанского полка поддалась кулацкой агитации григорьевцев, и понадобилось два дня для раз'яснения на полковом митинге красноармейцам всей контр-революционной сущности григорьевского восстания. В конце концов удалось убедить эту партизанскую массу, входившую в состав дивизии Григорьева, что Григорьев—контр-революционер. Но ведь сколько нужно было потратить энергии. 403 полк остался верен советской власти. Этот результат стал возможным лишь потому, что и политический отдел дивизии, и комиссар, и коммунисты полка смогли проявить достаточную твердость, выдержку и настойчивость в защите своей линии. Тем более, если учесть, что почти до конца сентября 1919 года, т. е. до окончания Южного похода коммунисты не могли открыто перед красноармейцами называть себя коммунистами, трудность работы их в массах еще больше усугублялась, они вынуждены были скрывать свою принадлежность к коммунистической партии, и больше того, в отдельных частях лишь комиссар да два-три командира носили на фуражках красные звездочки. Даже эта, казалась бы, простая вещь, была опасновата для тех, кто позволял себе ее, ибо красноармейцы срывали звезды с фуражек.

Организация дивизии из частей 3-й армии не внесла особых изменений в первый период в обстановку дивизии, и по прежнему, например, коммунисты работали, как это может быть ни странно,

нелегально. Условия для работы партийной организации с июня 1919 года еще более ухудшились, потому что к прежним трудностям добавились новые. Во-первых борьба с наступавшими с северо-запада петлюровцами приобрела жестокий характер, во-вторых, в тылу дивизии, в районах Раздельной, Кучургана, Тирасполь и проч. стали вспыхивать кулацкие восстания и, наконец, в третьих, к концу августа дивизия очутилась в кольце и вынуждена была прорываться на север для соединения с Красной армией. Проходила реорганизация и организация 45-й дивизии по сути дела в боях и на ходу, и парторганизации и политаппарату нужно было бороться за отшлифовку частей дивизии, одновременно являя собою те боевые кадры, которые должны были показывать пример смелости, самоотверженности, революционного выполнения долга в боях с петлюровцами, с кулаками и т. п.

А. Озерянский—Комиссар Тилигуло-Березанского полка, затем военкомбриг 3 в 1919 г. военкомбриг 2 (134) на деникинском и польском фронте. Сейчас Предокрплана Харьковщины, член ВКП(б). Награжден орденом Красного Знамени.

Каков же был политаппарат и партийная организация? Политаппарат 45-й дивизии представлял собой по сути дела расформированный политаппарат 3-й Украинской армии, так например, политотдел дивизии представлял собой сокращенный и переорганизованный Поарм 3. Кстати, в наследство от Поарма дивизии была передана также и газета „Голос Красноармейца". Часть партийных сил, проводивших непосредственно работу в 3-й армии, была передана 45-й дивизии. Эти партийцы, в сочетании с коммунистами, работавшими еще в партизанских отрядах, и представляли ту силу, которая выполняла функции политического аппарата. Коммунистов в полках в среднем насчитывалось 25—30 человек. Правда, это количество увеличилось уже в период Южного похода, когда в дивизию влился ряд партийных организаций, отступавших в составе Южной группы на север, так например: Одесская, Балтская, Ананьевская парторганизации и ряд других. Больше того, в Южном походе принимал участие Красный сводный полк, почти на 70% состоявший из коммунистов, работавших в советском аппарате, на партработе и т. п.

В целом партийная организация в дивизии после влития гражданских коммунистов насчитывала приблизительно около 500 коммунистов.

Какова же была масса бойцов и командиров, с которой приходилось коммунистам работать, во главе которой приходилось драться с петлюровцами, деникинцами и т. п.?

Основное ядро бойцов и командиров 45-й дивизии, как известно, состояло из добровольцев, партизан-бессарабцев, ушедших на Украину после неудачного восстания в Бессарабии в 1919 году, готовых снова на борьбу с румынскими боярами, а также из добровольцев-партизан Одесщины, Херсонщины, боровшихся еще в 1918 и в начале 1919 г. с гетманщиной и петлюровщиной. Руководящее ядро командного и политического состава представляло собою выдвинутых самой массой партизан руководителей — хорошо сплоченную группу, спаянную между собой всем предыдущим опытом борьбы с контр-революцией. Вместе с тем, в составе 45-й дивизии была и некоторая часть красноармейцев и командиров, политически еще невоспитанных в духе беззаветной преданности Советской власти и коммунистической партии, еще зараженных настроениями григорьевского и махновского порядка. Наконец, к здоровому телу выковавшейся под ударами контр-революции молодой дивизии „прилипало" немало совершенно случайного, разложившегося элемента, от скрытых петлюровцев и бандитов до всевозможных аферистов-искателей приключений. Достаточно вспомнить знаменитые полки матроса Стародуба и одесского вора Мишки Япончика, чтобы судить о физиономии и этого случайного элемента, просачивавшегося в ряды 45-й дивизии. Матросы Стародуба, эти типичные „братишки", способные разве на спекулятивные операции, мешечничество, хулиганство[1] и воры из полка Мишки Япончика — одесский сброд, профессионалы босяки, храбрые лишь на улицах Одессы и трусы на фронте, могли ли они серьезно драться за дело пролетарской революции? Конечно, нет. Их прибытие в дивизию никакой помощи ей не оказало, ибо эти полки, получив участки на позиции, при наступлении противника открыли фронт, разбежались, в результате чего дивизии пришлось затыкать неожиданно образовавшиеся дыры другими своими частями и, кроме того, еще отвлекать силы, правда, хотя и небольшие, на разоружение этих банд. Такова была масса бойцов, среди которой приходилось работать партийной организации.

Но трудность работы усугублялась еще и той тяжелой обстановкой, в которой очутилась 45-я дивизия к этому времени. Борьба на внешнем и внутреннем фронтах требовала огромного напряжения коммунистов, которые должны были твердо бороться как на фронте с петлюровцами, так и в тылу, подавляя кулацкие восстания. Наконец, большую работу приходилось проводить партийной организации среди населения, раз'ясняя сущность Советской власти, политику коммунистической партии, вместе с тем воспитывая бойцов, вскрывая антисоветскую, контрреволюционную агитацию петлюровских, махновских и деникинских молодчиков.

[1] Правда, среди стародубцев были отдельные бойцы впоследствии честно боровшиеся в рядах 45 дивизии—*Ред.*

Ведь достаточно вспомнить, например, одну только демагогическую агитацию Махно, влиянию которой, как известно, поддалась 58 дивизия, двумя своими бригадами перешедшая к Махно, чтобы видеть всю трудность обстановки, в которой работала парторганизация. „Батько" Махно, тип классического демагога, идеолог украинского кулачества, неоднократно переметывавшийся от красных к белым и обратно, но всегда больше вредивший красным, чем им помогавший, тогда— в эти тяжелые августовские дни 1919 года,—проводил свою разлагающую работу под такими лозунгами:

— Коммунисты бросают Украину на разграбление Деникина. Они уходят, я же остаюсь и буду биться с Деникиным и его разобью. Кто хочет защищать Украину, переходи ко мне! [1]

Климчевский Феофан, член ВКП(б), политработник 45 дивизии в 1919 г. В январе 1920 г. был пойман петлюровскими бандитами и получил 9 ран, но вылечился. Сейчас председатель кредитного товарищества Могилевского района.

Махно занимался такой демагогией, отлично понимая, что коммунисты *вынуждены временно* уйти из Украины лишь для того, чтобы *снова вернуться и с помощью Советской России раздавить Деникина*. Небезынтересно, что на такую агитацию Махно поддались и некоторые коммунисты 58 дивизии, выделявшие даже делегации к Махно [1].

Петлюровцы тоже приняли участие и делом и словом в этой свистопляске, ставя своей задачей поднять крестьянство против Советской власти. Это тогда они вынули из архивов старый свой лозунг „трудовых рад", лозунг „рад без коммунистов", пытаясь поймать на эту удочку темную, несознательную массу. Наконец, ко всему этому нужно добавить еще и контрреволюционнейшую агитацию деникинских молодчиков, распускавших вместе с петлюровцами нелепые слухи о „комунии", которая де грабит и насилует крестьянство. Вместе с тем, эти прыткие агитаторы провозглашали о том, что с моря де идет настоящая Советская власть (это Деникин то! *Ред.*), [1] „власть без жидов и коммунистов", которая даст свободную торговлю и все, что необходимо крестьянству. Деникинские агитаторы выступали глашатаями всего крестьянства, *фактически* неся на своих знаменах лозунги явно *буржуазно-кулацкого* характера.

Так, классовый враг пытался отвоевать от 45-й дивизии бойцов, и иногда это ему удавалось. В истории дивизии записаны отдельные случаи, когда целые роты, будучи обмануты, переходили на сторону восставших кулаков. Об этом есть, между прочим, и в донесениях тов. Якира высшему командованию

Вот в *такой* обстановке (восстание в тылу дивизии, наличие Махно с своей бандой под боком у дивизии и т. п.), при *таком* составе дивизии Реввоенсовет Южной группы, в состав которой входила 45-я дивизия, принимает решение пробиться на север для соединения с Красной армией. Партийная организация 45-й дивизии, еще сама, как отмечает тов. Якир в одной из своих статей (в сборнике „О 45-й", стр. 18) недостаточно крепкая, получила задачу передать эту мысль о необходимости пробиться на север всей красноармейской массе, добиться того, чтобы красноармеец целиком осознал необходимость такого решения. В частях были проведены закрытые партийные собрания, на станции Бирзула особенно многолюдное и шумное, и коммунисты, получив установку, пошли в массу. Тогда же была выпущена, к сожалению, не сохранившаяся в наших архивах, памятка бойца Южной группы, написанная ярко, сочно, вдохновенно. Памятка просто, но с присущим в те дни пафосом, рассказывала красноармейцам о их задачах, как бойцов и доказывала, почему именно нужно воевать и пробиваться на север.

— Сейчас так и не напишешь,—говорил тов. Якир об этой памятке.

Она сыграла свою роль, эта памятка, образец исключительно удачного документа нашей агитации и пропаганды в то время. Эта памятка, разъяснявшая задачи бойца в предполагающемся походе на север, со всей беспощадностью вскрывавшая кулацкую подоплеку махновщины, петлюровщины, деникинщины, в дополнение к издававшейся дивизионной газете „Голос Красноармейца", служила тем основным печатным материалом, пользуясь которым, коммунисты проводили работу среди красноармейцев. В частях были проведены общеполковые кр-ские собрания. Коммунистами кроме того был проведен ряд индивидуальных и групповых бесед о задачах похода. Вся эта работа дала должный результат. Нужное настроение было создано, и бойцы были готовы идти в поход. Правда, красноармейцы были босы и раздеты, вооружены обрезами, английскими, японскими и других систем винтовками, но в своей основной массе они были революционерами, отлично понимавшими и чувствовавшими, что единственной защитницей интересов трудящихся масс является Советская власть, которая дала им землю и наделила их хлебом, скотом и инвентарем. Красноармейцы, может быть, мало понимали, что такое коммунизм, но своим классовым инстинктом тружеников они учуяли всю контрреволюционную агитацию и Махно, и Петлюры, и деникинских молодчиков.

Перед этими красноармейцами вставал вопрос, оставаться ли здесь на Украине и подпасть под гнет контрреволюции, быть об'ектом издевательств деникинцев, петлюровцев, или порвать с родным селом и уйти на север, получить помощь от Советской России и затем снова вернуться в родные села, как победители. Не хотелось уходить, бросать свои насиженные места, свое *собственное*, (в этом сказывалась „душа" мелкого собственника) и уходить куда-то на север *кого-то* защищать. Но эта черта крестьянина, рождавшая колебания, была побеждена другим, а именно психологией труженика-крестьянина, под руководством большевиков отряхивавшего это мелко-

[1] Смотри воспоминания Ф. Анулова „Прорыв" в настоящем разделе.—*Ред.*

собственническое от себя *во имя защиты революции в целом.* Победило второе, и бойцы дивизии были подготовлены к походу. Большая работа в подготовительный период была проведена парторганизацией и по отсеиванию из полков различных негодяев, бандитов, а то и наших классовых врагов, примазавшихся к дивизии, в особенности к ее тыловым частям. Очень много этой публики отсеивалось, но многих „отсеяли" и сами бойцы дивизии.

В течение самого похода какой нибудь специальной партийной работы (парт собрания и т. п) не проводилось, хотя ряд митингов во 2-й бригаде Котовского и других частях, в особенности уже перед самым выходом из кольца, был проведен. Эти митинги в основном были посвящены вопросу о последних решительных боях за прорыв. Основная же задача коммунистов в Южном походе, естественно, сводилась к тому, чтобы личным примером показать как нужно переносить трудности боевой, походной жизни, как нужно бороться. Коммунисты это делали не плохо Рядом с бойцами они переносили все трудности боевой и походной жизни, являя пример героизма и отваги.

Большевики в полках представляли собою народ крепкий, закалившийся в партизанских еще боях с гетманом и Петлюрой. В плен не сдавались и бились до последнего патрона. Так, например, уже после выхода из кольца баталион Красного Сводного полка, почти целиком состоявший из коммунистов, был полностью изрублен деникинцами под Копыловым.

Так кровью скрепляли рабочие-большевики свою преданность делу пролетарской революции, свою связь с массами, приобретя заслуженное признание этих беспартийных масс, как вожди вооруженных отрядов Красной армии.

Именно поэтому, был совершен этот героический тяжелый 500 верстный переход от Одессы до Киева-Житомира, что в полках 45-й дивизии парторганизация была едина и сплочена, она сумела на деле показать, как нужно бороться за Октябрьскую революцию.

Ф. ЛЕВЕНЗОН[1].

Героические дни Южного похода.

Еще за две недели до отхода Южной группы обстановка не казалась угрожающей. Все жили надеждой, что, отрезанные от частей Северной группы по магистрали Киев-Жмеринка-Одесса, мы сумеем восстановить положение и снова образовать единый фронт против петлюровцев. Никто из нас не думал, что так скоро придется оставить юг Украины.

„17 августа предпринимается комбинированное наступление: 1) из района ст. Калиновки на Винницу и Жмеринку, 2) из района г. Липовец на Рахны и 3) из Христиновки на Вапнярку. Для содействия наступлению на Жмеринку и Рахны 45-й дивизии надлежит 17 августа перейти в решительное наступление на Вапнярку с целью нанесения удара во фланг и тыл противнику",—гласил приказ Командарма XII Семенова. Речь шла о новых наступлениях, но никак не об отходе...

Среди красноармейцев упорно циркулировали слухи о подходе к нам на помощь крупных частей с севера. „Красноармейский Вестник" говорил об этом, как о достоверном факте. Мы не старались разубеждать бойцов, чтобы не ослабить под'ема, который в связи с этим переживали части.

* * *

Поздно ночью мне передали короткую записку по проводу: „Приказанию Начдива тов. Якира военкомбригу 1-й тов. Левензону и Комбригу 2 тов. Котовскому немедленно прибыть штадив получения срочных указания".

Через несколько минут мы отправились на паровозе на ст. Бирзула, где расположен был штаб дивизии.

В большом зале второго этажа станционного здания перед громадной картой тов. Якир рисовал нам создавшуюся обстановку...

В Одессе высадился десант Деникина, части гарнизона находятся под командованием весьма ненадежных б. офицеров, рассчитывать на них не приходится...

Оперативная сводка от 23 августа сообщает:

„... Районе Одессы противник высадил десант, Одесса обстреливается с моря, связь прервана, наши южные части видимо оставили Одессу".

В прилегающем к Одессе районе только что ликвидировано кулацкое восстание немцев-колонистов; и там чувствуется направляющая рука белого офицерства.

Высшее командование, ставившее только несколько дней назад задачу во что бы то ни стало удержать юг Украины, вынуждено было изменить свое решение и поставило задачей вывести части на север.

Во исполнение этого Командованием Южной группы было приказано:

„...Левому боковому отряду Грицева (1 и 2 бригады 45 дивизии) до ночи с 30 на 31 августа продолжать удерживать занимаемую линию Таркановка-Крыжополь-Вольфантовка во что бы то ни стало"...

Приказ № 4 от 30 августа ставит 1-й бригаде задачу „оставаться на прежнем фронте, продолжая укрепляться, а 2-й бригаде „пользуясь темнотой, отойти незаметно для противника в ночь с 1 на 2 сентября на заблаговременно осмотренную позицию по линии Жидовка-Кукулы-Каменка, а в ночь со 2 на 3 сентября, стремясь сделать свое движение незаметным для противника, отойти на

---

[1] Ф. Я. Левензон—бессарабец, один из организаторов дивизии. В 1919 г.—военкомбриг 1. После Южного похода и до окончания гражданской войны—Комбриг 1. На деникинском фронте бригада т. Левензона разоружила „армию" Махно. Сейчас т. Левензон работает в Центросоюзе, одновременно являясь председателем Всесоюзного Общества Бессарабцев - шефа 45-й дивизии. *Ред.*

новую линию Жабокричь-Кодыма. На обоих указанных линиях во что бы то ни стало удерживать противника как 1-го так и 2-го сентября, не поддаваясь назад нисколько"...

Увы. Ни этот, ни последующие приказы до нас уже не дошли, и не ими мы руководствовались.

Мы твердо запомнили следующие слова т. Якира, сказанные нам на прощанье:

„Так помните, хлопцы, от вашего поведения зависит, уйти или не уйти Южной группе; не сдержите противника на занимаемой линии — крышка всей группе".

Этого было совершенно достаточно для нашего поведения в дальнейшем.

* * *

Итак, 1-й и 2-й бригадам 45 дивизии ставилась задача во что бы то ни стало удержаться на занимаемых позициях, дабы не дать противнику помешать сосредоточению частей Южной группы в районе Балты. С твердым решением во что бы то ни стало выполнить эту задачу мы возвращались в бригады. Серьезность создавшегося положения нам была более чем ясна.

За несколько часов моего отсутствия в бригаде произошли события, доставившие мне ряд сюрпризов.

Прежде всего в районе Кодыма, где стояла наша саперная рота, поднял восстание Заболотный. В двух-трех верстах от расположения штаба в с. Бол.-Крикливцы восстанием руководит какой-то учитель, по фамилии не то Черный, не то Ангел. На левом фланге, в районе с. Жидовка и Горячковка восстание поднял третий бандит. Крестом вокруг нас расположился противник: с фронта Петлюра, справа Ангел или Черный, в тылу, в Кодыме—Заболотный и налево — на участке Жидовка-Песчанка, еще какой-то бандит.

Узнав обстановку, мы решили обеспечить тыл и ликвидировать того противника, который ближе всего к нам. Поэтому на станцию Кодыма отправился сам комбриг 1-й Грицев. Там была прекрасная боеспособная рота саперов и еще какие то части. Туда же был брошен и кавэскадрон Рокуша. Наконец, на Кодыму были направлены вновь подошедшие части под командованием т. Дьячишина Согласованными действиями всех частей банда Заболотного была ликвидирована.

Собственными силами удалось ликвидировать и остальные банды, которые рассеялись, чтобы затем снова собраться и тревожить нас.

Банды быстро появлялись и также быстро исчезали, когда чувствовали против себя силу. Но в эти дни они были особенно упорны и настойчивы. Петлюровцы были, видно, хорошо осведомлены о предстоящем нашем уходе и перспектива наживы за счет наших больших обозов делала руководимые ими банды особенно наглыми.

Регулярные части петлюровцев также проявляли усиленную активность в эти дни. Помимо надежды и желания разбить живую силу красных, они стремились, во что бы то ни стало, не дать деникинцам распространиться на территори Одесщины. Отсюда та настойчивость, с которой они в эти дни вели атаки на нас. Четыре бригады отборных войск действовали на участке двух наших бригад. Сечевики, синежупанники и всякие другие, представлявшие цвет петлюровской армии, значительно превышавшие нас численностью, по нескольку раз в день обрушивались на нас длительными и настойчивыми атаками.

Мы отражали эти атаки с неменьшим упорством. Больших жертв стоили нам эти бои. Мы делали все, чтобы удержаться на позициях: мы знали, что от нас зависит судьба всей Южной группы.

Мы не только оборонялись, но и наступали. На рассвете 30 августа наши части повели демонстративное наступление на галичан и в течение целого дня приковали их к своим позициям. Ночные бои были тогда не в моде: день подрались, а ночью обе стороны спокойно спали; как будто и войны никакой. Но эти ночи составляли исключение: мы тревожили противника и ночью, стремясь вырвать у него инициативу, не дать ему сбить нас...

* * *

Данные нам сроки прошли. Можно было, пожалуй, и сняться, но сомнения и беспокойство за группу заставляли оставаться. Связь с дивизией оборвалась внезапно, и мы не знали, снялся ли штаб. Тревога, что части не успели к указанному сроку свернуться, толкала нас возможно дольше держаться на позициях и не пропускать противника к Бирзуле.

В ночь, не то на 1-е, не то на 2-е сентября, приходит ко мне Котовский, его начальник штаба Каменский и Нягу—командир кав. дивизиона. Разговор происходит в вагоне. Котовский убеждает меня немедленно сняться. Я убеждаю его еще сутки продержаться. Разговор затянулся до рассвета. Котовский нервничал, кипятился, грозил, что сам уйдет: нечего ждать, надо отходить. Я настаивал на своем, и мы решили оставаться еще сутки.

С утра началось бешеное наступление галичан. Мы выдержали и это наступление. К вечеру был дан приказ 397 и 398 полкам оставаться на своих позициях до 2-х часов ночи. К этому времени штаб бригады должен был присоединиться к частям и оттуда вместе совершать отход.

Против обыкновения, ночью галичане перешли в наступление. Банды также начали тревожить. Трудно передать моральное состояние частей. Они знали, что все ушли, что они брошены на отдельном участке, ежеминутно наталкивались на противника. А он был всюду: в селе нельзя было отличить, где враг, где друг; бандита трудно было отличить от любого дядьки. И части не выдержали. Они сорвались ночью и, не дождавшись нашего прихода, ушли. В 2 часа, когда я послал ординарцев для связи, частей уже не было. При штабе осталось человек 40, и эта группа до последней минуты удерживала фронт.

Рано утром в вагон, где после ряда бессонных ночей я вздремнул, врывается бывший при штабе фельдшер.

Здравствуйте! А я думал, что и вы бежали!

— Как так бежали? — спрашиваю его, не зная что произошло за ночь.

— А вот,—говорит,—все убежали. Начальник штаба бежал, командир бригады бежал, помощник начальника штаба бежал, а вы,—говорит, — проспали".

Пошел проверять. Оказалось, действительно

все бежали. Нужны были крепкие нервы, чтобы сохранить спокойствие в это время; не всем это удавалось. В чистом поле оставалась небольшая кучка людей. Каждого ждала верная смерть, и не каждый мог в этой обстановке владеть собой. И братва решила смотаться.

Смотались командиры, смотались и красноармейцы. Осталась лишь комендантская команда; из штабных работников остался один бессарабец, (фамилию его я забыл). Он был не на видных ролях в штабе и не обращал на себя ничьего внимания. А вот тут он обнаружил себя. Спокойный и хладнокровный, он заражал этим и красноармейцев, терпеливо ждавших дальнейших распоряжений. Я предупредил его, что будем отходить, что отбор красноармейцев должен быть такой: только тот, кто может выдержать тяжелый и рискованный поход и готов жертвовать собой, пойдет с нами, кто не хочет, пусть уходит на все четыре стороны. Все дела штаба поручено было уничтожить, вагоны с патронами и снарядами взорвать.

Мой помощник по политической части тов. Шебалдин был серьезно болен и приставал с просьбой пристрелить его, не желая быть обузой для нас.

— Погоди, говорю, умереть успеем, авось выберемся еще.

Посадили мы его на коня и цепочкой начали отходить. Противник повел наступление густыми цепями, и развил сильнейший огонь. Цепь противника была от нас на расстоянии $1^1/_2$—2 клм.

На станции Рудница масса народа из тыловых частей, главным образом, из бригады Котовского. Котовский суетится, ругается и кого-то ищет.

— „В чем дело, Григорий Иванович?"

„Да вот, предупреждал я тебя, что надо отходить во время. Теперь, видишь, базар форменный!"

И, действительно, форменный базар. Не разберешь, где строевые, где нестроевые части. Со всем барахлом набежали; тут и обозы, тут и конные части мечутся...

Выручил находившийся тут же оркестр. Котовский велел играть. Заиграл оркестр, и все успокоилось. Все начало приводиться в порядок. Постепенно части начали вытягиваться и в порядке отходить.

Григорий Иванович попросил меня подождать, он отдаст нужные распоряжения, а потом потолкуем, что делать дальше. Мы встретились затем при следующей обстановке.

Григорий Иванович один на окраине деревни. Руки у него в крови: хочет сесть на коня, конь не дается.

В это время мимо, во весь карьер, проносится его начальник штаба.

— Как тебе это нравится?!—крикнул Григорий Иванович и выхватив, маузер, пустил своему начштаба пулю в догонку.

Григорий Иванович остервенел. Едва удалось его успокоить.

— Брось,—говорю, видишь настроение у людей какое: „спасайся кто может". И чорт с ними, пусть бежит, кто не выдерживает. Давай, лучше о деле поговорим.

И он был без армии, и я — без армии. Решили мы собирать части. Условились встретиться в Черноминах, в леску. Даем слово, что во что бы то ни стало будем пробираться друг к другу. Попрощались. Котовский поехал на ту сторону железной дороги, а я с цепочкой продолжал путь к Черноминскому лесу.

* * *

На ст. Пепелюхи в цепи различных составов стоял бронепоезд Черепаха. Прекрасно окованный и вооруженный, он недавно прибыл из Одессы. Команда вся из матросов.

— Что вы думаете делать?—спрашиваю командира бронепоезда.

— А что прикажете.

— Приказ короткий — взорвать бронепоезд, причем взорвать так, чтобы взорвать и находящийся впереди бронепоезд.

— Взорвать,—говорит,— немудрено, но как же его взорвать, когда собственными руками я делал этот бронепоезд.

Прислуга насильно стащила его с бронепоезда. Заложили динамит, провели шнур, отошли в яму и через несколько минут вся эта махина взлетела на воздух, зажигая впереди стоящие составы. Вся горящая масса очутилась в движении.

А. Н. Кучерявцев — командир 2 стрелковой роты 401 полка в 1919 году. Участник Южного похода. Сейчас начальник Балтского отряда войск Конвойной Стражи СССР.

Командир второго бронепоезда, стоявшего в отдалении от станции, тов. Куценко, увидев позади себя этот огненный вал, понял, что пора и ему отходить. Спокойно заложил он снаряды в орудия и, спустив команду, взорвал свой бронепоезд.

Жуткая была картина. Дикое, ужасное и страшное зрелище.

* * *

Мы расположились в Черноминском лесу, укрепившись в нем, и поджидали Котовского. К вечеру в нескольких верстах от нас завязался бой: это пробирался к нам Котовский. Ему удалось основательно разгромить петлюровцев, но пробиться к нам он не сумел и вынужден был уйти в другом направлении, где и соединился с частями Южной группы.

Прождав до ночи, мы вышли из лесу для соединения с Котовским. По стрельбе мы ориентировались, где он может находиться и шли к месту уже закончившегося к тому времени боя.

Там не было ни наших, ни противника.

* * *

Южный поход весь был соткан из героического порыва массы и ее вожаков. Много бесстрашия и мужества было проявлено в эти дни. Энтузиазм и самоотверженность, двигавшие этот поход, были достигнуты большим напряжением сил всех его участников. Но наряду с этим немало было трусости, подлости. Измена сопровождала нас и в эти дни.

Разыскивая Котовского и его части, мы набрели

на отдельные партии в большинстве тыловые. Тут были части разных бригад. Хотелось привести их в порядок, организовать и, как силу, присоединить к частям Южной группы. Увы, это не удалось. Энергия, которую затратила небольшая группа товарищей, отходившая из Черноминского леса, была напрасна. Два дня провозились мы с колонной. Но ничего с ней поделать не смогли. Люди соединились в группы, ибо так было безопаснее, трусость толкала на стадность — но, лишь только опасность и перспектива боя вырастали перед ними, на сцену выступали во всей своей омерзительности трусость, подлая агитация за то, чтобы разойтись по домам, (большинство было из близлежащих районов)—и колонна все таяла и таяла. Нашлись и прямые изменники, видно, раньше еще столковавшиеся с петлюровцами, сознательно занимавшиеся разложением. Скрылся, бежав к петлюровцам командир одной из батарей артиллерии 2-й бригады, испортивший материальную часть, увлекший с собою артиллерийскую разведку.

Нам ничего не оставалось, как бросить остатки этой колонны, явно безнадежной, как боевая сила. Помитинговали еще с ними для последней пробы, и, не прибавив к своей группке ни одного человека из них, решили двигаться на соединение с Южной группой.

5 сентября, проходя по следам арьергарда Южной группы, мы в районе Хощеватой настигли главные силы группы.

* * *

Рассказывая этот эпизод, я не могу не вспомнить красочной фигуры украинского крестьянина, которому наша небольшая группа обязана тем, что ей удалось пробиться к частям 45 дивизии.

В селе Слободзея нам нужно было перерезать железную дорогу. Железно-дорожную будку уже занимала деникинская застава, а... со станции Абамелеково двигался эшелон петлюровцев. Надо было пройти незаметно, чтобы не попасть в руки тех и других. Надо было разведать силы заставы, ее расположение и найти место, где можно было пройти. Эту роль взял на себя старик.

Задору у нас было много, и мы решили не только пробиться, но и разгромить деникинскую разведку. Старик вызвался сопровождать нас в этом деле.

Наша затея не удалась, так как эшелон петлюровцев уже приближался к станции, а наша группа была замечена их разведчиками. Оставалось скорее уносить ноги, а не то, чтоб заниматься еще нападениями на заставу.

Старик сопровождал нас до самого соединения с частями Южной группы. У нас не было с собою карт, а проходить приходилось по совершенно незнакомой местности. Старик был нашим проводником, заменяя нам карту, он был нашей разведкой, когда нужно было войти в то или иное село, где мы могли напороться либо на банду, либо на петлюровские части. Он делал это с большой самоотверженностью и совершенно бескорыстно. Мы так сроднились с ним за эти дни, что тяжело было потом расставаться.

Старик кипел ненавистью к петлюровцам и деникинцам. Это был сознательный типичный незаможник, который несмотря на многочисленные ошибки органов Советской власти того времени, видел не только эти ошибки, но и все то хорошее, что несет она для бедноты. Об этом поведал нам старик в течение длинного пути, который мы проделали с ним вместе. Перед нами был наиболее сознательный представитель той части крестьянства, которое сознавало, что петлюровщина и деникинщина ничего хорошего с собою не несут, которое вместе с тем сурово осуждало и наши ошибки. Это — представитель той части крестьянства, которая потом толкала молодежь на организацию повстанчества против Деникина, которая вдохновляла ее на борьбу с Петлюрой.

Где он этот славный, милый старик? Жив ли он еще, пал ли от руки негодяя-петлюровца, или, может, мирно при Советской власти кончил свой жизненный путь?

Слава и ему: он также внес свою лепту в историю Южного похода.

Я. ОХОТНИКОВ.

Южный поход начался.

1919 г. Августовский день был такой жаркий, что красноармейцы с большей охотой лезли на крыши вагонов, чем в самые вагоны. Множество эшелонов сгрудилось на ст. Раздельная. Среди бойцов шли сообщения, информации, что Одессу заняли деникинцы, что то там, то здесь восстания. Вести говорили за то, что наше положение плохое, что мы окружены.

— Ну, и жара,—сказал боец Тилигулло-Березанского полка,—по моему в бою прохладнее, как никак снаряд наводит ветер.

— А ты не думай,—сказал военком полка тов. Потриваев—скоро тебя продует, только держись.

45-я—в огневом кольце: красные войска стягиваются к ст. Бирзула, к маленькому вагону № 386. Здесь сидел мозг красных бойцов Южной группы—Реввоенсовет. Отсюда, из этого вагона, передавались короткие, ясные указания, отсюда бойцы чувствовали железную волю, воодушевление, желание бить и побеждать. И банды, и многочисленные противники увидели, что нас взять нелегко.

Командующему Южной группой т. Якиру доложили, что упал неприятельский самолет.

— Доставить летчиков.

Летчики предстали перед т. Якиром в одних трусиках, так как остальное обмундирование „затерялось" среди кавалеристов.

Через переводчика т. Якир спросил:

— Кто вы?

— Офицеры английского короля.

Тогда последовал вопрос:

— Зачем вы летаете над нашим расположением и сбрасываете бомбы?

— Видите ли,—ответил один из офицеров—мы давно не летали. Нам захотелось промять крылья самолета.

Командующий приказал их допросить.

А потом уже в самом походе мы стали с ними друзьями. Когда однажды англичане постирали свои трусики, кто-то „спер“ их. Офицерам английского короля пришлось прогуливаться к тов. Якиру под прикрытием фигового листочка.

* * *

2 бригада под командованием тов. Котовского отбивалась от наседавшего многочисленного противника.

В те времена Григорий Иванович был сердит. Он вводил в бой все резервы, вплоть до самого себя.

Тов. Левензон со своей 1-й бригадой жестоко отбивался от неприятеля и только уже на походе присоединился к составу Южной группы.

На самых опасных подступах стояли люди, которые заявили:

— Только перейдя через наши трупы, возьмете нас.

Все трусливое бежало. Остались бойцы, которые готовы были на смертный бой. Среди них ходила „красноармейская почта“, будто Деникин по радио предложил Якиру сдаться, а Якир ему по радио ответил, чтобы он „кирпич в зад поцеловал“.

Наступил день, когда главные силы, перейдя из Бирзулы в Балту, кажется, 2-го сентября выступили из Балты в м. Песчана. Перед самой Балтой банда Заболотного начала нас обстреливать. Завязалась перестрелка.

В это время на машине под'ехал начальник дивизии тов. Гарькавый. Он стоял на автомобиле, как бы обнюхивая воздух, потом обернулся и поймал меня глазами:

— А ну, скажи, чтобы артиллерия пукнула раза два.

Артиллерия открыла огонь, а наш кавдивизион ударил во фланг. Заболотный исчез.

— Пакостный сын, тикаешь,—и, обернувшись к тов. Базарному—начальнику колонны, Гарькавый сказал:

— Ну, Ваня, продвигайся потихонечку.

Ваня взял под козырек. Колонна двинулась дальше.

Южный поход, с боем, музыкой, песнями начался...

Ф. АНУЛОВ.

Прорыв.

13 августа 1919 года Южную группу постигла беда. В частях 58 дивизии, расположенных в районе Новый Буг, вспыхнул военный бунт. Полки выступили против штаба дивизии. Под махновскими лозунгами и черными знаменами об'явили себя врагами красного командования. Восстанием руководил „батько“ Махно.

Как потом выяснилось, махновцы, разбитые на ст. Помощная, пробрались в части 58 дивизии с целью агитации. В 58 дивизии в то время было до двадцати тысяч штыков. Красноармейцы—почти все добровольцы из старых царских солдат. Умелые вояки, инициативные бойцы.

Махно бросил в эту массу ряд провокационных лозунгов: „Коммунисты“ бросают „рiдну вiльну Украïну“, „на защиту Украины от Деникина, против белых, против коммунистов, против всех, наседающих на Украину!..“

Махно обещал прогнать Деникина, освободить Украину и об'явить настоящую „советскую власть“ с „настоящими“ коммунистами во главе.

Провокация удалась. Группа командиров и активных бойцов 58 дивизии стала об'единяться вокруг подпольного махновского центра. Потом последовал неожиданный и внезапный налет на штаб, и 58 дивизия почти целиком оказалась в руках Махно. Восставшие части 58 дивизии, по указанию махновского штаба, были сняты с занимаемого ими боевого участка и двинулись по направлению к ст. Помощной.

Сведения о движении Махно, полученные от бежавших командиров-коммунистов, были немедленно пересланы мне. Я поспешил со своим отрядом[1] в Помощную.

В штабе отряда тревожно. Бежавшие из 58 дивизии коммунары сообщили о переходе к Махно почти всей дивизии. Ясно, начать бой, имея тысячу штыков отряда против многотысячной дивизии с артиллерией, с многими сотнями пулеметов в руках спровоцированных бойцов, слепо идущих за Махно и его агентами,—это верный разгром всей моей живой силы.

Что делать? Продолжать-ли операции под Елисаветградом? Стянуть ли отряд к станции Помощная для встречи Махно? Или же отойти к району расположения 45 дивизии?

Иду на телеграф. Соединяюсь с Реввоенсоветом. К этому времени при 45 дивизии образовался Реввоенсовет в составе Яна Гамарника, Якира и Затонского. Все войска, окруженные и зажатые в мешок на юго-западе Украины, стали под команду Начдива 45—Якира.

Говорю с Затонским. Рисую обстановку. Ответ Затонского короток—предлагает во что бы то ни стало остановить перешедших на сторону Махно красноармейцев 58 дивизии и вернуть их в ряды Красной армии...

— Нелегкая задача,—мелькает в голове. Затонский советует раз'яснить красноармейцам 58 дивизии гибельность затеянной авантюры.

Вдруг в провод включается с соседней станции мой непосредственный начальник т. Княгницкий[2].

— Дайте пробный артиллерийский выстрел по приближающимся махновцам,—передает Княгницкий.

---

[1] Отряд был организован Одесским военным округом для подавления белогвардейских и кулацких восстаний в Вознесенске, а затем получил задание занять Помощную, очистив путь для эшелона с патронами, которые вез для 45 дивизии т. Затонский. *Ред.*

[2] П. Е. Княгницкий, б. командарм IX, в период Южного похода командовал авангардом 45 дивизии, в который входили Красный Сводный полк и отряд т. Гуляницкого. *Ред.*

Что же делать? Затонский предлагает агитацию, Княгницкий, уехавший утром со станции Помощная, считает нужным реагировать на обстановку огнем. Но ни первое, ни второе, по-моему, не согласуется с условиями борьбы.

В это время в помещение телеграфа входит красноармеец из штабного состава. Он с растерянной улыбкой докладывает мне, что в штаб прибыла махновская делегация... Я направляюсь к штабному вагону...

Махновская делегация уже тут. Всмотрелся в лица. Подумал, что это командиры махновской армии (хотя один из них был в штатском)... Поздоровались. Делегаты прежде всего показали мне членские билеты коммунистической партии Украины.

— Мы тоже коммунисты,—заявил делегат в штатском,—только настоящие.

— Мы не бежим с Украины,—добавил другой, указывая пальцем на юг.

— Что же вам угодно?—спросил я.

— Мы предлагаем вам совместную борьбу против Деникина. Вот цель нашего прихода.

Говорили как будто искренне. Впечатление такое, что и впрямь они коммунисты, запутавшиеся среди трех сосен провокационной агитации Махно. Таково было первое впечатление.

Начался оживленный разговор. Перебивая друг друга, делегаты заверяли меня в своей преданности коммунизму, Советской власти и революции. Ребята, несомненно, с хитрецой. По мере продолжения разговора, я все больше убеждался, что их приход имеет провокационную цель. Но чего они хотят? Оттянуть время? Ввести в заблуждение? Перетянуть на свою сторону?

Переговоры с делегацией не привели ни к каким результатам. Надо было действовать. Принять решение. И как можно скорее...

С'агитировать, дать пробный выстрел—вспоминаю я полученные приказания. Нет, не годится ни то, ни другое. Надо отходить. Однако решительно стать на путь оставления ст. Помощная не хотел. Слишком велика была роль этой узловой станции в создавшейся на юго-западе Украины военной обстановке.

Комиссар отряда Недашковский[1] требует отхода. По его настоянию решаю отвести к Балте один штабной состав. Сам остаюсь с отрядом.

— Отступить с войсками всегда можно,—думал я, отдавая приказание об отходе эшелона со штабными вагонами.

Со мной в отряде остался комсомолец Яковлев, один из даровитых активистов Одесской организации, который вместе с „Красной Ротой"[2] пошел на фронт и работал в штабе отряда для ответственных поручений.

Осталась также коммунистка-боец Настя Сычева.

Вспоминая о героическом переходе Южной группы и товарищей, сражавшихся в ее рядах в эти тяжелые, но славные дни, не могу не вспомнить хотя бы в нескольких словах о Насте Сычевой—храбром, самоотверженном бойце за пролетарское дело, отдавшем ему свою молодую жизнь.

Настя Сычева—белокурая девушка с почти детскими, но серьезными глазами. Цельная, искренняя натура, ясная голова, выдержанная коммунистка.

Воспоминания о ней у меня связаны с фронтом, с боевой обстановкой в самые опасные для нас моменты. Я вспоминаю Настю не иначе, как с походной сумкой за плечами, в неизменной „кожанке".

В 1918 году Настя в отряде красных партизан, сражающихся с немцами. Боец и красная сестра одновременно. Всегда впереди, не зная ни страха, ни колебаний. Любимый, авторитетный товарищ, „идейная коммунарка", как говорили о ней красноармейцы.

Во время похода красных частей на Царицын Настя также была в рядах бойцов. В бою у переправы через Дон ее ранило гранатой. Осколок попал в лицо и оторвал часть челюсти. Рана была тяжелой. Настю отправили в Москву на операцию. Не дождавшись конца лечения, Настя спешит на Украину, где к этому времени разворачивается напряженная борьба с белыми, записывается в „Красную Роту."

Во время подавления восстания под Акаржей, а потом в Вознесенске, Настя Сычева неизменно была среди бойцов отряда, на передовых позициях, полная боевого энтузиазма и веры в победу... И понятно, что на фронте под Помощной, Настя тоже не захотела остаться в штабе.

Втроем мы подошли к группе комсостава отряда, стоящего на платформе станции.

Меня засыпали тревожными вестями. В частях отряда побывали агенты Махно. Махновцы обещали все, чего хотели красноармейцы. В результате, в отряде начали раздаваться голоса в пользу перехода на сторону Махно. Агенты Махно все прибывали.

Что делать? Я передал командирам приказание Затонского. Рассказал о переговорах с делегацией. Убеждал их и себя, что надежда вернуть 58 дивизию в ряды Красной армии имеет под собою реальную почву.

В это время штабной состав отходил в сторону Балты. Но что это? Эшелон остановился в пути. Или это только так кажется?

На мотоцикле еду к бронепоезду. Взобравшись на вышку, я видел угрожающую картину.

С юга в обход отряду, пересекая железнодорожную линию, идущую к Балте, двигалась кавалерия 58 дивизии, перешедшая к Махно. Целая лавина. Тысячи сабель! А вдали на тачанках и на крестьянских подводах, без конца тянулась длиннейшая змея пехоты. Артиллерия уже на позициях, наводка на Помощную.

Считаю, неизвестно для чего, орудия. Одна, другая, третья батареи. Всего насчитал 48 орудий!

Тело пронизало холодной струей. Мысль заметалась в поисках выхода. Отходить поздно. Драться бесполезно. Отряд в бой с Махно не пойдет. Для боя нужно ясное представление о враге, а здесь—„своя" 58 дивизия.

Мысли мои были прерваны окриком. Оглянулся—Недашковский. Лицо радостное. Он быстро сообщал мне, что встреченные им первые эскадроны махновской конницы заверили его в верности Советской власти и заявили, что они не намерены наносить отряду вреда.

---

[1] Т. Недашковский убит в бою с деникинской кавалерией у д. Копылово под Киевом в конце сентября 1919 г. *Ред.*

[2] „Красная Рота" была составлена из коммунистов Одессы в августе 1919 года для подавления восстания немцев в Большой и Малой Акарже. *Ред.*

Значит, Затонский прав, значит, можно вернуть 58 дивизию под руководство красного командования. На короткое время заражаюсь настроением комиссара, но скоро сомнения возвращаются. Все это хитрости Махно—думается мне.

— Отчего же остановился штабной эшелон?

— Путь на Балту разобран,—отвечает комиссар.

Пошли к штабному составу. По дороге комиссар, не помню уже почему, отошел в сторону...

Я пошел один.

Вдруг из-за холма, идущего вдоль железнодорожного пути, рысью выехали три всадника. Махновцы. Всматриваюсь. Лица незнакомые... Значит, действительно махновцы.

Всадники держат путь ко мне. Подскакали.

— Отдай наган—потребовал один из них, останавливаясь в нескольких шагах от меня, и все трое сняли с плеч винтовки.

— Я начальник отряда!—заявил я

Они переглянулись. Минута замешательства. Потом...

Я схватился за наган. Но в это время получил сильный удар прикладом в спину, упал и потерял сознание. Пролежал, очевидно, несколько минут. Стал приходить в себя. Осмотрелся... Не верилось, что жив. Вокруг — никого. Нагана на поясе нет.

Встал и пошел дальше. В спине затмевающая сознание боль. Подошел к штабному составу. Кругом вооруженная толпа бойцов. Направился к вагону политотдела... Меня остановил вооруженный с головы до ног махновец. „Из комсостава",—подумал я, глядя на его уверенную поступь и офицерскую выправку.

— Кто такой?—повелительно и грубо спросил он, подходя ко мне вплотную.

— Командир отряда,—машинально ответил я.

— А-а. Тебя-то мне и надо... Давно ищу. Махновец вынул из деревяшки маузер..

— Марш вперед!—приказал он.

— Тов. Калашников, давай я его прикончу,—со смехом предложил кто-то позади меня.

— Погоди, успеем—коротко ответил мой провожатый.

Калашников... Да ведь это правая рука Махно. Бывший поручик. Пьяница, истерик и зверь... Значит, кончено.

Вдруг навстречу из вагона политотдела неожиданно вышла Настя и направилась ко мне. На лице тревога. На прощанье крепко пожала мне руку, ободряя взглядом. Калашников, вообразив, что я передал ей что-то, яростно набросился на меня. Потом, грубо схватив Настю за руку, крикнул, чтоб и она шла с нами.

Подходя к штабному вагону оперотдела, вокруг которого толпились вооруженные махновцы, я к ужасу своему увидел, что один из них, низкорослый, одетый в гусарскую куртку, сидя на ступеньке вагона, перебирал бумаги, вытащенные из моей походной сумки...

— Партийный билет...—подумал я.

— Вот, батько Махно, командира привел,—обращаясь к низкорослому гусару, сказал Калашников. Махно поднял голову. Лицо его было крайне возбуждено. Воспаленные глаза. Запекшиеся губы. Взгляд перебегал с одного предмета на другой. Движения было нервны и порывисты.

— Так это сам Махно,—с удивлением подумал я.

Махно совершенно не походил на украинского „батька". Он выглядел обыкновенным бойцом. Только хитрые, серые глаза его говорили о силе воли и жестокости...

— Это ты написал приказ о нас, что идут бандиты?—свирепо спросил Махно.

Я молчал. Глаза Махно расширились, загорелись недобрым огоньком.

Он встал и протянул руку. Все кругом моментально смолкло. Обращаясь ко мне, Махно начал речь, в которой громил коммунистов, называя их узурпаторами, душителями народной воли. Кричал, что коммунисты бегут от Деникина, оставляют Украину. Клялся разбить Деникина в „три доски" и побить „всю белогвардейскую сволочь".

Речь Махно была отрывиста, нервна и бессвязна. Однако, говорил он с большим агитационным под'емом. Вернее, кричал, а не говорил. Толпе речь его, пересыпанная бесчисленными обещаниями, явно нравилась. Когда он кончил, неожиданно прервав свою речь криком „ура", толпа дико прокричала за ним несколько раз „ура".

Калашников продолжал стоять возле нас с обнаженным маузером в руке.

Я обратился к Махно с просьбой отпустить Настю, говоря, что она ни в чем не виновата.

Махно с удивлением посмотрел на Настю и приказал Калашникову отпустить ее.

После этого жеста Махно я приободрился и пробовал ответить на его речь. Я стал говорить о том, что мы вчера только дрались под Ново-Украинкой с деникинцами, что добровольческая армия—наш главный враг, что мы победоносно двигались к Елисаветграду, что у нас есть пленные.

— Я уже расстрелял их,—перебивая меня, крикнул толпе Махно и дальше говорить не дал мне. Кивком головы он приказал Калашникову увести меня. Перед нашим уходом он сказал Калашникову несколько слов на ухо. Кивнув головой в знак согласия, Калашников подошел ко мне и приказал следовать за ним.

Когда мы подошли к вагону политотдела, Калашников предложил мне войти туда.

— Значит, не сейчас конец,—подумал я. Вошел в вагон. Калашников остался у входа. Вскоре появились часовые.

В первом же купе я тяжело опустился на скамейку. В голове стоял сплошной шум, в спине снова чувствовалась едкая боль. Закрыл глаза и, очевидно, задремал...

Вдруг сквозь дремоту чувствую—передо мной кто-то стоит. Быстро открыв глаза, увидел Настю.

— И я с тобой, спокойно и просто сказала она и села на противоположную скамейку. Сидели молча. Минута за минутой тянулось время... Знали—выхода нет. Смерть... Эта мысль тяжелым камнем ложилась на все тело. Никогда я не чувствовал такой тяжести тела, как в тот момент.

Просидели мы очень долго. Наш тревожный покой нарушили шаги, раздавшиеся в вагоне. В купе вошел махновский командир. Смотрю—знакомый.

— Да ведь это Попов, один из командиров 58 дивизии,—вспомнил я.

— Вы что здесь делаете?—спросил Попов.

— Ждем расправы,—глухо ответил я.

Мы разговорились. Попов с места в карьер предложил перейти к нему в полк.

— Тебе у меня будет хорошо,—уговаривал он меня,—никто не будет знать, что ты коммунист.

Я отказался. Потом попросил его передать Махно письмо, в котором предлагал ему начать совместную борьбу с Деникиным под руководством красного командования.

Попов ушел, обещав зайти за письмом. Я сел писать письмо на адрес „реввоенсовета" махновской армии, который к этому времени был уже образован из представителей 58 дивизии и махновских отрядов.

Вдруг я услышал стук в окно. Поднял голову. У окна стояла красная сестра из нашего отряда и протягивала мне что-то. Я взял. Оказалось, бритва.

— Побрейтесь,—сказала мне сестра.—Принесу еще тулуп, и тогда бегите.

Свежая струя, ласковая и теплая, пробежала по телу. Бежать, бежать, бежать...

Сестра ушла. Я выглянул в окно. Часовых у выхода из вагона уже не было. Вдали толпа махновцев продолжала грабеж эшелона. Жадно хватали разложившиеся бойцы все, что попадало под руку...

В вагоне, в чьей то куртке, я нашел мыло и сбрил бороду. Снял кожаную куртку. Через некоторое время (как томительно оно тянулось!) сестра принесла тулуп, бросила его в открытое окно вагона.

Я одел тулуп и вскоре с Настей вышел из вагона. Никто не обратил на нас внимания. Разойдясь в разные стороны, чтобы не внушать подозрений, мы продвигались вперед, отходя от железнодорожного полотна.

Потом пошли смелее...

Настя шла впереди меня на расстоянии полуверсты. Потом мы условились держаться общего направления (путь мы держали на Балту), но итти в одиночку. В одиночку легче пробраться. У меня была уже полная уверенность в успехе нашего бегства.

Наступили сумерки. Я почувствовал ужасную усталость. Прилег у стога скошенной ржи. Вдруг—шорох. Притаился. Не дышу. Вскоре из-за соседнего стога появились виновники моего испуга. Это были мотористы из нашего отряда. Они осторожно пробирались мимо.

Теперь наступила их очередь испугаться. Я окликнул их. Мы решили дальнейший путь продолжать вместе. Закурили и пошли.

Ночь. Зги не видать. Только вдали слышен шум колес двигающегося махновского обоза. Этот шум помогал нам ориентироваться в нашем движении на Балту.

К концу ночи устали невероятно. Ноги отказывались служить. Однако, никому не хотелось признаться в этом вслух.

Попробовали было постучаться в дверь одного из хуторов, но нас не впустили. Сил не хватало. Пришлось заночевать в поле среди болота, дальше не могли уже сделать ни шагу. Собрав несколько пучков соломы, легли. Спали буквально на воде.

Когда я проснулся было уже светло. От сырости ломило все тело. Тягуче ныло плечо от удара прикладом. Было трудно подняться. Однако, встали и пошли. Вкоре мы вышли на железнодорожное полотно, ведущее на Балту.

Вдруг на горизонте показался дымок, и вскоре вырисовался контур бронепоезда. Он оказался нашим. Нас повезли к Балте. На бронепоезде был Княгницкий.

В Балте меня встретил, выехавший нам навстречу с двумя красноармейцами, комиссар 45 дивизии тов. Голубенко.

— Что, жив?—пожимая мне руку и улыбаясь, спросил Голубенко.

— Жив...—и я, зайдя в его вагон, доложил о событиях на Помощной.

Выйдя из вагона, я через некоторое время встретил Настю.

Оказалось, что она добралась не без приключений. По дороге попала в расположение махновского полка, но отделалась счастливо, лишившись только своей походной сумки и партийного билета...

* * *

На станции Бирзула—база и сбор Южной группы войск XII армии.

Одесса к этому времени была взята белыми. На Большом Фонтане (пригородная дачная местность) под прикрытием артиллерийского огня с моря высадился белогвардейский десант...

23 августа красные части оставили город.

Губком едва успел перейти на нелегальное положение, как в городе замелькали погоны. Многие партийные работники эвакуировались. Некоторые попались в руки белых.

Тогда же погиб и один из выдающихся командиров Красной армии — начдив Чикваная. Он остался в городе и скрывался в грузинском посольстве. Но место оказалось ненадежным. Чикваная выдали и расстреляли.

В сумятице, в огне контр-революционного восстания внутри города и наступления белых с Фонтана, свертывалась партийная организация Одессы.

По последнему, отходящему с главного вокзала поезду, наполненному эвакуировавшимися партийцами, стала бить добровольческая артиллерия с моря. В один из вагонов попал снаряд. Несколько убитых, раненых... Стоны и крики...

Поезд медленно под орудийным огнем отошел и благополучно прибыл на ст. Бирзула, где сгруппировались все отступающие.

На Бирзуле я повстречался со всеми своими друзьями по партийной работе в Одессе. Здесь и Лаврентий, улыбающийся и бодро глядящий на будущее, и Ян Гамарник, вечно ворчащий в свою густую черную бороду, и „папаша" Верхотурский, и, наконец, командующий Южной группой т. Якир.

Якир дал мне задание сформировать сводный отряд из всех годных к бою товарищей. Я сейчас же об'явил о вновь формирующемся отряде. Началась запись. Через несколько дней сводный отряд был готов. Тысяча штыков, немало пулеметов и всякого вооружения как из под земли появилось во вновь формируемом отряде.

Настя Сычева принимала горячее и живое участие в формировании отряда, выполняя роль бое-

вого ад'ютанта. Записывала, учитывала, находила командиров... Когда отряд был сформирован, Настя категорически заявила о своем желании опять итти в строй. Я не возражал, зная, что никакая сила не может преодолеть ее желания стать в ряды бойцов.

В штабе товарищи затеяли спор, как назвать наш отряд — отряд или полк? Подумав, я решил назвать: „Красный Сводный полк." Якир утвердил название, и полк стал реальной боевой единицей.

Лаврентий—старый большевик, член Реввоенсовета Южной группы в 1919 году. Сейчас начальник Политуправления Украинского военного округа.

Красный Сводный полк вошел в состав 45 дивизии, являвшейся ядром, вокруг которого об'единялась вся Южная группа.

Южная группа была окружена. Силы белых, как Деникина, так и Петлюры, группировались на дугообразном фронте: Одесса—Николаев—Екатеринослав—Черкасы — Киев (с востока) и Жмеринка—Казатин—Житомир (с запада).

В районе Николаева и на подступах к Одессе действовала белая 34 добровольческая стрелковая дивизия под командой генерала Слащева.

Общая численность слащевской дивизии была незначительна. Она имела около полуторы тысячи штыков, 12 орудий, 43 пулемета и 300 сабель; дивизия продвигалась, высылая вперед агентов и провокаторов, которые поднимали контр-революционные восстания в красном тылу, подготовляющие быструю оккупацию районов, лежащих на пути движения дивизии.

Оперативный план деникинской ставки был прост—запереть на юге Южную группу, захватом Киева отрезать ей путь отступления на север и уничтожить в замкнутом мешке.

Этому плану способствовало и мешало одновременно движение Петлюры с запада. Способствовало, ибо Петлюра бил Южную группу с запада; мешало, потому что противоречия между Деникиным и Петлюрой не допускали единства боевых действий.

Петлюровцы били большевиков, Деникин бил петлюровцев, а большевики били и тех и других, пользуясь недоговоренностью врагов и их разобщенностью. И Петлюра и Деникин целились на Южную группу. Один с запада, другой с востока. Южная группа, отражая удары с обеих сторон, спокойно и сосредоточенно готовилась к операции по прорыву на север.

Со стороны Петлюры против Южной группы в районе Вапиярки действовали части Волынского корпуса (Запорожская дивизия — 2200 штыков, 18 орудий, 45 пулеметов; 9 стрелковый полк 3-й Синей дивизии—550 штыков, 13 пулеметов, 9-я железно-дорожная бригада—720 штыков, 4 орудия, 15 пулеметов). Кроме того и районе Китай-города стояли части 2 дивизии Сечевиков (2800 штыков 40 орудий, 26 пулеметов) и части Черноморской дивизии (1200 штыков, 8 орудий).

Однако, наиболее опасной для Южной группы силой в создавшейся обстановке борьбы, как количественно, так и политически были махновцы. Они группировались у Ново-Украинки и представляли из себя кулак—примерно, в 15 тысяч бойцов тачаночной пехоты, нескольких тысяч сабель и около 2-х сотен пулеметов. Все это были бойцы 58 дивизии, перестроенные махновским штабом и стихией бунта на партизанский лад. Это была реальная и мощная сила.

Но этим не исчерпывались враждебные Южной группе силы. Кроме Деникина, Петлюры и Махно, в районе и на пути прорыва Южной группы на север оперировали банды различной окраски и ориентации: здесь были и „белые" и „желто-блакитные" и „черно-знаменные", и просто бандиты без всякой окраски.

Так, в районе Гайсина и Умани действовали банды петлюровской ориентации под общей командой атамана Волынца и Тютюнника. На юге поднялись против большевиков немецкие колонисты. На севере Деникин пытался спровоцировать крестьян и поднять их против Красной армии.

Южная группа в кольце. Для прорыва остается едва ощутимая узкая полоса между Деникиным и Петлюрой, кишащая бандитами и белыми повстанцами.

Учитывая обстановку, Якир решил разбить Южную группу на 3 колонны.

Правой колонной, колонной, дерущейся с добровольческой армией, командует начдив 58—тов. Федько.[1] Против Петлюры организована колонна Котовского. Средней колонной с Красным Сводным полком в авангарде, колонной несколько выдвинутой к северу, командует начальник штаба 45 дивизии Гарькавый.

Реввоенсовет, ценности, огнеприпасы, эвакуированное имущество следует со средней колонной, растянувшейся на полтора-два десятка верст.

Пехота движется на тачанках и на крестьянских подводах. Конница в походном охранении движущейся пехоты и артиллерии. Как только начинался бой, пехота спешивалась с подвод и под прикрытием конницы перестраивалась в боевой порядок, переходила в наступление и прочищала путь для движения всей колонны. Бывало разно—то бой в хвосте колонны, то нападение противника в середине колонны, а большей частью стычки и бои в авангарде, в голове колонны.

Авангарды были организованы сильные, с большим количеством пулеметов, с легкой артиллерией. Они часто решали участь боя. Но не всегда. Бывало, что в бой ввязывались и главные силы колонны. А то прилетала на помощь конница Котовского и выручала товарищей из беды.

Так двигались и дрались. Дрались и продвигались вперед.

* * *

Звездная, теплая украинская ночь. Уставшие бойцы остановились на отдых и кормежку в селе.

---

[1] т. Федько—в Южном походе командовал 58 дивизией. Сейчас помкомвойск СКВО. *Редакция.*

Отношение крестьян не плохое. Слушают нас внимательно, но не понимают, как это получилось— ждали Деникина, а пришли большевики.

В сопровождении командира батальона, верхом еду проверять сторожевые посты... Ужасная усталость сковывает тело. Рысью, чтобы ободрить себя, выезжаю за село. Проверяю. Все в порядке. Бдительно и серьезно несут „ответственные" сторожевую службу. Полк отдыхает после трудового походного дня.

А на утро снова поход. И так изо дня в день. Что ждет тебя впереди—не знаешь...

... Знойный солнечный день. Колонна полка, двигающегося на крестьянских телегах, растянулась на несколько верст. Под'ем, спуск, опять под'ем. Местность холмистая. Пыль стоит сплошным столбом. Нечем дышать.

Еду поодаль дороги на своем вороном. Все неимоверно устали. Лица совершенно серые от пыли. Однако, как с той, так с другой подводы, раздаются шутка, смех и веселая перекличка. То рысью, то шагом одолеваю версту за верстой.

Вдруг справа выстрел... Слева другой... Неизвестно откуда и кто открыл по нашей колонне артиллерийский огонь. Первое мгновение—всеобщая паника. Крестьяне-возницы, с ужасом в глазах, высоко подымая руки, хлещут лошадей и гонят свои пары галопом. Повозка наскакивает на повозку. Лошади в страхе несутся вперед...

Скачу к авангарду, отдаю приказ командирам. Повозки останавливаются и под охраной отводятся с дороги. Строятся роты и змейками расходятся в боевой порядок. Однако, противника нет. Только артиллерия все еще продолжает свой беспорядочный огонь.

От начальника средней колонны получаю приказание следовать по направлению выстрела и атаковать неприятельскую артиллерию.

Двинулись. Рвется шрапнель. Оглушительно разрываются гранаты. Усталости как не бывало. Настроение приподнялось. Бойцы молча подвигаются вперед...

Шли долго. Противника все не было... Вдруг прилетел гонец. Приказ Гарькавого—назад. Оказалось, что противник атаковал отряд Гуляницкого и отогнал его к западу за пути движения наших колонн.

Полк повернул назад.

Вечером в колонне — шуточки над ошибкой. Шутили, смеялись, пряча серьезную тревогу за судьбу похода...

... Для разнообразия, убегая от пыли и томительных настроений похода, я часто присоединялся к разведывательным конным раз'ездам.

Однажды, во время разведки произошел довольно забавный эпизод. Достав белогвардейские погоны, разведка под видом добровольческой части, в'ехала в одно из сел.

У церкви нас встретил „народ". Во главе поп. Встречает торжественно и важно.

У меня на плечах были погоны полковника. Поп благословил меня и пригласил к себе.

Дом попа лучший на селе. За едой разговорились. Поп рассказывал о сельских делах, о подпольной белогвардейской организации, об оружии, зарытом от большевиков, о подозрительных и заподозренных в большевизме селянах.

— Этих большевиков надо расстрелять,—нашептывал мне поп. Потом с большим усердием стал играть на пианино и петь „Боже, царя храни" и „Коль славен".

Вдруг неожиданно в комнату ворвался наш юный разведчик Ваня, мальчик лет двенадцати. Забыв о маскараде, он назвал меня товарищем и доложил, что приехал комиссар...

Немая сцена. Поп посинел...

Мы использовали информацию „священнослужителя", ликвидировав всех белогвардейцев и его в том числе...

Вскоре Южной группе пришлось держать боевой экзамен. У ст. Бровки голова колонны была встречена артиллерийским огнем. Выслали разведку. Оказалось—галичане. Значит, дело, серьезное. Перешли с походного в боевой порядок. От Гарькавого приказ—атаковать.

Впереди—темной, густой массой стелется лес. Опасно... Надо перед атакой хорошенько изучить лесной рубеж.

Не успел я об этом подумать, как по нас был открыт пулеметный огонь. Стреляли откуда-то сверху. И, действительно, как потом выяснилось, галичане установили пулеметы на крупных деревьях на опушке леса, дали нам подойти и открыли огонь сразу из десятка пулеметов.

Легли. Разбросались группками. Одна рота, попавшая под огонь случайного пулемета, шарахнулась было назад; командир роты, став во весь рост, восстановил положение.

Штаб полка на хуторе возле леса на большой дороге. Кипит лихорадочная работа... Вот прибыла первая партия раненых. Штаб из халупы переходит в амбар, уступая койки раненым бойцам...

На участке полка ожесточенный огонь. Бойцы зарылись в землю. Правофланговая рота стала заходить плечом. Впереди—мельница. Неожиданно из мельницы затрещал пулемет. Заметив движение правофланговой роты, галичане быстро установили пулемет на чердаке мельницы и решили противодействовать обходу. Кроме того, на горизонте показался петлюровский бронепоезд, открывший по полку беспорядочный артиллерийский огонь.

Посылаю донесение. Прошу открыть артиллерийский огонь по мельнице и бронепоезду. Заговорила красная артиллерия. Началась артиллерийская дуэль. Узнаю, что невдалеке остановилась артиллерия Котовского. Посылаю гонца с просьбой сбить пулемет на ветряной мельнице.

Просьбу выполняют. Две гранаты и пулемет снят. Рота вновь стала продвигаться вперед. Вот гонец с бумагой от Котовского. Он пишет, чтобы я оставался на месте, беря остальное на себя...

Обидно, но приостанавливаю наступление роты на правом фланге.

Жду, что будет. Ведь не спроста же Котовский предложил оставаться без движения.

Но что это? Неожиданно бронепоезд противника отходит.

Пулеметы, нерешительно покашливая, один за другим умолкают: бойцы полка по собственной инициативе бросаются в атаку. Наступает гробовая тишина. В это время из лесу появляется кавалькада всадников. Всматриваюсь в бинокль. Узнаю Котовского.

Под'езжают рысью. Смеются. Котовский, слегка заикаясь, говорит, что все кончено, что вечером я получу приказ, из которого все узнаю... Сказал, и, смеясь, поскакал дальше.

Между тем полк вошел в лес. Пулеметы противника оказались неснятыми. Пулеметчики попрятались в лесу...

...Вечером получаю приказ по Южной группе. „Обход Котовского... 14 орудий, 50 пулеметов, большое количество пленных. Блестящая победа нашей красной конницы. Ст. Бровки взята. Путь свободен“.

Собираю комсостав полка. Оглашаю приказ. Весело расходимся.

На другое утро поход сопровождается смехом и весельем. Бойцы знают приказ Якира, полны бодрости и веры в конечную победу.

Прорвемся!..

* * *

Связи с XII армией все нет. Радио-станции Южной группы принимают, но связаться с XII армией не удается. Радио-волна приносит шифрованные телеграммы Петлюры и Деникина.

Как Киев? Этот вопрос волнует и тревожит...

Но вот узнаем: Киев взят белыми.

Киев пал. Эти быстро распространяющиеся вести понижают настроение полка. Тревожно. Советского Киева перед нами уже нет. Куда же отошла XII армия?

С тяжелыми думами продолжаем поход. Притихли бойцы на повозках. Не слышно больше песен, шуток и здорового, молодого смеха. Все както отяжелели, стали солиднее и тише.

Киев был ключем во всей нашей операции. К нему тянулись, к нему держали путь. Теперь неизвестно, куда идем, где встретимся с Красной армией...

Вошли в леса. Высокие, стройные, темные и немного жутковатые. Им нет конца и краю. Отдыхаем в лесу, ночуем, тут же деремся, главным образом, с петлюровскими бандами, скрываемся от противника за лесной стеной. Лес с одной стороны, таит в себе враждебную неизвестность, с другой же, как родная мать, охраняет нас от врага. Лес —наш союзник и незримый враг.

В лесу, в его тишине, еще как-то острее встает вопрос—чем кончится поход?

Однако думать долго не приходилось. Надо бороться—это главное...

Подходим к городу Коростышеву. По сведениям, полученным от крестьян, город занят петлюровцами. Во всяком случае осторожность не мешает...

Коростышев—в лесу. Его капризно обнимает реченка. Лесной городок с тенью и прохладой. Подходим со стороны моста... На мосту нас встречает петлюровский броневик. Затрещал пулемет, начался бой.

Штаб полка с одним батальоном у самого моста. Залегли за деревьями, за камнями. У моста барский дом. У дома санитарно-летучий отряд. Красная сестра Фиш—на посту. Вдруг лицо ее бледнеет, тело беспомощно опускается на землю... Ранена... К ней подбегают санитары, ее поднимают и уносят в тыл. Я подхожу с рапортом к тов. Гарькавому. Он предлагает мне ждать, заявив, что сейчас по броневику ударит артиллерия.

И действительно, вскоре заговорила артиллерия.

Мост минирован,—говорит Гарькавый,— надо найти смельчака, который под пулеметным огнем броневика разрядит снаряд на мосту.

— Я это дело знаю, я сделаю. Я механик-рабочий,—вдруг заявляет лежащий у дерева вблизи нас красноармеец. Сказал и встал. Положил винтовку. Пополз к мосту.

Батальон заметил движение товарища. Все насторожились и впились глазами в смельчака. Дополз. Пополз под мост. Минута, еще одна... Напряжение бойцов все повышается. Броневик неприятеля трещит, щелкая по мосту. Но вот показалась голова, выполз весь. Ползет обратно. Сделано. Мост безопасен.

Гарькавый обещает храбрецу награду. Красноармеец неловко улыбается и, как ни в чем не бывало, занимает свое прежнее место.

Атака—и Коростышев взят. Противник изгнан из города. В Коростышеве останавливаемся на отдых. Решается вопрос о дальнейшем пути.

На заседании Реввоенсовета решили прорваться между Житомиром и Киевом. Вновь двинулись в поход... Как ласточка, летит по полку слух, что установлена радио-связь с XII армией...

Посылаю проверить. Оказывается—верно. XII армия дерется под Киевом, образуя клеть по отношению ко всему Южному фронту. Среди бойцов оживление. Снова шутки и насмешки над неверующими в конечный успех похода. Пошли вперед быстрее, бодрее...

В один из вечеров разведка донесла, что в ближайшем селе наши красноармейцы... Пошли галопом, затем карьером. И действительно, в селе встретились с богунцами 44-й дивизии. Прорвались, но борьба еще не кончилась...

Штаб XII армии приказал 45 дивизии наступать на Житомир, 58-й дивизии—на Киев. Южная группа, таким образом, разделилась. Полки пошли в разные стороны.

45-я дивизия двинулась на Житомир. Бригада Котовского впереди. В Житомире петлюровцы. Население ждет добровольцев. Слухи о взятии Киева родили в городе новый слух о „добровольцах“, якобы стоящих на подступах к Житомиру.

Под Житомиром бой. На город наступает Котовский... Гремит артиллерия...

Наконец, петлюровцы выбиты из Житомира. Котовский готовится к торжественному в'езду в город.

Тут опять происходит курьез. Навстречу автомобилю Котовского, едущему в голове авангарда, из города появляется делегация от городской управы. Председатель делегации, думая, что в город вступают белые, произносит соответствующую речь, в которой говорит, что войска генерала Деникина будут встречены жителями города радостно и приветливо...

Котовский в сильном гневе.

— Рас-стре-лять...—слегка заикаясь, приказывает он.

... Красные войска вступают в Житомир.

Е. ШКОЛЬНИК.

Записки Тилигулло-Березанца.

В июле 1919 года в районе Днестра наш 403 Тилигулло-Березанский полк занимал по фронту 48 верст от Григориополя до Тирасполя.

В полку были старики и немало молодежи. В подавляющем большинстве это были крестьяне одного района деревень Тузла, Сечавка и др. Все бойцы друг-друга хорошо знали. Спайка создалась в совместной борьбе против греков, французов и гетманщины.

За своими плечами полк имел уже некоторый политический опыт. Вспоминаю, например, бунт Григорьева.

Когда этот атаман 1-й Заднепровской бригады поднял восстание под лозунгом „Бей жидов и комиссаров" среди Тилигулло-Березанцев началось брожение; незначительная часть высказывалась за присоединение к Григорьеву, большая же часть товарищей была против и за ним не пошла. Коммунистам, правда, пришлось немало поработать над раз'яснением красноармейцам контр-революционного характера восстания Григорьева. Уговаривали бойцов два дня, пока, наконец, весь полк не заявил о своем желании полностью подчиниться своему командованию и резко осудил погромное выступление Григорьева.

Через несколько дней после этого Тилигулло-Березанцы получили назначение на фронт, и полк занял указанную позицию на линии Днестра.

Немецкий поп во главе восстания.

Знаменитые немецкие восстания в Одесском и Тираспольском районах заставили обратить на себя внимание нашего командования. Для борьбы с ними часто приходилось снимать части с фронта и направлять их для усмирения немецких банд, руководимых белогвардейскими офицерами и петлюровцами.

Штаб полка стоял в Григориополе. В 2-х верстах от расположения штаба в немецкой колонии —наша хозяйственная часть.

В один „прекрасный" вечер в середине июля мы чуть не были разбиты этими немецкими бандами.

В полночь они внезапно напали на нашу хозяйственную часть, перебили караул, заперли в погреб хозяйственную команду и стали вывозить все огневые припасы полка. Об этом рассказал избитый, окровавленный красноармеец, прибежавший в штаб в одном белье. Он добавил, что немецкие колонисты во главе с какими то белогвардейскими офицерами собираются напасть на нашу батарею, что стояла на хуторе вблизи немецкой колонии, а также и на штаб полка.

Медлить было нельзя. Требовалось быстрое действие, решительное и твердое настолько, чтобы в корне парализовать начавшееся восстание. Командир полка тов. Панченко немедленно снимает 500 с лишним штыков с фронта и бросает их для ликвидации восстания.

Через час наши части двинулись в наступление, а через полтора уже встретились с противником. Завязался бой. Смелым маневром красноармейцы успели быстро занять район расположения нашей батареи. Последняя открыла огонь, и немцы отступили в колонию и окопались; огонь был перенесен на колонию, немецкое кулачье упорно сопротивлялось, но не могло устоять против полка.

К вечеру того же дня восстание было ликвидировано. Все огневые припасы, захваченные накануне повстанцами, были отняты. Главари восстания скрылись. Как потом мы узнали, одним из главарей восстания оказался немецкий поп, также скрывшийся (он ушел вместе с белогвардейцами). В этом районе был оставлен усиленный караул, а остальные роты возвратились обратно.

Восстание в Малаештах.

Через двое суток вдруг получается сообщение от командира 3-го баталиона, находившегося в 32-х верстах от штаба полка, что в дер. Малаешты вспыхнуло кулацкое восстание, к которому присоединилась наша 9-я рота, составленная из молдаван, что восстание поддерживается русскими старообрядцами-кулаками села Плоское, и что, наконец, все вместе двигаются на штаб полка.

Командир полка немедленно отправился с двумя баталионами навстречу восставшим, оставив в районе, где лишь недавно было ликвидировано восстание, небольшой гарнизон, в районе же Днестра по одному посту... Правее нас стоял Бессарабский полк. К нему обратился за помощью наш командир полка, но оттуда приехал лишь небольшой отряд для пополнения гарнизона в районе, где недавно было ликвидировано восстание.

Уже настал вечер, когда мы двинулись навстречу наступающей банде. Ми двигались над Днестром, на виду у румын, которые могли открыть по нас огонь, что ими часто практиковалось, когда проходили красные части.

На этот раз благодаря высокой кукурузе, житу и темной ночи, наше движение было скрыто, и мы незаметно прошли 10-12 верст.

У окраины деревни Малаешты наша разведка была обстреляна.

Батальоны немедленно рассыпались и повели наступление. При отряде были две пушки, которые открыли огонь по селу. Повстанцы отступили. Мы заняли деревню.

Но тут случилось нечто такое, что заставило нас через несколько часов отступить.

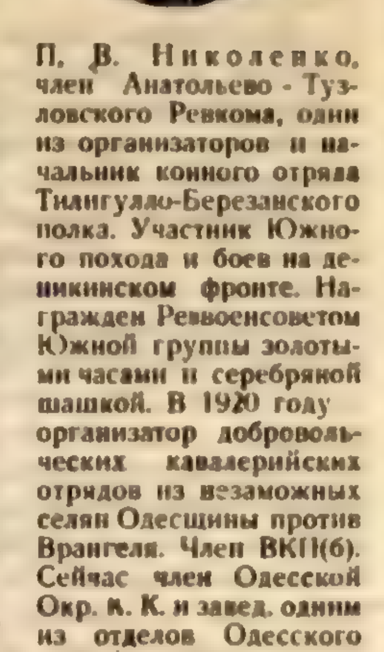
В деревне повстанцы нарочно оставили в большом количестве самогон и вино. Братва по занятии деревни начала „дуть" соблазнительные напитки. Повстанцы этим воспользовались и с рассветом повели наступление на нас. Роты в беспорядке стали отходить.

С трудом комполитсоставу удалось привести свои части в надлежащий боевой порядок. Неприятель превосходил нас численностью, и положение сделалось серьезным. Потери людьми становились все больше и больше. К нам подоспела помощь—прилетел кавалерийский отряд тов. Николенко из Тирасполя, а вместе с ним и командир 3-го батальона с двумя ротами.

Кавалерийский отряд тов. Николенко, неожиданно атаковав противника с тыла, разбил и поголовно уничтожил весь кулацкий сброд, потрепав

основательно и 9-ю роту молдаван, присоединившуюся к восставшим.

Вождем восстания оказался примазавшийся поповский сынок, бывший прапорщик, мечтавший о золотых погонах и приходе Деникина. Николенко собственноручно застрелил его. При нем были найдены секретные документы, которые раскрыли подоплеку этого восстания. Боевая задача банд заключалась в том, чтобы разбить наш полк, захватить батарею, а затем наброситься на всю бригаду и препятствовать общему плану отступления на север.

П. В. Николенко, член Анатольево-Тузловского Ревкома, один из организаторов и начальник конного отряда Тилигулло-Березанского полка. Участник Южного похода и боев на деникинском фронте. Награжден Реввоенсоветом Южной группы золотыми часами и серебряной шашкой. В 1920 году организатор добровольческих кавалерийских отрядов из незаможных селян Одесщины против Врангеля. Член ВКП(б). Сейчас член Одесской Окр. К. К. и завед. одним из отделов Одесского Комхоза.

Ночью наши колонны бесшумно оставили Днестр...

Оперативные сводки говорили о ряде контр-революционных кулацких восстаний в Николаевском и Одесском округах.

В задачу руководителей этих восстаний *входило препятствовать общему отступлению Красной армии и помогать наступлению белогвардейских отрядов Деникина с востока и организованных банд Петлюры с запада, расшатать и распылить наши силы и не дать возможности соединиться с частями Красной армии, действующими на севере.*

В конце августа командир полка получил приказание свернуться и в полном боевом порядке следовать по указанному маршруту для присоединения к колонне, отходящей на север.

После совещания командно-политического состава было созвано обще-полковое собрание, на котором единогласно было решено во чтобы то ни стало с оружием в руках, стеной прорваться через кольцо, пробить дорогу на север, чтобы впоследствии с нашими северными частями вернуться обратно и заставить белогвардейцев навсегда отказаться от надежд когда-либо вернуть власть буржуазии и помещиков.

Красноармейцам раз'яснялось, что нужно сохранять все свои огнеприпасы, потому что отныне мы лишены будем всякой возможности пополнять их.

Через 28 часов Тилигулло-Березанцы выступили в полном боевом порядке.

Повстанцы нас больше не тревожили. Предварительно была снята вся пограничная охрана. Ночью наши колонны бесшумно оставили Днестр...

О нашем уходе первыми узнали румыны и ,правда, не тревожа нас, все же посетили районы нашего расположения, обобрали крестьян и снова ушли к себе за Днестр. Вечером мы прибыли на ст. Раздельная, где узнали, что Одесса уже пала, а остатки 47-й дивизии отступают эшелонами на ст. Бирзула. После большого привала двинулись на Бирзулу. Здесь получаем приказание выбить банду, появившуюся в районе Балты. К вечеру погрузились в эшелон и двинулись на Балту, но боя там не имели: банда, узнав о нашем приближении, скрылась в лесах, оставив в городе несколько убитых евреев.

В Балте полк задержался около 33 часов. Дальше железной дорогой двигаться не представлялось возможным. На путях скопилось множество эшелонов с артиллерийским и вещевым довольствием и продфуражем.

Огневые припасы нагружали на обывательские подводы. Каждый стрелок заполнял свои карманы и патронташи таким количеством патронов, сколько он был в состоянии набрать.

Наш 403 Тилигулло-Березанский полк был головным, и в голове колонны с нами двигался комбриг тов. Черников. На большом привале в лесу, он в краткой речи своей сказал нам, что ему приказано ускорить марш и в кратчайший срок достигнуть Ольгополь-Бершадь; на пути возможно столкновение, а потому всем нужно быть на чеку. В этом районе, сказал он, много лесов и разных банд: Заболотного, Соколовского и др., кроме того предполагается движение и перемещение петлюровских частей. А главное—это деникинская кавалерия, которая ведет наступление с востока, уничтожая все на своем пути...

Соединились с отрядом т. Горева.

На третий день с рассветом вступили в бой с петлюровскими частями. Хлопали затворы... Изрыгали горячий свинец пулеметы, и батареи дополняли эту огненную пляску... Тилигулло-Березанцы дрались стойко. До позднего вечера затянулся бой. Пользуясь ночью, мы стали отходить другими дорогами, „отрываясь" от противника. Маневрируя, мы сбивали с толку неприятеля, скрывая нашу главную цель.

Многие красноармейцы, попавшие в плен к разным бандам, бежавшие и вновь присоединившиеся к нам, передавали, что неприятель не в состоянии определить наши операции, ведем ли мы наступление, или отступаем.

О том, что мы отрезаны от севера, он прекрасно знал, но почему мы так странно маневрируем, ему не совсем было понятно. То мы устремлялись вперед, заставляя и противника изменить свой маршрут, то исчезали, то вновь появлялись и еще с большей силой обрушивались на него.

У Бершади встретили небольшой отряд Горева[1].

В левой руке тов. Горев держал старую ржавую подкову.

Не знаю, чудаковатость ли это была его, или что-либо другое, но странно было видеть этого высокого, плечистого, с широкой лохматой грудью, бронзовым лицом и мускулистого человека в такой смешной позе: угрожающе поднимал он свою жилистую руку, в которой торчала заржавленная старая подкова с протертыми винтами и обломанным щитом. Мы быстро познакомились с ним и его молодцами. У него была одна трехдюймовая пушка и несколько подвод со снарядами, шесть пулеметов и 86 человек бойцов. Среди бойцов

[1] Отряд Горева состоял при штадиве 45, выполняя специальные задания по поддержанию революционного порядка в тыловом районе дивизии. *Ред.*

была одна женщина пулеметчица, достойная глубокого уважения за свою храбрость. Только лишь недавно она во время атаки петлюровцев огнем своего пулемета в течение полутора часа наносила большой урон наступающим и отбила их. Благодаря такой стойкости отряд Горева задержался до нашего прихода.

Соединившись с отрядом, мы вместе двинулись вперед.

Петлюровские банды, не выдержав нашего совместного натиска, в беспорядке отступили. Мы заняли Бершадь, где захватили штаб петлюровской бригады с начальником штаба, много секретных документов, в том числе и планы расположения и движения многих петлюровских частей. Кроме того, нам достался обоз и огневые припасы.

В эти дни мы отдыха почти не знали. Днем отражали атаки, а ночью делали большие переходы. Впереди еще предстоял тяжелый марш через Буг, на котором, как мы слыхали, были уничтожены все переправы.

Через реку Буг под огнем петлюровцев.

В начале сентября достигли р. Буг. Мост сожжен. Неприятельская батарея, узнав о нашем намерении переправиться через реку, открывает беглый огонь по месту переправы. Наша разведка одновременно доносит, что петлюровские банды находятся недалеко в лесу и намерены наступать на нас. Не мешкая, принимаемся за работу; достаем бревна, доски, гвозди, канаты. Работа спорится в руках под огнем. Когда наспех сколоченный мост скреплен, начинаем переправу обозов.

Батарею по мосту перевезти нельзя было, пришлось переправить вброд. Связывали канаты и перебрасывали их на противоположный берег. Туда же переправляли вплавь лошадей, запрягали их, привязывали орудия, впрягались и бойцы, и с большим трудом были перевезены на другой берег орудия. Работа продолжалась целую ночь.

Помню, во время переправы погибло три красноармейца. Они упали с моста и разбились о бревна. Их вытащили из воды уже мертвыми.

Петлюровцы повели атаку на нас со всех сторон, но были отбиты, ибо возвышенность всецело находилась в наших руках. Нам, к тому же, удалось кольцом расставить пулеметы и обстреливать наступавших. Батальон пехоты, переброшенный раньше, прикрывал нас и давал возможность совершать переправу.

Погибших красноармейцев мы похоронили в поле.

Берем последний опорный пункт...

О нас в это время Петлюра и Деникин распространяли чудовищные вещи, мол, всех нас потопили в Днестре, в Буге, большинство сдалось в плен, часть рассеялась по Украине, в общем от нас остались „рожки да ножки".

На самом деле мы для них, и петлюровцев и деникинцев, представляли грозную силу; с этой силой им приходилось считаться.

Снова пошли бои. Даже больших привалов нам не было возможности делать, ибо нас трепали различные банды со всех сторон, обывательские подводы с нами ехали неделями, потому что не представлялось возможным их сменять.

Огневое кольцо, которое нас окружало, все более и более суживалось и, наконец, наступил момент, который должен был решить наш дальнейший поход.

Это было в районе жел. дороги Казатин-Фастов; ее восточная ветвь была занята деникинцами, западная — Петлюрой. Нам остался небольшой узкий коридор у ст. Бровки-Попельня.

Когда мы подошли к станции Бровки, она оказалась уже занятой петлюровскими частями, укрепившимися до нашего подхода.

Это для нас было неожиданно.

Уже наступила ночь. Мы расположились у небольшого леса. Здесь же были оставлены все наши обозы. Было устроено совещание комполитсостава, где была подчеркнута серьезность момента, и комбриг с обычной ему решительностью об'явил о немедленном наступлении на петлюровцев.

До станции было 3 версты. Батарея заняла позиции и приняла обычный боевой порядок в ожидании приказа. Пехота двинулась вперед.

Неприятельские цепи в свою очередь пошли в контр-наступление.

Петлюровцы были так близко от нас, что нам была ясно и отчетливо слышна их команда. Наступление наших частей продолжалось.

Многоголосое „ура...ра...а" разорвало сетку ночи и потонуло в ружейных выстрелах.

Станцию мы заняли и нам досталось много трофеев, как то: 9 пушек, 24 пулемета, обоз и много лошадей, несколько вагонов обмундирования и огневые припасы. Немало петлюровцев сдалось нам в плен... С рассветом наша задача была выполнена. По окончании этого боя наш полк был оставлен в заслоне, и вся наша дивизия прошла через этот коридор[1] в течение 18 часов. На третий день мы под звуки полкового оркестра входили в Житомир...

Еврейская беднота билась до последнего патрона.

Ряд местечек, через которые мы проходили, в особенности, еврейских, представляли собой сплошные кладбища. Жители частью были загнаны в подвалы, частью вырезаны или бежали. Различные кулацкие банды грабили их жилища, убивали беззащитных, насиловали женщин, уничтожали семейный скарб. В одном из таких еврейских местечек Волынской губ., в Израиловке, все мужское население выступило на защиту своих прав с оружием в руках, окопавшись вокруг своего местечка, неделями стояли на страже и решили с честью погибнуть в борьбе, но не сдаться бандам на растерзание.

Они сумели в течение долгих дней защитить себя, и если бы не злостная измена, то отстояли бы свои права до конца. Это было 22—23 сентября 1919 г. Я помню, мы тогда почти уже вышли из окружения. Нас только тревожили отдельные мелкие банды.

На рассвете двинулись колоннами широкой дорогой на северо-запад. Накануне имели большой привал и ночевали в лощине у леса. К полдню вышли на шоссе.

---

[1] Этот коридор был создан не только действиями отряда, бившегося с петлюровцами, но и действиями отряда правофлангового, отбросившего деникинцев к Фастову. *Ред.*

Когда голова нашей колонны оказалась на линии местечка, наша конная разведка была встречена отдельными, но частыми выстрелами. Конница двинулась вперед выяснить, в чем дело. Через несколько минут один из наших кавалеристов прискакал и сообщил, что в местечке орудует банда. Цепи моментально двинулись вперед на местечко, но были приостановлены пулеметным огнем. Тогда наша батарея открыла беглый огонь по местечку, пехота пошла в атаку, и банда вынуждена была оставить в самый, что называется, разгар своей работы местечко и отступила.

Когда мы вошли в местечко, картина ужаса и смерти ошеломила нас. Стоны раненых и крики о помощи оглашали все улицы и закоулки. У ворот на дороге валялись убитые, с раздробленными черепами, мужчины, женщины и дети. Человеческая кровь смешалась с перьями от перин и подушек.

Уцелевшие жители рассказали нам страшную повесть о дикой расправе бандитов.

Банда их тревожила в продолжение нескольких дней, но не могла проникнуть в местечко в виду упорной самообороны жителей. У самообороны было 2 пулемета „Максима", 5 автоматов, много винтовок, но мало патронов.

Банда ежедневно присылала в местечко парламентеров, предлагала сдать оружие и обещала больше их не тревожить. Население это предложение отвергло.

В этот столь памятный день банда с утра повела атаку на местечко, но через несколько часов безрезультатного боя, после жертв с обеих сторон, пустилась на хитрость. Бандиты послали переговорщиков, которые об'явили мир, обещали жителям больше их не трогать и просили лишь пустить их в местечко для отдыха... „Мы отдохнем немного, заявили парламентеры, и уйдем навсегда".

Оборона почувствовала в этом, что-то, не совсем искреннее. Но тут вмешалась местечковая учительница, которая начала убеждать жителей в искренности бандитов. Раз они сами предлагают мир, говорила она, то нечего отвергать такое предложение и нужно итти на уступку.

После некоторых рассуждений оборонявшиеся согласились и уполномочили для этой цели учительницу.

Через некоторое время банда расположилась в местечке и стала кормить лошадей. Вооруженная оборона успокоилась и разошлась по домам, будучи целиком уверена в том, что их больше не тронут. Этого и нужно было бандитам. Не прошло и 2-х часов, как вдруг неожиданно раздался трубный сигнал.

Бандиты с шашками наголо понеслись по местечку и стали избивать всех, кто им попадался под руку. Начался погром...

Наш полк подоспел в местечко уже тогда, когда большая часть самооборонявшихся пала, защищаясь до последней минуты.

Когда мы уходили из местечка, все мужское население присоединилось к нам. Больше того, присоединились даже и женщины. В основном, это была еврейская беднота, решившая вместе с нами биться за Советскую власть.

Через несколько дней мы погрузились в эшелоны и уехали в Вязьму.

А. ЗАРНИЦКИЙ.[1]

„Комуния идет!.."

Сентябрь 1919 года.

Мы, авангард дивизии, движемся походным порядком, со всеми мерами предосторожности, чтобы не попасть впросак.

Враг подстерегает нас на каждом шагу.

Жарко. Пыльно.

Огромной черной змеей медленно извивается по проселочной дороге обоз.

Встречные крестьяне, работающие в поле, стараются не замечать нас, пропускают мимо.

Красноармейцы пусть пройдут! Опасный народ!

Иногда мальчишка-пастух пробежит мимо, будто беззаботно играя на солнечном лугу.

На самом деле он бежит в деревню сообщить, что „комуния идет".

В деревне это известие — удар грома среди ясного неба.

Люди на некоторое время теряют рассудок.

— Комуния идет! Заберет весь хлеб, скот, все!

Обезумевшие, куда-то бегут, стараются спрятать подальше, что можно, и сами прячутся.

Когда мы входим в деревню, она производит впечатление вымершей.

Ни живой души!

Словно мор гибельной стопой прошелся здесь, словно смерть справляла здесь чудовищный пир. Хаты все на запоре, ставни наглухо заперты. Даже собаки не лают. И их видно постарались спрятать.

Петлюровщина была тогда в самом разгаре. Агитация делала свое дело. Слишком страшными казались красные... Грабитель на грабителе...

Да и воюют они за какую то непонятную „комунию", два вагона которой должны были, по слухам, уничтожить весь хлеб на Украине...

Жутко. А между тем, нам в этой деревне ночевка. Но мы знали, как быть в таких случаях.

В деревне пусто. Мы доходим до церковной площади и там располагаемся... Усаживаемся на траву, курим, болтаем, но не идем никуда. Спрятавшиеся крестьяне, повидимому, зорко следят за нами, выжидают, что мы предпримем. Проходит с полчаса. Наконец, один крестьянин (нарочно подосланный) подходит к нам.

Начинаются расспросы: Кто мы такие? Откуда идем? Куда?

Через несколько минут крестьянин убеждается, что мы такие же люди, как и он, и ничего дурного не замышляем. Злостные агитаторы только обманули его.

Он встает и добродушно виноватой улыбкой приглашает нас к себе.

---

[1] Статья принадлежит командиру отделения. *Ред.*

— Пойдемте в хату! Чего ж тут сидеть? Там лучше будет. Покушаем что нибудь. Вы в дороге, наверно, проголодались?

Двое-трое из нас встают, берут винтовки и идут с ним.

Минут через пять в его хате негде яблоку упасть. Крестьяне толпятся и в комнате, и в сенях, и на дворе, у настежь открытых окон. Расспросам, допытываньям нет конца. Крестьянская любознательность велика.

— ...И чтож это за комуния у вас?

— Да никакой такой комунии. Просто: красноармейцы мы — вот что. А воюем за Советскую власть.

Крестьяне чешут затылки:

— А нам говорили, что сюда два вагона комунии прибудет и весь хлеб начисто сожрет. Как саранча. И картошку тоже.

— Ну вот мы и пришли,—смеемся мы.—А что делаем?

— Твоя хата вот заперта, а никто не отопрет. Пока сам не отопрешь, никто не тронет.

— Значит, обманули нас.

— Зачем говорить? Сам смотри.

Через каких нибудь четверть часа все запоры сняты, окна раскрыты и нет ни одной хаты, где бы не было красноармейцев.

Шумим, балагурим, крестьяне угощают нас всякой всячиной, крестьянки варят нам ужин.

Вечером—нет-нет—где нибудь под черешней сидит красноармеец с „дівчиной". Он рассказывает ей о походной жизни, о боях, щеголяет своей храбростью и удальством, покоряя ее сердце. Лицо девушки—распускающийся маков цвет.

На следующий день, когда мы уходим, крестьяне провожают нас, дают нам с'естного в дорогу.

О „комунии" больше ни слова. Они о ней уже другого мнения.

— Приходите к нам опять. Мы вас будем ждать. С Деникиным и с Петлюрой все равно не уживемся.

Так, уходя, подготовляли мы благодатную почву для нашего нового прихода.

Хорлеевка.

Накануне выбили мы незначительную петлюровскую кавалерийскую часть из м. Паволочь и там заночевали.

За ночь петлюровцы успели подтянуть крупные силы и приготовились уничтожить нас.

За время двухнедельного похода до Хорлеевки нам несколько раз приходилось читать в попадавшихся нам петлюровских и деникинских газетах сообщения о предстоящем нашем уничтожении. Раза два мы даже прочли об этом, как об уже совершившемся факте.

Нас эти сообщения, разумеется, нисколько не смущали. Мы хорошо знали в каком мы положении находились, знали, что мы окружены кольцом врагов, но и себя мы хорошо знали. И уверенно шли к победе, гордые сознанием своей силы и исполняемого перед революцией долга.

Утром мы выступили из местечка. В этот день нам предстояло пересечь последнюю, лежавшую на нашем пути железнодорожную линию между Казатиным и Фастовом.

Прошли несколько верст. Стали подходить к железной дороге. Два петлюровских бронепоезда поджидали нас.

— Пак!.. Пак!.. Пак!.. Пак!..

Неподалеку от нас в воздухе разрывались шрапнели. Мы рассыпались в цепь, пошли вперед.

У дер. Хорлеевки остановились. Дальше идти нельзя было. Там был сильный враг. Мы залегли в открытом месте, на вспаханном поле, и стали отстреливаться.

В стороне от деревни была каменная мельница. На ней петлюровцы укрепились, установили два пулемета, наблюдательный пункт. Кроме того, за мельницей собирались гайдамаки; повидимому, готовились ударить на нас.

Наша шестая рота занимала крайний правый фланг и находилась как раз против мельницы. Дальше было пусто.

Мы увеличили интервал, протянули цепь дальше и загнули фланг, чтобы видеть, что делается за мельницей и помешать гайдамакам собираться.

Петлюровцы открыли адский огонь. Пулеметы, словно швейные машины, строчили, засыпая нас смертельным дождем.

Вот ранен один, вот и другой, ранен и ротный наш.

— Пулемет на правый фланг. Дайте нам пулемет!—передаем мы по цепи.

Но нам не дают пулемета. На левом фланге завязался жаркий бой и взять оттуда пулемет, значит—ослабить себя там.

Помощи нет. Мы предоставлены самим себе.

Гайдамаки ежеминутно выезжают из-за мельницы, посматривают в нашу сторону. Видно, готовятся к атаке, выбирают только место для удара.

Но мы стреляем метко, по партизански: каждый патрон дорог, ни одна пуля не попадет в „белый свет".

Атака кавалерии отбита еще прежде, чем началась. Гайдамаки не выдержали, ускакали в деревню.

Справа кто-то к нам перебегает.

— Эй вы, кто?

— Свои. Третья рота.

— Ага! Атаковали бронепоезд? Ну как?

— Ничего...

— Чесанули?

— А ты думал, взяли. Их там два было,—не один. Пробуй.

Третья рота ложится за нашей. Потом лощиной уходит. Бой в разгаре.

Петлюровская артиллерия пристреливается к нашей цепи:

— Ну-ка, товарищи, чтоб гостинцев нам не было, давай снимать наблюдателя.

Раз... Два... Три...

Наблюдатель исчез. Петлюровские „гостинцы" делают перелет.

Теперь очередь за пулеметами.

— Давай!

Опять напряженная меткая стрельба.

Пулеметы отвечают.

Но вот один смолк. Другой прошелся еще редким дождем огня и тоже притих.

— То-то. Облагоразумились. Сами ушли, пока не попросили.

Сумерки. Воздух свежеет. Становится темно. Небо—звездное сито.

— Цепь, вперед в атаку!

— Уррра!

Петлюровцы бегут.

Семь пулеметов, несколько десятков винтовок и победа—наше удовлетворение за дневной бой.

Через день нашей роте в приказе по полку была об'явлена благодарность за смелые действия.

Пробились.

19 сентября. Солнечный день. Лучи брызжут золотом на сталь наших винтовок. В поле легкий ветерок. Свежо, чудесно. Мы на подводах в'езжаем в чешскую колонию Высокое, недалеко от Житомира. Доехали до середины. Навстречу нам какие то войска. Тоже на подводах.

Свои? Враги?

Но за время похода мы отвыкли встречать своих. Каждый встречный—враг.

Идем молча. Молчат и те.

Увидали мы нашего кавалериста. Позвали, шепнули:

— Скачи в штаб полка, скажи, что встретились с другими войсками. Если через пять минут не будет ответа, откроем пальбу.

Кавалерист понесся. Минуты через три-четыре скачет во весь дух обратно.

— Не стреляй! На-а-ши. Северные войска пробились!

— Значит кончен поход?

— Ну да, что же тут не понимать.

— Ур-р-ра-а-а!!!

Радостно несутся тысячеустые крики. Поздравляем друг друга с победой.

На страх врагам прорвали мы их кольцо.

После двухдневного отдыха движемся по Житомирскому шоссе на Киев.

Трепещи, враг!

Мы пойдем на старые родные места.

Наш порыв мятежен, наше стремление безудержно.

Мы победили, и мы победим.

Наши действуют.

Я ранен. Лечусь в 1 Крестовоздвиженском госпитале в Витебске. Целый день мелкие холодные слезы осени стучатся в окно моей палаты.

Скучно. Ежедневно газеты приносят короткие, острым жалом впивающиеся в сердце вести об успехах Деникина. Начал наступление Юденич.

Когда же конец? И скучно, и грустно. Безрадостное бытие.

Но вдруг!.. В ненастный октябрьский день яркое солнце блеснуло мне в глаза, согрело мою душу, оживило сердце. Кажется и рана перестала ныть. Газеты принесли бодрую весть.

„Доблестные части т. Якира, преодолев упорное сопротивление противника, заняли Киев".

Всем хорошо. Но мне лучше всех; всем весело, но я веселее всех.

— Наши действуют,—хвастаю я перед другими ранеными.—Молодцы. Такие ли дела делали! Такие ли еще будем делать!..

Разбудил спавшего товарища моей роты, сунул ему газету, ткнул пальцем:

— Читай!

Тот спросонок улыбается.

— На-а-аши! То-то...

Радость растет, ширится в груди, переполняет сердце.

— Ах! Поскорее бы снова туда, к ним, вместе делать общее дело!

Почему же без меня?

Ноющая боль в руке без слов об'ясняет, почему.

Я ложусь на кровать, закрываю глаза и так неподвижно лежу до вечера, скомкав в руке газету.

И сладко, и хорошо, и радостно,..и... грустно...

М. ЛЬВОВСКИЙ.

В кольце.

(Из дневника политработника).

Для значительной части работников Бессарабского правительства, стоявшего в вагонах на ст. Ново-Савицкая, приказ о немедленном от'езде на ст. Раздельная был неожиданностью. Правда, уже давно по поезду пошли слухи о том, что на наших нажимают со всех сторон, что мы отступаем и, как всегда, в таких случаях, что нас окружили. Никто, однако, из нас не придавал серьезного значения этим слухам и, хотя и не в совсем нормальной обстановке, мы продолжали свою работу.

Свернулись мы быстро: прицепили паровоз и поехали. На ст. Раздельная стало ясно, что наши дела не блестящи, что враг близок, что в окрестностях, в немецких колониях, идет подготовка к восстанию, что со всех сторон идет наступление. И так естественно было заявление, сделанное нам, о необходимости либо ехать дальше, либо оставаться в Раздельной.

Часть из нас предпочла немедленно перейти в распоряжение 5-й дивизии. Нас было трое, твердо решивших пойти вместе с дивизией,—молодой студент Марков (беспартийный), студент Позднев (тогда беспартийный) и я—все бессарабцы. И так как в людях был большой недостаток, нас немедленно засадили за работу.

Меня направили в политотдел дивизии и назначили секретарем политотдела.

С первых же дней обстановка вполне выяснилась. Мы, действительно, находились в окружении. Справа—Днестр, на берегах которого группировались значительные части войск, с большим количеством артиллерии, которая довольно часто награждала поезд Бессарабского правительства „чемоданами", впереди—петлюровские банды, упорно стремившиеся перерезать линию железной дороги, слева—угроза со стороны наступавшего Махно и

надвигавшихся белых, на юге—угроза десанта в Одессе—единственной базе, из которой можно было черпать пополнения живой силой.

Ненадежен и тыл. Бесконечное число мелких и крупных банд беспрерывно угрожало нам со всех сторон. Разоренная, разгромленная Балта—жалкий разрушенный городок, в котором каждый житель, ложась спать, не был уверен в том, что завтра он не окажется еще одной жертвой Зеленого, приветливая Голта, таившая в окрестностях банды, готовые каждую минуту очистить половину города, и цветущие, черепичные немецкие колонии, в которых медленно, но упорно готовилось восстание кулачества.

И наши части дивизии,—в котле, ежечасно то наступающие, то отступающие, с бесконечным упорством, героически отстаивавшие каждый клочек позиции.

На нас наседают. Это становилось очевидным. Об этом можно было судить уже и не по сводкам штаба, а по целому ряду внешних признаков. Как-то больше суетились оперодчики, все реже становилась улыбка начдива тов. Якира и ниже опускались огромные усы начальника штаба т. Гарькавого, чаще стали посещения бригадных командиров и военкомов, ширились, нагромождались слухи, один другого нелепее, меньше народу толкалось на базаре, и заунывнее становились песни китайцев-красноармейцев из комендантской команды.

Мы начали сворачиваться. Нужно было укрепить части крепкими работниками, значительно свернуть штабные аппараты. Работы—непочатый край. Политотдел всегда переполнен людьми. Разные они были. Вот молодой парнишка Горелов, упорно добивающийся перевода в кавалерийскую бригаду т. Котовского, а чтобы убедительнее была его просьба, надевший большие, громко звенящие шпоры. Вот старый, побывавший во многих боях рабочий, настаивающий на немедленной отправке в полк, где он уже побывал и сумел крепко спаяться с полковым составом.

Были и такие, что сдрейфили. Эти жалобно скулили, находили бесконечное количество причин и болезней, требующих направления их в лазарет или в тыл, которого у дивизии, по существу, уже не было. Таких было немного. Но они портили настроение, и мы стремились от них как можно скорее избавиться, по возможности удовлетворяя их просьбы.

Дивизия ощущала предстоящие тяжелые дни. И много слабых, примазавшихся и врагов, притаившихся в наших рядах, в эти дни покидали наши ряды, рассыпавшись по окрестным селам, перебегая на сторону противника, пробираясь в благословенную для всякого сброда Одессу.

В дивизии оставались те, кто глубоко был предан революции, кто был уверен, что победа за Октябрем и что мы сумеем выйти из беды.

И те, кто верил, строил планы, планы выхода из окружения. Сколько богатой фантазии проявили тогда наши товарищи, каждый из нас!

— Разбиться на отдельные партизанские отряды и порознь бить по тылу врага,—это было самое распространенное предположение исхода.

Фантазия, однако, не ограничивалась столь простым предложением. Шли дальше. И однажды, неожиданно для всех, распространился фантастический, но, вместе с тем, крайне заманчивый и увлекающий слух.

— Мы пробиваемся сквозь Румынию, по северной части Бессарабии, направляемся к границам Венгрии и вместе с венгерскими красными войсками громим контр-революцию на западе. Европа в огне.

— В Бессарабию,—это была мечта большей части дивизии, составленной из бессарабцев.

— Бессарабия наша. Мы в ней сумеем сформировать стотысячную армию.

И, конечно, не обошлось без легенды о т. Котовском, на коне ведущем на помощь венгерским братьям многотысячную кавалерию храбрых бессарабцев.

Трезвые умы дивизии, конечно, не увлекались героической фантазией увлекающихся бессарабцев и готовили дивизию к тяжелому, многодневному походу, через вражеские ряды, на соединение с частями Красной армии.

И славные дни похода Южной группы скоро начались.

* * *

— Положение критическое, но не безнадежное—говорили в штабе.

— Авось, вылезем,—таково настроение красноармейцев.

— Будь готов,—лозунг политработника.

И эти лозунги делали всех уверенными в выходе из крайне тяжелого положения, в котором мы очутились.

Каждый час приносил новые печальные известия. Не успели покончить с одной бандой, как приходило известие о налете другой банды. Буквально разрывались на части, обороняясь на всех участках фронта, отбиваясь от нападающих банд, сдерживая готовое вспыхнуть восстание. Кулаки из немецких колоний перерезали линию железной дороги и упорно обкладывали Одессу, готовую каждую минуту свернуть красные флаги и расцвести белыми платочками расфранченных дам, нетерпеливо ждавших блестящего душку-офицера.

Здесь мы были подготовлены и ждали всего. Но совершенно неожиданно было для нас восстание в селе Плоском.[1] Оно расположилось среди цветущих садов и было скрытым и нелепым, как скрыт и нелеп старообрядец, заложивший крепкий хозяйственный фундамент со времен дедов. В этом селе, окруженном со всех сторон немецкими колониями, бродило большое кулацкое ядро, испокон веков ведущее жестокую борьбу за свое старообрядческое дело. В царское время оно запиралось в стенах молельни, отбиваясь от „новой веры", в дни революции оно хранило глубокое молчание, выжидая событий, а затем, когда сменяться стали одна за другой власти—от желтых к красным, от красных к белым, от белых к чужеземцам-немцам, затем с соответствующей последовательностью снова к красным и т. д.,—Плоское зажило своей республикой. Хозяином в селе оставался тот же крепкий старообрядец-кулак.

---

[1] О кулацком восстании в Плоском читатель может прочесть также статьи: а) Л. Владимирова „Против немецкого и русского кулачья" б) И. Колесникова „В боях". Статьи помещены в разделе „Перед походом Южной группы"—*Ред.*

Семь дней длился бой. Когда вооруженные ряды плосковцев редели, на смену выходили новые бойцы. И когда стало ясно плосковцам, что им не одолеть красных, когда иссякла кулацкая сила, а незаможник отказался в бой итти против большевиков, тогда снова замкнулись в хатах плосковцы и стали ждать очередной перемены власти.

Покуда банды теребили наши части, кольцо замыкалось.

В конце августа в Одессе высадились деникинцы. Сопротивления им не оказали. Не потому только, что нужно было сохранить наши силы: на этот раз здесь было явное предательство. Штаб Одесской обороны (об этом говорили все в дивизии) был переполнен белыми. И в момент действия ни одно приказание не могло быть выполнено. Поэтому-то из Одессы к нам пришли только отдельные, жалкие разрозненные группы преданных революции людей, взамен большой 47-й дивизии и целого ряда крупных войсковых частей; поэтому из Одессы было эвакуировано только жалкое барахло вместо, крупных, ценных и крайне необходимых для снабжения армии предметов.

Итак, Одесса в руках врагов. Они идут по линии железной дороги—на Вознесенск, Помощную,не рискуя еще двигаться навстречу нашим частям.

На севере—петлюровцы. Они энергично ведут наступление на линию железной дороги Бирзула—Вапнярка, где наши части стойко отбиваются.

На западе—берег Днестра. Так заманчивы берега Бессарабии и как далеки они кажутся сейчас!

На востоке—Махно, громит еврейские местечки и разлагает красноармейские части.

А вокруг большие и маленькие батьки и атаманы, режут провода, взрывают железную дорогу, срывают мосты и налетами ослабляют наше внимание к основному врагу.

Кольцо замкнулось.

— Пробиться,—вот девиз штаба. И под этим девизом мы двинулись по большим и малым проселочным путям широких южных степей.

* * *

Послезавтра мы выступаем. Приказ отдан. Мы сворачиваемся.

О, это сворачивание! Сколько горьких часов было прожито! Ведь для нас сворачивание означало разворотить, разрушить, истребить огромное количество ценного и необходимого имущества. Годами накопившееся, месяцами собиравшееся—нужно было истреблять.

Но это нужно было сделать. Оставить врагу—это значило дать ему возможность окрепнуть, набраться свежих сил и с удвоенной энергией обрушиться на нас. Допустить этого нельзя. Поэтому точный и ясный приказ, отданный штабом, давал твердое указание:

— Взять с собой только то, что может поднять обоз. Ничего лишнего. Раздать рабочему населению все, что может быть им использовано для своих нужд, остальное взорвать, сжечь, не оставив следа. [1]

[1] Картину уничтожения бронепоездов, различного железнодорожного имущества и т. п. рисуют в своих статьях. Ф. Левензон—„Героические дни Южного похода" (помещена ниже) и, И. Колесников „В боях", (помещена в предыдущем разделе) *Ред.*

У вагонов с сахаром на станции огромная очередь. И поразительно—никакой попытки к грабежу. По одному, по очереди подходят за своей „порцией". У вагонов с обмундированием—очередь красноармейцев. Еще больший порядок. Но, если в первой очереди не слышно шуток, нет громких разговоров и строгое молчание говорит о тяжелых думах остающихся на произвол белых железнодорожниках, с болью в душе провожающих своих братьев,—то в красноармейской очереди—беспрерывный смех довольных неожиданно полученным новым обмундированием.

Частям роздано все, что можно было поднять.

Основной груз, который мы подымаем нашим гужевым транспортом,—это снаряды и патроны. Их нужно беречь, как зеницу ока. Их мало, а впереди бои и стычки, бесчисленное множество крупных и мелких столкновений.

В политотделе с утра копошатся в грудах бумаг. Сотни, тысячи жизней в анкетах, больших и малых, заполненных корявым почерком политбойца и военкома из рабочих и крестьян. Все шкафы, сундуки, ящики опорожнены. И начисто прочищена дымовая труба,—сегодня мы жарко натопим.

— А жалко,—задумчиво шепелявит учетчик. Сколько дней просижено на этом маленком деле, из которого складывалось большое знание каждого коммуниста, каждого бойца.

— Шутка-ли учет,—вторит молодая политработница, просидевшая в помощниках учетчика с первого дня сформирования 45-й дивизии.

А печь уже жарко накалилась от бесконечно подбрасываемых кип бумаг.

Сложились в один ящик. Вот и весь политотдел.

Наследство мы все же оставили недурное. Тысячи плакатов, листовок, книг, сотни библиотек попрятались в темных углах хатенок рабочих и селян, неожиданно получивших подарки.

Сворачивается и штаб. Также, как и в политотделе, жарко горит печь, пожирая бесконечное количество телеграфных лент, приказов, депеш, книг и сводок. Начадминстрода медленно ворочает бесконечной громадой бумаг. И красный карандаш чертит слово, ярко напоминающее о том,что впереди неизвестное, а позади ничего не осталось:

— Сжечь,—это безжалостное слово не приводило уже никого в смущение.

И только „историк", которому надлежало записать героическую историю побед и поражений, походов, наступлений и отступлений боевой дивизии, сокрушенно вздыхал.

— Товарищ, но ведь это ценнейшие документы. Кто их восстановит?!

Но также невозмутимо продолжал чертить безжалостный админстрод:

— Сжечь.

* * *

Сложились. Еще одна короткая ночь и на утро поход.

Куда? По каким путям? Навстречу чему?

Это тайна оперода. Здесь беспрерывно работают. День и ночь, ночь и день. Усталые, утомленные лица говорят о бесконечных заботах, о проектах и планах, о маленьких флажках, беспрерывно передвигающихся с места на место.

И если жарко горели печи, поглощавшие бесконечное множество бумаг, еще жарче горели мозги, сжигавшие бесчисленное число больших и малых мыслей, тех, от которых зависело малейшее движение частей, живых людей, жаждущих победы во имя Октября.

Вправо или влево, вверх или вниз, кто с боков, кто в центре.

И дороги, дорожки,—как много их, расходящихся в разные стороны, еле видимых на бело-зеленой „десятиверстке“!

* * *

Их пять в политотделе. Пять молодых женщин, бодрых и жизнерадостных, прошедших уже суровую школу Красной армии. Они бросили дом, родных, семью, чтобы, вместе со всей массой революционных бойцов, навстречу опасностям, отдать свои силы революции. Они не были в тягость дивизии. Каждая была полезным и нужным работником, выполняя и маленькую работу в канцелярии штаба и политотдела, неся и большую ответственную работу в рядах бойцов и среди населения.

Но когда пришли суровые дни окружения, когда сомкнулось кольцо, тогда родились и сомнения на счет этих пяти:

— Выдержат ли?

Уже почти созрело решение. Уже были готовы об'явить им о необходимости покинуть наши ряды, остаться в ближайшем городе и оттуда пробраться снова к своей семье и выжидать нашего возвращения. Еще не об'явили им об этом. Но, чувствуя, что такое решение будет принято, каждая из них по многу раз заявляла решительный протест против неверия в их силы, против решения „ни на чем не основанного“, пуская в ход все свои способности, чтобы убедить, что они все пять—могут быть полезны не только в обстановке „тылового, штабного житья“, но и в обстановке тяжелого похода, где хороший уход за больными многих спасет от гибели.

Сегодня предстояло принять окончательное решение. Вот сожжены последние бумаги, сложена в ящик небольшая канцелярия, и не стучит больше пишущая машинка, не скрипят перья от входящих и исходящих, не заполняются бесчисленные вопросы в тяжеловесных пакетах политработника, политпросветчика и бойца.

Надо решать. И пятеро ходили грустно, поникнув головами, думая трудную думу о прошедших суровых днях в дивизии и о несправедливом предполагаемом решении.

На меня наседали особенно энергично:

— Вы же секретарь, вы же видели, как мы работали, вы должны поддержать.

* * *

Ночь была тяжелой, душной и утомительной. В пустых комнатах политотдела, на старом рваном, перенаселенном насекомыми диване, я прилег отдохнуть. Ломила спина от утомительных дней „упаковки“ политотделовского имущества в широкую пасть жарко натопленной печи, от суетни и бестолочи свертывания политотдела в команду красноармейцев.

И когда я сделал попытку приподняться, чтобы проверить все ли в порядке в стенах замершего после утомительного дня работы политотдела и узнать последние новости оперода, меня как будто схватили железной рукой и крепко привинтили к дивану.

Я свалился.

Когда я очнулся, около меня уже возились: четыре из пяти. Укладывали, где-то раздобыв подушку, крепко перевязывали холодным полотенцем голову и жарко спорили, как оказать первую помощь. Откуда-то появился термометр, упорно вдавливавшийся в подмышку, и горячий чай, настойчиво предлагаемый.

Термометр показал 40. Тогда сократилась суетня, распределились дежурства, и четыре начали выполнять обязанности сестер милосердия.

* * *

Они выиграли. Эта ночь, неожиданно свалившая меня, была им на руку. Политотдельцы убедились, что сестры милосердия в походе — дело положительное.

И все четыре пошли в поход.

А пятая? Она была членом партии. Получила твердое задание, подложный паспорт и „керенки“.

Одесское подполье в дни деникинщины приобрело деятельного, хорошего подпольщика.

Мы получили винтовки, скомбинировались в отряд, разбились на взводы, отделения и звенья, получили командиров из своей среды, и—кончено политотдельцы и штабные,—отныне мы красноармейская часть, и командир наш — тов. Попа[1]. Он, правда, несколько иронически поглядывает на нас, по многу раз проверяет наши военные познания и способности и напоминает об обязанностях красноармейцев и дисциплине. Его ироническое отношение было несколько преувеличенным, но имело и свои положительные стороны. Мы подтягивались, и начинали выглядывать молодцами.

Слабосильные в команду не вошли. Но работа всем досталась. У нас ведь был свой политотдельский „обоз“. Он состоял из двуколки и старой, старой клячи, у которой хвост уже облез. В пару этой кляче была политотдельская кляча—старик Теслер — делопроизводитель-регистратор политотдела (Теслер убит галичанами во время восстания в Виннице).

* * *

В последний раз мы погрузились в вагоны. Недолог путь Раздельная-Балта. Это был первый маршрут нашего похода. Это был и единственный путь, о котором мы все знали. Дальнейший путь неизвестен. Штаб глубоко хранил эту тайну. И мы—красноармейцы, а не политотдельцы — также мало знали о тех проселочных дорогах, которые начертаны были на картах наших испытаний.

* * *

Балта. Кучи старого мусора—издали. Старый, приземистый, полуразрушенный город — вблизи. Здесь в нищете и грязи жили тысячи людей, пол-

[1] Тов. Попа, бессарабец, организатор партизанских отрядов, в период Южного похода—комендант штадива 45, впоследствии командир 399 полка, сформированного на деникинском фронте. Геройски погиб в бою с белополяками у Ново-Мирополя 25 июня 1920 года.
Ред.

ных страха и горя, погрязших в мелких дрязгах и больших надеждах, искалеченные нищенским бюджетом и многочисленным семейством. Они встретили нас, полные тревоги и неподдельного горя. Старые евреи громко молились в синагоге, взывая к „милосердию божьему".

Сегодня в Балте день траура. Сегодня уходят те, кто мог бы создать условия для мирного прозябания маленького городка.

* * *

Утро прорезалось багряной полоской. Звонкий голос трубы расшевелил притихший городок. У старой водокачки уже поил старую клячу Теслер, застукали по избитым мостовым армейские пароконки, отчеканил крепко-подкованными копытами проскакавший верхом заспанный ординарец штаба, захлопали калитками встревоженные жители.

Мы собирались в поход.

В последний раз проверено содержимое солдатского мешка, еще раз осмотрена полученная винтовка, сосчитаны патроны в пантронташе.

Ведь мы, политотдельцы, — мы должны быть примером для всей команды.

В напутственном „слове" только два слова:

— Больше бодрости.

И хоть у многих где-то далеко, в самой глубине мозга, чуть-чуть пошевелилась мысль об окружении, которая так часто превращает крепкую часть в беспорядочную толпу,—вид у всех все же бодрый.

* * *

Мы—главные силы Южной группы. Здесь Реввоенсовет группы, штаб, политотдел, все учреждения и специальные части дивизии. Наш командир тов. Базарный. Крепкий малый, храбрый и стойкий в бою,—он сумел в короткий срок создать себе нужный авторитет у красноармейцев (т. Базарный погиб в бою с поляками в Галиции в 1920 г., похоронен под городом Кременцем).

Впереди нас, в авангарде 3 бригада—т. Черникова. Слева—крупная войсковая единица из 2-х бригад, пополненных некоторыми частями, под общей командой т. Котовского. Сзади, в арьергарде—тов. Мациевский должен разрушать все, то, что может способствовать усилению и быстрому продвижению белых. Таков наш состав.

Наша задача—забыть о железной дороге, помнить о проселочной дороге и по ней — крепкой, спаянной группой пробиваться сквозь ряды окружившего врага, чтоб, сохранив свои силы, под Киевом нанести крепкий удар золотопогонникам.

— К Киеву,—таков лозунг.

* * *

К Киеву,—таков наш путь. На этом пути нам предстоит преодолеть очень много препятствий: бесчисленные банды и бандочки врагов, враждебное настроение поднявшего голову сельского кулачества, недоверие со стороны всей массы селянства, за исключением незаможников, которые в большинстве своем нам безусловно сочувствуют и помогают. Необходимо преодолеть усталость, утомление, которые сильно дают себя чувствовать на каждом переходе, так как наши части до похода вели беспрерывные упорные бои. Много неблагоприятных условий для похода: мало патронов, снарядов, людей, обмундирования, продовольствия. Наконец, полное отсутствие связи с красными войсками, несмотря на все усилия нашего штаба эту связь поддерживать при помощи небольшой радиостанции, следующей с нами.

Но... больше бодрости,—без нее нет победы.

* * *

Длинной лентой растянулась колонна. Впереди комендантская команда, к которой присоединились и мы. Военкомдив — тов. Гринштейн с нами в строю. К рядам притулились и наши только что получившие „производство" „сестры".

С. К. Ногаенко — красный партизан 1-го Днестровского полка, участник налета на Бендеры (май 1919 г.), участник Южного похода и боев на всех фронтах в составе 400 полка 45 дивизии. Член ВКП(б). Сейчас председатель Тираспольского Горсовета (А. М. С. С. Р.).

Колонну возглавляет Глушкин и его 15 музыкантов, извергающие из 15 медных глоток походный марш собственной стряпни, — смесь „Яблочка" с какой-то еще песней одесских блатных. В эти дни, когда молчание в рядах могло вызывать только тревожные мысли, этот марш создавал веселое, жизнерадостное настроение.

— Наш Глушкин... Он может...

И веселый марш Глушкина сменялся залихватской песней, неизменным запевалой которой был Гольденберг—помначподива 45.

Бодрость не покидала нас. Казалось минутами, что наш поход будет веселой прогулкой по широким степям Украины. И если б не жгучее солнце, раскаленный песок, тянувшая плечо винтовка, не было бы предела шуткам и смеху.

* * *

Глухой звук глушкинского барабана неожиданно покрылся четким татаканием пулемета. Резко сорвался аккорд „Яблочка", крепкий шаг сотен ног сменился неуверенным топанием, стройные ряды нарушились, прекратился грохот и скрип колес полуверстового обоза.

Молчание затихших рядов нарушил громкий голос т. Попы:

— Команда—стой!

И также громко звякнул военком:

— Товарищи, спокойствие.

Где-то слева с дальних холмов еще громче затакал пулемет и затрещали ружейные выстрелы...

* * *

Большинство из нас необстреляны. Поэтому нет уверенности в правильном выполнении команды, в спокойствии и нужной выдержке. Однако, настроение приподнятое, и кое-где даже выдавливается шутка и робкий смех.

По рядам говорок. Его снова нарушает т. Попа:

— Стройся!

У нас полная уверенность, что мы двигаемся дальше.

Но мы ошиблись. Нас убедил в этом тот же Попа:

— Вправо, по линии, в цепь!

Как сразу сказалась недостаточная военная подготовка. Часть наших ребят все перепутала. Цепь неровна, с большой разбивкой и спутана.

В. П. Коноплев, командир взвода роты связи 1-ой бригады, участник Южного похода. Сейчас начальник школы роты связи 45-й дивизии.

Наши командиры вне себя. Кто-то оказался в затылке, и первый выстрел — верный удар по своему впереди лежащему товарищу.

С трудом выпрямляем линию цепи. Тут же дается наглядный урок боевой работы стрелка:

— Прячь голову за прикрытие, не ложись позади товарища, держи связь, передавай друг другу команду...

Эта учеба под выстрелами гораздо полезнее всякой другой.

* * *

Короткий бой кончился в нашу пользу. Команда курсантов, поведенная тов. Базарным, сумела быстро разогнать напавшую на колонну банду и вернулась даже с небольшими трофеями.

Курсантов у нас немного, но они хорошо подготовлены, прекрасно обучены в многочисленных боях с бандитами, и встреча с ними для противника небольшое удовольствие.

* * *

Затихли холмы. Замолчал несносный пулемет. Нападение отбито.

Снова шагаем через пески, по знойной дороге, под раскаленными лучами солнца.

К вечеру выяснилось, что напал на нас Заболотный. Его банда была рассеяна.

Мы с ней еще встретимся.

* * *

В первый раз многие из нас по настоящему поняли, что такое „усталость до смерти". В м. Песчана, куда мы пришли поздним вечером, никто из нас, несмотря на то, что мы не ели целый день, не набросился на пищу, никто не подумал о необходимости помыться. Спать, — вот чего смертельно хотелось. И так, в сапогах, не умывшись, не поевши, бросились на пол в хатах и, подложив кулак под голову, засыпали мертвым сном.

А ведь за нами ходят по пятам. Ведь как только мы вышли из м. Песчаной, ее заняли. И нашему арьергарду пришлось снова рассеивать банды, чтобы занять местечко.

Утро тяжелое и мрачное. Не потому, что не верится в исход нашего похода, а потому, что слухи нарушают уверенность и разлагающе действуют. И если-б не система ежедневных оперативных сводок, публикуемых в командах, пожалуй, многие из нас потеряли бы бодрость. А бодрости нужен непочатый край.

Но сегодня сводки еще нет. А между тем слушком друг-другу на ушко идет разговор о том, что где-то слева наши части окружены, разбиты и бегут их жалкие остатки, за которыми следом идет кавалерия, конечно, в очень большом количестве, и эта кавалерия направляется на нас. Слушок растет, „кавалерийская часть" превращается в бригаду, затем в дивизию и вот-вот станет корпусом... если-б не пришла своевременно сводка, которая коротко сообщала, что „1-го сентября крупные силы противника, при поддержке артиллерии, обошли правый фланг дивизии в районе ст. Рудница и заняли ст. Кодыма". И хотя умственного в этой сводке очень мало, хотя в этой сводке многое говорило не в нашу пользу, все же исчезла „кавалерийская дивизия" и на смену ее явился известный противник, за которым следит штаб.

И только в пути на м. Хощевату, куда мы двинулись форсированным маршем, стало дополнительно известно, что связь с бригадами слева была прервана, но что враг 2-го сентября был отброшен и наши — снова на ст. Кодыма и готовятся к дальнейшему походу левой колонной.

* * *

Проклятое солнце немилосердно жжет колонну плетущихся тяжелым шагом красноармейцев, усердно поливает потом почерневшие лица и тянет к тени, туда к овражку, подальше от набухшей песком дороги.

Оттянула плечи винтовка, высушила глотку пыль, протерты до крови ноги, и вязнет в песке утомленный шаг. Но надо итти вперед.

— Второй день похода, — утешают нас. На третий легче будет.

— Так то оно так, но где-же эта чертова Хощевата?

Замелькали впереди серые верхушки соломенных крыш, забелела колокольня старой церкви зашумели собаки у плетней.

— Хощевата!

— Подтянись!

Надо сделать суровый вид, выше, бодрей голову. Никто не должен и не может знать, кто идет и как идет. Ведь в каждом может враг сидеть; мало-ль их притулилось глазом к слепому окошку и внимательно считают — сколько и каких?

Впереди Глушкин грянул неизменное „Яблочко", а вслед за ним хватил удалую наш верный запевало и весельчак — т. Гольденберг.

Так, крепко выстукивая сбитым каблуком походный марш, шагает стройно, в порядке, через города и села славная, в будущем Краснознаменная, 45-ая.

* * *

Солнце давно закатилось. Скрылась в темном вечере дорога, круто спускавшаяся к реке. Сбились в кучу подводы обоза. Медленно наползали друг на друга задние ряды.

Окуталось глубокой тишиной местечко Хощевата. Притаились в пыльных хатенках люди. Ждали напасть. Не ждали гостей из дружеского лагеря.

С трудом доплелись до хатенок, предназначенных для нашей команды. Разбрелись по квартирам. И сон, утомительно-короткий сон, заставил забыть про долгие еще дни и ночи, полные тревоги, борьбы и лишений.

* * *

Сколько горячих боев пришлось выдержать частям дивизии, сколько раз из кольца вырывались то один, то другой полк, не расскажет ни один документ.

Что скрывается, к примеру, под таким коротким и сухим, как сух воздух под раскаленными лучами солнца в эти жаркие первые дни сентября, сообщением, данным за последние дни штабом Южной группы?

„4 сентября части 2-й бригады и один полк 3-ей бригады, после упорных боев в районе ст. Крыжополь, выдержав сильный нажим противника и окруженные со всех сторон, с боем вышли в район Бершадь, где продолжали отбивать настойчивые атаки противника".

Или:

„Части 1-ой бригады под командованием политкома тов. Левензона, окруженные противником в районе Крыжополь, пробились через линию противника и вышли на ст. Хощевату".

Мы — в кольце. Оно крепкой стеной сплющило нас. Справа, слева, сверху, снизу, со всех сторон глядят остро отточенные штыки белых, желтых, зеленых. И в кольце — еще много, много колец. Той-же радуги, тех же остро отточенных штыков, пытающихся придушить, придавить, разгромить.

Крепкими, устойчивыми колоннами, выпирая кулаком то в одну, то в другую сторону, отбиваясь, настойчиво, упорно, жестоко, медленно двигались вперед красноармейские части.

Южная группа оставляет себе в истории славное имя.

* * *

А вот и Терновка. Здесь хорошее пиво. Можно освежиться и отдохнуть, — вот мысль, которая пришла в голову, когда на краю дороги показались приземистые домики еще одного жалкого, запуганного, разгромленного местечка.

* * *

Сегодня день большой победы. Сегодня 3-я бригада показала пример героизма и стойкости.

Как упорно, терпеливо, ехидно готовил противник большую засаду для наших. У Терновки, сбоку большой дороги, среди желто-зеленых полей, за холмами у леска накоплял он силы свои, чтоб еще и еще раз обрушиться на уставшие от беспрерывных боев, но еще стойкие красноармейские части нашей дивизии.

Решительно и верно замыкал он 3-ью бригаду еще в один круг. И замкнул. Орудия обратили свои жерла на красноармейские колонны, пулеметы тысячами пуль рыскали по полю, густой цепью расположились петлюровские банды.

Атака за атакой. 6 раз. Отскакивали и вновь шли на врага. Снова ложились и снова с дикими криками бросались вперед. И взяли.

А на утро равнодушное перо только и записало:

„Части 3-ей бригады, после продолжительных и упорных боев с превосходными силами противника, окруженные со всех сторон, разбили три полка петлюровцев, захватили штаб группы противника, орудия, много пулеметов, пробились сквозь неприятельское расположение и в районе м. Терновки соединились с остальными частями дивизии".

Жалкое перо приказа. Жалкое и мое перо, Как бессильно оно изобразить этот славный бой, который так и не попадет в историю войн.

* * *

Дальше, на север. Путь еще далекий. И дни идут за днями, сменяется радость побед горечью потерь, растет уверенность в успешном выходе из кольца. Тверже шаг у деревень, товарищи! Громче трубы Глушкина! Веселей песни, Гольденберг.

Ю. И. Игнатович — первый и бессменный начальник связи 45 дивизии на всем ее боевом пути, организатор радиосвязи в Южном походе. Награжден Реввоенсоветом Южной группы войск 12 армии золотыми часами, и Реввоенсоветом 14 армии — также золотыми часами. Сейчас командир 6 полка связи УВО.

Заянчковка—Пятигоры—Рубченка—Сквира. Через поля, луга, рощи и лески шагает 45-ая, твердая, непоколебимая, горячая в боях.

Форсированным маршем по проселочным дорогам, ближе к цели. Нас ждут еще бои с крепким, упорным и злобным противником.

Каждый день мелкие банды щупают наши силы: крепки ли мы еще, не устали-ли? И снова сколачивается круг, накопляет силы противник, чтобы попытаться снова крепким ударом разгромить крепкие колонны красных.

Но не сдают наши красноармейцы. Сплоченными рядами, хоть и жидкими, но устойчивыми, идут вперед навстречу боям, но и на близкую радостную встречу со своими.

И сегодня, — сегодня первый радостный день этой встречи.

Не сошлись лицом к лицу мы с нашими товарищами, но услышали первые голоса, еще такие далекие, но, вместе с тем, и такие близкие. Эти голоса нам принес наш верный спутник — радио.

С каким трепетом и нетерпением каждый раз, как только приходила наша колонна на стоянку, разворачивалась маленькая палатка, далеко в высь небесную втыкалась тонкая стальная игла, играющая на ветре легким проводом, громко начинал чеканить мотор. И ухо радиста настораживалось, напрягались нервы и упорно ловился каждый звук, каждый стук, каждое легкое шуршание в этой магической трубке, притиснутой к уху, жаждавшему услышать только два слова:

— Мы здесь.

И сегодня 12 сентября впервые озарилось радостью лицо радиста. Связь установлена. Штаб красной дивизии действовавшей в районе Ушомир-Чеповичи-Тетерев откликнулся[1].

— Они нас слышат. Мы знаем путь. Мы знаем, где наши.

Облилось сердце радостью, легче стал шаг, крепче нервы, веселей поход...

* * *

Связь с нашими установлена. Сегодня мы имеем право подсчитать дни боев. Они коротки, но они сами за себя говорят.

2 сентября.—Рассеяна банда Заболотного. Саврань очищена от банд.

3 сентября.—Рассеян ряд мелких банд.

4 сентября.—Упорный бой у Крыжополя. Наши вырвались из кольца противника. Бой под Гайвороном. Станция занята нашими.

5 сентября.—Бригада Левензона пробилась и заняла ст. Хощевату.
После боев на эту же станцию пробились и части 2-й бригады.
3-я бригада разбила 3 полка петлюровцев, захватила штаб группы противника, орудия, много пулеметов, пробилась через кольцо неприятеля и соединилась у Терновки с частями дивизии.

6 сентября.—Бой с белогвардейцами у Тального. Атаки белых отбиты.

7 сентября.—Бой с бронепоездом противника у Свинарки. Бронепоезд отступил.

8 сентября.—Отбито наступление противника, поддерживаемого бронепоездом у ст. Роскошевка. Бронепоезд подбит нашей артиллерией.

9 сентября.—Бой в районе Монастырища.
Бой в районе Княжики. 1-ый Сводный Красный полк и отряд тов. Гуляницкого разбили врага. Он отступает в беспорядке.

10 сентября.—Беспрерывные бои по всей линии нашего продвижения. Банды в панике разбегаются. У Пятигор захвачен в плен штаб повстанческого отряда.

11 сентября.—Занята Сквира. Захвачены пленные и пулеметы.

12 сентября.—Установлена связь по радио с красной дивизией.
Славный лист, его нужно отпечатать золотыми буквами. Пусть молодежь, которая придет на смену, хорошо запомнит историю своих отцов, бившихся стойко за дело Октября.

* * *

Отдых стал утомительней похода. Рвешься вперед — навстречу своим, с которыми уже сейчас установлена крепкая связь. И жалко терять день. И вместе с тем так привычно уж рано, на рассвете, встать по призыву трубы, быстро привести себя в порядок, и вместе с командой, твердым шагом, под „Яблочко", походом, из села в село, полями, лесами, которых становится все больше, итти вперед.

И знаешь ведь, что и отдых-то вынужденный. Что, если отдых,—значит, где-то крепко осел враг, что ждет он возможности ударить, и что в данный момент, может быть, недалеко от стоянки штаба, идет жаркий и упорный бой.

На этот раз было особенно ясным. Второй день стоим в деревушке Вербов и ждем событий.

А события развернулись, действительно, большие для нашего сравнительно небольшого масштаба.

Во первых бронепоезда. Они с двух сторон. Справа—белые, слева—петлюровские. И в середине мы. Под перекрестный огонь итти нельзя.

— Занять Бровки и м. Вчерайше—вот приказ штаба. Тов Черников—командует левой колонной. Приказ относится к нему.

— Захватить бронепоезд, — вот вторая часть приказа, выполнить который должен т. Черников.

Приказ лаконичен и ясен.

И бой начался.

Мы знаем о его результатах по столь-же лаконичной, как и приказ, сводке штаба. Она гласит: „Железная дорога у Каменки взорвана. Авангард ведет бой под Хорлеевкой". И дальше еще лаконичней, но так ярко: „15 сентября частями 3-ей бригады противник был разбит наголову в районе ст. Бровки—Хорлеевка—Каменка—ст. Попельня. Захвачены 7 орудий, 14 пулеметов и много военного имущества, уничтожены два полка (Полтавский и Кубанский)".

Об этих боях будут рассказывать чудеса. Будут рассказывать о темной сентябрьской ночи, о звездах, ярко горевших в бездонье, о людях, в ночной тишине кравшихся в цепях и с громкими криками бросавшихся друг на друга, в жестокой схватке решавших вопрос: быть или не быть.

Будут рассказывать о том, как с винтовками без штыков шли в штыковую атаку, сурово сомкнувши ряды, босые, раздетые, голодные, измученные красноармейцы, чтобы прорвать еще одно кольцо врагов, жаждавших разгрома 45 стрелковой советской дивизии.

---

[1] Характерный разговор по радио т. Якира с т. Дубовым (начдивом 44 в период Южного похода) передан в статье „А как имя жены деда" в настоящем разделе. *Ред.*

Что может значить для этих людей та маленькая благодарность, которую от дивизии товарищески передал бойцам 3 бригады т. Гарькавый? Ничего, и все.

* * *

Мы меняем направление. Это вышло довольно неожиданно для всех нас. Мы держали путь на Киев. Мы были уверены, что здесь должно было состояться соединение с северными частями.

Сегодня дано новое приказание. Мы идем к Житомиру.

Это не вызвало недоумения среди красноармейцев. Уверенность в том, что мы пройдем сквозь вражеское кольцо, настолько выросла и укрепилась, что никто больше и не думал о том, что могут быть какие-либо непреодолимые препятствия.

Больше того, эта уверенность приводила даже, в редких, правда, случаях, к некоторой халатности. И если-б не командование дивизии, сохранявшее спокойствие, уверенность и вместе с тем сугубую осторожность, пожалуй, мы потеряли бы значительно больше людей.

Вот и сегодня, пришли в деревню на стоянку, а караулов не выставили. Это заметили в штабе дивизии, и нашему командиру, конечно, нагорело.

Поделом.

* * *

Ясно чувствуем, что идут последние дни похода. Кончились дни форсированных маршей, утомительных переходов, нет больше такой напряженной обстановки, реже наскоки на наши части, меньше стала сопротивляемость противника, больше стоянки на месте.

Та же 3 бригада, которая выдержала больше всего боев во время нашего перехода, сегодня снова проявила свои высокие качества бойца Красной армии. Противник как будто специально ее преследовал и накоплял против нее большие превосходные силы.

Вот и сегодня у села Зарубинцы наскочила 3 бригада на галицийские полки. Галичане не выдержали боя. Забрано у противника 4 пулемета, кавалерийская сотня галичан потеряла 70 только убитых. Разбитый противник бежал.

* * *

Ну, вот наступает и реакция. После многих дней такого высокого нервного напряжения, после дней бесконечной настороженности и вечной готовности к бою, после тяжелых и больших переходов, после стольких побед и поражений, как-то стало спокойней, легче. И это вызвало большой перелом в настроении у всех нас.

— Мух давят,—как выразился сегодня Попа.

* * *

Наши сестры сегодня ввалились к нам в хату, полные радости, веселья, раскрасневшиеся, живые, болтливые.

— Кончено,—в один голос, перебивая друг друга, щебетали они.

И действительно, сегодня—кончено. Кончен длительный путь похода.

Сегодня занят Житомир, сегодня наши части вошли в него одновременно с частями 44 дивизии, наступавшей с севера.

И радостно, и грустно. Радостно, что кончились дни мытарств, трепания нервов, жестокой борьбы.

Грустно, потому что много, много товарищей осталось на полях Одесщины, Подолии и Волыни.

Но кончено,—не будем грустить. Победа за нами.

Кольцо прорвано.

***

„А как имя жены деда?“

Каждый раз, когда делалась остановка после перехода, маленькая полевая радио-станция дивизии выбрасывала свои тонкие палки в небо.

Две недели ежедневно радио-телеграфисты, пренебрегая сном и отдыхом, у каждой остановки пытались нащупать связь. Тов. Якир, чтобы ввести в заблуждение многочисленных врагов, отдавал по радио начальникам несуществующих дивизий приказы: занять такой-то участок, наступать в таком-то направлении и т. п., и в каждом приказе рассказывал об успехах Южной группы.

И однажды 12 сентября к Якиру прибежал, запыхавшись, вестовой из радио-станции и прерывающимся голосом сказал:

— Связь с нашими...

...Да, кто-то говорил по радио. Это оказался начдив 44 т. Дубовый.

— Кто у радио?

— Я—Якир.

— А как имя жены деда?

Радисты и все присутствовавшие в изумлении уставились на Якира.

— Что за ерунда такая, — вырвалось у некоторых.

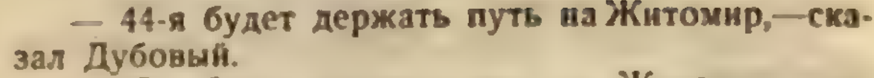
Лицо Якира выражало величайшее напряжение. Что-то далекое и знакомое промелькнуло в его мозгу.

И вдруг улыбка прояснила лицо... В памяти встал Царицын, Воронеж, Ворошилов, которого прозвали „дедом“..., его жена Екатерина Давыдовна, именем которой пользовались, как паролем, старшие начальники при телеграфно-телефонных разговорах.

Так вот чего добивается Дубовый... Правильно!

— Екатерина Давыдовна,—ответил Якир,—так зовут жену деда.

Сомнений больше не было. Начдивы перешли к делу.

— 44-я будет держать путь на Житомир,—сказал Дубовый.

— 45-я будет держать путь на Житомир,—ответил Якир.

...И тогда, двумя потоками, с юга и севера, потоками бурной радости и уверенности в своих победах полились войска.

И. Н. Дубовый, командир и военный комиссар 14 стрелкового корпуса, в 1919 году начдив 44-й, занявшей Житомир одновременно с 45 дивизией (18/IX 1919 г.).

Красноармейцы также знали об этом разговоре, передавали в цепях о жене „деда“, о Дубовом, о Якире. Но мало верили этому.

— Брехня...

— В Житомире 44-я... Разговорчики.

И в словах не столько недоверия, сколько необходимости подчеркнуть серьезность момента.

Не было места преждевременной радости.

Была тревога: весть о 44-й ослабит собственное внимание, разрядит ежеминутную настороженность бойцов.

***

Бои были сильные, и немало оставляла дивизия убитых. Но все же шли вперед смело и самоотверженно.

И вот у Житомира встреча.

Маленький, коренастый Гарькавый с большими запорожскими усами жмет руку высокому, бородатому Дубовому на мосту через реку Гуйва. Группами переплелись красноармейцы 44-й и 45-й. Радостные лица, смех. Восторженная речь...

400-верстный переход закончен.

***

Реввоенсовет Республики за выход из огненного кольца постановил наградить дивизию Почетным Красным Знаменем Революции, а командующего Южной группой тов. Якира орденом Красного Знамени.

В. АГАТОВ.

Волынская Краснознаменная.

Пусть лик времен снарядами изгрызай,
Рубцы клинков не нам пусть залечить,—
Но никогда не смогут позабыть
Бойцы огонь и славный бег дивизий.
Пусть год летит за перекат взметенный,
Но в этот день пусть заблестит опять
Меж всех дивизий цифра „45“,
Могучий киль полков краснознаменных.

* * *

Насторожившись, как волк,
Вспыхнув огнем и металлом,
Каждая рота и полк
Крепили стальное начало.
Ковыль золотился, как мед,
По вражьим плечам и по трупам—
Кинулась Южная группа
В свой небывалый поход.
Рот огневые резцы
Летели в равнинах, как птицы,
Славные эти страницы
Не позабудут бойцы.

Модель радиостанции, при помощи которой 12 сентября 1919 года была установлена радио-связь между 45 и 44 дивизиями.

* * *

Август...

Дождливо и хмуро...
Группа—клинок меж долин.
Северо-Запад—Петлюра,
Берег Днестра—у румын,
С моря нагайки и пики,
Обрез и бандитский кастет
В тыл наступает Деникин,
Выхода группе—нет.

* * *

В этих глухих перекатах
В гребнях тяжелой травы
Как будто бы были мертвы
Радио-аппараты.
Вдруг промелькнуло смятенье
Среди эскадронов и рот:
— Товарищ Якир, сообщенье
Сорок четвертая ждет.

* * *

Слово летело за словом,
Искрой вгрызаясь в эфир
— Кто говорит?—„Дубовый“
— Кто говорит?—„Якир“.
— Немедленно соединиться
Дивизии наши должны.
Как к Вам скорее пробиться?
— А как имя деда жены?
Фразою странной и темной
Якир был не мало смущен,
Но рассмеялся и вспомнил
Он про Царицынский фронт,
Где шла по рядам прибаутка,
И помнят ее молодцы—
Тогда Ворошилова в шутку
Дедом прозвали бойцы.
Синий, лучистый, бурливый
Взметнулся веселый ответ
— 44-й—Начдиву—
Клим Ворошилов,—дед.
Радостно, звонко, игриво
Плещет в эфире волна
— Ворошилова, Екатерина—
— Нашего деда жена.

* * *

По буеракам отлогим
Взрыхляя железом пески,
Спокойно, размеренно в ногу
Шли в наступленье полки.
Рот огневые резцы
Летели в равнинах, как птицы,
Славные эти страницы
Не позабудут бойцы.

А. МИНИН.

На последнем перевале.

Три недели кровавой тенью стояли позади.

Каждый день стычки с петлюровскими бандами, подстерегавшими каждый наш неосторожный шаг в лесной просеке, в балочке, в селе.

Оставляли убитых, подбирали раненых и шли упорно дальше. Обоз больных длинной, все увеличивающейся лентой тянулся позади.

Нас только 300. Матросы и красноармейцы.

— Соединиться с 44 дивизией во чтобы то ни стало.

Шестой день. Нащупали сестру. Разнеслась весть по цепи еще у Казатина...

Командиры уверенно чертили линию соединения с боевой сестрой.

* * *

22 сентября. Жарко. Душно. Целый день печет солнце. Ни ветерка, ни прохлады.

К вечеру подходим к местечку Тулину—Лещину, что в 12-ти верстах юго-восточнее Житомира. Огромными, кривыми зигзагами, разбросалась по обе стороны речка Тетерев.

С нашей стороны Тулин, а там на возвышенности—Лещин.

Мы одни—405 полк. Отбились от главных частей.

Идем в арьергарде.

Знаем, где-то вправо—134 бригада; знаем—слева, сзади, в каждой проторинке, роще—наши враги.

Нас 300. Только.

Спокойно вошли в село Тулин. Без выстрела.

Через реку—и в Тулин, решил я. Тот берег высок, горист. У подножья долина.

Через мост...

Затрещали винтовки, зажужжали пули.

Петлюровцы засели на горе. Против рожна не полезешь.

— Отступить.

— Пулемет не бросайте. Один, ведь, остался,— кричу я.

Несколько матросов вскочили на тачанку. Вырвали „Максима" из гайдамацких клещей.

Отступили, рассыпались цепью, нависли над рекой...

И наступила ночь. Темная, густая. Распустила свои рукава.

Тихо. И снова ураганный огонь. Час... Два...

* * *

— Житомир взят нашими,—искрой пронеслось по цепи.

— Ура!... Ура!..

Пели, неистово кричали...

— А ну, держись, трехлинейная.

Справа, со стороны Житомира доносились орудийные выстрелы и вперемежку трещал пулемет.

Уже начала редеть темная сетка ночи, повеяло предутренней свежестью, топот десятка копыт эхом отдался в воздухе.

— Кто?

— Свои... Савицкий!

— Ну, как дела?

— Мой Красный Сводный полк обошел Лещин. Утром вам придется вероятно наступать...

Сказал и помчался...

* * *

Уже совсем рассвело. Поднялась цепь. Через мост, на проклятые горки.

— Вперед!

— Ура!...

— А, шамаете!...

Петлюровцы совсем не ожидали нападения и спокойно „снідали".

— Даешь!...

Расстреливали в упор гайдамаков, рубили шашками.

* * *

Минут через десять Тулин—Лещин очистили от петлюровцев и погнали еще верст восемь за село. Слева подошел Красный Сводный Савицкого. Лег в цепь, мы—вправо над речкой. Два фланга.

Не прошло и получаса, как показалась кавалерия петлюровцев.

— По кавалерии...

Справа, слева,—залпы... брык, брык... брык, брык...—только засверкали копытами конскими.

— Го-го-го...

— Держи сорочку, а то загубишь!—неслось по цепи.

* * *

А через день и на Житомир. Но не по прямой дороге.

Шли усталые после двухдневных непрерывных боев.

Поднялся ветер и, вздымая клубы пыли, порошил лицо.

— Дуй, шут с тобой,—говорили красноармейцы, мы и так на чертей похожи.

Только светились глаза. А лица—черные, изможденные, засмаженные. Глаза с лихорадочным блеском.

— Даешь 44-ю!

Утром—в Житомире. Бурная, клокочущая радость за пройденный путь, за перенесенные испытания, за опрокинутые преграды.

Целовались дружески, по братски... Песни пели, кричали „ура". Шутили...

* * *

За последним перевалом Титаренко, старый боец полка, жив остался.

Показывает ряд белых зубов.

— Ще тієї кулі не зробили, що мене вбьє.

ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ — БОЙЦАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

ПРИВЕТСТВИЕ РЕВВОЕНСОВЕТА XII АРМИИ

В штаб Южной группы, тов. Якиру.

„Реввоенсовет XII армии приветствует геройские 45 и 58 дивизии, пробившие кольцо врагов рабочих и крестьян. Ваша Южная группа блестит своей отвагой, смелостью и бодростью, дает уверенность в скорой победе над сворой помещиков и генералов. Да здравствуют 45 и 58 дивизии. Да здравствует Красная армия.

Новозыбков, 19 сентября 1919 г. № 358. РЕВВОЕНСОВЕТ XII АРМИИ".

ПРИКАЗ ПО ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

20-го сентября 1919 г., № 13 § 1.

„Реввоенсовет Южной группы, поздравляя доблестные части 45 и 58 дивизии, совершивших с боем героический поход от берегов Черного моря и Днестра к берегам Днепра, завершившийся соединением с северными братьями, об'являет всем красным борцам группы—красноармейцам и командирам—революционное спасибо за проявленные ими сознательность, дисциплину и верную службу Красному Знамени Рабоче-Крестьянской Революции.

Реввоенсовет Южной группы твердо верит, что части группы, вписавшие свое имя этим славным походом на страницы Истории Революционной Войны и вышедшие из похода, могучие духом и верой в победу, горящие ненавистью к угнетателям рабоче-крестьянского люда, и впредь будут лучшими бойцами за Советскую власть и будут всегда нести вперед Красное Знамя на страх и смерть капиталистам, помещикам и золотопогонникам,

Реввоенсовет Южной группы благодарит вас, товарищи, и зовет к новым славным боям, к новым победам.

Да здравствует Советская власть! Да здравствует Красная армия!

Командующий Южной группой **Якир.** Член Реввоенсовета **Ян**".

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ЗА СЛАВНЫЙ ПЕРЕХОД.

Телеграмма РВС Республики от 22 сентября 1919 г.

„Наградить славные 45 и 58 дивизии за геройский переход на соединение с частями XII армии Почетным Знаменем Революции.

Выдать всей группе Якира за этот переход, как комсоставу, так и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания. № 10179.

Наштареввоенсовета **Лебедев.** Комштаба **Данишевский**".

ПРИВЕТСТВИЕ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ и РЕВВОЕНСОВЕТА XII АРМИИ.

(Оглашено на смотру частей 45 дивизии в м. Коростышеве 24 сентября 1919 г.).

„Красные орлы 45 дивизии! С восхищением смотрит на вас рабоче-крестьянская армия. В момент грозной опасности, окруженные со всех сторон врагами, вы, красные орлы, дети рабочих и крестьян, не колебались ни на минуту. Крепче сжав в руках винтовки, дав клятву победить или умереть за Советскую власть, вы прошли огромный путь, сражаясь как львы, как герои. Попытки врага уничтожить вас не привели ни к чему. Вы победили все страшный огонь, бешеные атаки, подлую провокацию.

Рабоче-Крестьянская Республика и Революционный Военный Совет не забудут ваших заслуг. Они не забудут, что в момент, когда партизанщина разлагала армию, когда полки превращались в банды, неспособные сражаться, 45 дивизия была стальной стеной, повинующейся малейшему приказанию командиров, поставленных Рабоче-Крестьянской Республикой. Будьте и впредь столь же дисциплинированными и стойкими. Залог нашей победы в неуклонном исполнении боевых приказов. Помните, что мы будем пожинать плоды побед лишь тогда, когда до конца все останутся на своих местах.

Привет вам, красные герои! Будьте и впредь примером храбрости и дисциплины! В день, когда Красная стальная регулярная армия одержит последние победы над врагом, 45-я дивизия займет почетное место в первых рядах революционных бойцов.

Да здравствуют красноармейцы 45-й дивизии! Да здравствуют стойкие, самоотверженные красные командиры и политработники! Да здравствует Всемирная Красная Армия!

Политуправление и Реввоенсовет XII армии".

В ЮЖНОМ ПОХОДЕ РОДИЛАСЬ БОЕВАЯ ТРАДИЦИЯ 45-й ДИВИЗИИ

„ЕСТЬ ЗАДАЧИ ТРУДНЫЕ, НО НЕПОСИЛЬНЫХ НЕТ".

ПОД КИЕВОМ.

Вступление.

По овладении Житомиром части пробившейся из кольца врагов Южной группы (45 и 58 дивизии), сосредоточенные в районе Житомир-Коростышев-Радомысль-Брусилов-Ходорков, получают задачу решительным наступлением на Киев освободить последний от прочно закрепившихся в нем белогвардейцев, нанося тем самым удар в тыл деникинской армии, связанной упорными боями в Орловском направлении. „Общая обстановка", гласит приказ командующего Южной группой, „требует овладения в наикратчайший срок Киевом".

Уже 20 сентября против участка Фастов-Киев выдвигается 58 дивизия, которая совместно с 3 Интернациональным полком т. Голого должна была повести наступление с фронта Бышев-Фасовая-Макаров-Бородянка-Берестянка. Для усиления разбросанной на 60-верстном фронте 58 дивизии в подчинение начдива 58 из состава 45 дивизии передается группа т. Княгницкого в составе 1 Красного Сводного коммунистического полка т. Анулова и кавотряда т. Гуляницкого.

25—27 сентября Красный Сводный полк, наступавший по шоссе Житомир-Киев, в результате упорных боев с белыми, исчерпав все запасы патронов и снарядов, понес тяжелое поражение у д.д. Копылово и Колонщина, где конницей противника был уничтожен 2-й баталион этого полка. Распоряжением командования Южной группой полк возвращается в 45 дивизию и выключается из операции.

Участие 45 дивизии в операции против Киева, в связи с ежедневно меняющейся обстановкой, высшим комадованием несколько раз подвергается пересмотру. Предпринятое было 21 сентября выдвижение частей 45 дивизии в Киевском направлении приостанавливается приказом командующего Южной группой от 25 сентября. Через несколько дней новый приказ о наступлении на Киев, но и он отменяется. Все же, сделанная предварительная перегруппировка частей дивизии передвигает 2 бригаду на фронт, где она в ночь на 4 октября сменяет 3 Интернациональный полк т. Голого на участке Новая Гребля-Бородянка-Берестянка. Прочие бригады 45 дивизии и кавотряд т. Гуляницкого группируются в районе Коростень-Малин-Ирша.

6—7 октября на фронте 2 бригады происходят чрезвычайно жестокие бои, стоящие больших потерь обеим сторонам. Особенным ожесточением отличается бой 400 полка у Новой Гребли. В результате этих боев противник на всем фронте бригады отброшен за реку Здвиж.

Преследуя белых, 2 бригада совместно с частями 58 дивизии вступает в Киев, где красным частям удалось задержаться в течение двух дней.

О тяжелых кровопролитных боях, которые разыгрались под Киевом, и рассказывают товарищи в помещенных ниже воспоминаниях и очерках.

Ф. АНУЛОВ.

Гибель баталиона.

Житомир взят. Теперь очередь за Киевом.

Красный Сводный полк приказом Якира перебрасывается на Киевский участок в распоряжение командира 58 дивизии т. Федько. Туда же должны были перейти и другие части 45 дивизии.

Красный Сводный полк наступал на Киев по Житомирскому шоссе, имея задачей обезопасить это направление от ударов противника. Полк влился в 58 дивизию в тяжелый для нее момент. Федько задумал было налегке ворваться в Киев. Не обеспечив достаточно операцию налета, 58-я дивизия ворвалась в Киев, беспорядочно разбрэсалась по улицам города и, не имея плана уличного боя, без должного управления, была быстро отброшена в исходное положение.

Наш полк был послан на один из серьезнейших участков борьбы.

Он стал вблизи деревни Колонщины, расположившись в барском имении на шоссе. В это время в полку было два баталиона пехоты, по 3 роты в каждом, и эскадрон конницы. Всего полк насчитывал до 1000 штыков и имел 3 легких орудия. 1-й батальон полка в бою, 2-й в резерве, в тылу у дивизии. Бой идет в направлении шоссе. Белые наступают. Вначале на повозках подкатили на расстояние выстрела. Потом стали накапливаться группами для удара. Группа офицеров подобралась к артиллерийской позиции красных и затрещала из пулемета...

Паника... Орудия на передки... Обоз в кучу! Все катит на шоссе.

— Спасайся, кто может!

Крик. Шум. Толкотня. Все сбиваются в одну сплошную массу. С трудом повозки вырываются

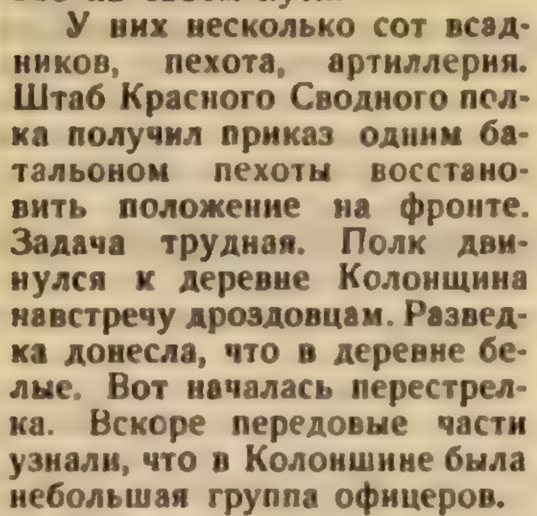
из общей сутолоки и несутся карьером по шоссе в тыл.

Белые, пораженные шумом и криком, ожидают атаки красных. Также стали сбиваться в кучу. Потом побежали к своим повозкам. Как и красные, в панике, карьером несутся по шоссе, но в другую сторону. Бегут красные и белые... одни к Киеву, другие от Киева,—по шоссе.

...На другой день—тяжелое испытание для 2 батальона полка. Роковое испытание, стоившее жизни многим бойцам.

Дроздовцы прорвали фронт 58 дивизии.

Разогнали полк, стоящий на позиции, захватили у него артиллерию и стали углубляться в тыл 58 дивизии, уничтожая все на своем пути.

Е. Г. Шпарага—член ВКП(б) с 1919 г., красноармеец Красного Сводного полка коммунаров, участник боя у д. д. Копылово-Колонщина 27 сентября 1919 г. Сейчас работает в Киевском Центральном телеграфе.

У них несколько сот всадников, пехота, артиллерия. Штаб Красного Сводного полка получил приказ одним батальоном пехоты восстановить положение на фронте. Задача трудная. Полк двинулся к деревне Колонщина навстречу дроздовцам. Разведка донесла, что в деревне белые. Вот началась перестрелка. Вскоре передовые части узнали, что в Колонщине была небольшая группа офицеров.

Батальон занял деревню, выдвинулся на окраину села по направлению к противнику.

Вечерело. Залегли на кладбище. Наступила ночь.

Что-то будет на рассвете?...

От начальника участка Князницкого приказ на рассвете атаковать противника.

Было сыро. Красноармейцы лежали, прислонившись к кладбищенским крестам. Почти за каждым—боец.

Обходя батальон, я увидел Настю.[1] Она лежала в своей кожанке у большого креста и, смеясь, беседовала с одним из красноармейцев.

Перебросившись с ней несколькими фразами, пошел дальше.

На рассвете батальон поднялся. Я обходил роты перед выходом его в атаку. У 4 роты стояла Настя и улыбалась. Батальон двинулся. Я глядел ему вслед. Настя бодро шагала за батальоном.

Батальон подвигался медленно. Вдруг с опушки леса с диким криком выскочила конница. Затрещали пулеметы, начался „симфонический концерт". Десятки пулеметов наполняли воздух беспрерывным треском. Потом заговорила неприятельская артиллерия. Рвалась шрапнель... Гулко разрывались гранаты.

Я забрался на крышу самого высокого дома. Жуткая картина. По-ротно батальон, сбившись в кучу, защищается или разбегается под ударами конницы противника. Батальон гибнет. У противника несколько сот сабель. Небольшая группа противника забирается в тыл нашей артиллерии.

Слезаю с крыши. Беру полковое знамя. К артиллерии... Надо ее отвести.

Артиллеристы огня не открывают. Катастрофа произошла так быстро, что они не поняли в чем дело, куда стрелять и что делать.

— Назад! На передки!

В это время по нашей артиллерии затрещал пулемет. Но орудия уже были на шоссе. Однако, конница противника настигала. Тогда красный пулеметчик неожиданно, по своей инициативе, остановил тачанку и открыл огонь по наседающим всадникам. Они повернули в сторону. Артиллерия была спасена.

Мы понеслись в лес. На опушке остановились. Организовали оборону. Противник перейти в атаку не решился.

К вечеру стали подходить бойцы батальона. Спаслись немногие.

Стали рассказывать, как дроздовцы изрубили батальон. Один рассказ ужаснее другого.

Настя также погибла.

Гибнут хорошие близкие товарищи, гибнут герои, но живет дело, продолжается борьба!

А. КРАСНЫЙ.

Испытание на жизнь.

(Воспоминания красноармейца).

Это было всего лишь один день. Нет, даже не целый день, только полдня. Ясным сентябрьским утром мы выступили из с. Копылова. До Киева оставалось два перехода—верст около 40.

Нашей целью было захватить Киев. Нужно было во что бы то ни стало хоть ненадолго вырвать Киев у белых, чтобы отвлечь силы белых от Орла и дать возможность Красной армии сосредоточиться для отпора.

„1-му Сводному Красному полку выйти на линию Киева со стороны Житомирского шоссе".

Наша Южная группа 12 армии только что вырвалась из вражьего кольца. Мы прошли огромный путь в несколько сот верст от Одессы до Житомира, оторванные от своих, окруженные со всех сторон наседавшими на нас врагами. Деникин, Петлюра, Махно, десятки крупных и мелких банд подстерегали нас на каждом шагу. Но мы разорвали вражье кольцо и вышли победителями.

Победа окрыляла нас. Мы рвались в новые бои.

Приказ о наступлении на Киев подбадривал, вселял уверенность в конечной победе.

Почему-то наш полк двинулся на Киев отдельными баталионами, разными путями. Вместо сосредоточенного кулака получились разрозненные, небольшие, слабые отрядики.

---

[1] Настя Сычева—женщина-боец Красного Сводного полка, коммунистка, охарактеризована автором, Ф. Ануловым, в предыдущей статье „Прорыв" (помещена в разделе „Южный поход"). *Ред.*

Мы вышли из Копылова и пошли проселочной дорогой. Прошли верст 5. Вдруг впереди затрещали пулеметы, и пули, словно комары, зажужжали вокруг нас.

— В цепь!..

Мы рассыпались и залегли. Стали отстреливаться. Ухнуло вражеское орудие; одно, другое, третье, четвертое... Потом всей батареей. Снаряды зловеще свистят, крепко ударили в землю и разлетелись вдребезги. Затем стали прилетать все чаще и чаще.

Бой разгорался.

У нас было 3 роты пехоты. Артиллерия осталась далеко позади и только еще подходила к нам.

У деникинцев было столько же пехоты, батарея да человек 400 кавалерии—офицеры, казаки, ингуши. Силы были слишком неравные. Но все же мы держались стойко. Враг ни шагу не делал вперед.

Вдруг... Как это случилось, никто не заметил... Вражеская кавалерия прорвалась, атаковала нас.

К. А. Орловский комроты 1-го Красного Сводного полка, входившего в состав 45 дивизии в Южном походе. В описываемом тов. Красным бою у деревни Копылово 27/IX 1919 г. командовал 2 батальоном, почти целиком уничтоженным деникинской кавалерией. Комбат т. Орловский, о котором А. Красный в настоящем очерке пишет, что он был „изрублен в капусту", в действительн случайно уцелел, жив и сейчас работает в АМССР помначальника Главмилиции

Мы отбивались отчаянно, жестоко, как люди, уверенные в своей гибели, не ждущие пощады. Раненый заряжал винтовку и еще метче целился, еще ожесточеннее защищался. Пал военком Недашковский. Командира баталиона озверелая офицерня изрубила „в капусту"... А мы еще дрались. Наши ряды таяли. Но и ряды атакующих сильно поредели. Мы, наконец, не выдержали. Сила захлестнула нас. Все кончилось.

Больше половины полегло на поле. Остальных взяли в плен.

* * *

Было жутко...

— Коммунист? Расстрелять.

— А ты? Эй, ты, белобрысая морда, тебе говорят... Ты не жид?

— Нет.

— Значит, русский. А почем я знаю, что ты русский? Читай „Отче наш".

— Отче наш, иже еси...

— Нет, постой, постой. Ты вот что: прочитай-ка „богородицу".

Минутное смущение.

На лице офицера-добровольца злорадство палаческое, звериное.

— Ну?..

Я читаю.

— Здорово. Раскровянить ему рожу.

— А ты, крайний, кто будешь?

— Никто.

— Коммунист?

— Нет.

— А почему кожаную фуражку носишь? Расстрелять.

Коротко, просто.

И также просто люди исполняли. Как будто делали будничную, привычную, повседневную работу... Как будто с'едали кусок хлеба или закуривали папиросу...

* * *

Мы этого ждали. Мы к этому были готовы. Но мы не представляли себе этого кошмара. Наше воображение для этого было слишком слабо.

Нас вывели в поле, как на лобное место. Все было заранее приготовлено. И взвод солдат, и пулемет. Нас построили в два ряда.

— Кру-гом!

— Нет уж. Стреляйте лучше в грудь, чем в спину.

— Ага! Коммунисты, растак вашу мать. К нам не хотите итти служить?..

— Палачи золотопогонные!..

— Пли!

Грянул залп, заработал пулемет.

Началось нечто невообразимое. Какая то нечеловечески-дикая катавасия. Где то кричали, стонали, плакали. Кто-то, куда-то бежал, кто-то с кем-то обнимался, пожимали руки, целовались... Последние недоговоренные слова... А пулемет жег наши тела огнем, смертью. Земля пила горячую кровь...

Я пробежал несколько шагов, лег на землю и инстинктивно закрыл голову руками. Через меня, словно рой пчел, перелетали десятки пуль. Я лежал и ждал смерти. Не страшась, не волнуясь, совершенно спокойно. Это было спокойствие ужаса.

Что-то больно ударило в руку, ожгло лоб. Я был ранен.

Через несколько минут пальба прекратилась. Все лежали разбросанные по полю.

— Кто уцелел, вставайте, пойдите с нами.

Это—капитан.

Встало несколько и снова частой дробью залились пулеметы.

— А-а-а... О-о-о... Звери!

Пулемет смолк.

— Раненых добивать.

Возле меня лежал в предсмертных муках мой закадычный друг — Александр Маньковский. Разрывная пуля попала ему в живот. Он выл каким то жалобным звериным воем и просил добить его.

Подошел солдат, зарядил винтовку и спокойным, ровным голосом сказал:

— Сейчас, сейчас, товарищ, добью...

* * *

Я притворился мертвым.

Несколько раз проходили мимо и не обращали на меня внимания, не замечали, что я еще дышал.

Около меня другой товарищ тоже притворился мертвым.

Казак под'ехал к нему, ударил несколько раз нагайкой.

— Притворяешься?!

Ответа не было.

Казак слез с лошади, отыскал рану на его теле и изо всей силы ударил нагайкой по раненому месту. Несчастный перевернулся.

— То-то же! Не притворяйся...

Выстрел. Тяжелый предсмертный хрип.

Казак поехал дальше. Остановился около меня. Я лежал недвижимый, затаив дыхание. Я закрыл глаза, чтобы не видеть его, но я чувствовал, что он здесь, что он стоит надо мной, стережет меня. Выдам себя или не выдам? Сумею ли я выдержать испытание на жизнь? Никогда еще так не хотелось жить, как в эту минуту, когда смерть стерегла меня. Изо всех сил я старался казаться трупом, я почти не дышал... Я был мертв...

Я не знаю, сколько это продолжалось—может быть, минуту, может быть, полсекунды. Ужас давил меня, и я потерял счет времени. За этот миг я несколько раз умирал и снова оживал.

Казак от'ехал прочь...

Прошло немного времени.

Вдруг снова началась пальба, снова зажужжали пули.

— Еще не все.

Потом стрельба прекратилась. Кто то опять под'ехал на лошади.

— Товарищи! Вставайте, кто может.

Никто не пошевельнулся.

— Опять обмануть хотят. Еще не насытились...

Кавалерист продолжал кричать. Наконец слез с лошади, стал силой поднимать некоторых.

Я открыл глаза и не двигаясь посмотрел в сторону. Там был еще один кавалерист. Один из наших поднялся, поговорил с кавалеристом, тот указал ему дорогу и он пошел, сильно прихрамывая.

Я не выдержал.

— Пусть хоть добьют, но больше терпеть нет сил.

Я встал.

У кавалериста по околышу фуражки вилась красная лента.

Испытание на жизнь кончилось...

* * *

Киев все же был взят. И нашей же дивизией.

Через несколько дней, лежа в госпитале, мы прочли в газетах о нашей победе. Почти одновременно деникинцы взяли Орел, а наши — Киев. Деникинцы из Орла бросили подкрепление к Киеву и снова заняли его. Но в это же время они были выбиты из Орла.

А вскоре начался откат белых.

И. КОЛЕСНИКОВ.

Против офицерских полков.

По овладении Житомиром 2-я бригада в конце сентября была направлена под Киев и заняла фронт по реке Здвиж. 400 полку под моей командой пришлось сменить 3-й Интернациональный полк, который стоял в Новой Гребле. 401 и 402 полки расположились у м. Бородянка. В это время в бригаде было критическое положение с патронами. Помню, в моем полку их было по 3-5 на стрелка.

Сменили мы Интернациональный полк ночью. Расположились в окопах, чего давно не приходилось делать. Неприятель всю ночь стрелял. Наши ребята ему завидовали: „вот бы, дескать, поживиться, да набрать в сумки и подсумки". Залезли в окопы и ожидали утра.

День обещал быть ясным. Еще солнце не взошло, как мы уже видели перед собой деревню Новая Гребля. Были ясно различимы неприятельские окопы, баррикадированные бревнами, повозками и боронами. Расстояние, отделявшее нас от белогвардейцев, составляло не более 200 шагов. Вести наблюдение за неприятелем надо было с большой осторожностью, ибо он, располагавший достаточным количеством патронов, стрелял по выглядывающим, да и вообще, в течение целого дня вел ружейную, пулеметную и артиллерийскую стрельбу. Мы, за недостатком патронов, отвечали только артиллерией.

В этот же день в наш 400-й полк был влит заградительный отряд Горева. Привел этот отряд тов. Коломиец, которого Подив назначил политическим комиссаром нашего полка. Тов. Коломиец оказался очень активным работником; будучи хорошим бойцом-фронтовиком, он пользовался большим авторитетом у красноармейцев. Ему скоро удалось наладить воспитательную работу в полку. Смелый, самоотверженный он принимал на себя какие угодно поручения.

Из парней, прибывших с тов. Коломийцем, выделялся Павел Погорей, почему то прозванный Павкой Керенским. Так он и до сих пор остался под этой фамилией. Теперь он работает на хозяйственном фронте в Молдавии. Этот парень всегда был в движении, неделями не спал. Разного рода поручения выполнял за десятерых. На фронте, в бою, на разведке — всегда он первый. Самые трудные поручения давались ему. Надо было выкрасть что либо у неприятеля—дело Павки Керенского. Надо было произвести какой нибудь налет на противника — Павка тут, как тут.

Новый отряд был разбит по ротам и ночью введен в окопы.

Так простояли мы три дня. Вечером третьего дня наш полк получил распоряжение подготовиться к наступлению. В Новой Гребле намечено было сделать прорыв неприятельского фронта. Так как патронами мы почти не располагали, то, по распоряжению тов. Котовского, должны были итти сразу в штыковую атаку. Тем временем наш полк был усилен еще кавалерийским дивизионом под командой тов. Миши Нягу, которого красноармейцы любили, как самого лучшего бойца дивизии.

Все были уверены в успехе задуманного прорыва. Я и мой помощник тов. Орлов прошли ночью по ротам и дали соответственные указания,

предупредив, что завязывать огневой бой нам невыгодно из-за отсутствия патронов. Нягу спешил свой дивизион и расположил его правее нас. Орлов был на левом фланге полка [1].

В условленный момент я дал сигнальный выстрел, и мы бесшумно, но быстро двинулись вперед. Подбежав к окопам неприятеля, мы гаркнули „ура“ и в течение получаса фронт был прорван. Тут мы запаслись патронами в таком количестве, что каждый мог взять столько, сколько хотел; некоторым досталось и обмундирование в виде сапог, ботинок или шинели. Нягу со своим кавдивизионом захватил несколько дальнобойных пушек с передками, зарядными ящиками, прислугой и в запряжке на мулах.

На следующий день, после прорыва у Новой Гребли нашими войсками был занят Киев. Это было в начале октября 1919 г. В разыгравшихся боях мы захватили много пленных белых офицеров, так как части противника состояли преимущественно из офицерского состава. Не могу не отметить интересного разговора с одним пленным полковником. Полковник, приглядевшись к нам, с удивлением сказал мне:

— Как вы можете наносить нам поражения при таких ужасных условиях? — патронов нет, разные обрезные винтовки, босые и раздетые люди...

Я ему ответил, что нашим успехам способствует то, что мы бьемся за правое дело, за освобождение миллионов угнетенных от кучки угнетателей.

Хотя у нас и мужицкое командование, сказал я, — за то мы все, как один, идем в бой, а у вас уж очень много командиров, а выполнять распоряжения то и некому. В вашей армии между офицерством и солдатами лежит пропасть. Солдатская масса держится только страхом, а в душе ненавидит вас.

Полковник ничего не мог мне ответить на это и замолчал.

В Киеве мы держались два дня. Потом пришлось оставить город, уступая натиску целого корпуса белых. Измученные переходами, расстроенные кровопролитными боями, наши части нуждались в отдыхе и переформировании. То и другое должно было быть осуществлено на севере вне района боев. На ст. Малин бригада грузится в эшелоны и через Коростень двигается в пределы России.

Группа комсостава 402 полка на Киевском фронте. Справа налево: ад'ютант полка т. Савченко, помощник командира полка т. Соколов-Соколовский, комбат 1 т. Квятковский (убит на польском фронте) и комбат 2 т. Ярышев

Клише сделано по стершемуся фронтовому снимку.

„Мы вернемся“ — эта мысль владела бойцами, покидавшими родные украинские поля, уносимыми навстречу новым боевым испытаниям.

Г. КОТОВСКИЙ.

Непобедимая „дикая“.

По окончании знаменитого прорыва Южной группы, высшим командованием перед бойцами 45-й дивизии была поставлена новая боевая задача — движение на Киев и его освобождение от противника.

Полкам 2-й бригады приказано было занять м. Бородянку и с. Новая Гребля по реке Здвиж, (приток реки Тетерева) где сменить части Интернационального полка тов. Голого.

Интернационалистов в Новой Гребле пришлось сменять 400 и 401 полкам, имевшим вместе не более 350 — 400 штыков.

Восточная часть с. Новая-Гребля занималась офицерским стрелковым баталионом противника, 800 штыков при 12 пулеметах Максима, и кубанской батареей, занимавшей позицию на восточном берегу реки Здвиж. Занятая часть села была сильно укреплена.

Смена происходила в тяжелых условиях, и части сменялись группами от 5 до 10 чел., часто ползком.

Части полков, сменив интернационалистов, с боем заняли западную часть села, и фактически противные стороны разделял только один ряд дворов.

В первую же ночь на рассвете противник попытался атаковать наши полки, но атака была отбита.

Прошли еще одни сутки напряженной борьбы, то в одном, то в другом пункте. Ночью противник одиннадцать раз атаковал горсточку наших бойцов, которые в одних нательных рубахах и частью только в кальсонах, босиком (октябрь месяц) отбивали сильного, хорошо вооруженного противника из своих окопчиков и баррикад, наскоро построенных из бревен и песку. Много сказочного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь

---

[1] Тов. Орлов был у меня помощником. Это был хороший и нужный помощник. Я был малограмотен, мне трудно было разбираться в картах, да и во многих других вещах. Тов. же Орлов был человек образованный, прекрасно разбирался во всем этом и вообще хорошо вел штабную работу. Он был родом из с. Плоское — товарищ моего детства. Сын крупного кулака, почти помещика, он окончил реальное училище и прослушал два курса Политехнического института. Однако, в 1919 году он явился ко мне в партизанский отряд и предложил свои услуги. Вместе с отрядом, а затем и полком, он прошел весь путь гражданской войны, зарекомендовав себя боевым командиром и хорошим товарищем. Теперь он коммунист и работает в Харькове, заведуя отделом Всеукраинского Лесного Управления. *И. К.*

как отдельными героями, так и целиком обоими полками.

Почти ничего не занесено из этой жуткой ночи, что должно было бы переходить из потомства в потомство, как пример высшего революционного мужества и самопожертвования.

На рассвете, без артиллерийской подготовки, два меленьких полчка при поддержке спешенного эскадрона, перешли в контр-наступление, бросившись на противника в штыки.

Никогда до этого и после этого во все время гражданской войны мне не приходилось видеть такого жестокого боя, поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее у них в тылу — мостик, белогвардейские стрелки - офицеры понимали, что спасения нет, и дрались с психологией отчаяния. В результате боя они были уничтожены до одного человека, частью будучи убиты, частью—потоплены в болотистой речке.

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину места боя.

Трупы лежали грудами, иногда группой в 4—6 человек и видно было, как двое, схватившись в последней смертельной схватке, еще не убив друг друга, были пронзены штыками своих врагов, а те в свою очередь были убиты другими. Так и лежала группа, навалившись друг на друга... Перегрызанные глотки, откусанные носы, оторванные уши...

Маленкие полчки после этого боя еще больше поредели, но задача была выполнена, противник совершенно уничтожен.

Поредевшие ряды легендарных, незабвенных и, вместе с тем, скромных незаметных героев, рвались к Киеву. „Даешь Киев" — вот что было в устах каждого отдельного и всех бойцов бригады и дивизии.

Их воля к победе, воля к освобождению братьев-пролетариев Киева была несокрушима и даже стихийна, но осуществиться этой мечте наших героев не пришлось.

Революция требовала бойцов 45 дивизии, на другой участок фронта. Нас звали к себе на помощь петроградские коммунары, на которых наседал Юденич.

И скоро части геройской, непобедимой дивизии, эшелон за эшелоном, двигались на помощь своим братьям на север.

А народ разносил весть:

— Идет дикая дивизия.

Так окрестили нас белогвардейцы, после так тяжело и печально окончившихся для них боевых встреч с „дикими" бойцами 45-й стрелковой Краснознаменной,Краснооренской дивизии.

(Июнь 1924 г.).

ВЯЗЬМА—ЛЕНИНГРАД.

Вязьма—Рославль.

6 октября 1919 г. 45 дивизии было приказано погрузиться для отправки в Вязьму на отдых и пополнение. Части 1 и 3 бригад 8 октября грузятся в эшелоны на ст. Коростень; 2 бригада, втянутая в бои за Киев, грузится несколькими днями позже на ст. Малин.

За время нахождения в районе Житомир—Киев в дивизии произошли некоторые изменения. Так, взамен выбывших в итоге боев с петлюровцами из состава дивизии 397 и 401 полков (эти полки, будучи отрезаны от своих бригад, влились в 44 дивизию) были сформированы новые полки под теми же названиями; кадрами к ним послужили нештатные боевые части, входившие в состав дивизии.

Убывшего по болезни комбрига 3 т. Черникова сменяет т. Голубенко, до того времени бывший Военкомдивом. Его место занимает т. Клименко. Военкомбриг 1 тов. Левензон назначается Комбригом 1.

За время с 8 по 14 октября части дивизии выезжают на Вязьму. Штадив, 1 и 3 бригады располагаются в Вязьме, а 2 бригада в гор. Рославле.

В середине октября дивизия, по прибытии и сосредоточении в Вязьме—Рославле, переходит первоначально в резерв Главкома, а через неделю в распоряжение Начальника Упраформа запасных и резервных частей Южфронта для срочного укомплектования.

Южная группа расформировывается, и т. Якир вступает в исполнение обязанностей Начдива 45, а т. Гарькавый—Наштадива.

В дивизию начинает прибывать пополнение, главным образом, тульские дезертиры.

В дневнике военных действий от 23 октября мы находим такую запись: „маршевые роты не обучены, в лаптях, совершенно аполитичны".

Перед командованием встал вопрос о спешной обработке прибывшего пополнения, о строевой подготовке, а также о получении обмундирования для старых красноармейцев. Наступили холода. Бараки, где помещались красноармейцы, отапливались плохо. К этому времени обострился продовольственный кризис, ибо привезенных с юга запасов хватило не надолго. Хотя некоторые полки имели кое-какой запас, но в целом в дивизии продовольственный кризис чувствовался остро. К тому же район прилегавших к Вязьме—Рославлю деревень был крайне беден, заготовок самостоятельно производить не представлялось возможным за отсутствием денег, а также права на самозаготовку. Приходилось всячески изворачиваться, чтобы обеспечить части всем нужным, как обмундированием, так и продовольствием.

Тов. Якир отправился в Москву, эта поездка дала 5000 комплектов обмундирования. Кроме того, уже позже во время следования дивизии под Петроград было выслано из Москвы непосредственно Главкомом 6000 комплектов обмундирования. К моменту прибытия на Петроградский фронт дивизия была удовлетворена обмундированием почти на 100%.

Однако, стоянка в Вязьме отразилась на дивизии: недоедание, строевые занятия, холодное время, а к тому же свирепствовавший всюду тиф значительно увеличивают количество больных, которое достигает 20% всего состава дивизии. Особенно тяжело отозвалось отсутствие достаточного корма на и без того малочисленном конском составе дивизии.

Военная и политическия работа в Вязьме—Рославле протекала усиленным темпом, и результаты ее заметно сказались на обученности и политической сознательности красноармейцев. Тогда же в октябре была проведена партийная неделя по республике. Для дивизии эта неделя значительно увеличила количество коммунистов: общее число коммунистов по дивизии после партийной недели возросло на 1000 человек; так в одном 403 полку, имевшем в дни похода Южной группы небольшую ячейку, после партнедели коммунистов насчитывалось до 150 человек.

В Вязьме происходит *1 дивпартконференция*, которая подводит итоги партийной неделе и намечает очередные задачи работы среди красноармейцев дивизии. На этой партийной конференции был отмечен решительный перелом в настроении красноармейцев по отношению к коммунистам и Соввласти, красноармейцы глубже проникаются важностью того дела, за которое они борются. К этому времени можно отнести уже полную „легализацию" коммунистов и слово „коммунист" уже не смущает красноармейцев, как это имело место в Южном походе и до этого.

„Тульские дезертиры", о которых между прочим в дневнике военных действий, от 23 октября 1919 г. находим запись: „Выехало из места мобилизации 1830 чел., в Вязьму прибыло 1560 чел. (т. е. 270 дезертировало) постепенно перевариваются в духе боевых традиций 45 дивизии и более крепко сживаются со старыми красноармейцами".

Жизнь в Вязьме—Рославле иллюстрируют помещаемые ниже воспоминания.

Петроградский фронт.

Стоянка в Вязьме оказалась непродолжительной. В первых числах ноября приказом Главкома части дивизии перебрасываются на Петроградский фронт против наступающего на Питер генерала Юденича.

По дивизии был отдан приказ:

„Красный Петроград, великий город, коммуна РСФСР, маяк мировой пролетарской революции,—в опасности. Наемные банды помещиков, бандитов, фабрикантов всего мира угрожают его героям-коммунарам, тем, кто сверг предательское правительство Керенского, тем, кто, испытывая холод и голод, защищает уже два года свою рабоче-крестьянскую власть. Но Петроградские рабочие, лучшие из лучших бойцов социалистической революции, не отдают и никогда не отдадут своего Петрограда. Как львы защищаются, умирают и побеждают они генерала Юденича. Им, Петроградским коммунарам, мы должны спешить на помощь. На их зов обязаны мы прийти без всякого промедления и, плечо к плечу с ними, бить и разбить банду мирового капитала.

Питерские рабочие и крестьяне в грозные для республики и революции минуты всегда были верным стражем на часах; всегда на самых опасных и ответственных постах, они спешили туда, где нужна была их помощь. Они приходили вооруженными баталионами, старшие, опытные, братья-учителя. На всех фронтах, всегда и всюду, впереди — Петроградские рабочие. Они вносят уверенность, бодрость, силу в ряды бойцов. Где питерцы—там победа!

Сейчас же петроградские рабочие зовут нас на помощь на свой, одновременно на наш общий, одновременно мировой пролетарский Петроградский фронт.

Нашей 45-й дивизии, совершившей доблестный Южный поход, получившей Красное Знамя революции, приказано высшим командованием республики помочь Петроградским рабочим. Великая честь выпала на нашу долю. Нам дана возможность сражаться на величайшем и почетнейшем фронте защиты Петрограда, и мы с честью выполним боевую задачу.

Наша 45-я дивизия, вышедши из Украины, рабочим и крестьянам которой Петроградцы помогали в борьбе с радой, гетманом, немецким империализмом и Петлюрой, от имени этих рабочих и крестьян шлет свой братский привет питерцам и заявляет, что счастлива этим боевым назначением и с честью выполнит его.

Красный Петроград вечно будет Красным Советским городом!

Юденича и его белую банду сотрем с лица земли

Красные командиры и красноармейцы 45-й дивизии, испытанные бойцы революции, напрягите все силы, чтобы минуты промедления не было допущено в выполнении этого почетного для нас приказа!

Да здравствуют герои-коммунары Питера!

Да здравствует пролетарская революция!

Начдив 45 Якир, Военкомдив Клименко,
Наштадив Гарькавый.

Такой приказ создал значительный под'ем в дивизии, и этот под'ем с чрезвычайной яркостью выявил, насколько окрепла сознательность бойцов.

Правда, в дивизии, которая была сформирована из крестьян и рабочих Одесщины, Приднестровья, Херсонщины, были сильны настроения другого порядка. Красноармейцы, в большинстве партизаны, рвались, по понятным соображениям, обратно на Украину, были даже случаи массового отказа от погрузки для следования на Петроград (например в 403 полку). Командирам и комиссарам частей, завоевавшим в предыдущих боях огромный авторитет у красноармейской массы, удалось, однако, с помощью партийных организаций в короткий срок переубедить партизански настроенные группы красноармейцев. В результате лозунг: „На помощь Красному Питеру!" получил всеобщее одобрение со стороны красноармейской массы.

1 ноября первый эшелон отправляется на Петроградский фронт.

3 ноября 45 дивизия переходит в распоряжение Командарма VII, по указанию которого части располагаются в Детском селе, Павловске и Петергофе.

3-я бригада т. Голубенко переходит в оперативное подчинение командующего группой т. Одинцова, а остальные части остаются в армейском резерве.

Прибытие на Петроградский фронт нашей дивизии ознаменовалось откуда то разнесшимися среди населения слухами, что прибыла „дикая дивизия", и что теперь Юденичу капут.

Эти слухи свидетельствовали о том, что наша дивизия завоевала огромный моральный авторитет в Советской республике. В этом названии „дикая дивизия", переходившем из уст в уста, не было ничего похожего на ту оценку, какую трудящееся население давало пресловутым „диким" формированиям Корнилова, Деникина и др., заслужившим титул „диких" из-за варварского отношения к трудящимся и дикой расправы с пленными красноармейцами. В приложении к нашей дивизии слово „дикая" надо понимать в смысле ее неустрашимости, смелости, сокрушительности ее ударов против врагов пролетарской революции.

Дивизии непосредственного участия в боях с Юденичем принимать не пришлось, так как части VII армии своими силами расправились с его бандой и отбросили Юденича в Эстонию.

Дивизия пробыла на Петроградском фронте около двух недель. Стоянка в холодном краю (для красноармейцев, в большинстве украинцев) при очень плохом питании („вобла, вобла и еще раз вобла") и усилившаяся эпидемия тифа довольно болезненно отразились на состоянии дивизии. Процент заболеваемости увеличился очень значительно.

25 ноября 1919 г. дивизия получает назначение на Южный фронт. Это известие встречается в частях бурным восторгом. 7—8 декабря первые эшелоны 45 дивизии прибывают и выгружаются на станциях Глухов и Белополье. Дивизия переходит в подчинение командарма XIV.

И. КОЛЕСНИКОВ.

Из Украины в Советскую Россию.

1. В Рославльских бараках.

После второго падения Киева наша дивизия была снята с фронта, погружена в вагоны и отправлена вглубь России. Штаб дивизии, а также 133 и 135 бригады расположились в Вязьме, а наша 134-я бригада в Рославле, Смоленской губ. Поселившись в деревянных военных бараках, мы за все время нашего существования впервые повели казарменный образ жизни.

Простояли мы там около 3-х недель в ожидании пополнения наших рядов и снабжения обмундированием.

Пополнение пришло в наш 400 полк из Тулы. По дороге из 513 человек за одни лишь сутки удрало 50% (пусть не удивляет читателя этот процент: тульское пополнение состояло в своем преобладающем большинстве из дезертиров). Оставшихся привел один товарищ из Тульского военного комиссариата. Тов. Котовский встретил прибывших бранью.

— Как вам не стыдно носить шинели, тогда как лучшие борцы за революцию босы и раздеты?... Как вы смеете себя называть рабочими и крестьянами, когда вы занимаетесь дезертирством?

Котовский произвел на них сильное впечатление, и они почти целиком остались в нашем полку.

Обмундирования так мы и не дождались.

Вдруг получен приказ тов. Якира: „в 24 часа погрузить в вагоны весь личный состав, лошадей, артиллерию и обоз".

Тов. Котовский вызывает по прямому проводу тов. Якира и заявляет ему:

— Не могу вести босых и раздетых людей 3 версты на станцию, да еще по снегу.

Якир ответил, что это приказ Реввоенсовета, и отменить его он не имеет права. Котовский вел переговоры об этом и с Реввоенсоветом, но, в конце концов, приказ пришлось выполнить.

Я собрал полк в одном из бараков и об'явил, что на нашу долю выпало великое счастье: защищать Красный Питер, тот Питер, рабочие которого свергнули царское самодержавие и первые в мире завоевали полную свободу, а с ней фабрики и заводы. Мои слова были покрыты громким „ура", шапки летели вверх, крики „ура" и „идем" долго не смолкали, и в этот момент никто не задумался над тем, как же итти босыми по снегу.

2. На Юденича.

Приступили к погрузке. Проделана была эта операция таким образом: раздели весь полк, собранной обувью и шинелями одели и обули 1-й баталион (на баталион только и хватило) и отправили его на станцию в вагоны, предварительно натопленные; в вагонах баталион был раздет, а одежда и обувь—отправлены на подводах обратно в бараки; затем был одет и доставлен 2-й баталион и т. д.

Одним словом, приказ Реввоенсовета был выполнен. Наша бригада отправилась в Ленинград на юденичский фронт.

...По дороге, не помню на какой станции, два красноармейца бегали по вагонам и искали меня. Оказалось, что они привезли нам из Москвы несколько вагонов обмундирования из прекрасного суконного материала, несколько вагонов хороших сапог, портянок, белья и проч. Через несколько часов вид у наших ребят был неузнаваем.

Когда мы под'езжали к Питеру, то 7-я армия уже била Юденича, и он в беспорядке отступал. Нашей 45-й дивизии не пришлось участвовать в боях.

Расположились мы в Детском Селе и простояли в нем около 20 дней.

В то время в районе Питера был ужасный голод, так как перед наступлением Юденича все было вывезено в центральные губернии; только армия получала хлеб и воблу. Мы имели еще, правда, запас сахара из Украины. Таким образом, голода, в буквальном смысле слова, мы не знали.

В декабре 1919 года получили приказ ехать на Украину. Настроение создалось приподнятое; все были рады возвращению на юг. Одно лишь обстоятельство омрачало это настроение: заболел тифом и воспалением легких наш комбриг Г. И. Котовский, которого пришлось оставить в Детском Селе в больнице.

НИКОЛАЕВСКИЙ.

Тульское пополнение.

В октябре 1919 года получили пополнение из Тулы. Настроение Тульского пополнения было неважное. Собранное из дезертиров и наскоро обученное, оно только и думало о том, как бы скорее удрать из эшелонов домой. Ставили охрану, а все таки дезертиры были. Те, кто не помышлял о дезертирстве, были настроены уныло. Родные дома, вольная жизнь, матери, невесты,—все это осталось позади, а впереди какая то „дикая дивизия" (так называли нашу дивизию на юденичском фронте).

Приехали в Рославль. Приемщики загорелые, в мохнатых шапках, быстро обходили красноармейцев и проверяли имущество. Они весело разговаривали, шутили с пополненцами, совсем не походили на „диких". Пополненцы недоумевали—какие же они дикие? Начались рассказы, расспросы. Кончилась приемка и пополнение двинулось в бараки. Пришли к баракам, выстроились. Со всех сторон сбежались старые красноармейцы посмотреть на пополнение. Старые красноармейцы были почти все раздеты и разуты, но вид у них был веселый, задорный.

— Вот так фронтовики,—думали туляки. Смеялись.

Приехал тов. Котовский. Он был встречен

громкими криками старых красноармейцев. Он начал говорить пополненцам о „дикой дивизии“, ее победах и традициях.

— Разрешите выразить пожелание,—говорил он—что северные орлы не упадут лицом в грязь и покажут всему миру, как умеет сражаться воин свободной республики. Забудьте о домах и семьях. Ваш дом, ваша семья—это наши полки и дивизия, славу которых вы должны поддержать с честью. Трусам, шкурникам, дезертирам нет места среди победителей и храбрых бойцов. Тот, кто мечтает не о защите республики, не о победе, а о Брянских лесах, тот изменник рабочему делу и его ждет жестокая кара...

Слова Котовского были покрыты аплодисментами старых красноармейцев.

Пополнение стояло оглушенное и подавленное. Оно увидело, что попало в среду боевых ребят, видавших виды, побывавших не в одних боях.

Разбили по ротам. Старые принимали новых, молодых радушно. Спрашивали, рассказывали о себе. Привыкнув к постоянному движению и опасностям в боях, как то скучали здесь и выражали нетерпение скорее двинуться на фронт:

— Скорее бы обмундировали нас,—говорили старики, — да и на фронт. Там жизнь, а здесь только киснешь в бараках и холодно, и голодно, и дела тебе настоящего нет.

...И начинаются рассказы о победах, об отступлениях, о героях живых и павших.

— А зачем вы это с собой много капусты набрали? — смеясь, шутили старики,—полные сумки напхали!

Туляки виновато улыбались.

— Да как же без капусты! Уж очинно мы ее любим... А тут не достанешь...

Туляки удивлялись: вот старики голые, голодные, а не унывают. Все скорей бы на фронт.

В течение нескольких недель совместной жизни стариков с пополнением из молодняка стали вырабатываться красноармейцы, проникавшиеся необходимостью борьбы с контр-революцией, более или менее понимавшие, зачем их призвали, за что они идут воевать.

...На деникинском, на польском фронтах, туляки потом показали, что и они умеют биться.

Так старые бойцы сумели воспитать своих новых товарищей, сделать их хорошими бойцами.

АЛЕКСАНДРОВ.

Выполнили долг перед Красным Питером

Наша 2-я бригада (Котовского) попала на отдых в Рославль, грязный городишко, столь типичный для нашей провинции. Местные военные власти разместили нас за городом (в городе была расквартирована 53-я дивизия) в „казарменном городке“, еще в старое время приспособленном для воинских частей. Ну, думаем, отдохнем теперь, месяца два, первым делом, как следует вымоемся в бане, пополним бригаду, и обмундируемся и вновь двинем на Украину.

Но не тут-то было. Получаем из Вязьмы, где стоял наш штадив, приказ: „нашей 45-й дивизии, совершившей доблестный южный переход и заслужившей Красное знамя революции, приказано высшим командованием Республики отправиться на Петроградский фронт, помочь питерским рабочим в обороне колыбели мировой революции-Красного Петрограда.—В двухдневный срок предполагалось произвести погрузку частей бригады в эшелоны и отправиться на Питерский фронт.

Дивизия была гола и боса, только и успели мы на „отдыхе“ что помыться в бане. Ни у кого из нас, не говоря уже о шинелях, не было на ногах годных сапог; ноги красноармейцев зачастую были замотаны в какие то тряпки, лишь у кое-кого из „счастливцев“ уцелели на ногах опорки; белье разлезлось в клочья.

Ликвидировав кой-какие недоразумения, имевшие место среди кр-цев, больше на счет того „а пустят ли нас после Питера вновь на Украину?“, и погрузив в двухдневный срок бригаду в эшелоны, мы двинулись к Питеру, получая по пути нерадостные вести о взятии белыми того или другого нашего опорного пункта.

Обывательщина распустила слухи о том, что Питер пал. Доходили до нас вести и о тех бесконечных заговорах, которые имели место на северном фронте, о предательстве некоторых бывших офицеров из комсостава нашей Красной армии. Несмотря на это, настроение в нашей бригаде было крепкое. Партийная неделя, проведенная еще в Рославле, влила в наши партийные ряды значительное количество рядовых красноармейцев. Несмотря на недостаток, вернее полное отсутствие обмундирования, на голодный паек, к которому на Украине (где было всего вдоволь, и не только хлеба, но и сала) наши кр-цы не привыкли, мы, потуже стягивая ремень на животе, разводили „философию“ насчет того, что раздетый и голодный злей дерется, нежели одетый и сытый.

С такими настроениями мы прибыли в холодный и хмурый, но столь близкий и дорогой, Питер.

К моменту нашего прибытия части VII армии, в которую теперь была влита наша 45-я дивизия, теперь перешли в стремительное наступление. Было освобождено Детское Село, где и расположилась наша 2-я бригада. Юденича догнать уже теперь не было никакой возможности. Наступавшие части VII армии нигде не могли войти в соприкосновение с противником. Сегодняшний лозунг: „На Лугу, на Гатчину!“, на завтра сменился последним отзвучавшим для белой армии похоронным звоном, лозунгом:

„На Гдов, на Ямбург!“.

Непосредственная опасность, угрожавшая Питеру, миновала, мы повернули обратно на юг, на Украину.

ШМИДТ.[1]

О героизме 45-й.

С Бессарабией очень тесно связана история 45-й дивизии, ибо как раз Бессарабские партизанские отряды составили костяк будущей 45-й дивизии. Эти отряды сплачивали и организовывали, товарищи, которые затем вели дивизию в бои против контр-революции во весь период гражданской войны: Якир, Гарькавый, Левензон, Котовский и др.

Партизанские отряды бессарабцев на своих знаменах написали лозунг „В поход за Бессарабию!". Эти партизанские отряды занимали позиции вдоль реки Днестра. На противоположной стороне реки стояли румыны.

Трудовое крестьянство было за нас...

Очень важно отметить отношение к нам молдаван, живших в Бессарабии, тогда, как известно, оккупированной Румынией. Ежедневно группы бессарабских крестьян посещали наши отряды, умоляя нас поскорее занимать Бессарабию и освободить их из под гнета румынских бояр. Немало таких „делегатов" оставалось навсегда у нас. Это своеобразное поломничество крестьян достаточно ярко показывает настроение трудящихся крестьянских масс Бессарабии в те дни, их сочувствие нашему делу, их симпатии к нам.

Район, занимаемый нами, исключительно был населен молдаванами. Дело было в 1918 году. Очень трудно было со снабжением частей всем необходимым. Правда, у нас был орган снабжения, который и должен был нас снабжать. Но своих функций он не выполнял, да и не мог выполнить, ибо тогда, как известно никакого централизованного снабжения для партизанских частей не существовало. Приходилось по сути дела „снабжаться" за счет местного населения. Запас же этого населения в результате империалистической войны очень истощился. Казалось бы, население должно было желать возможно быстрейшего избавления от нас, ложившихся тяжелым грузом на его и так скудный продовольственный бюджет. Кулачье то, по сути дела, и во сне видело наш уход из этого района. Но трудно себе представить лучшее, исключительно радушное отношение к нашим частям, стоявшим там, нежели то, которое было со стороны местного трудового населения, и прежде всего со стороны бедноты.

Крестьяне оказывали нам поддержку и в тех случаях, когда мы перебрасывали отдельные группы бойцов на тот берег Днестра и беспокоили передовые румынские части. Мы предлагали крестьянам вступать в наши отряды и готовиться к наступлению на румын. Неизменно получали ответ:

— Об'явите мобилизацию,—мы, все как один, пойдем! Идти же в одиночку не можем!

Больше того, нередки были случаи, когда крестьяне выдавали нам отдельных дезертиров, убегавших из наших отрядов. На это они были способны, но у многих из них не хватало решимости и мужества добровольно записаться в наш отряд.

Революция преображает людей.

В составе наших полков было немало молдаван, при чем многие из них были солдатами еще в царской армии. Влились они в наши отряды, что называется „нечаянно": возвращались с кавказского фронта домой в Бессарабию, но у Днестра увидели, что их родина захвачена оккупантами. Молдаване, солдаты царской армии, становились в наши отряды для борьбы за освобождение своей страны от румынских бояр.

Как известно, в старой царской армии, молдаван, считались самыми тупыми, самыми заскорузлыми бойцами, не поддающимися, что называется, никакому военному обучению. Мы были поражены, наблюдая их в наших отрядах в боях с румынами, а затем вообще на всем пути боев дивизии с помещичье-буржуазной контр-революцией. Эти „тупицы", что называется, „рассудку вопреки, наперекор стихии", блестяще боролись с румынами, разметая точно пыль, ложные представления о себе, как о трусливых и небоеспособных солдатах. 2—3-х молдаван было достаточно для того, чтобы разогнать 12-15 румынских солдат. Нам странно было видеть отдельные группы румын, какие удавалось нашим партизанам брать в плен: мы были поражены их (румын) трусливостью, отсутствием каких бы то ни было элементарных военных качеств.

Сопоставляя сегодня эти факты, — поистине понимаешь величие разницы, подчеркнутой в свое время Лениным, разницы между Красной армией и армиями помещичье-буржуазными.

Красная армия знает, за что она борется!

Действительно, вот это знание цели борьбы коренным образом перестраивало людей. Да, революция преображала людей! Молдаване-партизаны —яркий этому пример.

---

[1] Автор статьи т. Шмидт—Одесский рабочий, старый большевик. красноармеец 45 дивизии в период до Южного похода, в Южном походе,—военкомбриг 2, затем (в 1920 г.) военкомдив 45. В 1926 году т. Шмидт возглавлял летную экспедицию, совершившую трудный перелет Москва—Пекин через Сибирь и Монголию. Сейчас т. Шмидт—заведующий Московской губернской партийной школой. О т. Шмидте рассказывают Т. Талдыкин „Из дневника политрука"—(раздел „Борьба с белополяками") и А. Алексеев „Газета на фронте", (раздел „Ликвидация Петлюры") *Ред.*

О командирах и бойцах...

Воспитывали и вели в бой массу бойцов командиры. Мне сейчас вспоминается ряд фамилий товарищей, игравших активную роль в борьбе. Вот передо мной лицо смуглого, спокойного, несколько улыбающегося тов. Левензона, командира бригады. Я его знаю еще с 1917 года, по работе в Совете Рабочих и Крестьянских депутатов. Вот тов. Озерянский. Вот высокий и стройный, слегка заикающийся т. Котовский, смелый, самоотверженный боец нашей армии. Вот т. Нягу, которого по праву называли в дивизии храбрейшим из храбрейших, искусный кавалерист, хороший рубака, вот—партизан Колесников, партизаны Дьячишин, Криворучко, бывший затем командиром полка, славно погибший на своем боевом посту на деникинском фронте.

Отважные и сильные люди! Некоторых из них уже нет в живых. Большинство же и сегодня здравствует в различных уголках Советского Союза, кропотливо и энергично строя фундамент социалистического общества.

Что из себя представляла масса бойцов? Подавляющее большинство их, как я уже сказал, было из Бессарабии. Они, бессарабцы, давали известный колорит настроениям всей дивизии. Припоминаю несколько фактов.

Помню в 1919 году, в октябре м-це мы получили приказ итти на юденичский фронт. Это было в Рославле, Смоленской губ. Котовский—эта великолепная фигура, мой личный друг, Котовский, смерть которого для меня лично была очень сильным ударом, Котовский, о котором я могу сказать в сто раз больше хорошего, чем плохого,—в то время сам отражал настроения бессарабцев:

— Почему нас не посылают освобождать Бессарабию, а переводят на юденичский фронт?

Я долго убеждал его отказаться от такого патриотизма и добился этого. Но масса бойцов, масса,—та подавно не хотела идти на юденичский фронт. Красноармейцы отправляли по полкам делегации и агитировали за то, чтобы остаться здесь в Рославле и готовиться к наступлению на Украину, а затем и к освобождению Бессарабии.. Этим делегациям, надо сказать, удавалось обрабатывать бойцов, если можно так выразиться, в „бессарабском направлении". Я эти факты привожу для иллюстрации того, насколько глубоко было влияние бессарабцев на бойцов всей дивизии, как бессарабцы придавали лицу дивизии свой, я бы сказал „бессарабский" отпечаток.

Но здесь важно отметить и другое. Нежелание итти воевать на юденичский фронт, присущее, как известно, не только бессарабцам, но и херсонцам, и приднестровцам и прочим входившим в состав дивизии, характеризует типичную крестьянскую черту: „покуда я в своей деревне—я воюю, а если вы идете дальше, то там и набирайте себе бойцов". Нужна была огромная энергия, воля и решимость, которую тогда проявили и политотдел дивизии и парторганизация и командный состав, для того, чтобы эту, по сути дела, волну мелко-буржуазных настроений сломить и энергию, вздымавшую эту волну, переплавить в нужном нам направлений, направить в соответствующие рамки.

Приказ об отправлении на юденичский фронт, как, известно, был выполнен.

А ведь сколько нужно было проявить героизма и огромного самопожертвования для того, чтобы эту задачу выполнить!. Так точно, как и в тяжелые сентябрьские дни 1919 года, в обстановке окружения со всех сторон враждебными нам войсками, да и не только войсками, а и с'агитированным кулаками населением, нужно было поднять массу на преодоление огромнейших трудностей, зажечь ее героизмом великой борьбы за Октябрьскую революцию. Нужно было всю эту массу бойцов с боями провести через район крестьянский, где мы имели со стороны зажиточных элементов и кулачья глухую и открытую вражду. Была опасность, что наши бойцы-крестьяне смогут поддаться настроениям наших классовых врагов, и тогда мы не выполним своей задачи. Правда, отдельные случаи перебежек наших красноармейцев к бандитам, отдельные случаи дезертирства во время нашего знаменитого Южного похода имели место. Но основная масса бойцов шла под водительством коммунистической партии и поставленных рабоче-крестьянской властью командиров, и сражалась стойко и самоотверженно.

Героизм в нашей борьбе воспитывал новые кадры бойцов.

Если бы не было нашего героизма, не прорвались бы мы из железного кольца в сентябре 1919 года. Не прорвались бы, ибо патронов у нас было очень мало, обмундированы мы были очень скверно, вооружены также неважно.

Интересно отметить, что по истории 45-й дивизии можно проследить всю динамику настроений крестьянства в нашей революции. Отдельные эпизоды из истории 45-й ярко показывают эти „пучки" настроений. В самом деле, крестьянство вместе с нами шло против помещиков. И здесь ярко вырисовывается мелко-буржуазный характер крестьянства. Завоевав себе землю, крестьяне покидают фронт, армию для того, чтобы воспользоваться благами завоеванной земли. Этим мелкобуржуазным настроением приходилось болеть и 45-й дивизии, о чем я уже писал выше.

И вот факты. Среди крестьян, приходивших в нашу дивизию, было немало дезертиров. Я помню, в то время, когда дивизия стояла в Вязьме и Рославле, в нее влили 3000 таких „бойцов". Как известно этих „бойцов" приходилось держать в бараках, без обуви, (в октябре 1919 года) так как они удирали от нас целыми партиями. Часто приходили к ним матери и отцы и умоляли своих сыновей ехать домой и защищать *свою* землю и хозяйство, а не трепаться здесь, защищая, *не свое, не собственное*. И вот эти дезертиры, имевшие за собой не маленький стаж своей „профессии", попадая в 45-ю дивизию, заметно переваривались в красноармейском соку старых бойцов, и превосходно затем дрались на всех фронтах, где была дивизия.

Это преображение дезертира-крестьянина очень характерно; оно показывало, как такой крестьянин, попадая в здоровую революционную семью, как бы *терял свои мелко-буржуазные черты*, защищать лишь свое, собственное и *поднимался до готовности защищать революцию в целом.*

45-я дивизия—оплот трудящихся и угнетенных.

С юденичского фронта мы поехали на деникинский. В Глуховском уезде, т. е. первом уезде нашей остановки, крестьяне с ужасом рассказывали бойцам о зверских расправах над ними деникинцев и издевательствах офицеров. С большим возмущением приводили крестьяне, крестьянки кошмарные случаи издевательств белогвардейских банд; рассказывали о том, как белогвардейцы вешали крестьян, как офицеры заставляли крестьянских жен мыть „их благородиям" ноги и т. п.

В этих рассказах мы чувствовали ненависть к белогвардейцам и симпатию к нам, принесшим трудовому крестьянству освобождение от этого кошмара.

Эти первые встречи наших бойцов дивизии с крестьянами были, в некоторой степени, теми, в особенности необходимыми для молодых необстрелянных бойцов, и, в частности, дезертиров, уроками политграмоты, которые оттачивали жажду классовой мести у бойцов.

История дивизии есть небольшая страница из истории всей нашей революции.

Перелистывая эти страницы, мы убеждаемся в том, что все угнетенные массы относились с сочувствием к нам, а лучшие представители шли в наши ряды и боролись вместе с нами за наши общие идеи и дело.

45-я дивизия популярна во многих уголках Советского Союза и, в особенности, среди молдаван. Можно не сомневаться в том, что если наступит момент, (а он наступит) когда мы сумеем помочь двухмиллионному населению бессарабцев, находящихся под гнетом Румынии, то первое место в этом большом героическом деле займет 45-я дивизия.

ЗОРИН[1].

Об особенностях 45-й.

На всей нашей Красной армии лежит определенный отпечаток, выделяющий ее из всех армий мира. Этот отпечаток определяется не только тем, что она является армией пролетарской диктатуры, но и всей совокупностью боевых традиций Красной армии, совокупностью тех задач, которые она выполняет. Внутри Красной армии имеются части, которые обладают рядом черт, свойственных лишь этим частям, характерных лишь им.

Красная армия является армией-победительницей, имеющей свой отличный от других армий путь победы над врагами, но внутри Красной армии есть такие части, которые побеждали врагов революции „по своему", несколько особым порядком, и потому их путь победы несколько отличен от общего пути армии.

Вся наша Красная армия имеет обычные боевые традиции, но внутри этой армии есть части с особыми боевыми традициями. Части, имеющие отмеченные мною выше качества, должны быть отнесены к особым, выделяющимся из общего ряда частей армии. К числу таких особых частей необходимо отнести и 45-ю дивизию.

Что же выделяет 45-ю дивизию из частей Красной армии?

Ответ на этот вопрос можно получить, лишь обратившись к разбору нескольких эпизодов из истории этой дивизии.

О бодрости и боевом энтузиазме.

Возьмем июнь 1919 года. 45-я дивизия, как таковая, лишь начала существовать. Родилась она, как известно, „поглотив" 3-ю Украинскую армию и ряд мелких частей. Обстановка, которая сложилась к этому времени, может быть охарактеризована одним словом: „партизанщина"; партизанщина в частях дивизии, партизанщина вокруг.

Помню, штаб дивизии в это время стоял на ст. Балта. Мы совершенно не знали, откуда, кто и куда наступал. Понятия фронта и тыла, что называется, совершенно стерлись. Известно было, что в Бердичеве — очередные погромы петлюровцев, что со стороны Киева ряд станций занят, но кем, неизвестно, что где-то возле Раздельной восстали немцы-колонисты и т. д. и т. п. Положение дивизии было в высшей степени тяжелое. С продовольствием было совсем скверно. Вспоминаю тов. Левензона, брата комбрига Левензона. С забинтованной головой он появлялся среди нас и бешено скулил по поводу того, что есть нечего частям, нет продовольствия и т. д. (брат тов. Левензона имел тогда, не помню, какое-то отношение к снабжению). И, действительно, с обмундированием, продовольствием из рук вон было плохо. Все бойцы были одеты в рубашки такого цвета, какой вы теперь можете встретить на одеждах у восточных народов: яркие краски в цветочки. Несмотря на голодовку, кр-цы были заражены боевым энтузиазмом и в целом настроены неплохо.

— Жрать нечего — за то жить весело, — заявил, помню, мне красноармеец, наигрывавший на гармошке. Лицо этого бодрого красноармейца, с непринужденной улыбкой, запомнилось мне на всю жизнь, как на всю жизнь запомнились мне эти дни и та удивительная бодрость у бойцов несмотря на тяжелое положение, в котором находилась тогда дивизия.

Нельзя не отметить и плохого, а плохое было в том, что партизанские настроения среди бойцов, очень живучие в то время, нередко выливались в недопустимые формы, а именно, были случаи отдельных грабежей населения и т. п.

Правда, в конце концов такого типа партизанские настроения были дивизией преодолены, и *не они составляют ее особенность*. Они были лишь исключением. Для 45-й дивизии более характерно чрезвычайно *боевое* настроение, *ее стремление во всем быть первой*, играть первую скрипку в различной обстановке.

---

[1] Автор статьи — политработник 45 дивизии в 1919 году, впоследствии военкомдив 45 (1921 г.). Сейчас — начагитпроп ПУР'а. *Ред.*

Какова была спайка?

Это стремление играть первую скрипку среди других частей, действительно, характерно для 45-й. Я помню, как в 1920 году собралась широкая беспартийная конференция. 45-я дивизия также своей многочисленной делегацией принимала участие в конференции. Наша делегация задавала тон. На конференции выступали беспартийные, партийцы, красноармейцы, политруки и т. д. Если в президиум попадало какое нибудь предложение, не согласованное с дивизией, происходил скандал. Регламент устанавливала также она.

Тут есть, конечно, и много отрицательного, так как такая конференция превращалась отчасти в конференцию лишь 45-й дивизии. Делегатам же других дивизий была отведена очень скромная роль: присутствовать и слушать. Это, конечно, уже скверно. Но в этом отрицательном было и положительное. И положительное заключалось в том, что крепко были спаяны бойцы, командиры и политруки 45-й дивизии. В боевой обстановке, лицом к лицу с классовым врагом, эта спайка превращала дивизию в стальной кулак, уверенно и решительно пробивавший себе дорогу там, где это нужно было...

Такой под'ем мог быть только у бойцов революции...

Мы стояли под Петроградом. Прибыла телеграмма о том, что нужно грузиться в вагоны и отправляться на Южный фронт. Поднялся невообразимый шум, крик и гам. Я в жизни потом не помню такого восторга. Эти крики многоголосой массы отражали ее энтузиазм, ее желание драться с классовыми врагами пролетарской революции, не щадя своей жизни.

Такое настроение могло быть только у людей, которые делают одно дело, которые готовы бороться до последней капли крови, уверенные в победе. Этих бойцов воспитала 45-я дивизия. Их воспитала партийная организация 45-й дивизии, ее командный и политический состав.

Дивизия представляла единый коллектив, а ее партийная организация — боевое ядро, придававшее единую волю этому коллективу. Чрезвычайно боевой дух сопутствовал дивизии на ее пути...

* * *

Я привел здесь несколько фактов. Этих фактов было больше. Ими полна, богата история 45-й дивизии. Эти факты показывают, если можно так выразиться, „особость" дивизии, показывают черты, свойственные именно ей. Их нужно культивировать и передавать, как традиции, молодым бойцам. Эти славные традиции — бодрость, живое настроение в самой тяжелой обстановке, здоровая спайка, и революционный энтузиазм, готовность до последнего вздоха биться за дело пролетарской революции, — должны гореть в сердце каждого бойца 45-й дивизии.

„МЫ МОЖЕМ ВЕСТИ ВОЙНУ ПОТОМУ, ЧТО МАССЫ ЗНАЮТ, ЗА ЧТО ВОЮЮТ, И ХОТЯТ ВОЕВАТЬ, НЕСМОТРЯ НА НЕСЛЫХАННЫЕ ТЯЖЕСТИ (ПОВТОРЯЮ, ТЯГОТА ВОЙНЫ ТЕПЕРЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРИ ЦАРИЗМЕ), ЗНАЯ, ЧТО ПРИНОСЯТ ОТЧАЯННЫЕ НЕПОСИЛЬНО ТЯЖЕЛЫЕ ЖЕРТВЫ, ЗАЩИЩАЯ СВОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДЕЛО, БОРЯСЬ РЯДОМ С ТЕМИ РАБОЧИМИ В ДРУГИХ СТРАНАХ, КОТОРЫЕ НАЧАЛИ ПОНИМАТЬ НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ".

(ЛЕНИН — том XVI, стр. 68).

НА ДЕНИКИНА.

Н. ПАВЛОВ.

45-я на деникинском фронте.

(Декабрь 1919 г.—март 1920 г.).

45-я дивизия приняла активное участие в действиях по ликвидации деникинской армии во второй половине декабря 1919 г. К этому времени генеральное сражение на Южном фронте было уже разыграно. Войскам Южного фронта удалось добиться решительного перелома в ходе операций в свою пользу; перед ними встала не менее трудная задача—организация преследования деникинской армии, чтобы довести ее ликвидацию до конца.

Сокрушающий удар Буденовской кавалерии расколол деникинскую армию надвое. Одна группа в составе добровольческой армии: кубанцев, донцов и терцев отходила на Кубань, другая в составе войск генерала Шиллинга и Драгомирова,—в тогдашнюю Новороссию, прикрывая Одессу и Николаев и базируясь на Одессу.

Центр—Екатеринославское направление прикрывал 3-й корпус генерала Слащева.

Белое командование предполагало в дальнейшем концентрическим наступлением из Кубани и из района Одессы-Николаев раздавить красные войска.

45-я стрелковая дивизия была назначена в состав XIV армии. На долю этой армии выпала задача энергичным продвижением в направлении на Екатеринослав и Александровск завершить изоляцию западной группы деникинцев, а затем движением в западном направлении совместно с XII армией, действующей с севера, выжимать ее в район Одессы, где и ликвидировать.

Действия 45-й дивизии на деникинском фронте можно расчленить на 4 этапа:

1) Взятие Екатеринослава, 2) Ликвидация Махно, 3) Выдвижение на линию Ольвиополь-Вознесенск, 4) Одесская операция и действия на нижнем Днестре.

1. Взятие Екатеринослава.

(Схема № 6)

20 декабря 1919 года 45 дивизия была выведена из армейского резерва. На дивизию было возложено овладение районом: устье реки Ворсклы — Верхнеднепровск, — Екатеринослав, — Новомосковск. Эта задача ставила дивизию на правый фланг XIV армии.

Иными словами, 45-й дивизии в первую очередь приходилось перехватывать противника, вытесняемого XII армией из района Житомир-Киев.

К вечеру 19/XII части дивизии располагаются: 1-я бригада (397 и 398 стр. полки, 1-й артдивизион и 1 кавдивизион, комбриг Левензон) в районе Ладыжин (25 клм. юго-восточнее Полтавы).

2-я бригада (400, 401 и 402 стрелковые полки, 2-й артдивизион и 2-й кавдивизион, комбриг Каменский) в районе Полтава.

3-я бригада (403, 404, 405 стрелковые полки, 3-й артдивизион и 3-й кавдивизион, комбриг Голубенко) в районе Сенжары, (20 клм. юго-западнее Полтавы).

Справа 9-я кавдивизия XII армии, наступая на Кременчуг, вышла на линию г. Кобеляки; слева —41 дивизия заняла Карловка и район восточнее с задачей к 28/XII выйти на линию реки Орич, западнее желдороги Константиноград-Лозовая.

Командование дивизией направило главные силы дивизии (3-ю и 1-ю бригады) для занятия района Екатеринослав и Ново-Московск; 2-я бригада следовала в дивизионном резерве за центром главных сил. Кроме того, один из полков 3-й бригады выдвигался на реку Днепр на участок: устье реки Ворсклы-Екатеринослав для обеспечения дивизии справа.

Наступление началось с утра 2/XII. Противник имея намерение идти на юг в Крым и опасаясь перехвата путей в Крым нашими войсками, поспешно отступал перед фронтом дивизии. Только у х.х. Дмухайловские и у Чаплинка, 40-60 клм. южнее Полтава, 1-я и 3-я бригады имели небольшие бои с арьергардами противника.

29/XII были заняты: 3-й бригадой—Верхнеднепровск и 1-й бригадой—Новомосковск, а 30/XII части 3-й бригады вошли в Екатеринослав. Противнику удалось в значительной мере эвакуировать Екатеринослав, поэтому трофеи дивизии выразились только в 34 паровозах, 3 вагонах с 3-хдюймовыми снарядами, вагоне винпатронов, 10 пулеметах, нескольких орудий без замков, вагоне артаммуниции и 1000 порожних вагонов[1].

После занятия Екатеринослава 45 дивизии было приказано овладеть в кратчайший срок районом Александровск с одновременным прикрытием правого фланга XIV армии по р. Днепру на участке устье р. Ворсклы-Екатеринослав.

Командование дивизией, возложив прикрытие р. Днепр на 3-ю и 2-ю бригады, двинуло форсированным маршем на Александровск 1-ю бригаду. Одновременно XIV армия произвела перегруппировку, в результате которой 41-я дивизия была выведена в резерв в район Синельниково, так что

[1] О взятии Екатеринослава рассказывает Э. Пясковская в очерке „Воспоминания сестры" (помещены в этом разделе). *Ред.*

соседом слева у 1-й бригады оказалась 46-я дивизия, имевшая задачей выйти в район Орехов.

1-я бригада, отбросив кавгруппу противника силою до 800 сабель в бою 3/I-20 г. у Софиевка, 20 клм. северо-восточнее Александровск, овладела в ночь с 4 на 5-е января гор. Александровск.

2. Действия против армии Махно.

(Схема № 6.)

С занятием Екатеринослава и Александровска 45-я дивизия вступила в соприкосновение с армией Махно. В период деникинской оккупации Махно находился в состоянии открытой войны с белыми, и присутствие его армии на тылах деникинцев имело значение в том смысле, что оно принудило белых к быстрому и местами беспорядочному отходу.

Ко времени развертывания боевых действий под Екатеринославом и Александровском армия Махно располагалась своими главными силами в районе ст. Апостолово, Никополь, Томаковка. Организационно она состояла из 4-х корпусов. Численности этой армии установить не представляется возможным. Во всяком случае, наиболее сильный 2-й махновский корпус насчитывал в своем составе до 5000 человек. Однако, столь внушительная численность сводилась на нет неустойчивым внутренним состоянием этой армии, ибо она была укомплектована в значительной мере чуждыми Махно элементами, которых под знамена Махно временно привела общая цель—борьба с деникинцами.

После очищения от белых Екатеринослава и Александровска командование дивизией находилось в неизвестности относительно будущих действий махновской армии. Однако дальнейшее поведение Махно исчерпывалось двумя возможностями:

или Махно прекратит борьбу с Советской властью, подчинится ей и будет сотрудничать с Красной армией в ее борьбе с белыми,

или Махно попрежнему останется врагом Советской власти; в этом случае, он не мог остаться в районе Никополь, а должен был прорываться в свою основную базу Гуляй Поле—Пологи, чтобы укомплектоваться во всех отношениях.

Для приведения в исполнение последнего плана махновцам нужно было переправиться на левый берег Днепра, наиболее же удобным пунктом для этого являлась переправа у Кичкас, 15 клм. севернее Александровска. Поэтому понятно, что для советских войск своевременный захват Кичкасской переправы имел важное значение, так как владение ею позволяло отрезать Махно путь на Орехов—Гуляй Поле.

На XIV армию была возложена трудная задача выявить намерения Махно и в зависимости от них определить характер своих будущих действий.

До 5 января 1920 г. командование дивизией не располагало точными данными о намерениях Махно и считало местом сосредоточения его главных сил район: ст. Апостолово-Никополь. Поэтому, по первоначальному плану, 3-я бригада направлялась на Кривой рог, 2-я бригада на ст. Апостолово-Никополь, и 1-я бригада обеспечивала район Кичкас-Александровск. Но в ночь с 4 на 5-е, почти одновременно с частями 1-й бригады, вошли в Александровск два полка 2-го махновского корпуса, во главе с самим Махно. Это обстоятельство расшифровало планы Махно. Командование дивизией окончательно убедилось, что цель Махно—Гуляй Поле и что его войска оставляют район Никополь. Поэтому первоначальный план командования был изменен в том смысле, что оси движения 1-й и 2-й бригад были оттянуты на юго-восток и эти бригады должны были к 9 января занять и очистить от махновцев районы: Варваровка, Чумаки, Томаковка, Хортица. Левее 1-й бригады из района Ново-Гупаловка — ст. Янцево-Беккеровка наступала 41 дивизия с задачей перехватывать прорвавшиеся у Кичкас махновские отряды.

Здесь следует отметить два момента, которые оказали большое влияние на дальнейший ход событий. Во-первых, части 1-й бригады, ввязавшись 3-го января в бой у Софиевки, уклонились влево от главного своего направления и вошли в Александровск с востока. Таким образом в ночь на 5-е января переправа у Кичкас оказалась не занятой нашими войсками, и это обстоятельство позволило Махно беспрепятственно переправиться через Днепр и войти в Александровск одновременно с частями 1-й бригады.

Во-вторых, части 1-й бригады не были своевременно информированы относительно возлагаемых на них задач и по занятии Александровска проскочили в южном направлении, выйдя к вечеру 5-го января на р. Конская, 15—25 клм. юж. и ю.-в. Александровска. В результате, понадобилось двое суток, чтобы возвратить их в район Кичкас.

Тотчас же по вступлении 1-й бригады в Александровск комбригу 1 было приказано вступить в исполнение обязанностей начальника гарнизона, несмотря на присутствие махновских начальника гарнизона и коменданта. Это мероприятие имело целью доказать махновцам, что население будет обращаться не к ним, а к представителям Советской власти.

6 января была организована манифестация совместно с рабочими организациями. Махновцы сделали было попытку сорвать манифестацию, но поддержка рабочих, явно оказавшихся на стороне Красной армии, и твердое поведение красноармейцев, заставили махновцев замолчать.

7 января был устроен парад с агитационной целью, чтобы показать, что Красная армия—организованная и регулярная армия, а также были выпущены листовки - воззвания, которые получили распространение среди местного населения и махновцев. Последние со своей стороны также повели агитацию, но она большого успеха не имела.

8 января Махно был вручен приказ РВС Республики о передаче всех махновских войск в состав Зап. фронта и сосредоточении их в районе Гомель. Махно должен был приступить к выполнению этого приказа до 12 часов 9 января, в противном случае против него начинались военные действия.

Этот приказ полностью отвечал сложившейся к тому времени обстановке на фронтах Красной армии. На Южном фронте определился решительный успех. Были заняты Таганрог, Мариуполь, Бердянск, Ногайск; на подступах к Ростову шел

бой. Зато на Западном фронте поляки, сосредоточив крупные силы, перешли в наступление в районе Двинск, Мозырь и Коростень.

С другой стороны этот приказ являлся определенным политическим маневром, который помогал выявить подлинное лицо Махно и определить характер дальнейших действий XIV армии. Этот приказ позволил политическому аппарату 45 дивизии найти правильную установку для развертывания политической работы в последующий этап борьбы против Махно. Сущность этой установки была выражена в словах Командарма XIV тов. Убаревича: „Махновцы должны не только свои хаты защищать, но, как и вся рабоче-крестьянская армия, бороться и на других фронтах. Если они этого не пожелают сделать, значит, они—враги и изменники", (разговор Командарма XIV и Комдива 45 по прямому проводу 7/I—20).

На основе этой установки политаппаратом частей 45-й дивизии была развернута самая энергичная политическая работа в самых разнообразных формах, и эта работа, как показали дальнейшие события, внесла разложение в армию Махно и оторвала от него многих его сторонников, даже из числа членов военного совета махновской армии.

9 января Махно приказа Реввоенсовета Республики не выполнил. Поэтому частям дивизии было приказано с 10 января приступить к разоружению его отрядов.

К вечеру 9 января 3 бригада достигла района Варваровка-Чумаки, 2 бригада заняла район кол. Нейендорф-Хортица, 1 бригада располагалась в Александровске. Бригада 45-й дивизии занимала линию Софиевка-Михайловка, части 46-й дивизии находились в районе Орехов.

В дальнейшем ход событий был следующий:

11 января части 3 бригады, разбившись на мелкие отряды, обследовали район Варваровка-Чумаки, при чем разоружили несколько сот махновцев, захватили много оружия и 100 тачанок. Кавотряд махновцев в 250 сабель присоединился к нашим частям. Тогда же части 1-й бригады совместно с частями 2-й бригады и бригады 41 дивизии обложили г. Александровск. При занятии 1-й бригадой с. Вознесенское, 5 клм. сев. Александровска, сдались часть 13 махновского полка и махновская батарея, стоявшая на восточной окраине Александровска. Частями 1-й бригады были разоружены и частично влиты в свой состав следующие партизанские отряды: Екатеринославский, Верхне-Днепровский, Весело-Терновский и полк Сечевых стрельцов. Личный состав этих отрядов был обращен на пополнение, главным образом, пулеметных команд и конных частей. 13 января на участке 405 полка в районе Никополь, благодаря работе подпольной ком'ячейки, перешел на нашу сторону 1-й „стальной им. батки Махно" полк.

13 января частями 3-й бригады в районе Шолохово был разоружен 4-й корпус Махно, при чем было захвачено много имущества и громадный обоз. Армия Махно распалась. Самому Махно с 500 всадников удалось пробиться в Гуляй Поле.

Операция против Махно представляет собой одну из славных страниц в истории 45-й дивизии. Ее значение выходит за пределы истории 45-й. Она является образцом тех операций, где главным родом оружия является не пулемет или пушка, а политическая работа. Фактически пулеметы и пушки молчали, а с оперативной точки зрения был допущен ряд промахов (запоздание 3-й и 2-й бригад, проскок частей 1 бригады через Александровск, позднее об'единение командования на левом берегу Днепра в одних руках—Начдива 41), но и отсутствие боев и оперативные недочеты были с лихвой компенсированы энергичным развертыванием политработы.

Высшим командованием был задуман определенный политманевр, который поразил противника в самое слабое место и разложил („оздоровил", по справедливому замечанию т. Якира) его армию. Но и исполнители—бойцы, командиры и политработники 45 дивизии—оказались на высоте доверенной им задачи [1].

За счет партизан, отошедших от Махно, было начато формирование не хватавшего в составе 45 дивизии 399 стрелкового полка 1-й бригады (распылившегося еще в боях Южного похода).

3. Выдвижение в район Ольвиополь-Вознесенск.

(Схема № 7).

После взятия Екатеринослава 3-й деникинский корпус ген. Слащева (13 и 34 дивизии, группа ген. Склярова и кавбригада полк. Морозова), действовавший перед фронтом дивизии, отошел тремя группами.

Группа ген. Склярова была передана в армию ген. Шиллинга и сосредоточилась в районе ст. Апостолово, составляя правый фланг этой армии. Одна бригада 34 дивизии была по желдороге переброшена в Николаев. 13 дивизия и вторая бригада 34 дивизии, прикрываясь с фронта кавбригадой, отходили на Александровск и далее на Мелитополь.

После ликвидации Махно перед 45 дивизией вновь встала задача довершить разгром деникинских войск и очистить от них Правобережную Украину.

К этому времени поставленная Южному фронту основная задача была выполнена. Живая сила противника была разбита. Донецкий бассейн был освобожден, наши армии вышли на побережье Азовского моря.

Южный фронт был преобразован в Кавказский и Юго-Западный фронты. Задачей Юго-Западного фронта было поставлено прикрытие Киевского района от возможного наступления поляков, дальнейшее наступление вглубь Правобережной Украины для окончательной ликвидации разбитых деникинских частей и овладение Крымским полуостровом. Первая и вторая задача были возложены на XII армию, последняя — на XIII армию.

XIV армия должна была, перегруппировавшись на линии ст. Долинская — Кривой Рог — Никополь, нанести противнику удар в общем направлении на Одессу.

Во исполнение этой задачи нужно было: во-

[1] Обстоятельное описание действий 1 бригады по „разложению" и разоружению „армии" Махно в г. Александровске читатель может найти в статье б. комбрига I Ф. Я. Левензона „В борьбе с анархо-кулацкой стихией",—помещенной в этом разделе. *Ред.*

отойти на Николаевка, 7 клм. юго-вост. ст. Долинская. Распоряжением командира 3 бригады на поддержку были высланы 2 баталион 404 полка и первый эшелон 403 полка, прибывший на ст. Кривой Рог. При поддержке этих подкреплений ст. Долинская после упорного боя была занята 404 полком в 19 часов 22 января. Того же числа противник силою до 800 штыков перешел в контрнаступление против 405 полка на Сычевановка, стараясь нанести ему удар во фланг со стороны Макаровка. Однако, попытки противника не увенчались успехом, и он принужден был начать отход. Преследуя белых, 405 полк к вечеру 22 января занял Новоселки. Прибывающие на ст. Кривой Рог эшелоны 403 полка направлялись на ст. Гейковка с задачей действовать на Висунь-Сагайдак.

На участке 2 бригады 22 января 401 полк занял дер. Потоцкое, 400 полк подошел к Широкое, поэтому командование бригады получило возможность обеспечение левого фланга дивизии возложить на этот полк, а 402 полк двинуть на Михайловка-Троицкое. Михайловка была занята уже 22 января.

Того же числа 1 бригада сосредоточилась в Кривой Рог, а 1 кав. полк в Лозоватка, но состояние этих частей после изнурительного перехода не позволяло вводить их в бой.

23 января с утра 405 полк продолжал наступление на ст. и м. Казанка, противник оказывал отчаянное сопротивление. На подступах к Казанка разыгрался ожесточенный бой. Одновременно 401 полк атаковал дер. Николаевка, выбив отсюда противника. Успех у Николаевка сказался на положении у Казанка; противник и здесь начал отходить. После 25-часового боя к вечеру 23 января станция и местечко Казанка были заняты 405 полком. Почти одновременно 402 полк занял Троицкое. 23 января было критическим днем в боях в районе Долинская — Казанка — Николаевка. 2-му корпусу белых не удалось прорвать фронта дивизии для отхода в Крым, и он начал отходить на Раздельную-Одессу. Пути отхода на Николаев были перехвачены нами.

25 января было закончено формирование кавбригады в м. Лозоватка, и она получила задачу содействовать 2-й бригаде в овладении г. Вознесенск.

В дальнейшем движение дивизии на Ольвиополь-Вознесенск почти не встречало сопротивления со стороны противника. Лишь на правом фланге частям 3 бригады приходилось иметь дело с незначительными группами пр-ка, которые были отрезаны нашим быстрым движением на запад и безуспешно пытались прорваться на юг.

30 января 2 бригада совместно с кавбригадой заняла гор. Вознесенск[1]

31 января 3 бригада после ожесточенного боя с частями 14 дивизии противника овладела 405 полком м. Константиновка, 2 февраля 403 полком после упорного в течение целых суток боя была занята ст. Голта (Ольвиополь).

3 февраля кавбригада, нанеся поражение пр-ку у д. Колосовка, 15 клм. юго-восточнее Василиново, заняла ст. и м. Березовка. В боях у Березовка был захвачен в плен почти полностью 45 кавполк противника.

Таким образом 3 февраля положение на участке дивизии было следующее.

3 бригада: 404 полк—ст. Подгородная, сев. Ольвиополь, 403 полк—Ольвиополь, 405 полк—Счастливое;

2 бригада: 401 полк—один баталион в движении из Вознесенск на Доманевка, два баталиона—Вознесенск, 400 полк—в наступлении на Николаевка (Жидовское) 402 полк—Корнеевка;

1 бригада:—Василиново, Вормс,

Кавбригада—Березовка.

Справа 60 дивизия—Голованевск, слева 41 дивизия вышла на р. Буг на участке Новая Одесса-Николаев.

4. Одесская операция и бои на нижнем Днестре.

(Схема № 8).

Противник, разбитый в предыдущих боях, отходил на запад перед фронтом 41-й и юго-запад — перед фронтом 45 дивизии, имея намерение в случае падения Одессы отойти через Днестр в Румынию.

М. Нягу—бессарабец, старый партизан, командир кавдивизиона при 1-й бригаде 45 дивизии в 1919 году, затем (1920 г.) командир 1-го кавполка кавбригады т. Котовского, одна из центральных фигур блестящих кавалерийских операций кавчастей т. Котовского против петлюровцев (1919 г.) белогвардейцев и поляков (1920 г.). Смертельно ранен в бою с белополяками под м. Любаром 27 июня 1920 г. В 45 дивизии пользовался репутацией „храбрейшего из храбрых".

XIV армия с занятием района Ольвиополь-Вознесенск и с выходом частей 41 дивизии на линию Новая Одесса—Николаев назначена была действовать в направлении на Одессу. Операция по непосредственному овладению Одессой была возложена на 41 дивизию, 45-й же дивизии было назначено отрезать гарнизону г. Одессы путь отступления на Днестр, для чего последняя должна была к 8 февраля занять район ст. Кучурган — ст. Раздельная — ст. Выгода и далее захватить переправы у Тирасполя и Бендер.

Во исполнение этой задачи 3 бригада была направлена на линию Шептередюры — Фелициановка — Новопетровское. Один из полков этой бригады должен был занять район Кривое Озеро — Святотроицкое и в дальнейшем следовать уступом за правым флангом бригады, обеспечивая тем самым и правый фланг дивизии. Вторая бригада должна была к 8 февраля занять ст. ст. Раздельная и Кучурган и выйти на линию Розальевка — Васильевка.

---

[1] Бой за Вознесенск освещен в очерке—„В бурю и метель" и в воспоминаниях И. Н. Колесникова—„По стопам отступающих белых" (помещены в этом разделе). *Ред.*

1 бригада и кавбригада выдвигались к 7 февраля в направлении ст. Кубанка, имея в виду в дальнейшем перейти в подчинение начдива 41 для содействия последнему по овладению Одессой.

Выполнение этой задачи с самого начала встретило энергичное противодействие со стороны противника, прорывавшегося с севера на Одессу.

400 полк днем 4 февраля занял двумя баталионами м. Николаевка (Жидовское). Неожиданно с северо-запада появился противник значительной силы. Это были группы ген. Иванова и полк Попова под общим командованием ген. Бредова. Эти группы после неудачных боев у Ольвиополь искали спасения в прорыве на Одессу. Появление противника было столь внезапно, что баталионы 400 полка не успели развернуться. После 6 часового отчаянного боя со значительно превосходными силами пр-ка 400 полк оставил Николаевку, понеся очень большие потери. Остатки полка были уведены на д. Ананьевка.

5 февраля, находившийся в д. Мариновка 1 баталион 405 полка, получив сведения о сильном бое у Николаевки, перешел в наступление в направлении последней. В районе Николаевка баталион 405 полка об'единился с уцелевшим баталионом 400 полка. Кроме того 1 баталион 401 полка перешел в наступление на Николаевка со стороны Доманевка. В результате совместных действий этих частей противник после упорного в течение целого дня боя оставил Николаевка и отошел в направлении Исаево-Лукашевка.

5 февраля в районе Демидовка-Лукашевка эта же группа пр-ка была атакована 402 полком. Однако, вследствие численного превосходства противника 402 полк понес значительные потери и был отброшен на Кушнерова. В числе убитых оказался командир полка т. Криворучко. Таким образом, в результате боев 4-5 февраля, почти два полка 2-й бригады были фактически выведены из строя. Противник после боя в районе Демидовка-Лукашевка отошел в направлении ст. Раздельная. 400 и 402 полки были сосредоточены для приведения в порядок в Кушнерова.[1]

Утром 6 февраля части 1-й и кавбригады заняли Бол. Буялык, а к ночи 6 февраля кав. бригада заняла ст. Кубанка. К вечеру же 6 февраля 3-я бригада вышла в район Татьяновка-Петроверовка, имея правофланговые части в районе Кривое Озеро-Святотроицкое. 2 бригада следовала в район Евгеньевка. К этому же времени главные силы 41 дивизии, форсировав Тилигулльский лиман, вышли с боем на линию Мал. Буялык-Шумирка. Противник—2 добровольческий корпус и гарнизон г. Одессы—сосредоточился на подступах к Одессе. Из перехваченного телеграфного разговора удалось установить, что командование деникинским корпусом решило в случае падения Одессы отвести корпус через Дальник-Петровка-Маяки за Днестр в Румынию.

Учитывая сложившуюся обстановку, начдив 41 Осадчий решил с утра 7 февраля начать общую атаку Одессы. 1 бригада и кавбригада поступали на время атаки в оперативное подчинение начдива 41. 1-й бригаде было приказано действовать из района ст. Кубанка на Нерубайское-Вакаржаны и перехватить переправу через Днестр у Маяки. Кавбригада должна была наступать из района ст. Кубанка на северную окраину Одессы (Пересыпь) и далее на Дальник Маяки, громя тылы противника. Следовательно, на 1 бригаду и кавбригаду была возложена задача перехватить и уничтожить пр-ка, отходящего из Одессы на Маяки и прикрыть операцию против Одессы с севера, в то время, как части 41 дивизии наносили удар на Одессу с северо-востока.

В ночь на 7 февраля на ст. Кубанка сосредоточились 398 полк и один баталион 397 полка 1 бригады и кавбригада полностью.

Кавбригада на рассвете 7 февраля выступила со ст. Кубанка и к 10 часам 7 февраля подошла к Одессе со стороны Пересыпь Северная. После упорного боя части кавбригады в 14 часов 7 февраля ворвались в город одновременно с частями 41 дивизии. До темноты на улицах Одессы шел ожесточенный бой с противником, который (пр-к) в значительной мере был поддержан артогнем с судов, стоявших на рейде.[1] Утром 8 февраля кавбригада двинулась на Дальник. Здесь кавчасти напали на тылы 2 корпуса противника и разгромили их. Не задерживаясь в Дальнике, кавбригада в тот же день захватила колонию Фрейденталь. Противник, занимавший эту колонию, боя не принял и бежал на Овидиополь, оставив в руках кавбригады весь обоз.

На рассвете 9 февраля кавполки в районе Маяки наскочили на колонну пр-ка силою до 4000 штыков и 300 сабель, двигавшуюся со стороны Овидиополь через Маяки на Беляевка. После двухчасового боя белые были разбиты и частично уничтожены. Только небольшой группе удалось перебраться за Днестр, оставив в руках кавбригады громадные трофеи в виде пулеметов, артиллерии, обоза.

19 февраля 1-я бригада вышла 398 полком в район колонии Фрейденталь и 397 полком в район ст. Выгода.

10 февраля для преследования группы противника, прорвавшегося из района Одесса на Тирасполь, части 1-й и кавбригады изменили направление своего движения. Кавбригада пошла вдоль Днестра на Тирасполь, а 1 бригада двинулась для занятия ст. Кучурган в тыл группе противника, занимавшей ст. Раздельная. 397 и 398 полки в ночь на 11 февраля выбили пр-ка из кол. Страсбург, создав угрозу тылу группы противника, действовавшей в районе ст. Раздельная.

Одновременно 2 бригада и 405 полк 3 бригады вели упорные бои за обладание этой станцией, но все их попытки в течение 10 февраля опрокинуть противника успеха не имели.

Опасаясь выхода 1 бригады на тылы, противник бросил крупные силы на кол. Страсбург. 397 и 398 полки принуждены были оставить Страсбург и отошли в кол. Зальц, сохранив все трофеи, захваченные в ночном бою под Страсбургом. Од-

[1] О боях 400, 402 и 405 полков с деникинской конницей у м. Николаевка (Жидовское) рассказывают в своих воспоминаниях И. Колесников—„По стопам отступающих белых", А. Васильев—„Шесть часов в плену у белых" и В. Бушечкан „Встреча с деникинцами под м. Николаевка" (помещены в этом разделе). *Ред.*

[1] Стремительный удар кавбригады на Одессу ярко изображен в воспоминаниях Н. Криворучко „Разгром золотопогонников" (помещены в настоящем разделе). *Ред.*

нако, ослабление пр-ка у ст. Раздельная тотчас же сказалось. 11 февраля части 2 бригады при содействии 405 полка с боем овладели ст. Раздельная.

11 февраля части 3 бригады вышли на линию ст. Ивановка-ст. Веселый Кут, захватив 10 февраля на перегоне между этими станциями бронепоезд пр-ка.

После взятия Одессы перед дивизией встали три задачи:

1. Уничтожение остатков деникинских войск.

2. Занятие Тирасполя и Рыбницы с захватом переправ через Днестр в этих пунктах, чтобы отрезать деникинцам пути отступления в Румынию.

3. Выход на линию Днестра для принятия охраны госграницы.

С падением Одессы деникинская армия на Правобережной Украине перестала существовать, как единое целое. Однако, среди множества мелких отрядов и банд, на которые она распалась, можно определить три группы, сохранившие некоторое управление и некоторую организационную структуру. Это—группы ген. Мартынова, ген. Стесселя и ген. Бредова. Первая действовала в устье Днестра на участке 41 дивизии, вторая сосредоточилась в районе Тирасполь; группа Бредова после боя у Раздельная ушла на север, на Рыбница. Очевидно, белое командование не успело договориться с румынским правительством, ибо румыны пропустили на свою территорию у Тирасполь и Маяки только часть деникинских войск. Поэтому указанные выше группы имели постоянную тенденцию прорваться на север к Рыбница, где они надеялись пробраться в Польшу. Борьба с этими тремя группами и частичное уничтожение их и составляют содержание последнего этапа действий 45 дивизии против армии Деникина. Эти группы были составлены из самых реакционных и упорных элементов деникинской армии, которые видели свое единственное спасение за кордоном, поэтому борьба с ними была делом нелегким и отличалась большой ожесточенностью.

12 февраля части 2 бригады и кав. бригады заняли г. Тирасполь, захватив громадные трофеи. О размерах этих трофеев можно судить по тому, что весь участок жел. дороги от г. Тирасполь на запад до д. Парканы был заставлен эшелонами, среди которых находилось 12 бронепоездов. Противник пытался сжечь эти эшелоны, но пожар был ликвидирован во время подоспевшими частями 2 бригады. Группа Стесселя, оставив Тирасполь, рассеялась в плавнях западнее и юго-западн. г. Тирасполь. После занятия Тирасполя кав. бригада 13 февраля перешла в Страсбург.

14 февраля 403 и 405 полками 3 бригады были заняты Дубоссары и Григориополь.

Части 404 полка 14 февраля подошли к д. д. Дубовое-Ягорлык. Эти пункты оказались занятыми группой полк. Попова, (часть группы ген. Бредова) силою в 400 штыков и 800 сабель, которая прикрывала пр-ка, отходившего на Рыбница. В течение 14 и 15 февраля в этом районе разыгрался упорный бой, при чем обе стороны понесли большие потери убитыми и ранеными. В числе убитых оказался военный комиссар 404 полка т. Бабкин. 16 февраля 404 полку удалось взять Дубовое, при чем были захвачены два орудия, много пулеметов и большое количество обоза. Одной из рот 404 полка удалось пробраться в тыл пр-ка и при содействии местных повстанцев занять Рыбница. Отступавшая после боя у Дубовое группа Попова 16 февраля трижды пыталась атаковать Рыбница, но была отбита с большими потерями. 404 полк, преследуя группу Попова, захватил 16 февраля в д. Цехановка 3 орудия, много пулеметов 150 пленных и обоз. Главным силам ген. Бредова удалось переправиться в Польшу.

Не менее ожесточенные бои разыгрались на левом фланге дивизии. Группа ген. Мартынова силою 2000 штыков и 300 сабель, вытесненная частями 41 дивизии из района Овидиополь - Маяки, сосредоточилась к вечеру 14 февраля в районе кол. Кандель. Противник имел намерение переправиться через лиман Кучурганский и направиться в дальнейшем на Тирасполь вдоль берега р. Днестр. 15 февраля его движение было обнаружено, и против него были направлены кавбригада, 398 полк и баталион 397 полка 1 бригады из кол. Страсбург. 15 февраля с 13 часов у Кандель разыгрался ожесточенный бой. Ввиду значительного численного превосходства пр-ка все атаки кавбригады и 398 полка были отбиты, и эти части, понеся большие потери убитыми и ранеными, отошли к вечеру 15 февраля в район Страсбург-Баден. В ночь на 16 февраля части 1 бригады перешли внезапно в наступление на Кандель. В результате боя пр-к, оставив в руках 1 бригады до 300 пленных, 3 орудия и обоз, прорвался на зап. берег Кучурганского лимана и двинулся на Слободзея-Карагач. 2-й кавполк в бою у Зальц 15 февраля потерял убитым своего военного комиссара Христофорова. Выдвинутый наперерез противнику из Тирасполя 402 полк 2 бригады 17 февраля настиг его у д. Чобручи. Противник, не приняв боя, начал разбегаться по окрестным деревням мелкими группами. Более устойчивые части его собрались в д. Глинное. Кавбригада 18 февраля вступила в Глинное. До ее прихода группа генерала Мартынова и присоединившиеся к ней осколки группы Стесселя рассеялись по камышам, окончив свое существование [1].

В течение 18—19 февраля кавбригада и 1 бригада разоружили несколько отрядов и приняли большое количество перебежчиков. Один 398 полк принял за 18 февраля до 2000 перебежчиков.

19-е февраля можно считать последним днем в борьбе 45 дивизии против Деникина. В последующие дни дивизия получила от Командующего армией приказ сосредоточиться двумя бригадами в районе Брацлав-Гайсин, одной бригадой в Одессе и кав. бригадой в Ананьеве.

* * *

Действия 45 стрелковой дивизии на деникинском фронте заключают в себе с тактической точки зрения несколько характерных моментов. Эти моменты составляют как бы общий фон, на котором развертывалась и которым определялась в значительной мере боевая работа дивизии в период гражданской войны.

В интересах более справедливой и полной

[1] Ликвидацию групп Мартынова и Стесселя описывают в своих воспоминаниях Н. Криворучко—„Разгром золотопогонников“ и Н. Савченко—„Враг сдался“ (оба очерка помещены в настоящем разделе). *Ред.*

оценки действий 45-й дивизии на деникинском фронте целесообразно на этих тактических особенностях кратко остановиться.

Если проследить по карте путь, проделанный дивизией на деникинском фронте, то прежде всего обращает на себя внимание рассредоточение дивизии на весьма широком фронте. Обычно дивизия действует в полосе 40-50 и даже 60 клм.; следовательно, на 1 клм. приходится в среднем не более 10 человек. Столь значительная ширина боевых участков заставляла дивизию действовать отдельными самостоятельными группами, оперировавшими на наиболее важных направлениях; чаще всего такими основными направлениями были линии железных дорог. Обычно этими самостоятельными группами были полки, отсюда вытекает значительная самостоятельность командиров полков, которые получали сверху лишь указания директивного порядка, иногда на несколько дней вперед.

Рассредоточение боевых порядков определяло собой и способы использования артиллерии. Дивизионная артиллерия, как таковая, не находила применения. Она распределялась по бригадам, а отсюда—по полкам, поступая в почти бессменное подчинение командиров полков. О массировании артиллерии и использовании ее в дивизионном масштабе в руках командира дивизии при данном протяжении фронтов не могло быть и речи.

Основной задачей, которая лежала на дивизии, было неотступное преследование противника. Этой задачей об'ясняется широкое применение авангардов значительной силы. Такими авангардами были фактически: 1-я бригада при движении на Александровск; 401, 402, 404 и 405 полки—при выдвижении на линию Долинская-Казанка; кавбригада и 1 бригада—при атаке Одессы.

Большое протяжение участков дивизии по фронту и неотступное преследование противника обусловили собой большое значение кавалерии. Боевая обстановка в конце концов заставила бригадные кавдивизионы об'единить в дивизионную кавалерию в форме кав. бригады. На эту бригаду, получившую своим начальником исключительного боевого командира т. Котовского, падало решение самостоятельных и при том наиболее ответственных боевых задач.

Обращают на себя внимание громадные переходы, которые дивизии приходилось делать, преследуя бегущих деникинцев. Например, 1 бригада весь путь между Ново-Московском и Александровском 240 клм. покрыла в 3 суток; кавбригада в течение 7 и 8 февраля прошла 125 клм., имея при этом ожесточенные бои под Одессой у Дальника и у Маяки. В этих переходах обывательский транспорт был использован самым широким образом.

Работа партийно-политического аппарата на деникинском фронте была примером умелого использования этого нашего испытанного оружия в борьбе с классовыми врагами пролетарской революции, в данном случае, в борьбе против бесславно погибшей деникинщины, оставившей кровавый след в истории.

К периоду боев на деникинском фронте партийная организация и политический аппарат 45-й дивизии представляли собой довольно мощное ядро: количественно партийная организация увеличилась в несколько раз (в особенности, в связи с проведенной в период стоянки в Вязьме-Рославле партийной неделей), качественно организация также окрепла, ибо она за плечами уже имела опыт партийно-политической работы периода Южного похода и Вязьмы-Ленинграда, где, пользуясь сравнительно, по тем временам, большой передышкой, успела немало поработать и в своей среде и в массе бойцов. Если сравнительно легко удалось 45 дивизии разоружить „армию" Махно, то это, конечно, прежде всего потому, что политическим аппаратом 133 бригады, на которую было возложено решение этой задачи, была развернута, выражаясь образно, „бешеная" политическая работа по „разложению" махновских частей в тот период, когда между Махно и высшим командованием Красной армии шли переговоры о возможности совместных действий против контрреволюции. Если, наконец, красноармейская масса устояла перед лицом разлагающей, погромно- антисемитской, анархо - кулацкой агитации махновских молодчиков, прибегавших в целях политического и морального растления красноармейцев дивизии и к таким средствам, как водка, вино, то этим мы много обязаны тому, что коммунисты, являя пример большевистского выполнения боевой задачи, смогли вложить в сознание красноармейской массы необходимость борьбы с махновской „армией", которая своим поведением, всей своей „работой", и прежде всего, политикой и поведением своей верхушки, мешала Красной армии вести успешно борьбу с деникинщиной. Искусство партийной организации дивизии при встрече с „армией" Махно, проявилось прежде всего в том, что парторганизация взяла правильную установку,—*отколоть, отнять от Махно в первую очередь батрацко-бедняцкие элементы*,—т. е. социально близкие нам, пришедшие к Махно лишь потому и постольку, поскольку Махно вел борьбу с Деникиным, но неспособные, не желавшие, понятно бороться с Красной армией.

Большую работу пришлось провести парторганизации, и политотделу дивизии по укреплению и созданию нужного боевого духа красноармейской массы на всем пути этого боевого похода. Воевать пришлось зимой. Морозы стояли сильные. Красноармейцы были недостаточно тепло одеты. К тому же части нередко отрывались от своих снабженческих баз сравнительно далеко при больших переходах. Боевой дух в этой обстановке партийная организация сумела поддерживать.

Особенно необходимо отметить, наконец, и немалую работу, проведенную политотделом дивизии, политаппаратом частей по организации в тылу дивизии революционной власти. Нужно было восстанавливать, а в большинстве случаев и вновь создавать ревкомы, ставить на ноги комнезамы, терроризированные кулачеством, обеспечивая здоровый, советский тыл для дивизии. Эта работа была, в основном, проделана неплохо.

Оценивая в целом деникинскую операцию, надо сказать, что она являла собою пример хорошего, а в некоторых случаях отличного сочетания работы командно-политического состава красноармейцев и партийной организации. В историю дивизии была записана еще одна славная традиция: „Всегда вперед, к победе!"

Э. ПЯСКОВСКАЯ.

Воспоминания сестры.[1]

Слишком трудно писать воспоминания после 8—9 лет. Многое из памяти стерло время, много перезабыто названий сел, городов, имен героев-красноармейцев и командиров, о которых никто так и не узнает; они пали на полях Волыни и Галиции.

На далеких галицийских полях время уничтожило следы могил, где лежат эти славные беззаветные герои—выходцы Приднестровья. О них только вспомнят их близкие друзья и сослуживцы, вместе шедшие в бой, переносившие все трудности, но победившие.

* * *

Вдаваться вглубь зарождения 45-й не буду; возьму ее только с лета 1919 года,

В составе 5 дивизии 3 Украинской армии находился 1 Днестровский полк, стоявший в городе Тирасполе и в апреле разбитый бандами Григорьева, Казакова и др. в бою между ст. Любашевка-Шестаковка. Полк разбежался: часть по домам, часть в Одессу.

В Одессе получено распоряжение формировать полк вновь, только уж под названием 42 Днестровский.

Получив кое-какие распоряжения, командир полка тов. Алексеев, захватив еще несколько товарищей из Одессы, поехал опять в Тирасполь формировать 42-й. Работа была нелегкая. Партизаны—недисциплинированные, обмундирования нет, квартир нет, вернее, ничего не было.

Но мало по-малу начинают прибывать добровольцы и к концу апреля у нас уже в полку было около 40 человек.

Расположились—часть на почте, часть в старой школе; штаб в гостинице „Швейцария". Эта гостиница была какштабом 42-го, так и штабом отрядов т.т. Котовского, Макаренко, Тарасенко, кавалерийские части которых стояли по отдельным дворам. Добровольцы все прибывали, к половине мая мы уже не могли удовлетворить квартирами красноармейцев, и пришлось занять „красные казармы", находившиеся в то время под ежедневным обстрелом румын. Но это ребят не страшило, казармы были отремонтированы и заняты, там же устроен был и штаб.

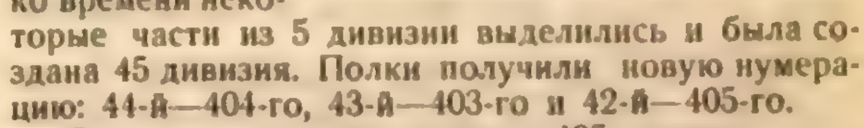
В казарме с красноармейцами постоянно жили командиры: Шанцевой[2], Пынтя[3] и др. Это были не только командиры в узком смысле этого слова, а командиры-агитаторы, масса им безгранично верила, везде они были для всех примером и среди красноармейцев пользовались высоким авторитетом.

В мае официально был сформирован полк под командованием т. Алексеева, рабочего-путиловца и такого же путиловца-военкома Савецко (ныне Пред. Проскуровской Окр. КК). Комсостав к этому времени был усилен рядом красных командиров, окончивших Ленинградские ускоренные курсы. Эти молодые командиры впоследствии прекрасно сжились с массой. Наиболее памятны мне погибшие т.т. Н. Крылов и И. Янелюнас,[1] первый умерший от туберкулеза, вернее, сгоревший, уговоры оставить работу не помогли, и он горел, пока не угас; второй погиб геройской смертью под Кожанкой в мае 1920 г. Раненый в живот, он был привезен в Таращу, где умер и похоронен.

Э. Пясковская (Романова) — член ВКП(б), ветеран 45 див. 405 полка, медработница, организатор перевязочного отряда 405 полка. Участница всех боевых походов полка. За мужество и выдержку, проявленные при оказании помощи раненым в передовой цепи, т Пясковская представлена к ордену Красного Знамени. Сейчас работает в ЦКК КП(бУ).

Много было товарищей, о которых следовало бы писать, но всего не напишешь. Много можно написать о славных и хороших, но и немало о таких типах, как Живодеров,[2] Пешехонов, Савицкий.

Через несколько времени некоторые части из 5 дивизии выделились и была создана 45 дивизия. Полки получили новую нумерацию: 44-й—404-го, 43-й—403-го и 42-й—405-го.

Отсюда начинается история 405 полка.

Первая операция, в которой 405 полк принял участие, была под Плоским. Плоское, большое кулацкое село недалеко от Тирасполя, восстало против Советской власти.

Пришлось итти усмирять.

Здесь ярко сказалось боевое настроение красноармейцев: когда нужно было взять не весь полк, а часть, остальные подняли вопрос, почему идут не все.

Под **Плоским** полку пришлось побыть несколько дней. Село это, хорошо вооруженное,

---

[1] Воспоминания т. Пясковской, охватывающие не только период боев на деникинском фронте, но и события, относящиеся к периоду организации дивизии и Южного похода, редакция помещает в настоящем разделе полностью—в интересах сохранения целостности материала. *Ред.*

[2] Тов. Шанцевого, как боевика, рисует А. Минин в статье „Под Кременцем 12 июля" (раздел „Борьба с белополяками") *Ред.*

[3] О т. Пынте, бессменном командире 1 роты 405 полка, рассказывает В. Бушечкан в статье „Бой под Шеницами" (раздел „Борьба с белополяками"). *Ред.*

[1] Героическая фигура т. Янелюнаса выступает в статьях А. Минина „Приперли к реке" (раздел „На Деникина") и В. Крейна „Бой под Кожанкой" (раздел „Борьба с белополяками") *Ред.*

[2] Интересная зарисовка Живодерова дана в статье А. Гринштейна. „О своих и чужих" (раздел „Перед Южным походом") *Ред.*

многолюдное и движимое ненавистью к Советской власти, оборонялось отчаянно, получая поддержку от кулаков и других сел, как-то: Малаешты, Ближний Хутор, Комаровка. Командованию дивизии пришлось посылать еще части: 44 Приднестровский полк и 40 Плосковский во главе с т. Колесниковым, компюлка 40. Плоское было усмирено, ярые зачинщики расстреляны.[1] После этого еще часто восставало то одно, то другое село: Страсбург, Мангейм и др.

Когда обозначилось окружение дивизии белогвардейско-петлюровскими армиями,—был получен приказ об отступлении. Собрались быстро, взяли все необходимое, бросили лишнее и тронулись в далекий неведомый путь.

405-й шел из Тирасполя последним, уничтожая все, что могло быть использовано врагом.

Отступая, мы встречали в некоторых местах не только недоверие, но и лютую ненависть. Крестьяне во многих селах были распропагандированы белогвардейцами-немцами. Приходя в деревню, мы чувствовали, что нас ненавидят и боятся, хотя никто из красноармейцев не трогал крестьян. Слышались часто возгласы: „жиды-коммунисты", но после 1—2-хдневного пребывания в селе отношение резко менялось в лучшую сторону.

Из Тирасполя полк направился пешим порядком на ст. Кучурган, где, простояв день, погрузился и отправился на Балту. Причины происшедшей ошибки не знаю, но вместо Балты, мы очутились в Голте. В Голте уже была слышна артиллерийская стрельба—это Махно был в Помощной. Полк повернул обратно и приехал на ст. Жеребково, где мы получили распоряжение соединиться с 3-м Бессарабским полком. Там же в Жеребкове 3-й Бессарабский полк был влит в 405-й. Он представлял собою недисциплинированный, расхлябанный отряд; командир его был явный бандит Козюлич. Желание властвовать, командовать полком толкало Козюлича на разные проступки, подговаривание красноармейцев своего полка восстать против нового командования; были даже разговоры о том, чтобы ночью ворваться и перебить на стоянке весь комсостав и политработников 405 полка.

Предупреждая события, командование распорядилось арестовать весь подозрительный комсостав. В ночь на стоянке они были арестованы, за исключением командира батальона т. Бушечкана и политработников т.т. Осипова и Васильева, которые помогали разоружать и арестовывать. Козюлич же каким-то образом узнал об аресте и, захватив казенные деньги, скрылся; вслед за ним сбежали врачи Халфин и другой, его фамилии не помню.

Красноармейцы 3-го Бессарабского полка остались у нас. Лишившись идейных вдохновителей, они растворились в массе 405-го, и через несколько дней нельзя было различить тех и других.

Полк двигался, встречаясь ежедневно с отрядами петлюровцев, галичан и просто бандитов. Для того, чтобы занять для ночлега деревню, зачастую из нее нужно было выбить неприятеля.

День за днем полк шел без жалоб, без ропота. Правда, у всех было одно общее горе, это—отсутствие патронов. При выходе из Тирасполя у красноармейцев было по 5 патронов, но это не удержало приднестровцев оставить свои дома, жен, детей и итти на борьбу за волю, за освобождение против белогвардейцев.

Без патронов, но с верой в свою силу, шли полки все дальше и дальше от Днестра.

Помню случай. В одной деревушке пронюхали ребята, что один товарищ собирается дезертировать, подследили и, когда удалось его задержать, не помогли никакие уговоры передать его в распоряжение штаба, а положили, „всыпали", и суд готов, свой товарищеский суд.

Полк двигался все время пешим порядком. Стычки с бандитами покуда были небольшие, но частые. Первый же сильный бой произошел под м. Цыбулев, Киевской губ. В местечке засели петлюровцы, полком они были оттуда выбиты. Бой еще долго продолжался за местечком, отсутствие патронов затрудняло наши действия, но красноармейцы не терялись; некоторые, выстреляв все до последнего патрона, хватали винтовки за дуло и расправлялись прикладами. Под Цыбулевым были взяты трофеи—пулемет, патроны, снаряды и два воза провианта.

Победа под Цыбулевым над петлюровцами окрылила красноармейцев и после этого они не боялись итти горсточкой на целый петлюровский полк.

Бои бывали часто, но, несмотря на все это, полк нес небольшие потери; за все время у нас было только 3 убитых, и то в последней стычке под Житомиром, около м. Левково.

Раненых было больше. Тыла не было, сдавать больных и раненых некуда было, поэтому мы их везли все время с собой до Житомира.

В одной из деревень под Житомиром остановились. Полк выслал в разведку несколько кавалеристов с т. Горбовским (ком. эскадрона). Через несколько часов разведка вернулась и принесла с собой несколько раненых, бросив одного тяжело раненого кавалериста т. Михайловского в деревне из-за невозможности захватить его с собой.

Оказалось, в деревне были петлюровцы. Крестьяне этого разведке не сообщили, и, когда разведчики втянулись в деревню, петлюровцы на них напали и залпами ранили несколько человек и лошадей. Легко раненые ускакали на край села, видя невозможность сопротивления, а т. Михайловский, тяжело раненый в ногу, остался, к тому же лошадь, тоже раненая, падая, придавила его, и он потерял сознание. Петлюровцы, воспользовавшись этим, нанесли ему, лежащему без сознания, около 27 ран шашкой. После этого кулаки затащили и бросили его в канаву с грязью, предварительно раздев. В канаве, благодаря сырости, он пришел в сознание, замотав кое-как раны снятым с себя бельем.

Как только разведка сообщила о случившемся, было вызвано из 2-х рот человек 50 добровольцев, которые двинулись в деревню, чтобы найти и забрать раненого или хоть мерт-

[1] О кулацком восстании в с. Плоском и подавлении его см. статьи И. Колесникова — „В боях" и Л. Владимирова — „Против немецкого и русского кулачья". (Раздел „Перед Южным походом"). *Ред.*

вого. Около полудня мы вошли в деревню. На улице нигде не видно было ни души. По указаниям разведчиков, раненый должен был быть где-то недалеко, к тому же мы заметили следы крови, правда затертые золой, ведшие ко двору одного кулака. Кулака самого нашли в погребе. На расспросы кулак отвечал, что ничего не знает, несмотря на угрозы, но когда красноармейцы пригрозили зажечь его дом, из сарая выбежала баба и с плачем рассказала, что кавалерист лежит в канаве.

Мы его нашли, но что он собою представлял—трудно описать. Весь изрубленный, распухший, раны наполнены грязью... Это было что-то ужасное.

Несмотря на все, тов. Михайловский остался жив. Мы его подлечили, а после прорыва оставили долечиваться в Житомире. Петлюровцев, которые порубили нашего товарища, мы на следующий день выбили из села. После этого безостановочно двигались дальше.

... Однажды заметили далеко обоз. Несколько наших кавалеристов, не обращая внимания на численность петлюровцев, пошли ему наперерез. Это подняло сильную панику в обозе, петлюровцы, не разглядев числа нападавших, бросились кто-куда, бросая повозки. Красноармейцы вернулись обратно к полку, довольные и с трофеями.

Пришли к станции Бровки. Здесь получено было донесение, что петлюровцы занимают станцию и что у них артиллерия и бронепоезда. Из 3-й бригады был выделен сводный отряд в составе частей всех полков и удачным налетом станция была взята. Были взяты орудия, пулеметы и около 300 человек пленных. На утро к стоянке под'ехала, сама сдавшись нам в плен, батарея петлюровского Полтавского полка.

... Самый сильный бой, в котором полк потерял 3-х человек убитыми, был вблизи Житомира. Часа в 4—5 дня обозу было приказано остановиться, а пехоте двинуться вперед к селу, занятому петлюровцами. Пройдя верст 5—5$^1/_2$, мы залегли и перебежками добрались до села, разделенного речкой. С одной стороны реки расположились мы, с другой—петлюровцы. Последние засели в экономии, обнесенной толстой стеной, и держали под огнем переправу через реку. Они были, повидимому, хорошо вооружены, у нас же, наоборот, патронов было совсем мало. С одной стороны у нас был 403-й, с другой—404 полки.

Стемнело. В цепи порвалась связь. Разыскивая 404 полк, одна наша рота, в которой находилась и я, набрела на петлюровцев и едва вышла из их окружения. После этого рота долго блуждала, разыскивая нашу цепь, и только к рассвету нашла ее. Тогда же оказалось, что 403 и 404 полки отошли, не предупредив об этом нас. Всю ночь шла перестрелка, сильная со стороны петлюровцев и очень жидкая с нашей стороны (приказано было беречь патроны). С нашей стороны все чаще и чаще стали попадаться раненые. Перестрелка продолжалась до рассвета. Часов в 5 утра петлюровцы затихли.

Еще только чуть-чуть начало рассветать, наша батарея подвинулась ближе к реке и открыла огонь. Прицел был взят по поповской хате, где предполагался штаб петлюровцев. Первый снаряд дал перелет, а другой угодил точно в хату, откуда начали бежать петлюровцы.

Завязалась снова перестрелка, длившаяся до 12—1 часу дня. Все наши попытки перейти мост все время терпели неудачи. Т.т. Пынтя, Шанцевой, Паламарчук и, кажется, Кокорин хотели подойти канавой к мосту, но натолкнулись на сидевших там галичан, которые обстреляли наших смельчаков. Отбитые, они решили пойти напролом, но под сильным огнем снова пришлось отступить; там остался убитым писарь 3-й роты.

Каким то образом по соседству с нами оказался батальон китайцев. По взаимному уговору этот батальон пошел в обход. Перейдя реку, где-то в 5-ти верстах ниже, батальон китайцев бросился на галичан. Поднялась сильная паника, и галичане-петлюровцы стали в беспорядке отступать... Мы заняли экономию, где захватили много галичан. Пощады здесь никому не было...

Больше всего ребята набрасывались на патроны, которых у галичан было более чем достаточно. Вещи и деньги, валявшиеся тут же, пользовались значительно меньшим вниманием.

... После боя мы пришли к своему обозу, стоявшему под м. Левково, для того, чтобы похоронить товарищей, убитых в бою. Их было 3 человека: писарь, лекарский помощник и пулеметчик. На бугре рыли общую могилу, положили на дно сосновые ветки, кто-то принес одеяло, постелили, кто-то дал простыню, покрыли всех троих, тов. Янелюнас произнес речь, раздался звук похоронного марша—в первый раз со времени выхода с далеких берегов Днестра. Тяжело и больно было терять товарищей, и у многих были слезы на глазах. Начали засыпать могилу. Все стояли, опустив головы, не шевелясь. Здесь на полях Волыни мы оставляли 3-х товарищей, трех членов нашей боевой семьи, которые вместе с нами стремились к свободе, к счастью, и тяжело было сознавать, что то, за что они боролись, будет закончено без них, а они, еще вчера жизнерадостные, молодые, сегодня—трупы... Снаряды, рвавшиеся над головой, не могли нарушить торжественности этой минуты.

... Через несколько времени был получен приказ двигаться дальше. На второй день мы уже были в Житомире, где соединились с 44 дивизией.

* *
*

Мы очутились в городе Вязьме недалеко от Москвы. Здесь получили пополнение, отдохнули, получили обмундирование и уехали на Ленинград, против Юденича.

... Прошел месяц, и мы снова движемся на Украину против Деникина.

Встречали нас здесь более приветливо, чем провожали. Белые, бывшие до нас, не пришлись по вкусу тем, кто возлагал на них большие надежды. И теперь все взоры были обращены на Красную армию. Она эти надежды оправдала.

Началась погоня за Деникиным, опять почти по всей Украине. Задерживаться ему долго не давали. Он бежал без передышки, иногда ощетиниваясь, собирал силы, бросался с яростью против наших полков, но побитый, уходил все дальше.

Прошли Харьковщину, вступили в Полтавщину. Здесь участились стычки с белыми. Серьезных боев до Екатеринослава не было, и движение проходило безостановочно. Не обходилось и без казусов, как например: на карте село имело одно

название, а у крестьян оно носило другое, и блуждала иногда какая-нибудь команда связи, околодок, хозкоманда и т. д. Блуждали по 2—3 дня, но случаев отрыва части с определенной целью не было. Был случай, когда денежный ящик с часовыми блуждал 3 дня и, наконец, прибыл в часть, а в ящике было около 2-х миллионов денег и даже было золото.

Вскоре мы вступили на территорию, зараженную повальным тифом,—наследством, оставленным проходившими здесь белыми и махновцами. В зараженном селе почти в каждом доме были больные. Тиф стал косить и наши ряды. Заболевших тифом приходилось отправлять в ближайший город, занятый нами, своих войсковых госпиталей в то время не было. При первой возможности больные красноармейцы, чуть-чуть оправившись, приходили обратно, а зачастую возвращались еще совсем слабые, считая, что лучше быть хотя и больному, но среди своих, которые не оставят в тяжелую минуту.

Когда подошли к Екатеринославу, оказалось, что за несколько часов до нашего прихода, белые взорвали мост через Днепр. Половина моста свалилась в воду, вторая половина висела в воздухе. Дело было 30-го декабря, был сильный мороз. Мост взорван, по льду пройти нельзя: Днепр весь не замерз. Что делать? Решили перейти по рельсам, оставшимся при взрыве моста. В ночь на 31 декабря 1919 года по рельсам, придерживаясь за перила, вися над пропастью, 405 полк переправился через Днепр и занял город. Никто не обращал внимания на отмороженные пальцы рук и ног. Все были страшно довольны удачной переправой. Опечален был только обоз, которому не удалось в тот день переправиться вместе с полком. Он остался на Амуре—предместье Екатеринослава, на левом берегу. Но через два дня был сооружен временный мост, и обоз, с трудом удерживаемый от падения в бездну, был переправлен... Артиллерию переправили на лебедках.

Первый серьезный бой с отступавшими войсками деникинского генерала Склярова произошел 13 января под д. Грушевка на р. Бузулук. Белые защищали деревянный мост через реку. Всю ночь шел бой за эту переправу. Наконец, наша артиллерия сбила пулеметы деникинцев, и батальоны, с трудом переправившись по полуразрушенному мосту, устремились в погоню за отступавшими белыми. Когда переправлялась артиллерия, доски не выдержали, и одно орудие утонуло. Несмотря на ледяной холод, красноармейцы, стоя по грудь и по плечи в воде, вытащили орудие и поправили мост.[1]

В Никополе мы наткнулись на целый махновский полк, называвшийся „1-й стальной им. батьки Махно полк". В этом полку была сильная подпольная коммунистическая организация. При помощи т.т. коммунистов нам удалось убедить этот полк в полном составе присоединиться к нам. Правда, далеко не все к нам присоединились. Многие с лошадьми, оружием, тачанками и даже пулеметами и с большим награбленным барахлом бежали вслед за Махно. Но основная масса бойцов пришла к нам.

[1] Изображение боя под д. Грушевкой на р. Бузулук читатель найдет в статье А. Миница „Приперли к реке" (помещена в настоящем разделе). *Ред.*

В немецкую колонию № 8 махновцы явились. Трудно сказать, что представлял собою махновский полк. Было в нем много пулеметов, тачанок, лошадей, но все это теряло свою цену, когда наряду с этим, фигурировали перины, подушки, самовары, швейные машины и т. д. Это возмущало наших красноармейцев, т. к. все знали, что вещи награбленные.

На второй же день в колонии начались грабежи. Немцы колонисты заявили, что ночью в грабеже участвовали и женщины, назвавшие себя сестрами. Сперва показалось странным, кто бы это мог быть, (мы как-то забыли о махновцах). На женщин, бывших в то время в полку, нельзя было подумать: это были проверенные товарищи, вышедшие с полком еще из Тирасполя в 1919 году. Кто-то подал мысль не махновцы ли это? Вспомнили, что у махновцев много женщин. Командир полка распорядился сделать обыск,—при обыске все вещи были у них обнаружены. Вещи тут-же вернули их владельцам, собрали полк и население на митинг, об'яснили, в чем дело. Возмущенные красноармейцы требовали немедленного расстрела грабителей. Их было 11 человек, в том числе 2 женщины. 4 наиболее злостных грабителя было расстреляно, остальные поклялись, что не будут более барахолить.

По дороге многие махновцы отсеивались. Это был неисправимый элемент, лозунгом которого было „даешь", и полковая дисциплина была не по ним, но большинство идейно слилось с полком и на дальнейшем боевом пути бывшие махновцы неизменно проявляли себя, как мужественные борцы за Советскую власть. Правда, с женщинами пришлось еще долго бороться, привычка тянуть чужое ими не забывалась.

...Преследование Деникина продолжалось. Во многих местах, как в м. Братское и других, мы, приходя сейчас же вслед за белыми, заставали трупы повешенных, зарезанных, замученных. Весь путь отступления белых был покрыт трупами, тысячами трупов.

Под м. Николаевка (Жидовское) очень сильно пострадали от деникинской кавалерии 400 и 402 полки 134 бригады. Нашему полку было приказано оказать помощь. Переход в 30 верст сделали ночью на санях. Утром, когда 1-й батальон повел наступление на м. Жидовское, на него налетела деникинская кавалерия: офицерские и чеченские конные части. Ни один из бойцов не дрогнул. Две яростных атаки деникинцев были отбиты ружейным и пулеметным огнем. Деникинцы, оставив на снегу много убитых людей и лошадей, отступили. Овладев м. Жидовское, мы приказали свезти туда со всех окрестностей убитых и раненых наших 400 и 402 полков. Убитые были изрублены до неузнаваемости. Раненые, в большинстве с сабельными ранами, в ожидании помощи закоченели на снегу...[1]

Через неделю, преследуя белых, мы заняли станцию Раздельную. Здесь на путях мы наткнулись на вагоны, полные покойников. Мороженые,

[1] Этот трагический бой описан в статье А. Васильева „Шесть часов в плену у белых". Схватка 1 батальона 405 полка с деникинской кавалерией изображена в воспоминаниях В. Бушечкана „Встреча с деникинцами под м. Николаевка" (обе статьи помещены в настоящем разделе). *Ред.*

они лежали в вагоне, сложенные, как дрова. Не знаю, хотели ли их белые увезти, но некуда ведь было. Зачем их, мороженых, держали, для меня так и осталось непонятным. Здесь же на протяжении нескольких верст по направлению ст. Кучурган стояли эшелоны, груженые патронами, снарядами, сахаром и т. д. Белые хотели увезти их в Румынию, но румыны боялись, что вслед за белыми и мы придем, и встретили их пулеметным огнем.

Белые ощетинились и вступили с нами в отчаянный бой, но он оказался для них роковым. Они были разбиты, и большинство взято в плен. До сих пор, я думаю, у оставшихся в живых в памяти осталась кавалерийская бригада т. Котовского и 3-я бригада 45 дивизии.

С белыми вопрос был покончен. 45 дивизия расположилась на отдых на левом берегу Днестра, заняв Тирасполь, Григориополь, Дубоссары и другие местечки и деревни. Бойцы пришли в свои родные места, которые полгода тому назад им пришлось бросить, уступая силам контр-революции. Никогда еще приднестровец не чувствовал себя так гордо и радостно, как сейчас, когда перед всем населением Приднестровья мощно и широко развернулись силы Красной армии...

Но тяжелый 1920 год еще только начинался. 28 февраля полк грузится на ст. Чубовка для отправки против белополяков.

* * *

Незабываемы тяжелые бои на польском фронте. Вспоминаю зажигающий энтузиазм побед и успехов и тягостную горечь потерь и поражений. На широком полотне польской войны один за другим вырастают в моей памяти: Бар, Комаровцы, Шеинцы, Белая Церковь, Нов. Мирополь, Кременец, Божья Гора, Львов, Буск; встают в памяти наступления и отступления, примеры мужества и героизма, лишения и тяжелые жертвы, понесенные нами.

Встают в памяти старые товарищи: вот — Савейко, военком полка, человек большой храбрости, он старался быть первым везде, подавая пример мужества и презрения к опасности: однажды, он до того был измучен непрерывными, день и ночь, боями, что не обращая внимания на перестрелку, лег на траву и тут же уснул; даже пуля, прострелившая сапог, не могла парня поднять.

Вот Мазепин—красный командир, совсем еще молодой и неопытный, но стойкий и хладнокровный, как будто закаленный в боях старый вояка. Под Буском он со своим взводом попадает под сильнейший артогонь и, чтобы не дать упасть настроению красноармейцев, он каждый разрыв снаряда сопровождает шуткой, и братва хохочет, забыв о призраке смерти. Его самого ранило в грудь навылет. Истекая кровью, парень еле бредет к сестре и тут же поддерживает раненого красноармейца, помогает ему нести винтовку. На предложение сесть в повозку и поехать, он отвечает, что в госпиталь не поедет, а дойдет пешком до околодка, чтобы только отдохнуть, и тут же теряет сознание от потери крови.

Паламарчук, приднестровец-партизан. Ему под Яблоновкой (около Деражни) оторвало ногу, но он старается еще держаться, просит оказывать помощь другим; наблюдая за ним при перевязке, я не слышала ни одной жалобы, ни стона.

Их всех не перечтешь. Их были не единицы, а тысячи. Хочется на этих страницах высказать свое восхищение ими, но слова бессильны. Не скажешь словами о тех, кто погибал просто и тихо, без внешнего эффекта. В этом величие их, погибших в борьбе „за волю майбутнiх м'льйон в".

Время идет, имена стираются, остается только героизм масс, коллективный героизм, живущий беспрестанно, вечно. Не красивыми словами будем вспоминать тех, кто знал, как нужно бороться и умирать. Наилучшим воспоминанием будет наша работа — строительство социалистического будущего. К нему прокладывали путь, в борьбе за него гибли тысячи тысяч.

А. АЛЕКСЕЕВ.

Партизаны.

(Эпизод).

Декабрь 1919 г.

Красная армия лавиной катится за Деникиным. Подвигаемся к Полтаве. Юг! Юг!

Январь для нас, северян, кажется весной. Война „подводная".

Деникин быстро удирает. Вся армия катится на подводах. Наша бригада тоже.

Пестрые картины. Вот 397 полк ведет верблюдов.

— Что это вы ведете?

— Коммуну ведем.

Красноармейцы пугают крестьян „коммуной", но никто уже не боится коммуны. Нагляделись белогвардейских ужасов. Наш батальон китайцев вызывает любопытство, страха нет.

В каждой деревне митинги. Коммунисты говорят о крестьянине-середняке: „Не сметь командовать крестьянами". Крестьяне довольны, не знают, как лучше встретить, чем угостить.

— Ходя, ходя, йди до мене, погрiйся,—радушно встречают красноармейцев-китайцев крестьяне.

У хлопцев после Питерского порциона из пары вобл аппетит небывалый. Желудки не выдерживают напора вареников, сала, колбас и прочей украинской снеди.

...На завтра готовится бой. Крестьяне-подводчики сообщили, что в хуторах казаки, пулеметы, артиллерия, громадные обозы награбленного у крестьян добра. В округе повстанцы-партизаны кишмя кишат. „Кадетам" спать не дают.

Там—„Лихо",—здесь „Шило", а невдалеке от Дмухайловки засел „Дьявол".

Еду к „Дьяволу", для установления связи. Скоро ночь. Под'езжаю к деревне... „Стой". Выскочили вооруженные люди из-за хат. Темно, ничего не видно.

Повели в хату, оттуда в „штаб". „Дьявол"—анархо-бандит, махновец.

Беседуем.

— У вас свободы нет, к вам не пойду,—говорит атаман.

Парень молодой, но и „прожженный" Одет в генеральскую шинель на красной подкладке, сбоку кавалергардская, блестящая сабля, с красным темляком, на голове смушковая серая шапка набекрень.

— У вас,— говорит,— дисциплина, куете новые цепи рабочему классу...

Спор затягивается до поздней ночи.

„Дьявол" соглашается завтра ударить в Дмухайловке на белых. Приказ штаба настаивает, чтобы не раньше условного часа, когда один полк успеет отрезать казакам отступление. Утром партизаны не выдержали, ударили раньше. Спугнули казаков и дали им удрать из еще не сомкнувшегося кольца. Были напрасные потери. Комбриг тов. Левензон рвет и мечет.

— Без дисциплины всегда нас будут бить,— говорю „Дьяволу".

Он сумрачен. Собираем партизан на митинг, поздравляем в их лице вооруженный украинский народ, восставший против капиталистов и помещиков. От лица Красной армии благодарим за их помощь и рассказываем, как разбили мы Юденича, доказываем необходимость продолжать борьбу с Деникиным, с контр-революцией. Призываем вступить в ряды Красной армии.

Громадная вооруженная толпа партизан радостно нас приветствует.

Лишь небольшая группа вокруг „Дьявола" угрюмо молчит. Выступает сам „Дьявол".

— Кто хочет, идите в Красную армию, не держу, а кто не хочет — со мной — до батьки Махна.

Голосуем. Все за вступление в Красную армию. На следующее утро бригада выступила в поход, имея в своих рядах новых 200 красноармейцев.

„Дьявол" с небольшой группой анархистов и непримиримых, захватив два пулемета, скрылся.

Ф. ЛЕВЕНЗОН.

В борьбе с анархо-кулацкой стихией.

(Операции 133 бригады против Махно на деникинском фронте).

В середине декабря 1919 года 45 дивизия прибыла с юденичского фронта на Южный и двигалась уступом за правым флангом XIV армии. Между нею и XII армией на десятки верст — никем не занятое пространство,—уязвимое место для удара во фланг наступающим в Курском направлении частям Красной армии. Этот фланг и защищала дивизия, решая вместе с тем наступательную задачу на одном из ответственных участков фронта.

В авангарде 45-й дивизии—1-я бригада, а передовым 398-й полк...

Первая ласточка.

24/I—20 г. бригада вступила в район Дмухайловские хутора - Варваровка - Бузовка (сев. Екатеринослава).

В районе Дмухайловских хуторов слышна редкая ружейная стрельба. Выезжаем к авангарду бригады, где нам представляется следующая картина. В бинокль хорошо видна жиденькая цепь отступающих и отстреливающихся пехотинцев, на которых наседают сильные кавалерийские части... Через некоторе время батальон 398 полка пропускает к себе в тыл отступающую цепь и, построившись в карре, принимает на себя большой кавалерийский отряд из чеченцев и мобилизованных, входивших в состав слащевской группы...

После двухдневных боев с частями бригады отряд слащевцев разбит и окончательно рассеян...

Отступавшая пехотная цепочка—части 1-го и 2-го Новомосковского партизанских полков, которыми командовал „Дьявол" (такова была кличка его)—представитель армии Махно в Новомосковском районе. Партизанами этих полков была молодежь, преимущественно из жителей Ново-Московского уезда и ближайших сел.

Мы глухо знали о действиях махновских частей в тылу деникинской армии; точное расположение их нам не было известно. По тем слухам, которые до нас дошли, деникинцы вывели совершенно из строя эту армию. Во всяком случае, встреча с махновцами в этом месте была для нас полной неожиданностью.

Бригада подоспела во время. Пребывание в деникинском тылу в течение долгого времени, беспрерывные бои с белыми совершенно обессилили партизан. Боевые припасы и прочее снаряжение истощились. Бой под Дмухайловскими хуторами,—опоздай мы с приходом—мог быть для партизан, а вместе с ними и для населения этих районов, роковым...

Отсюда понятна та неописуемая благодарность, как самих партизан, так и населения к тем, кто принес им спасение и избавление от белых.

* * *

Части дивизии за время пребывания на севере прошли основательную политическую школу. Южный переход создал закаленный кадр бойцов, который воспитывал влившееся в дивизию пополнение. Части дивизии были хорошо снабжены и производили прекрасное впечатление. Высокая сознательность бойцов способствовала установлению наилучших взаимоотношений с крестьянством. Величайший порыв на юг, которым охвачены были бойцы дивизии, воодушевлял их на большие подвиги, и бой батальона пехоты против восьмисотенного отряда кавалерии, происходивший на глазах населения ближайших сел, внушил доверие к частям Красной армии.

Несколько дней, проведенных в районе Дмухайловских хуторов, были буквально триумфом для наших частей.

Перед нами встал вопрос, как быть с партизанами? Указаний на этот счет не было никаких. Надо было решить вопрос самим, и мы назначили встречу с командиром партизан „Дьяволом".

Средних лет, с необыкновенно энергичным лицом, красивый, высокий, уже с проседью, брюнет, „Дьявол", по его словам, был рабочим Тульских заводов. По политическим убеждениям принадлежал к федерации анархистов-коммунистов, отбыл несколько лет на каторге. Политически довольно развит, пользовался большим влиянием в отряде. Население оказывало ему поддержку. В разговоре мы касались политического положения страны, политики Советской власти. Моя агитация сводилась к необходимости единого выступления всех трудящихся под руководством коммунистической партии для окончательной победы над контр-революцией. Предлагаю ему вместе с частями влиться в состав дивизии. Разговор продолжался всю ночь. „Дьявола" убедить не удалось. Он до мозга костей анархист и не мыслит себя в рядах организованной части. Все же семя сомнения было брошено. Мы решили на утро созвать митинг партизан для того, чтобы решить вопрос о вступлении их в ряды Красной армии. „Дьявол" обещает соблюдать нейтралитет.

Помню это собрание в школе. Четыре часа мы митинговали с партизанами. Митингу предшествовала длительная индивидуальная обработка. Ее вели не только среди партизан, но и их родных. Каждая хата, где были расположены красноармейцы, представляла собой агитпункт, и работа велась там до глубокой ночи. Правда, наша задача была не столько в том, чтобы убедить партизан влиться в ряды Красной армии, сколько в том, чтобы раз'яснить крестьянству политику Советской власти.

Благодаря поведению белых крестьянство видело в махновцах своих защитников. Оно укрывало махновцев, всячески помогало им, жестоко расплачиваясь за это. Кроме махновцев в этих районах оперировали немногочисленные петлюровские части. Но они были близки крестьянству лишь постольку, поскольку об'являли себя врагами Деникина; идеологически же они были чужды крестьянству.

Ни идея независимой Гуляйпольской Республики, ни самостийная Украина не были понятны трудящемуся крестьянству, а следовательно и неприемлемы, и все же к Советской власти оно относилось, если можно так выразиться, испытующе. В памяти были реквизиции, головотяпство и своеволие местной власти, дезорганизованные, отходившие под давлением белых, красноармейские части, также не оставившие особо лестных воспоминаний.

Крестьянство присматривалось к нашим частям, в которых видело представителей Советской власти, носителей ее идеалов. Крестьянство видело в Красной армии ту силу, которая пришла освободить его от гнета деникинских банд, от издевательств офицерской сволочи, успевшей за несколько месяцев пребывания в этом районе достаточно ярко показать свое кровожадное лицо.

Беру на себя смелость утверждать, что поведение частей, высокая сознательность и умение подойти к крестьянству сыграли большую роль в изживании той предубежденности, во всяком случае, настороженности, которая существовала к Советам, и склонила симпатии крестьян к нам.

В архивах дивизии сохранился следующий документ.

ПРОТОКОЛ

общего заседания повстанцев 1 и 2 Новомосковских полков 25 декабря 1919 года.

Председатель Собрания тов. *Шулика.*
Секретарь *Павленко.*

СЛУШАЛИ:

Предложение командира бригады о том, как дальше быть повстанческим отрядам: или же присоединиться к красным регулярным войскам,— сформировать 3-й красный полк 1 бригады, или же быть партизанами.

ПОСТАНОВИЛИ:

На основании протокола от 8/XII 1919 года п. 2 предлагаю следующую резолюцию: Мы, повстанцы, сражались с деникинскими бандами в Новомосковском, Павлоградском, Константиноградском уездах, тем самым приносили лишь пользу общему благу революции и красным войскам, которых ожидали, как победителей над контр-революцией. Мы, повстанцы, не сложим оружия до тех пор, пока не уничтожим всемирной контр-революции, желаем стать в стройные ряды Красной армии, для чего предлагаем немедленно приступить формировать 3-й красный полк из нашего повстанческого отряда. Да здравствует всемирная революция! Да здравствует Красная армия! Да здравствует Всемирная Социалистическая республика!

Председатель собрания (подпись)
Секретарь (подпись)

Этот документ целиком отражает следы той большой политической работы, которая была проделана парторганизациями наших частей.

Бригада уходила, влившн в свои ряды партизан Новомосковского района. Сам командир „Дьявол" благословил партизан на вступление в Красную армию, и получив пропуск, тепло попрощавшись с нами, покинул район бригады.

Далеко уйти ему, однако, не удалось. Командир 3-й бригады нашей дивизии тов. Голубенко взял под сомнение целесообразность моего поступка. Он отправил „Дьявола" в штаб дивизии.

Остальное на совести тов. Якира. Видели ли бы мы „Дьявола" еще в рядах Махно, или нет,— эта возможность не исключалась, но „Дьявол" был расстрелян.

Бой под Софиевкой.

2 января по 1-й бригаде отдается приказ о занятии города Александровска. Коннице тов. Нягу дается указание, пройдя через Ново-Гупаловку и перейдя желдорогу северо-восточнее ст. Софиевки, сосредоточиться к 16 часам 3/I в хуторе Андриевка-Протопоповка; ночью на 4 января выслать две партии для разборки путей у станций Янцево и Мокрое; пути разобрать скрытно и более ничем не обнаруживать себя перед противником.

Этим распоряжением имелось в виду парализовать действия бронепоездов противника в момент решительного движения остальных частей бригады на Александровск. К Александровску отступала славгородская группа деникинцев, отходил туда и Слащев.

Попытка Слащева организовать сопротивление в районе Александровска не удалась. Длившийся с рассвета 4.I до поздней ночи упорнейший бой кавчастей под командованием тов. Нягу и частей 398 полка в районе Софиевки окончился поражением деникинцев и отступлением к Александровску. Оперативная сводка дивизии этого времени отмечает: „противник, отходя к Александровску, оказывает упорное сопротивление" (сводка № 0257), а в разговоре тов. Якира с командующим армией этот момент освещен так:

„До сего времени нет донесений о занятии Кичкаса и Александровска. Противник оказывает сопротивление, имея приказ удерживать район до прихода в Александровск через Кичкас отступившего из Екатеринослава генерала Слащева. Комбриг 1 выехал ст. Софиевку, пока донесений нет".

В 2 часа ночи на 5 января части 397 полка подошли к Александровску, не вступая в город.

На бронепоезде в Александровск и дальнейшие события.

На рассвете 5 января, исправив разобранные пути, мы двинулись на бронепоезде в Александровск. У нас не было сведений об уходе противника и частям было приказано вступать в город в прежнем боевом порядке.

Наш бронепоезд со всеми мерами предосторожности, готовый к бою, тихо подходил к вокзалу...

Железнодорожники высыпали нам навстречу. Совершенно не замечая нас, отдавая распоряжения, суетился человек в штатском с красной повязкой на рукаве. На ней мы прочли „Комендант станции от войск батьки Махно".

Наш разговор с ним был довольно короткий. На все вопросы он отвечал:

— Я являюсь комендантом от армии батьки Махно. Распоряжения выполняю только его. Батько в городе, разговоры можете вести с ним.

На этом у нас беседа окончилась.

Это, видно, был один из тех людей махновского штаба, которому можно было поручать самостоятельные роли. Судя по тому, как он держался в разговорах с нами, он, видно, был и достаточно инструктирован самим батькой.

Я решил отправиться к батьке.

* * *

На всем пути нашего продвижения и даже у подступов к Александровску мы не могли получить более или менее достоверных сведений о расположении махновцев, их численности. Мы не имели повода предполагать, что уже в Александровске мы столкнемся с ними.

Махновцы находились на правом берегу Днепра и наблюдали наш бой с деникинцами. Нет сомнений, они были хорошо информированы и о том, что противник покинул город. Махно решил не терять ни минуты и двинулся в Александровск.

Занятие города было единственным спасением для его армии.

Сплошное, на протяжении сотни верст в окружности, царство сыпняка представлял собой район пребывания махновцев. Без медицинской помощи, полная лишений, армия его рвалась в город. Там можно получить все то, чего не хватало армии в течение долгого скитания в тылу у Деникина.

Таким образом, 5 января в городе Александровске очутились мы и части махновской армии, прибывавшие в течение всего дня.

Что это были за части? Я наблюдал входивший в город отряд сабель в 150. Это была махновская гвардия, его опора. 150 человек в самом разнообразном одеянии, начиная с прекрасных каракулевых шапок и кончая котелками в качестве головных уборов, и от шинелей до каракулевых дамских саков в качестве верхней одежды. У редкого из них на пальцах не было по одному, а то и по нескольку колец с массивными драгоценными камнями. Это были *те части, которым было все позволено, которые ожесточенные, лихие бои умели соединить с не менее жестокими грабежами и насилием.* А за ними следовали тачанки с большим количеством пулеметов. Пехоты было мало: она устлала собою громадное пространство от Азовского и Черного морей до Днестра, мучаясь без медицинской помощи, умирая от тифа, ежедневно уносившего в могилу сотни людей из махновской армии. Немногим из них удалось добраться до Александровска.

Связь с дивизией еще не была установлена, и даже порадовать начальника дивизии таким соседством удалось не сразу.

...Нам пришлось иметь дело с Махно перед самым отходом Южной группы. На 45-й дивизии его дело сорвалось, но ряд других частей ему удалось разложить и перевести на свою сторону, а других разоружить.

Что представлял собою Махно сейчас, после пребывания в тылу у Деникина, каково будет его отношение к Красной армии—для нас было полной загадкой. О численности его армии, среди населения шли самые фантастические слухи. Нет сомнения, что его же агенты муссировали слухи о громадной численности армии, называли цифры в несколько десятков тысяч человек.

Для нас также не был известен и социальный облик людского состава махновской армии, его настроения.

Надо было изучить „соседа", и мы занялись этим немедленно.

Отдав необходимые распоряжения о расположении частей бригады, я, комиссар бригады тов. Генин, командиры полков Липанов, Нягу и кто-то еще из командного состава направились к батьке.

Батько и его штаб любили удобства. Они расположились в одной из лучших гостиниц города.

Дело было к вечеру, когда, об'явив, кто я, охранявшим вход двум рослым, с типичными бандитскими лицами, партизанам, я, не ожидая разрешения, вошел в большой, ярко освещенный зал.

Посредине—сервированный на большое количество людей стол. На диване разместились трое или четверо военных, а у буфета, опершись на него, стоял одетый в кожаный костюм „батько".

Я отрекомендовался и заявил, что желаю побеседовать о гарнизонных делах. Батько ответил, что все предварительные переговоры будет вести командир Черноморско-Азовского корпуса Каретник и начальник штаба Белаш, а результаты будут доложены Реввоенсовету, который и примет

ПРОТОКОЛ

Общего заседания повстанцев I и 2 Новомосковских полков 25 Дек. 1919 года.

Председатель собранія тов.Ш[illegible]

Секретарь Павленко

СЛУШАЛИ:

Предложеніе Командира бригады о том как дальше быть повстанческим отрядам или же присоединиться к красным регулярным войскам сформировать в Красный полк. I Бригада или же быть партизанами.

ПОСТАНОВИЛИ:

На основании протокола от 8 Декабря 1919 года п.2 предлагаем следующую резолюцию: Мы повстанцы сражались с Деникинскими бандами в Новомосковском, Павлоградском, Константиноградском уездах, тем самым приносили пользу [illegible] красным войскам, которых ожидали как победителей над контр-революцией. Мы повстанцы не сложим оружия до тех пор, пока не уничтожим всемирной контр-революции, желаем стать в стройные ряды красной арміи, для чего предлагаем немедленно приступить формировать 3 красный полк с нашего повстанческого отряда. Да здравствует всемирная революція, Да здравствует красная армія Да здравствует всемирная социалистическая федеративная республика.

Председатель собранія

Секретарь

Один из протоколов о присоединении к Красной армии, принимавшихся повстанческими отрядами, боровшимися в тылу Деникина в период боев 45-й дивизии на Полтавщине и Екатеринославщине.

решение. Прием был сухой, но без особого оттенка высокомерия или еще чего, похожего на это.

Мы не отдавали себе отчета, как могут сложиться наши взаимоотношения с Махно. Опыт, вынесенный нами из первой встречи с новомосковскими партизанами, давал нам уверенность в стойкости наших красноармейцев и в способности их противостоять разлагающему влиянию партизанщины. Для нас было ясно, что мы находимся в иной обстановке, чем в Дмухайловских хуторах, но мы не задумывались над силой этого разложения и методами, которыми пользовался Махно. Все виденное нами в этот день было для нас новостью. Настоящую махновщину мы увидели впервые в Александровске.

* * *

Мы очутились на приеме у вышеназванных командиров махновской армии.

Беседа наша длилась часа два. Это был вечер вопросов и ответов, взаимного прощупывания. Белаш был спокоен и лишь изредка принимал участие в разговоре. Главная роль принадлежала Каретнику. По временам он бывал резок, горячился. Мы вели себя спокойно и сдержанно, стараясь выдержать этот тон до конца. Главные пункты обвинений против нас, т. е. то, что по мнению Каретника отделяло нас от махновцев и крестьянства,—это была аграрная политика Советской власти и то, что Красной армией руководили те же офицеры, с которыми Махно, мол, ведет борьбу не на жизнь, а на смерть.

Нам пришлось преподать ему несколько уроков политграмоты, что же касается офицеров, то здесь Каретнику не повезло. Он был уверен, что к нему пришли бывшие офицеры. Но увы! Он был очень смущен, когда с гордостью перечислив состав командиров махновцев, ничего общего с офицерством не имеющий, он получил не менее почтенный список командиров 45 дивизии.

Дискуссия кончилась ничем. Мы не ставили себе целью убедить командиров махновской армии, мы стремились лишь узнать их лицо, которое нам было совершенно неизвестно.

Надо признаться у нас теплилась надежда, что уроки деникинщины не пройдут даром и для махновцев, но мы ошиблись.

В архиве дивизии сохранилось донесение штабу армии командира дивизии тов. Якира, излагающее эту обстановку следующим образом:

„По только что полученным сведениям от комбрига 1 по телефону выясняется, что в два часа 4/5 января батальон 397-го полка занял Александровск. Непосредственно за батальоном в Александровск вошел переправившийся ранее в Кичкасе корпус махновцев во главе с комкором Каретником и самим Махно. Ночью же комендант был назначен от корпуса. В состав корпуса входят 4 и 5 полки, в первом 800 штыков, 600 сабель, во втором приблизительно столько же. Точно не выяснено. Кроме того в корпус будто бы входят еще 4 полка, находящиеся в непосредственной близости от Александровска. Комбриг 1 тов. Левензон, прибыв в Александровск, отправился к Махно. Его принял комкорпуса Каретник и после длительного разговора заявил: „На политические темы мы с Вами беседовать не будем. Об этом сговорится наш РВСовет с Вашим РВСоветом Республики. Со стратегической стороны мы готовы занять определенный участок, ибо враг у нас один; передано почти дословно. В городе расклеен приказ гласящий, что за грабежи расстреливать на месте, ходят патрули, раз'езжают крупные раз'езды по 80—100 сабель с черными знаменами. Части 1-й бригады за исключением 1-го батальона 397 полка, находящегося в Александровске, преследуя противника и не получив от меня своевременно приказа, вышли на линию Новогригорьевка-Корьевка-Камышевка. Им уже отдан приказ комбригом возвратиться на предмет переправы у Кичкас на правый берег. Комбриг спрашивает определенных указаний, каковых спрашиваю и я, причем докладываю: на случай приказа открытия военных действий против корпуса, что 1-я бригада 2-х полкового состава; возможно, потребуется переброска еще одной бригады, что займет 3—4 суток. Якир*.

* * *

Уже после беседы с Каретником нам стало ясно, что от верхушки не приходится ждать ничего хорошего и что разведку надо вести в другом направлении — надо узнать, чем дышит, как настроена масса махновцев, ее рядовой состав.

За этим ходить не пришлось далеко.

В той же гостиннице, в громадном зале, представлявшем буфет, Махно давал пир своей армии. Буфет обслуживал всех приходивших, денег не брали. Мы разместились среди махновцев и за чашкой чая вступили с ними в беседу.

Среди махновцев оказалось много бывших красноармейцев, командиров Красной армии и коммунистов, попавших в плен и бежавших из деникинского плена. Принадлежность к партии пришлось, конечно, скрывать. Каждый из них перенес немало моральных потрясений, и сейчас у них было одно желание: поскорее домой, хоть немного отдохнуть.

Мы поставили себе задачей глубже разведать настроение махновцев.

Для этого были двинуты в ход большие группы разведчиков. Политработники частей бригады, командный состав и очень большое количество красноармейцев были брошены в гущу махновцев. Там нас встречали хорошо, даже восторженно. Все поражались той перемене, которая произошла в частях Красной армии. Ведь только несколько месяцев назад наш красноармеец внешне мало чем отличался от махновцев; та же пестрота в одежде, то же скверное, разнообразное вооружение и пр. А теперь какая перемена? Это производило впечатление. Наряду с уважением к нашим частям в них чувствовали силу. О расположении со стороны населения говорить не приходится: оно испытало на себе прелести махновского режима и целиком было за нас.

Мы вели широкую раз'яснительную работу среди махновцев и населения в рабочих и крестьянских кварталах. Нам не пришлось рассеивать враждебного настроения, но много сомнений, неясностей имелось: в памяти были непонятная тогда наша политика на селе, *форсированное раз-*

витие коммун, реквизиции и проч. Работа наших агитаторов шла всюду: и на улицах, и на квартирах, и в том же буфете, где беспрерывно толпились и подкреплялись махновцы. Устанавливалась смычка наших частей с махновцами, они приходили пачками для беседы с красноармейцами. Их немало интересовал вопрос о взаимоотношениях красноармейцев с командирами и комиссарами; на этот счет махновцы воспитывались в духе полной вольницы, дисциплина была для них жупелом.

Трудно изобразить эту большую агитационную работу, которая была проделана нашими товарищами. В этой агитации принимали участие даже китайцы, не говорившие по-русски. На любом квартале вы могли наблюдать такую картину: в толпе махновцев стоит китаец. Его буквально засыпают вопросами: о коммуне, о командирах и проч. Он понимает, и больше догадывается о задаваемых вопросах, но ответить не может и вместо ответа расплывающееся в улыбку лицо, гримасы, полные восторга, и одно слово „карашо", „очень карашо". Мы не инструктировали их, но они чуяли общее настроение наших частей и, как могли, разделяли ту работу, которую вел весь коллектив.

Махновцы тоже не дремали. Не знаю, обсуждал ли махновский штаб наше поведение, но видно, он прекрасно понимал и правильно расценивал последствия нашей работы.

Махновцы также действовали. В ход были пущены наиболее надежные кадры и средства.

В первый день своего прихода махновцы взяли в свое ведение спиртовый завод. Администрация отпускала спирт по запискам штаба, и, когда нам понадобился для нужд лечебных учреждений спирт, мы получили его с разрешения „батьковских" властей.

Мы пошли на это, не желая раньше времени создавать поводов для инцидентов.

На каждом квартале можно было видеть махновца (для этого были мобилизованы самые махровые представители его частей), с бутылью водки в четверть ведра.

„Выпьем, братишка, за наше освобождение"— такова была безобидная форма обращения к нашим красноармейцам. Махновцы метили далеко: вино—лучшее средство разложения частей. После такого начала можно рассчитывать и на дальнейший успех. Как ни велик был соблазн, как ни хотелось испробовать так давно невиданный напиток, красноармейцы вежливо отказывались. Не устояла лишь часть китайцев, и ко времени нашего ухода из Александровска их не досчитались человек 5. Но и те явились через день, кляня во всю махновцев, сознавая совершенное преступление.

Махновцы были очень щедры, широко угощали красноармейцев и щедро раздавали деньги.

Все меры были пущены вход, чтобы соблазнить, развратить, разложить наши части.

Так боролись две силы—одна в лице большого коллектива—бригады, начиная от руководящей ее части и кончая красноармейцами, другая — испытанные и надежные махновцы, составлявшие кадр, опору его армии.

Параллельно велась и другая работа. Надо было подготовить организацию Советской власти, надо было готовиться к столкновению с Махно. Неизбежность такого конца для нас была очевидна уже после разговоров с Каретником.

Надо вытянуть из подполья ревком, выяснить, какие партийные силы остались после неоднократного разгрома организации, как со стороны Махно, так и Деникина и призвать эти партийные силы к жизни.

Комиссар бригады тов. Генин целиком ушел в эту работу.

Ревком не считал своевременным выйти из подполья. Он решил выждать, покуда выяснятся взаимоотношения с Махно.

Тов. Генину удалось наладить связи в кругах, близких к военному совету Махно. Появились надежды найти союзников в составе и самого военного совета. К тому времени связь с дивизией наладилась, и стало возможным информировать о происходящем дивизию и получать указания.

Дивизия тоже не могла дать определенного ответа, как нам быть. Вопрос решался в высших инстанциях.

Неопределенность положения тяготила. Каждый из нас, бывших в Александровске, чувствовал, что столкновение с Махно неизбежно, но нельзя было в столь важном деле решать самому.

Время шло. Оставалось лишь использовать полностью его для того, чтобы быть готовыми к столкновению. И мы сделали все, что только было возможно.

Я помню даже такой наш разговор с тов. Якиром. Мы предлагали выделить группу товарищей, которая должна была покончить с верхушкой махновской армии.

С таким предложением к нам приходило несколько групп из красноармейцев и командиров, была такая попытка и среди руководящего состава бригады.

Тов. Якир понимал наше состояние и нетерпение, но... приказал ждать указаний свыше. Дисциплина заставляла лишь скрежетать зубами и выжидать.

Дальнейшие события вкратце изложены в следующем разговоре тов. Якира с командующим XIV армией тов. Убаревичем:

„Здравствуйте тов. Командарм. Выяснил относительно точно численность корпуса Каретника, находящегося в Александровске и непосредственной близости в 15—20 верстном районе: 1500—1600 сабель и около 6000 штыков. На правом берегу 3-й корпус—от Никополя до Апостолово; где находится 1-й корпус, неизвестно. Вчера из тактических соображений приказал комбригу вступить в исполнение обязанностей нач. гарнизона и назначить своего коменданта, несмотря на присутствие махновских начгарнизона и коменданта, сделав для того, чтобы показать, что население будет обращаться к нашим. Вчера была устроена манифестация с рабочими, на которой рабочие, даже и меньшевики, приветствовали в лице 1-й бригады регулярную дисциплинированную Красную армию. На этом митинге махновцами был устроен скандал, но отношение рабочих, явно за нас стоявших, заставило махновцев замолчать. Сегодня приказал устроить парад бригаде тоже с агитацион-

ной целью, дабы показать стройность организации Красной армии. Сегодня выпущена в Александровске пара листовых воззваний. Противник также пытается вести агитацию, но комбриг говорит, что она совершенно безуспешна".

С изданием приказа по гарнизону в городе наступило двоевластие. Все почувствовали, что произошло что-то новое, что развязка приближается. Положение становилось еще более напряженным. Но зато наши позиции стали более определенными. Население почувствовало этот сдвиг и приветствовало переход власти в городе в руки советских частей. Этим приказом власть махновского командира ограничивалась лишь над его частями, население же должно было обращаться в Ревком и в нашу комендатуру. Это был первый удар по махновцам.

В приведенном документе упоминается о параде частям бригады. Это был замечательный парад тем, что он был соревнованием нашим с махновцами и проверкой наших частей.

На парад прибыла и „черная сотня" Махно во главе с Каретником.

Поздравив части с победами Красной армии—в это время было получено сообщение о занятии Бердянска, Мариуполя и пр.—я основную часть речи посвятил партизанам, сказав, что их долг, если только они считают себя революционерами, покинуть партизанские ряды и вступить в ряды Красной армии, свернуть черный стяг и стать в защиту Красного знамени.

Эта речь привела в бешенство Каретника. На партизан же она произвела впечатление. Из их рядов раздались голоса одобрения. Дело думал спасти Попов.

Попов — левый эсер, один из организаторов левоэсеровского восстания в Москве, играл видную роль в махновской армии.

— Я тот Попов, который... начал он и, перечислив все свои доблести и революционные заслуги, стал призывать красноармейцев идти в армию батьки, где все равны, где нет комиссаров и т. д. в духе махновской философии. Попов сказал несколько оскорбительных слов по адресу наших командиров, и это чуть было не стоило ему головы. С большим трудом нам удалось удержать части от самосуда над ним и предотвратить кровопролитие.

Парад был началом.

Присутствовавшие махновцы понесли весть об этом параде в свои части, и в течение всего дня нам пришлось митинговать в разных махновских частях. Тов. Генин, помню, вернулся совсем охрипший. Он выступал с колоссальным успехом в частях Калашникова, где ему пришлось удержать махновцев от расправы со своим командиром.

Почва была подготовлена, но увы... действовать нельзя было: приказ был—ждать.

К концу дня во все наши части одиночками и группами продолжали переходить махновцы; кто сдавал оружие и уходил домой, а кто записывался в части, принося с собой оружие.

Ночью по всем дорогам из Александровска, одиночками и группами, бросая оружие, уходили домой махновцы.

Брешь была пробита, волна хлынула... Деморализация махновцев была на полном ходу. Мы продолжали свою работу, углубляя развал в их стане.

А дальше, не помню, какого это было числа, мы получили, наконец, указания.

Вот разговор тов. Якира с командующим XIV армией тов. Убаревичем:

„Добрый вечер тов. Якир. У аппарата Убаревич и члены Реввоенсовета. Тов. Сталин только что передал распоряжение Южфронта предложить армии Махно выступить на защиту Советской Республики против поляков в районе Мозыря. Во исполнение этого распоряжения нами будет передан для Махно оперативный приказ. Мы полагаем, что соответствующее отношение Махно к этому приказу даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения. Последнее постарайтесь использовать Вы и будьте добры высказать ваше мнение".

Говорит Якир: „Извиняюсь, из Александровска к телефону меня вызвал комбриг. Только что говорил по телефону с Александровском. Я лично, зная Махно, полагаю что он ни в коем случае не согласится. Кстати докладываю, что, в случае отказа, операцией против Махно будет весьма трудно руководить, благодаря отвратительной связи, благодаря перевесу, который будет на его стороне в смысле численности, благодаря подвижности и ускользаемости его банд. Полагал бы необходимым, в случае наличия желания Южфронта использовать живую силу Махно, приезд какого либо авторитетного лица республики. Сегодня на параде 1-й бригады было произнесено несколько речей о регулярной Красной армии, в это время на площадь прибыл помощник командира корпуса махновцев и попросил слово. Комбриг умышленно разрешил. В речи он назвал красноармейцев наймитами. Комбригу с трудом удалось удержать красноармейцев, которые собирались поднять оратора на штыки. На присутствовавших 80—100 кавалеристов махновцев это произвело большое впечатление. Итак, повторяю, вручение одного приказа, вручение без присутствия кого-либо из центра результат даст отрицательный. Сегодня я отправил свой штаб в Екатеринослав; разрешите завтра и мне отбыть туда же. Провод с Харьковом оттуда имею—Якир".

Говорит командарм: „Вы хорошо понимаете, что этот приказ является известным политическим маневром и только; мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его исполнения Махно. Реввоенсовет армии завтра после обеда выезжает на ст. Синельниково и дальше к Александровску. Приказ Вы заранее используйте для агитации, что махновцы должны не только свои хаты защищать, но как и вся рабоче-крестьянская армия бороться на других фронтах. Если этого не пожелают сделать, значит они враги и изменники. Поведение Ваших частей нас весьма радует. Выезжайте в Екатеринослав, чтобы быть поближе к своим частям. Сейчас Вам будет передан приказ для передачи Махно. Пока до

свиданья. Официальные имеем сведения о занятии Бердянска. Убаревич".

Этот разговор передает довольно подробно и то, что сказано выше, и освещает нашу тактику в отношении Махно. Я до сих пор не могу об'яснить, чем было вызвано такое промедление со стороны вышестоящего руководства в открытии военных действий против Махно.

Мы очень многого добились за это время, наша работа не прошла даром, но результаты могли быть значительно лучшие, если б мы были информированы о намерениях, плане высшего командования и сами могли бы выбрать время и способы решения задачи. Я не сомневаюсь, что ни один человек из махновского штаба, в том числе и сам Махно, не ушли бы от нас.

Приказ Махно был вручен командиром батальона Покровским. Махно почувствовал, что шутки плохи. Он понимал, что боя ему не выдержать, и решил уйти от столкновения с нами.

Мы приступаем к операции против Махно. По замыслу командования Александровск должен был быть окружен, и Махно нужно было запереть в городе. Вместе с нами должны были действовать части 41 дивизии, задачей которых было запереть выход из города.

Я поехал для установления связи в 41 дивизию. С комдивом тов. Зомбергом и комиссаром дивизии т. Ивановым мы встретились на одном из полустанков, не доезжая Александровска, После короткого совещания, на котором наметили план действий, мы устроили митинг в одном из полков 41 дивизии. Я заверил красноармейцев. что 133 бригада выполнит свой долг перед Республикой и выразил уверенность, что и они останутся верными ей. Должен сознаться, что уехал я с тяжелым настроением. Части 41 дивизии не сумели подобно нашей дивизии использовать передышку для укрепления своих рядов, не было у них и тех традиций, что у 45-й, были они, видно, значительно слабее и кадрами. А ко всему этому следует добавить и малочисленность частей, чрезвычайную усталость и наличие в ее рядах бывших махновцев из ближайших районов. Все это дало свои результаты в проведении самой операции.

Всем частям, исключая один батальон 398 полка, было приказано выйти из города и направиться в район Кичкаса.

Еще с утра был пущен слух, довольно быстро распространившийся по городу, что части бригады переходят на правый берег Днепра для дальнейшего наступления против Деникина. На смену бригаде приходят части 41 дивизии, до прибытия которых в городе остается лишь один батальон.

Это было сделано для того, чтобы ввести в заблуждение махновский штаб. И этот номер удался. Мы спокойно ушли из города, и махновцы успокоились. Утром ко мне на квартиру явился один из виднейших агентов махновской ставки, начальник контр-разведки, палач, бывший уголовный преступник Лёвка. Мы с комиссаром бригады имели с ним разговор, не давший ему повода заподозрить, что мы что-то готовим против них.

Мы уславливались даже, что ответ на приказ командования о выступлении махновской армии на польский фронт он должен вручить командиру, который придет нам на смену. И все это было в тоне, не внушавшем никаких подозрений.

* * *

Ночью мы прибыли в хутора, расположенные в 6—7 верстах к северу от Александровска. Моросил мелкий, пронизывающий дождик. Погода стояла мерзкая... Людям негде было укрыться, так как все хутора были снесены не то Деникиным, не то махновскими бандами. За ночь нужно было приготовиться, чтобы на рассвете начать действовать.

* * *

В городе остался один батальон 398 полка во главе с комполка Иваном Федоровичем Липановым, человеком, на которого можно было надеяться в любой обстановке.

Жуткая была ночь... Непролазная грязь, темень... Из города продолжают уходить группы махновцев, а кадры их, как голодные волки зимою, ходят, бродят в районе расположения батальона...

Батальон укрепился во дворе одного из заводов и превратил его в настоящую крепость.

Ночью группа махновцев во главе с пресловутым Поповым решила испробовать нервы наших частей.

Кое-где послышались одиночные выстрелы... Неподалеку разорвалась бомба...

Отряд батальона вышел из-за стен завода, и этого было достаточно, чтобы шалости махновцев прекратились.

Задача батальона была нелегкая. Он должен был вести бой в городе тогда, когда мы будем прижимать остальные махновские части к городу с севера, а 41-я запирать им выход на юг. На нем лежали и задачи парализовать и прикончить махновский штаб. Люди были об этом предупреждены и шли на это рискованное предприятие спокойно и хладнокровно. Я был в баталионе уже по выходе всех других частей. Спокойное и уверенное настроение,—вот что я почувствовал у всех, от командиров до красноармейцев.

* * *

Работа в городе продолжалась. Уже был набран и расклеивался приказ-воззвание к махновцам. В нем говорилось о предложении Советского командования Махно отправиться на польский фронт и об его отказе выполнить этот приказ. Приказ кончался призывом к партизанам вступать в ряды Красной армии, а Махно и, кто будет с ним, об'являлись изменниками революции, против которых будут приняты самые суровые меры.

К этому времени нам удалось установить прочные связи с отдельными членами Военного Совета махновской армии. Изгладились из памяти их фамилии, но это были самоотверженные люди, много поработавшие в это время. К утру на улицах города было расклеено следующее воззвание:

ВОЗЗВАНИЕ

группы Членов Реввоенсовета Повстанческой армии им. батьки Махно.

Товарищи повстанцы!

Ставши перед фактом намерения руководящих кругов повстанческой армии натравить под видом борьбы трудящихся честных революционных повстанцев на Красную армию, не можем дальше молчать. В этот ответственный момент мы должны заявить: пришел конец одиночной борьбы с реакцией, пришел конец партизанщине, перед нами стальная стена Красной армии, на долю которой выпадает еще ликвидация остатков рассеявшейся по всем направлениям добровольческой армии. Велика эта задача Красной армии, товарищи - повстанцы! Ей надо освободить еще весь юг, окончательно уничтожить на Украине контрреволюцию.

Для достижения этой задачи ей необходим организованный тыл. Без крепкого тыла никакая армия не способна удержать в своих руках то, что ей удается отвоевать у реакции иногда с тяжелыми жертвами. И мы не выполним своего революционного долга, если помешаем в этот момент регулярным частям Красной армии организовать у себя крепкий тыл, если помешаем ей заниматься только общим противником—буржуазной реакцией.

Неорганизованно ничего добиться нельзя. Нельзя даже оправдать своего революционного права бороться с реакцией. Рассуждать так могут только те, кто подобно маленьким детям, думают, что революция сама побеждает. Мы же говорим всем: повстанцы армии „батьки Махно"! Пришло время, когда каждый из вас стал лицом перед вопросом, как вести борьбу с мировым капиталом, организованно выстраивая к бою все свои силы, или же бороться так, как каждому хочется, не зная ни тыла, ни даже хорошенько своего противника.

Не хотите ли вы, товарищи-повстанцы, являясь сами свидетелями разрушительной силы партизанщины в тылу у противника, продолжать партизанщину на фронте и в тылу Красной армии?

Честный революционный повстанец, который борется с капиталом, ответит вместе с нами:

Долой партизанщину на фронте и в тылу Красной армии!

Ибо победа партизанской войной не достигается.

Если мы откажемся от дальнейшей борьбы с капиталом, если мы поставим на очередь дня борьбу против власти — „какой бы то ни было власти"—и против деникинской и против Советской, мы с той же минуты перестанем быть честными революционными бойцами за трудящихся—мы становимся тогда просто авантюристами.

Нашей задачей сейчас является влиться в Красную армию. Придти на помощь тов. красноармейцам в нашей общей борьбе с капиталом.

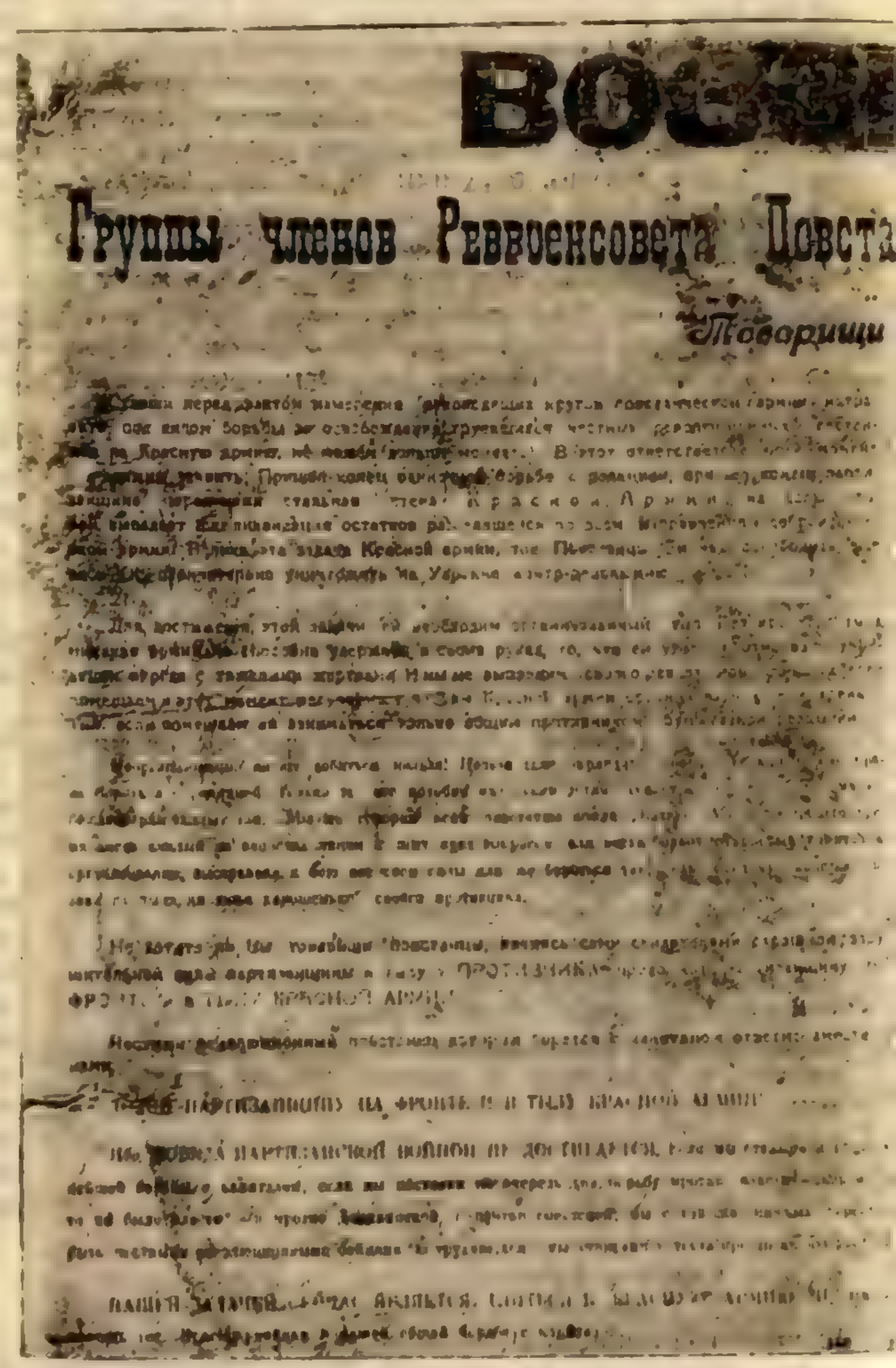
Усилить фронт, помочь трудящимся победить контр-революцию.

В ряды Красной армии! На последний решительный бой!

За нами победа, товарищи, ибо за нами трудящиеся. Они организуют нам тыл, они снабдят нас и врачами и лазаретами, наладят дело снабжения. Мы, дорогие товарищи, не будем тогда, пронзенные пулями, иногда во все части тела, бежать за тачанками, ища места где бы умереть.

Товарищи, к чему все эти сказки про жидов, коммунистов и наемников—сынов Красной армии? Ведь это только змеиные замыслы властолюбивых батек.

Повстанческая армия, дорогие товарищи, имела у себя революционный совет повстанческой армии имени батьки Махно. Но мог ли он сказать вам свое слово? Нет. Командный состав держал его в ежовых рукавицах.

ВОЗЗ
Группы членов Реввоенсовета Повста
Товарищи

Воззвание группы членов Реввоенсовета армии Махно, отколовшихся ... гады 45 дивизии в г. Алексан

Но вы все же слышали, как они расправляются с теми, кто осмеливается говорить им в глаза правду. Вы знаете, что по приказу батьки Махно был расстрелян честный революционер и любимый всеми повстанцами тов. Полонский.

Палачи, душегубы!

Вы еще ответите на суде у трудящихся за такие расстрелы.

Выходя из состава революционного военного совета войск имени батьки Махно и присоединяясь к рядам Красной армии, мы, группа повстанцев в революционном военном совете махновской армии, зовем за собой всех честных революционных повстанцев.

ВАНИЕ

...ческой армии имени Батько Махно.

Повстанцы!

Усилить фронт — помочь трудящимся победить контр-революцию.

В ряды Красной Армии на последний решительный бой!

[illegible]

Палачи душегубы!

[illegible]

Выходя из состава Революционного Военного Совета войск имени Батько Махно и присоединяясь к рядам Красной Армии мы, группа повстанцев в Революционном Военном Совете Махновской армии, зовем за собой всех честных революционных повстанцев.

Все товарищи Повстанцы в Красную Армию!

Все на борьбу с капиталом, а не то снова у нас будут лишние жертвы, бесполезное пролитие крови пролетария.

Долой партизанщину в тылу организованной Красной армии!

Да здравствует победоносная пролетарская Красная Армия!

...„батьки" в результате работы партийно-политического аппарата 1 бри... ...вске (Запорожье)—январь 1920 г.

Все товарищи повстанцы в Красную армию!

Все на борьбу с капиталом, а не то снова у нас будут лишние жертвы, бесполезное пролитие крови пролетария.

Долой партизанщину в тылу организованной Красной армии!

Да здравствует победоносная пролетарская Красная армия!

Группа повстанцев в революционном военном совете махновской армии.

Уже с ночи на участке к северу от Александровска началось. Тихо и спокойно, ничего не подозревая, спали махновцы в Павло-Кичкасе. Бодрствовали лишь часовые, охранявшие пулеметную команду и артиллерийскую батарею. Тихо, бесшумно, разбившись на группы, кавалеристы из дивизиона тов. Нягу сняли часовых и обезоружили махновские отряды в двух-трех ближайших селах. Светало уже, когда пехотные части пошли в наступление. Закончив с разоружением, мы с кавдивизионом двинулись на город...

* * *

По шоссе, ведущему на Александровск, движется большая колонна махновцев: кавалеристов человек полтораста и пулеметных тачанок (1 пулеметный полк батьки Махно) около 60. Прислуги было меньше, чем пулеметов. Мы готовимся их встретить. Наши пулеметы располагаются так, что весь отряд попадает в огневую засаду, а в тыл махновцев выходит повернутый для этого 397 полк.

Мы загородили им дорогу и предложили сдать оружие. Махновцы крайне удивлены... Они только откуда-то прибыли, не знали всего, что произошло в городе...

Долго рассказывать, хотя длилось это минуты. Надо было видеть, как взрослые, видавшие виды люди, плакали, как дети. Они не ждали такого конца... Как сейчас помню рослого, молодого кубанца. Он выхватил из кобура револьвер и сказал:

— Вот что, товарищ командир, либо сам пущу себе пулю, и тогда возьми коня, либо ты пусти, а живым коня и шашку не дам...

— Нет у нас таких разговоров, что бы не вступать в Красную армию, мы все, как один, пойдем в ряды Красной армии и батьку заставим, а коли не захочет, не батько он нам, голову свернем — взволнованно говорил другой.

И весь отряд, как один человек, твердил то же.

Отрядом командовал коммунист. Я с ним переговорил и он заверил меня, что не может быть никаких сомнений насчет искренности отряда. Я поверил, разрешив отряду двинуться в город.

Мы шли по пятам, и я рассчитывал, что пробка, которую должны были образовать части 41 дивизии, не даст просочиться этому отряду, а его настроение может ускорить развязку.

* * *

Я пишу эти воспоминания для красноармейцев 45 дивизии и хотел бы, чтоб они, наряду с прекрасными страницами из истории дивизии, полными героизма, политической выдержанности и сознательности, на чем следует учиться и воспитываться, знали бы и об ошибках, в данном случае моей.

На войне нельзя никому верить! Надо использовать обстановку тогда, когда она создается, не рассчитывая, что она повторится так же удачно.

В случае, который описан, моя ошибка заключалась в том, что я оттянул момент разоружения отряда, что я поверил махновцам. Этого делать нельзя было.

Я до сих пор уверен, что махновцы не хитрили. Нет, они были искренни, но войдя в Александровск, они стихийно потянулись за своими частями, не застав их в городе. Они были в большей части разоружены через день—два, но дело не в этом: ошибка была сделана, ошибка непростительная. Отсюда урок:

На войне, как на войне,—верить врагу нельзя...

* * *

В городе обстановка сложилась хуже, чем мы предполагали. 41 дивизия не проявила нужной энергии, и махновцам удалось проскользнуть на юг в родные края. Правда, ушло их немного. Махно скрылся еще раньше. С ним ушла очень незначительная группа, ушли его кадры, ушла его „черная сотня", еще сотни полторы кавалеристов, немного пулеметов и батарея. Все остальное либо было разоружено, либо, очутившись за городской стеной, держало путь домой.

Из нескольких тысяч человек махновской армии, находившихся в Александровске и ближайшем к нему районе, с Махно ушло не более трехсот. Все остальное рассеялось, часть пришла к нам.

Сформированная к тому времени кавбригада Котовского, в которую вошел и дивизион т. Нягу, довела дело до конца. Преследуемая по пятам, теряя пленных и почти всю материальную часть „армия" Махно в составе нескольких десятков тысяч человек рассеялась по кулацким углам юга Украины.

* * *

А на правом берегу Днепра тянувшиеся со всего района Азовского моря и бывшей Екатеринославщины махновские части натыкались на части нашей 2-й и 3-й бригад. В отличие от Александровска, где была махновская гвардия, там преимущественно были страдальцы махновской армии—пехота. Многие из них вступили в ряды Красной армии, а большинство, усталые и больные, сдав оружие, уходило домой.

* * *

Так кончилась попытка Махно сконцентрировать свои части в Александровске, чтобы снова стать силой, которую он несомненно пустил бы, как это и сделал позже, на дальнейшую разрушительную работу в тылу Красной армии. Так была ликвидирована опасность постоянной помехи Советской власти. Ликвидация махновской армии, хотя бы и без ликвидации ее руководящей головки, создала обстановку для спокойной работы Советских органов в городе и на селе, в чем так нуждался юг Украины, в течение нескольких месяцев терзаемый и разоряемый Деникиным, Махно и другими бандами.

* * *

Этот замечательный период в жизни 45 дивизии отмечен следующим приказом по XIV армии:

„На долю нашей армии выпала трудная задача не только разгромить Деникина, но и ликвидировать всех тайных и явных его сообщников, которые разлагают тыл Красной армии.

Одной из самых серьезных опасностей, вставших перед победоносными красными бойцами на пути к Черному морю, была махновщина.

Борьба с Махно требовала от каждого красноармейца не только боевых качеств, но и высокой политической сознательности, стойкости и выдержки.

Реввоенсовет армии с полным удовлетворением отмечает, что все эти качества были проявлены частями 45-й дивизии, на которые была возложена ответственная работа по ликвидации махновщины.

Красноармейцы, командиры и комиссары—все оказались на высоте возложенной на них задачи, все выполнили свой долг перед Советской властью и революцией до конца.

Уничтожение, разоружение и обезврежение разложившихся махновских банд является одной из самых блестящих операций, выполненных 45 дивизией.

Принося товарищескую благодарность вам, солдаты 45-й дивизии, за ваш славный революционный подвиг, Реввоенсовет армии твердо надеется, что вы и впредь будете стоять в авангарде Красной армии и достойно завершите победу над всеми врагами Советской власти.

Вперед к победе и через победу к миру, красные бойцы!

Командующий армией *Убаревич*. Член Реввоенсовета *Рухимович*. Начальник Штаба *Мармузов*. Комиссар Штаба *Васильев*."

* * *

Понятно, в деле ликвидации махновщины в этот период сыграла основную роль та политическая школа, которая была пройдена крестьянством Украины за время деникинщины.

Социальный состав большой махновской армии был не тот, которым была представлена верхушечная часть его армии. *В отряды Махно, которые организовались на почве борьбы кулачества против Советской власти, во время деникинщины влилось огромное количество бедняков и середняков, которые шли с Махно против Деникина, но, по понятным причинам, далеко не всегда шли с ним против Советов.*

С ликвидацией деникинщины, основной массе махновской армии было больше по пути с Красной армией, чем с Махно. Но все же вызвать процесс отхода от Махно было большой, серьезной политической задачей. Эту задачу решили блестяще части 45 дивизии и те рабочие, которые, будучи в составе махновской армии, в рядах партийной организации, делали это дело вместе с нами.

Описанная страница из жизни дивизии, из ее столкновения с Махно,—одна из важнейших страниц истории дивизии. Она рисует нам высокую политическую сознательность и стойкость частей.

Подвиги тех сотен и тысяч бойцов, командиров и политработников, которые вписали эти славные страницы в историю 45-й, должны быть повторены в грядущих боях новыми бойцами славной дивизии.

А. МИНИН.

Приперли к реке.

(Бой 405 полка под дер. Грушевка 13—14 января 1920 г.)

В первых числах января 1920 года после занятия Екатеринослава, 405-й полк направился на юг к Никополю. В селе Михайловка полк разоружил махновцев в в самом Никополе к нему целиком присоединился, так называемый, „1-й Стальной полк имени батьки Махно". Армия Махно трещала в то время по всем швам.

Заняв Никополь, 405 полк расположился в городе и принялся за вывозку трупов махновцев, умерших от тифа. В городе насчитывалось до 6000 больных.

Вечером 9-го я получил следующую бумажку.

Никополь. Командиру 405 полка тов. Минину.

„Противник всеми силами обрушился на части моего корпуса. Еле, еле сдерживаю натиск. Прошу вас, помогите мне, в противном случае не ручаюсь за целость фронта.

Командир 4-го махновского корпуса
Павловский".

Прочтя бумажку, я грешным делом подумал: не ловушка ли устраивается мне вместе с полком?

Эх, была не была! Решил сейчас же действовать. Отдал приказ обоим полкам, т. е. своему 405-му и присоединившемуся „стальному" в 10 часов выступить. Павловскому же послал сообщение, что двигаюсь обоими полками на Бузулукские хутора, откуда и начну действовать.

Через час по мостовым города застучали тачанки с пулеметами. Мы двинулись вперед. Послышалась раскатистая махновская песня о батьке Махно, „яблочке" и еще о чем то..., и через несколько часов оба полка добрались до Бузулукских хуторов.

В хуторах нашли заставу из 4-х пулеметов, выставленную от 4-го корпуса махновцев, которая сообщила нам следующее: „Железнодорожный мост через реку сожжен. Одни рельсы только висят в воздухе. Есть деревянный мост через реку, но разорван посредине. Сама река вздулась, лед потрескался и выступила вода. Река в таком состоянии, что ни пешему, ни конному не перебраться. У белых очень много артиллерии, и они все время кроют по хуторам и переправам..."

Я решил сейчас же начать действовать и во чтобы то ни стало до рассвета переправиться на ту сторону.

Отдал 1-му баталиону приказ попытаться по рельсам железнодорожного моста перебраться на ту сторону, а командиру Стального полка со своей конницей—вплавь через реку Бузулук. 2-й баталион начал заготавливать материал для накладки деревянного моста.

Части приступили к исполнению приказа.

Один за другим, держась руками за ферму моста, боком по рельсам, начали постепенно передвигаться красноармейцы. Вдруг в ночной тишине раздались выстрелы. Со стороны пр-ка заработало несколько пулеметов, и человек двадцать кр-цев полетело с моста вниз. Проломив талый лед, барахтаясь в реке, начали тонуть. Остальные в панике поспешили перебраться обратно на эту сторону.

Командир Стального полка донес мне, что он пытался переправиться в нескольких местах, но нигде не мог этого сделать. При этом у него утонуло 3 человека, а двух еле-еле спасли.

Что делать? Уже начинает светать. Я понимал, что, если нам не удастся переправиться сейчас, то днем и подавно.

Ко мне подошел командир 2 баталиона т. Янелюнас.

— Минин, разреши мне со своим баталионом попытаться переправиться по деревянному мосту. Я уже приготовил и материал.

— Хорошо, действуй. Только быстро!—ответил я и отдал приказание командиру Стального полка приготовить конницу для переброски через мост вслед за 2-м баталионом. Батарее приказал открыть огонь по заставам пр-ка, расположенным у обоих мостов. Обоим баталионам ставилась следующая задача:

„Переправившись через мост, двинуться в наступление на с. Грушевку, расположенное в нескольких верстах южнее железнодорожного моста, а коннице обойти село с юга и запада и отрезать белым дорогу отступления на Воронцовку и Костромское".

2-й баталион с досками и дрючками в руках бегом бросился к мосту. Два десятка пулеметов и батарея открыли огонь по заставам. Белые ответили. Через час мост все же был готов, и 6-я рота с криками „ура" перебежала по доскам на противоположную сторону.

Застава пр-ка моментально была смята и перебита, и по мосту бежали уже остальные роты.

...Уже было утро, когда оба полка переправились на правый берег Бузулука и обрушились на белых у Грушевки. Берковский, командир Стального полка со своей конницей удачно обошел село с юга и запада, и белые оказались прижатыми к реке Днепр. Был уничтожен баталион белых. Успел удрать только сам командир баталиона полковник Саликов с 20 казаками.

В наши руки попали пленные и около 10 пулеметов.

Вечером того же дня полк выбил кавалерию генерала Склярова из села Костромское.

Махновский 4-й корпус во главе с своим командиром Павловским перешел на нашу сторону.

---

* * *

В бурю и мятель.

(Взятие Вознесенска).

Котовцы — они только что составили особую бригаду, еще молодую, сформированную лишь после нового года — обрушивались то тут, то там на врага и сметали его со своего пути. Противник отходил на город Вознесенск, и было ясно, что здесь, у Вознесенска, важного железнодорожного пункта, белые окажут серьезное сопротивление.

Стало известно, что белые генералы подтянули к городу бронепоезда. Все предвещало упорный бой.

Ф. Е. Криворучко — член ВКП(б), организатор красных партизанских отрядов на Ямпольщине, командир 402 полка 2 бригады. Геройски погиб в бою с деникинской кавалерией под д. Лукашевка 5 февраля 1920 г.

Вечером в штаб 2-й и кавалерийской бригад пришли „приказы о том, что Вознесенск должен быть взят к вечеру 30 января. Бригады двинулись вперед. 28 января котовцы уже достигли деревни Ракитово, что юго-восточнее Вознесенска, и бросились было в атаку на город, но противник начал бить из пулеметов и орудий, и конница, встреченная свинцовым дождем, отхлынула. Так было несколько раз. И после каждого раза кавалерийские шеренги редели.

Атаки были неудачны. Нужно было подождать подхода пехотных частей.

Котовский послал кавалеристов сообщить, чтобы бригада ускорила шаг.

* * *

...Мороз доходил до 20 градусов. К тому же еще ветер вздымал клубы снежной пыли и бросал их в лицо. Шинельки, о которых сказано, что они подбиты рыбьим мехом, беспомощно трепались. Было холодно. Руки стыли на морозе и, как огнем, обжигались о затворы винтовок. Вода в кожухах пулеметов замерзала, застывали замки орудий.

Комполка 402 тов. Криворучко, любимец красноармейцев, успокаивал ребят:

— Пулеметы наши стрелять будут. За нами кухни с кипятком везут. Все время дрова подкладываются.

— Не хотите ли, тов. командир, белых угощать чайком? — спрашивали кр-цы.

...„Прилетели“ кавалеристы от бригады Котовского:

— Продвигайтесь быстрее... Как только можно...

Но „продвигаться быстрее“ было тяжело, ибо снежный буран не прекращался, в вихре метался ветер. Красноармейцы шли, спотыкаясь о кочки, по неровной замерзшей дороге.

Но „продвигаться“ быстрее нужно было во что бы то ни стало.

Командиры, смеясь и подшучивая, подбодряли красноармейцев.

— Ну что-ж, ребята, прибавим, что-ли, шагу!

Тов. Криворучко бросил своей „золотой братве“ (так он называл своих красноармейцев):

— А ну, ребята, шире шаг!

Дали шаг.

...До города оставалось около 4 верст, когда приехала конразведка и донесла:

— Противник крупными силами занимает город и станцию Вознесенск. Имеется артиллерия, кавалерия. На станции Вознесенск бронепоезда и эшелон с прибывшим из Одессы пополнением. На окраине в предместье Булгарка...

Бригада продолжала наступать. Снежный буран не прекращался. Стало темнеть. Надвигался вечер. До города оставалось полторы версты, когда полки рассыпались в цепь. Подошла батарея и стала на открытой местности (темно, все равно враг не заметит). В пулеметы была налита горячая вода.

Раздались артиллерийские выстрелы, и первые же снаряды легли в центре города. Батареи белых стали отвечать. Их снаряды ложились где-то далеко от наших цепей, не причиняя никакого вреда красноармейцам.

Буран не утихал. За снежной мятелью, за темной сеткой ночи прятались красноармейские цепи. Наконец, подошли к самому городу.

Противник почувствовал близко врага и, нервничая, открыл сильный пулеметный и ружейный огонь.

Но вот, в вихре мятели раздается мощное „ура“! и, цепь за цепью, срываются красноармейцы и бегут вперед. Через полчаса бой идет уже в городе. Деникинцы не выдерживают, бегут. Полки проходят безостановочно через весь город и только возле станции вновь встречают упорное сопротивление белых.

Снаряд, ворвавшийся на станцию, попадает в вагон со снарядами. Взрыв... Страшная паника... Люди в английских шинелях разбегаются, кто куда...

На станции железной дороги белые оставляют богатые трофеи. Много пленных солдат и офицеров... Захвачен целиком оркестр Севастопольского полка...

Уже ночь, а кр-цы еще производят по городу облавы на белогвардейцев.

...На другое утро красные войска приветствовали трудящиеся Вознесенска... В 12 часов дня состоялись похороны погибших в бою товарищей. Оркестр белых, который хорошо знал „боже царя храни“, за ночь, по приказанию красного комбрига, выучил „Интернационал“ и „Вы жертвою пали“.

— И по турецки заиграешь, — шутили красноармейцы, — если прикажут.

И. КОЛЕСНИКОВ.

По стопам отступающих белых.

Первое, что мы увидели, сойдя с вагонов в гор. Глухове, это несколько человек глуховских рабочих, висевших на телеграфных столбах. Так расправлялись деникинцы с теми, кто мешал им творить их грязное дело.

Когда 400-й полк проходил мимо этих трупов, все молчали. Лица были строги, стиснуты зубы, и в глазах горели гнев и клятва мести.

...Из Глухова пошли в наступление, но больших боев не было, ибо улепетывал во все лопатки разбитый еще до нас неприятель. Так прошли Конотоп, Сумы, Ахтырку и лишь под Полтавой имели более или менее значительный бой, в результате которого Полтава была нами занята.

Занимаем Новомосковск, Екатеринослав. Здесь стычки с неприятелем учащаются. Под Новомосковском нас нагнал оправившийся от болезни Г. И. Котовский. Правда, в командование нашей бригадой он не вступил, так как ему было поручено сформировать кавалерийскую бригаду.

Около Екатеринослава нам стали попадаться отряды Махно. Армия Махно в это время переживала период разложения. Она изживала себя, эта партизанская армия кулаков и обманутой бедноты. Приход регулярной Красной армии прекращал ее существование, как партизанской армии. Регулярной же дисциплинированной частью Красной армии она не хотела быть.

Сыпной тиф, ужасный бич этих дней, добивал ее.

Мы быстро продвигались вперед к Александровску, где у Махно были главные силы. По пути встречали неимоверные разрушения: в Екатеринославе, например, почти ни в одном доме не было окон, а большое количество лучших домов было сожжено.

Когда мы подошли к немецким колониям Хортица и Кичкас, к тому месту, где сейчас строится Днепрострой, то здесь увидели ужасную картину: в Хортице нельзя было найти 10 человек здоровых для того, чтобы организовать ревком и наладить вывозку трупов; в каждом доме было по 2-3 умерших от сыпняка, а оставшиеся в живых — все больны сыпняком. Мертвых обнаруживали в сараях, клунях; трупы грудами валялись на железнодорожных станциях, в железнодорожных будках, в вагонах, словом, где угодно, можно было натолкнуться на трупы.

В Хортице, в Кичкасе мы отобрали у махновцев немало лошадей, пулеметов, винтовок и много всякого военного имущества. Отсюда двинулись на Одессу по маршруту Никополь — Новый Буг Вознесенск. В Вознесенске белые дали нам крупное сражение. По пути нашего движения к красным полкам присоединялись партизанские отряды. Один из них, численностью в 200 человек, встретил нас в Новом Буге; им командовали т. т. Запорожец Иван и Зеленин Василий; обоих мы знали еще по одесскому подполью. К нам присоединился также отряд т. Дубецкого, боровшийся в тылу у белых.

Вознесенский бой произошел в первые дни февраля 1920 года при сильном снеге. Наш 400-й полк наступал на с. Солоное через ст. Трикраты, а тов. Котовский во главе вновь организованной кавалерийской бригады — с противоположной стороны из с. Белоусовки. Неприятель был разбит на голову. Осколкам его частей пришлось отступать не через мост, а по льду. Лед под столпившимися на нем белыми обломался, и много народу пошло ко дну.

Продолжая движение на Одессу, 400-й полк занял местечко Николаевку (Жидовское), в то время, как кавбригада т. Котовского направилась на м. Березовка.

На следующий день после занятия Николаевки (5 февраля), с утра на нас повели наступление кавалерийские части белых, состоявшие преимущественно из чеченцев. М. Николаевка (Жидовское) расположено в балке, окруженной горами, которые занял неприятель. Мы оказались в чрезвычайно невыгодных условиях для боя, и в результате деникинская конница произвела большие опустошения в полку. Среди пленных, попавших в руки белых, оказался тов. Василий Зеленин, который был политкомиссаром партизанского отряда, влившегося в наш полк. Судьбы его не знаю.

В. К. Дубецкий, член ВКП(б) с 1918 г., организатор партизанского отряда, влившегося в 400 полк в феврале 1920 года. Сейчас секретарь Балтского Райпаркома (АМССР).

Из м. Николаевки пришлось отступить не назад, а в сторону противника, так как тыл был отрезан конницей белых. Дойдя до д. Ананьевка, остановились, выставив сторожевую охрану. Включились в телеграфный провод и соединились со штабом 45-й дивизии. Тов. Якир был поставлен в известность о случившемся. Он немедленно дал распоряжение 405 полку двинуться нам на помощь.

На утро подоспел баталион 405 полка, вступивший в бой с противником. Как оказалось, это была сильная группа генерала Бредова, отступавшая из района Киева на Николаев.

Противник после боя оставил м. Николаевка, но на следующий день его кавалерийские части повели наступление на 402 полк, расположенный левее нас в 7 верстах. В бою погиб бывший партизан и командир 402 полка, храбрый боец, товарищ Криворучко.

Пленные, которых захватили белые, на следующий день в большинстве вернулись в полк. В плену их раздели, прокрутили до ночи, допрашивали, кто из них принадлежит к командному составу, но наши ребята знали эти штуки и никого не выдали. Ночью удрали, когда белые напились пьяными.

Группа Бредова, не пробившись на Николаев, устремилась в направлении на ст. Раздельная.

Вскоре мы повели наступление на Раздельную. В ночь под 8 февраля мы дали несколько залпов из двух батарей по станции. К нам навстречу вышли с красным фонарем вместо флага депутаты от галицийских частей, занимавших станцию. В Раздельной галичан было около 3000; они заявили, что желают служить Советской власти [1]. Белые же заранее отошли на ст. Кучурган. Выслав кавалерию в тыл белым, наша бригада разбила их, и в 2 часа дня мы с оркестром вступали в г. Тирасполь.

Трудовое население встречало нас по старому обычаю, т. е. с хлебом и солью. Посыпались жалобы на неслыханные грабежи и издевательства над населением...

Возвращением в Тирасполь 45-я дивизия замкнула свое годовое путешествие. За этот год она выкристаллизировалась и превратилась в грозную боевую единицу. Пройдя огонь и воду, губительную эпидемию тифа, перенеся голод и ряд других лишений, она вполне заслуженно стала Краснознаменной и заняла соответствующее ей место в Красной армии.

А. ВАСИЛЬЕВ.

Шесть часов в плену у белых.

Со ст. Глухов 400 полк двинулся походным порядком. Ежедневно проходим 25 верст, но противника настичь не удается; вот уже прошли Сумы, Харьков, Полтаву, Екатеринослав. По всему пути встречаются мелкие банды да расползшаяся армия Махно. А белых все нет.

Может быть они не существуют и вовсе? Среди ребят разговоры:

— Эх, встретиться бы с белыми героями, всыпать бы им!

Иисусово воинство.

Долго все же ожидать не пришлось. Разведка донесла: „Противник обнаружен".

И вот в селе Александровка под Вознесенском на реке Буг первая встреча, правда, очень странная. Наш противник... попы и дьяки. Командует этой сворой какой то архиерей. Полк называется „Иисусов".

— Ах ты, бестия, и они туда же!

Повели наступление, встретились и дали такого духу святым отцам, что, действительно, было и небу и саваофу жарко. Короче, полк „святых отцов" был уничтожен почти полностью, при чем энергичную помощь нам оказали местные крестьяне, которые добрую треть „святых воинов" сплавили в проруби реки Буг.

Так удачна была наша встреча с авангардом деникинских войск!..

Чеченская кавалерия наступает...

Овладев Вознесенском совместно с кавбригадой тов. Котовского, полк двинулся на м. Николаевку (Жидовское) и 3 февраля 1920 г. в 5 часов вечера выбил оттуда небольшой кавалерийский отряд белых. Штаб полка, 1-й баталион и рота богоявленских партизан расположились в Николаевке, а я с 2-м баталионом в д. Дмитриевке, тут же через реку. Дальнейшее выступление, согласно приказа по полку, было назначено на 9 часов утра 4 февраля, но уже в 7 часов утра, дежурный по баталиону доложил:

А. Е. Васильев—один из организаторов и начальник оперативного штаба Тилигуло-Березанского отряда, впоследствии командир 2-го батальона 400 полка. Участник Южного похода и боев на деникинском фронте. Сейчас в г. Одессе на хозяйственной работе.

— Комполка приказал немедленно прибыть с баталионом к штабу полка.

Через $1/2$ часа в полной боевой готовности баталион стоял у штаба полка...

В штабе никого не оказалось—ни командира полка, ни помощника. Командир, как я узнал, был занят организацией кавалерийского отряда для отражения появившейся белой конницы, помощник был где-то в обозе. Все же минут через 15 я нашел компрлка т. Колесникова и получил от него приказ двумя ротами занять высоты, что сев. вост. Николаевки, а 3-ю роту отправить для прикрытия обоза.

Позиция занята, и уже минут через 20 завязывается бой: ухают пушки, трещат пулеметы. Кавалерия противника пошла в обход на наш левый фланг, но была сбита 4-й ротой моего баталиона, а минут через 10 замолчала и артиллерия противника, подбитая нашей артиллерией. Но это не заставило белых отказаться от продолжения боя; они перенесли свое внимание на правый фланг.

Это сказалось быстро: 1-й баталион начал отступать на новые позиции, желая занять господствующую над Николаевкой высоту. Эта операция не удалась, так как кавалерия противника, пользуясь скрытыми подступами, обошла баталион и неожиданно напала на него с тыла. Баталион пришел в замешательство. Отдельные группки бойцов пытались оказать сопротивление, но минут через 15 баталион был разбит и выведен из строя...

---

[1] Речь идет о 3-х галицийских корпусах, выведенных Петлюрой из Галиции в помощь своей армии, дравшейся как против советских войск, так и белых. С этими галицийскими частями дивизии пришлось иметь бои в июне — сентябре 1919 года, т. е. перед Южным походом и во время его. После разгрома петлюровцев Деникиным галичане вступили в союз с последним, а после катастрофы деникинцев, заявили о своем желании служить и сражаться за дело Советской власти. Отправленные на польский фронт, галицийские части под давлением своего генералитета и офицерского состава изменяют Советскому командованию, открывают фронт и обрушиваются на наши тылы. Галицийские части впоследствии были разоружены поляками. Об измене галичан подробно изложено в разделе „Борьба с белополяками". *Ред.*

Приданная баталиону рота партизан стойко удерживает свои позиции, но напор белых не стихает, и через полчаса рота, уничтоженная на наших глазах белой конницей, также перестает существовать.

На моем участке противник ведет все время пехотные атаки, с большим трудом отражаемые бойцами.

Но вот получаю распоряжение комполка: „Отступить на новую позицию и задерживать наступление противника". С трудом удается отвести баталион на новую позицию—кладбище, где вновь закрепляемся, не давая белым ворваться в Николаевку.

Но кавалерия белых, сбив 1-й баталион, беспрепятственно вторгается в местечко с сев. зап. стороны. Для отражения кавалерии бросаю два взвода и, открыв залповый огонь вдоль улиц, заставляем кавалерию, неспособную вести уличный бой с пехотой, отступить.

Но 1-го баталиона, как боевой единицы уже нет... Связь с комполка оборвалась... Короче,—я с двумя ротами, тираспольцев и таганрогцев, очутился в кольце...

Я попадаю в плен.

Белые начинают наседать. Отдаю распоряжение—отходить всей цепью к огородам Дмитриевки. Отошли и залегли. Отстреливаемся, но вести серьезный оборонительный бой уже нет никакой возможности. Мы фактически в плену. И действительно, минут через 10 чеченцы уже разоружают нас, дико гикая, сверкая клинками и рубя чуть-чуть сопротивляющихся.

Шагах в 25-ти от меня лежит красноармеец 3-го баталиона—еврей. Он кричит мне:

— В плен не буду сдаваться, все равно белые расстреляют!

Чеченцы приближаются к нашей группе. Красноармеец дает два выстрела и сбивает с лошадей двоих. Но тут же третий подскакивает сзади и саблей буквально срубает голову этому славному бойцу.

Два других чеченца бросаются на моего помощника. Я стреляю один раз, второй, третий. Чеченцы падают с лошадей. Подскакивает офицер и выстрелом в упор убивает моего помкомбата. Я лежу в скрытом снежном окопе и считаю свои секунды...

Но что это?.. Первая цепь белых проскочила мимо и не заметила меня?!.

— А, стерво собачье,—услышал я рычанье над головой. У окопчика стоят чеченцы. Раскрасневшиеся и запыхавшиеся они теребят меня:

— Ну, йдом, йдом!..

Меня обезоруживают, ведут во двор и бросают в какой то сарай.

Через полчаса выводят из сарая. Чеченцев уже нет. Мои конвоиры—новый народ. Русские, что ли? Но легче ли мне от этого!

— Снимай сапоги!

Снимаю. Белые начинают примерять. Один примерил—тесные, другой—так же.

— На, черт их побери—тесные!

Я получаю обратно сапоги. На площадь приводят еще группу пленных. С ними проделывают ту же процедуру.

Затем белые предлагают мне снять кольцо с руки. Вместе с кольцом забирают часы и деньги. Правда, деньги возвращают обратно.

— На чорта нам советские!.. На!..

Меня ведут в хату...

— А теперь полезай в печь... Вечером, когда стемнеет, через дымоход (в трубу) взберешься на крышу, и по огородам в степь... Мы тоже такие, сегодня тут, а завтра там...

Предложение это кажется мне подозрительным, и я отказываюсь.

Затопят печку и сожгут, чего доброго, живым,—мелькает мысль.

— Не хочешь?

— Не хочу.

— Ну идем за нами в штаб!

У ворот „сталкиваемся" с двумя офицерами.

— Что это за люди?—указывая на нас, спрашивает один из них.

— Это—пленные.

— В штаб разведки ведете?

— Да, в штаб.

В штаб разведки все же нас не повели, а доставили в офицерскую роту.

Пред'явили меня командиру роты. Я пред'являю свою бессрочную книжку на имя штабс-капитана Гаркуши (достал я эту книжку еще в период подпольной работы в 1919 г. в Одесском районе).

— Желаете служить у нас?

— Обязательно. Я ведь у красных по мобилизации. В Вознесенске взяли и заставили служить.

Комроты пишет записку о зачислении меня во второй взвод. Взводный командир назначает меня в первое отделение. Знакомлюсь с рядовыми офицерами, они угощают меня чаем. Так совершается мое превращение из красного командира-коммуниста в белого солдата-офицера. На плечах моей шинели досужий поручик уже чертит химическим карандашем погоны штабс-капитана.

— Ну, как господа, ничего?—обращается он к группе.

— Прелестно!

В голове бурлит мысль, как бы убежать ночью.

В хату, где помещается офицерская рота, входит полковник, начальник кавалерии — чеченец. Подаются команды:

— Смирно!, гаспада офицеры!

Все встают и берут под козырек, затем команда „вольно", и вся эта свора окружает полковника.

— Черт возьми, потеряли сегодня мы много народа,—говорит он—а жаль особенно командира батареи!.. А вы знаете, господа, все же эти красные дерутся отчаянно...

— Да вот у нас тоже один красный,—замечает кто-то из офицеров, указывая на меня.

— Красный поневоле,—говорю я и снова повторяю выдуманную историю о моей мобилизации в Вознесенске.

— А скажите,—обращается ко мне полковник, —что это, черт возьми, красные на позиции ходят во весь рост? Это такова их тактика, что ли?

— Не знаю,—спешу ответить я—всего лишь неделю, как служу у красных, *товарищ* полковник!

Офицеры переглядываются.

— Это в той банде *товарищ*, а у нас, *гос-*

В. БУШЕЧКАН.

Встреча с деникинцами под м. Николаевка.

Разбитые на Украине деникинские части отступали в различных направлениях. 45-я дивизия преследовала белых от Екатеринослава на запад: на Вознесенск-Бирзулу. Выдвинутая вперед 2-я (134-я) бригада, овладевшая Вознесенском, при дальнейшем продвижении на запад натолкнулась на сильную группу противника, отходившую с севера на Одессу. У м. Николаевка (по местному, Жидовское), в 40 вер. зап. Вознесенска, деникинцам удалось окружить 400-й и 402-й полки и нанести им тяжелое поражение. Особенно большие опустошения произвели в этих полках атаки многочисленной деникинской конницы.

На помощь по приказанию начдива была отправлена ближайшая к месту боя часть: 1-й батальон 405 полка под моей командой.

В ночь на 5 февраля 1920 г. баталион из района Цaредаровка на санях двинулся на м. Николаевку. Дорога шла на юг, по течению р. Столбовая. Утром баталион был задержан пехотой противника у дер. Василько, в 5 вер. к северу от Николаевки.

Силы баталиона составляли 250 штыков при 6 пулеметах. С нами была 1-я батарея 3-го артдивизиона из 4-х орудий и конная разведка 405 полка в составе 40—50 сабель. Конная разведка действовала самостоятельно.

Завязался бой. Вскоре противник, не выдержав натиска двух наших рот, отступил на зап. берег р. Столбовая и занял высоты фронтом на восток.

Баталион, переправившись через замерзшую реку вслед за белыми, под прикрытием артогня, атаковал противника на его новых позициях и отбросил деникинцев еще далее к западу. Белые уцепились за высоты вост. дер. Софиевка. Нас с ними разделяла балка.

С занятых нами позиций были замечены большие пехотные колонны противника и огромный обоз, двигавшиеся из м. Николаевка на запад по большой дороге, проходившей в глубокой лощине. Было ясно, что мы имеем дело с сильным пехотным заслоном, прикрывающим отступление значительной группы белых. Наша батарея сейчас же открыла огонь по колонне противника. Нам с высоты было хорошо видно, как рвались снаряды среди колонны и как разбегались повозки и люди.

Пехота противника, получив подкрепление, несколько раз пыталась сбить нас с занятых нами высот, но каждое ее наступление отбивалось пулеметным огнем. Бой при сильном морозе продолжался уже несколько часов, и тут внезапно оказалось, что не хватает патронов. Повозки с патронами (колесные) застряли где-то далеко сзади, в какой-то деревне. В довершение всего 3 пулемета из 6-ти отказали, а батарея донесла, что ее снаряды на исходе (с нею не было зарядных ящиков). Наше выдвижение было настолько поспешно, что никто не подумал о том, чтобы обеспечить себя для продолжительного боя.

Создавалось крайне затруднительное положение, из которого можно было выйти только новой решительной атакой в рассчете захватить патроны у противника. Дело было рискованное: неудача равнялась бы полному поражению.

Но противник предупредил нас. Против нашего правого фланга появились отдельные всадники, а за ними вскоре показалась сплошная масса кавалерии, которая сейчас же приступила к перестроениям. Видно было, как она, продвигаясь, разбилась на три больших группы, а последние перестраивались в развернутый строй, образуя несколько эшелонов. Вперед выехали пулеметные тачанки...

Всю эту картину с затаенным дыханием наблюдал лежавший на снегу, полузамерзший баталион. Словно черная туча нависла, от которой негде было укрыться. И всем было ясно, что означала эта туча. Вихрем пронеслись в воображении картины страшных кавалерийских атак, которыми славилась белая конница: неудержимый наскок конной массы... сотни зарубленных... зверские издевательства над пленными и пр. и пр. Единственное наше спасение — хладнокровие и дружный огонь. Но не хватает патронов, испорчены пулеметы, нет снарядов...

Кавалерия, между тем, маневрировала перед нашим фронтом, не торопясь с атакой. Повидимому, предыдущие удачи, — разгром двух наших полков, настраивал ее пренебрежительно к пехоте. Эта задержка сыграла решающую роль. Бойцы успели оправиться от охватившей их оторопи и сейчас внимательно следили за маневрами конницы. По всей цепи было передано приказание: не открывать огня прежде времени. Части находились в руках своих командиров.

Все же я серьезно опасался, хватит ли у бойцов выдержки, не будут ли расстреляны без толку патроны, не побегут ли в решительный момент...

Кавалерия закрыла собою весь горизонт. Она приближается... Открывают огонь ее пулеметы, двигающиеся впереди на тачанках. Наши не отвечают, берегут патроны...

Я—на правом фланге, еще правее—мой помощник Самсонов[1]. Мне видно, как мелькает его огромная черная папаха, и я знаю, что он сейчас суетится и в последний раз напутствует бойцов: скопление конницы в этом месте особенно велико, вот-вот бросится в атаку.

Военком баталиона Моисеев—на левом фланге. 5 минут назад мы обменялись с ним адресами, на случай если один переживет другого. Сейчас он занимает свое обычное в критических положениях место—в цепи.

Вот, наконец, замолкают пулеметы. Конная лава быстро продвигается вперед. Баталион замер, глаза бойцов впились в надвигающуюся конную массу, руки судорожно сжимают винтовки. Командиры с огромным напряжением нервов выжидают критического момента...

Все ближе и ближе... Вот уже ясно различимы пригнувшиеся к луке всадники, режет ухо резкое

[1] Т. Самсонов, впоследствии начальник пешей разведки 405-го стр. полка, убит в бою с поляками под дер. Кожанка (20 верст. юж. Белая Церковь) 30 мая 1920 г. *В. Б.*

гиканье и свист... Карьером, во всю прыть несутся лошади, сверкают на зимнем солнце обнаженные клинки... еще минута, и баталион будет смят, изрублен, уничтожен...

Вдруг залп, другой, третий, снова и снова, по всему фронту, на правом фланге, на левом, из центра... Залились 3 пулемета, пожирая последние ленты...

Огнем, железом встретили мы врага.

Результат: опрокинутые всадники, убитые лошади, смятение в рядах конницы, переходящее вскоре в какую-то кашу. Отдельные всадники долетают вплотную до цепи и здесь находят свой конец... Дисциплина в наших рядах — удивительная. Стрельба ведется только залпами. Этот огонь убийствен для белых, и в 100 шагах от баталиона вся масса конницы поворачивает назад...

Баталион подымается и с громким криком преследует конницу. Поле усеяно убитыми и ранеными лошадьми и кавалеристами. На защитных погонах бросаются в глаза офицерские просветы и звездочки. Итак, значит, мы имели дело с офицерскими частями...

Первым делом братва отбирает у раненых и убитых патроны. Затем в два счета снимается и делится обмундирование. Самсонов захватил тачанку с пулеметом, в которой перебиты лошади; при пулемете наводчик-офицер.

Перед нами маячит отступающая расстроенная конница; она переваливает через высоту. Самсонов решает обстрелять ее из захваченного пулемета. Но под руками нет пулеметчиков. Тогда, наведя револьвер на офицера, он заставляет его открыть огонь по своим.

Я наблюдал эту сцену. Перепуганный офицер не попадал в цель. Самсонов своим огромным кулаком бьет его по затылку, приговаривая:

— Стреляй, гад, не валяй дурака. Сейчас разменяю...

Баталион отошел на свою позицию. Настроение сейчас коренным образом переменилось. Было весело. Чорт оказался не таким страшным, как его малюют. Мы чувствовали себя в силах перейти сейчас в наступление на пехоту, чтобы покончить с создавшимся положением.

Но кавалерийский „чорт" не успокоился. Снова на горизонте собирается конная масса, и атака повторяется. На этот раз баталион чувствует себя уверенно. Огнем батареи, пулеметов и ружейными залпами противник остановлен в 400 шагах от нашей цепи, и в этот момент происходит неожиданное событие. Из балки впереди и правее баталиона выскакивает наша конная разведка под командой т. Григорьева и стремительно атакует левый фланг белогвардейцев. Белая конница, не принимая атаки, ударяется в бегство, а наша конная разведка энергично преследует ее. Бойцы баталиона со своей позиции наблюдали редкую картину, как маленькая конная разведка в 40—50 сабель гнала перед собой огромное конное стадо. Нет сомнения, деникинцы представляли себе, что их атакует многочисленная красная конница, и сейчас в панике старались выйти из боя.

Этим кончились операции деникинской кавалерии. Как потом выяснилось, против нас действовали 2 конных полка противника, из них один—офицерский.

Теперь можно было перейти к осуществлению нашего плана разгрома пехоты противника. После неудачи кавалерии пехота белых держалась нестойко и под нашим натиском очистила свои позиции, уйдя на запад. Сюда же раньше прошли уже главные силы и обозы противника.

Основная цель деникинцев была ими все же, в общем, достигнута: белым удалось благополучно вывести из м. Николаевка свои войска и обозы в западном направлении, чтобы впоследствии повернуть их на юг—на Одессу (прямая дорога на Одессу, через Березовку, повидимому, была уже перехвачена красными войсками). Действия 1-го баталиона заставили белых форсировать свой отход и понести при этом потери.

Для бойцов 1-го баталиона 405-го (теперь 133-го) полка „бой под Жидовским" (так называли его бойцы) всегда являлся предметом ярких воспоминаний его участников.

Г. КОТОВСКИЙ.

Моя краткая автобиография.

Родился я в 1887 году в м. Ганчешты, Кишиневского уезда, Бессарабской губернии. Отец служил инженером в крупном винокуренном заводе князя Манук-Бея. Матери я лишился, когда мне было два года. Все свое детство я проводил в заводских казармах рабочих, и их тяжелая кошмарная жизнь наложила на мою душу свою печать.

Отданный в реальное училище, я его не окончил вследствие своего „плохого поведения", которое не гармонировало с режимом того времени, введенным в средней школе, и я был уволен, после чего поступил в сельско-хозяйственное агрономическое училище, состав воспитанников которого был значительно демократичнее, чем в реальном училище.

Здесь впервые уже начала оформляться моя личность протестанта против существующего порядка вещей. Эти протесты выливались в стихийные, неорганизованные формы, но я уже являлся вожаком, за которым зачастую шли воспитанники даже старших классов.

В 16 лет я потерял отца и остался круглым сиротою. Собственности у отца не было никакой, и вся семья в 5 душ жила исключительно на его жалованье.

Еще во время пребывания в школе, в конце 1902 г. и начале 1903 г., я познакомился с кружками с.-р., комитет которых находился в Кишиневе, и весной 1903 года был арестован Кишиневским губернским жандармским управлением и просидел в Кишиневской тюрьме три месяца под следствием, но за отсутствием улик был освобожден.

Тюрьма и ее режим произвели на меня колоссальное впечатление и дали огромный толчок моей стихийно-революционной психологии.

— В 1904 г. я поступаю практикантом по сельскому хозяйству в крупное имение богатого бессарабского помещика и здесь с ужасающей ясностью сталкиваюсь с огромной нищетой того, кто создает все богатства помещику,—с беспросветной жизнью батрака, с его 20-ти часовым рабочим днем; я сталкиваюсь с батраком, у которого нет во всей его тяжелой кошмарной жизни ни одной светлой человеческой минуты—с одной стороны, и со сплошным праздником полной роскоши жизни, жизни паразитов, безжалостных, беспощадных эксплоататоров—с другой.

Наступает 1905 год, в который я окунаюсь целиком.

Почему я остался вне партийной организации?

В силу того, что я по натуре своей был слишком активным. Я не мог в те годы вложиться в какие нибудь определенные рамки. Моя натура требовала немедленных действий - мести по отношению тех, кто так издевался и эксплоатировал всю массу трудового народа.

Григорий Иванович Котовский.

1905 год, последовавшие за ним годы и все имевшие место исторические моменты—ясно предопределяют мою работу и создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян. Мстителя активного. Начинаю террор помещиков, фабрикантов и вообще богачей. Сжигаю их имения, забираю ценности, которые потом раздаю бедноте в городах и селах Бессарабии. Попытки схватить меня не удавались, так как крестьяне и рабочие всегда наотрез отказывались выходить и выезжать на облавы, устраиваемые по поводу моей поимки. Несколько раз отбиваю от военного конвоя вооруженным нападением крестьян, арестованных за аграрные беспорядки, и, наконец, зимою 1906 года, проданный властям за 10 тысяч рублей одним провокатором, арестовываюсь в Кишиневе.

Следствие... Суд... Впереди каторга.

В тюрьме я и арестованные мои товарищи состоим на учете политического Красного Креста, который нас поддерживает материально. Через три месяца после заключения в тюрьму, при помощи своих товарищей связываю всю администрацию, обезоруживаю всю стражу губернской тюрьмы — бежим, но уже на улице ранен, и меня снова водворяют в тюрьму.

Сажают снова в одиночку, и через три месяца снова бегу, уже один, из пятого этажа. 2-3 дня на свободе... и снова продан провокатором за крупную сумму губернскому жандармскому управлению — снова ранен, арестован и снова в тюрьме в специально предусмотренной и приспособленной для меня камере.

Часть дел прекращается следствием, и меня спешно высылают в так называемую образцовую Николаевскую каторжную тюрьму, как уже осужденного в каторгу.

Одиночный режим в течение двух с половиной лет, с прогулкой 15 мин. в сутки и полной изоляцией от живого мира... На моих глазах люди от этого режима гибли десятками, и только железная воля и решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики,— спасли меня от гибели.

Потом Смоленская каторжная тюрьма, Орловская—и, наконец, Сибирь-Нерчинская каторга, работа в шахтах и побег оттуда зимой 1913 г., причем были мной убиты из отнятого револьвера два конвоира, охранявшие наверху выход из шахты.

Тайга... Тысячи верст... Благовещенск, Чита, Иркутск, Томск и его общество землемеров Землеустроительной комиссии... Явки... Паспорта и нелегальная жизнь... Потом Европейская Россия. Работа на Волге в качестве грузчика, чернорабочим на постройках и в помещичьих имениях,

кочегар на мельнице, помощник машиниста, кучер, разливщик и рабочий на пивоваренном заводе, молотобоец, рабочий кирпичного завода, работал по постройке железной дороги,—и везде я будил ненависть к эксплоататорам, к тем, кто выжимает последние соки из рабочего и бедняка.

На одном месте оставаться долго нельзя. Потом тяга в родную Бессарабию—летом 1914 года. Империалистическая война. Жить и скрываться становится еще тяжелее. Снова организую террор помещиков и богачей, и снова они почувствовали мою руку.

Власти знают, что Котовский снова в Бессарабии. За поимку мою берется сам департамент полиции, и из Петрограда, Москвы и Киева высылаются лучше шпики. Огромная, напряженнейшая смертельная борьба с ними. Все поднято на ноги. Фотография моя в тысячах экземпляров разослана кругом, на всех железных дорогах меня ожидают. Назначается большая премия за мою поимку...

Ухожу... Скрываюсь с горизонта летом 1916 года и по подложному паспорту поступаю управляющим к одному крупному аграрию, помещику Бессарабии.

Веду агитаторскую и пропагандистскую работу среди рабочих, которые состояли из пленных австро-венгерцев, солдат русской армии больших возрастов и деревенской бедноты окружающих сел, которых работает в этом имении свыше трех тысяч человек. Веду также работу между частями сапер, рывших окопы на территории имения.

Здесь никто не знал, что я—Котовский, но снова подлое предательство, повидимому, узнавшего меня провокатора. В имение приезжают внезапно ночью наряды полиции, жандармерии и конных стражников свыше трехсот человек. Отчаянная борьба. Мне простреливают грудь и снова с закованными руками везут меня в автомобиле—в знаменитый Кишиневский тюремный замок с его 18-ти саженной высоты башнями и железными одиночками.

Перевод из Кишиневской тюрьмы в Одесскую. Полная и исключительная изоляция от всего мира и даже невольных обитателей Одесской тюрьмы. Исключительно ко мне только применявшийся в Одесской тюрьме режим. Спешное следствие. Нажим Одесского военного губернаторства на военно-следственные власти, ведшие мои дела, в смысле скорейшего их окончания, для того чтобы поскорее можно было меня повесить.

С моей стороны—напряженнейшее стремление бежать и огромная работа мысли и воли в этом направлении. План создан. Риска на 95%, но выбирать не из чего. Властям я прямо заявил, что Котовского повесить вам не удастся...

Провал плана побега, из за неосторожности одного очень честного и хорошего революционера, одессита, занимающего ныне ответственный пост в нашем Союзе... Меня выводят на прогулку с руками, закованными ручными кандалами назад.

Форсируется следствие и смертный приговор, но приходит к этому моменту Февральская революция, и я снова на свободе. Одесский Совет Рабочих, Крестьянских, Матросских и Солдатских депутатов продает с аукциона в городском оперном театре мои ручные и ножные кандалы за 10.000 рублей. Медовый месяц февральской революции—и буржуазия мои кандалы покупает.

Еду в Кишинев. Начинается работа большевиков по разложению армии. Еще не сознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я по интуиции, по чутью присоединяюсь к ним, как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок по своей психике.

Я с первого момента моей сознательной жизни был стихийным коммунистом. Я был по натуре и психологии человеком реального действия. Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплоатируемого бедняка, рабочего и крестьянина—отсюда моя активная месть к богачам, и моя помощь, моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба. Я насилием и террором отбирал от богача и эксплоататора ценности, которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства и ценности создавал своим трудом, своей кровью и потом. Я, не зная партии, уже был большевиком.

Поездка на Румынский фронт, работа по разложению армии и власти Временного правительства. С'езд 6-й армии Румфронта 25 ноября 1917 года в Галаце, в Румынии. Выделение фракции большевиков на этом с'езде, к которой примыкаю и я. Избираюсь в состав армейского комитета. Делегируюсь в Бессарабию президиумом комитета—в Кишиневский Комитет Советов для связи и представительства.

Борьба с наступающими войсками Румынии. Отход за Днестр в Тирасполь. Формирование отряда Красной гвардии, потом частей Красной армии. Период гражданской войны. Беспрерывное активное участие в ней. Ранение и контузия. Борьба с бандитизмом. Наконец, работа во время мирной передышки.

Вот вся правда моей жизни в краткой биографии.

В Котовском Пролетарская Коммунистическая Революция и Коммунистическая партия имеют одного из самых преданнейших, готовых за ее идеалы и задачи погибнуть каждую минуту человека. Человека стальной дисциплины, с огромнейшим вниманием учитывающего и изучающего международное положение и обстановку первого в мире великого союза рабочих и крестьян, всю свою энергию и волю, все свои способности отдающего огромному и важнейшему делу подготовки частей Красной армии, которые ему вручила партия и Советская власть, и одновременно отдающего все свои силы на работу по воссозданию экономической мощи нашего Союза и коммунистического воспитания приобщившихся и не приобщившихся к великой коммунистической идее народных масс.

А мировая буржуазия имеет в лице Котовского смертельнейшего, беспощаднейшего классового врага, который каждую минуту готов к последнему решительному с ней бою, к последней смертельной схватке во имя торжества всемирного коммунизма.

Командир 2-го кавалерийского корпуса
Котовский.

1924 г.

Н. КРИВОРУЧКО.[1]

Разгром золотопогонников.

45-я вернулась на Украину. Гоним золотопогонников. Командование дивизии решило организовать кавалерийскую бригаду.

Формирование бригады поручено тов. Котовскому. В декабре 1919 г. бригада сформирована в м. Лозоватка, близ города Кривой Рог, а 1 января 1920 года она со всей остальной дивизией выступает по направлению Одессы.

Первое серьезное испытание кавбригада держала под Вознесенском. Вознесенск был занят крупными силами деникинцев. 400 полку и кавбригаде было приказано 30 января во что бы то ни стало занять Вознесенск. Приказ был выполнен, и город к вечеру занят.

400 полк остановился в городе, дав бойцам суточный отдых, а также для организации ревкома. Кавбригада же, не теряя времени, по следам отступающих деникинцев устремляется на Березовку.

Случай с начальником штаба.

С севера на Березовку наступают пехотные части 45 дивизии, с южной — мы, кавалерийская бригада. Белогвардейцы без боя оставить Березовку не желают. В Березовке большие склады, и продовольственные и артиллерийские. Взятие Березовки приближает падение Одессы.

Помню, мороз ужасный... Холодно... Продолжаем итти вперед.

Встреча с кавалерией противника. 12 часов продолжается бой. Наконец, противник разбит, что называется, „в доску". Берем огромное число пленных.

Вот приводят в штаб бригады группу пленных врачей и сестер милосердия. Начальник штаба, тов. Юцевич, увидав среди пленных сестер свою жену, буквально онемел от удивления и неожиданности.

Каким образом жена у белых?.. Расспросы, разговоры... Оказывается, жена тов. Юцевича добровольно поступила к деникинцам сестрой милосердия. В Березовке кавбригадой был захвачен санитарный эшелон белых — оказалась в плену и жена Юцевича.

Я вспоминаю об этом эпизоде не только для того, чтобы рассказывать о курьезных вещах. Этот случай интересен и с другой стороны: пленница — жена Юцевича — дала нам очень ценные материалы о группировке белых и состоянии их тыла.

На Одессу.

Начальник группы т. Осадчий[2]) приказывает комбригу тов. Котовскому далее не „зарываться", а оставаться в районе Березовки до подхода частей 45 и 41 дивизий.

Котовский, зная какой хаос царит у белых (накануне прибыла из Одессы делегация рабочих и дала нам обстоятельную информацию), решает не выполнять приказания начальника группы. Бригада движется вперед.

„Даешь Одессу!"

Котовский в роли белогвардейского начальника гарнизона Одессы.

Я помню, как в м. Потоцком (Севериновка) в 40 верстах от Одессы, мы заскочили на почту-телеграф и потребовали от начальника почты дать нам ленту с разговорами белых штабов в Раздельной и Одессе.

Пока мы разбирали ленту, внезапно раздался стук телеграфного ключа. Котовский приказывает нашему телеграфисту сесть за аппарат. Оказывается, Раздельная вызывает Одессу.

Наш телеграфист отвечает: „я — Одесса".

Раздельная просит начальника гарнизона гор. Одессы. Котовский подсказывает немедленно телеграфисту:

— У аппарата начальник гарнизона.

Телеграфист передает...

Завязывается интересный разговор. Из Раздельной мнимому начальнику гарнизона Одессы белогвардеец генерал Шевченко передает:

„Принимайте точную оперативную сводку. Красная 41 дивизия южнее Березовка, 45 дивизия севернее Березовка, и конная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также организовать оборону Пересыпи. Все. Генерал Шевченко".

Котовский отвечает:

„Телеграмму принял Котовский".

Ген. Шевченко начинает ругаться:

— Кто там, чорт возьми, мешает разговаривать?!..

— Успокойтесь, ваше превосходительство, прибeрегите ваши нервы, — успокаивает генерала Котовский. — Вашу, сводку, действительно, принял сам Котовский.

— Вы, сын потомственного дворянина, — обращается по аппарату Шевченко, — в рядах кого Вы воюете? Вы продаете Россию. Союз спасения родины предлагает Вам опомниться и повести свою конную армию против красных, против убийц и расхитителей большевиков...

Котовский, перебивая его, отвечает:

— С малых лет я веду борьбу с вами, эксплоататорами рабочих и крестьян, белогвардейцами, и буду вести до тех пор, пока вы окончательно не будете уничтожены.

Разговор прекращается. Сообщение между Раздельной и Одессой прерывается. Мы выходим из здания почты-телеграфа, поднимаем бригаду и идем на Одессу.

---

[1]) Н. Н. Криворучко, организатор партизанских отрядов, ветеран 45-й дивизии и кавбригады т. Котовского, постоянный боевой спутник Г. И. Котовского, его ближайший помощник и заместитель. В кавбригаде — ком. эскадрона, помкомполка, командир 2 кавполка и командир бригады (после принятия Котовским 9-й кавдивизии). Затем — командир 3-й Бессарабской дивизии, а после смерти т. Котовского — командир 2-го кав. корпуса *Ред.*

[2]) Начдив 41 т. Осадчий был назначен начальником группы, получившей задачу взять Одессу. В эту группу на время операций была передана в подчинение и кавбригада т. Котовского. *Ред.*

„Сегодня мы мамонтовцы".

В 5 верстах от Одессы захватываем заставу белых. Узнаем пропуск и отзыв. Котовский приказывает бойцам свернуть красные знамена, снять красные звездочки и ленты.

— Сегодня,—говорит он,—мы мамонтовцы, кавалеристы бригады генерала Мамонтова, отступающей под натиском красных.

Врываемся на Пересыпь, по Вознесенской улице проскакиваем галопом через всю Одессу, к за-

Н. В. Слива—бессарабец, организатор партизанских отрядов против румынских бояр, ветеран 45 дивизии, впоследствии командир пулеметного эскадрона 1 кавполка кавбригады т. Котовского. Награжден 2 орденами Красного знамени.

ставе № 1. Наша цель—не дать белогвардейцам эвакуироваться по железной дороге на Аккерман, в Бессарабию. Из квартир и гостиниц выскакивают офицеры:

— Чья это конница?

— Мамонтовская,—отвечаем,—идем в Бессарабию.

— Возьмите нас, господа.

— Садитесь.

Офицеры садятся на наши подводы, пулеметные тачанки. Некоторых даже усаживаем на зарядные ящики и орудия.

Прискакали на заставу № 1. Котовский приказывает снять с передков одну батарею и поставить ее на позицию с рассчетом бить прямо по полотну железной дороги, идущей на Аккерман.

Офицеры, сидящие на тачанках, лафетах и зарядных ящиках, выражают удивление, спрашивают артиллеристов:

— Зачем же вы будете стрелять по железной дороге, если по ней уходят в Бессарабию, на Аккерман, наши эшелоны?

— Эшелоны то ваши, да мы — не ваши, а котовцы.

Лица офицеров глупеют...

Обезоруживаем всю эту публику, собираем их в одну группу...

Некоторые, убедившись, что они, действительно, в кругу не мамонтовцев, а котовцев, стреляются. Это—непримиримые...

Другие начинают плакать, скулить...

Некогда было с ними долго разговаривать. Открываем огонь из батареи по эшелону, показавшемуся на железной дороге. Эшелон дал задний ход, едва отошел... железнодорожный путь на Бессарабию белым был отрезан.

... Из Одессы к Котовскому приходят рабочие делегации. Они просят дать им разрешение поднять восстание в городе, сделать налет на арсенал, захватить оружие и лупить белогвардейцев.

Кройте,—ответил Котовский.

... С боями бригада рвется на Тирасполь, чтобы отрезать путь белогвардейской группе, отступающей из Раздельной с намерением переправиться у Тирасполя в Бессарабию. На второй день бригада в Тирасполе. Захвачены огромные трофеи: около 250 пушек, 16 бронепоездов и пр.

Белогвардейцы (группа полк. Стесселя) выброшены из Тирасполя. Все переправы через Днестр захвачены котовцами... Белые рассеиваются в плавнях...

Белогвардейский полковник плачет от злости.

Крупные отряды белогвардейцев в несколько тысяч человек, выбитые из Одессы, рыщут вдоль Днестра, стараясь уйти в Бессарабию.

В районе ст. Кучурган и немецких колоний Страсбург, Зальц, Кандель появляется многотысячный отряд, не то Бредова, не то Мартынова [1]) С ним у Страсбурга вступает в бой наша пехота (1 бригада), но он сбивает ее. Кавбригада ударяет золотопогонникам во фланг и прижимает их к Днестру. Белые сотнями и тысячами бродят в Днестровских плавнях, густо набивают собою приднестровское село Слободзею.

Кавбригада вступает в дер. Глиное (12 верст от Слободзеи). В село Слободзея посылаем заставу, силой в 1 эскадрон, на таможенную переправу, чтобы не дать ни одному белогвардейцу переправиться через реку.

* * *

Кавалеристы поставили лошадей по сараям, сами попрятались по огородам и за заборами. Ждут...

Ночь... Темно... Вдруг появляется автомобиль. Белые снопы света бросает фонарь по улице Слободзеи. Бойцы выскакивают из-за заборов.

— Стой! Ни с места!

Из автомобиля раздается голос:

— Что вы, сукины дети, безобразничаете! Это я—начальник боевого участка!

— Тебя-то нам и надо.

Котовцы окружают машину:

— Руки вверх! Ни с места!.. Мы—котовцы.

Белогвардейцы, — их было: один полковник-начальник боевого участка и два генерала,—увидя направленные на них со всех сторон дула винто-

[1]) Это была группа ген. Мартынова прорвавшаяся из из района Маяки.

Ред.

вок, вынуждены сдаться. Кавалеристы доставляют их в штаб бригады, в дер. Глинное.

Было далеко за полночь, когда пленные предстали перед Котовским, Котовский принимает их учтиво, просит садиться. Полковник со злости и горя заливается горькими слезами. Генерал просит дать ему стакан вина. Ему наливают.

Котовский предлагает пленным взять себя в руки. Начинается деловой разговор. Котовский выставляет свои требования: полная капитуляция, без всяких условий, всей группы: солдат, офицеров и генералов.

Полковник, начальник боевого участка, долго не соглашается, ссылается на свои убеждения и проч... Генералы настроены более примирительно, они уговаривают полковника написать начальнику группы предложение о сдаче.

Наконец, полковник сдается и пишет...

С рассветом тов. Котовский приказывает мне передать письмо полковника в штаб белой группы. Беру 60 человек бойцов-добровольцев и одного из генералов и еду. Помню, разорвали мы одну красноармейскую белую рубашку, одели на пику и отправились в плавни.

Я. И. Руснак—старый котовец, ветеран 45 дивизии, служит до сего времени в 13-м кавполку 3-й Бессарабской дивизии (б. 1 кавполку кавбригады т. Котовского) на должности старшины.

Под'езжаем к плавням. Навстречу выходит группа офицеров. Лица встревожены, в глазах беспокойство. Спрашивают генерала:

— Что это за делегация?

Генерал отвечает:

— Везу пакет в штаб группы.

Офицеры указывают нам дорогу в штаб. Оказывается, штаб—в плавнях, в крестьянских хатках. Едем туда.

Остановив в 400—500 шагах от штаба свой отряд, посылаю генерала с пакетом в штаб и предлагаю ему долго не задерживать здесь нас, принести ответ как можно скорее.

Генерал уходит. Жду час, другой—ответа нет. Через три часа появляется из штаба какой-то полковник; ничего определенного он не говорит. Я пред'являю через него ультимативное требование: в течение 15 минут дать мне ответ, в противном случае снимаюсь и ухожу, а за последствия пусть не пеняют.

Через 15 минут штаб высылает переговорщика. В переговорщике узнаю корнета Гиндина, моего бывшего сослуживца по 12 уланскому полку старой армии, где я был вахмистром. Гиндин сильно взволнован, плачет и не может говорить. Наконец, успокоившись, открывает мне, что в штабе и не думают сдаваться, а выжидают лишь ответа от румын, к которым послана делегация с просьбой принять белых на свой берег.

Гиндин бежит в штаб и вскоре возвращается с группой офицеров, человек 20—30; во главе группы—полковник Самсонов, мой бывший командир полка по старой армии.

Полковник Самсонов, уже предупрежденный Гиндиным, подходит ко мне:

— Здравствуйте, Криворучко.

Отвечаю:

— Здравствуйте, господин полковник.

— Я не господин, а товарищ,—вдруг перебивает меня Самсонов.—Мое оружие сдаю Вам.

Снимает с шеи бинокль, вынимает из кобура револьвер и передает мне. Затем, повернувшись к офицерам, говорит им:

— Предлагаю последовать моему примеру и, не ожидая ответа от румын, сдаться без всякого боя и условий коннице Котовского.

Большинство офицеров радостно возбуждено. Раздаются крики: „ура!..“ Да здравствует конница Котовского“.

Я веду эту группу офицеров, во главе с генералом и полковником Самсоновым, в с. Глинное.

У штаба бригады, где нас ожидают другой генерал, полковник и Котовский, открывается что-то на подобие митинга. Котовский выступает с приветственным словом. Отвечает на приветствия один из генералов.

— Мы складываем оружие,—заявляет он.

В следующие два дня нам сдалось без боя около 4000 человек.

М. БЕРЛЯНТ и Д. БИРГЕР.

На Деникина.

Полнокровный август
Повис над полями.
Сомкнувшись в круг,
Взявши прицел,
В ночь,
В жару,
В нестынущий пламень —
Дивизия задыхалась в огненном кольце.
С севера,
С востока,
С юга,
И с запада
По накаленной от зноя земле
Армия,
Сжатая вражескими лапами,
Стягивалась к Бирзуле.
Вынесши груз лишений
На плечах, —
По оврагам,
По проселочным дорогам, вброд,
В кровавом тумане,
В бессонных ночах —
Вставал позади тяжелый переход.

Бой на р. Здвиж.

Осенней прелью клубился озон
Первые октябрьские
Заморозки крепли,
Вторая бригада
Брошена в район
Берестянки и Новой Гребли.
Здвиж,
Заросший хвойной полутьмой,
Боями разделен
На два лица.
С одной стороны наши,
Одежда — дерьмо,
С 5-ю патронами на бойца;
С другой —
В деникинской сытой запруде —
Английские шинели,
Французские орудия.
Огонь подымался
И дыбился рыжий
Треск пулеметов
Вставал сухой,
Когда у ржавых болот Здвижа
Разгорелся рукопашный бой.
Рвались снаряды за поворотом,
Храбрость
Тяжелым дымом плыла.
На утро
У речки,
Возле болота
Грудами лежали
Убитых тела.

Разгром Махно.

В тяжелых полушубках
И в шапках мохнатых
Партизаны красные
Шли в полки —
Это подымались
Бедняцкие хаты,
Своих врагов
Принимая в штыки.
Шел и шатался —
Двадцатый год, —
Музыка сражений
В конном строю,
Махновских тачанок
Крутой поворот...
Взмыленные кони
На дыбы встают...
По полю металась
Зимняя дрожь,
Избы широкой порошей крыты...
Шумел в Александровске
Дикий галдеж
Гулевых махновских бандитов.
Пусть-же вьюга сорвется и ринется!
В штаб атамана Махно,
В вестибюль „Европейской гостиницы"
Тащат тюками вино.
И несет перегаром винным,
Под оркестр шибающий, хмель.
И уже, оп'янев вполовину,
Пляшет в поле
Сухая мятель.
И утро глядится в окно
Зарею степных перегонов.
Обыватель читает
Приказы Махно
И красного комбрига Левензона.
А митинг на площади
Жарил в лицо.
От черных махновских воронов
Начали откалываться
Сотни бойцов
Переходя на красную сторону.
И вот лишь только спустилась ночь,
С остатками банды,
С прорехами,
В тифу
Удирает батько Махно
В степи,
На юг,
К Орехову.

Вознесенск-Николаевка.

На жар
Пятиконечных звезд,
От высоты безрадостной
Мятель плыла.
Пылал мороз,
Как спирт высокоградусный.
И прикипала враз
Рука
К литым замкам
Орудий,
Но острый холодок
Штыка

Встречался с теплой грудью.
Глушило крик,
Спирало дух.
От стужи лопался кожух
И коченели пулеметчики.
„Готовьте кипяток для нас!"
По кухням
Отдает приказ
Скуластый командир находчивый.
И вот,
Теплеет пулемет —
Отряд готов
Своих врагов
Чайком смертельным потчевать.
И шли полки
До Вознесенска
Навстречу коннице чеченской,
Навстречу тем,
Кто угрожал
Штыком,
Крестом наперсным.
Несли к далеким рубежам
И мужество,
И песни.
Папахи
С непокорных плеч
Клинком сшибала вьюга,
Звенела и рвалась картечь
На синих льдинах Буга.

* * *

Шалеет вьюга
И шалит
По балкам запорошенным.
Под Николаевкой шумит
Жестокой рубки
Крошево.
Окружены со всех сторон.
В неравном состязаньи
Порубан первый батальон
И рота партизанья.
Но вдоль по речке Столбовой
Опять
Гремят отряды,
Спешат
Войти в неравный бой
Помочь
Второй бригаде.
Орда чеченская
Во тьму
Орет и улюлюкает.
Но выстоят бойцы,
Тому
Отважный взгляд порукою.
Патронов мало...
Ждет окоп...
Лежат в снегу...
В крови сугроб...
Хранят заряд винтовочный.
Но первым залпом
Смяв галоп, —
Со ста шагов,
Колонне в лоб
Палят безостановочно.
Сверкает
Ледяной клинок;
Но неприятель
Свален с ног
Нежданною подмогою;
И кровью кроя берега,
Идут герои
На врага
Дорогами
Пологими.

* * *

Лежит дивизии маршрут
В сугробах,
Виды видевших.
Где нет патронов, —
Там берут
Зубами,
Волчьей выдержкой.

Рейд на Одессу.

Коней поят
И чистят котовцы,
„Сабли к бою!
К атаке готовься!"
Через огороды
И ограды
Летит
Кавалерийская бригада.
Пики гнутся на весу
В джигитовке.
Даже черти не спасут
Березовку!
А в немецких зеленых
Хуторах
Играют граммофоны
До утра
И тянут самогон
Офицера.
Кони топают и фыркают,
Но бьет
С Кандельской кирки
Пулемет...
Только пуль их
Не сдрейфила лава.
Захлестнули
Слева и справа...
Враг бежит,
Распылен и раздавлен
В камыши
Приднестровских плавней.
Через топи,
По темному лесу
Конский топот
Идет на Одессу.
Грохает литая
Переступь, —
Котовский
Влетает
В Пересыпь.

Н. САВЧЕНКО.[1]

Враг сдался.

(Конец группы Стесселя, 17 февраля 1920 г.)

Преследуя бегущих в беспорядке деникинцев, 402 полк 2 бригады 12 февраля 1920 года, к вечеру, занял предместье г. Тирасполя—Суклея, где и расположился, приняв под охрану богатое имущество, оставленное белыми.

15 февраля было получено донесение, что из состава гарнизона г. Одессы отряд деникинцев в несколько тысяч человек под командой полк. Стесселя движется в сев.-зап. направлении на Тирасполь с намерением пробраться через Днестр в Румынию.

К вечеру пришло второе донесение: противник, прорвавшись через Кучурганский лиман, расположился главными силами по берегу р. Днестр, в плавнях и в деревнях Глинное и Чобруч. Раз'езды его появились в д.д. Слободзея и Карагач.

На следующий день 402 полк с приданным баталионом 401 полка перешел в дер. Слободзея. В тот же день в Слободзею прибыла и кавбригада тов. Котовского. Состоялось совещание командования, на котором было решено предложить белогвардейцам сдаться добровольно.

Потрепанные предыдущими боями в районе Страсбург-Кандель, деникинцы не пытались больше вступать в бой с красными частями, а вели переговоры с румынами о переходе на их территорию. Румынское правительство с ними, по всей вероятности, не столковалось и встретило их пулеметным огнем. Таким образом, белые оказались в положении мыши, захлопнутой в ловушку. У них было два исхода: драться с красными не на жизнь, а на смерть, или же сдаться. Первое им ничего не дало бы, так как они были окружены закаленными в боях бойцами. Второе?

Деникинцы сгруппировались в плавнях с многочисленным обозом, семьями, ожидая своей участи. Руководители операции против белых тов. Котовский и командир полка 402 тов. Квятковский воздерживались от перехода в решительное наступление. Через взятого в плен полковника Мамонтова и других офицеров было послано командующему группой Стесселю предложение сдаться. Ожидали ответа.

Часов в 11, 17 февраля появились первые ласточки. На нашу сторону стали переходить поодиночке офицеры с их семьями. Первым в штаб явился полковник Обломович. Войдя он сразу же заявил:

— Я—полковник, расстреляйте.

Ему доказали, что красные сдавшихся не расстреливают. На заданный Обломовичу вопрос, какие у них части, он ответил:

— Одесские спекулянты, спасая собственную шкуру, ищут защиты у румын.

Другого ответа он не нашел.

Вслед за ним прибыл дряхлый старикашка, тоже полковник, и заявил, что он—представитель от женщин и детей. Просил разрешения сдаться. Получив удовлетворительный ответ, он через полчаса привел с собой до 400 человек женщин и детей. Все были размещены по квартирам.

Наконец-то прислал и Стессель своего ад'ютанта, прося парламентера для переговоров.

Командованием было приказано мне отправиться к полковнику Стесселю в качестве парламентера. Захватив с собой 6 кавалеристов и командира 1 баталиона т. Харитонова, я направился к плавням.

Плавни были переполнены белыми. Видимоневидимо было офицеров. На повозках—их семьи с имуществом... Не успели мы осмотреться, как со всех сторон были окружены толпой белых, засыпавших нас всевозможными вопросами, главным образом, интересуясь своей судьбой. Один за ногу тянет, другой — за шинель, третий задерживает лошадь, и все задают одни и те же вопросы:

— Кого расстреливают?

— А с офицерами что будут делать?

Выслушав всех, мы коротко раз'яснили, что у нас есть и Чрезвычайная Комиссия, и революционный суд — Трибунал, но кого расстреляют, кого нет — ответа дать не можем. Это — дело следствия. Всем им было предложено следовать к нашему штабу и сдать оружие. Многие бросали ружья в реку, но я указал им, что оружия бросать не следует, а лучше сдать его в наш штаб.

Т. И. Зибреев бессарабец, участник Хотинского восстания (январь 1919 г.), потом боец кавбригады т. Котовского и участник всех ее боевых походов, Краснознаменец. Сейчас помкомандира пулеметного эскадрона 14 кавполка 3 Бессарабской кавдивизии.

После этого я узнал, что сам полковник Стессель успел еще до нашего приезда переправиться на правый берег Днестра—в Бессарабию. Мы под'ехали к берегу реки. На другой стороне мы увидели группу белых. Это был Стессель и его штаб.

— Ну, что, как наши?—был брошен мне через реку вопрос. Очевидно, белые приняли меня за своего.

Я заявил, что я — красный парламентер и желаю вести переговоры с полковником Стесселем. Меня пригласили на правый берег. Заметив, что в шагах 10-ти от Стесселя стоит румынский пограничник, мы заручились, что он нас не тронет. Товарищ Харитонов владел молдаванским языком и об'яснился с пограничником; тот заявил, что не будет стрелять. Все же, для большей безопасности я потребовал от белых — заложников.

Пока мы сговаривались, со стороны белых при-

[1]) Автор статьи—ад'ютант 402 п. в 1919 г., впоследствии завразведкой 45 дивизии. *Ред.*

бежал один ротмистр, который неожиданно бросился мне на шею со словами:

— Правда, что вы третьего расстреливаете? Я прибежал первым!

Мне больше ничего не оставалось сделать, как рассмеяться.

За этим ротмистром пришло еще три человека, в качестве заложников. Только тогда я переправился на правый берег.

Первым меня встретил генерал Васильев. Он начал было говорить, но его перебил полковн. Стессель, сказав, что он здесь старший начальник и будет вести переговоры сам. Я сказал Стесселю:

— Сдавайтесь. Вся ваша группа перешла на нашу сторону.

— Я — заклятый враг Советской власти, а потому меня уговаривать нечего. Кто желает, пусть сдается, а я останусь здесь,—ответил Стессель.

По окончании разговора со Стесселем, я услышал следующие слова, произнесенные полковником Коротковым:

— Кто идет в мою банду? С этого момента я не полковник Коротков, а атаман Коротков. Кто желает со мной пробираться к Петлюре?

На мой вопрос, почему именно Коротков называет будущий свой отряд бандой, а себя атаманом, он мне ответил:

— Бандой называю потому, что продовольствия у меня нет, а приходится брать у крестьян, вернее, грабить, а кто грабит, тот бандит.

Чесался у меня язык заметить столь важному патриоту русского отечества и защитнику царя, что, находясь еще в так называемых регулярных частях, правители юга России, господа генералы, полковники и офицеры тоже грабили, но, учитывая ситуацию, я промолчал.

По окончании этих переговоров полковник Стессель обратился ко всем окружавшим его офицерам с заявлением, что он не будет задерживать желающих переходить к красным.

Но и здесь повторилась та же картина, что и на плавнях. Пришлось давать ответы на многочисленные вопросы... В результате сдалось около 50—60 штаб и обер офицеров.

Оставшихся на том берегу основательно обобрали румыны. Уже в моем присутствии на бессарабской стороне румынские солдаты пробовали устраивать „обмен" обуви с офицерами.

В ПЕРИОД БОЕВ С ДЕНИКИНЫМ РОДИЛАСЬ ВТОРАЯ СЛАВНАЯ БОЕВАЯ ТРАДИЦИЯ 45 ДИВИЗИИ

„ВСЕГДА ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ!"

„ГЛАВНАЯ СИЛА, КОТОРАЯ ТОЛКАЛА ПОЛЯКОВ НА ВОЙНУ С НАМИ, БЫЛА, КОНЕЧНО, СИЛА КАПИТАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО И, В ПЕРВУЮ ГОЛОВУ,—ФРАНЦУЗСКОГО".

(ЛЕНИН—том XVII, стр. 330—337).

„ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ПРОТЕКАЛА В ТАКОЙ ОБСТАНОВКЕ, КОТОРАЯ ТРЕБОВАЛА ОТ КОМАНДНОГО СОСТАВА НЕ ТОЛЬКО ОПЫТНОГО ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА, НО И НАПРЯЖЕННОЙ ОРГАНИЗАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ УСПЕХОВ В ТЯЖЕЛОЙ БОРЬБЕ, НЕОБХОДИМО БЫЛО ЛУЧШЕ И БЛИЖЕ ЗНАТЬ ВСЮ ОБСТАНОВКУ РАБОТЫ, НУЖНО БЫЛО СПУСКАТЬСЯ И ПРОНИКАТЬ ВО ВСЕ ОБЛАСТИ СОВЕТСКОЙ И ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ".

(ФРУНЗЕ—„На новых путях" стр. 70—71).

БОРЬБА С БЕЛОПОЛЯКАМИ.

Борьба с белополяками — наемниками „капитала международного и, в первую голову, — французского", — (Ленин) — это новая, несколько отличная от предыдущих, страница борьбы 45 дивизии с классовыми врагами пролетарской революции.

В течение более полугода (март — октябрь 1920 г.) 45 дивизия сражалась уже непосредственно с иностранной контр-революцией, с войсками, которые и по своей организованности и по насыщенности техникой представляли собою врага гораздо более сильного, чем прежние, с какими приходилось дивизии встречаться. Ведомая своими испытанными большевистскими военоначальниками, цементируемая железным коммунистическим ядром, дивизия, не угасившая ни на минуту огня классовой непримиримости к иностранным империалистам, преодолевала величайшие препятствия, пройдя длинный, с упорными боями, путь от Подолии—Киевщины до Львова. Ни погромная кулацко-шовинистическая агитация петлюровских атаманов, ни провокационные листовки польской дефензивы, ни огонь танков и пулеметов, ни хитрость врага, — ничто не могло сломить стойкости „Якировской дивизии", выполнявшей в героическом напряжении задачи, возлагавшиеся на ее плечи высшим командованием. Дивизия наступала, отступала, имела потери, но она никогда не была разбитой и всегда сохраняла себя, как боевую единицу. За период борьбы с белополяками 45 дивизия, обогащенная военно-тактическим опытом и многограннейшим опытом партийно-политической работы, выкристаллизовалась в одну из крепких частей Красной армии.

С. СТУПНИЦКИЙ.

Операции 45-й дивизии на польском фронте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переброска 45-й дивизии на польский фронт. Действия в Проскуровском направлении. Затяжные бои в районе Летичев-Бар. Измена галицийских бригад. Апрельское наступление поляков и отход дивизии в фронтовой резерв. Подготовка к весеннему контр-наступлению.

Еще осенью 1919 года польские армии вошли в Украину и заняли западную часть Волынской и Подольской губерний. К марту 1920 г. их фронт проходил через Чуднов-Ст. Синява-Деражня-Елтушково. Поляки держались пассивно.

К этому времени между частями Красной армии на Украине, только что закончившими ликвидацию деникинщины, и белополяками, оказался в виде своеобразной прослойки галицийский корпус, располагавшийся вдоль жел. дороги Казатин-Одесса. Этот корпус, выведенный летом 1919 г. Петлюрой из Галиции и перманентно менявший ориентацию, после разгрома деникинских армий, союзником которых он одно время являлся, в середине февраля признал красное командование.

20 февраля 1920 г. 45-я дивизия, отбросив остатки разбитой деникинской армии за Днестр, перешла в резерв командующего Юго-Западным фронтом и к 1 марта расположилась: 134-й и 135-й бригадами в районе Брацлав-Вапнярка и 133-й бригадой—в Одессе. Кавбригада дивизии под командой т. Котовского доформировывалась в районе Ананьева. Состав дивизии был достаточно пестрым. Наряду с партизанами-бессарабцами и приднестровцами, основателями дивизии, в полках был значительный процент добровольцев, поступивших в деникинскую кампанию из Херсонской, Екатеринославской и Полтавской губерний и немалое количество б. махновцев и белых. Несмотря на свое подчас количественное меньшинство, тон все-же задавали старые бойцы-партизаны 19 года.

Потери зимних боев деникинской кампании и, в особенности, жестокая эпидемия тифа — довели дивизию до четверти ее штатного состава. 3000 штыков и 300 сабель при 180 пулеметах и 34 орудиях вот боевой состав девятиполковой дивизии. Соотношение огневых средств и стрелков заранее определяло приемы ведения боя. Количественный некомплект особенно остро стоял в отношении командного состава, потери которого в процентном отношении были очень велики. Подвижность дивизии обеспечивалась, частично, собственным, а,

главным образом, обывательским обозом, а материальное обеспечение, в том числе и вопросы боевого питания, разрешалось на первое время удовлетворительно на базе трофеев взятых у деникинской армии.

6 марта поляки, отвергнув вторичное мирное предложение Советского правительства, перешли к активным действиям. Поведя наступление превосходными силами на Запфронте, они оттеснили наши части в Речицком направлении и одновременно перешли к активной разведке на своем Украинском фронте. Короткий отдых 45 дивизии закончен. Она входит в состав XII армии (штармКиев), сосредотачиваясь на ее левом фланге, и 13 марта входит в боевое соприкосновение с противником по линии Летичев-Елтушково (искл.), имея справа 44-ю. и слева 60-ю дивизию (последняя — XIV армии). Перед фронтом дивизии — 12 пехотная дивизия поляков с 4800 штыков и 500 сабель. Задача нашей дивизии—фронтальное наступление на запад в Проскуровском направлении и выход на б. государственную границу по р. Збручь.

С. Е. Ступницкий — участник всех походов 45 дивизии, в период гражданской войны командир 3 артдивизиона (135 бригада). Сейчас командир 45 артполка.

Впервые 45-я „дикая" дивизия, привыкшая к свободному, по-бригадно, маневру, натолкнулась на сплошной фронт противника и начала планомерное наступление на узком, по тому времени, участке в 35-40 км.

Первые бои 13-16 марта выяснили наличие оборонительного рубежа противника по линии Ново-Константинов-Летичев-Деражня-Елтушково. Важнейшие направления обеспечивались окопами с проволокой, а линия жел. дороги (Жмеринка-Проскуров)—двумя бронепоездами. Противник располагался батальонными группами, освещая промежутки конницей и пехотными дозорами, имея до половины сил в своих частных и общедивизионном резервах на глубине 10-15 км.

Наступление дивизии в пределах своих разграничительных линий после ряда частных успехов к 20/III было приостановлено на линии Летичев-Каричинцы-Женишковцы. Последовавшее вслед за тем контр-наступление противника и частичный отход соседа слева—60 дивизии—на Елтушково заставили дивизию отойти в исходное положение на линию Ново-Константинов-Россоха-Галузинцы-Елтухи, где части перешли к обороне. Впервые у нас появились окопы, стала применяться группировка артиллерии по-дивизионно (до этого времени прикрепленной по-батарейно к полкам и вместе с ними выходившей в резерв) и организована в дивизионном масштабе пешая и конная разведка.

Поляки хорошо организованными ночными ударами батальонных отрядов (400—500 штыков) систематически обрушивались на части дивизии, не раз выходя на линию штабов полков и артиллерийских позиций, что всегда приводило к частным отходам наших частей и затяжным, тяжелым боям. Основной причиной неустойчивости нашего фронта являлось линейное, без глубоких (а зачастую и без всяких) резервов, расположение частей дивизии, при чем артиллерия ставилась почти на линии пехоты. В результате приказа командарма XII (№ 894 оп.) начал осуществляться постепенный переход к групповому расположению с выделением сравнительно сильных полковых и дивизионных резервов, а в бригадах крепко привилась система дневных и ночных стрелковых и артиллерийских позиций.

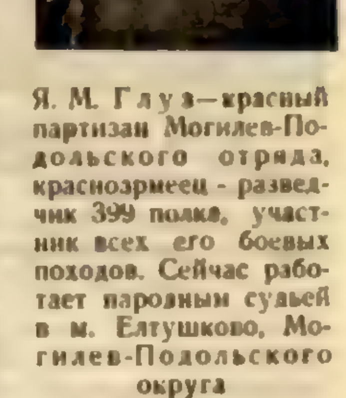
Конец марта и первая половина апреля прошли в местных, но чрезвычайно кровопролитных боях, в результате которых линия фронта в ряде мест колебалась в пределах 2—5 км., при чем на следующий день положение обеими сторонами восстанавливалось. Ряд населенных пунктов того района: Летичев, Казачки, Кально-Деражня, Волковинцы, ст. и дер. Комаровцы, Галузинцы, Шеинцы, Каричинцы, Гармаки и Бар, беспрерывно переходя из рук в руки, остался глубоко памятным бойцам 45-й дивизии.[1] Постоянным направлением польских ударов служила жел. дорога Деражня-Жмеринка—на участке 134-й бригады, и левый фланг дивизии (стык с 60-й дивизией)—гор. Бар—на участке 135-й бригады. По линии жел. дороги происходила постоянная дуэль бронепоездов, при чем наши бронепоезда: *„Гроза" и „Смерть паразитам"*, наступая с пехотой, несколько раз высаживали небольшие десанты в тылу у поляков. (*Схема 10*).

Два больших наступления противника, 7 и 14 апреля, были отбиты с большими для него потерями. Но и потери дивизии были крайне велики. Особенно тяжело сказывалось на бойцах отсутствие подкрепления обмундированием и обувью: одежда и сапоги красноармейцев, в условиях непролазной черноземной грязи Подольщины (устанавливалась весна), превратились в отрепья, что вело к массовым простудным заболеваниям. Не удивительно, что все захваченные в плен поляки, как правило, отличавшиеся прочным французским обмундированием, немедленно раздевались пленившими их красноармейцами.

Со второй половины апреля интенсивность боев несколько ослабла, хотя 18 апреля против правофланговой 133-й бригады выяснены новые части

[1] Описание этих боев дают участники т. т. А. Минин („Приднестровские партизаны на польском фронте"), В. Бушечкан („Бой под д. Шеинцы"), Д. Чекмак („В плену у польской шляхты") и М. Колесниченко, („Кавбригада под д. Волковинцы" в статье „Рассказы котовцев"). Все статьи помещены в настоящем разделе.—*Ред.*

5-й пехдивизии белополяков. Соотношение сил резко изменилось в пользу противника: против 7000 штыков его 12-й и части 5-й пехдивизии— наша 45-я дивизия в это время, не пополняя вовсе своих потерь, насчитывала 1713 штыков и 300 сабель при сократившемся числе орудий и пулеметов и одном бронепоезде. Появились роты в 10—12 штыков, и нередко участок в километр обеспечивался такой ротой да батареей, прикрывавшейся своими пулеметами.

Я. М. Глуз—красный партизан Могилев-Подольского отряда, красноармеец - разведчик 399 полка, участник всех его боевых походов. Сейчас работает народным судьей в м. Елтушково, Могилев-Подольского округа

Упомянутые выше галицийские части, отведенные в конце марта в тыл, по переформировании составили три бригады, которые были приданы по одной 44-й, 45-й и 60-й дивизиям. 12 апреля приданная 45-й дивизии 2-я галицийская бригада сменила на правом фланге дивизии 133-ю бригаду, и к 18 апреля дивизия приняла следующую группировку: галбригада — Вербка-Буцны, 133-я бригада — Майдан-ст. Комаровцы, 135-я бригада — Галузинцы-Гармаки-Бар и 134-я бригада (дивrезерв) за 133-й бригадой в районе Гришки - Клопотовцы. Кавалерийская бригада Котовского грузилась на ст. Жмеринка, так как вышла из состава дивизии и направлялась в район Житомира на формирование 17-й кавалерийской. (*Схема 10*).

18-го же апреля 45-я дивизия перешла в состав XIV армии, обеспечивая попрежнему стык XII и и XIV армий.

В ночь на 23 апреля 2-я галбригада, руководимая своим офицерским составом, изменила рабоче-крестьянскому делу, расстреляла своих коммунистов, напала на тылы нашей дивизии и повела наступление в двух направлениях: первое— на Литин-Винницу, где находился штадив 45 и учреждения, и второе—на резервную 134-ю бригаду дивизии.

Одновременно в Виннице восстали тыловые галицийские части, а на участке соседа слева — 60 дивизии в районе Елтушково — 3-я галицийская бригада напала на тылы 60-й дивизии, открыв фронт противнику и поставив под угрозу фланг 45-й дивизии — ее 135-ю бригаду. Между дивизией и соседями (особенно к северу с 44-й) образовался глубокий прорыв, в который стали устремляться части противника.

Первые наступательные попытки галичан не привели к решительным результатам. Окруженный ими у Майдана 402-й полк пробился к востоку, дивизионные учреждения отошли в Жмеринку по жел. дороге, и трофеями изменникам достались только обозы 134-й и частично 133-й бригады. Четкость управления и политико-моральное состояние бойцов нарушены не были. „Красная армия, разрушившая такие оплоты контр-революции, как Деникин и Колчак, сметет и эту кучку предателей“, пишет в своем приказе начдив 45 т. Якир 24 апреля. В результате боев 24 апреля правый фланг дивизии (133 и 134 бригады) вышел из-под охвата галичан, и, заняв фронт против галичан к северу 134-й бригадой, дивизия остальными частями продолжала сохранять прежнее положение. Выгруженная в пути на ст. Калиновка кавбригада Котовского возвратилась в состав дивизии, и ее действия сыграли решающую роль в ликвидации последствий галицкого мятежа. Действуя в направлении на Литин-Межиров, бригада уничтожала целые роты противника, отбивала захваченные обозы и прочно обеспечила правый фланг дивизии [1]. (*Схема 10*).

С рассветом 25 апреля обозначилось решительное наступление поляков на всем фронте XII и XIV армий — это было начало похода Пилсудского на Киев. Уже к вечеру прервалась связь с соседями, правофланговые 133 и 134 бригады, под давлением превосходных сил противника, наносившего удар вдоль жел. дороги Комаровцы-Жмеринка и поддержанного галичанами из района Васютинцы, стали отходить к востоку, прикрывая свой правый фланг сев. Браилова кавбригадой Котовского, и только 135-я бригада прочно занимала район Бар-Галузинцы. К 28 апрелю после ряда боев, особенно упорных в районе Стодульцы и Межиров, где кавбригада нанесла серьезные потери противнику, все части дивизии, кроме 135-й бригады, стягиваются в район Жмеринка. 135-я же бригада продолжала удерживать участок Бар-Ивановцы, обеспечивая отход дивизии. За этот день бригада выдержала 6 атак на район г. Бар. В ночь на 29 апреля, прикрываясь мелкими отрядами, отходит на Жмеринку и 135-я бригада.

Обозы полков еще 27 апреля оторвались от своих частей и походом направились вдоль линии жел. дороги на ст. Вапнярка, а дивизионные учреждения, после планомерной эвакуации жмеринского узла, отправились по жел. дороге на ст. Бирзула.

29 апреля поляки заняли Жмеринку и стали распространяться в северо-восточном и восточном направлениях на Липовец и Гайсин. 1-го мая, после арьергадных боев 135 бригады, части дивизии, отступая в юго-восточном направлении, сосредоточились без своих обозов и штадива (с частями был только начдив тов. Якир) в следующих пунктах: 135-я бригада — Кобылецкое - Красное, 133-я бригада — Улыга (12 км. юго-вост. Красное), 134-я бригада — по течению р. Буг у Печара-Брацлав и 172-я бригада 58-й дивизии (без артиллерии), направленная командармом для ликвидации галицийского мятежа из Житомира и присоединившаяся к нашей ди-

Сычев — начальник связи 135 бригады на всем ее боевом пути. Сейчас работает в Киевском Окрпаркоме.

[1] Мятеж галицийских бригад освещен в воспоминаниях т т. Н. Точинского („Измена галицийских бригад“), Ткалуна („Обманутая армия“) и А Алексеева („Винницкий мятеж“). Все статьи помещены в настоящем разделе. *Ред.*

визии у Жмеринки, обеспечивала правый фланг и тыл дивизии по р. Буг у Тывров - Ворошиловка; Кавбригада — м. Рахны. Последние сводки штарма от 26/IV указывали на отход окруженной поляками 44 дивизии в Казатинском и 60 дивизии в Вапнярском направлении.

Ближайшей задачей дивизии являлся отход на восточный берег р. Буг и установление контакта с соседями и штармом XIV, связь с которыми отсутствовала уже около недели. Но еще 30 апреля разведкой было установлено присутствие крупных сил противника на восточном берегу Буга, повидимому проникших в тыл дивизии через 60-ти верстный прорыв, образовавшийся на севере между 44-й и 45-й дивизиями. Переправы по течению р. Буг у Ворошиловка, Тывров, Печара и Брацлав были заняты отрядами поляков и восставших галичан силою по 200 — 300 штыков, припулеметах и артиллерии. Разведотряды 172 и 134 бригад, пытавшиеся занять эти переправы, отбрасывались противником к западу. В то же время на левом фланге дивизии у ст. Рахны соприкосновения с противником не было, что подтверждало основную польскую группировку в направлении Липовец-Казатин и севернее — на Киев.

В связи с расстройством фронта и энергичной деятельностью Петлюры, части коего наступали вместе с поляками, в ближайшем тылу дивизии чрезвычайно развилась деятельность банд (Голуб, Волынец), подкрепленных отрядами петлюровцев, перешедших через линию фронта. Один из них отряд Тютюнника, достигавший 1000 штыков и 300 сабель, разгромил на ст. Вапнярка и в м. Тульчине обозы 60-й и частично нашей дивизии, а затем вышел в район Тульчин-Брацлав.

Не имея ни ориентировки, ни директив штарма XIV и учитывая создавшуюся обстановку (занятие вост. берега Буга в тылу дивизии и общий отход дивизий XIV армии в юго-восточном направлении на Вапнярка), начдив 45 принимает решение об отходе к югу вдоль линии р. Буг, прикрываясь с запада и востока сильными отрядами и выделив конные разведки полков, подкрепленные пехотой на подводах, для ликвидации бандитских отрядов, занимавших ряд пунктов по пути движения дивизии. Двигаясь двумя колоннами через Тульчин-Бершадь, дивизия своим авангардом — кавбригадой Котовского у с. Кирнасовка (15 вер. вост. ст. Вапнярка) настигает банду Тютюнника и после короткого боя разбивает ее на голову, захватывая огромный обоз[1]. 6 мая части дивизии достигли дер. Гайворон (20 вер. вост. м. Бершадь), где переправились на восточный берег Буга по железно-дорожному мосту без настила.

Дацюк — бессарабец, красный партизан, конный разведчик 134 бригады, участник всех ее боевых походов.

[1] Разгром банды Тютюнника у Вапнярки-Кирнасовки описывает М. Колесниченко в очерке „Тютюнник в тылу 45-й дивизии" (статья „Рассказы котовцев", помещена в настоящем разделе). *Ред.*

Только 8 мая, когда дивизия сосредоточилась в районе Колодистое (30 вер. юго-зап. Умани) автору удалось из Умани связаться по телеграфу с штармом XIV и тыловым штадивом 45 в Первомайске и получить ориентировку и директиву о сосредоточении дивизии в районе Умань к 10 мая. После ряда боев с отрядами противника на флангах движения и ежедневных столкновений с бандитскими отрядами по пути движения, дивизия 10 мая сосредоточилась у г. Умани. Выполняя далее приказ командующего Юго-Западным фронтом, дивизия, двигаясь вдоль линии жел. дороги Христиновка - Цветково, 13 мая выходит в район Ерки-Звенигородка, где поступает в резерв командующего фронтом. (*Схема 11*).

М. С. Рудь — бессарабец, красный партизан, командир баталиона 398 полка, участник Южного похода. Сейчас на советской работе в г. Балте (АМССР).

К 15 мая в результате польского наступления части XII армии были откинуты к северо-востоку, и поляками занят гор. Киев. На правом берегу Днепра оставалась только 44 стр. дивизия и части Черкасского гарнизона в районе Ржищев-Поток-Мироновка-Богуслав, а остальные части армии занимали фронт на левом берегу Днепра восточнее и севернее Киева. К югу от 44-й дивизии был почти 100 км. обнаженный участок между XII и XIV армиями. Прорыв между ними простирался до Гайсина, район которого занимала своим правым флангом 60-я дивизия XIV армии.

Район расположения 45 дивизии в фронтовом резерве (Ерки-Звенигородка) приходился как раз против незащищенного участка фронта, что заставило выдвинуть передовые части дивизии к 14 мая на линию Ольшана-Рыжановка-Буки. Разведчастями дивизии 16 мая установлено соприкосновение с противником по линии Лысянка-Виноград, где были обнаружены части конницы 1-й штурмовой кавдивизии поляков.

Совершив свой отход без материальных и без значительных личных потерь, части дивизии сейчас пользовались коротким отдыхом и приводили себя в порядок, принимая небольшие пополнения и снабдившись, правда, в умеренных размерах обмундированием. В связи с наступлением теплого времени вопрос об обмундировании и обуви, все еще не разрешенный удовлетворительно, потерял свою остроту. К 20 мая к частям из района Елисаветграда подошли их обозы, совершившие отступление из района Жмеринка вне связи с боевыми частями.

К этому времени в район Умань стали подходить головные части переброшенной походом с Кавказского фронта 1-й Конной армии в составе 4-х кавалерийских дивизий. Весть о близком контрнаступлении фронта, подкрепленного многочисленной красной конницей, создает отличное, боевое настроение в частях 45-й дивизии.

Польское наступление, не сообразованное с людскими и материальными возможностями, стало выдыхаться. Активные операции поляки вели, главным образом, против правого фланга XIV армии на Гайсин и против XII армии у Киева, пытаясь расширить свой плацдарм на восточном берегу Днепра. На остальном участке Украинского фронта, в частности перед фронтом 45 дивизии, несмотря на достаточно сильную группировку, поляки ограничивались разведкой конницы.

Одновременно, в настроениях селянства, обманутого агитацией Петлюры, под влиянием издевательского и грабительского поведения поляков, а особенно в связи с появлением первых ласточек-помещиков поляков в своих имениях, начался резкий перелом в пользу Советской власти, и в ближайших тылах противника обозначались действия крестьянских партизанских отрядов.

Настроение войск, прибытие 1-й Конной и перелом крестьянских настроений создавали благоприятную почву для наступления войск Правобережья.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Весеннее наступление Красной армии на Украине. Бои за Белую Церковь в составе фастовской группы. Дивизия входит в состав 1-й Конной армии. Форсирование р. Случь. Рейд на Шепетовку. Бои с 18-й польской пехотной дивизией в районе Изяславль-Шепетовка. Длительные бои в Кременецко-Дубенском районе. Овладение фортом Тараканов. Контр-маневр поляков и бой под Божьей Горой. Вторжение в Галицию.

Сосредоточение 1-й Конной армии в районе Умани во второй половине мая определило начало наступательной операции Юго-Западного фронта.

На Украине поляки действовали двумя мощными группами — Киевской (до шести дивизий) и Одесской, прикрывая 120 клм. промежуток между ними двумя пехотными (7-й и 13-й) и одной кавалерийской (1-й штурмовой) дивизиями в районе Васильков-Белая Церковь-Тараща.

18 мая командфронтом своим приказом № 348/сс. устанавливает способ действий частей фронта на правом берегу Днепра в предстоящем общем наступлении:

XII армии поставлена задача отбросить Киевскую группировку поляков (III армию) в Коростенском направлении.

1-я Конная должна была сосредоточенным ударом на Казатин прорвать польский фронт и, разрезая Одесскую и Киевскую группировку противника, выйти на тылы отходящих от Киева поляков.

Южнее 1-й Конной, на фронте Гайсин-Вапнярка, наступали части XIV армии.

45, 44 дивизии и действовавшие по р. Днепр и части Черкасского гарнизона образовали группу Фастовского направления под командованием начдива 45 т. Якира—с задачей сковать на Правобережье Киевскую группу поляков.

45 дивизия, располагавшаяся до сего времени компактно в районе Ерки-Звенигородка, 23 мая занимает исходное для наступления положение, группируясь: 135 бригадой в районе Корсунь-Стеблев, 134 бригадой—в районе Медвин, кавбригадой—Виноград и 133 бригадой (дивречерв)—Ольшана-Звенигородка. С 44 дивизией установлена связь в районе Богуслав, а к западу не занятый нашими войсками (до подхода 1-й Конной) участок освещался раз'ездами кавбригады в направлении Жашков.

23 мая командфронтом отдает приказ об общем наступлении красных армий с целью „уничтожения польской армии на Украине". Согласно этого приказа, войска XII армии, действовавшие против Киева на восточном берегу Днепра, должны были форсировать Днепр севернее Киева и, нанося удар на Коростень, отрезать Киевской группе поляков отход на север и запад. 1-й Конной армии подтверждается задача прорыва польского фронта на участке Сквира-Казатин и выхода в тыл отступающим войскам Киевской польской группы. Группе Фастовского направления т. Якира ставилась задача сковать противника в районе Васильков-Белая Церковь, привлекая на себя возможно бо́льшие его силы.

„45-я Краснознаменная и на этот раз сделает свое дело"—пишет в своем приказе 25 мая начдив тов. Якир.

25 мая дивизия, имея разграничительной линией справа с 44 дивизией р. Рось, перешла в наступление в направлении Тараща. Отбросив в северном направлении после боев у Лука и Баранье Поле части 1-й кавдивизии противника, дивизия 134 бригадой 27 мая занимает г. Тараща и к исходу дня выходит на линию Синява (на р. Рось)—Острая Могила, 30 клм. юго-вост. и южнее Белая Церковь, имея связь с частями 44 дивизии по линии жел. дороги Цветково-Фастов и открытый левый фланг, охраняемый кавбригадой Котовского. Из показаний захваченных кавалерийских офицеров противника выяснилось, что конница противника отводится в район Сквира навстречу „казакам Буденного", а район Белая Церковь-Васильков обороняется 7 и 15 пехотными дивизиями с приданной кавбригадой. Таким образом против войск Фастовской группы, общей силой в 4500 штыков и 600 сабель (в том, числе 1400 штыков и 300 сабель нашей дивизии) находился противник числом в 8000 штыков и 1000 сабель. Дивизиям группы ставилась сложная задача — сковать вдвое сильнейшего противника наступлением.

28 мая дивизия выдвинулась на линию р. Насташка (20 клм. юго-вост. Белая Церковь) и боями разведывательных частей 134 и кавбригад установила подготовленную противником линию обороны с окопами и частично проволокой, идущую через Клочки-Шкаровка-Кожанка-Пилипче. 29 мая 134 и 135 бригады перешли в наступление вдоль шоссе Тараща-Белая Церковь с задачей занятия последней. Кавбригада Котовского, действуя на левом фланге, вышла в район Бокалы-Пилипче 8—10 клм. южнее Белой Церкви. Вначале наступление развивалось удачно, и 135 бригада 30 мая, после упорного боя, заняла дер. Кожанка, захватив здесь неприятельскую батарею, а кавбригада в конном

строю изрубила до 400 пехотинцев противника у д. Ольшанка в 10 клм. южнее Белая Церковь. Однако, подошедшие резервы противника восстановили положение и оттеснили бригады на всем фронте. 1 июня дивизия, понеся крупные потери, вновь занимает прежний фронт по р. Насташка[1].

Противник, обороняясь на фронте 45 дивизии, переходит крупными силами в наступление на соседа—44 дивизию, направляя свой удар от Киева на Германовка-Ржищев и от Белой Церкви—севернее жел. дороги Белая Церковь-Мироновка, в стык 44 и 45 дивизий.

В. А. Сикунка, красноармеец - пулеметчик 403 полка, участник походов против Деникина и белополяков. Сейчас член сельско-хозяйственной коммуны „Заря" в с. Веприн, Радомысльского района, Волынского округа.

Конница противника, прорвавшись на участке 44 дивизии, I/VI вышла в тыл группе на штаб ее у ст. Мироновка. В итоге двухдневных боев 44 кавполк и резервы 44 дивизии оттеснили конницу за линию фронта, а перешедшие в наступление в ночь на I/VI части группы заняли к исходу дня фронт Ракитно-Остров-Езерна, при чем к югу от Езерна кавбригада установила связь с правофланговой дивизией 1-й Конной.

Период 1—6 июня ознаменовался рядом упорных боев перед оборонительной линией противника, к югу и юго-востоку от Белой Церкви. В результате дивизия понесла тяжелые потери, но основная цель операции была достигнута: противник не только не снял частей с Фастовского направления, но даже усилил его за счет частей Киевской группы.

В этих боях немалую пользу оказали дивизии крестьяне окрестных деревень, охотно выполнявшие продовольственно-транспортные повинности и, наконец, облегчившие боевую работу, помогая разведке и организовывая в ближайшем тылу противника мелкие партизанские отряды.

К концу дня 5 июня Конная армия прорвала польский фронт в районе Казатина и 6 июня вышла на тылы Киевской группы противника по жел. дороге Казатин-Ровно у Бердичева. Несмотря на это, втянутые в бои с Фастовской группой поляки 7 июня развивают упорное наступление от Киева и Василькова на части 44 дивизии, в то время, как перед фронтом 45-й, противник, угрожаемый с тыла конницей Буденного, в ночь на 8 июня после короткого боя, прикрываясь арьергардами, отрывается от 134 и 135 бригад и отходит в сев.-западном направлении на Васильков и Киев.

8 июня дивизия занимает Белую Церковь и продолжает преследование в Фастовском направлении. 44 дивизия отстает больше, чем на переход, связанная боями с крупными силами Киевской группы противника, обеспечивающими отход главной массы польской III армии на запад. (*Схема № 12*).

Отступление поляков обозначается массой брошенного имущества, трупами расстрелянных лошадей, взорванными орудиями и группами пленных. Все средства связи и важнейшее оборудование станций были уничтожены, мосты, в том числе крупный мост через р. Рось у Белой Церкви, были взорваны. На мост через Рось были брошены саперы дивизии, которые примитивными средствами в кратчайший срок восстановили движение и обеспечили подвоз.

9 июня дивизия занимает Фастов и, двигаясь далее в сев.-западном направлении, сбивая по пути группы противника[1], уже 12 июня, совершив 120 клм. марш, сосредотачивается в районе Бердичева, имея 133 бригаду в движении на Чуднов. Этим самым дивизия полностью вышла в район действий 1 Конной армии, оставив далеко к востоку (западнее Василькова) 44 дивизию Фастовской группы; последняя ведет наступление совместно с частями XII армии. В ночь на 12 июня поляки оставили Киев и начали поспешное отступление к западу вдоль Житомирского шоссе и к северу от него на Коростень. Создавшаяся в результате действий XII и Конной армий обстановка вызывала необходимость ликвидации противника не на выходах из Киева, как было намечено, а значительно западнее, — примерно, на меридиане Новоград-Волынск. 13 июня в силу расхождения операционных направлений 44 и 45 дивизий и необходимости обеспечить маневр Конной армии пехотой, Фастовская группа расформировывается, и 45 дивизия входит в состав 1 Конной армии.

Последующие бои в составе 1-й Конной дали исключительно интересные и поучительные образцы действий стрелковой дивизии на флангах конной массы. Боевая работа с Конармией потребовала от дивизии чрезвычайной подвижности, гибкости, независимости от тылов и ликвидации всякого чувства „фланга". Эти качества были свойственны дивизии из опыта деникинской кампании.

18 июня главные силы поляков, поддержанные внутренними резервами, отошли на линию р. Случь. Конная армия вела упорные бои в Коростенском и Новоград-Волынском районах. Задачей нашей дивизии поставлено: занять 60 клм. фронт по р. Случь: Рогачев-Барановка-Краснополь, обеспечить действия 1 Конной с юга и установить связь с правофланговыми частями действовавшей к югу XIV армии.

Форсированными переходами, применяя подводы, 21 июня дивизия входит в соприкосновение с противником по всему восточному берегу р. Случь, занимая широкий фронт Рогачев-Барановка 134-й бригадой. 133-я бригада с влившимся в нее отрядом добровольцев-коммунистов т. Копецкого сосредоточилась против м. Нов. Мирополь, и кавбригада—на левом фланге дивизии в районе Краснополь для действий в обход рубежа

---

[1] Бои 405 полка 135 бригады под д. Кожанка и кавбригады под д. Ольшанка описаны в воспоминаниях т. т. В. Крейна („Бой под Кожанкой") и Н. Криворучко („Котовцы против белополяков", очерк „Лавами на поляков"), помещены в настоящем разделе. *Ред.*

[1] О налете 401 полка 134 бригады на одну из отступавших из Киева польских частей у д. Славки, 10 клм. южнее г. Радомысль, рассказывает Б. Киселев в очерке „Воспоминания политрука пешей разведки" (помещен в этом разделе). *Ред.*

Случи с юга и обеспечения связи с частями XIV армии, о которой не было никаких сведений. 135-я бригада — резерв дивизии — заняла район Чуднов.

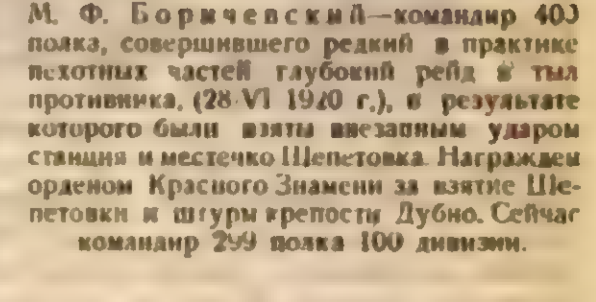
23 июня командарм I Конной приказал дивизии форсировать р. Случь у Нов. Мирополя, захватить железнодорожный узел Шепетовка (40 км. сев.-западнее) и выйти в тыл Новоград-Волынской группе поляков. Переправы через р. Случь были уничтожены, за исключением моста у Н. Мирополя, обеспеченного предмостным укреплением, а наиболее опасные участки западного берега были обеспечены проволокой и окопами. Пятидневные бои у Н. Мирополя были чрезвычайно кровопролитны. Части 133-й бригады несколько раз переходили в штыковые атаки и захватывали предмостное укрепление, оставив тяжело раненым на проволоке комполка 399 т. Попа[1]. Одновременно кавбригада безуспешно атаковала м. Любар, а 134-я бригада пыталась форсировать реку у Барановка[2].

Наконец, 28 июня 133-я бригада форсировала реку у Н. Мирополь, одновременно кавбригада захватила Любар, потеряв в бою командира 1-го кавполка т. Нягу. Выполняя поставленную задачу, части дивизии перешли в наступление по обе стороны жел. дороги Нов. Мирополь-Шепетовка, а 400 полк на подводах, пользуясь лесами, идущими с севера от железной дороги, произвел ночной рейд и внезапно вышел на сев. окраину м. Шепетовка, которое занял после короткого боя с растерявшимся противником, захватив подвижной состав, имущество и до 300 пленных 105 польского пехотного полка. Одновременно, кавбригада, продвигаясь к западу, атакует и полностью уничтожает у Деревичи (зап. Любар) батальон 19-го стр. полка поляков. Несмотря на полную необеспеченность флангов, особенно с XIV армией (южнее Любара), дивизия безостановочно наступает в направлении Славута и Изяславль для выхода на рубеж р. Горынь. *(Схема № 13).*

Линия р. Горынь оказалась занятой и подготовленной к обороне 10-й пехотной бригадой противника, а к югу, на открытом в сторону XIV армии фланге, из района Старо-Константинов стали появляться крупные раз'езды почти на линии резервов дивизии.

К 1 июля Конная армия, овладевшая Новоград-Волынском, вела бои за овладение районом Ровно-Острог. 45-я дивизия, выйдя на линию р. Горынь, заняла 135-й бригадой участок по реке от Славута до Изяславль и 133-й бригадой район Изяславль-Марковцы, имея в резерве, в Шепетовка, 134-ю бригаду. Кавалерийская бригада дивизии сосредоточилась на левом фланге дивизии в районе Бол. Пузырьки, ведя разведку в южном направлении на Старо-Константинов. Части XIV армии еще не вышли на линию 1-й Конной, и это обстоятельство, создававшее возможность группировки противника в тылу и на фланге I Конной, серьезно озабочивало командарма I Конной и начдива 45, видевших растущую угрозу левому флангу группы. *(Схема № 13).*

Разрыв по фронту, аналогичный положению наших XIV и I Конной армий, имел место и у противника между его II (северной) и VI (южной) армиями. II-я польская армия пыталась преградить движение к западу I Конной и даже уничтожить ее, действуя своими пятью дивизиями с севера и запада у Ровно-Острог, а VI армия успешно сдерживала натиск нашей XIV армии.

М. Ф. Боричевский—командир 400 полка, совершившего редкий в практике пехотных частей глубокий рейд в тыл противника, (28/VI 1920 г.), в результате которого были взяты внезапным ударом станция и местечко Шепетовка. Награжден орденом Красного Знамени за взятие Шепетовки и штурм крепости Дубно. Сейчас командир 299 полка 100 дивизии.

Основной задачей I Конной было, отбросив части II польской армии в Ровненском районе, выйти на фланг и в тыл противника в районе Дубно и к северу от него. 45-й дивизии было приказано, форсировав реку Горынь, одновременно с Конармией выйти на р. Икву на фронте Дубно-Кременец, обеспечивая с юга маневр армии.

Командарм VI польской, желая ускорить проводимую II армией „ликвидацию" конницы Буденного и полагая открытым ее левый, южный фланг, снял с фронта лучшую по качествам 18-ю пехдивизию ген. Краевского, усилил ее двумя стрелковыми и 1-м уланским полком, создав группу до 6000 штыков и 250 сабель при 42 орудиях и к 1 июля сосредоточил эту группу в районе Старо-Константинов (в прорыве между I Конной и XIV армией и в тылу 45 дивизии). Группе ген. Краевского была поставлена задача стремительным ударом на сев.-запад нанести удар с юга Конной армии, втянутой в затяжные бои у Ровно. Единственная преграда на пути — слабая числом 45-я дивизия, дерущаяся по Горыни с 10-й бригадой поляков.

Уже к исходу дня 1 июля раз'езды 18-й дивизии столкнулись с тыловыми частями дивизии у м. Лабунь, и к утру 2/VII командование 45-й дивизии установило наличие крупной группировки противника на своем открытом фланге и в тылу. Отход к северу был возможен, но, продолжая выполнение поставленной задачи, командование не снимает с фронта р. Горынь ни одной части и направляет, как гласит приказ от 2/VII, „для пол-

[1]. Яркое описание боев 133 бригады у Н. Мирополя читатель найдет в очерке А. Савченко—„Ценою крови лучших борцов". Смерть комполка 399 п. т. Попы изображена в очерке И. Якира „Так боролись и умирали они". Оба очерка помещены в настоящем разделе. *Ред.*

[2]. Один из боевых эпизодов 134 бригады у м. Барановка освещен Б. Киселевым в очерке „Воспоминания политрука пешей разведки" (помещен в настоящем разделе). *Ред.*

ной ликвидации противника" резервную 134-ю и охраняющую фланг кавалерийскую бригады.

Поляки, двигаясь двумя колоннами, по преимуществу ночью, и имея разведку на широком фронте повели наступление против выставленного заслона, охватывая сразу его правый фланг в направлении Грицов-Губча — в тыл дерущимся на фронте 133 и 135 бригадам. Основные направления удара противника были Грицов-Шепетовка и Б. Пузырьки-Изяславль.

3 июля после упорных боев противник занимает Грицов-Вербовцы-Крапивно, захватив конную батарею нашей кавбригады в районе Лисинцы, и ударом в тыл 133-й бригады, отходившей от Марковцы на Шепетовку, нанес последней крупные потери. Бригады, занимавшие рубеж р. Горынь, были поспешно оттянуты в район Шепетовка, и фронт дивизии повернулся прямо на юг. Положение чрезвычайно осложнилось вклинением отдельных неприятельских частей в расположение бригад, что привело к ряду внезапных дневных и ночных боев на фронте 6—8 клм. к югу от жел. дороги Шепетовка-Полонное. В результате этих боев дивизия удержала район Шепетовка, а кавбригада возвратила свою батарею, нанеся значительные потери противнику. В этих боях полностью выявилась взаимная выручка частей дивизии, на выстрелы спешивших на помощь соседу и отличные качества пулеметчиков, часами задерживавших планомерное наступление поляков [1].

К вечеру 5 июля противник занял Изяславль и распространился к северу на Славута и далее на Острог для выполнения поставленной задачи— удара по I Конной, но к этому времени Конная армия, отбросив к северо-западу дивизии II армии поляков, заняла Ровно и Острог и повела наступление на Дубенский район. План окружения I Конной потерпел крушение. Группа ген. Краевского опоздала, задержавшись в пятидневных боях с 45-й дивизией, выполнившей и на этот раз свою задачу. (*Схема № 14*).

18-я пехдивизия поляков с присоединившейся к ней в районе Изяславля 10-й пех. бригадой, запоздав в районе Острога, после неудачных для себя боев с частями I Конной армии, поспешно отошла на реку Иква для организации обороны этого рубежа, преграждающего пути красных армий в Галицию.

9 июля 45 дивизии приказано форсировать р. Иква на участке Дубно-Кременец и выйти на б. государственную границу в районе Радзивилов. Одновременно I Конная армия, по ликвидации Ровенской группы противника, должна была выйти на р. Иква у Млынов-Дубно. Левый фланг дивизии продолжал оставаться открытым в сторону XIV армии, связь с которой все еще не была установлена. Прорыв охранялся кавбригадой дивизии и одной конной бригадой Конармии под командой т. Осадчего.

Участок Млынов-Дубно-Кременец являлся отличным рубежом для обороны против восточного противника. На всем протяжении участок обеспечивался широкой и болотистой долиной р. Иква с командующим западным берегом. Фланги и сохранившиеся переправы обеспечиваются на севере у Дубно фортом Тараканов (форт, сохранившийся с империалистической войны, представляет собою долговременное сооружение, требующее для его разрушения артиллерии крупных калибров), а на юге—лесистым районом гор. Кременец. Фронт по р. Иква оборонялся знакомыми нам 18-й пехдивизией и 10-й пехбригадой—общим числом до 8000 штыков, 300 сабель с 48 орудиями. 11 июля части эти были подкреплены группой полк. Ясинского из пограничных и караульных частей Галиции, числом до 1200 штыков и 12 орудий и одним бронепоездом, курсировавшим по жел. дороге Дубно-Радзивилов.

45-я дивизия, хотя и пополнилась за последние дни добровольцами из местного населения, все-же средний состав полка не превосходил 200—250 штыков при 20—25 тяжелых пулеметах и 20—30 всадниках конной разведки.

Наступая на широком фронте через Острог-Шумск, дивизия к утру 11 июля вышла на восточный берег р. Иква: 134-я бригада—от Дубно к югу до Буща, обеспечивая связь с 1-й Конной армией в районе Дубно, 135 бригада—непосредственно к востоку от г. Кременец, кавбригада Котовского и кавгруппа Осадчего — в район Горинка, ведя разведку на Вишневец, где появились пехотные части противника, принадлежавшие 13-й пехотной дивизии VI польской армии. 133 бригада, находясь в резерве дивизии, вышла в район Шумск.

11 июля части дивизии перешли в наступление на всем своем фронте. 134-й бригаде удалось переправиться через Икву у Судобичи-Каменица, откуда она вместе с 11-й кавдивизией вела атаки с юга на форт Тараканов. Кавгруппа Осадчего переправилась через р. Иква южнее Кременца у Дунаев и стала распространяться с юга в тыл Кременцу, а кавбригада Котовского вышла на сообщения противника в районе Нов.-Почаев. 135-я бригада атаковала г. Кременец и ворвалась в город, откуда после тяжелого уличного боя, не будучи поддержана группой Осадчего, отошла в исходное положение на 3-4 клм. к востоку от города.

Противник, имевший сильную маневренную группу в районе Гряда (10-12 клм. зап. Кременец), 12 июля перешел в наступление против кавгруппы Осадчего, нанес ей крупные потери и отбросил ее на восточный берег реки, после чего стал распространяться в направлении на Катербург в обход левого фланга и тыла 135 бригады. Только энергичные атаки бригады Котовского, вынужденной, в силу обстановки, возвратиться из района Н. Почаев, облегчили отход кавгруппы Осадчего, после чего конница заняла район Горинка, обеспечивая левый фланг дивизии.

На следующий день на левом фланге и в тылу дивизии обозначилось наступление пехоты 13 дивизии белополяков из Вишневец, с юга. В результате боев 13-14 июля противник занял Горинка и повел наступление на Фольварки, где спешно выдвинутые части резервной 133-й бригады организовали оборону фронтом на юг, а приданная дивизии конница—бригады Котовского и Осадчего

---

[1]) Бои с 18 польской дивизией в районе Грицов-Шепетовка освещены в воспоминаниях т т. А. Савченко „Грицовский кулак", Н. Криворучко „Потеря батареи" (статья „Котовцы против белополяков") и Г. Вальдмана „Поединок" (статья „Рассказы котовцев"). Все статьи помещены в настоящем разделе. *Ред.*

(сам Котовский был контужен в бою у Горинка) отошли в Катербург-Подгайцы.[1] Постоянная угроза левому флангу дивизии и Конной армии об'яснялась выдвижением их, примерно, на 40-50 клм. к западу от правого фланга XIV армии. Только 13 июля удалось установить конную связь с частями 8-й кавдивизии XIV армии у ст. Лановцы (40 клм. юго-восточнее Кременца) и 15/VII с 21-й пехбригадой у Окнины 12 клм. восточнее Вишневец.

Начдив 45 т. Якир в полевом штабе 135 бригады, в м. Шумск (Волынь) в июле 1920 года, непосредственно перед наступлением 135 бригады на Кременец.
Слева направо сидят: работник подива 45 т. Мирошников, комбриг 133 т. Левензон, начдив 45 т. Якир и комбриг 135 т. Голубенко. Между т.т. Якиром и Голубенко стоит военкомбриг 135 т. Гольденберг.

На Дубенском направлении шли упорные бои 11-й кавдивизии и 134-й бригады за район Дубно форт Тараканов. 13-16 июля гор. Дубно трижды переходил из рук в руки и в результате остался за противником. (*Схема № 15*).

17 июля командарм Конной решает собрать главные силы армии в районе Млынов-Демидовка (сев.-зап. Дубно) откуда действиями в стык II польской армии и 18-й дивизии захватить район Броды-Радзивилов и выйти в Галицию. 45 дивизии приказано, оставив в районе Кременец и к северо-востоку от него кавбригады, сосредоточиться к 18 июля восточнее Дубно, форсировать р. Икву и, сбивая части 18 пехдивизии противника и выходя в тыл его Кременецкой группе, занять район Радзивилов-Почаев. Таким образом, дивизия снова отрывается от соседней XIV армии, открывая свой левый фланг.

19 июля, после ночных маршей, части заняли исходное положение: 134-я бригада—жел.-дорожный мост у Дубно-Сурмичи-Волица, 135-я бригада—район Детиничи, резервная 133-я бригада—район Обгов и кавбригады—Угорск-Башковцы, ведя разведку на Кременец-Вишневец, занятые противником. 19-20 июля на участке 134-й бригады шли упорные бои за переправы. В ночь с 20 на 21 июля, после артиллерийской подготовки, не нанесшей форту Тараканов каких-нибудь повреждений, так как дивизия имела только 76 мм. пушки, 134 бригада и 398 полк 133 бригады, атакуя проволочные заграждения и бетонированные пулеметные гнезда, переходя без мостов реку Икву, ворвались в форт, уничтожив гарнизон последнего[1]. Одновременно у Детиничи переправились и части 135 бригады.

С рассветом 21 июля 135-я и 133-я бригады (134-я, понесшая у Дубно крупные потери, выведена в резерв) перешли в наступление на фронт Козин-Бережцы. Кавбригадам была поставлена задача—переправиться через Икву южнее Кременца и выйти с юга в тыл Кременецкой группе. Выполнение этого приказа явилось для кавгруппы Осадчего непосильным, т. к. накануне, т. е. 20 июля, одна из кавбригад, входивших в состав группы, составленная из бывших деникинцев-кубанцев, с большим процентом белого офицерства, перешла в полном составе на сторону противника, прочие же конные части группы оказались деморализованы и мало боеспособны. Таким образом, вся тяжесть действий на фланге дивизии падала на кавбригаду Котовского[2].

[1] О кровопролитных боях 135 бригады под Кременцем и кавбригады у Дунаева и Горинки в период 11-16 июля 1920 г. рассказывают в своих воспоминаниях участники т.т. Н. Казаданов („Под Кременцем 11 июля"), А. Минин („Под Кременцем" 12 июля"), Н. Криворучко („Кременец-Почаев" в очерке „Котовцы против белополяков") и М. Котельник („Горинка" в очерке „Рассказы котовцев"). Все статьи помещены в настоящем разделе. *Ред.*

[1] Осада Дубно и захват форта Тараканов обрисованы И. Репиным в очерке „Под Дубно" (помещен в настоящем разделе). *Ред.*

[2] О подлой измене Кубанской бригады рассказывает тов. Н. Криворучко в очерке „Кременец-Почаев" (статья „Котовцы против белополяков"). *Ред.*

Утром 21 июля поляки, под угрозой обхода с севера и под нажимом кавбригады Котовского, оставляют Кременец и отходят к западу, заняв, для прикрытия отхода, двумя полками с артиллерией фронт Пляшева-Турия по линии р. Турия (необходимо отметить, что средний состав польского полка равнялся 900-1200 штыкам, т. е. примерно, около полуторы-двух бригад нашей дивизии). В этот же день наступающая 135-я бригада, после упорного, кровопролитного боя, сбила противника с линии р. Турия и, заняв д.д. Онишковцы и Турия, продолжала наступление на Гряда для выхода на галицийскую границу, 133-я бригада двигалась правее на Крыжи-Перенятин, а кавбригада Котовского, заняв к исходу дня Кременец, с рассветом 22 июля переправилась через р. Иква и двинулась вторично на Нов. Почаев. (*Схема № 16*).

Как указывалось выше, Конная армия вела наступление с севера на район Броды-Радзивилов, где группировались крупные силы 18-й польской дивизии. Отступившие в порядке (из-за бездеятельности группы Осадчего) части Кременецкого гарнизона (19, 40 и 105 полки), сбитые 21/VII с линии р. Турия, сосредоточились на рассвете 23/VII в районе Комаровка—Божья Гора. Таким образом, движение 45 дивизии в Галицию должно было проходить по 12 клм. коридору, образованному Бродской и Комаровской группами поляков.

23 июля, когда 135 бригада вышла в район Будки, а 133-я бригада—в район Перенятин, обозначилось одновременное в двух направлениях наступление поляков. 10-я польская бригада, в составе 19, 40 и 105 пех. полков, наступала из района Божья Гора-Комнатка в тыл 135-й бригаде, а против Конной армии, вдоль жел. дороги Верба-Радзивиллов, двигалась вся 18-я пех. польская дивизия, части которой со стороны ст. Рудня Почаевская угрожали обрушиться на тыл 133-й бригады. Это группа ген. Краевского из района Радзивилов-Броды наносила удар в направлении на Дубно, в тыл частям Конной армии и 45 дивизии. Начавшие поспешный отход к востоку на дер. Гряда, 133-я и 135-я бригады были атакованы во фланг из района Божьей Горы, в то время как с жел. дороги Радзивилов-Рудня был открыт по колоннам дивизии артиллерийский огонь бронепоездов противника. Отступившие части 135 и 133 бригад и пробившаяся из района Н. Почаев кавбригада Котовского, под командой т. Криворучко, к 14 часам 23/VII сосредоточились в районе дер. Гряда, с трудом сдерживая многократные атаки противника.

В 17 часов части дивизии, поддержанные с севера 11-й кавдивизией Конармии, перешли в контр-атаку и штыками выбили поляков, занимавших Божью Гору и лес южнее дер. Гряда, отбросив 10-ю польскую бригаду на Почаев. Поляки, по их источникам, понесли в этом бою до 75% потерь личного состава.[1] На следующий день (24 июля) Конармия нанесла тяжелое поражение группе ген. Краевского в районе Ситно-Козин, и на всем фронте армии противник начал поспешный отход в Галицию, прикрываясь арьергардами. *[Схема № 17]*.

25 июля Конная армия входит в Галицию, занимает Броды и бригадой 11-й кавдивизии выходит на фронт Чехи-Дубе, будучи остановлена здесь упорным сопротивлением пехоты противника.

27 июля на широком фронте Радзивилов-Ледухов 45 дивизия переходит б. государственную границу. Задача дивизии—сменив на участке Чехи-Дубе бригаду 11-й кавдивизии и обеспечивая левый фланг армии, вновь обнаженный на стыке с наступающей восточнее XIV армией, сковать наступлением силы противника в Бродском районе для обеспечения маневра Конной армии в районе севернее Брод, имея в дальнейшем задачу выдвижения на линию р. Западный Буг. По захвате рубежа Буг армия должна была овладеть Львовским районом.

Дивизия выполнила поставленные ей задачи по обеспечению Дубенско-Кременецкой операции Конной армии, понеся крупные потери в личном и, главным образом, начальствующем составе. Два раненых командира бригады, 4 убитых и 4 раненых командира полка—яркий показатель принципа личного примера и преданности командиров, а незабываемые штыковые атаки на форт Тараканов и на Божью Гору — образец храбрости наших бойцов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Условия Галицийского театра военных действий. Первое наступление в Галицию и контрудар поляков. Наступление Золочовской группы. Бои за Львов. Бои за Буск-Красне на Буге. Отход из Галиции. Выход дивизии в армейский резерв.

Выход 45-й дивизии в пределы Галиции создавал для дивизии новую, значительно осложненную, обстановку. Не русское население с значительной прослойкой поляков-колонизаторов, полное отсутствие опыта революционной борьбы у крестьянства и рабочего класса Галиции и, наконец, бешеная агитация польского правительства и духовенства, отождествивших Красную армию с царской армией знакомой населению по империалистической войне,—поставили очень остро вопросы взаимоотношений с населением, организации тыла и привлечения местных средств. Район боевых действий, разоренный империалистической войной, не обеспечивал довольствия войск и нужного количества перевозочных средств. Последнее обстоятельство, в связи с разрушением противником железных дорог, ставило под угрозу вопросы боевого питания и эвакуации.

Местность была изрыта окопами, обеспечивавшими все выгодные рубежи для обороны с запада (б. австрийские окопы), особенно сильными по линии р. Западный Буг и на подступах к Львову.

Поляки еще не заполнили промежутка между

[1]) О жестоких боях под Божьей Горой и Ново-Почаевым повествуют т.т. Н. Казаданов („У преддверья Галиции") и Н. Криворучко („Кременец-Почаев" в статье „-отовцы против белополяков"). Обе статьи помещены в настоящем разделе. *Ред.*

своими II и VI армиями. Левый фланг последней, отброшенный к западу наступлением 1-й Конной и 45-й дивизии, находился у Соколовка, а правый фланг II армии поляков — у Берестечко (30 км. севернее Броды), нависая с севера над концентрирующимися западнее Броды дивизиями Конной армии.

Очередной задачей 1-й Конной было: прикрываясь с севера от II польской армии — действиями в промежуток между II и VI армиями противника, захватить переправы через р. Западный Буг и затем овладеть Львовским районом. Непосредственную задачу по овладению переправами через Зап. Буг в районе Буск-Красне командарм 1-й Конной возложил на 11 кавалерийскую и 45-ю дивизии, в то время как остальными конными дивизиями должен был быть отброшен к сев.-западу левый фланг II польской армии.

Д. Л. Фарфурак — ветеран 45 дивизии, начпульком 401 полка, краснознаменец, участник всех боевых походов дивизии. Сейчас работает в Корсунском сахкомбинате Черкасского округа.

На польской стороне фронт Соколовка-Подгорце и далее к югу по р.р. Лух и Граверка занимали: 10-я пехбригада, 18-я и 13-я пехотные дивизии общей силою до 10000 штыков и 1000 сабель.

К рассвету 28-го июля 11-я кавдивизия заняла Соколовка и повела наступление на Буск. 45-я дивизия, заняв 133-й бригадой Чехи-Кадлубиска, повела наступление вдоль жел. дороги на Олеско, 135-я бригада из района Дубе-Поникава — на Подгорце, кавбригада на Литовиско по р. Лух и 134-я бригада (резерв дивизии) заняла Гаи Суходольские, западнее Броды.

Одновременно поляки, поддержанные бронепоездами, перешли во встречное наступление на всем фронте дивизии, направив 36-ю бригаду из Олеско в тыл 11-й кавдивизии на Соколовка-Топоров.

Положение было далеко неравным. Исходным положением для наступления противника была гряда высот по линии Олеско-Подгорце-Майдан, укрепленная и оборудованная бронированными пулеметными гнездами с времен империалистической войны, в то время, как части дивизии наступали по открытой равнине, просматриваемой противником вплоть до наших артиллерийских позиций. Пользуясь открытым правым флангом 133-й бригады у жел. дороги, противник направил на нее свой главный удар. В разыгравшихся упорных боях 29—31 июля, в которых приняла участие снятая с линии р. Лух кавбригада, деревни Чехи-Чишки-Ясенов несколько раз переходили из рук в руки, и к 31 июля части дивизии, понеся крупные потери, все же удержали район, занятый для наступления 28 июля, при чем кавбригада в одной из атак у Ясенова уничтожила батальон противника, а 135-я бригада захватила неприятельскую батарею. Однако, на правом фланге дивизии обстановка складывалась неблагополучно. 11-я кавдивизия, занявшая 29 июля район Буск, под давлением вышедшей ей в тыл 36-й польской бригады, отошла к северо-востоку от Соколовка и Топоров, оставив совершенно открытым фланг 133-й бригады. На левом фланге у Ясенов 8-я кавдивизия XIV армии, выполняя приказ командарма, снизилась к югу, обнажив и левый фланг дивизии, куда была переброшена кавбригада Котовского.

С утра 1 августа противник вновь перешел в наступление на фронт Чишки-Ясенов, защищавшийся 133-й и 135-й бригадами, обтекая с флангов участок дивизии. Одновременно с севера на главные силы Конной армии перешла в наступление II армия поляков. Бои последних дней снизили боевой состав частей до катастрофической численности. „135-я бригада, имея в своем составе только 278 штыков, отведена на менее ответственный участок"—с эпическим спокойствием сообщает оперсводка этих дней.

1 и 2 августа бригады, неся крупные потери, сдерживали решительное польское наступление, имевшее целью соединить фланги VI и II армий и оттеснить красные армии из Галиции. С рассветом 3 августа крупным силам поляков удалось занять Заблотце на фланге и в тылу 133-й бригады, после чего противник стал распространяться в южном (в тыл дивизии) направлении. В бой был брошен последний резерв—дивизионная школа младшего комсостава, которая упорной обороной обеспечила отход расстроенной 133-й бригады к югу, потеряв в бою убитым своего начальника т. Базарного[1]).

Одновременно главные силы Конармии, под натиском II польской армии, отошли в район сев. и вост. Броды, а на юге 8-я кавдивизия отступила в Подкамень.

В тот же день части пехоты и конницы противника захватили Броды, где еще находились Штадив 45 и Полештарм 1-й Конной, которым удалось оставить город без потерь.

Обороняясь на фронте и флангах короткими контр-атаками, дивизия ночью 3-го и утром 4-го августа отходит к старой государственной границе и занимает для обороны рубеж Бучина-Накваша. К вечеру этого же дня противник свежими силами 13-й пехдивизии возобновил наступление, действуя на левый фланг дивизии (в стык с 8-й кавалерийской) у Подкамень, оттеснил 8-ю кавдивизию в Нов. Олексинец, захватил Накваша, обороняемую 135-й бригадой и стал распространяться на Ледухов. Выполняя приказ командарма Конной, дивизия ночью отошла к востоку и заняла для обороны рубеж: Перенятин—134-й бригадой, Ледухов—135-й, Валигуры—133-й бригадой и кав-

[1] Геройскую смерть т. Базарного передает т. И. Якир в очерке „Так боролись и умирали они" (помещен в этом разделе). *Ред.*

бригадой—Сагалы (на левом фланге), имея связь с 8-й кавалерийской у Лопушно и с 11-й кавалерийской у Батьков (4 вер. юго-вост. Радзивилов). Атаки противника 5 августа были отбиты. Поляки в этом бою впервые применили 75 м.м. пушки в пехотных цепях. (*Схема № 18*).

6—7 августа шли бои с переменным успехом на левом фланге дивизии у Ледухов и, главным образом, на фронте 8-й кавдивизии. 7 августа в районе Почаева сосредоточилась 47-я стр. дивизия, переданная в 1-ю Конную вместе с 8-й кавалерийской из состава XIV армии.

В результате контр-наступления против Конной армии, веденного силами до 5-ти пехотных и 1-й кавалерийской дивизии, поляки сомкнули фланги своих II и VI армий и к 5-му августа оттеснили Конармию с приданной 45-й дивизией на фронт: Берестечко-Радзивилов-Ледухов.

Июль месяц и начало августа дорого обошлись дивизии: из строя выбыло 1063 человека, т. е. ок. 50% состава. К 5 августа в части дивизии влилось первое пополнение 1500 человек из запасных частей республики, народа молодого, плохо обученного и совершенно не обстрелянного. Некомплект начсостава после самых смелых выдвижений достигал 50%.

9 августа из 45, 47 и 8-й кавалерийской дивизий приказом командфронтом создана группа Золочовского направления, под командой тов. Якира—начдива 45. Приведенные в порядок части готовились к наступлению.

12 августа Конной армии с приданной группой Золочовского направления поставлена задача в кратчайший срок овладеть районом Львов. Командарм, решая главными силами конницы нанести удар на Львов с севера и группируя их севернее Броды для захвата в первую очередь района Буск, приказал Золочовской группе, обтекая Броды с юга, нанести удар в общем направлении на Золочов-Глиняны.

Наступление армии началось 13 августа. 14 августа конница овладевает Бродами и Радзиховым. 45-я дивизия наступает на Подгорце-Голубица, южнее 47-я—на Пеняки-Маркополь и на левом фланге—8-я кавалерийская с задачей форсировать р. Граверка у Ратище. К началу дня 15 августа части группы сломили сопротивление противника на укрепленной линии Подгорце-Пеняки, овладели Подгорце и вышли на фронт Белый Камень-Баткув по восточному берегу р. Западный Буг. 16 августа Конная армия захватила Буск и 11 дивизией, совместно с бригадой Котовского, вела бои за жел. дорожный узел Красне. 17 августа 45 дивизия (135-я бригада) после двухдневного боя захватила Золочов и продолжала наступление на запад по Львовскому шоссе, сбивая арьергарды противника. Южнее 47-я дивизия выдвинулась в район Перемышляны. В бою 17-го августа у Борткува (сев. западнее Золочов) кавбригада дивизии захватывает 300 пленных, пулеметы и батарею противника и к вечеру занимает гор. Глиняны.

19 августа 45-я дивизия вела уже бои у Чарношовице (кавбригада), Куровице-Унтервальден (134-я и 135-я бригады), все пункты в 20—30 верстах юго-восточнее Львова (вдоль шоссе Львов-Золочов). К исходу дня 134-я и 135-я бригады, сбив противника, вышли на фронт Унтерберг-Чишки (11—12 км. восточнее Львова), ведя разведку на укрепления противника у восточного предместья Львова-Винники. С наступавшей южнее 47-й дивизией установлена связь у д. Шоломея (на шоссе Львов-Бобрка).

Части 1-й Конной вышли в район в 6—10 км. севернее Львова. (*Схема № 19*).

Противник, учитывая политическое и стратегическое значение Львовского района, принял исключительные меры по его обороне, сосредоточив туда за счет всего своего Украинского фронта три пехотных дивизии, пограничные и запасные части, большое количество бронеавтомобилей, самолетов и бронепоездов. Лживая агитация о зверствах большевиков привлекла в ряды добровольных защитников Львова крупные отряды из учащейся молодежи, чиновников и даже буржуазные женские баталионы.[1] Подступы к Львову были обеспечены укреплениями империалистической войны, снабженными теперь стационарной и полевой тяжелой артиллерией.

Еще 18 августа 8-я кавалерийская дивизия вышла из состава Конной армии, и будучи подчинена командарму XIV, его распоряжением направлена к югу от Львова на Миколаев. 18-го же августа Конной армии приказано оставить Львовский район и сосредоточиться в районе Владимир-Волынский (100 км. севернее Львова) для наступления на Люблин в составе Западного фронта, а 45-я и 47-я дивизии передавались в состав XIV армии и должны были сменить Конную армию на подступах ко Львову.

19 августа Реввоенсовет 1-й Конной (т. т. Буденный и Ворошилов) в телеграмме начдиву 45 пишут: „Расставаясь с доблестными частями вверенной Вам дивизии, Реввоенсовет выражает свое искреннее сожаление по поводу выхода Вашей дивизии из состава 1-й Конармии. Реввоенсовет просит принять от него самое искреннее товарищеское спасибо за Вашу работу в рядах вверенной нам армии. Красным бойцам, командирам и комиссарам передайте от имени революции благодарность за честную и верную службу коммунистическому отечеству".

Так как 1-я Конная армия, связанная боями на северных подступах ко Львову, начала свое фактическое выдвижение на север только 20 августа, то действия 45-й дивизии до 21 августа еще обеспечивались с севера частями Конной армии. 19 и 20 августа на фронте 134-й и 135-й бригад разыгрались яростные встречные бои на восточных подступах ко Львову с крупными силами противника, поддержанными огнем тяжелой артиллерии. Одновременно, в тылу частей дивизии в районе Перемышляны стали появляться сильные отряды противника, принадлежавшие к частям, укрывшимся в этом лесном районе во время стремительного наступления Золочовской группы; для операций против них была направлена резервная 133-я бригада.

21 августа противник, перейдя крупными силами в решительное наступление, к исходу дня оттеснил наши части от Львова на фронт Задвурзе-Вырув (22 км. восточнее Львова).

[1] См. очерк Л. Владимирова „Эпизод из боев в Галиции" (помещен в этом разделе) *Ред.*

Копоперупрарм 1 конной
копии Начдиву 8, Комбригам 133, 134, 135
артбригаде Стдивпому и т. Котовскому.
Оперативная 45 дивизии к 18 часам 5/VIII
фронт 10 верст

В ночь на 5/VIII противник проявил активность
по всем фронте дивизии. На участке 135 бригады
противнику удалось ворваться в окопы при поддержке
сильного огня; части бригады несколько раз
переходили в яростные контр-атаки и только
утру сумели восстановить положение. С рассветом
противник крупными силами перешел в наступление
по всему фронту нанося главные удары на флангах
все атаки противника были отбиты к 8 часам,
после чего дивизия приступила к выполнению
приказа по Армии № 096 находясь все время в
соприкосновении с противником. Подробности боя
кавал. в районе Подкамень пока неизвестна.
В данное время части предположительно занимают
4 бр. - Перенятин - Подлипье, 135 бр. - Кавимира - Ледухов.
кавбр. т. Котовского - Сагалин, 8 червона - Крутнев /
Гуровцы - Панасовка - Лапушно, 133 - Валигура.
Утрачена связь с Сибирским полком Батков - Башаровка.
Комаровка 5/VIII 1920 17 часов № 1057
За Наштадив 45 [signature]

Одна из оперативных сводок штаба 45 дивизии о тяжелых, кровопролитных боях, сопровождавших первый отход дивизии из Галиции (начало августа 1920 г.).

В продолжение последующих дней противник, освободивший полностью свои силы (6-ю и 13-ю пех. дивизии и 1-ю кавбригаду) вследствие ухода Конной армии, продолжал систематические, ожесточенные атаки против 45-й и 47-й дивизий, нанося удар, главным образом, по обнаженному с уходом Конармии правому флангу 45-й дивизии и вдоль жел. дороги Львов-Красне, вводя в бой в большом количестве бронемашины и группы самолетов. Упорно обороняясь (особенно напряженный характер носили бои у ст. ст. Задвурзе и Кутторж)[1] дивизия медленно, по 3—4 км. в сутки, отходит к востоку и 1 сентября занимает для обороны рубеж по р. Зап. Буг. и его южному притоку на фронте Буск-Красне-Фирлеювка, охраняя на севере кавбригадой открытый стык с 24-й дивизией XII армии (левый фланг последней был в Каменка—Струмиловска). Южнее Фирлеювка по р. Буг заняла фронт 47-я дивизия, понесшая крупные потери и мало боеспособная. (*Схема № 19*).

Новым сосредоточенным ударом 6-й и 4-й дивизий 3-го сентября противник заставляет 45 дивизию на всем фронте отойти на линию р. Западный Буг, и захватывает на восточном берегу реки плацдармы Буск и Стронибабы. В течение 2-х недель длятся ожесточенные бои на рубеже Зап. Буг, в которых противник оперирует значительно превосходящими нас силами.

5 и 6 сентября дивизия вновь переходит в наступление на Буск-Красне,[2] захватывает последний пункт, кавбригада захватывает до 400 пленных и польскую батарею, но дальнейшее продвижение сдержано подоспевшими резервами противника. После этого дивизия отходит на фронт Поборжаны-Стронибабы, обеспечивая свой правый фланг только конными разведками полков.

8 сентября организуется прорыв фронта противника у Ланерувка. Для прорыва в район Яблоновка были сосредоточены 134-я и, частично, 135-я бригады с артгруппой из 16-ти легких и 6-ти тяжелых орудий, а для развития успеха—кавбригада Котовского. Для прорыва был намечен участок в $1^1/_2$ км., при чем в образованную брешь должна была быть брошена конница дивизии для выхода на Милятин-Козлов в тыл Бусской группе противника. После артиллерийской подготовки, позволившей пехоте преодолеть проволоку на вост. берегу Буг, ударная группа форсировала реку и бригада Котовского вост. Милятин изрубила до 200 чел. пехоты противника, но глубокие, крупные резервы к исходу дня помогли противнику восстановить положение.

Напряженные бои в районе Буск-Стронибабы вновь сократили боевой состав дивизии почти на половину, и дивизия, все угрожаемая на правом фланге, 9 сентября переходит к обороне на рубеже Зап. Буг, обеспечивая правый фланг XIV армии. Период до 15 сентября ознаменовался рядом ночных атак противника, в результате которых дивизия сохранила занимаемый фронт.

Активные действия дивизии в Бусском районе обеспечили успешные операции действовавшей к югу XIV армии и не позволили снять с Бусского района пехотные части противника, бывшие здесь в большом численном превосходстве.[1] (*Схема № 20*).

К 14 сентября обозначился глубокий отход 1-й Конной армии на Луцк, на фронте XII армии противник занял Ковель, и вся XII армия спешно оттягивалась к востоку. Дивизии приказано в ночь на 16 сентября отойти на линию Станиславчик-Соколовка-Ожидов (протяжением до 25 км..) установив связь с 24-й дивизией XII армии у Радзихов; одновременно 47-я дивизия отходила на фронт Подлесе-Золочов. Дивизия, прикрываясь мелкими отрядами, к рассвету 16 сентября заняла указанный фронт, но 24-й дивизии в этом районе уже не обнаружила—последняя отошла к востоку. Противник, не теряя соприкосновения с частями дивизии, вел энергичное наступление на правый фланг дивизии у Соколовка (на 135-ю бригаду), действуя одновременно пехотой с бронепоездами вдоль жел. дороги Красне-Броды на Чишки против 133-й бригады.

В связи с дальнейшим отходом на восток XII армии, дивизия, согласно приказа командарма XIV, оставляет 18 сентября занимаемый район и, нанеся короткий удар противнику на Соколовка и Конты, отходит к востоку и через Броды—Кременец форсированными маршами (до 60 км. в сутки) выходит в армейский резерв.[2] 47-я дивизия занимает для обороны р. Иква от ст. Верба до Борщевка (15 км. сев.-западнее Вишневец).

26 сентября дивизия сосредоточивается в районе Острополь—Старая Синява, но вскоре (к 1 октября) перебрасывается южнее, в район Винница—Литин, а оттуда выдвигается на фронт Хмельник—Ново-Константинов—Летичев (по р. Южн. Буг), где с 6 по 18 октября ведет беспрерывные бои с крупными силами поляков и петлюровцев, напрягавших все усилия для захвата района Литин и Винница к моменту ожидавшегося со дня на день перемирия. Наступление противника было задержано на рубеже 12 вер. западнее Литин, где 18 октября дивизию застало перемирие с поляками.[3] (*Схема № 21*) Дивизия оттягивается в фронтовой резерв в район Винница, где 5/XI получает новую задачу по ликвидации армий Петлюры и ген. Перемыкина, оставленных поляками в демаркационной полосе, установленной перемирием.

[1] Бои у Задвурзе зарисованы Л. Владимировым в очерке „Эпизод из боев в Галиции" (помещен в этом разделе)—*Ред.*

[2] Яркую зарисовку боя под Красне дает А. Савченко в статье „Бой под Красне". Интересный эпизод из боев этого периода приводит Д. Чекмак в очерке „В плену у польской шляхты". Обе статьи помещены в этом разделе—*Ред.*

[1] Тяжелые бои с поляками, подавлявшими дивизию своею численностью на р. Зап. Буг, описаны в очерках участников т. т. В. Бушечкина, Буск", А. Савченко, „Штурм предместья Буска—Липебоки" и „Стронибабы"—и П. Власова „Из воспоминаний о Буге". Все очерки помещены в настоящем разделе—*Ред.*

[2] Эпизоды отступления 45 дивизии из Галиции зарисованы В. Крейном в очерке „Как мы отступали из Галиции" (помещен в настоящем разделе). *Ред.*

[3] Эпизоды боев с белополяками и петлюровцами в последний день перед перемирием рассказаны в очерках М. Котельника „Прорыв эскадрона" (статья „Рассказы котовцев"), Э. Савейко „На страже боевого духа". Один из удачных боев 133 бригады (под Кумановцами), падающий на заключительный период польской кампании, зарисован в статье П. Талдыкина „Из дневника политрука", помещенной в настоящем разделе. *Ред.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Итоги польской кампании.

45-я дивизия, не имея в массе своей начальников с опытом империалистической войны, вступила в польскую кампанию, воспитанная предыдущими боями в духе самой широкой инициативы и свободного маневра, связанного в масштабе дивизии только временем и общностью оперативной задачи. Эти качества помогли дивизии успешно выполнить задачу по обеспечению фланга и операций конных масс, действуя все время против превосходных сил противника.

Одна из пулеметных команд 45 дивизии (399 полка) на польском фронте

С другой стороны, естественно, что дивизия не имела навыка в действиях против укрепленных позиций противника, и самый противник, значительно более устойчивый и организованный, чем армии Деникина и Петлюры, заставил дивизию перейти к сосредоточению ударных групп на важных направлениях и к глубокой группировке резервов.

В первых же весенних боях 1920 года, наряду с наступательным порывом и храбростью наших бойцов и командиров выявилось значительное превосходство противника в искусстве вести затяжные бои, базируясь на укрепленные районы; это обстоятельство причинило тогда частям дивизии значительный урон. Урок был использован, и уже в июне—июле 20 года сильно укрепленные рубежи Случи—Горыни и особенно Иквы с фортом Таракановым преодолеваются частями дивизии. Эти же бои положили начало огневому взаимодействию бригад и умелому применению конницы дивизии,—замечательной бригады Котовского—для коротких ударов по флангам и тылам противника, использовывавшей для этого самый небольшой и кратковременный прорыв расположения противника.

Кавалерийская бригада, имевшая нормально задачу обеспечивать угрожаемый открытый фланг, перешла к комбинированному бою, задерживая иногда сутками превосходные силы противника.

Особенно сильный перелом произошел в использовании артиллерии. До польской кампании дивизионы были административной единицей, а батареи, „навеки“ связанные с полками, обслуживали только свои полки, выходя вместе с ними в резерв. Уже с апреля 20 года начинается группировка артиллерии на важных участках с подчинением ее командирам бригад, т. е. прообраз нынешних групп ПП.

Небольшая численность ударной силы—стрелков—заставила значительную тяжесть боя перенести на огневые средства—артиллерию и пулеметы, доводившие пехоту до возможности штыкового удара, от которого части дивизии никогда не отказывались. Еще раз следует подчеркнуть высокие качества наших пулеметчиков, храбрых, хладнокровных и вместе с тем глубоко заботливых о своем оружии, редко дававшем отказы в бою.

Войсковая конница—бригадные эскадроны (по 40—50 всадников) и малочисленные конные разведки, действуя всегда не менее, чем в полупереходе на фронте и флангах бригад, не только вела активную разведку, но в ряде боев атаковала противника вместе со своей пехотой, а в сентябре месяце обороняла открытый к северу фланг дивизии севернее Ожидов (Галиция), не говоря о многочисленных случаях заполнения многоверстных прорывов.

Технические средства борьбы ограничивались бронепоездами, работа которых тесно связывалась с полевой артиллерией. Авиационных средств у дивизии за всю кампанию не было.

Методы управления были чрезвычайно элементарны и покоились на исключительной сработанности штабного и строевого состава. Начальник дивизии со своим маленьким штабом—2—3 оперативных работника, и небольшими средствами авто-и конной связи, находился постоянно при одной из бригад, дравшихся с противником, и в силу этого своевременная ориентировка и постановка задач были вполне обеспечены. Практика словесных приказаний, передаваемых через лиц начсостава, вполне себя оправдала. Это не значит, что штабная и разведывательная работа были в загоне. Наоборот, просматривая сейчас приказы

и оперативные сводки дивизии, можно установить их значительную ценность с современной точки зрения. Четкость, сжатость и в нужных случаях несколько зажигательных фраз к бойцам — вот нормальная форма приказа дивизии.

Вопросам связи в дивизии уделялось исключительное внимание, и отсутствие проволочной связи между бригадами, полками и дивизией, несмотря на растяжку фронта и большую подвижность частей, было исключением.

Основные боевые качества дивизии: стойкость, храбрость и инициатива начальников ведут свое происхождение от кадров дивизии—партизан, воспитанных в суровой подпольной обстановке борьбы с иностранной и отечественной контр-революцией еще в 1919 г. Несмотря на потери, в силу которых дивизия не раз полностью почти меняла свой состав, пополняясь зачастую случайными элементами, небольшие кадры бойцов, даже после ранений находившие на фронте свою дивизию, задавали тон.

Отсутствие внешней дисциплины, общее для армии того времени, в полной мере компенсировалось сознательностью, безусловным доверием и подчинением начальствующему составу и исключительным по тому времени безукоризненным отношением к населению.

Агитация противника через местное население и листовками с самолетов никакого влияния на части дивизии не оказывала.

Снабжение дивизий было чрезвычайно сложным вопросом и концентрировалось по всем видам кроме продфуража у начальников снабжений бригад и дивизии, а продфураж заготовляли летучие „особые продовольственные комиссии“ бригад и полков, следовавшие непосредственно за своими боевыми частями. Дивизия помнит даже такой период—май 20 года—когда от органов снабжения не было получено ни одного предмета и ни одного золотника продовольствия. Полки кормились в то время меной сахара, забираемого из заводов по пути отступления. В процессе боев выработался особенный тип поваров-хозяев довольствия, которые со своими кухнями самостоятельно находили продукты и кормили бойцов в сфере огня противника.

Наиболее узким местом были вопросы обмундирования. На полк получались десятки и единицы предметов, разделявшиеся чуть ли не общим собранием. Лето 20 года обмундировало дивизию в синие польские мундиры, и, наконец, осенью было собрано значительное количество предметов с буржуазии г. Винницы.

Артиллерийское снабжение производилось пу-

Одна из конных разведок 45 дивизии (399 полка) на польском фронте.

Политическая и партийная работа, совершенно естественно, не имела сколько-нибудь твердой схемы и сводилась, в большинстве, к личному примеру политработников в бою, а партийное влияние обеспечивалось значительной в процентном отношении прослойкой коммунистов среди начальствующего состава. Излюбленной формой „внешкольной“ работы был митинг с обязательным привлечением местного населения (случаев митинга на фронте не было) и работа вокруг нашей дивизионной газеты „Голос Красноармейца“ ухитрявшейся „печататься“ чуть ли не на ходу в своем грузовике.

Любил и умел повеселиться в свободное от боев время и боец. Танцы, песни и даже спектакли знаменовали собою каждый день отдыха или резерва.

тем импровизированных парков из десятков и сотен обывательских подвод, растягивавших линию питания от ближайшей артлетучки на железной дороге на десятки верст.

Следует также отметить, что обозы (большею частью из обывательских подвод) были развиты в высокой степени, доходя иногда до 300 повозок на бригаду, а с дивизионными транспортами до 2000 единиц обоза на дивизию, что, понятно, затрудняло в известной степени свободу маневра и привлекало внимание командования к тылу.

Как указывали мы выше, авторитет начальников всех степеней стоял чрезвычайно высоко. Командиры бригад, особенно Котовский, и начдив Якир пользовались исключительной любовью и доверием бойцов и командиров, и самые сложные

и рискованные операции проводились с полуслова.

В оперативном отношении в польскую кампанию на дивизию возлагались все время ответственные и тяжелые задачи по обеспечению маневра и фланга армии и прорыв расположения противника на укрепленных участках его фронта против превосходных всегда сил. Дивизия со всеми задачами справилась. Ее боевая репутация и авторитет ее начальника Якира делали нашу дивизию ядром различных групп армейского значения (Фастовская, Золочовская).

Дивизия, наряду с победами, имела и поражения, несла крупные потери, но она никогда не бывала разбита, сохраняя во всех случаях свою боеспособность.

А. МИНИН.

Днестровские партизаны на польском фронте.

В марте месяце 1920 года 405 полк, заняв деревню Шеинцы, двинулся через хутор Адамовку на дер. Зяньковцы. В направлении на дер. Яблоновка был послан 2-й батальон с задачей занять село. Между маршрутами полка и 2-го батальона тянулся шпалерой лес, который уходил за Зяньковцы и Яблоновку. Весь лес зарос густым лесным орешником. Охранению, посланному от 1-го батальона, приходилось подчас ползать на животах—иначе пробраться нельзя было. По лесу в виде правофланговой боковой заставы был пущен 1-й взвод 1-й роты. Взвод выпустил от себя вперед три парных дозора. Средний дозор из двух красноармейцев Шумиленко и Рюрика двигался приблизительно по середине леса, ориентируясь только по солнцу, и временами останавливался, поджидая идущих сзади, чтобы проверить, не сбился ли он с дороги.

Прошли таким образом по лесу часа три. По предположению командира взвода тов. Токарчука, его взвод уже должен был находиться где-либо на линии Яблоновки и Зяньковец. Карта указывает, что в сторону Зяньковцы должна быть прогалина, т. е. вырубленный лес, по которой 1-й взвод и должен был свернуть на Зяньковцы, но лес все тянулся да тянулся. Через некоторое время влево, где то далеко, послышались отдельные ружейные выстрелы, а еще через минут 15 разгорелся бой. Токарчук сообразил, что это полк встретился с поляками и дерется. Отдал приказание, чтобы дозоры двигались побыстрей.

И. Кищук — красный партизан, конный разведчик 398 полка, участник всех его боевых походов. Умер от ран, полученных в бою.

Шумиленко и Рюрик, остановившиеся благодаря тому, что слева слышна была стрельба, получив приказание двигаться дальше, пошли вперед. Вдруг они услыхали впереди себя какой-то шум. Выбрали два куста и спрятались за ними. Шум усиливался. Слышно было, как кто-то ломает сучья кустарника. Ребята и дыхание затаили, приготовив к бою винтовки. Вдруг между кустами вынырнули из-за веток два поляка. Красноармейцы вскочили и приставили к грудям опешивших поляков штыки. „Бросай, паны, оружие"—шопотом проговорил Шумиленко. Поляки сейчас же бросили свои винтовки. Красноармейцы подняли оружие, забрали у пленных патроны и ручные гранаты и посадили их под куст.

И. З. Гуренко — красный партизан, член ВКП(б) с 1919 г., красноармеец 405 полка, участник его боев на всех фронтах. Совершенно неграмотный, т. Гуренко по окончании фронтов, выучивается грамоте в полковой школе, а затем, будучи уволен в бессрочный отпуск командируется парторганизацией на Киевские губернские политкурсы, оканчивает их (в 1922 г.) и поступает в Коммунистический Университет им. Артема (Харьков). Упорной, четырехлетней работой одолевает университетский курс, после чего переходит на советскую работу. Сейчас бывший неграмотный красноармеец — председатель Балтского Райисполкома (АМССР).

Через минут 10 подтянулся взвод, и Токарчук узнал от пленных, что они посланы в разведку выяснить, нет ли красных в лесу; пленные сообщили, что в лесу, кроме них, бродит еще 8 человек. Дальше поляки показали, что часа два тому назад они пришли в Зяньковцы со стороны Деражни и должны были двигаться дальше на м. Женишковцы, но разведчики донесли, что со стороны Шелеховой слободы двигаются части красных; в Зяньковцы пришел галлеровский полк.

Токарчук сейчас же разослал взвод по лесу поймать всех польских разведчиков; через час они все были приведены к нему.

Охранение двинулось дальше, и Шумиленко с Рюриком первыми выбрались на опушку. Перед их глазами, внизу в яме, широко разбросалось село. Красноармейцы увидели, как в село с противоположной стороны в'езжала польская артиллерия, а за нею следовал обоз, и донесли обо всем виденном Токарчуку. Влево же, где то немного сзади, стрельба все усиливалась и усиливалась. Слышно было, что в бой ввязалась и артиллерия с обеих сторон.

Оценив обстановку, Токарчук решил действовать. Перейдя незаметно по кустам через опушку

со всем взводом, он со всеми предосторожностями двинулся к Зяньковцам. Из опроса пленных ему было известно, что у входа в село со стороны опушки, то-есть с той стороны, откуда он двигался, стоит отдельный полевой караул противника. Необходимо было сначала его снять. На эту штуку вызвались те же Шумиленко и Рюрик. Оба красноармейца незаметно по кустам подползли к часовому и подчаску, подскочили, и тот же прием: штыки к грудям и полушопот: „пан, бросай оружие". Испуганные поляки побросали винтовки и сдались. С караулом расправа была коротка,— весь застукали в крайней избе села обедавшим. Без единого выстрела и его разоружили.

С. Ф. Михайленко— красноармеец-доброволец 401 полка, участник всех его боевых походов. Контужен в бою с поляками.

Токарчук решил поднять дебош в самом селе. Оставив около себя на всякий случай ядро из 10 человек, остальных всех группами по трое, по четыре разбросал по селу с целью поднять в тылу у действующих впереди польских частей панику и помочь своему полку занять деревню. В Зяньковцах скопился весь обоз польского полка. И вот в селе, то здесь, то там, начинают раздаваться отдельные выстрелы из винтовок. Заработали и оба ручных пулемета из взвода Токарчука. В селе паника... Поляки мечутся по селу, как угорелые... Их обозы, несмотря на большую грязь, носятся по селу, ища безопасного выхода... А красноармейцы засели за заборы и знай себе одно—берут на мушку ездовых и лошадей.

Стрельба на фронте дерущихся частей начала быстро приближаться. Оказалось, что поляки, узнав о том, что у них в тылу Зяньковцы заняли красные, начали отходить и по южной окраине села отступили на дер. Хуторы, на запад. Все кончилось тем, что к вечеру 405 полк занял село. Благодаря Токарчуку в руки полка попало 2 орудия, 8 станковых пулеметов, около 30 автоматов и до 10 возов патронов и ручных гранат.

Но героями этого удачного боевого дня несомненно являются т.т. Шумиленко и Рюрик, оба бессарабцы, совсем еще молодые хлопцы, невзрачные и щуплые на вид, но уже закаленные в огне партизанской войны, хладнокровные, мужественные, просто и спокойно совершающие подвиг, как обычное повседневное дело. Их много было тогда в наших рядах, и поэтому о смелом поиске двух бывших партизан вскоре все забыли, в том числе и они сами. И лишь впоследствии, когда жестокие бои с белополяками разметали ряды днестровских партизан, часто оставшиеся в полку старые бойцы припоминали выбывших из строя товарищей, скромных, невзрачных, но отважных и сильных духом бойцов революции, сложивших головы в неравных боях с польской регулярной армией.

Я помню смерть Рюрика: панская пуля сразила его 21 июля 1920 г. под д. Онышковцы за Кременцем, угодив ему в его раскрытый рот: повидимому, он кричал „ура", несся в атаку.

Шумиленко держался дольше; этот болезненный с виду паренек, прошел через все бои, какие пришлось иметь нашему полку, составляя неот'емлемую частицу 1-й роты. В самое опасное предприятие всегда посылался Шумиленко, и он шел, не отказываясь, просто и спокойно, как будто бы в поле пахать. В кровопролитных галицийских боях он был ранен, кажется, тяжело. С тех пор его не стало в полку.

Так кончили многие партизаны с Приднестровья. Своим примером они воспитали новые кадры бойцов.

В. БУШЕЧКАН.

Бой под д. Шеинцы.

(11 апреля 1920 г.).

После окончательного разгрома деникинской армии в районе г. Тирасполь 45 дивизия перебрасывается на польский фронт и в начале марта 1920 г. занимает позицию на фронте Летичев-Бар, где сменяет 44 дивизию.

Польская армия к этому времени перешла к активным действиям против Советской республики.

405 полк (ныне 133) в составе 350 штыков, 35 сабель и 36 пулеметов 12 марта занял позицию на линии д. д. Шеинцы-Елтухи-Козаревка.

С этого времени начинаются тяжелые дни для наших бойцов.

В разгар весенней распутицы, по колено в грязи, полубосым, полураздетым и подчас голодным нашим бойцам пришлось вести упорную борьбу с противником, который оказался во много раз сильнее нас, как численностью, так и техникой, к тому же польский солдат был хорошо одет и обут.

Сначала почти всегда нашим малочисленным по своему составу баталионам приходилось сдавать позиции под натиском больших сил противника, который применял тактику ночных налетов. Позже, когда мы познакомились немного с его приемами, бойцы не только сдерживали польское наступление, но неоднократно, переходя в контратаки, заставляли поляков с тяжелыми потерями катиться назад. Упорная борьба длится около шести недель. За это время нам удалось продвинуться вперед всего лишь на расстояние 5—10 клм. Самые тяжелые бои, которых не забудут никогда участники их, бойцы 405 полка, это бои под д. д. Шеинцы, Галузинцы, Зяньковцы, Шляховые Каричинцы, Комаровцы, Рымовые Каричинцы, Комаровская Слобода и гор. Бар.

12 кровопролитных боев. В этих схватках полк сократился почти на половину. Много лучших товарищей отдали свою жизнь в борьбе с врагом, который стремился задушить молодую Советскую республику.

Один из этих боев постараюсь изложить, это бой под д. Шеинцы.

В ночь, с 10 на 11 апреля 405 полк занимал позицию на линии д.д. Галузинцы и Шеинцы. Я в то время командовал 1 баталионом, который занимал д. Шеинцы и имел участок по фронту около 4 клм. Состав баталиона 120 штыков, 8 пулеметов и несколько конных.

В. С. Бушечкан сын крестьянина незаможника, член ВКП(б) с 1919 г., красный партизан Дубоссарского отряда, с 1919 г. командир 1 баталиона 405 полка и участник всех его боев С сентября 1920 г. по апрель 1921 года командир 413 полка, позже помкомполка 404. Сейчас помощник командира 133 полка по хозчасти.

Справа, в селе Галузинцы был наш 3 баталион, по своей численности, если не ошибаюсь, меньше 1-го. Участок такой же величины. Левее нас наших частей не было. Левый фланг упирался в реку Ровец с непроходимым болотом, которая текла с северо-запада на юго-восток. По отношению нашего фронта река приходилась нам с фланга и частично в тыл.

Штаб полка в д. Комаровцы. Противник занимал д. д. Пилиповские Каричинцы, Сатурино и х. Адамовка, передовые части его сидели в окопах, на расстоянии около полутора клм. от нас.

Ночь. На фронте спокойно. Часть бойцов в заставе. Часть отдыхает повзводно в халупах и клунях. С 3-м баталионом вправо и со штабом полка телефонная связь. 24 часа. Тишина... Изредка переговариваются телефонисты, поверяя линии. Я лежу, но что-то не спится, хотя и очень устал. Спустя некоторое время ко мне подходит телефонист и докладывает, что связь прервана, как с 3 баталионом, так и со штабом полка. Сразу мелькнуло в голове, что дело неладно. Посылаю кавалеристов в 3 баталион; они не вернулись. Посылаю вторично трех, от которых получаю сведения, что в Галузинцах противник, при чем у одного из наших конных ранило лошадь.

Положение для баталиона создалось плохое. Нужно было скорее отходить назад, на более выгодную позицию, так как при наличии слева реки, а справа в Галузинцах — противника, остаться на месте грозило бы гибелью. Перед фронтом баталиона противник себя не проявлял. Было ясно, что он выжидает захода нам в тыл группы, занявшей Галузинцы, чтобы совместно с нею зажать нас в тиски.

Полный разрыв с 3 баталионом и со штабом полка. Где они, неизвестно. У меня было предположение, что 3 баталион из Галузинцев отошел под натиском противника недалеко в южном направлении, и таким образом, думалось, что, отойдя от Шеинцев, нам удастся с ним соединиться. Нужно только поспешить, пока не нажимает противник на нас с фронта и воспользоваться ночной темнотой.

...Дорога, по которой отступал баталион, на расстоянии 3 верст за д. Шеинцы пересекалась болотистой лощиной (ответвлявшейся от р. Ровец), с единственным мостиком через нее. Противник, зная, что это единственный путь нашего отступления, засел здесь большими силами в ожидании баталиона. На расстоянии около 2 верст за дер. Шеинцы 1 рота была встречена его пулеметным и ружейным огнем...

Баталион очутился в кольце; с одной стороны (с запада) непроходимая болотистая река, с остальных трех сторон—поляки. 1 рота ввязалась в огневой бой с противником. Медлить было нельзя. Быстро разворачиваю остальные части баталиона и ставлю задачу атаковать противника и пробиться на юг по направлению к селу Новые Гармаки. Роты быстро двигаются вперед, но с приближением к противнику — движение из за сильного огня замедляется: место—совершенно открытое.

Под прикрытием пулеметов нам удается подойти совсем близко к полякам, конечно, с жертвами. Сильнейший пулеметный и ружейный огонь с обеих сторон... Наши цепи залегли и казалось, что не подымутся. Противник силен и упорен.

Светало. Сзади показались густые массы поляков, которые уже подходили к Шеинцам. Положение казалось безвыходным... Много раненых и убитых...

Я припоминаю ужасные картины. Недалеко от меня две тачанки с пулеметами. Раненые наводчики т.т. Мурзуненко и Кривобоченко продолжают вести огонь. Истекая кровью и не имея больше сил стрелять, т. Кривобоченко, не желая остаться в плену, вынимает наган, подставляет дуло к виску и с возгласом „умираю, да здравствует Советская власть!" спускает курок и тут же падает на пулемет, как будто обняв его. То же делает т. Мурзуненко. Так кончилась жизнь двух героев, лучших и неустрашимых пулеметчиков, которые не раз мощно содействовали баталиону своим метким огнем. Они погибли на славном, боевом посту.

Д. А. Пынтя—бессарабец, красный партизан, командир 1 роты 405 полка, ранен в ногу в бою под д. Шеинцы 11 апреля 1920 года. За геройзм, проявленный в этом бою, награжден орденом Красного Знамени. Сейчас работает в совхозе имени Котовского близ ст. Раздельной. (Одесского окр.).

...Назрел момент броситься в атаку. Инициативу проявила 1 рота предводимая т. Пынтя. В этом же бою его ранило в ногу.

Примеру 1 роты последовали остальные части баталиона. Противник в свою очередь бросился в контр-атаку. Начался рукопашный бой... Стрельба из винтовок и наганов в упор друг-другу... Крики,

стоны заменили треск пулеметов и ружей... Помню высокого поляка, который бросился на меня с винтовкой в руках. У меня в нагане осталась лишь одна пуля... Мой выстрел не свалил его, но почти в тот же момент один из наших бойцов штыковым ударом в спину опрокинул поляка...

В результате этой схватки мы пробились через густые массы противника и стали на противоположной стороне лощины. Получилось нечто наподобие сквозной атаки, — так, как мы иногда делали на учении в мирное время, но только с той разницей, что в данном случае на месте столкновения с обеих сторон остались человеческие трупы... Мы залегли и открыли стрельбу по оставшимся отдельным группам противника, но огонь был слаб, патронов у бойцов осталось мало. Противник, видимо обессиленный, тоже слабо отвечал нам.

Со стороны деревни Шеинцы уже подходили свежие силы поляков. Мы отошли на Новые Гармаки; здесь нашли наш 3 баталион, который был выброшен противником из села Галузинцы. Нас считали было уже погибшими.

Выбившись из сил, утомленные до высшей степени, бойцы бросились на землю отдыхать. Тяжело было на душе каждого из нас. Жаль было убитых товарищей, жаль было и наших пулеметов, которые остались на тачанках с убитыми наводчиками и лошадьми. В этот день ненависть бойцов к польскому пану достигла огромной силы.

Противник, несмотря на то, что получил свежие силы, дальше не пошел. Слишком велики были и его жертвы.

С большими потерями баталион все же вышел из кольца, несмотря на большое неравенство сил. *Ни один из бойцов живым не достался противнику.* Раненые считали лучшим выходом застрелиться, чем сдаться на издевательство польскому пану.

После часового отдыха мы пошли в д. Комаровцы, где полк свернулся в один баталион под моей командой, а к вечеру опять занимаем Галузинцы и Шеинцы без боя.

На следующий день мы узнали от крестьян, что поляки после боя выгнали четырнадцать обывательских подвод для вывоза своих убитых.

Павшие наши бойцы были похоронены крестьянами д. Шеинцы.

...Только благодаря высокому духу бойцов, получивших закалку в боях славного похода Южной группы и деникинской кампании, нашей дивизии удалось сдерживать и на протяжении 6-ти недель отбивать на Подольщине беспрерывные атаки противника, отлично вооруженного и снабженного и во много раз превосходившего нас, как численностью, так и тактической подготовкой. И лишь 27 апреля, из за предательства соседних галицийских частей на правом фланге и в тылу нашей дивизии, мы вынуждены были начать свой отход в южном направлении.

Н. САВЧЕНКО.

Квятковский, комполка 402.

Участники кровавых событий гражданской войны, перенесшие на своих плечах всевозможные лишения, завоевали себе право на свободный и мирный труд. Ушли по домам. Но не все ушли... Многие остались на полях сражений.

Я вспоминаю часто и всегда буду помнить славного командира 402 полка Антона Ивановича Квятковского, который в самом расцвете сил погиб в неравном бою с польской белогвардейщиной.

Тов. Квятковский происходил из крестьян Подольской губ., Балтского уезда. Детство свое он провел в Германии на службе в одной помещичьей семье, в качестве мальчика для посылок.

Перед началом мировой войны, тов. Квятковский вернулся в Россию, был призван в армию и отправлен на фронт. Участвовал во многих боях против австро-венгерцев. Произведен в первый офицерский чин.

С первых же дней Октябрьских событий, т. Квятковский принимает деятельное участие в гражданской войне, все время занимая ответственные должности, как то: политкома Богунского полка, коменданта гор. Ровно и др.

В наш 402 полк тов. Квятковский прибыл на должность командира роты, в момент отхода Южной группы. Он последовательно прошел в полку все должности до командира полка включительно, выдвигаясь своей энергией, распорядительностью и преданностью делу революции.

Вражеская пуля вырвала его из наших рядов 23 марта 1920 г. в бою под Майданом Закревским.

Смелый и мужественный, т. Квятковский был всегда впереди.

Долго его будут помнить наши ветераны.

Д. ЧЕКМАК.

В плену у польской шляхты.

1. Встреча с врагом.

Это было в марте 1920 года на польском фронте. Я командовал сводной-кавалерией 133 бригады.

Утром получаю приказ из бригады распустить кавалерию, состоявшую из конразведок 397, 398 и 399 полков по полкам, а мне, как помкомполка 397, двинуться со своей разведкой в полк, который по приказу должен был перейти накануне в д.д. Казачки и Войтовцы.

Сейчас же отдаю приказание о немедленном выходе всех разведок в полки, а сам с конразведкой 397 полка еду из под Голенищева в с. Казачки. Со мною человек 28 кавалеристов и три пулемета на тачанках. Мы спокойно едем по дороге на Казачки. Два кавалериста, в том числе „пацан" Степа, (бывш. махновец) выехали вперед в штаб полка.

Д. Т. Чекмак—бессарабец, член ВКП (б) с 1918 г., участник Хотинского восстания (январь 1919 г.) против румынских бояр, один из организаторов 1-го Бессарабского партизанского полка, впоследствии 398 полка 45 дивизии, боевой помощник командира полка 133 бригады. Биография т. Чекмака полна ярких, оригинальных эпизодов борьбы революционера. Сейчас т. Чекмак член Окрсуда Белоцерковщины

Они вскоре скрылись от нас в густой пыли, поднятой лошадьми.

Вдруг впереди раздались выстрелы. Мы ударили по коням и рысью поехали по дороге. Навстречу нам летит, сломя голову, „пацан" Степа и на ходу кричит: „в Казачках—паны".

Это меня удивило. Я не поверил ему, зная, что по приказу еще вчера наш полк должен был быть в Казачках.

Однако то, что товарища Степы сняли с седла выстрелом,—говорило за правильность слов разведчика. Не долго думая, решаю поехать сам проверить, в чем дело, и галопом мчусь к селу. Не успел я выехать в лощину из леса, которым до того шла дорога, как засвистели пули, и мне, прямо через поле стало ясно видно, как на опушке противоположного леса строятся повзводно польские солдаты.

Степа был прав, но причина появления панов в с. Казачках для меня являлась загадочной. Повидимому, фронт нашей бригады был прорван. Оставаться на виду у польских стрелков дольше было опасно: пули свистели около самых ушей. Я круто повернул коня и возвратился к своим.

Обстановка представлялась мне так: в районе Казачек противник, повидимому, прорвал фронт и заходит в тыл бригаде; канонада, доносившаяся до нас слева, со стороны ст. Деражни, давала основание думать, что там орудует бронепоезд „Гроза" (отобранный у деникинцев, у которых он назывался „Генерал Марков"). Справа от нас должен находиться 398 полк (около Летичева), а 135 бригада, повидимому, наступала с левой стороны вдоль железной дороги на ст. Деражня.

Я коротко об'яснил братве, что нашей задачей является задержать продвижение противника из д. Казачки, дабы не дать ему зайти в тыл полкам нашей бригады. После этого я выслал в штабриг конного разведчика с донесением о положении дел под д. Казачки, а остальным велел спуститься в лощину на край леса, расставить „максимки" и ждать наступления.

Перед нами было поле, изрезанное лощинами, сзади нас лес, позади поляков—тоже. В середине поля, заключенного с обеих сторон лесом,—две лощины. Та, в которой засели мы, позволяла нам взять под обстрел вторую лощину, через которую внизу протекала маленькая речка. Туда уже спускались цепи поляков.

Наступление началось. Я вместе со взводными (несмотря на малочисленность, в разведке были взводные командиры) занялся подсчетом противника. Мы насчитали их до 700 чел. Они шли в четыре цепи, в 100 шагов одна за другой.

Вот передняя цепь спустилась к речушке, перешла ее вброд и стала подниматься к нашему расположению...

Вторая цепь шла за ней и скоро достигла подошвы дальнего спуска лощины у речки, через которую тоже стала переходить.

Поляки подошли к нам теперь близко, их цепи были видны, как на ладони. Чувствуя, что пулеметчикам становится невтерпеж, я приказал:

„Пулеметы, огонь!"

Три „максимки" застрочили.

В то же время мы начали залпами бить по наступающим. Зеленая лента цепи, до сих пор, как живой червяк, извивавшаяся и боком двигавшаяся на нас, вдруг затрепетала, заметалась. Пулеметы косили поляков во-всю. Ряды первой цепи редели. Среди солдат началась паника.

Еще очередь из наших пулеметов, и первая цепь побежала. Вторая цепь заколебалась. Огонь теперь поражал и ее. Наконец, она не выдержала и начала отступать.

Видно было, как офицеры били солдат, стараясь восстановить порядок, но было уже поздно. Поток наших пуль сметал поляков подряд, и солдаты, несмотря на офицерское „поощрение", бросились бежать.

Мы перенесли огонь на третью цепь и, хотя до нее огонь доставал слабо, все же и она понесла урон.

Первая атака была отбита. Противник старался выйти из сферы нашего огня, отходя к опушке леса.

Поляки теперь должны были сделаться осторожнее, а это означало, что их первоначальный поход на нас лобовой атакой должен был смениться, по выяснении нашей численности, обходным маневром. Такое заключение толкнуло меня проделать демонстрацию своих сил, обманув противника в численности моего отряда.

Быстро оглядел я местность, и одно открытое для глаз противника место лощины привлекло мое внимание.

Я сейчас же приказал части кавалеристов сесть на лошадей и начал пропускать их по несколько раз в одном направлении, так, чтобы видели поляки. Маневр оказался удачным: как я после узнал, моя ложная демонстрация подняла нашу численность в глазах поляков с 25 чел. до 500 сабель—преувеличение в 20 раз.

Пока мы занимались своеобразной маскировкой нашего численного состава, противник тоже не зевал.

С флангов поступают донесения, что две группы поляков обходят нас справа и слева в расстоянии около полуверсты.

Приказываю сняться и отступаю на дорогу Летичев-Бар, где вновь устанавливаю позицию, при чем пулеметы помещаю уступом впереди, по одному против обходных групп.

Скоро появляются обходные группы, которые мы обстреливаем из пулеметов и отбиваем.

Проходит два часа. С флангов доносят, что появились новые обходные группы. Я перехожу на новые позиции и остаюсь здесь до ночи. Ночью мы снимаемся и отходим по дороге на Комаровцы-Волковинцы; останавливаемся в Майдане (5 верст от Волковинец). Жду приказания от комполка или комбрига, что делать дальше. Еще два человека, столь дорогие для меня в то время, посланные в полк и бригаду, не возвращаются. Настроение приподнятое. Опасность слишком ясна и ощутима.

Наступило туманное утро. Справа с постов донесли, что в лесу какой то разговор, похожий на польский.

В то же время с противоположной стороны донесли, что прибыл 398 полк на поддержку. Однако, второе донесение казалось особенно сомнительным.

Я вскочил на коня и с ординарцем, который отстал шагов на 50, поехал по дороге, проходившей лесом.

Вдруг меня окликнули по русски:

— Кто едет?

Я ответил и в свою очередь спросил:

— Кто там?

В ответ послышалось:

— Идите сюда, здесь 398-й полк пришел на поддержку.

Яркий акцент в произношении слова „восьмой" сразу открыл мне, что со мной говорят поляки.

Я круто повернул лошадь. Но было уже поздно.

Сразу на меня насело до десятка поляков, которые хотели стянуть меня с лошади, но этого им не удалось сделать. Мои ноги судорожно сжимали туловище лошади. Но конь не выдержал тяжести навалившихся на меня людей и упал на четыре ноги. Один схватил меня за карабин, висевший на спине, и хотел его сорвать, но ремень оказался крепким, выдержал и не оборвался.

Выхода не было. У меня мелькнула страшная мысль о польском плене, и выхватив браунинг, я хотел сразу же застрелиться. Но браунинг оказался на предохранителе.

В этот момент крепкий удар по голове лишил меня сознания.

2. В плену.

Когда я очнулся, то увидел, что меня ведут к ст. Комаровцы. Папка с приказами, находившаяся в полевой сумке, оказалась сорванной, но портмонэ, в котором я случайно держал последний оперативный приказ с дислокацией, оказался у меня.

Конная разведка 397 полка на польском фронте.

Это меня обрадовало, но с другой стороны я теперь думал, как бы уничтожить приказ до момента более тщательного обыска в польском штабе.

По дороге я сумел кое-как перетащить приказ из кармана в рот и сжевать его.

Наконец, мы на ст. Волковинцы. Путь был уже взорван. Меня один из офицеров спросил по польски:

— Какие части впереди?

Я ответил по русски, что не понимаю вопроса.

В этот момент появился со стороны Деражня наш бронепоезд „Гроза", у него вышли все снаряды, и он отступал для того, чтобы взять огнеприпасы.

Меня спросили:

— Чья это „панцерка?"

Я, зная, что это бронепоезд „Гроза" под командой тов. Квасного, ответил:

— Ваша.

Бронепоезд подошел к станции, и тов. Квасный уже соскочил с площадки, спрашивая у польских солдат:

— Это галичане?

Те отвечали:

— Да.

Но подойдя ближе, он заметил на их фуражках польские гербы. Как тигр, бросился он обратно и скомандовал: „Пулеметы, огонь!"

Все 8 пулеметов бронепоезда открыли убийственный огонь, которым оказались скошенными капитан, командовавший 1-м баталионом 19-го польского полка, и много польских солдат.

Среди поляков началась паника.

Броневик думал уйти, но рельсы были сорваны, и он зарылся в землю. Команда броневика начала разбегаться, но открытая местность была на руку польским пулеметчикам, и они косили бегущих.

Тов. Квасный, командир „Грозы", попал в плен.

На меня в это время набросился полковник Домбровский и ударил несколько раз по лицу. Со свойственной польским офицерам злобой и вспыльчивостью он кричал:

— Что ты наврал, пся крев!... Это — ваша панцерка!...

Квасный был подведен ко мне, как второй пленный.

Начался допрос.

— Вы—бывший офицер русской армии?—спросили его.

— Да.

— Почему же вы служите большевикам?

— Я пришел в Красную армию добровольно, ненавижу вас, белополяков, и всегда готов уничтожать вас, — мужественно ответил тов. Квасный.

На него набросились польские офицеры и фельдфебеля и стали бешено избивать. В это время привели нового пленника. Это был помощник Квасного, — бывш. деникинский офицер.

Не ожидая вопроса, он представился польскому полковнику:

— Подпоручик такой то (фамилии не помню).

— Как вы попали в Красную армию? — задали ему вопрос.

— Меня, видите ли, взял в плен Котовский и под угрозой расстрела заставил служить на бронепоезде... Но я всегда считал большевиков предателями русского народа...

Он продолжал говорить в том же духе.

Избитый, едва стоящий на ногах тов. Квасный вмешался:

— Стыдно вам, господин хороший, клеветать на большевиков. Шкурник...

На него сейчас же снова набросились, свалили с ног и избили до потери сознания. Затем Квасного унесли и с тех пор я его не видел. Впоследствии говорили, что он вскоре после истязания умер.

Потом взялись за меня.

После обычных вопросов спрашивают:

Где Котовский?

Он скоро будет здесь с 12000 сабель, — громко ответил я, чтобы слышали солдаты.

Этот ответ произвел на всех ошеломляющее впечатление, какого я даже не ожидал. Из уст в уста разносилось:

„Дванаста тысьонц кавалерии!.. генерал Котовский!"

Но полковник Домбровский подскочил ко мне и стал яростно бить меня кулаком по лицу, крича при этом:

— Врешь, курвы сын, большевик. У Котовского нет и 500 сабель, а не 12000.

Тем не менее, волнение среди солдат было настолько сильно, что на улице поднялась беспорядочная беготня. Офицеры, яростно ругаясь и нисколько не стесняясь пленных красноармейцев, пустили в ход стэки и рукоятки револьверов и этим вскоре восстановили „дисциплину".

Через час поляки отступили в м. Деражня, увозя с собою меня и еще нескольких пленных.

3. „Спектакль" в Летичеве.

В Деражне мне об'явили, что я, как большевик, нахожусь вне закона, и правила о военнопленных на меня не распространяются... Здесь стоял 19-й польский полк. Я имел возможность показываться у окна хаты, где меня держали в заключении и, завидев отдельные кучки солдат, обращался к ним по русски с такими словами:

„Товарищи, вас обманули офицеры и ксендзы... Вы думаете, что воюете за Польшу. Вы деретесь за капиталы ваших помещиков и фабрикантов... Красная армия также за Польшу. Нужно только, чтобы власть взяли польские рабочие и крестьяне... Не верьте сказкам про большевиков. Мы ваши друзья и братья, единая трудовая семья" и т. п., в этом же роде.

Польские солдаты, повидимому, таких слов еще ни разу не слыхали. Они собирались около хаты и внимательно меня слушали. Караульные не только не препятствовали этому, но сами охотно присоединялись к этой аудитории. Караульный начальник выставлял пост, который сигнализировал приближение офицера. Польские солдаты, видимо, сильно полюбили меня: проходя мимо моих окон, бросали в комнату хлеб, сало, колбасу и пр.

Польское командование, узнав о моей агитации среди солдат и их сочувствии ко мне, распорядилось спешно отправить меня в тыл, где меня должен был судить военно-полевой суд. Конвой был назначен из числа „надежных" унтер-офицеров под командой поручика. По дороге в Летичев конвой отобрал у меня плащ, кожаную куртку, сапоги и часы и поделил между собой.

В Летичеве меня вывели на площадь, надели женскую рубаху и какой то грязный колпак, поставили на возвышение и начали издеваться: проходя мимо меня, иронически отдавали честь; другие в это время кричали:

— Вот полковник большевистский, вот банда...

Собралась большая толпа народа и много польских солдат.

Тогда я закричал:

— Товарищи, мне не стыдно... стыдно тем, кто меня ограбил... Все, что на этих офицерах и солдатах, — все мое..., — и я указал на плащ, кожаную куртку и сапоги, в которых щеголял мой конвой.

Спектакль немедленно прекратился, конвой стащил меня с возвышения и, осыпая градом проклятий и ругательств, повел меня в тюрьму. Здесь меня буквально бросили в темный, сырой подвал — тюремный карцер, а через несколько времени закинули туда же все мои вещи.

В подвале меня продержали два дня, не давая никакой пищи.

На третий день голодного, истощенного, меня вывели из подвала, посадили на подводу и повезли. К моему удивлению встречавшиеся польские солдаты останавливались, беря мне под козырек, а некоторые махали мне руками.

4. Суд.

В Меджибоже функционировал военно-полевой суд. Спустя два дня туда привели меня и двух пленных красноармейцев-поляков. Мне пред'явили обвинение в том, что я коммунист, красноармейцев же судили за „измену родине".

Суд располагал моими документами, которые с полной очевидностью выдавали мою принадлежность к компартии, поэтому я не счел нужным запираться и опровергать...

Я знал, однако, что коммунистам, как своим, так и захваченным в плен, польский военно-полевой суд выносил исключительно смертный приговор, и вот, не желая погибать, я заявил.

— Я не скрываю, что я — большевик, но пусть суд имеет в виду, что я — бессарабец и румынский подданный. Требую отправки меня в Румынию.

Суд приостановил вынесение приговора и после совещания постановил запросить высшие органы (как мне было об'явлено, „маршала" т. е. Пилсудского), могу ли я быть казнен.

Что же касается несчастных двух красноармейцев-поляков, — то здесь расправа была коротка. Суд, не взирая на все их доводы, что они попали в Красную армию по мобилизации, несмотря на все убеждения и мольбы, признал их виновными в „измене родине и церкви" и приговорил к расстрелу.

На следующий день с наступлением темноты их вывели за город и расстреляли.

Я сидел в Меджибожской тюрьме, ожидая решения „маршала".

Через несколько дней был получен ответ, запрещавший расправу со мной, и я, избегнув смерти, был отправлен в Проскуров для дальнейшего следования во Львов.

5. Деникинцы.

В Проскурове я должен был отбыть карантин. Меня привели в здание Проскуровской гимназии, в одном из классов которой помещался карантин.

Войдя в помещение, я застал там человек 20, лежавших на полу на разостланной соломе и шинелях. Одежда этих людей представляла собою разнообразную военную форму: на некоторых были погоны, другие, наоборот, были одеты наполовину в штатское.

Вся эта компания показалась мне очень подозрительной. Приглядевшись к ним и послушав некоторое время их разговоры, я узнал в них белогвардейских офицеров. Это были офицеры разбитой и отброшенной за Днестр армии ген. Бредова, которые сейчас отбывали карантин перед отправкой в концентрационный лагерь, расположенный в глубине Польши. В стороне отдельно держалась немногочисленная группа петлюровских „старшин".

Я сел в дальний угол, почувствовав себя в этом обществе крайне тягостно. На меня никто не обратил внимания.

Через некоторое время в группе поднялся оживленный спор о причинах неудач деникинской армии. Я прислушивался. Спорщики яростно нападали друг на друга, но кончили тем, что сообща стали последними словами ругать большевиков.

Это меня взорвало. Не в силах владеть собой, я закричал из своего угла:

— Не большевики — сволочь, а тот, кто их ругает, — сволочь.

В следующий момент все головы поднялись, и все глаза устремились на меня.

Наступила пауза. Потом целый град ругательств обрушился на меня.

— А, так ты большевик... гад... жид... большевистская морда... сволота... и проч., проч.

Яростный мат повис в воздухе. Лица рассвирепели, глаза налились кровью. Несколько человек подбежало ко мне и, размахивая кулаками перед моим лицом, захлебываясь от ярости, угрожало мне расправой.

При виде такого оборота ко мне вернулась рассудительность. Я пошел на попятный.

— Чего вы беснуетесь? — закричал я, — Я не большевик, а только считаю, что большевики молодцы, если сумели разбить Деникина...

Сам тем временем перешел в другой угол и огородил себя скамейкой.

Буря не унималась, и площадная ругань по моему адресу лилась широким потоком. Из своего убежища я еще несколько раз пытался урезонить публику, но безуспешно. Какой-то высокий поручик схватил табурет и, широко размахнувшись, пустил в меня. Табурет угодил в стену рядом со мной и поломался.

Это послужило сигналом к общему нападению..

Повскакавши с пола, белогвардейцы надвинулись на меня. Держа в руках отскочившую от табурета ножку, я готовился их встретить, решившись защищаться до последней возможности... но в это время появился неожиданный защитник.

С пола поднялся огромного роста здоровенный детина в грубом крестьянском „чугае" (шерстяной тулуп) и шапке.

— Стійть, — заорал он и поднял руку вверх и, когда нападавшие приостановились, продолжал степенно и внушительно:

— Громадяни, що ви робите? Я цього не розумію. Ця людина мае свої погляди — ви маєте свої. На що-ж тут треба битись?..

Он продолжал увещевать раз'яренную белогвардейскую шпану, все время говоря на украинском языке. Повидимому, он имел какой-то вес. Деникинцы, продолжая мерзко ругаться, вернулись на свои места, но наиболее неутомимые вступили с ним в спор. Один из них крикнул:

— Замолчи, петлюровская морда!

Тогда детина в „чугае" в свою очередь вышел из себя и закричал:

— Я вам даю слово чести, що першого, хто нападе на цю людину, я задавлю своїми власними руками.

Долго еще продолжалась перебранка, но кризис уже миновал. Ругань постепенно замолкала, и, матюкнувшись в последний раз, поручики и прапорщики стали устраиваться на своих шинелях на сон грядущий.

Детина в „чугае" подсел ко мне, и мы разговорились. Он рассказал мне, что он бывший кадровый поручик русской армии, по фамилии Радзивилл, уроженец Подольской губ., сын крестьянина. После демобилизации из царской армии он во время гражданской войны проживал в своей деревне, не примыкая ни к одной из враждовавших сторон. При петлюровцах и большевиках обошлось благополучно, но поляки, заняв его деревню, арестовали его, подозревая, что он—не просто Радзивилл, а *князь* Радзивилл, обвиняемый в каком то политическом преступлении. Это, конечно, была чепуха, но его все же держали под арестом вместе с деникинскими и петлюровскими офицерами. По национальности он себя причислял к украинцам.

Я в свою очередь рассказал ему свою историю и в дальнейшем разговоре старался убедить его в правоте и справедливости большевистских идей. Он сдержанно соглашался со мной.

За $2^1/_2$ дня моего пребывания в карантине я очень сблизился с Радзивиллом. Мы проводили целые дни в разговорах, не отходя друг от друга ни на шаг. Деникинцы неоднократно еще возобновляли свою ругань, и я, не выдерживая, отвечал им такою же руганью. В комнате снова поднималась буря, но через некоторое время стихала. Эти столкновения вскоре вошли в привычку.

На третий день меня отправили во Львов.

6. Львов.

Во Львове меня поместили в концентрационном лагере.

Вскоре меня вызвали в военно-полевой суд. На этот раз меня обвиняли в агитации среди польских солдат и в сообщении ложных сведений о Котовском. Я на все вопросы отвечал, что я большевик и поступал так, как требовала моя совесть. Суд долго совещался, потом меня увели, и я до сих пор не знаю, к чему меня приговорили.

Во Львове, в концентрационном лагере было много бывших деникинских солдат, казаков и др. Я ежедневно беседовал с ними, раз'яснял им цели и задачи Советской власти и коммунистической партии, разоблачал белое офицерство и проч., собирая большие толпы солдат. Меня слушали, не прерывая, возражающих не было.

О моей деятельности узнал комендант лагеря,— польский полковник. Он приказал привести меня к себе в кабинет. В кабинете кроме полковника находился высокий, красивый русский офицер— ад'ютант генерала Бредова. Разговор начал этот офицер:

— Ты, большевистская сволочь, гад, жидовский прихвостень, какими делами занимаешься в лагере? Знаешь ли ты..., но я его прервал:

— Замолчи, подлец, золотопогонник!..

Больше я ничего не мог произнести, задыхаясь от охватившей меня ненависти.

— Ах вот как, так вот же тебе...,— и он наставил на меня револьвер. В это время комендант схватил его за руку.

Комендант с большим достоинством заявил по польски:

— Господин капитан, извольте соблюдать приличие в моем кабинете (или что-то в этом роде), а когда взволнованный капитан хотел было засунуть револьвер снова в кобур, комендант, еще более входя в свою роль благородного польского шляхтича, с большой торжественностью произнес:

— Коль скоро Вы выхватили оружие в моем кабинете, потрудитесь оставить его здесь...

Конца этой сцены я не знаю, так как меня сейчас же увели. В тот же день меня переместили в школу, где отбывали карантин бредовские офицеры. Польский конвой привел меня в обширное помещение, в котором находилось человек 40 белогвардейцев, и сейчас же оставил меня.

Положение, в котором я очутился, как две капли воды, походило на Проскуровское, с той только разницей, что белогвардейцы, оказалось, были предупреждены о моем приходе и что на этот раз со мною не было Радзивилла, который поддержал бы меня.

Мое прибытие было встречено зловещим молчанием, только глаза всех ощупывали меня с ног до головы. Здесь были собраны офицеры более высоких чинов, чем в Проскурове. Молодые и старые, одетые в сравнительно хорошо сохранившееся английское обмундирование, при погонах, а некоторые в кавказскую форму. Все, однако, размещались вповалку на полу, расстелив шинели и бурки. Некоторые, сидя на полу, играли в карты.

Спускались сумерки. Я разыскал свободное место и лег на полу, на шинели, рядом с каким-то капитаном, который не обратил на меня никакого внимания. Я чувствовал, что меня не спроста привели сюда и решил не спать всю ночь.

Прошло минут 20. Ко мне подошли два офицера, пристально осмотрели меня. Первый заговорил:

— Вот сволочи, большевика к нам впустили. Ишь разлегся... мать... мать... мать...

И, словно эхо, с разных углов комнаты донеслось:

— Мать... мать... мать...

Я не отвечал.

Второй офицер обратился ко мне:

— Отвечай, ты — большевик? Отвечай сейчас же...

Стараясь владеть собой, я спокойно ответил им в тон:

— Идите вы к......., Чего пристали?

Повторилась проскуровская сцена. Несколько человек быстро поднялось с пола и, отчаянно ругаясь, требовало расправы со мной.

— Удавить его, гада... размозжить ему голову..., выкинуть в окно...

Чего только не выпаливала расходившаяся офицерня!

Я не оставался в долгу и, взбешенный, не владея собой, отвечал им на их же лексиконе. Вско-

чивши, я прислонился спиной к стене и держал наготове случайно оказавшийся рядом кусок деревянной рейки.

Беснование офицерни достигло предела. Такой гнусной ругани, какую сейчас изрыгали „господа офицеры", я еще ни разу в жизни не слышал.

В разгар руготни поднялся представительный полковник:

— Господа офицеры,—заявил он,—вы имеете перед собой,—он показал на меня,—просто дурака. Плюньте на него, и завтра попросим польского коменданта, чтобы его убрали отсюда. Вспомните, что пускаясь с ним в перебранку, вы роняете честь офицерского мундира. Постарайтесь сохранить офицерское достоинство.

Ругань после этого стала утихать: „честь" офицерского мундира таким образом „восстанавливалась".

В комнате стало темно. Огня не зажигали. Лишь группа, игравшая в „железку", жгла свечи. Большинство офицерни стало засыпать. Я тоже лег и даже стал дремать.

Не помню, сколько прошло времени. Что-то как будто толкнуло меня. Быстро оглядевшись, я при свете луны увидел перед собой несколько человеческих силуэтов. Силуэты шарили в темноте руками, повидимому, ища меня, но натолкнулись на капитана, лежавшего рядом со мной.

Капитан, до сих пор безучастно лежавший и не произнесший ни одного слова во время перепалки, сейчас быстро поднялся. Это был высокий, осанистый человек.

— Это что такое?..—раздался его громкий басистый голос. Это что за мерзость? Вон отсюда, мерзавцы. Ишь, выдумали, большевика душить. На фронте, небось, драпали от него, а сейчас душить! Еще офицеры называются. Не офицеры, а босяки...

Этот грубый окрик подействовал лучше всяких увещеваний. Белогвардейцы, не отвечая ни слова, быстро отступили и разошлись по своим местам. Капитан продолжал еще долго ругаться, стоя во весь рост посредине комнаты и не стесняясь в выражениях. Потом он резко оборвал, вернулся на свое место и лег. С этого времени он вновь погрузился в молчание и до самого моего ухода я не слышал от него ни одного слова. Он даже ни разу не посмотрел на меня.

После этого эпизода ночь прошла спокойно. Я, как ни боролся со сном, все же вздремнул.

В 10 часов утра большинство еще спало. Я предвидел снова бурный день, но вскоре польский караул вывел меня из школы и водворил снова в концентрационный лагерь.

7. В поисках выхода.

Прошло недели две. Моя мысль кружилась вокруг плана побега. Но из Львова бежать было невозможно, и я стал настойчиво требовать отправки меня в Бессарабию, как румынского подданного. Оттуда я предполагал скорее бежать.

Наконец, мне об'явили, что меня отправляют в Варшаву для личной беседы с румынским консулом. И в самом деле, меня привезли в Варшаву.

На следующий день я отправился в румынское консульство, которое помещалось на Вьейской 10. Конвой не был пропущен в консульство и остался ожидать меня у под'езда здания. Я прошел к консулу совершенно один и без всяких документов. Пользуясь этим, я в разговоре с консулом назвал себя другой фамилией и указал другую местность в Бессарабии, откуда я якобы был родом. О том, что я большевик, конечно, скрыл.

Консул проверил знание мною румынского и молдаванского языка и отпустил меня, обещав послать запрос своему правительству.

Однако, на следующий день меня, не об'являя причин, отправили из Варшавы в лагерь военнопленных красноармейцев в Водавицах. Повидимому, консул, ознакомившись с моей путевкой, отказался принять во мне участие. Отправка в Бессарабию, таким образом, провалилась.

Водавицы представляли собою обширную территорию, застроенную бараками и обнесенную колючей проволокой. Часовые стояли на вышках через каждые 200 шагов. Здесь помещалось несколько тысяч пленных кр-цев. Среди них я встретил несколько своих знакомых, кр-цев 45-й дивизии, в том числе тов. Зубрия, брата пом. военкома 397 полка. С этим товарищем мы и решили бежать.

Однажды ночью, облюбовав сравнительно глухой участок, мы подкопали проволоку и благополучно пробрались через нее, но, пройдя шагов 150, наткнулись на второй ряд проволоки, нужно было одолеть и его...

С большим трудом, ежеминутно прислушиваясь, мы устроили лазейку во второй проволоке, но в то время, как уже пролезали в нее, нас заметил пост. Сейчас же поднялся шум, свист, крик, стрельба. Сделав отчаянное усилие, я проскочил через проволоку, разорвав в клочья свою одежду, и под градом пуль побежал вперед.

Зубрий бежал рядом со мной. Внезапно он грохнулся на землю, пуля попала ему в голову. Задержавшись возле него с полминуты, я бросился бежать дальше, т. к. погоня настигала. Пользуясь темнотой и своим искусством быстро бежать, я ушел от преследования и, пробираясь лесами, двинулся на восток.

Я шел на удачу, избегая деревень, ориентируясь только по звездам. На третий день, когда я спал на опушке леса, на меня натолкнулись местные крестьяне-поляки, привели жандарма и задержали.

На все вопросы я отвечал — что я русский фельдфебель, возвращаюсь из австрийского плена, пробираюсь в Бессарабию, документов не получил (я, действительно, с 1916 по 1918 г. был в австрийском плену).

Меня привезли в Краков, в польскую комендатуру. Здесь я повторил свои об'яснения и назвался вымышленным именем. Тогда польский комендант, опросив меня подробно, в каких именно австрийских лагерях я содержался, приказал вызвать одного мадьяра, одного немца и одного серба, которые должны были проверить меня в знании своих языков. „Экспертиза" закончилась для меня отлично: за время моего плена я научился немного об'ясняться на этих языках и сейчас отвечал на все вопросы моих экзаменаторов. Этим я заслужил доверие польского коменданта, мне составили соответствующие документы, впи-

савши туда вымышленную мною фамилию, и обещали отправить в Румынию.

8. В лапах петлюровцев.

На следующий день комендант вызвал меня к себе и предложил записаться в петлюровскую армию.

— Таким образом, Вы скорее попадете в Вашу Бессарабию,—добавил он.

Такой исход меня устраивал больше, чем отправка в Румынию, где меня могла расшифровать контр-разведка.

Я ответил согласием.

Через два дня меня привезли в город близ Львова, где формировалась петлюровская армия (название этого города я забыл). Здесь была петлюровская комендатура и контр-разведка, помещавшаяся рядом с польской.

На обширном казарменном дворе группами бродили петлюровские армейцы. Среди них замелькали знакомые мне лица. Не успел я еще хорошенько отдать себе отчет, как меня узнали. Здесь оказалась вся та белогвардейская офицерня, с которой я повстречался в Проскурове и, частично, во Львове. Сейчас эта публика громким ревом встретила мое прибытие. Сразу несколько человек налетело на меня и, не взирая на конвойного, схватило за воротник и потащило.

На шум прибежали поляки. Меня едва освободили и повели к польскому офицеру. Белогвардейцы, свирепо ругаясь, пошли за мной.

Офицер, осмотрев мои документы нашел их в порядке. Но рассвирепевшая офицерня заорала:

— Да ведь это же большевистский комиссар. Мы с ним сидели в Проскурове в карантине. Он вместе с Радзивиллом угрожал нам. Это шпион. Его расстрелять надо...

Стараясь владеть собой, я заявил, что в первый раз вижу всю эту публику, ничего не понимаю в том, что творится, и что вообще я никогда в Красной армии не служил, а находился все время в Австрии, в плену. На этом я стоял твердо, понимая, что в этом мое единственное спасение.

Польский офицер распорядился передать меня в распоряжение петлюровского коменданта—он же начальник контр-разведки—Тарновского.

Меня посадили на гауптвахту в одиночную камеру. Вскоре вызвали к коменданту на допрос. Здесь кроме петлюровского коменданта Тарновского был знакомый уже мне польский офицер и несколько петлюровских солдат.

Я продолжал упорно выдавать себя за то лицо, которое было указано в моем документе. Тогда по приказанию Тарновского солдаты принесли особой конструкции деревянные палочки, которые вставили мне между пальцев и, надавливая на палочки, стали выворачивать мне пальцы. Это причиняло мне невыносимую боль, и я заорал благим матом.

Польский офицер при первых же моих криках вышел из комнаты, и пытка продолжалась в его отсутствии. Она длилась минут 15. Я кричал от адской боли, но не сознавался, и Тарновский приказал вернуть меня на гауптвахту.

Радзивилл, который оказался здесь же, был тоже арестован, но видаться с ним мне не удалось.

В течение 2-х дней мне не давали никакой пищи. На гауптвахту часто заходили польские солдаты, с которыми петлюровские караульные считались. Я позвал одного из них через окошко и рассказал ему о своих мучениях. В тот же вечер поляк бросил мне в окошко каравай хлеба и полфунта колбасы.

На следующий день он снова подошел к окошку и посоветовал мне подать жалобу польскому коменданту. Он принес мне карандаш и бумагу и взялся передать лично мою жалобу.

Действительно, не прошло и дня, как меня вызвали к польскому коменданту. Это был пожилой майор, державшийся с достоинством. Кроме него в комнате сидел Тарновский.

Майор, держа в руках мою жалобу, обратился ко мне на чисто русском языке:

— За что Вы арестованы?

Я ответил, что знать ничего не знаю и повторил версию об австрийском плене и т. д.

— Вы утверждаете, что Вас подвергли пытке. Это правда?

— Вот этот петлюровец,—я показал на Тарновского,—приказал мне выламывать пальцы и два дня не давал никакой пищи, пока надо мной не сжалились польские солдаты...

Тарновский спокойно произнес:

— Це брехня.

Я возмутился и, не стесняясь в выражениях, стал крыть петлюровского коменданта, вместе с тем выражая свое удивление, как в польском „гуманном“ государстве могут твориться такие беззакония. Я сослался на польского офицера, присутствовавщего при пытке.

Майор вызвал офицера.

— Правда ли, что этого человека пытали?—спросил он.

Офицер густо покраснел и, запинаясь, ответил:

— Я не знаю, не видел... я только слышал отчаянные крики в комендатуре...

Майор вышел из себя.

— В таком случае,—произнес он,—я освобождаю этого человека и сейчас же отправляю его в Варшаву.

В тот же вечер я уже садился в поезд для следования в Варшаву.

9. Побег.

Я уже не считался более пленным красноармейцем, поэтому в Варшаве меня поместили в здании, отведенном для эмигрантов и беженцев. Здесь содержались поляки, бежавшие из местностей, занятых Красной армией, русские эмигранты, русские белые офицеры, не пожелавшие после разгрома белых вступить ни в одну из формировавшихся заново армий и др. Размещались вместе мужчины и женщины, тут были целые семьи. Не мало было здесь и темного элемента, разных проходимцев, и во всю шла торговля паспортами и другими документами.

Я познакомился с одним бывшим белым офицером, ожидавшим предоставления ему службы комитетом, ведавшим делами эмигрантов и беженцев. Он сильно нуждался и за 100 злотых согласился достать мне документ белого офицера. У меня были в это время деньги, вырученные от продажи сапог.

Документ белого офицера давал право беспрепятственно покинуть помещение беженцев и свободно ходить по Варшаве. Получив этот документ, я в тот же день перешел по мосту через Вислу, а вечером покинул Варшаву. Это было в 10-х числах августа. Красные войска стояли в непосредственной близости от Варшавы, и я думал вскоре пробраться через фронт.

Я шел несколько дней, держа направление на восток. Впереди слышалась канонада. Однако, несмотря на то что я в день делал верст по 20—30, я не мог добраться до фронта.

Наконец, где-то около Люблина, войдя в одну деревню, я повстречался с жандармами. Они осмотрели мой документ, который не вызвал в них сомнения. Один из них сказал:

— Пан, вероятно, ищет Булак-Булаховича?

Я еще раньше слышал об отряде Булак-Булаховича, так как на пункте беженцев и эмигрантов шла вербовка в этот отряд.

Я ответил, что да, именно, я ищу Булак-Булаховича.

— В таком случае пан шел правильно. Балахович стоит здесь на фольварке.

Жандарм взялся проводить меня на фольварк. Нечего было делать—пошел... В фольварке формировался полк балаховцев. Меня ввели к командиру полка, которому я представился:

— Поручик такой-то (фамилию назвал—указанную в документе, сейчас я ее уже не помню).

Командир полка прочел мой документ, потом задал мне несколько вопросов о моей службе в царской армии и у Бредова. Мои ответы удовлетворили его, я уже заранее составил себе мысленно свою „историю". Затем он спросил меня:

— Вы знаете нашу идею? В конечном счете, мы хотим выгнать из России большевиков, а сейчас необходимо поддерживать поляков. Наши цели временно сходятся.

Я ответил, что все это хорошо понимаю и разделяю все „идеи". Тогда он, протягивая мне записку, сказал:

— Я назначаю Вас командиром взвода 3-й роты. Явитесь командиру роты. Предварительно получите обмундирование и оружие.

Рота была расположена верстах в двух, а склад обмундирования и оружия находился тут же. Каптенармусы выдали мне новое английское обмундирование (кроме шинели), револьвер, карабин и патроны.

Головной убор составляла фуражка с гусиным пером. Такие гусиные перья носил весь отряд взамен погон. Чины различались размером и положением гусиного пера. Мое перо означало, что я—поручик и командир взвода.

Уже вечерело, когда я, провожаемый унтер-офицером, явился в расположение роты. Там горели костры, у которых группами расположились солдаты. Командира роты не оказалось, и я стал его поджидать.

Внезапно я заметил в группе стоявших у костра высокого солдата, пристально смотревшего на меня. Я сразу узнал его; это был красноармеец 1-й роты 397 полка, отлично мне известный.

— Неужели выдаст?—мелькнуло у меня. Но он молчал, потом отделился от группы и стал в тень.

Я подошел к нему.

— Вы меня знаете?—спросил я его шопотом.

— Тише...

— Что Вы здесь делаете?

— То же, что и Вы.

— Можно отсюда бежать?

— Попробуем сегодня...

Разговаривая, мы выработали план побега. На нас не обращали внимания.

Уже совсем стемнело. Командир роты все еще не приходил.

Все уже знали, что я—вновь прибывший взводный командир. Я воспользовался этим.

— Ну, пока ротный командир придет, мы проверим посты,—громко сказал я.—Пойдем со мной, ну, хотя бы ты,—обратился я к красноармейцу. Тот немедленно взял винтовку и пошел со мной.

Мы миновали ряд костров и у одного из последних повстречались с фельдфебелем роты.

— Куда идешь?—обратился он к моему спутнику, а потом, взглянув на меня, широко раскрыл глаза.

— А ты как сюда попал, большевик? Постой-ка...

Оказалось, он помнил меня по Львову, где я вел агитацию среди деникинских солдат и казаков. Мои длиннейшие усы неизменно всюду выдавали меня.

— Пошел к чорту... Я иду поверять посты... Ты, видно, сказился...—ответил я, стараясь пройти.

— Врешь, ты был во Львове. Я тебя знаю, как облупленного. Эй, ребята, сюда!..

Балаховцы повскакали с мест. Еще минута, и меня бы схватили. Тогда я принялся бежать во всю прыть, красноармеец—за мной.

Поднялась стрельба. Погоня была близка. Пули визжали вокруг нас, и одна из них угодила красноармейцу в шею.

Он свалился в канаву. Я подбежал к нему. Он застонал: „Умира-аю".

Стрельба продолжалась. Бросив раненого, я снова пустился бежать. Бежал зигзагами. Ночь спасла меня.

10. У своих.

Я шел 2 дня, держа направление на восток. Наконец, я прибыл в непосредственную фронтовую полосу. Здесь недавно проходила, отступая, наша 58-я пех. дивизия.

На фронте была полная неразбериха. Трудно было определить, в каком направлении движутся наши и в каком поляки. Ясно было только, что наши поспешно отступали. Об этом говорили встречавшиеся мне жители.

Вскоре я встретил группу из 4-х вооруженных красноармейцев. Один из них нес на винтовке белый платок. Они приняли меня за поляка.

— Вы куда идете?—спросил я их.

Маленькая заминка, потом ответ:

— В госпиталь.

— А платок этот зачем?

— Да мы вам, пан, сдаваться хотим...—заговорил один.

Я все понял и, наставив карабин, скомандовал—Руки вверх.

Они повиновались. Тогда я принялся ругать их последними словами за намерение сдаваться и приказал им возвратиться немедленно в свою часть.

Один из красноармейцев, как потом оказалось, политбоец, поддержал меня:

— Правда, товарищ командир, и я им то же самое всю дорогу говорил. А они говорят: иди с нами, а то пристрелим...

— Да мы пошутили,—отозвался один виноватым голосом. — Нешто мы серьезно, — заговорил другой,—одно слово: заблудились;... полк отступил, а мы остались...

— Бросьте же ребята дурака валять,—заговорил я примирительно,—идем сейчас же в полк.

Все четверо повернули и пошли со мной. Мы пробирались полями и лесами. Все время я и политбоец не спускали глаз с красноармейцев, и во время отдыха один из нас бодрствовал. Но красноармейцы ничего подозрительного не предпринимали.

Так дошли до м. Влодавы. Перед нами был Буг. Входить в местечко, чтобы переправиться по мосту, мы боялись.

Задержали „дядьку" с возом. Заставили его раздеться и повести нас бродом.

Так по пояс в воде перешли Буг.

После этого мы шли еще два дня и, наконец, догнали 172-ю бригаду 58-й стрелковой дивизии.

Здесь я сдал красноармейцев в штаб бригады, а сам, отдохнув и получивши документы, отправился по железной дороге в свою дивизию.

11. Из плена в бой.

Это было уже в конце августа. Дивизия была в Галиции. Наша 133 бригада вела упорные бои в районе Красне. Я явился в штабриг в самый разгар боя. Большая польская цепь наступала на наших два маленьких полка. Мы отступали. Комбригу тов. Левензону было не до меня.

Узнав, что наступает 19-й польский полк, я выехал впереди цепи и закричал:

— Товарищи солдаты 19-го полка, не стреляйте. Я—тот самый большевик, который сидел в Деражне. Помните меня? Переходите лучше к нам...

Стрельба прекратилась. Видно было, как офицеры носились по цепи с револьверами в руках, требуя возобновления стрельбы.

Я продолжал кричать, чтобы не стреляли и переходили к нам, и меня стали поддерживать красноармейцы и комсостав. Один военком вплотную под'ехал к польской цепи и обратился к солдатам с речью, но в это время несколько офицеров открыли по нему револьверную стрельбу. Тогда, боясь за военкома, красноармейцы открыли огонь. Польские солдаты, убежденные, что им устроили ловушку, возобновили ожесточенную стрельбу и, продолжая наступление, заставили нас отступить за м. Красне.

Однако, комбриг тов. Левензон из всего, что прошло перед его глазами, вынес убеждение, что поляки все таки уже деморализованы и отдал приказ о контр-наступлении.

С помощью резервов 133 бригада в этот же день выбила поляков из м. Красне, захватив 60 пленных.

Я продолжал оставаться в 397 полку до окончания гражданской войны.

ГАЛИЦКИЙ МЯТЕЖ.

Галицкий мятеж—это бунт обманутой своим буржуазно-помещичьим офицерством солдатской массы, искусной рукой польских наемников брошенной на Красную армию, прорвавшей ее фронт и тем помогшей более успешно развернуться начавшемуся в конце апреля 1920 года наступлению белополяков на Советскую Украину.

„Прорвать фронт и явиться в Галицию на помощь своим братьям, сестрам и отцам, восставшим против ига поляков",—такой приказ давал галицийской армии атаман Петлюра, в своей борьбе против Советской власти, пустившийся на очередную провокацию, заставивший задрожать те струны на которые наверняка ждал отклика: вековую ненависть галицийского трудового крестьянства к своим извечным угнетателям—польским помещикам и буржуазии, их непреодолимое желание освободиться от этого гнета. Галицийская армия, сделавшая свое гнусное дело, ударившая в спину своим вчерашним союзникам—Красной армии, была разоружена, раздавлена самими польскими панами, выбросившими использованное ими оружие в мусорный ящик истории. Галицийские же офицеры, галицийская буржуазия, начавшие этим актом путь своего служения польскому фашизму, за счет широких трудовых галицийских масс устраивающие свое собственное благополучие, далеко шагнули вперед по этой мерзкой дороге. Они и сейчас идут в союзе с польскими панами, дающими привилегии галицийскому помещику, галицийскому буржуа, галицийскому кулаку и, опираясь на эти классы, угнетающими трудовую Галицию.

О галицком мятеже на Подолии в апрельские дни 1920 года и рассказывают помещаемые ниже очерки.

Н. ТОЧИНСКИЙ.

Измена галицийских бригад.

После беспрерывных боев в районе ст. Комаровцы с белополяками, превосходившими нас численностью в несколько раз, 134 бригада 15 апреля была сменена частями 133 бригады и перешла в дивизионный резерв в д. д. Гришки-Клопотовцы, где части ее стали на отдых. Но отдых был недолог. 23-е апреля стало знаменательным днем для всей 45 дивизии и, в особенности, для 134 бригады.

Н. А. Точинский—ветеран 134 бригады 45 дивизии, помнаштабриг 134. Сейчас преподаватель тактики школы комсостава им. С. С Каменева.

Находившаяся против поляков на правом фланге дивизии 2-я галицийская бригада, в составе 4-х пехотных полков и артиллерии, следуя руководству своих офицеров—наемников польского фашизма, открыла фронт белополякам и повела наступление на части нашей дивизии.

Впоследствии выяснилось, что и остальные галицийские части, стоявшие против поляков левее нашей дивизии (3-я галбригада) также изменили и открыли фронт.

Создалось трудное положение для нашей дивизии. Имея перед собою крупные силы поляков, пришлось вдобавок вести борьбу с довольно значительными силами изменивших галичан. Казалось, что в такой обстановке нам не справиться и катастрофа неминуема. Но дивизия отстояла себя. Напрасно было преждевременное ликование противника. Испытанные бойцы 45-й сумели справиться с изменниками, сдерживая одновременно напор поляков, перешедших в общее наступление по всему фронту.

Измена галичан на участке 134 бригады была обнаружена следующим образом. Прибывший после болезни комбриг 134 тов. Дьячишин утром 23 апреля выехал для осмотра полков в район расположения последних. По прибытии его в с. Клопотовцы, где находились 400 и 401 полки, показались первые беглецы из района расположения 402 полка. Они сообщили, что в ночь на 23 апреля в штаб 402 полка в с. Майдан-Мордвинский прибежал военком хозчасти 6 галицийского полка тов. Ростыкус и рассказал, что во время его совещания с военкомом 6 галицийского полка на квартиру внезапно ворвались галицийские офицеры и, не говоря ни слова, повели их расстреливать. Благодаря сумеркам т. Ростыкусу удалось бежать, а военком полка был расстрелян.

Вскоре после этого части галицийского полка повели наступление на 402 полк, но последний, предупрежденный тов. Ростыкусом, держался наготове. Наступление было отбито.

Коварная измена галичан сразу перевела 134 бригаду из резервного положения в положение небольшой группы, поставленной лицом к лицу с многочисленным врагом. Не ожидая приказа дивизии, бригада приняла боевой порядок и под руководством тов. Дьячишина повела контр-наступление против врага.

Бойцы 134 бригады привыкли встречать врага в любой момент и с какой угодно стороны. И на

этот раз, не взирая на численность галичан, возмущенная подлой изменой, бригада перешла в решительное наступление, и галичане вынуждены были отступить, оставляя пленных и вооружение

Борьба продолжалась до 28 апреля. В этот день, в виду сильного нажима с фронта со стороны польской армии, использовавшей благоприятную обстановку для перехода в генеральное наступление, бригаде, по приказу высшего командования, пришлось отходить из Подолии, не окончив своей задачи.

Приказ об отступлении был принят бойцами с неудовольствием; никто не хотел считаться с общим положением фронта и горел лишь желанием отомстить врагу. Оставляя места сражения, бойцы с ненавистью оглядывались в сторону противника, склоняя во всех падежах „панов-галичан", сопровождая это имя звучными эпитетами из терминологии гражданской войны.

ТКАЛУН

Обманутая армия

В самом начале 1920 года на сторону Советской власти перешла галицийская армия. До этого времени она воевала против нас, сначала в союзе с петлюровцами, а позднее, к моменту перехода на нашу сторону, — в рядах деникинской армии.

В состав ее входило три пехотных бригады и несколько кавалерийских полков. Комиссаром одной из пехотных бригад, именно, 2-й, я и был назначен т. Затонским, приблизительно за месяц до перехода всей галицийской армии, а в том числе и 2-й бригады, на сторону поляков.

Тотчас по прибытии на свой пост я начал знакомиться с положением дел в бригаде, чтобы составить себе понятие о ее политической физиономии и настроении. Впечатление получилось самое безотрадное. Несмотря на то, что переход на сторону Красной армии стал уже совершившимся фактом, головные уборы всей бригады продолжал украшать так называемый „петлюровский трезуб". Командный состав остался прежним: все те же „старшины", которые сделали галицийскую армию орудием в руках Петлюры, все те же вожди, которые пригибали вниз покорные головы галичан, чтобы одеть на их шеи деникинское ярмо. Политический состав в бригаде совершенно отстутствовал, если не считать нескольких новоиспеченных галицийских коммунистов. Обращало на себя внимание отсутствие коммунистической и советской литературы. Не было и тени каких либо мероприятий, которые могли бы способствовать развитию в солдатской массе самосознания.

Вместо литературы и политической пропаганды к услугам солдат-галичан был полный штат ксендзов.

В материальном отношении положение бригады было не лучше. Солдатская масса („галіцькі жовніри") была до крайности измучена, с одной стороны, изменчивой и непостоянной политикой своих вождей-офицеров, с другой стороны, — эпидемией сыпного тифа, свирепствовавшего во всей галицийской армии. Запасов продовольствия совершенно не было, обмундирование людей пришло в полную негодность, только оружие было вполне исправно и имелось в достаточном количестве.

Вот, в общих чертах, картина состояния 2-й галбригады в тот момент, когда я был назначен комиссаром ее.

Первой моей заботой по вступлении в должность было проведение ряда мероприятий, которые должны были придать бригаде характер красноармейской части в истинном смысле этого слова и стереть с нее следы петлюровского влияния. Были сняты „трезубы", почти все ксендзы удалены из бригады, и частично был из'ят командный состав, который уже при первом ознакомлении заметно бил в глаза своей ярко выраженной петлюровской окраской.

Не успел я еще ориентироваться в новой обстановке, как последовал приказ о переходе галбригады в новый район (Литинский) и занятии его позиций для предстоящей борьбы с поляками. Переход из района Ольгополя в район Литина был произведен в срок и не ознаменовался никакими особыми происшествиями, если не считать случая, имевшего место в Жмеринке.

Д. Решетников. — командир повстанческого отряда, боровшегося в тылу Деникина в январе 1920 г., затем влившегося в 45 дивизию. Отряд тов. Решетникова с помощью корпусного ревкома галицийского корпуса арестовал главный штаб галицийской армии в феврале 1920 г. близ станции Раздельная и способствовал переходу ее на сторону Советской власти. Как известно, этот союз продолжался не долго: Галицийская армия, спровоцированная своим буржуазным офицерством, открыла фронт Красной армии на Подольщине (конец апреля 1920 г.) На снимке: 1-й — Д. Решетников 2-й — Денисенко (его помощник), 3-й — Федоренко-галичанин, член корпусного ревкома.

Дело в следующем. В ночь, когда штабриг расположился по квартирам на ночлег, из одного полка, расположенного на дневной отдых в селе в нескольких верстах от Жмеринки, явилась группа галстаршин, чтобы, как я об этом узнал после, арестовать меня. Но почему то, прежде чем осуществить свое намерение, старшины решили посоветоваться с комбригом Головинским, который отклонил их намерение путем убеждения. Я, еще не зная о происшедшем, невольно обратил внимание на лицо Головинского, которое носило на себе ясные следы дурно проведенной ночи. Когда я осведомился о причине его нездорового вида,

он сначала замялся, а потом подробно рассказал мне о случившемся. Видно было, что он сделал над собой усилие и, если рассказал мне о ночном происшествии, то это не было приливом откровенности, а результатом рассуждения и быстрой оценки фактов. Он, вероятно, сообразил, что утаить от меня правду вряд ли возможно, так как группа старшин, намеревавшаяся арестовать меня, побывала у моей квартирной хозяйки, которая могла бы мне рассказать про их приход.

Должен сказать, что обстоятельство это меня нисколько не удивило и не могло удивить, так как подобной выходки можно было ожидать в любой момент. Хотя попытка арестовать меня была первым активным шагом против меня, но уже и раньше чувствовалось, что атмосфера в галбригаде нездоровая и даже угрожающая.

Я ограничился соответствующим донесением о происшедшем, кому следует, и, давши распоряжение об аресте названной группы офицеров, продолжал на следующий день свою работу, исполняя данный мне командованием боевой приказ.

В районе Литина в это время оперировала банда Шепеля Необходимо было сейчас же приступить к ее ликвидации и в то же время занять частями бригады определенные боевые позиции. Но Шепеля поймать не удалось.

На фронте было затишье; лишь изредка ружейная, пулеметная и артиллерийская перестрелка.

Справа от галбригады позиции были заняты частями 44-й дивизии и слева 45-й. Наши соседние части были крайне малочисленны.

Я нарочно остановился на этом, так как такая малочисленность соседних частей в первый же день привела галичан в крайне гнетущее состояние и послужила одной из главных причин дальнейших событий. Галичане думали: „нет сорокатысячных частей справа и слева, стало быть, дело плохо, до Галиции не доберемся". Они видели с одной стороны, как малочисленны наши части и, с другой стороны,—как ежедневно увеличиваются силы противника, подводившего свежие тыловые резервы.

Таким образом, на пути к осуществлению боевой задачи стояли два препятствия об'ективного характера: явный перевес сил на стороне пр-ка и Шепель в тылу, сразу же принявший все меры к установлению связи с галбригадой и насаждению в ней своих ячеек.

Третье, и едва ли не самое главное, препятствие было заложено в характере и в настроении масс бригады „Галіцькі жовніри" в массе были существами, в которых классовая сознательность спит еще непробудным сном, убаюканная теологическими сказками ксендзов и националистическими настроениями.

Основная трудность положения заключалась в том обстоятельстве, что приходилось одновременно вести революционную работу в армии и в то же время пользоваться ею, как реальной боевой силой.

Противоречия усугублялись отсутствием командного и политического состава, именно такого состава, который не за страх, а за совесть был бы предан интересам Советской власти и в то же время пользовался доверием в среде солдатских масс. Если бы это условие было в наличии, боеспособность бригады стояла бы на должной высоте и борьба с пр-ком шла бы успешно.

В таких условиях 2-я галицкая бригада была подвергнута первоначальной политической обработке. Здесь в полной мере сказалось отсутствие достаточного количества политработников и литературы. Я с тревогой следил за пробуждением воли и мысли у солдат и заметил, что они, не проникнув в сущность преподанного им политического учения, стали еще с бóльшим недоверием относиться к своим командирам, в особенности, к тем, которые обнаружили перед ними свою непостоянную политику, водя их от Петлюры к Деникину, от Деникина к Советской власти. Появились случаи неисполнения приказов, которые скоро участились, и, в конце концов, вся масса, как конь, почувствовавший свободу, неудержимо понеслась по пути разложения.

Этот дух дезорганизации проник и в среду командного состава. Командиры бригад, сознавая ответственность, которая легла на них по ведению боя с противником, и в то же время видя недоверие к себе со стороны подчиненных, заволновались, заметались и потеряли способность к разумной инициативе.

Я чувствовал, что скоро наступит момент, когда происходящее здесь брожение выльется в какой нибудь акт.

И такой момент не заставил себя долго ждать. В ночь на 23 апреля произошел переворот.

Квартира моя со всех сторон была оцеплена бывшими галицийскими жандармами, и именем „Украинской Народной Республики" был арестован и доставлен в штаб бригады к комбригу, тому самому Головинскому, о котором я уже упоминал. Он заявил мне:

— Товариш комисар, з Вами ніхто нічого робити не буде; Ви нам потрібні для того, щоб обміняти Вас на тих старшин, які находяться у Київі при польовому штабі Чуга.

Я был посажен в Литинскую тюрьму. В первое время отношение ко мне галичан было настолько мягким и предупредительным, что почти не давало мне чувствовать моего положения пленника. Кормили отлично. Пищу мне приносил ординарец комбрига. Он явно сочувственно относился ко мне, и от него я узнал кое-какие подробности происшедшего переворота. Правда, исчерпывающих и точных сведений он дать мне не мог, так как рассказал лишь то, что наблюдал сам лично и что слышал от других. По его словам, в эту злополучную ночь комбригом и комкавполка был получен от Петлюры приказ, согласно которого все галицийские части должны были об'единиться в одно мощное целое, прорвать в определенном месте фронт и явиться в Галицию на помощь своим братьям, сестрам и отцам, восставшим против ига поляков.

Из этого приказа видно, как хитро Петлюра сумел воспользоваться психологией галицийской армии; он заставил зазвучать те струны, на которые наверняка ждал отклика. Он отлично учел силу того желания, которое давно лелеяли галичане: как можно скорее попасть на свою родину, и, с другой стороны, их ненависть к полякам.

На четвертый день моего пребывания в тюрьме, отношение ко мне резко изменилось: вместо преж-

них трех блюд, приносимых ординарцем, единственной моей пищей стала кукурузная каша, которую мне приносили в плевательнице.

Оказалось, что в Литин вступил Шепель со своей бандой, предвидя благожелательный прием. Результаты хозяйничанья Шепеля обнаружились очень скоро. Однажды, вечером я услышал, как били сидевшего в соседней со мной камере председателя Литинской Чрезвычайной Комиссии (в этом деле принимал участие сам начальник штаба Шепеля—Варский).

Я ожидал того же, но до меня очередь почему то не дошла. В эту же ночь председатель ЧК был выведен бандитами из камеры и расстрелян (ночь была тихая, и ясно были слышны звуки выстрелов, сразивших его).

В это время комбрига в Литине не было; он со штабом выехал в село Микулинцы, находящееся в 6 верстах от Литина.

Я также был выведен из камеры и ожидал участи председателя ЧК, но оказалось, что меня вывели не бандиты, а двое галицийских старшин, которым, как выяснилось позже, было приказано комбригом во что бы то ни стало освободить меня из тюрьмы и доставить на место стоянки штабрига, т. е. в село Микулинцы.

В Микулинцах меня посадили в сельскую тюрьму, но сидеть мне там пришлось недолго.

По расстроенным и нервным лицам галичан видно было, что у них происходит что-то неладное. Вечером, накануне рокового дня, вблизи слышна была артиллерийская перестрелка. Мне сказали, что это галичане идут в наступление, желая перебраться в район Жмеринки. Но очевидно, это не дало желаемых результатов.

Утром к окну тюрьмы подбежал один солдат-галичанин и с плачем обратился ко мне:

— Тов комиссар, ваша правда: поляки окружили нас и обезброють (обезоружат).

В моей памяти запечатлелось лицо и фигура этого плачущего солдата. В этой фигуре отразилось настроение всей массы галичан, которые цеплялись за всякую возможность увидеть поскорее свою родину, которые метались из стороны в сторону и повсюду встречали неудачи.

Не успел солдат отойти от окна, как к тюрьме подошли 6 польских жандармов и обратились к часовому с грозным криком:

— Хто тут є?..

Часовой галичанин был так пропитан ненавистью к полякам, что, определенно зная, кто я, уклонился от ответа. Не сказал он и тогда, когда его ударили прикладом по голове. Он все заявлял:

— Я виконую наказ: мене поставили, і я мушу стояти, а хто тут сидить, це мені невідомо. Як хочете знати, питайте моє начальство.

Поляки, видя, что даже при помощи такого решительного средства, как ружейный приклад, не могут ничего добиться от часового, выволокли меня из тюрьмы и, не прибегая ни к каким расспросам, с исступленным криком „жид“ принялись шомполовать меня. Били долго и жестоко, пока я не потерял сознания.

Когда я пришел в себя, то увидел, что вокруг меня стояли все те же поляки и разговаривали. Темой их беседы служило то, что они напрасно трудились бить меня, так как оказался я вовсе не „жидом“, в чем вероятно, они убедились в момент истязания.

Я слушал их и ожидал дальнейшего.

Вдруг неожиданно в селе поднялась страшная паника: обозы галбригады быстро начали удирать, люди, как сумасшедшие, бежали с криком: „більшовики, кіннота!“[1].

Это была какая то необыкновенная паника, такой растерянности я еще никогда не видал...

Не успел я повернуть голову на своей мучительно болевшей шее, как моих жандармов не стало. Когда я увидел, что остался один, я решил воспользоваться моментом и тоже пустился бежать, но конечно, не в ту сторону, куда мчалось это об'ятое паникой и обезумевшее человеческое стадо, а в совершенно противоположную сторону, откуда должна была появиться Красная конница, которая дала мне возможность вырваться из когтей польских жандармов.

[1] Это была атака кавбригады т. Котовского. *Ред.*

А. АЛЕКСЕЕВ.

Винницкий мятеж.

Посвящаю Винницкому учительству.

„Лекция“ в Винницком театре.

Великолепный южный украинский город на высоком холме.

Вокруг него у подножья холма стальной лентой вьется речка. Чуть повыше зеленеют сады. Апрель месяц, солнышко греет основательно.

Сегодня в политотделе как-то тихо. Лишь, как всегда, шумит наш политпросвет.

Пришел т. Богданов, организатор дивизионных политкурсов[1]. Поблескивает своими черными глазками и бросает резким гортанным тенором:

— Люблю Чека, замечательное учреждение.

Губы у него, кажется, созданы для изречения афоризмов. Верхняя — тонкая, неподвижная, нижняя — толстая, подвижная, движется как-то вперед и тотчас же быстро захлопывается обратно. С нее, как в печке хлеб с лопаты, соскакивают круглые, неожиданные фразы. Он рад, что для курсов есть помещение, а Лидина где-то нареквизировала при помощи Чека целую уйму тетрадей. Это и вызвало рождение Богдановым афоризма.

— Тетради, целый вагон тетрадей. Теперь

[1] Сейчас т. Богданов—секретарь советского консульства в Риге (Латвия) *Ред.*

можно тебе политкурсы поставить на ять. А мы всерьез приступим к ликвидации неграмотности в дивизии.

— И обязательно по букварю-самоучителю?

— Да, кстати, где этот букварь? — Даешь его сюда.

Изобрел этот знаменитый букварь Богданов. Нарисовал топор, а под ним крупная надпись „топор". Смотри и сразу читай, а потом рисуй букву за буквой.

А. Алексеев — сын рабочего-железнодорожника, народный учитель, член ВКП (б) с 1918 г., политработник 45 дивизии, начальник политкурсов и начагитпроп политотдела 45 в период гражданской войны. Сейчас работает в Госиздате Украины редактором военного отдела.

Перерисуешь все эти надписи (рисунки подобраны так, что надписи под ними включают в себе всю азбуку), будешь уметь читать и писать. Вот ловко!

Беда за немногим. Нарисована телега и подписано „телега", а красноармейцы-украинцы читают либо „віз", либо „підвода".

Критикуем букварь. Разрешаем „національне питання". Время летит незаметно.

Богданов напоминает, что нужно итти в театр, где сегодня у нас лекция-собеседование с местными „шкрабами" о трудовой школе. Мы оба с ним наркомпросовские работники, только пять-шесть месяцев тому назад мобилизованные на фронт.

В свободные минуты беседуем с украинскими учителями о задачах советской школы, а они очень внимательно слушают. Все таки новые для них люди и новые необычные идеи. За эту работу на нас косится иногда начподив тов. Ракитов: „С интеллигенцией возятся, нашли время". Но работе не препятствует.

С нами идет Лидина. Она недавно пришла из подпольной Бессарабии, молодая коммунистка, решительная и смелая работница, хотя чрезвычайно скромная и тихая по первому внешнему впечатлению.

Учительство в театре уже собралось. И мы сразу приступили к работе. Громим старую школу. Ставим и развиваем новые проблемы Советской школы: теорию и практику трудовой школы.

Лекция уже закончена и завязывается оживленная беседа. Вдруг раздаются пушечные выстрелы и татаканье пулеметов. Учителя волнуются. Успокаиваем их.

— Наверное, налетели польские аэропланы, и по ним стреляют наши.

Последнее время это, действительно, бывало. Однако стрельба все более и более усиливается.

В зал театра влетает взволнованный завнаробразом и с тревогой сообщает мне на ухо:

— В город ворвался Тютюнник; гарнизон—галичане восстали против нас. Что делать?...

Спокойно об'являем учителям, что беседу за поздним временем откладываем на завтра. Собрание закрыто.

Мятеж.

Выходим из театра и хотим двигаться к политотделу, в центр города.

Идем. По улицам бегут вооруженные красноармейцы. Суета и неразбериха.

Все бегут к вокзалу. Мы двигаемся навстречу этому потоку, уже кое-где организующемуся в кучки и отстреливающемуся в ту сторону, куда мы идем. В кого стреляют, не видно. Поднимаем брошенные винтовки. Вооружаемся. Навстречу летит штабной грузовик. Братва во главе с помначштаба Волковым машет руками и кричит:

— Назад, на вокзал.

На наши вопросы, что случилось, где собираться, никто не отвечает. Мы начинаем соображать, что, если все движутся на вокзал, там естественно, будет сборный пункт. Решаем двигаться туда же.

По дороге обсуждаем случившееся.

— А на вокзале, наверное, кавардак необыкновенный. Конечно, как у нас водится в подобных случаях.

Полушутя, решаем взять власть на вокзале в в свои руки и навести порядок.

Меня Богданов назначает командиром, я его утверждаю своим комиссаром. Ну, ну!

В это время видим: по полю слева от дороги, вдалеке от нее, чуть-чуть видны силуэты на фоне неба, движутся какие-то цепи. Догадываемся, что это восставшие галичане спешат захватить вокзал.

Братва ускоряет шаги. Впереди какой-то красноармеец бросился бежать. Его Лидина догоняет, схватывает за „хвост" шинели и свирепо кричит на него.

— Ты чего поднимаешь панику?!

Оторопевший красноармеец обалдело молчит. Спокойствие перед наступающим врагом у молодой девушки делает и его более спокойным, он схватывает в руки до того беспомощно болтавшуюся за плечами винтовку и мерно шагает рядом с нами.

На вокзале, действительно, невообразимая суматоха. Кто садится в вагоны, кто суетится по вокзалу без всякого толку. Вся масса собравшихся на вокзале—по большей части, красноармейцы. Откуда их столько набралось? Вооружены, но беспомощны, не знают, что делать, и толпятся, запружая вокзал, и перрон, и путь перед перроном.

Решаем с Богдановым действовать по плану, намеченному в дороге и казавшемуся шуточным.

Громко приказываем всем вооруженным строиться.

Никто не движется с места.

Берем двух красноармейцев, ставим на край перрона и заставляем пристраиваться к ним остальных.

Нас слушаются. Одни охотно, другие лениво и недоверчиво.

Вспоминаю, что цепи галичан должны быть скоро на станции. Посылаю отряд человек в двадцать пять под командой тов. Богданова им навстречу.

— Задержать галичан и отстоять находящуюся невдалеке от вокзала радио-станцию.

Богданов без всяких „афоризмов" быстро приступает к делу.

Выстраиваем новый отряд, который рассыпается в цепь для непосредственной охраны вокзала.

Формируем третий отряд для того, чтобы двинуть его на помощь Богданову...

Вдруг пушечный резкий выстрел, и с оторванной головой летит чье-то туловище в толпу.

Все в панике бегут, кто-куда, лишь слышен топот ног по платформе, как сплошной гул, какой бывает во время сильного ливня. Мелькают вихрем сотни бегущих ног....

Оказалось, что выстрел, наделавший панику, был с нашего бронепоезда, стоявшего тут-же на станции.

Он сбил торопливым выстрелом голову красноармейцу, стоявшему перед орудием, и затем, подняв панику, и сам в панике, быстро покатился от станции.

На станции никого, как метлой подмело ..

Что делать?!

Неожиданные резервы.

В это время к вокзалу под'езжает „Максим Горький", из него выскакивают люди, хорошо обмундированные, в серых солдатских шинелях.

Все крепкий, здоровый, плотно сколоченный народ. Не вооружены.

Спрашиваю:

— Кто вы?

Они бегут ко мне, машут руками, что-то кричат. Впереди рослый детина в вязаной шапке с мужественным, загорелым лицом кричит:

— Пленные мы.

Ничего не понимаю. Все спуталось в голове.

— Какие пленные? Откуда?

— Из Франции, едем обратно в Россию.

Это возвращаются русские солдаты с французского фронта. Они были посланы туда в империалистическую войну. Теперь отпущены домой.

Обращаюсь к ним:

— Помогите, товарищи, нам. У нас восстали галичане.

— Ах, это „австрияки". Давайте оружие.

— Мы безоружны.

— Нам в Одессе не дали оружия.

— Без оружия ничего не сделаешь.

Где взять для них оружие?

Идет, прихрамывая, тяжело опираясь на палку, комендант штаба, он болен, в тифу.

Кричу ему:

— Где у вас тут оружие?

Машет отрицательно и безнадежно палкой и садится в от'езжающий в Жмеринку поезд штаба.

Решаем ломать вагоны, стоящие в большом количестве на станции. Может, что нибудь найдем.

Треск идет от дружной работы. Покрывая весь этот шум, несется чей-то крик:

— Винтовки, патроны здеся. .

В одном вагоне, на наше счастье, оказался склад винтовок и патронов к ним.

Правда, винтовки „Ветерле-Витали" без штыков, патронов немного, но радость овладевает нами, и весело и шумно вооружаются „французы".

Не прошло и пяти минут, винтовки уже все были розданы.

Всем не хватило. Однако, порядочно „пленных" вооружено.

Роздано по пятку патронов на винтовку.

Щелкают затворами Начинают уже строиться новые неожиданные резервы, как вдруг со стороны водокачки, раздается оглушительный треск выстрелов.

Все бегут на насыпь, напротив вокзала, и дальше в поле...

Кричу: „стой". Свищу в подсунутый кем-то из „пленных" свисток.

Дисциплина у „резерва" — великолепная: все сразу ложатся на землю. Начинаем отстреливаться из-за насыпи.

Пальба и шум невообразимые. Пули свищут, как майские жуки.

Вспоминаю, что у нас по пяти патронов, расстреляем их, а дальше?

Свищу —„прекратить огонь".

Кто-то с нашей стороны кричит галичанам:

— Чого ви, чортяки, по своїх стріляєте?

Стрельба прекращается.

Уже темнеет.

Напротив, через полотно дороги, видны какие-то силуэты. Кто там, враги или друзья? Почему прекратили огонь?

Посылаю разведать.

Вокруг меня образовался уже своеобразный „штаб".

Линия наших цепей растянулась далеко вдоль полотна железной дороги. Узнаю, что бывший против нас небольшой отряд галичан с пулеметами, забрав пленных, ушел в город. Посылаю начальников на правый и левый фланг. Выясняется, что у нас уже человек пятьсот народу, но не все вооружены. Ветер треплет мой плащ, становится холодно.

Со станции приходит т. Волков и передает, что там организовался штаб во главе с т. Гончаровым [1] — комполка в „резерве" при штабе. В штабе орудуют военком Г. и начподив Р. Приказывают мне никуда не двигаться, дожидаться и выполнять распоряжения Гончарова. Волков передает, что скоро подойдет бронепоезд и при его поддержке мы двинемся в город.

„Мой штаб" разместился в какой-то халупе. К нему провели провод, а на телефоне „висит" винницкий завкомхоз, с которым мы так недавно сражались из-за квартир.

Наши дозоры приводят пленных галичан и по-

---

[1]) Тов Гончаров, комполка 401, случайно находясь в момент восстания в Виннице, организовал отряды из местных тыловых красноармейских частей, которые с успехом отразили нападение восставших галичан. *Ред.*

ляков. Откуда взялись поляки? Странно. Отсылаю их на вокзал.

Спрашиваю пленных галичан:

— Зачем восстали?

— Нас заставили офицеры.

— Чего же, — говорю, — вы пошли за своими офицерами?

Молчат.

При обыске у одного из них находят офицерские погоны. Братва смеется:

— Вот из-за чего они восстали.

Красноармейцы иронизируют без злобы. Уже чувствуется, что сила на нашей стороне.

Пленные офицеры упрашивают их не расстреливать. Наши смеются над ними, срывают погоны и уговаривают не плакать; те дико озираются, но видя, что им пока ничего не грозит, успокаиваются.

Ликвидируем восстание

Получил от Гончарова приказ: двигаться на казармы, оттуда на переправу и к утру захватить город.

Рядом с нами, по шоссе, будет двигаться еще один отряд, сорганизованный тов. Анатолием — военкомом одного из полков, прибывшим в политотдел за новым назначением.

Узнаю, что тов. Богданов отбил у галичан радио-станцию и сейчас ее охраняет.

Каждый сумел во время паники сделать какое-нибудь дело: братва не дремала и кучками организовывалась, и еще в городе давала героический отпор восставшим. Многие при этом погибли...

Чуть-чуть начало брезжить, когда мы выступили.

Со мной из штаба тов. Волков, суетится, волнуется, строит братву.

„Французы" цепью с правильными интервалами стройно движутся к городу. Дрессированный народ. За нами тянут уже телефон.

Броневик начал щупать своим огнем казармы...

Начался бой.

Перестрелка завязалась около самых казарм.

Огонь у нас сильный. За ночь мы приобрели откуда-то патроны и пулемет, который уже стрекочет на правом фланге.

Налет на спавших, очевидно, „почивших на победных лаврах", галичан был для них совершенно неожидан.

Они удрали после небольшой перестрелки. Паника среди них была невообразимая. Мы захватили весь их обоз и лошадей. Верховые лошади оказались оседланными. Уже я и „штаб" ехали верхом. Мы освободили человек 150 наших пленных, захваченных ночью галичанами. Нападение было столь неожиданным, что нами даже был захвачен на своем посту часовой-галичанин.

Захвачено было орудие, пулеметы и казначейство. Город свободен.

Отряд пошел на окраину города и выставил сторожевку, а мы двинулись на вокзал узнать о подробностях, что и как случилось.

Оказывается, галичане недавно перешедшие к нам при ликвидации Деникина, на протяжении всего фронта нам изменили и перешли к полякам.

Часть галицийской армии и командный состав ее был нам классово враждебен. Это было главной причиной измены. Армию с самого начала ее существования натравливала на компартию и Советскую Украину галицийская украинская буржуазия, Петлюра и его приспешники.

Рядовой стрелок был воспитан в духе слепого подчинения своему офицерству. Этой мертвой дисциплины мы не сломали. Перевоспитать же стрелка в связи с малочисленностью кадра коммунистов-галичан не успели. В то же время в армии велась бешеная националистическая работа офицерства и полковых попов. Попы в качестве учителей остались в Галармии и вели свою разлагающую работу. Прибавьте сюда работу шпионажа, как польского так и петлюровского, и картина будет ясна.

Лозунгами мятежа были все те же отвратительные, шаблонные и затасканные лозунги всякой контр-революции: „бей жидов и коммунистов".

Тут нужно отметить и подчеркнуть, что рядом с позорным поведением большинства частей Галармии, отдельные части ее остались верными Красному знамени пролетарской революции и преданно до конца дрались в рядах Красной армии. Из них был сформирован при 45 дивизии Галицийский полк, впоследствии наступавший на поляков. Он только в 1922 году по условиям Рижского мирного договора был расформирован.

Мятеж даже для нас, политработников, был неожиданностью. О состоянии Галармии мы ничего не знали: незнание украинского языка отрезало нам доступ в галицийские части.

На красноармейские части все это свалилось неожиданно, как снег на голову, и переполох был большой.

Котовский с своей кавалерийской бригадой выручал, где мог. На другой день восстания прибыла в Винницу часть его бригады и, преследуя галичан, почти всех их ликвидировала.

Фронт, однако, был оголен, и нам пришлось отступить. Это отступление было значительным. Поляки тогда захватили Киев.

В. КРЕЙН.

Бой под Кожанкой.

(30-го мая 1920 года).

20 мая 1920 года части 45-й стрелковой дивизии, сосредоточившиеся после отхода из-под Летичева, Комаровцев и Бара в районе гор. Звенигородка, Киевской губернии, отдохнувши и приведя себя в порядок после непрерывного, в течение двух недель, отступления, вновь пришли в движение, на этот раз с наступательным заданием, и после ряда переходов достигли гор. Тараща.

Это было в то время, когда польская армия достигла вершины своих успехов, занимая всю Волынь, Подолию и половину Киевщины вместе с самим Киевом, перекинувшись частично и на Левобережье. Красное командование, не оказывая сопротивления упоенным успехом польским войскам, уступало им украинскую территорию и в то же время спешно заканчивало стратегическую перегруппировку и концентрацию на польском фронте новых крупных войсковых масс.

На юге Киевщины сосредоточилась Конная армия Буденного, переброшенная сюда с Кавказа. Одновременно командование Юго-Западным фронтом создает отдельную ударную группу в составе 45 и 44 стр. дивизий и Днепровской флотилии под общим командованием начдива 45 т. Якира. На эту группу, названную „группой Фастовского направления", было возложено задание прорвать польский фронт в районе гор. Белая Церковь и захватить Фастов, в то время как вся Конная армия должна была совершить прорыв в районе Погребище-Сквира и пробиться на Казатин-Житомир.

Наступление группы Якира должно было являться лишь маневром, усиленной демонстрацией, преследовавшей цель навлечь на себя возможно большие силы противника и этим обеспечить успех прорыва 1-й Конной армии. Силы, с которыми выступила группа, были, по существу, чрезвычайно малочисленны: едва ли более 4500 бойцов (в полку не более 250 штыков), правда, не считая исключительно боеспособной кавбригады т. Котовского. С польской стороны на Белоцерковском участке действовали две пехотных и одна кавалерийская дивизия полного штата. Превосходство сил поляков было более, чем двойное, при этом они занимали хорошо укрепленные окопы и обладали многочисленной артиллерией. Все это было известно нашему командованию. Тем не менее приказ взять Белую Церковь и Фастов отдается совершенно безоговорочно: части должны были драться с полным напряжением всех своих сил и не должны были знать, что это только „демонстрация".

Этот замысел командования дал блестящие результаты. В то время как на фронте Фастовской группы разыгрались жестокие бои, привлекшие к себе главное внимание и резервы белополяков, Конная армия совершила прорыв польского фронта, разгромив противника под Погребищем и Казатином. Польские войска спешно очищают всю Киевщину и отходят на р. Случь. Но успех этот куплен тяжелыми потерями группы Якира, части которой в период с 25 мая по 8 июня ежедневно атаковали польские укрепления южнее Белой Церкви, неизменно отбрасывались назад, снова шли в атаку и т. д., пока однажды ночью не наткнулись на пустые польские окопы.

...405 стр. полк 135 бригады, которым в то время командовал тов. Казаданов-де Рекрю, в ночь с 29 на 30 мая перешел из занятой им накануне деревни Насташка (15 в. сев.-зап. г. Таращи), в дер. Поправка (4 версты сев.-зап. Насташка) с заданием в 7 часов 30.V начать наступление и овладеть дер. Кожанка, что 5 верст сев.-зап. дер. Поправка. Полк состоял в то время из семи рот, в роте—человек по 30—40, имея 18 пулеметов, 40 конных разведчиков и 25 человек в команде пеших разведчиков. Наряду с пионерами дивизии — приднестровскими партизанами — не менее половины боевого состава полка составляли бывшие махновцы, влившиеся в наши ряды на деникинском фронте. Большинство этих махновцев в свое время входило в так называемый „1-й Стальной имени батьки Махно полк", совершивший не один блестящий рейд против деникинской армии. Рядовой махновец обладал отличными боевыми качествами: мужеством и стойкостью, хладнокровием и предприимчивостью.

В. Д. Крейн—ад'ютант 405 полка в 1919—1920 г.г., затем помкомполка 405 и комполка 399 (1921 г.). Участник боевых походов дивизии против Деникина, белополяков и петлюровцев. Сейчас пом. командира 134 полка 45 дивизии.

Комсостав и политсостав, опытный, видавший виды в боях, был уверен в себе и в своих бойцах.

Весь истекший месяц прошел без боев и, несмотря на то, что он был почти целиком заполнен переходами, отсутствие боевых столкновений явилось значительным отдыхом для красноармейцев, измученных чрезвычайно тяжелыми боями на Подольщине, и сейчас настроение было бодрое, под'емное, боевое, особенно благодаря наступлению теплого времени и разворачивавшемуся лету. К бою готовились весело, с шутками и прибаутками, без особого энтузиазма, но и без тревоги.

Был первый день Троицы. Первые удары колокола Поправской церкви совпали с первыми выстрелами нашей батареи, расположившейся в дер. Юдков. В Поправке остался лишь обоз. Все, что должно было участвовать в бою, сосредоточилось в д.д. Еднороги и Юдков.

Вместе с командиром полка Казадановым-де-

Рекрю и военкомом Савейко, я—в то время полковой ад'ютант,—прибыл в дер. Юдков в тот момент, когда наша пехота (оба батальона) уже двинулась в атаку на неприятельские проволочные заграждения. Наша батарея беспрерывно била, польская отвечала слабо и как-то невпопад. Ружейный и пулеметный огонь поляков вначале был слаб и разрознен (как потом оказалось, поляки нашим наступлением были застигнуты врасплох, когда в окопах оставались лишь дежурные части).

Наши части шли одной сплошной цепью, во весь рост, нимало не помышляя о так называемом „применении к местности". Шли бодро и быстро, соблюдая равнение, как будто на ученье.

Мы поехали верхом в 200 шагах за цепью Внезапный взрыв пулеметного огня заставил нас спешиться. Польский фронт вдруг ожил. Затрещали пулеметы и ружья, но пули поляков в большинстве летели через головы. Видимо, противник был сильно взволнован.

Наши бойцы на каждое оживление огня отвечали криками „ура", хотя до окопов было еще шагов с 1000, и прибавляли шагу.

Приходилось наблюдать такие сцены. В одном месте замешательство, кучка растерянно топчется вокруг внезапно свалившихся товарищей, минутная остановка... и снова „ура", и снова бегут вперед на окопы. Тут же шагах в 50-ти за цепью едут тачанки. Время от времени ездовой заворачивает тачанку кругом и останавливает, наводчик приникает к пулемету... мерный треск „Максима"..., потом, видя, что наша цепь подвинулась далеко вперед, тачанка заворачивает и догоняет ее. Попробуй пулеметы действовать так сейчас на тактических учениях,—это вызвало бы единодушное осуждение, и конечно, их признали бы уничтоженными. Но в описываемое время пулеметчики—махновцы не признавали другой тактики, и часто пулеметы с тачанкой бросались, так как лошади бывали перебиты. На этот раз „судьба", однако, благоприятствовала, ибо взволнованные польские пулеметчики и артиллеристы не сумели подбить наших тачанок..

Шагах в 300 от проволоки мы увидели, как из окопов стали показываться кучки польских солдат, которые опрометью бежали в свой тыл, бросая по дороге шинели, мешки и оружие. Нечего говорить, насколько это воодушевило наших бойцов. Через несколько минут красноармейцы были уже в польских окопах, безжалостно расправляясь с задержавшимися там польскими солдатами.

Вдруг, в занятые нами окопы один за другим стали ложиться снаряды. Это стреляла батарея, которая оказалась всего лишь в полуверсте за польскими окопами и при бегстве пехоты осталась на своей позиции, продолжая вести огонь. Ее участь была решена через 10 минут, т. к. красноармейцы стихийно бросились в атаку на польские орудия. Мужественные польские артиллеристы, до последнего бившие на картечь по пехоте, были почти все перебиты, и лишь небольшая часть их взята в плен. Нам досталось 4 орудия и столько же зарядных ящиков с большим числом снарядов.

Дальнейшее наступление несколько задержалось, так как наша пехота после первого удачного наскока почувствовала некоторую усталость и, кроме того, части несколько расстроились. Их нужно было привести в порядок. Но главным препятствием для безостановочного наступления явилось обильное количество обмундирования и снаряжения, так называемого „барахла", оставленного поляками. Оборванные и босые красноармейцы с жадностью набросились на „барахло", раздевая пленных, роясь в мешках, навьючивая на лошадей, грузя на тачанки. Здесь проявилась вся отрицательная сторона партизанщины—„барахольство".

Между тем медлить было нельзя. На окраине самой деревни Кожанка и в прилегающем с обеих сторон лесу была вторая линия поляков. Закрепить успех мы могли, только овладев самой дер. Кожанка и то надолго ли? В сущности, мы прогнали бы поляков лишь с небольшого участка их фронта. Вправо и влево тянулись нетронутые польские линии. Здесь должны были атаковать 404 полк (правее) и полки 134 бригады (левее), но они вступили в бой позже и разрозненно.

Усилиями командиров части были приведены в порядок и двинуты в дальнейшее наступление. Когда наши цепи подошли вплотную к дер. Кожанка и к кладбищу, что левее ее, оттуда последовала контр-атака польских резервов.

Внезапный огонь в упор до 10 пулем. обрушился на наши первые ряды и смел их, остальные повернули назад. Густые массы поляков с громкими криками выскочили из деревни и принялись нас преследовать. Началось беспорядочное отступление, бегство. Все перемешалось. Помню, что я сам и все вокруг меня кричали друг другу: „стой", но все шли и бежали назад. Тут бросился мне в глаза командир 2-го батальона тов. Янелюнас, храбрейший человек в полку, способный на отчаянные поступки. Он был без шапки, кричал хриплым голосом и отчаянно жестикулировал, видимо стараясь задержать бегущих. Около него стали группироваться красноармейцы, и в несколько минут образовалась устойчивая кучка. Но вдруг я, отвлекшись чем-то, услышал позади себя испуганные голоса; обернувшись, увидел тов. Янелюнаса сидящим на земле, а группировавшихся подле него красноармейцев—бегущими от него в разные стороны. Я подбежал к нему. Он был тяжело ранен в живот и с трудом проговорил: „лошадь, скорей"...

С помощью проезжавших пулеметчиков он был положен в тачанку и доставлен в тыл. По дороге мы подобрали еще двух раненых. О сопротивлении теперь уже никто не думал. Бросая трофеи, все в беспорядке устремились через поле, в овраг перед дер. Юдков, служивший нашим исходным положением. Здесь выбившиеся из сил, утомленные свыше всякой меры люди бросались на землю и переводили дух. Уцелевшие командиры спешно приводили в порядок свои части, но это было нелегко. Все перемешались, многие остались на поле, некоторые роты перестали совершенно существовать, другие лишились командиров. Ежеминутно доставляли раненых, которых перевязывали и грузили на повозки. В воздухе носились команды, крики, ругань... Большинство красноармейцев после перенесенных потрясений этого дня мрачно и сосредоточенно молчало, почти не реагируя на то, что делалось вокруг.

Наша батарея теперь снова открыла сильный огонь, сдерживая преследовавших поляков. Но последние ограничились лишь занятием всех своих окопов и дальше не пошли. Они сидели теперь снова в своих окопах и вели частый ружейный и пулеметный огонь по нашему расположению.

...Из штаба бригады пришло приказание вторично атаковать польскую позицию, дабы приковать к себе польские резервы, и командир полка отдает приказ приготовиться к второму наступлению. Вторичная атака до смерти усталых и морально подавленных людей заранее была обречена на неуспех. Но „демонстрация"—жестокая вещь. Комполка вводит в бой новые части, не участвовавшие в первой атаке: команду пеших разведчиков из 25 человек и конную разведку из 40 всадников.

Приказ исполняется. Полк снова идет в атаку, но сейчас это уже значительно более редкая цепь, и люди идут неуверенно и неохотно, часто и подолгу останавливаются и, наконец, залегают окончательно в 400 шагах от окопов и далее не двигаются с места.

На левом фланге пешая разведка, не взирая на потери, доходит до польских окопов на дистанцию атаки, но здесь выбывает из строя тяжело раненый начальник команды тов. Самсонов, падает раненым политрук тов. Муравский и тут же стреляется... Остатки команды отступают...

На правом фланге конная разведка тов. Соколенко бросается в атаку на польские окопы. Встреченные у проволоки сильным огнем пулеметов и винтовок, конники отскакивают, атака отбита. К счастью, потери были невелики.

Вторая атака полка неудачна. Поляки, разглядев нашу численность, держались стойко. Всякая попытка наступления подавляется сейчас же огнем. Полк медленно, по одному, отходит и втягивается в деревню.

Бой под Кожанкой, один из самых кровопролитных в истории 405 полка, наглядно показывает, в какой тяжелой обстановке происходили бои дивизии в Фастовском направлении.

Наступление против столь большого превосходства сил было заранее обречено не неуспех и сулило тяжелые потери. Командование это знало и не ожидало успехов. Нужно было привлечь на наш участок крупные резервы противника и убедить польское командование в том, что именно здесь намечен наш прорыв. Для этой цели приносились в жертву целые полки и бригады...

После 30 мая 405 полк и прочие части дивизии еще неоднократно были бросаемы в наступление, но все с тем же результатом. Для 405 полка бой 30 мая принес потерю 50-ти процентов боевого состава, в том числе 20-ти командиров.

Доставленный в Таращу, тяжело раненый комбат Янелюнас скончался от раны. Та же участь постигла начсвязи полка тов. Обуховского. В начале боя он забыл о своих прямых обязанностях по установлению технической связи и бросился в ряды бойцов. В моей памяти запечатлелся образ этого высокого, черноусого человека, догонявшего цепь с карабином в руках. С тех пор я его не видел. Он был ранен в пах и скончался впоследствии в Тараще в один день с тов. Янелюнасом. Оба погребены в гор. Тараще.

Остальные, павшие в этот день, бойцы, погребены крестьянами в братской могиле на кладбище дер. Кожанка.

Б. КИСЕЛЕВ.

Воспоминания политрука пешей разведки.

Прибытие в 134 бригаду.
(20 мая 1920 года).

С группой политработников я прибыл в Полештадив 45.

В Звенигородке получили назначение по бригадам. Мне и моему товарищу (по прежней службе)—Репину назначение в 134 бригаду.

Из Звенигородки с группой человек в 40 красноармейцев (пополнением) идем в м. Лысянку (расположение штаба бригады). Ночью проходим через знаменитый Холодный Яр. Утром прибыли в местечко. По дороге в штаб условились с т. Репиным настаивать перед военкомбригом о назначении в полк красноармейцами.

Подошли к штабу—обыкновенная хата, несколько чище других.

Зашли. Единственно, что может напомнить о штабе, это телефон, развернутая трехверстка, полевая сумка и блокнот. На вопросы: „где военкомбриг?"—указали на другую половину хаты, где, наклонившись, кто-то писал.

Подошли ближе. Молодой парень 22—23 лет, довольно энергичное лицо. Представились. Пошли обычные отрывистые вопросы.

Тов. Репин от нашего имени просил назначения нас в полк кр-цами. Не дослушав наших доводов до конца, военкомбриг Озерянский отметил наше непонимание полковой жизни и указал на огромную роль политработника-политрука в полку. „Недостаточно для коммуниста быть хорошим кр-цем и уметь умереть в бою. Нужно, неся все тяготы наравне с кр-цами, никакими преимуществами не пользоваться и использовывать каждую минуту для политработы"...

— Быть всегда во всем примером, вот в чем выражается задача коммунистов,—закончил тов. Озерянский.

Нам ничего не осталось, как согласиться с его основательными доводами. Я получил назначение в 401-й полк политруком. Узнав, что полк помещается на конце этого же села, отправляюсь.

Знакомство с полком.

С пополнением в 20 кр-цев прихожу в штаб полка. Картина та же.

На улицу вышли комполка и военком посмореть пополнение. Быстро всех назначили по ротам. Военком полка т. Симочкин,—рабочий-шахтер из Донбасса, иронически осмотрев мой не-

сколько франтоватый вид, спросил, знаком ли я с пулеметами. Получив отрицательный ответ, предлагает пойти в пешую разведку. Охотно соглашаюсь и отправляюсь в разведку.

Пешая разведка.

Вся пешая разведка состояла из 10 человек. Размещалась в одной клуне.

Пришел. Оказалось, что все уже знали о моем назначении. С любопытством осматривают меня. Расспрашиваю о жизни разведчиков, задачах, отдельных выделяющихся случаях и т. д. Отвечают довольно охотно. Позже принесли ведро каши, и мы, рассевшись на корточках, усердно принялись за дело. Так началась моя полковая жизнь.

Под д. Ставки.
(11 июня 1920 г.)

...Идем по направлению к Радомыслю, имея задачей не давать покоя, нервировать отступающего противника [1]. Полк состоял из 100 штыков и 8 сабель при 3-х пулеметах [2].

На подводах делаем быстрые переходы. Но кр-цам и подводчикам кажется, что движемся слишком медленно, и „пан удерет". Несутся к командиру просьбы разрешить поехать рысью. Командир разрешает. Пыль столбом...

Пешая разведка получает задание двинуться вперед и нащупать противника. Поехали. В каждом селе меняем подводы.

А. С. Сокольский — начком пешей разведки 401 полка, руководитель разведки под Ставками и Барановкой, награжден орденом Красного Знамени за героизм, проявленный в августовских боях у Задвурже-Убине (Галиция).

Пользуясь временем наряда подвод, разговариваем с крестьянами. Все село высыпало на площадь. Лица у всех радостные: наконец-то, пришли свои. Показывают на несколько догорающих хат — дело мести поляков. С села поляки забрали десяток коров и свиней. Да, это картина не новая; нет ни одного села, где бы она не повторялась.

Вправо виднеется довольно густой дым. Крестьяне об'ясняют, что это горит соседнее село в 10 верстах, сожженное до основания поляками. Жуткая картина..

Крестьяне радушно предлагают нам поесть. Нет времени. Отказываемся. Крестьянки выносят в фартуках яйца, сало и др. продукты. Впопыхах едим...

Лошади готовы. Узнаем, что „паны" отступают в 5 верстах отсюда, через село Ставки на Радомысль. Быстро решаем с начальником команды т. Сокольским оставить часть команды в селе ждать полк, а остальными двигаться.

Двинулись к лесу. Теплый солнечный день. Чем ближе к лесу, тем прохладней.

Едем лесом. Ничто не предвещает, что через несколько часов будет кровопролитный бой. Оставив подводы в стороне, осторожно вышли на горку — окраину леса. Внизу в полуверсте, за небольшой речкой, расположилось с. Ставки. Простым глазом видно, что в селе копошатся поляки. За селом тянется длинной лентой, в несколько рядов, нескончаемый обоз „галлеровцев". Вправо гарцует панская кавалерия. Отдыхает пехота. Аппетитно дымятся кухни. Как видно, пан и не подозревает нашего присутствия.

Прибыл полк. Подошел командир полка т. Задорожний вместе с орудийным к-ром т. Михайленко (у нас было 1 орудие), в бинокль рассматривают „панов".

Красноармейцы, узнав о близком соседстве „панов" и о нескончаемом обозе, стали беспокоиться, боясь прозевать. Забыта усталость, забыт голод, только одно желание — скорей бы...

Отправляется депутация к командиру полка просить поторопиться. Закаленный в боях, б. партизан, командир полка т. Задорожний в нерешительности, да и есть от чего: с одной стороны, слишком заманчиво напасть врасплох на отдыхающих „панов", с другой стороны — рассудок, опасение больших потерь при нападении на пр-ка, превосходящего нас численностью больше, чем в 10 раз. Притом это лучшие польские части.

Наконец, решается. Отдается быстро приказание 1-й роте в 35 человек, пешей разведке в 12 человек, конной в 8 и двум пулеметам запастись патронами, проверить оружие и быть наготове. 2-я и 3-я в резерве. „Резервисты" недовольны. Но возражать не приходится.

Подается знак. Бесшумно, цепочкой спускаемся с горки к речке. Вдруг гул. Наше орудие дало себя знать беглым огнем. Кр-цы стараются возможно скорей перебраться на ту сторону. Местами вода доходит до груди. Стрекочет „кольт"...

Перебрались. „Паны" растерялись. Забыт вкусный обед. Все несется в панике. Люди, лошади, обоз — все перепуталось. Только один панический страх. Офицеры бегут, на ходу сбрасывая верхнюю одежду и сабли.

Берем первых пленных. Дружно кричим „ура" и стреляем залпами. Мы — маленькая горсточка не успеваем брать пленных. Слишком их много. Все поле усеяно подводами, тюками, ящиками с мануфактурой, солью, сахаром, банками масла, консервов. Я не помню случая, где бы столько

---

[1] Описываемые т. Киселевым события относятся к преследованию польской армии, отступавшей из-под Киева на Житомир и Коростень в результате прорыва польского фронта 1 Конной армией в начале июня 1920 г. *Ред.*

[2] Малочисленность 401 полка в этот период об'ясняется предшествовавшими беспрерывными жестокими боями южнее гор. Белая Церковь, преследовавшими цель привлечения на 45 дивизию возможно больших сил противника для облегчения прорыва 1 Конной армии. (См. предыдущий очерк В. Крейна „Бой под Кожанкой"). *Ред.*

досталось трофеев. Огромное количество ракет, бомб, пулеметов „Шоша", лошади, мулы... Нет физической возможности собрать все трофеи. На помощь приходят крестьяне. Начинают все собирать.

Красноармейцы не обижаются: слишком много всего, всем хватит.

В этом бою особенно отличились пулеметчик Патратий и начальник разведки т. Сокольский. Т. Патратий один захватил семь офицеров, подводу с офицерскими вещами и 12 браунингов. Т. Сокольский лично захватил несколько офицеров и солдат.

Не желая обнаружить своего количества, дальше наступления не повели и перешли обратно через речку в лес.

Долго красноармейцы не могли заснуть, вспоминая удачный бой. По рассказам, у крестьян с. Ставки до сих пор есть еще „барахло" взятое тогда у „панов".

Група командного состава 134 бригады на польском фронте.

Разведка под м. Барановкой. (Волынь). (25 июня 1920 года.)

Начиная с Житомира, идем лесами. Еще один переход остался до р. Случь. Из рассказов крестьян видно, что поляки отступили до м. Барановка, старого укрепленного пункта на р. Случь, имея задачей здесь остановить наше наступление.

Не довольствуясь старыми укреплениями, они, как говорят, лихорадочно воздвигают новые. Эти сведения, имевшие для нас огромнейшее значение, нужно было во чтобы то ни стало проверить.

Ночью сделали последний переход. Расположились в селе С. в 12-ти верстах от поляков. Не успели расположиться, как начальника пешей разведки т. Сокольского и меня, политрука, вызвал командир полка.

Нам не особенно улыбалась перспектива тащиться по грязи на другой конец села, но делать нечего — двинулись.

Пришли в хату штаба полка. Горит свечка. За столом, над трехверсткой, склонились командир и военком.

На нас сразу подействовала обстановка. Чувствовалось, что позвали нас не даром. Наверное, что-нибудь серьезное.

Командир полка знакомит нас с полученным приказом. Нужно во что бы то ни стало выяснить: укрепления под Барановкой, количество противника, где заставы, имеются ли переправы и т. д.

Получив задание, уходим. По дороге решаем выйти из села сейчас же, переночевать в лесу у лесника и на рассвете двинуть дальше.

Быстро собрали „пешку". Вот и хата лесника. Расположились в клуне.

Еще не рассвело, а все уже проснулись. Наскоро поели. Двинулись.

Прошли версты две. Рассвело. В лесу свежо. Настроение бодрое. Об'яснили разведке задачу и двинулись дальше.

Везде кусты черники. На ходу срываем.

Впереди маячит фигура дозорного, по бокам тоже.

Идем с большой опаской. Приближаемся к хутору. Крестьяне рассказывают о сильных укреплениях под Барановкой. Советуют не доверять соседнему хутору Полянке, так как там живут зажиточные польские хуторяне.

Не мешкая, идем дальше. Бдительность усилена.

Входим в колонию Полянка. Сразу чувствуется другая обстановка. Колония зажиточная, похожа на немецкую. Лица хмурые, недовольные. На все вопросы отвечают незнанием. Не задерживаемся, проходим колонию и вступаем в лес. Нервы взвинчиваются. Чувствуется приподнятось. Осталось до реки и до „панов" $1^1/_2$ версты лесом...

Не идем, а крадемся. Ветки не хрустят. Ежеминутно останавливаемся и прислушиваемся.

Подвигаемся ближе к реке. Наконец-то показалось с. Жаборица, соединенное мостом с мест. Барановкой. Остановив команду, подкрались кустами к самому берегу.

Сидим в камышах. Все, как на ладони. Шагах в пятидесяти начинается речка Случь. Совсем не широкая. По другой стороне тянется вдоль насыпи тройной ряд колючей проволоки. Влево лихорадочно строят новые. Вправо — деревянный мост в с. Жаборицу. По краям несколько бочек с горючим. Перила обложены соломой. Как видно, приготовлено к сожжению в случае нашего наступления. На мосту часовые. В окопах солдаты.

Сокольский быстро чертит в записной книжке план окопов и проволоки.

Заиграл рожок. На насыпи строятся поляки. Происходит смена караула и застав. Паны не подозревают о нашем присутствии.

Старательно замечаем расположение постов. Все зачерчено.

Вот опять колония Полянка. Расположились отдохнуть посредине улицы.

Только позже узнали, насколько легкомысленно останавливаться на отдых в $1^1/_2$ вер. от пр-ка, зная враждебное отношение жителей—„шляхтичей".

Выгоняем подводы, чтобы скорее доставить в полк столь ценные сведения. Решаем с н-ком команды, что он поедет вперед на первой подводе, не ожидая остальных.

Поехали. Сижу на последней подводе, лицом к хутору.

Послышались выстрелы. Останавливаемся, ничего не заметно.

Через несколько минут слышен шум приближающейся подводы. Оказывается, Сокольский, услыхав выстрелы, опасаясь за команду, вернулся обратно. Поехали вместе. Не доезжая трех хаток в $1^1/_2$ вер. от Полянки, передний разведчик соскочил с подводы и крикнул:

— Поляки!...

Моментально Сокольский скомандовал:

— В цепь! Огонь!

В ответ дружный залп и „ура!"

Действительно, за хатами шагах в ста виднелась цепь поляков, человек в 50—60. Оказывается, кулачье предупредило поляков, и нам была устроена засада. Тут приходится отметить действительно безумную храбрость разведчика тов. Битюка который с ручным пулеметом „Шоша" с возгласом „ура!" выскочил вперед всей команды шагов на 30, чуть ли не вплотную к противнику, и открыл меткий огонь.

„Паны" не выдержали и отступили. Видя, что противник превышает нас чуть ли не в пять раз, мы решили отойти и пробраться другой дорогой.

Положение не из важных. С одной стороны путь к полку преградила эта цепь. С другой,—в 2-х верстах находится весь противник. Решили быстро отступить обратно по направлению к хутору и затем обойти засаду и двигаться к полку.

Цепочкой идем обратно в лес. Идем лесом. Приближаемся к опушке. Не успели выйти, как выстрел, другой, третий, пулемет... И тут нас ждали.

Сначала растерялись и бросились обратно. Но один из разведчиков крикнул „ура" и это подействовало ободряющим образом. Остановились, дали ответный залп. Паны, не ожидая от нас такой прыти, замолкли.

Положение ухудшалось. Направляемся в третью сторону, к старому лесу. Попали в густой кустарник. Вода чуть ли не до колен. Нам не до этого. Расположились, выставили дозоры, думая просидеть тут до ночи, а потом прорваться...

Противник бешеным перекрестным пулеметным огнем нащупывает нас. Решили не отвечать, чтобы этим ввести его в заблуждение.

Темнеет. Солнце скрылось. Мы промокли. Холодно. Нервы взвинчены... Каждый шорох отдается. Вокруг чернеет черника. Нам не до нее. Решаем ни в коем случае не сдаваться. Необходимо, во чтобы то ни стало, пробиться. О сдаче в плен ни у кого и мысли нет.

Наступила ночь. Выглянула луна. Разведчик тов. Чернов предлагает попробовать пробраться через расположение. Одно плохо, компас испорчен, но это не беда: Чернов берется по звездам вывести. Пустились в путь. Лесной зверь мог бы позавидовать нашему уменью ползать. Никакой команды. Что делает Чернов, то и мы.

Залаяла вблизи собака. Мы замерли. В мозгу проносится мысль, вдруг она разбудит своим лаем поляков.

Замолкла. Ползем. Наконец, миновала главная опасность. Мы—в старом лесу.

Снова треск и голоса. Замерли. Неужели поляки? Нет, как будто русский говор.

Ползем ближе. Окликнули. Оказывается, разведка 402 полка. Узнаем, что наш полк на старом месте.

К рассвету прибыли. Никто нас не ожидал. Вся команда считалась пропавшей без вести.

За эту разведку вся команда была представлена к серебряным часам, о чем был отправлен рапорт в штаб 1-й Конной армии.

А. САВЧЕНКО.

Ценою крови лучших борцов.

(Бой под Ново-Миронолем).

Славный был бой. Яркие примеры самоотверженности и упорства были в нем показаны многими бойцами.

Здесь же погиб отважный и до конца преданный пролетарскому делу командир полка т. Попа.

Дело было в ночь с 24 на 25 июня 1920 года. 399 стр. полк, недавно перед этим пополненный молодыми бойцами, к вечеру 24 июня сосредоточился в селе Булдычев (в 7 верстах от Ново-Мирополя), имея в своем составе три полных роты, общей численностью до 400 штыков при 6 пулеметах.

Белополяки прочно занимали Мирополь, Новый и Старый, имея на восточном берегу окопы и проволочные заграждения. Этот район хорошо был укреплен ими еще в 19 году, во время продолжительной стоянки на р. Случь. Кроме того, сама местность благоприятствовала противнику: западный скалистый берег — господствующий и дает большие возможности для упорной обороны на случай отхода за реку.

Комполка тов. Попа решил овладеть городом внезапным ночным налетом.

„Ново-Мирополь должен быть нашим" — вот лозунг, под которым он решил вести красных бойцов.

На совещании в штабе тов. Попа ставил перед каждым из командиров рот ясные задачи:

„Прямо в лоб, по дороге на Н.-Мирополь, пойдет первая, правее—третья с конразведкой, вторая—за первой, в резерве для развития удара. Подходя к расположению противника, ротам бесшумно снять его посты, после чего также бесшумно резать проволоку для расширения проходов и врываться для удара по противнику".

При ротах — опытные и надежные проводники из местных крестьян, ранее разведавшие места и расположение имевшихся проходов в проволочных заграждениях.

Данные о противнике были крайне скудны и носили слишком общий характер: мы знали, что белополяков, по крайней мере, втрое больше

нашего, что у них артиллерия и много пулеметов и хорошо, для полевого боя, укрепленные позиции.

Бойцы знали мало о своем противнике, но так ясно и так уверенно говорил Попа, что эта уверенность через командиров рот и остальной комсостав невольно передалась всей массе бойцов.

Двинулись. Шли молча и не заметили пройденных семи верст. Тов. Попа при 1-й роте.

Вдруг окрик:

— Кто йдзе?

Значит нам не удалось снять его бесшумно.

С этого и началось.

1-я рота невольно, без команды рассыпалась в цепь. Завязался жаркий бой.

...Начинался рассвет, а мы еще не овладели проволокой. Попа начал торопиться. Вызвал вторую. Сам вместе с смельчаками полез резать проволоку, прорвался, сцепился с противником, который численно превосходил его во много раз и, будучи тяжело ранен в обе ноги, живот и грудь, остался за проволокой. Несколько раз схватывали бойцы своего командира, чтобы вынести к своим, но падали, раненые или убитые...

Первая мужественно дралась, ведя огневой бой левее, напрягая все силы, чтобы привлечь на свою сторону возможно больше внимания и сил противника. Поляки засыпали ее ружейными гранатами, поливали пулеметами и давили артогнем.

В самом буквальном смысле этого слова трудно было найти живое место.

— Тов. командир,—слышит комроты первой от одного, другого, третьего...—Помоги, умираю...

Ползем дальше к цели — к проволоке.

Повторные предсмертные призывы умирающих бойцов...

Вдруг разрыв гранаты... Комроты падает... Грудь в крови... Легкое забытье. Значит, конец... Но сердце бьется. Комроты вскакивает, бежит вдоль цепи, поднимает бойцов для последнего удара...

В это время вторая отхлынула и начала медленный отход, упорно отбиваясь от противника, вышедшего из окопов.

Комроты первой, не видя комполка, принимает на себя командование обеими ротами. Вид его, с окровавленной грудью, вызывает доверие, и бойцы медленно, шаг за шагом, прикрываясь огнем пулеметов, поставленных уже на тачанки, отходят на указанные в тылу позиции.

Наиболее глубоко проникла третья рота. Она вместе с конной разведкой ворвалась в расположение бело-поляков и гнала их до переправ, но, будучи изолирована и под пулеметным огнем с тыловых точек, до того молчавших, с трудом выбралась обратно.

Комбат, политрук и три красноармейца 3-й роты, не имея возможности вырваться из окружения бело-поляков, остались в Старом Мирополе и были там укрыты местными жителями до нашего прихода.

...С утра 25-го начался методический бой. Заговорили дружно батареи. К нам подошел отряд коммунаров — гордость нашей бригады.

27-го вечером Ново-Мирополь был наш.

... Много спустя от пленных, участвовавших в бою под Н-Мирополем, мы узнали, как тов. Попа взяли в плен, как белые офицеры-поляки издевались над ним и как т. Попа под тяжестью 4-х ран, умирая, упорно твердил:

— А все таки Ново-Мирополь будет нашим[1].

А. Н. Савченко—народный учитель, член ВКП(б) с 19.0 г., начал службу в 45 дивизии весной 1920 г. на польском фронте в должности командира взвода, командовал 1 ротой 399 п. в бою под Н. Мирополем. В дальнейшем занимал должность командира баталиона, помощника командира и командира 399 полка. В 1921 г.—командир 134 бригады, затем (1923—1924 г.) помкомдив 3 Крымской и начальник и комиссар Сумской пехотной школы комсостава (1925 - 1927 гг.) Сейчас начальник и комиссар Киевской пехотной школы комсостава.

Награжден орденом Красного Знамени за храбрость и распорядительность, проявленные в бою под д. Стронибабы (Галиция, сентябрь 1920 г.).

[1] Описание смерти тов. Попы дает также т. Якир в очерке „Так боролись и умирали они“ (помещен ниже). *Ред.*

А. САВЧЕНКО.

Грицевский кулак.

(Первая встреча с 18 польской дивизией).

45-я дивизия в конце июня вышла на р. Горынь от Славуты до Изяславля, оставив позади себя дорого давшийся рубеж р. Случь. Шепетовка, местечко и станция, были захвачены с налета 400 полком. Противник—10-я польская пехотная бригада усиленного состава, достаточно потрепанный, отступал на запад. Операции дивизии, казалось, должны были развиваться в западном направлении.

И вдруг 1 июля—сведения о группировке крупных сил белополяков на юге, у м. Грицев, где мы их совсем не ожидали. Откуда же мог взяться этот новый противник, угрожавший фланговым ударом опрокинуть фронт 45-й?

Нужно сказать, что это обстоятельство так и осталось для нас загадкой на продолжении долгого времени. Отрывочные сведения разведок и ряд разыгравшихся боев дали лишь основание для заключения, что появившийся на нашем фланге противник—18 польская дивизия, обладающая, повидимому, крупными силами и чрезвычайно напористая. Много спустя стало известно, что эта дивизия, одна из лучших по своим боевым качествам и управлению и более других сохранившая свой численный состав, была снята польским командованием с Летичевского направления с специальной задачей нанести удар по левому флангу Конной армии, дравшейся у Острога и Ровно. На этом ее пути оказалась наша 45-я, и на нее то обрушилась польская ударная группа всей своей пятитысячной массой.

Удар пришелся по 133 бригаде, занимавшей район Чотырбоки-Вербовцы-Марковцы. Вот как это происходило.

2 июля 133 бригадой был выслан отряд из двух рот и одной батареи под моим командованием для занятия м. Грицев. Утром отряд имел бой под м. Грицев, которым были выявлены значительные силы противника в этом районе. Понеся потери, отряд отошел и занял позиции у села Коськов, имея в дер. Лотовка (5 верст сев.-зап. Грицева) заставу при пулеметах. Целый день прошел спокойно. Было произведено несколько успешных поисков в сторону м. Грицев, приводили пленных, взятых в лесу у м. Грицев, но от них ничего не добились.

Днем к нам подошел отряд коммунаров и наш 399 полк (состоявший из одного батальона). В общее командование всеми силами об'единенными тогда же в 399 полк, вступил командир коммунистического отряда т. Копецкий.

Перед вечером со стороны Вербовцы через Косько прошел 400-й полк, следовавший в новый пункт сосредоточения—Белополь. Накануне этот полк имел бой где то южнее, но выявить намерения противника ему также, как и нам, не удалось[1].

Штаб 400 полка на польском фронте. Сидит на табурете компольса т. Боричевский, справа военком полка т. Коломиец.

Мы чувствовали себя в занимаемом районе достаточно уверенно, вели разведку, наблюдение и пр., но об одном позабыли: не обеспечили своего тыла на случай боя, а за нами была река (Хомора) и довольно большое озеро и болото у с. Коськов при одной только годной к переправе плотине.

Перед вечером, совершенно неожиданно, внезапным налетом противник, скрытно пробравшийся по высокой ржи за отходившей нашей разведкой, открыл бешеный ружейный и пулеметный огонь и принудил наши части к отходу.

Нужно прямо сказать, что отходить через единственную плотину было „трудновато“ и „туговато“, и было до боли жаль, что никто об этом не подумал раньше.

Отступая, полк понес урон. Особенно тягостной была потеря 40—50 коммунаров, загнанных в болото и прижатых к озеру. Этой потери сразу

---

[1]. 400-й полк и 2-й кавполк кавбригады Котовского 2 июля имели сильный бой с одной из наступавших колонн 18-й польской дивизии у д. Губча (юго-зап. м. Грицев). Подробности этого боя описаны т. Криворучко в очерке „Потеря батареи“ (статья „Котовцы против белополяков“, помещена ниже). *Ред.*

сгоряча мы не заметили и выявили ее лишь по окончании боя, а о том, что переживали, будучи загнаны в болото, коммунары и как они потом, спасаясь от плена, выбирались к нашим частям, мы узнали много позднее от нескольких из них, вернувшихся в полк.

Отойдя за реку, мы продолжали отход, взяв направление на Белополь, куда ранее направился 400 полк, не принимавший участия в бою. Противник, налетевший шквалом, также внезапно остановился и не преследовал, что, конечно, было странно, так как он значительно превосходил наш полк своей численностью. Это ясно показал бой. Но об этом „как-то" тоже никто не подумал.

Поздно вечером оба полка, 399 и 400-й, сосредоточились в селе Белополь. Связь с штабригом 133 отсутствовала. Начали совещаться: два комполка разных бригад и командир артдивизиона. Комполка 399 тов. Копецкий был серьезно болен и лихорадил. Командование полком перешло ко мне.

Во время совещания поступило донесение, что противник неожиданным ударом выбил нашу заставу из с. Лотовка, но захватив Лотовку, далее не преследовал. Нами было сделано заключение что поляки будут пробиваться на Изяславль. Мы рассматривали Грицевскую группировку противника, как дивизию, которая, запоздав с отходом, пробует нанесенным нам ударом наши силы с тем, чтобы проложить себе дорогу на запад. Считаясь с крупным превосходством сил белополяков, решено было отвести наших два полка к северу.

В этот момент комполка 399 был вызван на передаточный пункт связи для доклада начдиву 45. В то время, как полки начали готовиться к выступлению, я с ординарцем выехал к пункту связи, расположенному в открытом поле, в 3—4 верстах сев.-зап. д. Белополь.

Доложив план действий и получив утверждение, я медленно возвращался обратно, обдумывая план выполнения предстоящей операции, которая в двух словах заключалась в том, чтобы вывести полки (399-й и 400-й) в район Серединцы-Решневка Великая (всего 4—5 верст к северу от д. Белополь) и, став фронтом к югу, ударить отходящему на запад противнику во фланг и разбить его.

Я возвращался один, так как ординарец был послан вперед к частям с приказанием ускорить движение, а головной роте 399 полка было передано приказание—выдвинуться в район пункта связи для заслона маневра, на случай, если противник попытается предупредить нас во времени.

Но „маленькая случайность" спутала все расчеты и очень печально отразилась на выполнении намеченного плана действий.

Возвращаясь с пункта связи, я „маленько" сбился с дороги, хотя и была лунная ночь: взял чуть правее и натолкнулся на польские посты.

Громкий возглас „кто идзе?" — остановил меня и заставил крепко призадуматься.

„Кто бы это был?.. Не ослышался ли?"—молнией пронеслось в голове.

Неужели белополяки успели предупредить нас в движении?.. На всякий случай громко спросил:

— А тебе кого надо?

— Дуй,—услышал я тихий шопот.

Возглас „дуй" сказан был по русски, но я уже не сомневался. Я понял смертельную опасность, повернул лошадь обратно и дал ей шпоры, но в тот же момент почувствовал и явно ощутил под собою, как несколько пуль вошло в круп лошади. Дело было сорвано, ибо противник был близко, свои части далеко, а у меня не стало лошади, и сам я едва не был подстрелен, как куропатка.

Ф. С. Павлюк—бессарабец, участник Хотинского восстания, начальник контрразведки 39 полка, участник всех его походов и боев. Награжден орденом Красного Знамени за смелый налет на польский эшелон южнее гор. Изяславля (Волынь). Сейчас в с. Сокола, Каменец-Подольского округа, занимается сельским хозяйством.

Я успел только добежать до головной роты и дать ей самые краткие указания по заслону марша. Успел также лично предупредить комполка 400 о грозящей опасности...

А дальше?.. Дальше начался бой.

Белополяки подошли превосходными силами, и бой вспыхнул сразу в нескольких пунктах. Все пришло в движение и заметалось... Батарей не удалось поставить на позиции... Обоз сгрудился между колоннами пехоты и пулеметными тачанками... Развертывание походных колонн для боя происходило стихийно. Полки разбились на отдельные дерущиеся группы бойцов вне связи друг с другом. Не обошлось и без паники...

Я буквально задыхался. Ко всему прочему в злосчастном столкновении с постами белополяков я потерял знакомую всем бойцам кепи, и не все меня узнавали.

Было ясно по ходу боя, что мы окружены, по крайней мере, с 3-х сторон превосходными силами противника, который к тому же предупредил нас в маневре.

Красноармейцы дрались, несмотря на усталость и заведомо неудачный исход боя, прекрасно. Несколько раз отдельные роты бросались на противника в атаку, чтобы разогнуть сдвигающееся кольцо. Особенно своею стойкостью выделялись бойцы отряда коммунаров.

Тогда начался выход из боя...

Удалось вывести половину конразведки, часть 1-го баталиона и около роты из отряда коммунаров. Из двух батарей спасли только одно или два орудия. Этот сборный отряд, выйдя из кольца, свернул несколько на запад, затем, от деревни Макеевцы, мы круто взяли на север и к утру были под Шепетовкой. Здесь нашли штабриг 133 (отступивший из д. Чотырбоки). Не хватало в полку около 200 красноармейцев.

Однако, уже утром пришла половина конразведки, а к полдню подтянулась и пехота—многие кр-цы, которых мы считали погибшими. Все они „вырывались" из боя группами и по-одиночке и затем по „нюху" шли в направлении на Шепетовку. Только весьма небольшая часть во

главе с больным комполка 399 т. Копецким, осталась в с. Белополь, будучи не в силах выбраться из окружения.

К вечеру второго дня эта часть тоже вернулась в полк, и мы узнали, что произошло после нас.

Захватив село Белополь, белополяки на рассвете начали проходить цепью по огородам с целью поимки ненавистных им большевиков. Тов. Копецкий, отстреливаясь из клуни, убил пятерых поляков и готов был покончить с собой, как вдруг крики: „Катовски, Катовски...“

Бригада тов. Котовского крепким ударом развязала почти завязанный над нами ночью узел. Оставшиеся в селе красноармейцы были свободны, потерянная батарея—отбита.

Был и другой весьма характерный случай.

Помощник начальника конной разведки, оставшись без лошади в с. Белополь, при виде белополяков заскочил в дом к попу и „твердо“ потребовал сохранения тайны. Затем, переодевшись в штатское (взятое у того же попа), превратился в „учителя“ молодой поповны. С ролью учителя он справился отлично и заходившие поляки, по его словам, вовсе не подозревали в нем большевика, хотя в грамоте он был весьма не силен. Хорошо, что эту роль ему пришлось выполнять только пару часов.

В общем итоге этот бой явился для нас весьма поучительным. Впредь вопросам охранения и обеспечения стало отводиться в бригаде почетное место.

На следующий после боя день полк встал на позицию в районе Лозычно, выслав передовые части в Серединцы.

Но противник ушел на Изяславль. Следующая встреча с ним была под Дубно.

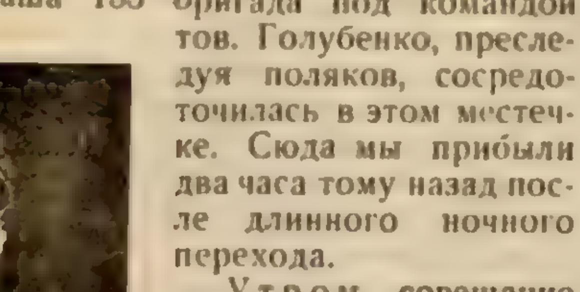
Н. КАЗАДАНОВ-де РЕКРЮ.

Под Кременцем, 11 июля.

(Воспоминания)

(Карта 3 вер в дюйме.)

Местечко Шумск, 10 июля 1920 года. Тихое летнее утро. Наша 135 бригада под командой тов. Голубенко, преследуя поляков, сосредоточилась в этом местечке. Сюда мы прибыли два часа тому назад после длинного ночного перехода.

Н. П. Казаданов-де Рекрю, сын железнодорожного рабочего, активный участник подавления белогвардейского восстания в г. Ярославле в 1918 году. В Красной армии с 1918 года, командир 393 Таращанского полка 44 дивизии (в 1919 г.), затем 405 полка 45 дивизии (март-июнь 1920 г.) и 404 полка той же дивизии (июль—август 1920 г.). Самоотверженный, боевой командир, участник и руководитель многих боевых операций. Награжден орденом Красного Знамени за мужественное и умелое руководство боем 405 полка под д. Кожанка (близ Белой Церкви, май 1920 г.).

Утром совещание комбрига с командирами полков. Решено преследовать отступающего на Кременец противника по двум направлениям, а именно:—одним полком по шоссе Шумск—Новостав—Кременец, другим полком в направлении Шумск—Рахманов—Жолобки — Тылявка — Чугали. Задача бригады—взять Кременец, отрезав гарнизону отступление через р. Икву.

На меня, командовавшего 404 полком, была возложена задача вести преследование по шоссе Шумск — Новостав — Кременец; я решил к вечеру того же дня во что бы то ни стало достигнуть высоты 162,5 и с занятием последней подготовить решительный удар на город Кременец.

403 полку было приказано следовать по дороге: Шумск—Рахманов—Жолобки—Тылявка и к вечеру того же числа занять Чугали, откуда, согласуясь с действиями 404 полка, повести наступление, пользуясь теснинами горного кольца, опоясывающего Кременец, через высоту 187,4, прикрывающую город с севера, на станцию Кременец, чтобы таким путем запереть главный выход из города, переполненного противником, а закрепив за собой станцию, повести одним батальоном наступление на Королевский мост, что северо-западнее Кременца на реке Иква.

Третий полк нашей бригады, 405-й, составлял бригадный резерв и двигался на подводах следом за 404 полком, на расстоянии 3—5 верст.

Справа от нас, где-то на севере, двигались части 134 бригады, приблизительно в районе Антоновцы. Слева конные части бригады Котовского в районе м. Вишневец, где разгорались упорные бои.

Выбросив вперед свою испытанную конную разведку и, подталкивая ею в затылок отходящие польские части, полк к вечеру занял выс. 162,5.

Справа 403 полк также подошел к предм. Чугали и дер. Веселовка.

Слева бои конных частей продолжались в районе м. Катербург.

Нам необходимо было вести энергичное наступление, чтобы отвлечь силы противника из района Катербург в район Кременец и тем дать возможность нашим конным частям прорваться в его тыл.

Если читатель заглянет в карту, то увидит, какое каменное кольцо из несокрушимых гор опоясывает Кременец, гор, покрытых лесом, скрывающим от глаз укрепления противника, позиции батарей, пулеметов, минометов...

Противник, имея господствующее положение, был спокоен и мало, повидимому, обращал внимания на нас, толпившихся у подножия гор, прикрывающих город.

Ночь с 10 на 11-е июля ушла на разведку подступов к гор. Кременец, расположения противника и его группировки. К утру было выяснено,

что гор. Кременец занят 10 пех. бригадой (три полка полного состава), 4 Подхолянским полком и 4-мя батареями.

11-го в $8^1/_2$ час. командир 403 полка тов. Виноградов, действовавший от меня справа, в районе дер. Веселовка и предм. Чугали, сообщил мне, что с частями, действующими правее его, он непосредственной связи не имеет, что его конная разведка нащупала их на севере где-то за Антоновцами (от Кременца на северо-восток верст 15—18) и что противник занимает деревни Малая и Большая Андрюга и Белокриница (все севернее Кременца) и угрожает правому флангу его полка. Он добавил, что хотя его продвижение вперед является мало возможным при данной обстановке, он все же будет 404-й полк поддерживать, и в случае занятия 404 полком города, он займет станцию Кременец.

Уверенный в поддержке 403 полка, я в 10 час. повел атаку на гор. Кременец.

Я не буду подробно описывать этой атаки. Она успеха не имела, да и не могла иметь, ибо безумно было думать взять город простой фронтальной атакой, город, защищенный неприступной естественной каменной громадой, насыщенный живой и технической силой противника. Атака мною производилась с востока, прямо в лоб, имея осью наступления шоссе Новостав—Кременец.

Чтобы ворваться в город, нужно было придумать хитрость, применить комбинацию. И вот, в $12^1/_2$ час. я на глазах противника передвигаю целый батальон вправо, к предместью Сычевка, расположенному на южном склоне высоты 187,4, и продолжаю демонстративно развивать дальнейшее наступление этим батальоном, как-бы нащупывая самое слабое место противника для нанесения решительного удара.

Затем для усиления намеченной демонстрации я выдвигаю в подкрепление батальону еще одну роту, маневрируя ею на глазах противника так, чтобы противник роту мог принять за много бо́льшую единицу.

Продвижение вправо-вперед батальона с ротой, помимо демонстрации наступления, требовалось еще и в обеспечение правого фланга 404 полка на всякий неожиданный случай. Впоследствии правильность моих действий была доказана тем, что при отступлении 403 полка и оголении правого фланга 404 полка батальон с ротой сыграли колоссальную роль и спасли положение полка.

Энергичное наступление батальона на правом фланге и сосредоточение там артиллерийского огня ввело в заблуждение противника. Наша демонстрация не на шутку его встревожила, он занервничал и стал поспешно передвигать пехоту с других участков в район предм. Сычевка.

Пешая разведка 404 полка на польском фронте. Крайний слева в черной шапке с биноклем, командир 404 полка тов. Казаданов-де Рекрю.

Батальон, еще до подхода подкреплений противника в предм. Сычевка, атаковал это предместье и выбил из него части противника, закрепив предместье за собой. Таким путем, создав угрозу левому флангу противника, занимавшему предм. Липовцы, и введя его в заблуждение относительно выбора пункта для прорыва его укрепленной полосы, я решил применить принцип внезапности, а именно: повести атаку там, где противник больше всего был уверен в неприступности своих укрепленных позиций и никак не мог бы себе представить подобной дерзости с нашей стороны — по шоссе Новостав-Кременец через предместья Липовцы и Боновка. К этому времени мною были переведены резервный 2-й батальон и команда пеших разведчиков из лощины, что западнее выс. 162,5, по одному, ползком, под прикрытием мелкого кустарника, под самое предместье Липовцы и сосредоточены в кулаке, с правой стороны шоссе, в кустах.

Противник, уверенный в своем превосходстве в данном районе, был спокоен и, сняв некоторые части из предм. Липовцы, перебросил их на усиление своего левого фланга в район предм. Сычевка, где четыре роты 404 полка, развивая наступление, угрожали прорывом фронта и ударом во фланг.

Я выждал наивысшего разгара боя в районе

предм. Сычевка и, как только несмолкаемая трескотня пулеметов, ружейный огонь и непрерывный грохот орудий достигли предельной силы, я отдал приказание 2-му батальону и команде пеших разведчиков приготовиться к атаке.

И когда противник усиленно занервничал, прислушиваясь к бою в районе предм. Сычевка и ослабив наблюдение на участке предм. Липовцы,—я подал сигнал к атаке.

Когда батальон и команда пеших разведчиков внезапно выросли в 20-ти саженях перед противником и с криками „ура" бросились вперед, поляки так растерялись, что не успели десятка раз выстрелить, как уже были смяты и в панике бежали в город, бросая на своем пути отступления ружья, пулеметы, гранаты и снаряжение.

2-й батальон и полковая команда пеших разведчиков на плечах противника через предм. Липовцы и Боновку к 17 часам ворвались в город. Части же противника из района предм. Сычевка и выс. 187,4 стали отходить к стан. Кременец, боясь удара с тыла, т. е. из города, куда ворвались наши части. В это время противник, занимавший Большие и Малые Фольварки, стал делать усиленные попытки нанести нам удар в тыл с юго-восточной стороны, чем и вынудил комбрига бросить в район Новоселки 405-й полк—бригадный резерв.

На улицах гор. Кременца противник стал приходить в себя и, видя незначительность и распыленность наших войск, ворвавшихся в город, стал организовываться в отдельные отряды для уличных боев под прикрытием огня пулеметов; последние были расположены на высотах, что западнее города, и имели под обстрелом весь город.

Уличный бой разгорался все более и более.

Мы продолжали теснить противника вдоль города с юга на север к станции, занимая постепенно дом за домом. Нами было захвачено 2 батареи, 12 пулеметов и много технического и материального имущества.

И вот, в самый разгар уличного боя, как раз в тот момент, когда правофланговый батальон 404 полка уже преследовал отходящего из района предм. Сычевка противника к ст. Кременец,—значительно превосходные силы поляков (части 18-й пех. дивизии) повели наступление из района Белокриница и Веселовка через дер. Кучери и на правый фланг 403 полка, обходя последний. 403-й полк отскочил в предм. Чугали, а оттуда—на выс. 162,5. Таким путем он не только открыл мой правый фланг, а даже допустил противника зайти мне в тыл, так как вслед за отходом 403 полка из Чугали на выс. 162,5 противник занял Чугали. Я вынужден был быстро отвести свой правофланговый батальон в предместье Сычевка и загнуть правый фланг так, чтобы он фронтом был на Чугали.

Поддерживая связь с частями в городе, правофланговые роты полка, продолжая бой, постепенно выстраивались фронтом к востоку по мере продвижения противника, преследовавшего 403 полк.

Фронт 404 полка изогнулся кольцом.

Одновременно с наступлением частей 18 дивизии на правый фланг 135 бригады, части 10-й пехотной польской бригады с 4-м стрелковым Подхолянским полком перешли в контр-атаку со стороны Грабовки (слева). Цель противника стала для меня ясна. Противник, видимо, спешил отбросить 403 полк с выс. 162,5 и запереть меня с полком в городе.

В такой обстановке, имея у себя в тылу части противника, я больше не мог задерживаться в городе, так как единственный выход из города,—на восток, каждую минуту мог быть захвачен значительно сильнейшим противником, занимавшим предм. Чугали и я оказался бы запертым в городе.

Я отдал приказание отходить из города. Два батальона, находящиеся в городе, и команда пеших разведчиков полка с боем отходили из города по шоссе Кременец—Новостав, а правофланговый батальон и рота, что находилась в предм. Сычевка, были фронтом перестроены на Чугали с тем, чтобы ударом на Чугали отбросить противника, занявшего последние, и тем обеспечить выход полка из города, а также выручить 403 полк, атакованный противником на выс. 162,5.

Разгорелся новый бой. Тыла не было. Кругом был фронт. Несмотря на большие потери, обе стороны дрались отчаянно. Грохот орудий, методичный стук пулеметов, трескотня ружей, крики и стоны—все слилось в одном безумном вопле. Через час кровопролитного боя, противник был отброшен с тяжелыми потерями из предм. Чугали на Белокриницу и к 23 час. 404 и 403 полки заняли свои первоначальные позиции.

12, 13 и 14 июля продолжались чрезвычайно кровопролитные бои под Кременцем. Бригада понесла тяжелые потери у неприступных Кременецких твердынь, защищавшихся противником, вдвойне превосходившим нас численностью. Но полякам Кременецкая оборона тоже обошлась не дешево. 10-я польская пех. бригада понесла жестокий урон в этих боях.

Позднее пришлось перестраивать весь план наступления на Кременец. Пришлось всей нашей ударной группе уходить на север в район Дубно, перейдя здесь реку Икву, спускаться через район Верба на юго-запад, и через Бродок на юг, в район дер. Гряда,—в тыл Кременцу.

А. МИНИН.

Под Кременцем, 12 июля.

11 июля части 135-й бригады подошли с восточной стороны к городу Кременцу. За время боев полки сильно уменьшились количественно, и в них к описываемому моменту насчитывалось, в среднем, не более, чем по 300 штыков. Город же защищался несколькими польскими полками. Поляки умело использовали естественные рубежи, и нам казалось, что мы Кременца никогда не возьмем. Но все же части напрягли все силы, чтобы достигнуть хотя бы частичных результатов, ожидая решительных успехов от действий нашей конницы, работавшей слева. Красноармейцы, полураздетые и голодные, лезли на высокие горы, спускались в глубокие овраги, все время ползая на животах, потому что горы и овраги были покрыты густым орешником, не раз выбивали поляков из их окопов, но, в конечном счете, принуждены были отступать, так как поляки, обладая огромными резервами, фланговыми действиями быстро ликвидировали наши успехи. Как нам, так и противнику маневрировать позволяли огромнейшие леса, тянувшиеся с юга на север.

А. Ф. Минин—бессарабец, красный партизан, командир 405 полка на всем его боевом пути. Под умелым и твердым руководством т. Минина 405 полк вырос в одну из самых крепких боевых частей 45 дивизии. Награжден орденом Красного Знамени. Сейчас помкомполка в СКВО.

Наши 134 и 133 бригады вели ожесточенные бои на реке Иква за обладание городом Дубно. Но и они решительного успеха не имели. Расстояние же между Дубно и Кременцем в 30 километров, сплошь покрытое лесом, никем из наших частей не освещалось и не охранялось. Комбриг 135 тов. Голубенко, наоборот, все свое внимание обращал на юг и от резервного 405-го полка выставил заслоном весь 2-й баталион и конную разведку в дер. Новоселки, опасаясь, как бы противник не появился оттуда неожиданно у нас в тылу. 405-й полк расположился в 1 километре юго-вост. д. Чугали, у дороги, что идет из м. Шумск на Кременец, 403-й полк вел бои за д.д. Чугали и Веселовка, что в 3-х километрах восточнее и сев.-восточнее города, а 404-й вел наступление на предм. Сычевка, Липовцы и Яшуки. К вечеру 11 июля оба полка захватили вышеуказанные предместья и вплотную подошли к городу. Противник засел на неприступных высотах, защищающих город с востока, а наши полки расположились цепями у самого города и стали ждать утра.

На рассвете 12-го развернулись ожесточенные бои по всему фронту. Поляки наступали. Оба полка упорно обороняли захваченные накануне предместья, и противник стал выдыхаться. Но вскоре события приняли другой оборот.

Польское командование, видя, что полки красных вплотную подошли к Кременцу и угрожают захватить город, сорганизовало фланговый удар двумя полками 18 пехотной дивизии, занимавшей район Белокриница-Лишня-Шепятин и не имевшей против себя наших частей. В разгар боя, приковавшего наши полки к фронту, внезапно справа показались обходящие густые польские цепи, принадлежавшие 42-му и 44-му польским полкам. Вмиг 403 полк был смят и в беспорядке отступил из Чугали, но поляки уже обошли его с тыла, а с ним и 404-й полк, по которому теперь пришелся главный удар. Оба полка, попав в кольцо, прилагали бешеные усилия разорвать его. Потери были велики, велико и расстройство частей.

На время обходное движение поляков было задержано конной разведкой 403 полка. Берковский (начальник конной разведки, бывш. махновец) открыл огонь из двух станковых и двух легких пулеметов по польской колонне. Поляки смешались. Тогда он с своими 50 саблями несется в атаку и врезается в польские цепи. Но поляки быстро привели себя в порядок, отбили разведку, загнав ее обратно в лес, и двинулись дальше. 403-й полк, вернее, наиболее стойкие его части, не разбежавшиеся от флангового удара противника, продолжал оставаться в окружении, тщетно стараясь пробиться на восток.

Охват угрожал теперь и 405-му полку, стоявшему на дороге Кременец-Шумск в непосредственной близости Чугалей.

Комполка 405-го, при первых же сведениях, что поляки заняли Чугали и забирают на восток в сторону д. Людвище, (с целью, повидимому, отрезать путь отступления всей бригаде), имея у себя под рукой 1-й баталион и пешую разведку, последней дал задание двинуться к Чугали и выяснить, действительно ли противник, занял уже село. 3-ей роте 1-го баталиона было приказано по канаве, вдоль дороги, идущей на Шумск, бегом продвинуться к опушке леса, что в 6-ти километрах западнее Людвище и здесь загородить дорогу полякам. Остальным двум ротам 1-го баталиона приказано рассыпаться в цепь тут же по канаве, фронтом в сторону Чугали и леса в ожидании поляков. Во 2-й баталион был послан ординарец с приказанием спешно двигаться на присоединение к полку.

3-я рота, пригибаясь, быстро бежала по канаве к опушке леса. В это время, у самого леса, куда двигалась пешая разведка, разыгралась катастрофа. Начальник пешей разведки т. Воробьев,[1] вместо

[1] Тов. Воробьев, начальник пешей разведки 405 полка с июня 1920 г., впоследствии геройски погиб в бою с белополяками у дер. Наквашa на галицийской границе 4/VIII 1920 г. *Ред.*

того чтобы двигаться со всеми предосторожностями и цепью, двинулся на Чугали в колонне, выслав вперед всего лишь несколько пар отдельных разведчиков. Поляки захватили дозорных и, подпустив поближе к себе всю разведку, открыли по ней сильнейший ружейно-пулеметный огонь. Вмиг почти вся разведка была перебита, сам же Воробьев ранен в руку.

Лишь только со стороны Чугали раздались первые польские выстрелы, весь 1-й баталион начал обстреливать Чугали и лес. Между поляками и 1-м баталионом завязался огневой бой. Баталион поддерживала одна из батарей артиллерийского дивизиона бригады.

Н. Г. Шанцевой — бессарабец, красный партизан, один из самых храбрых командиров 45 дивизии. Командир роты 405 полка со дня его основания и до сегодняшнего дня (комроты 6 133 полка). За геройскую контр-атаку против во много раз сильнейшего противника в бою под г. Кременцем 12 июля 1920 г. награжден орденом Красного Знамени. Член КП(б)У.

Комполка сообразил, что в настоящий момент 3-я рота в силу занимаемого ею положения может сыграть выдающуюся роль. В истории войн бывали такие случаи, что маленькие части спасали положение крупных войсковых соединений. То же случилось и здесь. Маленькая 3-я рота в 46 штыков, под руководством своего боевого и до безумия храброго командира-бессарабца тов. Шанцевого, спасла от разгрома всю бригаду и помогла выскочить из кольца 403-му полку.

Случилось это все следующим образом.

Комполка, пригнувшись, мчался во весь дух по канаве к 3-й роте, оставив руководить боем полка своего помощника Кульчинского[1]. 3-я рота уже достигла по заданию опушки леса, рассыпалась по канаве в цепь и ждала появления поляков. По дороге комполка попалась конная разведка 403-го полка, сабель 30, вырвавшихся из окружения. Увидав начальника конной разведки Берковского, комполка именем комбрига приказал ему сейчас же собрать свою разведку и прикрыть от обхода противником правый фланг 3-й роты. Берковский понесся по дороге исполнять полученное приказание, и вскоре вся разведка скрылась в лесу[2].

Прискакав на участок 3-й роты, комполка застал там следующее положение. Из лесу, с севера, двигалась польская цепь штыков в 100—120, наступая на 3-ю роту. Вскоре из лесу показалась и вторая цепь поляков, раза в два больше первой. Это и была обходная группа противника. Комполка понял, что он не дал промаху, выбросив быстро вправо 3-ю роту. Теперь только нужно было заставить поляков повернуть обратно и положение бригады будет спасено. 3-я рота начала перестрелку с наступающими польскими цепями. Первая цепь поляков приблизилась к расположению роты на 300—400 шагов. Было видно, что поляки, если им не помешать, бросятся на роту в атаку. Комполка решил их предупредить.

— Шанцевой, подыми роту и иди в атаку,— приказал комполка. Красноармейцы как-то недоуменно повернули головы на комполка и, небось, подумали, не сошел ли наш комполка, чего доброго, с ума. Но Шанцевой вылез из канавы, стал спиной к полякам, расставил ноги и руки в стороны и крикнул во все горло:

— Товарищи, все за мной вперед! Не дрейфь, не смотри на то, что нас мало, а поляков много. Мы им сейчас зададим перцу!..

Красноармейцы привыкли верить ему, и сейчас они с воодушевлением, дружно вылезли из канавы и устремились за своим героем-командиром, бежавшим впереди своей роты с наганом в руке. Рядом с ним бежал политрук роты. Поляки, не ожидавшие нашей атаки, растерялись, отдельные их солдаты, струсив, стали удирать обратно в лес. Но в целом цепь поляков остановилась и приготовилась встретить 3-ю роту. Их командир выступил на несколько шагов вперед с револьвером в руке и, гордо подбоченясь, стоял и выжидал подхода роты. Вырвавшийся вперед политрук, увидав офицера, подскочил к нему с винтовкой и скомандовал: „руки вверх!" Поляк поднял руку с револьвером, раздался выстрел и политрук, выпустив винтовку из рук, упал с простреленной головой. В следующее мгновенье офицер был опрокинут ударом приклада и пригвожден пулей к земле. Красноармейцы с криком „ура" бросились, держа штыки на перевес, на польскую цепь и принялись колоть поляков. У кого не было штыков (а их не было у большинства), схватили винтовки за стволы и били по головам противника прикладами. Шанцевой, расстреляв все патроны из нагана, схватил польскую винтовку (с штыком) и начал работать ею за десятерых.

Польская цепь обратилась в бегство, оставив большое количество трупов. Рота бросилась ее преследовать и добралась до второй цепи поляков. Завязался вторично рукопашный бой. Красноармейцы растаяли в массе польских солдат. Видно было, что роте не сдобровать. Кучка красноармейцев, окружив Шанцевого, дружно колола и размозживала головы противнику. На выручку подоспела конная разведка 403-го полка. Берковский сумел зайти в тыл польским цепям и по-

---

[1] А. М. Кульчинский, помощник командира 405 полка, впоследствии (в Галиции) командир 404 полка, быв. офицер, геройски боровшийся в рядах Красной армии, убит в бою [illegible] полка под г. Буск 6/IX 1920 г. О т. Кульчинском вспоминает П. Власов в очерке „Из воспоминаний о Буге" (помещен в этом разделе). *Ред.*

[2] А. Берковский, партизан, уроженец Екатеринославщины. В период борьбы махновской армии с деникинцами занимал в этой армии командные должности. В январе 1920 г. был командиром „1-го стального им. батьки Махно полка", с которым 13 января в Никополе присоединился к 405 полку 45-й дивизии, порвав с Махно. Лихой конник, т. Берковский неоднократно водил в атаку конную разведку 403 полка, начальником которой он был назначен. В одной из таких атак у д. Чишки (Галиция), 30/VIII 1920 г. т. Берковский был сражен панской пулей. *Ред.*

несся в атаку на отчаянно дерущихся поляков. Те никак не ожидали такого финала, и, растерявшись, не знали, что им, в данном случае, делать. 3-я рота не зевала. Красноармейцы, увидав, что им в тяжелую минуту подошла подмога, еще дружнее ударили по полякам, а конная разведка, врезавшись в ряды поляков, клинками начала „рубать" противника. И вторая польская цепь вскоре обратилась в бегство, а часть, побросав оружие, подняла руки вверх и сдалась в плен. Шанцевой отправил с 3 человеками 80 поляков к командиру бригады, а сам вместе с конной разведкой двинулся на Чугали и неожиданно нагрянул на левый фланг польской цепи, дравшейся с двумя баталионами 405 полка.

Поляки заколебались и стали отступать в северном направлении. Весь 405-й полк дружно двинул на Чугали и лес. Все это время 403-й яростно отбивался в кольце от атак противника. Один его баталион погиб целиком. Но кучка красноармейцев, окружив своего любимца командира полка Виноградова[1], отбивала все атаки противника. На выручку подоспел 405-й полк, первой—3-я рота. Поляки разжали кольцо вокруг 403-го полка и остатки его быстро соединились с 405-м полком.

Противник отошел в предместья гор. Кременца.

К вечеру положение на участке бригады было полностью восстановлено. Наши потери были: в 403-м полку до 150 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими, в 405-м—до 80-ти. Поляков же до 200 человек, оставшихся на поле боя, и до 100 чел. пленных.

Атака 3-й роты спасла положение всей бригады и спасла от окончательного разгрома 403-й полк.

И. РЕПИН.[1]

Под Дубно.

Июль. На полях убирают хлеб. Везде желтеют копны сжатого хлеба. Стоит чудная летняя погода. Но она нас не радует. Мы ее красоты не замечаем. Все утомлены переходами. Каждый день делаем около 20 верст.

Подходим к Дубно. Большая, залитая солнцем долина простирается перед нами на несколько верст. Кое-где виднеются острова зелени. Это хмельники.

Форт Тараканов был наш, но теперь поляки его опять взяли и закрепились в нем.

Где же этот форт? Взор блуждает по долине. Горы, как горы...

В Дубно стоит Буденовская дивизия. Мы двигаемся на станцию.

402 полк занимает чешскую колонию Страклов. Приближается ночь. Наш пулемет едет в заставу, к переправе.

Где же поляки? Где форт?

Он где-то здесь близко, за рекой, но пока его не видать...

...Ночь проходит тревожно. Неизвестность заставляет напрягать нервы.

Я еще спал, как вдруг над ухом прожужжало: „и-и-и-бух"... то наш снаряд полетел на форт. Лица оживились. Выскочили все и стали смотреть, где разорвется. Снаряд разорвался над леском, который рос на холме. Так неужели это форт? Да, это он.

И взоры всех стали жадно рассматривать лесок, холм. Он стоял совсем близко, в полуверсте от нас, на другом берегу р. Иквы. Кругом были болота, прорезанные тоненькой линией. То была жел. дорога, которая подходила к самому форту, и огибая его, скрывалась за ним. На этой железной дороге что-то дымилось. Стали делать предположения, что это такое. Но вопрос этот скоро разрешился,— из предмета, который заинтересовал нас, показался огонек и над нашими головами совсем близко пронесся с воем и стоном польский снаряд.

Так вот это что. Бронепоезд. И мы, скрывая друг от друга, чтобы не подумали, что боимся, стали один за другим прятаться в окопы. Дымившийся предмет стал все чаще посылать нам гостинцы. Заговорил и форт. Наши батареи также загремели, и начался артиллерийский бой, продолжавшийся до вечера. Мы сначала интересовались этим боем, а потом надоело. Никоторые легли спать.

С этого дня началась полоса непрерывных боев. Жуткие, полные ожидания, ночи и кровавые дни. Каждый день новые товарищи выбывали из полка.

... Убит пулеметчик Дахно. Добродушный, наивный украинец. Как сейчас помню его сидящим у таганка и поющим печальные песни: „А вже-ж менi сиротин"... Смерть вырвала его из наших рядов первым.

... 13 июля. Солнце еще не вышло из тумана, а влево от нас в колонии Страклов уже началась сильная пулеметная и ружейная стрельба. Шрапнель ежеминутно рвется, покрывая облачками дыма всю колонию. Мы не знаем, что там происходит. Посылают нам пулемет и роту на подкрепление и для связи.

Под'езжаем к Страклову. Валяется убитая лошадь, вытянув ноги, как палки. Лошади шарахаются, не хотят итти. Приходится об'езжать. Бредут отдельные красноармейцы 402 полка. Спрашиваем:

— Что там такое?

— Поляки заняли Страклов, поворачивайте обратно.

---

[1] И. Репин, политрук 400 полка 134 бригады с конца мая 1920 г., участник всех боев и походов полка. С 1922 г.— пом. военкома 134 стр. полка. В 1923 г. трагически погиб в гор. Киеве. *Ред.*

[1] В. П. Виноградов, помкомполка 405 на деникинском фронте и комполка 403 на польском фронте до 21/VII—20 г. Член ВКП(б), мужественный командир, не раз подававший пример личной храбрости. В бою 21/VII—20 г. у д. Овышковцы, сев.-зап. Кременца, тяжело ранен в живот. По излечении занимает должность наштабрига 135 (октябрь-декабрь 1920 г.). Сейчас на советской работе в Татреспублике. *Ред.*

Не верится. Военком Коломиец и командир полка Боричевский с нами. Едем ближе к Страклову. Начались сады. Попадаются пулеметчики 402 полка. Едут на двух тачанках. В одной тачанке раненая лошадь страшно хромает.

Встретившиеся с нами говорят:

— Не едьте. В Страклове уже поляки.

И как бы в подтверждение их слов над нашими головами свистят пули. Противная песня их начинает нас волновать. Поворачиваем. Пулеметчики 402 полка решаются избавиться от раненой лошади. Ее выпрягают, отводят в сторону. Один наставляет в ухо дуло винтовки, сухой выстрел, и лошадь грохается на землю. Отворачиваем взор в сторону, словно стыдно перед этим бедным животным за свою невольную жестокость.

Т. К. Коломиец — рабочий-литейщик Зиновьевского завода, красногвардеец, член ВКП(б) с 1919 г. Военком 400 полка в период гражданской войны. С 1922 по 1927 год военный комиссар 133, 134 и 135 полков 45 дивизии. Сейчас военком 299 полка 100 дивизии. За мужество и выдержку, проявленные в боях под Дубно, награжден орденом Красного Знамени.

Отступаем быстро. Вдогонку поляки посылают снаряды. На ходу приводим себя в порядок, разбиваемся по-ротно. Занимаем позицию в 2-х верстах от Дубно.

На следующий день мы снова заняли Страклов. Все ребята об'едаются фруктами. Каждый день летают над головой аэропланы. Их звук болезненно неприятен. Но вреда они не приносят.

... А кто может забыть то утро, хорошее свежее утро, в которое так много пролилось крови?! Поляки густыми массами повели наступление на гор. Дубно, где стояла 11-я буденовская дивизия. Их встретил беспрерывный, неумолчный поток пулеметных выстрелов. Трещало больше 20 пулеметов, и музыка их продолжалась в течение 15-20 минут. Мы с напряжением смотрели с возвышенности на этот грандиозный бой. Сначала поляки, несмотря на потери, шли и шли, и думалось, что наши не выдержат...

Вдруг в их рядах произошло замешательство. Этого было достаточно: буденовцы ринулись с криком „ура" в кавалерийскую атаку, и хотя бой был от нас на 2-3 версты, но этот победный крик мы услышали. Сердце радостно заколотилось. Поляки обезумели от страха, начали все бросать и в беспорядке отступать в форт. Было взято 200 человек пленных и около 300 человек зарублено и убито.

То утро всем показало, что поляки здесь долго не продержатся, что победа будет за нами. Этим сознанием проникся каждый красноармеец.

Но ночью поляки хотели наверстать потерянное днем и обрушились на наш полк. Жуткая ночь. Мы с 8 человеками (рота) и двумя пулеметами держали переправу. Старались много стрелять, чтобы показать, что нас много. Но эта стрельба, видно, стала раздражать поляков, и они по переправе — по 8 человек — сосредоточили ожесточенный огонь своей артиллерии.

Выдержать было невозможно. Мы отступили, но поляки еще долго громили пустое место, думая, что мы все еще там.

Военком Коломиец за умелые распоряжения и действия по удержанию этой переправы, был награжден орденом Красного Знамени.

Мы отступили из Страклова. Некоторые жители плакали и просили нас, чтобы мы не уходили, но мы ушли... Ушли, чтобы потом обрушиться на поляков и взять форт.

.. 19 июля, рано утром, мы заметили, что поляки оставили город. Стали носиться слухи, что форт также в наших руках.

Но определенно никто не знал, верно ли это. Разведка подтвердила действительность ухода поляков из города. Из нашего полка была послана разведка узнать, остались ли поляки в форту. Разведчики были обстреляны. Тогда нашим командованием был отдан приказ о немедленном штурме форта. Была подвезена артиллерия, которая начала громить форт. Но оттуда ответа не было. Форт молчал.

Это молчание раздражало нас и заставляло делать всякого рода предположения. Большинство склонялось к мысли, что это ловушка: отмалчиваются, чтобы заговорить тогда, когда бы нам этого не хотелось. Некоторые высказывали предположение, что поляки вывели артиллерию из форта.

А. К. Кедрус — начальник пешей разведки 400 полка. При штурме форта Тараканов (Дубно), будучи ранен в руку, продолжал командовать своей частью до полного овладения крепостью. Награжден орденом Красного Знамени.

Штурм форта должен был начаться одновременно 134 и 133 бригадами. Погода была прескверная. Туман. Накрапывал мелкий холодный дождь.

Наш полк сосредоточился по шоссе, идущему из деревни Тараканово в форт. Справа расположился 402-й полк, слева 401-й.

Часов в 6 вечера наша цепь пошла вперед на форт. Ее встретил неумолчный поток пулеметных и винтовочных выстрелов. Артиллерия не стреляла. Цепь залегла и казалось, что она больше не поднимется, что ее никакая сила не сможет поднять

и двинуть вперед на проволочные заграждения. Поляки стреляли разрывными пулями, и противный, какой-то особенный звук от разрыва пуль бил по нервам. Цепь поднялась и побежала вперед. Бежать по житу в мокрой одежде было страшно трудно. Ноги вязли в земле. Несколько красноармейцев осталось лежать: раненые и убитые жертвы нынешнего боя.

И. И. Запорожный—один из организаторов Тридубского партизанского отряда, послужившего вместе с Балтским отрядом основанием 401 полка 45 дивизии. Командир 401 полка с 1919 г., умелый, самоотверженный начальник. В бою 18 июля 1920 г. за обладание кол. Страклов (под Дубно), будучи контужен и лишившись способности речи, продолжал управлять полком знаками и записками до успешного завершения операции. Награжден орденом Красного Знамени. Сейчас работает на железной дороге в Полтаве.

Вдруг из дер. Тараканово выехали по направлению к форту 2 броневика, на каждом было установлено по 2 пулемета. Броневики ехали задом к форту и установленные на них пулеметы трещали беспрерывно, посылая поток пуль в форт.

Это были буденовские броневики, присланные нам на помощь.

Наши пулеметы и артиллерия также открыли „ураганный огонь, снаряды рвались как раз среди проволочных заграждений, подготовляя проходы для наступающей цепи. Все это, вместе взятое, составляло адскую музыку, от которой „на душе" делалось как-то безразлично. Было только досадно и зло.

Вот уже и жертвы нынешнего боя. Тяжело ранен политрук 2-й роты. Разрывные пули попали ему в ногу и в руку. Его ведут. От боли он весь сделался серым, выносить эту адскую боль он спокойно не может. Кричит и плачет... От этого крика и плача у меня на глазах навертываются слезы.

Ранен и помощник начальника нашей команды, но рана легкая. Постепенно количество раненых все увеличивается, все тянутся к перевязочному пункту.

Буденовские броneавтомобили усиленно поливают потоком пуль польские окопы. Они не дают возможности полякам стрелять, видя цель, и пули поляков делают перелет.

Наша цепь подошла к проволочным заграждениям. Спускались сумерки. Братва, подойдя к проволоке, стала руками вырывать столбы. С криками „ура" наш полк ворвался в форт. Слева и справа еще продолжалась перестрелка. Там еще шел бой, но скоро и там поляки отступили.

Спустилась ночь. Мы двигаемся по аллее, ведущей в центр форта. С боковой аллеи слышится вопрос:

— Кто йдзе?

Мне послышалось, что нас спросили „кто идет". Отвечаем:

— Свои, 400 полка, а вы, товарищи какого?

Вместо ответа послышалось щелкание затворами и команда „компания — пли".

Раздалось выстрелов 10, разорвалась бомба рядом с нами, и „компания" бросилась с криками „ура!.." на нас.

Застрочил наш пулемет, и польский бомбометчик, пронзенный на смерть пулями, перевернулся и упал, как сноп, на землю. „Компания" разбежалась по кустам.

Наступаем дальше. Темно, хоть глаз выколи.

Вследствие темноты дальнейшее наступление было прекращено. Утром мы нашли в форту богатую добычу. Снаряды, пулеметы, винтовки, продовольствие, патроны и еще теплые кухни, из которых мы пообедали.

Целый день ловили в форту „зайцев" (попрятавшихся поляков) и без всякого сожаления расстреливали. Слишком велики были потери, слишком была сильна злость — места для сострадания не осталось.

Гор. Дубно, форт Тараканов были заняты. Мы победили, но ценой каких жертв.

Скляр-Коваль, комполка 402.

Прибыл он к нам в то время, когда мы дрались под г. Дубно. Как прибыл, так и пошел сейчас же знакомиться с братвой по цепи, из роты в роту. Там шутку, там прибаутку бросит, а других и упрекнет за что нибудь неисправное. Быстро все узнали, что он теперь наш командир полка. Все рады. Всем он нам понравился.

В эту же ночь ему пришлось показать, что он и воевать может. Между частями бригады был прорыв. Ночь. Противник свободно переправился и окружает наш полк. Поляки открыли сильную ружейную и пулеметную стрельбу. Братва начала колебаться, но от тов. Скляра было получено приказание перейти в наступление. Переходим в наступление. Быстрым ударом сбиваем противника, и соединяемся с частями бригады.

В период боев под Дубно неоднократно приходилось тов. Скляру итти в наступление и обороняться против польских контр-атак. Но в крепости Дубно ему так и не пришлось побывать: он был убит в одном из боев.

Погиб он при следующих обстоятельствах. Полк, стоявший в окопах возле колонии Страклов, получил приказание занять дер. Злынец. Т. Скляр-Коваль, вместе с военкомом полка, тов. Койфманом, поехал осматривать впереди лежащую местность. Противник в это время обстреливал нас артиллерийским огнем. Не обращая внимания на рвущиеся снаряды, группа тов. Скляра продвигалась вперед, осматривая местность. Неподалеку разрывается снаряд, и тов. Скляр-Коваль падает убитым.

Так погиб один из славных командиров 402 полка.

Ветераны полка, участники боев под Дубно, не забудут его, смелого и решительного командира, погибшего на своем посту за дело трудящихся.

Старый, комполка 397.

В конце 1918 года в Бессарабии, стонущей под пятой румынской, вспыхнул ряд восстаний. В Хатиловском и Белецком районах восстание приняло большие размеры. Одним из главных руководителей повстанческих отрядов был тов. Старый. Румыны сосредоточили против повстанцев крупные силы, и после упорных схваток с окружившими его румынскими регулярными частями, отряд тов. Старого вынужден был искать спасения на нашей территории.

Отряд тов. Старого под именем 397 полка влился в состав 45 дивизии, геройски сражаясь в ее рядах против контр-революционеров всех мастей. В боях с петлюровцами перед отходом Южной группы полк понес огромные потери, выполняя самые тяжелые задачи. Принимая на себя всю тяжесть ударов петлюровцев на Вапнярском направлении, он дал возможность остальным частям бригады отойти и присоединиться к дивизии.

Остатки полка в составе немногих бойцов отошли на север. Позднее полк был пополнен и под командованием тов. Старого дрался на деникинском и польском фронтах.

Во всяком положении, в тяжелые минуты Старый всегда бывал впереди полка на своей белой красавице-кобыле. Пуля не брала его на протяжении всех боев.

Случайность вырвала из нашей среды этого выдержанного героя-командира.

На польском фронте тов. Старый вел свой полк из резерва на помощь 134 бригаде, дравшейся под Дубно. Полк шел в колонне. Появившийся неприятельский аэроплан бомбой убил нашего командира вместе с лошадью. Это была единственная потеря, нанесенная бомбой, единственная, но самая тяжелая...

Старый был героем, любимцем своего полка, своих красноармейцев. Память о нем, красном партизане, деятельнейшем организаторе, бесстрашном и преданном делу революции боевом командире, должна навсегда сохраниться в летописях 45 дивизии.

Н. КАЗАДАНОВ-де РЕКРЮ.

У преддверья Галиции.

(Божья Гора).

Польский фронт 5 июня 1920 года был прорван 1-й Конной армией в стыке 2 и 6 польских армий в районе Казатина. 8 июня Конармия заняла Бердичев и Житомир, а 12 июня части 12 Красной армии переправились через Днепр и заняли Киев. 3-я польская армия, занимавшая Киев, в беспорядке отступила, теряя почти все свои технические средства, подвижные запасы и материальную часть.

Успешный прорыв польского фронта 1-й Конной армией и паническое отступление 3-й польской армии вызвали поспешный отход и остальных польских армий с украинской территории. Советские войска неудержимой волной катились вперед и победоносно развивали свое наступление по всему фронту, с каждым днем и с каждым шагом захватывая инициативу в свои руки.

В средних числах июля положение на Украине было следующее:

14-я красная армия занимала район: Каменец-Подольск, Проскуров, Волочиск.

1-я Конная армия вела наступление в районе Ровно-Дубно.

45-я дивизия, входившая в состав 1-й Конной армии, дралась за район: Дубно (134 и 133 бригады), Кременец (135 бригада), Вишневец (кавбригада).

Правее 1-й Конной армии части 12 армии наступали на Ковель, а на Западном фронте к этому времени красные армии подходили к линии Пинск-Минск-Вильно. Как видно из обстановки, поляки всюду терпели поражения.

Неудачи на фронте польской армии бесконечно обострили классовую борьбу внутри страны. По всей Польше развернулись большие забастовочные движения в городах. По стране прокатились волны крестьянских восстаний, дезорганизовавших тыл действующей армии.

Крестьянские массы Украины и Белоруссии всюду шли на помощь Красной армии и строили всевозможные препятствия полякам на путях их отступления.

Европейская буржуазия, обеспокоенная судьбой польской буржуазии, которую она поддерживала во все время войны против Советской России, пыталась заступиться за Польшу: английское правительство потребовало немедленного перемирия и отвода назад советских армий. Такова была общая обстановка к средним числам июля.

Не углубляясь в детали вышеуказанной обстановки, перехожу к непосредственному описанию боев 45-й стрелковой советской дивизии на путях ко Львову.

21 июля 45 дивизия (134 и 133 бригады) после

Штаб 404 полка на польском фронте. В центре над картой комполка т. Казаданов-де Рекрю. Правее стоит военком полка т. Гердовский.

ряда кровопролитных боев под Кременцем и Дубно овладела штурмом фортом Тараканов и г. Дубно, выбив оттуда части 18-й польской пехотной дивизии. В тот же день 10 пехотная польская бригада, отступая из Кременца, была атакована нашими 135 и 133 бригадами на линии Верба-Турия-Сопанов и, понеся значительные потери, поспешно очистила путь нашим частям, двигавшимся на юго запад.

В ночь на 22 июля 133 бригада достигла хут. Крыжи, 135 бригада—д. Гряда, 134 бригада—района Верба—Козин. Польские части перед фронтом дивизии отступили в беспорядке на линию: Ново-Почаев-Ледухов Русская и Польская Друнчи-Радзивилов, оставив на поле сражения большое количество убитых и раненых, несколько сот пленными и много всевозможного имущества.

22-го июля части дивизии случайно получили передышку после двухнедельных беспрерывных и изнурительных боев. Противника близко не было. Бои затихли по всему фронту.

День выдался необыкновенно жаркий. Солнце громадным огненным шаром неколебимо висело над раскаленной землей и окончательно выжигало сок и влагу из душистых трав и цветов. В природе было полное затишье. Даже легкий ветерок, что с утра колыхал зеленые ветки кустов, прикрывающих расположение наших цепей, и тот затих, оставив свой последний вздох в прибрежных камышах реки Иквы.

К. Я. Попов—командир отделения 400 полка, участник всех его походов и боев. Одним из первых ворвался в форт Тараканов (Дубно), за что награжден орденом Красного Знамени. Сейчас на советской работе в г. Одессе.

Красноармейцы беспечно предавались сладкой дремоте, раскинувшись на мягкой, покрытой душистым, зеленым ковром, земле. После ряда беспрерывных, ночных и дневных, боев и походов долгожданная минута отдыха казалась бойцу неимоверно отрадной. Каждый старался полностью ее использовать: одни забывались крепким, мертвым сном, другие предавались мечтам; вперив свой взор в необозримую голубую ширь, они уносились мыслями к родному селу, в среду своих родных и друзей, рисуя себе радостную картину возвращения из далекого и трудного похода...

Ничто ничем не напоминало страшной действительности, на миг притаившейся в необыкновенной тишине. Ничто ничем не напоминало о войне. Никто о ней не думал, все о ней забыли в эту благословенную минуту отдыха, когда, вместо стонов и проклятий раненых и изувеченных людей, радостно и бодро звучали переливы птичьего хора, когда все вокруг казалось чем-то новым, до сих пор неведомым, оригинальным, увлекательным... В эту минуту в сознании не оставалось места представлениям о прошедших и будущих боях, отдыхающие бойцы гнали от себя эти образы, как тяжелый и душный кошмар...

...Солнце совсем скатилось на край голубого купола небес и тихо продолжало лить золото на остроконечные вершины тополей, видневшихся в нескольких верстах от нас на запад. Спокойно величавые, купающиеся в золотых лучах заходящего солнца, красавцы-тополя скрывали за собой неведомое количество зверино притаившейся вражеской силы, несущей с собою новые кровопролития, новые разрушения и смерти.

* * *

Бух... Бух... Бух... неожиданно рявкнуло несколько орудий сразу где-то у нас в тылу (позднее стало известно, что это было в районе Радзивилов-Козин), нарушив благословенную тишину засыпающего дня.

Заухали десятки пушек без конца и счета.

Все мгновенно насторожилось, ощетинилось. Громовые раскаты орудийной канонады беспрерывно потрясали землю...

Чортова свистопляска нескольких батарей продолжалась часа два и также неожиданно оборвалась, как неожиданно вспыхнула. Через полтора часа стало известно, что это были попытки 18-й польской пех. дивизии прорваться со стороны Радзивилова на Вербу-Дубно. Эту вылазку противника отбили конные части Буденовской армии.

Короткая передышка полков 45 дивизии была закончена. Суровая действительность звала к новым напряжениям, к новым боям.

Вечером, лишь только совсем стемнело, полки построились для дальнейшего наступления. В эту ночь (с 22-го на 23-е июля) частям было приказано выйти на границу Галиции. На рассвете 135 бригада достигла д. Валигуры, а 133 бригада—д. Перенятин, в непосредственной близости от галицийской границы. Правее, по обе стороны жел. дороги Верба-Радзивилов, действовали кавдивизии Буденного.

В ту же ночь поляки повторили свою попытку контр-наступления на всем фронте 1 Конной армии и 45 дивизии, намереваясь вернуть утраченный в предыдущих боях район Дубно-Кременец. Две мощных волны встретились друг с другом в эту ночь на подступах к притаившейся в пышных фруктовых садах Галиции, и в двухдневной отчаянной схватке решался вопрос жизни и смерти той и другой стороны. Никогда еще 45-я дивизия не была так близка к полному окружению и разгрому, как 23 июля 1920 года, и никогда еще ее геройский порыв не сопровождался таким сокрушительным ударом, от которого разлетелись вдребезги полчища белополяков, подступивших к самому горлу дивизии.

Вся 18 польская дивизия (до 5000 бойцов), поддержанная бронепоездами и крепостной артиллерией из Радзивилова, наступала, стремительно и энергично, со стороны Радзивилова вдоль железной дороги на Вербу-Дубно. Конные части Буденного (4 кавдивизия) и 134 бригада 45 дивизии на рассвете 23 июля отскочили на Столбец и Турию. 11 кавдивизия перешла в район х.х. Гаммер и Медлик, оказавшись за наступавшими к галицийской границе 133 и 135 бригадами 45 дивизии.

Одновременно навстречу продвигавшимся к границе 133 и 135 бригадам вышла из района Ново-Почаев-Ледухов 10 польская бригада силою до 2000 бойцов, ранее защищавшая район Кременца. На подступах к линии Ново-Почаев-Будки разыгрались упорные бои, продолжавшиеся всю ночь и до 13 часов 23 июля. Главный натиск противника сдерживала 135 бригада.

Особенно тяжелыми были бои кавбригады Котовского, которая накануне (22 июля) ворвалась в Ново-Почаев, а сейчас оказалась запертой в районе д. Комнатка—Божья Гора сдавившим ее со всех сторон противником. После ряда отчаянных атак в конном и пешем строю, кавбригаде удалось ценою крупных потерь пробиться через мертвое кольцо противника и выйти на д. Гряда.

К 13 часам 23 июля обстановка была следующая:

18 польская пехотная дивизия занимала район Рудня-Козин и вела энергичное наступление на Верба-Столбец; ее бронепоезда проникли далеко вперед и бомбардировали тыл 133 бригады.

10 пех. польская бригада напирала на нашу 135 бригаду, а конные части противника продвигались на Дунаев-Савчицы-Кременец.

133 и 135 бригады и кавбригада Котовского оказались под угрозой полного окружения. Связь со штабом дивизии была потеряна, и наши части к 15 часам отошли: 133 и 135 бригады в д. Гряда, кавбригада—на х. Петруки, где закрепились. Поляки, преследуя отступающие наши части, подошли вплотную к расположению 133 и 135 бригад, заняв д. Копани, северную опушку леса, что западнее д. Гряда и Божью Гору. Отсюда противник повел бешеные атаки на д. Гряда, занимавшуюся 405, 403 и 404 полками.

В полуокружении оказались не только части 45 дивизии (133-я, 135-я и кавбригада), но и 11-я кавдивизия 1-й Конармии, задержавшаяся в х. х. Гамер и Медлик. Плацдарм полуокруженной группы был настолько мал, что свободно простреливался артиллерией противника насквозь.

Командование группой взял на себя начдив 11 кавалерийской, и в 16 часов, на совещании командиров частей на хуторе Петруки, было решено немедленно перейти в контр-атаку, отбросить противника на Ново-Почаев и, по возможности, уничтожить.

В 17 часов части группы перешли в контратаку: 133-я бригада на д. Комнатка, 135-я бригада — на Божью Гору, кавбригада Котовского под командованием т. Криворучко[1]—на д. Копани, 11-я кавдивизия — из-за правого фланга кавбригады в обход д. Копани, имея целью выйти в тыл противника на Круки Комаровка.

Незабываема эта контр-атака.

Десятки орудий, сотни пулеметов бешено затявкали на все лады со стороны противника, унося из наших рядов немалое количество бойцов убитыми и ранеными. Цепи двух бригад, вытянувшихся в одну непрерывную линию, оставались непоколебимыми и, несмотря на значительные потери, упорно шли вперед под губительным орудийным и пулеметным огнем противника, яростно защищавшего свои позиции.

В страшном реве орудий дрогнула испуганная земля и, как будто расколовшись, яростно выбросила к небу густые клубы черного дыма и пыли, окутавших лазоревую даль.

Солнце пугливо спряталось в неожиданно набежавшей серенькой тучке.

Какое-то дьявольское, несокрушимое упорство охватило наши части, почти голой грудью напиравшие на противника.

Поляки продолжали упорно держаться на своих позициях... Наши цепи подошли вплотную к противнику и, молча, на миг задержались, как бы для оценки положения.

Еще мгновение... и громкое „ура" прокатилось по всем нашим наступающим цепям, бросившимся в рукопашную. Противник не выдержал и стал отступать, неся большие потери убитыми, ранеными и захваченными в плен.

У д. д. Комаровка и Зеленая Комнатка подоспевшие резервы противника задержали развитие нашего наступления. Бои с переменным успехом продолжались еще некоторое время, но развязка была близка.

В 18 часов кавбригада Котовского в районе д. Копани неожиданно получила удар по своему правому флангу. Напоровшись на превосходные силы противника, эскадроны отскочили назад, оголив правый фланг 133 бригады. Противник не замедлил воспользоваться удобным моментом и ударил по оголенному флангу 133 бригады со стороны д. Копани.

397 и 398 полки были сбиты и в беспорядке стали отходить. Положение создалось весьма серьезное. По рядам частей пробежало замешательство и растерянность.

Комбриг 133 т. Левенсон, быстро учтя положение, бросился к 399 полку и с ним кинулся на помощь 397 и 398 полкам. Ошеломленный бурным натиском 399 полка, противник остановился. Ободренные 397 и 398 полки быстро привели себя в порядок и повернули назад. Охваченные пылом товарищеской спайки и взаимной выручки, полки 133 бригады дружно, сокрушающей лавой снова ринулись на противника. Под артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, неся большие потери, наша цепи смело шли вперед и, подойдя к полякам шагов на 200—300, бросились в штыковую атаку. Противник на этот раз был окончательно смят и обратился в бегство, оставив на поле боя много убитых, раненых и пленных. На юго-западной окраине д. Комнатка поляки пытались было задержаться, но под неудержимым натиском наших частей вынуждены были отступать дальше, все в том же беспорядке, снова неся потери.

В это время 11 кавдивизия, вышедшая в район д. д. Круки-Комаровка, неожиданно выскочила из-за садов д. Комаровка и бросилась на поляков. Последние, видя неминуемую гибель, сгрудились между д. д. Комаровкой и Комнатка, окружив себя повозками. Сильным ружейным и пулеметным огнем и ручными гранатами они дважды отбили атаку нашей конницы. Тогда их снова атаковали подошедшие цепи полков 133 бригады. Не выдержав этого нового натиска, противник стал отступать в направлении на Ново-Почаев, по совершенно открытой местности. Здесь поляков настигли полки 11 кавдивизии и кавбригады Котовского, и в получасовой беспощадной рубке противник был целиком уничтожен.

Одновременно 135 бригада продолжала вести наступление на Божью Гору. Бои 135 бригады носили не менее ожесточенный характер, чем бои 133 бригады. Противник, засевший в окопах на склонах Божьей Горы, защищенных проволочными заграждениями, имел доминирующее положение. Атакующие части 135 бригады разбивались об укрепленную твердыню Божьей Горы, как волны об утесы несокрушимых скал, откатываясь назад с большими потерями. Так продолжалось до тех пор, пока 404 полк, действовавший на левом фланге бригады, не пробрался лесом в тыл противника и не ударил с тыла. Поляки не выдер-

[1] Сам Котовский в предыдущих боях в районе Кременца был тяжело контужен и выбыл из строя. *Ред.*

жали и стали в беспорядке отступать на Бережцы—Урля, но, вновь атакованные 404 полком у м. Бережцы, были разбиты и бежали в направлении на Ново-Почаев-Подкамень. Божья Гора была прочно занята 135 бригадой.

Под Божьей Горой противник оставил батарею в полной упряжке, 4 пулемета, много убитых, раненых и пленных, и в м. Бережцы — обозы. Со стороны 135 бригады также были не малые потери.

Таким образом, две бригады 45 дивизии при содействии 11 кавдивизии Буденного не только прорвали готовое уже сомкнуться польское кольцо, но и нанесли польским войскам столь сокрушающий удар, что лишили дравшиеся здесь польские части (10 пех. бригаду) надолго всякой боеспособности.

Между тем, на нашем правом фланге 18 польская дивизия, занимавшая район Борятин-Кочин-Рудня, несмотря на сокрушительное поражение, понесенное соседней 10 бригадой, все еще не успокоилась, продолжая развивать энергичное наступление на Верба-Дубно, против кавдивизий 1 Конной армии. Проявляя редкую настойчивость части 18 польской дивизии на рассвете 24 июля подошли вплотную к м. Верба, не взирая на то, что у них в тылу наши конные части (14 кавдивизии) громили их тылы в районе Крупец-Михайловка-Ситно и даже подходили под Броды и Станиславчик.

Это наступление 18 польской дивизии не только не дало ей желаемых результатов, но, наоборот, привело ее к разгрому.

11 и 6 кавдивизии 1 Конной армии перешли в контр-атаку. Первым был сбит 9 пограничный полк противника, а затем 42 и 144 полки.

Под напором конных частей полки противника в беспорядке стали отступать на Радзивилов. В 18 часов баталион 399 полка, расположенный в Мокрых хуторах, увидел отступавшие в беспорядке части противника, несшиеся вперемежку с артиллерией и обозами по шоссе Козин-Радзивилов и обстрелял их, чем поддержал наступление 11 и 6 кавдивизий.

Противник буквально обезумел и метался по полям, сея ужас и смятение в своих рядах. Ища спасения, польская пехота, обозы, артиллерия и кавалерия — то скучивались, то снова рассыпались в разные стороны, и вся эта масса неслась по полям, устремляясь на Радзивилов.

Кавполки 11 и 6 дивизий в разгаре боя никого и ничего не щадили. Врываясь в самую гущу отступающих в панике частей противника, они сеяли смерть и ужас в его рядах.

В этом бою были целиком уничтожены 144, 42 и 9 пограничный полки противника и частично 49 стр. польский полк. Захвачен в плен целиком штаб 35 польской бригады во главе с комбригом, несколько командиров полков, много офицеров и масса солдат, 7 батарей, много пулеметов и большие обозы со всевозможным материальным и техническим имуществом.

Остатки разбитой 18-й пехотной польской дивизии под прикрытием бронепоезда бежали на Радзивилов, а оттуда через Броды, под натиском наших частей, на Подгорце-Олеско. 10 пехотная польская бригада, разбитая частями 45 дивизии, из района Подкамень отступила вглубь Галиции, заняв позиции по реке Граверка.

Путь в Галицию был свободен.

---

* * *

Парад на фронте.

... Возле леса гора, большая господствующая над местностью, называется „Божьей". Здесь засели стрелки 399 полка. Они выбили поляков с сильно укрепленной горы и держатся за эту гору[1].

Сегодня пасмурный день и чуть-чуть моросит дождик. Польская кавалерия наткнулась на гору и была отброшена. Бойцы собрались пообедать, когда опять пронеслось по горе:

— Кавалерия!.. Кавалерия!..

... Из леса выплыла густая черная масса. Точно поток, она вилась из деревьев, из самого нутра лесного и ползла на цепи бойцов...

— Поляки! — закричали красноармейцы.

Что делать? Ведь этот поток зальет, задавит горсточку бойцов засевших на горе.

Но команда раздалась: „Огонь!" — и белые пушинки дыму зацвели на горе.

Засвистели пули, и в первых рядах кавалерии попадали всадники. Вперед от кавалеристов выбежало двое со знаменем.

— Красное знамя.... Наши — с досадой заметил командир.

Поток приближался...

— Буденовская кавалерия!.

— Ребята, да это же Буденовская кавалерия!..

Через десять минут буденовцы под'ехали к Божьей Горе.

— Стервы собачьи! Куда стреляете?.. 18 раненых! Шутка ли? Мать... Селезенки... Гроб... вашу... Отдай винтовки!

Красные командиры виновато говорили:

— Да чорт ее знает, показалось, поляки...

— Показалось!..

... К горе под'ехали Буденный и Якир.

— Что за шум?

Об'яснили. Рассказали.

— Да, жалко, досадно.

— Выстроиться полку, — приказал Буденный.

Устроили парад. Парад на фронте.

---

[1] В бою под Божьей Горой 23 июля 1920 г. 399 полк сокрушительным ударом опрокинул сильные польские части, наступавшие из леса западнее Божьей Горы. Отбросив разбитого противника в юго-восточном направлении на Н. Почаев, полк после этого занял южные склоны Божьей Горы, где отразил несколько атак польской кавалерии. В этот же район стянулась 11-я кавдивизия 1 Конной армии, разгромившая поляков между д. Комнатка и Н. Почаевым (см. очерк Н. Кавданова „У преддверья Галиции"). *Ред.*

Полк выстроился раздетый, босой, а буденовская кавалерия дефилировала перед ним.

Красные конники-буденовцы подбрасывали фуражки и кричали:

— Да здравствует пешка!

В этом „пешка" было теплое, искреннее от сердца рабоче-крестьянского, товарищеское по оружию. В этом „пешка" не было ни тени презрения или пренебрежения Буденовцы низко кланялись и отдавали честь храбрости и смелости красных стрелков.

Было ясно, что отогнать такой поток кавалерии было невозможно; эта масса принесла бы смерть на своих клинках пехотинцам „Божьей Горы". Но красные бойцы решили умереть, но не сдаваться, и потому так радостно, так громко кричали кавалеристы „ура" и „да здравствует пешка", ибо этого заслужили бойцы, отстреливавшиеся с горы.

Недалеко от леса вправо, может быть верст на 8—10, а. может быть, и больше слышно было гуканье орудий. Поляки готовились к новому наступлению.

Но лишь тогда, когда был закончен парад, стрелки заняли свои старые позиции, а кавалерия ушла туда, где слышалась команда, туда, куда звал бой...

А. САВЧЕНКО.

Воспоминания о коммунистическом отряде.[1]

Он был по справедливости гордостью не только нашей бригады, но и всей дивизии.

Баталион полного состава с партийной частью до 80%. Все бойцы отряда отлично знали военное дело, будучи в то же время крепко закаленными в горниле гражданской борьбы.

Вот какой это был отряд.

Впервые мы с ним познакомились в период преследования бело-поляков после их отступления от Киева. Прошли Таращу, Фастов, Бердичев. Изредка на совместных стоянках мы наблюдали, как коммунары располагались на отдых, как держали себя среди населения. Они всегда обращали на себя внимание какой то особенной внутренней дисциплинированностью, невольно склонявшей к подражанию.

Наконец, мы встретились и сдружились в двухдневном бою на реке Случь у Ново-Мирополя. И с тех пор уже не расставались, так как отряд был влит в наш полк, составив 2-й баталион коммунаров.

Хорошо дрались коммунары. Мне припоминается бой у х. Барбаровка (10 верст юго-запад. Ново-Мирополь), когда у одной из рот коммунаров вышли все патроны. На эту роту напирал целый баталион белополяков. Все ближе и ближе... Патронов ни одного, а винтовки без штыков.

Пускай каждый подумает, что бы он сделал...

И вот эта рота в решающую минуту пошла в атаку и с криками „ура" бросилась на противника. Пошла и погнала баталион. Не выдержали поляки самого вида коммунаров и повернули спины.

Коммунистический отряд, влившийся в 399 полк 45 дивизии на польском фронте. Отряд на 80% был составлен из рабочих-коммунистов гор. Ростова на Дону.

Стойкость и выдержка всегда были отличительными свойствами каждого бойца коммунистического отряда.

В бою у с. Коськов (под м. Грицевым) несколько коммунаров были загнаны в болото. Некоторые из них были тут же убиты на виду у товарищей, другие укрылись в зарослях и просидели здесь ночь, после чего с большими трудностями присоединились к отряду.

А вот припоминаются и отдельные лица. Вот комроты тов. Козлов, бегающий по полю боя с изувеченной в том же бою рукой и зовущий бойцов своей роты властным призывом „вперед!".

Вот комроты 6 тов. П..... (уже не помню как

---

[1]) Коммунистический отряд был составлен из рабочих-коммунистов гор. Ростова н/Д. добровольно вступивших в ряды действующей Красной армии. Отряд под командой т. Копецкого прибыл в 45 дивизию в конце мая 1920 и составил 2-й баталион 399 стр. полка. *Ред.*

его звали), ведущий роту в атаку „за дело Коммунистического Интернационала".

Это были его последние слова перед смертью. Встал, выпрямился во весь рост и упал, сраженный пулей прямо в лоб, а бойцы-коммунары спокойно и уверенно пошли доканчивать дело своего товарища.

Вспоминаю и т. Николаенко, комроты-коммуниста, получившего отпуск по болезни перед боем и все-таки пошедшего в бой, оказавшийся для него последним.

Помню и иные картины. Остановка на дневке. Все вместе, дружно, бодро и весело—командиры и рядовые бойцы проводят свой досуг.

А вот они на ученье во время стоянки в резерве. Занятия проходят с большой активностью. Коммунары—самые инициативные и гибкие ребята.

Помню, как в ночном ученье тот же тов. Козлов (тогда еще не раненый) „обманул" и „победил" самого комполка. И как много потом было смеха и несокрушимой уверенности в конечной победе рабочего класса.

А вот коммунар, поющий песню и наигрывающий на гармошке, несмотря на то, что он, как и другие, уже три дня не ел ничего, кроме полевого гороха, так как кухни угнали далеко, а он все время пролежал в бою.

Много раз коммунары увлекали полк вперед и буквально захватывали своим энтузиазмом.

Напряженный тяжелый бой у так назыв. Божьей Горы под Почаевом. Две бригады 45 дивизии (133 и 135) вместе с бригадой тов. Котовского и 11-й кавдивизией Буденного окружены и прижаты к реке Икве.

Котовцы уже три раза ходили в атаку, но безуспешно. 11-я кавдивизия в узком кольце, прикрываясь лесом, совершает маневр для удара с фланга по противнику, наседающему со стороны Почаева.

В резерве 399 полк, в том числе и 2-й батальон коммунаров. Хмуро сидят красноармейцы в лесу и крепко думают свою думу.

Идем в атаку.

Надо было видеть в этот день коммунаров, чтобы оценить их мужество. Жестокий был бой, и много голов белополяков легло тогда у Божьей Горы.

Кончается бой, и вдруг... поле оглашается мощной песней коммунаров: они запели Интернационал.— И эту песню, боевой международный гимн, подхватывает весь полк.

Незабываемая картина...

Таковы были коммунары. Почти все они легли на полях Галиции и, в особенности, в ожесточенных боях на р. Зап. Буг, смело отдав свои жизни за дело трудящихся, за дело социализма.

Без преувеличения и прикрас—всегда впереди, всегда на самых опасных местах.

Весь путь от р. Случь и почти до самого Львова напоминает о славном и героическом прошлом боевого коммунистического отряда.

Стерлись в памяти лица, но сила впечатления от всего отряда остается неизгладимой.

Н. КРИВОРУЧКО.

Котовцы против белополяков.

(Три эпизода).

1. Голыми на поляков.

Ранняя весна 1920 г. отошла. Лето вступило в свои права. Стоят жаркие дни. Высоко поднявшиеся хлеба застилают горизонт полей Белоцерковщины.

Вот уже неделя, как началось наше контрнаступление против зарвавшихся польских оккупантов, крепко занявших район Киева и Белой Церкви. Здесь стянуты 2 польских армии, построен ряд укрепленных полос, установлена многочисленная артиллерия.

Где-то далеко влево, южнее Сквиры, наступает только что прибывшая на наш фронт Конная армия Буденного. Связи с ней, несмотря на наши усилия, нет.

Поляки обороняются активно. Когда они густыми цепями выходят из своих окопов для контратаки, всякий раз разыгрываются кровопролитные бои.

...1 июня солнце палило особенно жарко. Кавбригада накануне вечером, после многодневных переходов и ряда стычек с противником, вошла в дер. Ольшанка, 8 вер. южнее гор. Белая Церковь. Ночь прошла спокойно. Утром затишье продолжалось, и комбриг т. Котовский разрешил выкупать лошадей в деревенском „ставку".

Польские окопы, опутанные проволочными заграждениями, тянулись в 2-х верстах к северу от нашей деревни. Поляки держались тихо. Это внушило бойцам некоторую беспечность, и охранение в виде ряда постов, выдвинутых 1-м кавполком к северу на 1 версту, было настроено лениво. Линия окопов противника под наблюдением не находилась, т. к. обзор закрывала высокая рожь.

Купали лошадей по-дивизионно, т. е. очередями по 2 эскадрона от бригады. Первым приступил к купанию 2-й кавполк. Бойцы первых двух эскадронов, раздевшись, повели в воду фыркавших от удовольствия лошадей, мыли их, поливали из ведер... и, не устоявши перед искушением, сами стали купаться. Одежда, оружие и седла были сложены на берегу. Вторые два эскадрона подходили к ставку на смену первым двум при полном вооружении и седловке. 1-й кавполк, расположившийся на северной окраине деревни, ожидал с нетерпением своей очереди. Лошади этого полка были размундштучены и многие расседланы.

За купаньем наблюдали командир 2-го кавполка т. Макаренко и я, его помощник. Солнце ярко сияло, бойцы и лошади весело полоскались в воде, и ничто не предвещало, что через несколько минут разгорится жаркий бой.

...Внезапно целый шквал ружейного и пулеметного огня донесся до нас с северной окраины деревни. В следующую минуту пули залетали у

места купанья и по улицам деревни. Смятение, переполох... Купавшиеся красноармейцы в беспорядке устремились с лошадьми к берегу... В первую минуту никто ничего не понимал.

Выбежал Котовский.

— По коням!—раздался его зычный голос.

Одетые два эскадрона вскочили на лошадей.

— Шашки вон... За мной!—подал следующую команду Котовский, и ускакал с Макаренко и двумя эскадронами...

Ружейно-пулеметный шквал не утихал. Медлить нельзя было ни секунды. Я закричал:

— Зануздать лошадей... Хватай шашку и винтовку и по коням... Оденешься потом...

И вот голые кавалеристы, наскоро перекинув через себя шашку и заряженную винтовку, вскакивают на неоседланных лошадей и строятся в колонну. Через 3 минуты предводимая мною колонна голых всадников крупной рысью выезжала к северной окраине деревни...

Ф. И. Старчаков — сын незаможного крестьянина, ветеран кавбригады т. Котовского, участник всех ее боев и походов. Ранен в бою под Божьей Горой 23 июня 1920 года. Награжден орденом Красного Знамени. Сейчас помощник командира эскадрона 14 кавполка 3-й Бессарабской дивизии.

Предыдущие события разыгрались следующим образом. Крупная польская часть (до 1000 штыков) покинула свои окопы в 2-х верстах сев. дер. Ольшанка и, пробираясь высокой рожью, внезапно нагрянула на наше охранение, в один миг сбила его и повела стремительное наступление на деревню. Поздно заметивший это 1-й кавполк, которым командовал тов. Нягу, выбросился навстречу противнику не в полном порядке и был встречен таким губительным пулеметным огнем, что, не успев даже развернуться, должен был с крупным уроном отскочить на южную окраину деревни.

Поляки, ободренные успехом, с громкими криками „ура" продолжали наступать на деревню, когда оттуда выскочил и понесся в атаку предводимый Котовским дивизион 2-го кавполка, врезавшийся в самую середину польских цепей.

Началась рубка. Поляки дрогнули и остановились. Один за другим падали „жолнеры" под ударами котовцев, не умея оказать сопротивления конникам. Но долго так продолжаться не могло: слишком велико было неравенство сил. Сраженный пулей, уже свалился с лошади Макаренко и еще десяток бойцов.

В этот кризисный момент справа вновь выскакивает полным карьером 1-й кавполк, успевший в деревне быстро привести себя в порядок. Вида этой новой конницы поляки вынести не могли; повернувшись кругом, польские цепи, еще за 10-15 минут стройные и бодрые, а сейчас утратившие всякий порядок и деморализованные, устремились к своим окопам. Отступая, поляки еще оказывали сопротивление, стараясь огнем не допустить конницы на расстояние шашечного удара.

Однако, немногим панам в этот день удалось уйти за свои проволочные заграждения. Наблюдая картину боя, я со своим „голым" дивизионом пробрался на наш левый фланг и оттуда галопом выбросился в обход правого фланга отходящего противника, вышел на дорогу Ольшанка —Белая Церковь и перерезал полякам путь отхода на свои окопы.

Вид голых всадников на неоседланных лошадях, с сверкающими на солнце клинками, подействовал на поляков потрясающе. В первую минуту ожесточенный до того огонь пулеметов и ружей совершенно прекратился. В следующий момент вся масса в диком ужасе принялась бежать в противоположную от нас сторону, бросая оружие и шинели. Преследуя, мы рубили их беспощадно.

Вскоре поляки оказались в глубоком овраге. Здесь их настигла вся бригада. Расправа была беспощадна. Котовцы вымещали сейчас на панах свои обиды за долгий период отступления. Лишь когда первый азарт прошел, стали брать пленных. Их было более 400 человек, и столько же поляков полегло на поле боя.

Захвачено было 12 станковых пулеметов и огромное количество оружия и обмундирования.

Наши потери тоже были велики, особенно в 1-м кавполку. Тяжело раненый командир 2-го кавполка т. Макаренко умер в гор Таращa, где он был торжественно похоронен в присутствии всей бригады. Командование 2-м кавполком после его смерти принял я.

2. Потеря батареи.

М. К. Карпишин — сын железнодорожн. рабочего, красный партизан, ветеран кавбригады т. Котовского, в рядах которой боролся, как рядовой боец, младший командир и командир взвода. Сейчас командир взвода Отдельного кавэскадрона 7-й имени Фрунзе дивизии.

Сильные бои разыгрались у кавбригады в конце июня под мес. Любар, расположенным по обе стороны реки Случь. Несколько раз мы захватывали этот пункт стремительной конной атакой, но затем снова уступали его многочисленному противнику, охватывавшему нас с флангов и заходившему нам в тыл, пока, наконец, не сбили окончательно поляков с реки Случь. Потери кавбригады в этих боях были тяжелы; среди раненых был боевой командир 1-го кавполка т. Нягу, впоследствии умерший от раны.

Выбитый из Любара противник отхлынул на Грицев, но под Лабунью мы настигли его в чистом поле и разбили вдребезги. Поляки, оставив в наших руках более 200 пленных, бежали из Грицева, а кавбригада, не задерживаясь в Грицеве, двинулась на Изяславль. В Изяславль вошли без боя.

На следующий день стало известно, что Грицев снова занят сильным противником, прибыв-

шим с юга, из Старо-Константинова. Кавбригада в ночь на 2-ое июля перебросилась на 20 вер. к югу—в Бол. Пузырьки и повела разведку.

Не только Грицев, но и весь прилегающий район в радиусе 6-12 верст оказался наводненным противником, быстро распространявшимся на север в направлении на Шепетовку. Как потом оказалось, это была „знаменитая" 18-я польская дивизия, ставившая себе задачей ударом в тыл разгромить нашу дивизию. Сильные отряды противника уже вышли в тыл 133-й бригаде.

Н. В. Дубчак, — бессарабец, участник Хотинского восстания, красный партизан Могилев-Подольского отряда. В период гражданской войны боец-пулеметчик 1 кавполка кавбригады тов. Котовского. За храбрость, проявленную в бою под Новой-Греблей (близ Киева — начало октября 1919 г.) при захвате в тылу у белых тяжелой батареи награжден орденом Красного Знамени. Сейчас комвзвода 13 кавполка 3 Бессарабской дивизии.

Котовский, не зная еще хорошенько с какими силами приходится иметь дело, решил ударить на Старо-Константинов, а оттуда—с юга на Грицев. Он разделил бригаду пополам, приказав мне со 2-м кавполком выйти на дорогу Грицев—Старо-Константинов для удара на Старо-Константинов с востока, сам же с 1-м кавполком двинулся правой колонной вдоль дороги Изяславль—Старо-Константинов, намереваясь захватить последний пункт с севера.

Мое движение проходило удачно. В районе, юго-западнее Грицева, я повстречался с 400-м полком нашей 134-й бригады и совместно с ним повел наступление на дер. Губча, занятую польской пехотой. Бой разгорался. Противник стал подтягивать части из Грицева с намерением обрушиться нам в тыл, и вдруг слева выскочила его кавалерия—сабель 100.

При виде гарцующей польской конницы у наших бойцов зачесались руки. Через несколько минут мы уже неслись во весь опор в атаку на уланов. Те и не думали принимать атаки, а, повернув коней, охваченные паникой, бросились наутек.

Преследуя, мы загнали их в болото, откуда мало кто вышел живым. Трофеями нам достались прекрасные кавалерийские лошади (около 30 штук) и новенькое, прочное конское снаряжение.

Бой с пехотой противника становился все более тяжелым, т. к. превосходные силы противника охватывали нас слева. Пришлось прекратить этот бой и оттянуться в лес, что сев. дер. Губча. Отсюда я послал донесение Котовскому.

Под вечер от Котовского пришло приказание итти к нему на присоединение. Я нашел 1-й кавполк в районе дер. Драчи. Разыскав Котовского, я был поражен его состоянием духа. Таким бешеным я его еще никогда не видел. Он находился в состоянии какого-то исступления, его бессвязная речь прерывалась страшными ругательствами, он метался, как зверь, и, чего никогда с ним не бывало, плакал.

С трудом мне удалось узнать причину его страшного волнения. Оказывается, накануне утром в бою была потеряна батарея — в первый и единственный раз за время существования кавбригады. У дер. Лисинцы 1-й кавполк атаковал противника, поспешно отступившего на Бутовцы. Мчавшаяся следом во весь опор наша конная батарея приняла пропустившую ее польскую пехоту за нашу спешенную конницу и опомнилась лишь тогда, когда ее стали расстреливать в упор. Вывезти орудия было невозможно, артиллеристы, порубив постромки, едва выскочили с лошадьми из окружения, потеряв убитых людей и лошадей. Батарея досталась полякам.

В течение остального дня Котовский несколько раз пытался отбить орудия, но атаки 1-го кавполка отражались убийственным пулеметным и артиллерийским огнем. Беспрерывным боем полк был измучен, а Котовский, никогда ранее не падавший духом, сейчас находился в состоянии крайнего угнетения, непрерывно повторяя:

— Ну как я донесу о том, что потерял батарею?.. Никогда этого не будет...

Решили ничего не доносить в штаб дивизии, пока не вернем орудий. На этом Котовский немного успокоился, приказав бригаде отойти на ночлег в д. Вербовцы и готовиться к новому бою.

Отдыхать пришлось не более 3-4-х часов. Разведка донесла, что противник уже в тылу у нас, в д. Чотырбоки, теснит части 133-й бригады к северу. В этот день (3 июля) разыгрались бои под д. д. Чотырбоки и Белополь. В одной из атак кавбригада разгромила крупную пехотную часть противника силою до 500 штыков и захватила польскую батарею. Прислуга с лошадьми удрала, но мы немедленно впрягли наших „безработных" со вчерашнего дня артиллерийских лошадей, недостающих пополнили из числа захваченных мною вчера у польской кавалерии и, таким образом, вывезли батарею.

Ворвавшись затем в дер. Белополь, мы освободили там человек 300 пленных красноармейцев 133-й бригады и отбили еще одну батарею, захваченную накануне у 133-й бригады.

В тот же день в штаб дивизии было послано донесение.

3. Кременец-Почаев.

Кавбригада пришла в Катербург вечером 11 июля и здесь заночевала. Правее в 10 верстах находился сильно укрепленный Кременец, к которому подошли части 135-й бригады. В нашу задачу входило переправиться через р. Икву южнее Кременца и ударом с тыла помочь пехоте овладеть городом.

Кавбригада была не одна. С нами в Катербурге ночевало еще много конницы. Это были сборные конные части, высланные Буденным на левый фланг 45 дивизии для обеспечения всей армии с юга. Среди них выделялась бригада кубанцев, только что сформированная на Кавказе из пленных деникинцев и еще не дравшаяся на польском фронте.

Вся собранная здесь конница, в том числе наша кавбригада, носила название кавгруппы т. Осадчего.

Утром 12 июля вся кавгруппа перешла р. Икву у м. Дунаев. Вслед за этим кавбригада Котовского двинулась в глубокий тыл противника на Нов. Почаев, а Осадчий с остальной конницей пошел на Бережцы для нанесения удара на Кременец с запада.

Кавбригада заняла Н. Почаев легко. Разбежавшийся противник оставил здесь большие запасы продфуража, часть которого была нами взята на повозки, остальное же роздано крестьянам В „знаменитой" Почаевской лавре люди и лошади хорошо поели. Все ходили веселые.

А поляки тем временем повели из Кременца контр-наступление на кавгруппу Осадчего и разбили ее вдребезги. Отрезанная от переправ, побросавшая орудия и пулеметы, кавгруппа металась на западном берегу Иквы, не находя выхода. Котовскому было послано приказание спешить на выручку.

Котовский налетел на поляков неожиданно. После короткого сопротивления, поляки разбежались, очистив переправу у Дунаева, и разбитая конница Осадчего переправилась на правый берег. Но этим ее мытарства не закончились, т. к. восточный берег Иквы оказался уже наводненным пехотой противника, появившейся с юга. За кавгруппой, деморализованной поражением, началась форменная охота, и ей только благодаря наступившей ночи, применяя глубокий обход через Вишневец, удалось утром 13 июля возвратиться в район Катербург-Горинка. Наша кавбригада перешла сюда же.

В следующие 3 дня здесь разыгрались кровопролитные бои с сильными пехотными частями противника, принадлежавшими к 13-й польской дивизии. Вся тяжесть их пала на нашу кавбригаду, дравшуюся и в конном и в пешем строю; остальная конница никуда не годилась. В одном из боев под дер. Горинка выбыл из строя тяжело контуженный комбриг тов. Котовский.

Наконец, 17 июля кавгруппа получила приказ оставить район Катербурга и встать прямо против Кременца, на смену нашей пехоте, отправленной под Дубно, где ожидалась развязка всей операции. На следующий день наша кавбригада, командование которой перешло к т. Ульриху, расположилась в резерве кавгруппы в дер. Жолобки, а впереди нас встала упомянутая в начале рассказа бригада кубанцев, занявшая дер. Угорск. Прошел еще день, и, когда спустились сумерки, кубанская бригада арестовала и расстреляла своих комиссаров и коммунистов и, предводимая своими командирами—деникинскими офицерами, двинулась в сторону Кременца, где изменников с распростертыми об'ятиями встретили поляки.

Когда весть об измене докатилась до нашей деревни, кавбригада немедленно бросилась в погоню. Но кубанцы уже прошли через фронт, а их покровители-поляки встретили нас ураганным пулеметным огнем с неприступных Кременецких позиций. Один только запоздавший эскадрон, сабель в 40, был нами настигнут и обезоружен. Человек 10 сейчас же расстреляли, прочих отправили в штаб дивизии. Но кубанская бригада все же ушла и стала служить полякам. Впоследствии, через несколько дней с польских аэропланов были сброшены листовки, подписанные командиром кубанской бригады (сейчас я позабыл фамилию этого мерзавца) с призывом ко всем „русским конникам и казакам" последовать примеру кубанцев: большевики, мол, и евреи продали „нашу родину" и т. д., а поляки, мол, благородная нация и приняли их, кубанцев, хорошо и т. п.

Эти листовки оказали как раз обратное действие, только усилив возмущение котовцев, хорошо помнивших, как подло подводили их в бою „братья-кубанцы".

События на фронте разворачивались. В ночь на 21 июля под напором нашей пехоты пало Дубно. 18-я польская дивизия, защищавшая реку Икву, под натиском Буденного медленно отходила к юго-западу на Радзивилов. С утра 21 июля кавгруппа повела наступление на Кременец. К вечеру после долгого боя противник оставил город, и конница расположилась в нем на ночлег. От кавгруппы по существу осталась только наша кавбригада, да два сильно потрепанных конных полка, носивших названия „Сибирский кавполк" и „Полк особого назначения", не представлявших, однако, никакой боевой ценности. Кроме того, оставался еще начальник кавгруппы т. Осадчий.

Н. Ф. Скутельник, бессарабец, участник хотинского восстания, красный партизан, участник всех боев и походов кавбригады т. Котовского, в которой прошел все должности до командира эскадрона включительно. За подвиги награжден 2 орденами Красного знамени. Сейчас командир эскадрона 13 кавполка 3 Бессарабской дивизии. Член ЦИК'а АМССР.

С утра 22 июля Кавбригада снова двинулась в рейд на Нов. Почаев, но на этот раз остановилась в 5 вер. от города и выслала во все стороны разведку. В Нов. Почаеве оказались крупные силы поляков, отступившие из Кременца, и вся окрестность была усеяна польскими отрядами разной численности. Связи с нашей пехотой не было вовсе; даже приблизительно не было известно, куда она направлялась.

Ночь прошла в дер. Комнатка, а на рассвете (23 июля) сильные пехотные части противника, выдвинувшиеся за ночь из Почаева, заняли на севере Бережцы и Божью Гору, преградив нам обратный путь на Кременец, и в то же время густые польские цепи появились с юга, наступая прямо на нас.

Так начался этот знаменательный день—23-е июля. Окруженные, сдавленные, словно клещами, несколькими пехотными полками противника, под убийственным огнем пулеметов, 250 котовцев мечутся внутри, все суживающегося лесного про-

странства, стараясь разорвать смертоносное кольцо. Атака следует за атакой. В конном и пешем строю бросаются котовцы на хорошо применившиеся в перелесках польские цепи, но местность настолько благоприятствует противнику, а огонь его пулеметов настолько губителен, что ни одна из атак не достигает цели, и только множатся наши потери.

Г. Терещенко—боец кавбригады тов. Котовского на польском, петлюровском и бандитском фронтах. В настоящее время занимается сельским хозяйством в Ананьевском районе Одесского округа, член комнезама.

Первоначально наши атаки были направлены против Божьей Горы с целью пробиться на Кременец. Эта большая, вся поросшая густым лесом, гора, не требовала особых усилий для своей защиты. Пулеметы легко отбивают все наши наскоки, и после каждого отхода за нами тянется кровавый след. Ряды бойцов тают, силы людей и лошадей падают, но котовцы еще верят в удачу...

С нами Осадчий—начальник кавгруппы, но он уже не распоряжается. Кавгруппа в этот день тихо скончалась. осталась кавбригада Котовского. Командую я и Ульрих.

Видим, что не взять нам Божьей Горы: нет здесь простора для кавалерийской атаки, а для пешей—не хватает сил. Что могут сделать 200 всадников против в несколько раз сильнейшей пехоты, засевшей, как в крепости, на высокой горе, в густом лесу, простреливающей пулеметами все подступы к своей позиции?

Между тем, южный противник, занявший дер. Комнатка, сбивает нашу заставу у разрушенного моста через р. Урля, и, переправившись, наступает нам в тыл. Решаем с Ульрихом атаковать эту группу...

Наконец-то удача... Противник бежит, бросая оружие. В образованную брешь проскакивает вся бригада, вывозя своих раненых. Поворачиваем на север и выходим в дер. Гряда.

4 часа подряд продолжался этот бой. Потери велики, усталость одолевает бойцов, но настроение их снова бодрое: самое тяжелое осталось позади...

...Короткая передышка, и битва возобновляется. Подошла наша пехота—133-я, а потом и 135-я бригады. Фронт повернулся снова против Божьей Горы, на этот раз с противоположной стороны.

Поляки наступают. Ими окружена почти вся 45 дивизия. Они давно ждали этого случая и сейчас хотят прикончить нас.

Не тут то было. Пехота дерется стойко, хотя измучена не меньше нашего. Атаки... контратаки... наступления... отступления... Деревня Гряда переходит из рук в руки. Кавбригада на крайнем правом фланге ведет комбинированный бой... Потери растут...

Наконец, пехота берет Божью Гору. Противник, занимавший гору, отходит на Почаев, но перед нами еще держится и даже наступает...

И вдруг, справа появляется 11-я дивизия Буденного. Как эта выручка подействовала на измученных бойцов кавбригады, потерявшей в восьмичасовом бою половину своего состава, не приходится описывать. В один миг строятся котовцы для последней атаки вместе с буденовцами.

Эта атака была ужасна. Мы расплачивались за тяжелые жертвы, понесенные бригадой в этот день. Напрасно отдельные группы поляков пытались защищаться. Трупами польских солдат и офицеров было устлано обширное поле между Божьей Горой и Почаевом.

Рассказы котовцев.

Гордость 45-й дивизии—знаменитая кавбригада Котовского воспитывала героев. Твердая рука железного человека-Котовского, его безграничная личная храбрость, огромная настойчивость, искусное и уверенное управление, суровые требования, пред'являемые им к бойцам бригады, и беспощадное преследование малодушных, развинченных, трусов—делали из обыкновенных людей беззаветных храбрецов, презирающих смерть и опасность, творящих удивительные по бесстрашию дела. Котовский, котовцы—эти имена гремели по обе стороны фронта. Боевая слава этой бригады, неутомимость и личный пример всех начальников, дравшихся всегда впереди своих частей, неудержимость страшных кавалерийских атак, суровая дисциплина, сковывавшая котовцев в бою—вели к тому, что бригада в полном смысле слова не знала поражений. Простые товарищески-непринужденные отношения начальников с подчиненными вне боя и службы, безукоризненное отношение бойцов к населению, его национальным и бытовым особенностям, и строгое преследование барахольства и самоуправства—дополняли облик этой подлинно-советской воинской части.

Котовский чрезвычайно ценил свою боевую „братву" и горой стоял за нее. Его ближайшие помощники, командиры полков Нягу и Макаренко и командир батареи Просфирин, все убитые, были вместе с тем его лучшими друзьями. Благодаря своей большой наблюдательности и хорошей памяти он умел находить нужных ему способных и боевых ребят в недрах своей бригады. Таких он немедленно выдвигал на командные должности и давал им ответственные задачи. Больше всего он любил храбрость, отвагу, боевую стойкость, но вместе с тем и сообразительность, умение применить военную хитрость, выиграть бой. Этим качествам больше всего удовлетворял самый замечательный из его „выдвиженцев"—Криворучко, постоянный и ближайший сподвижник Котовского, прошедший под его руководством путь от командира эскадрона до командира дивизии, а после смерти Котовского заменивший его на должности командира 2-го кавкорпуса.

И вместе с тем беспощаден был Котовский, Криворучко и все котовцы к трусам, барахольщикам, шкурникам. Зарубить, застрелить бегущих из боя, грабящих мирных жителей, мародерствующих—для Котовского или Криворучки было революционным долгом. Даже надежные бойцы и заслуженные командиры, случалось, в разгаре боя „зарабатывали" удар клинком или тупым концом шашки по голове за допущенные ошибки или невнимательность.

М. М. Жестоканов—военком кавбригады т. Котовского в период гражданской войны.

Не порть мне бригады — вот чего требует от каждого из нас Котовский, а если кто портит,— тому, все равно, жизни не будет—так отзывается о Котовском краснознаменец Бригадир.

И котовцы хорошо усвоили это требование. Дорожа традициями и боевой репутацией своей бригады, они совершают замечательные подвиги, подражая своему полулегендарному начальнику. В маленькой бригаде, число бойцов которой в лучшие времена не превышало 350 сабель, награждено орденом Красного Знамени около 200 человек, из них около 100 человек повторно. А если бы были представлены к награде котовцы, павшие на полях Подольщины, Волыни и Галиции, это число увеличилось бы еще в 2 раза.

Ниже приводим воспоминания нескольких котовцев, рисующие характеры этих людей и развертывающие перед читателем ряд ярких боевых эпизодов.

Воронянский, Леонтий Христофорович.

Бессарабец из Хотина. Родился в 1893 году. До военной службы работал каменщиком и шорником. В 1914 году призван в старую армию, участвовал в империалистической войне. В 1917 году возвратился домой и вступил в партизанский отряд, боровшийся с австрийцами. По занятии Бессарабии румынами участвует в Хотинском восстании против румын (в начале 1919 г.) и после подавления его бежит с отрядом через Днестр. На Украине отряд обезоруживают петлюровцы, Воронянский бежит и скрывается в Каменец-Подольске. Вскоре тов. Воронянский вступает в антипетлюровский партизанский отряд тов. Нягу, послуживший впоследствии ядром 1-го кавполка бригады Котовского. С тех пор служит непрерывно в бригаде Котовского, участвовал во всех ее походах и боях.

Занимал должности от красноармейца до помощника командира эскадрона. Сейчас инструктор-наездник 2-го кавкорпуса.

Награжден 2-мя орденами Красного Знамени „за безграничную храбрость".

1. „Посвідчення“.

Летом 1919 года, перед отступлением Южной группы из Украины, 45-я дивизия дралась с петлюровцами. Я был в кавполку т. Нягу.

Под м. Комар-город мы отступали. Петлюровцы зашли нам в тыл и давай по нас палить. Котовскому (он командовал 2 бригадой) показалось, что это стреляют, не разобравшись, наши части; он послал меня об'ясниться с ними.

Л. Х. Воронянский

Под'езжаю. Машу рукою, кричу:

— Чего вы стреляете, это ж наши!..

Смотрю — петлюровцы.

Под'езжает сотник.

— Якої частини?

Я понял, что нужно быстро что-нибудь придумать.

— Чорноморського полка — отвечаю (накануне мы дрались с Черноморским петлюровским полком).

— А це що за комуна на шапці? — спрашивает сотник.

Я вспомнил, что на фуражке у меня — красноармейская звездочка.

— Та вбив більшовика та й забрав кашкета — отвечаю я, стараясь казаться беззаботным.

Сотник не доверяет, сомневается.

— Дай сюди посвідчення — требует он.

— Та на що ж це посвідчення?..

— Дай посвідчення, — настаивает сотник.

Я полез с беззаботным видом в карман, выхватил оттуда браунинг и выстрелил в сотника.

— Вот тебе „посвідчення“ — с этими словами я повернул коня и пустил его во всю прыть.

Крик... пальба... погоня...

Навстречу т. Нягу с дивизионом [1].

Идем в атаку... Петлюровцы бегут...

2. Полковник Ворона.

Незадолго перед этим случаем кавдивизион т. Нягу ночевал в районе м. Жванчик. На утро узнали от крестьян, что в соседней деревне (названия не помню) — повстанцы [2]. Нягу выслал меня и Шинкаренко разузнать подробнее.

В'езжаем в село. Там выстроилось в конном строю человек 60 повстанцев во главе с полковником Вороной. Под'езжаем.

— Добрий день!..

— А ви хто такі?

— Від Петлюри для зв'язку.

У Шинкаренко оказался петлюровский документ, взятый им у убитого петлюровского хорунжего.

Повстанцы поверили. Шинкаренко вызвался привести на соединение „наших козаков“ и отправился к Нягу. Я остался с повстанцами. Держу себя непринужденно.

Вскоре явился Нягу с дивизионом.

Поздоровались, обменялись „информацией“, и пошли вместе на Жванчик. Нягу принял общее командование, а я и Шинкаренко стерегли полковника Ворону.

Не доезжая Жванчика, Нягу подал условленную команду. Братва бросилась на повстанцев, обезоружила их, часть порубила, а „полковника“ Ворону мы с Шинкаренко захватили в плен.

3. Разные дела.

В 1919 г., осенью, когда шли бои с деникинцами под Киевом, я из дер. Андреевка (10 вер. сев. Макарова) отправился в разведку. Вечером заехал в дер. Осикову. Там оказались деникинцы. Меня заметили.

Навстречу выехал поручик. Я назвался деникинцем из Волчанского отряда. Поехали рядом. Разговорились. Выехали на край деревни...

Прощаемся. Он подает мне руку. Я выхватываю наган и приставляю к его виску. Другой рукой схватываю его лошадь за повод и вместе с ним прилетаю в Андреевку. Здесь сдаю пленного т. Нягу.

* * *

В 1920 г. в июле под дер. Горинка, во время нашей атаки, я и Ткаченко заскочили на польскую батарею и захватили 2 орудия с прислугой и лошадьми.

* * *

11 ноября 1920 г. в бою с петлюровцами под м. Черневцы я с 10 всадниками во время атаки заскочил далеко вперед и оказался совершенно окруженным петлюровцами. Выхода не было. Тогда я закричал петлюровцам:

— Братва, кидайте оружие... Сдавайтесь нам.. Да здравствует Красная армия!

250 человек кинуло винтовки. Всех их я отвел к Котовскому.[3]

* * *

22 ноября 1920 г. под Волочиском путь бригаде заграждал бронепоезд. Котовский послал меня со взводом взорвать полотно жел. дороги в тылу бронепоезда. Я пробрался в тыл броневику, взорвал путь, а потом внезапно атаковал броневик. Прислуга частью разбежалась, частью была захвачена. Бронепоезд был взят. Потери взвода — одна раненая лошадь.

---

[1] Тов Нягу командовал в то время (1919 г) кавдивизионом при 2 бригаде 45 дивизии. Комбригом 2 был тов. Котовский. *Ред.*

[2] Имеются в виду восставшие кулаки, руководимые петлюровскими агентами. Кулацкие восстания на Подольщине и Херсонщине летом 1919 года были очень частым явлением (см. раздел „Перед походом Южной группы“.) *Ред.*

[3] Такая массовая сдача петлюровцев 11-ти красным конникам об'ясняется общей деморализацией петлюровской армии, составленной в большинстве из мобилизованных Петлюрой в октябре 1920 г. крестьян Подольщины. Все же заслуживают безусловного признания необычайные отвага и находчивость т. Воронянского, рискнувшего ворваться в самую гущу врага, в 20 раз более многочисленного. *Ред.*

* * *

В Тамбовской губернии летом 1921 г. в бою под с. Дворянщино зарубил 10 человек и 7 человек—в бою под с. Медное.[1]

* * *

Было еще многое другое, да какие это подвиги? На то-ж и война, чтобы бить врага. Так были *чудаковатые вещи*.

Колесниченко, Михаил Яковлевич.

Род. в 1899 г. в дер. Амур, Херсонской губернии, Ананьевского уезда. Потомственный батрак, работал до 18 лет у помещиков. До 20 лет был неграмотен. В 1917 г. вошел в партизанский отряд Боханцева, потом—в отряд Криворучки. С этим отрядом в 1919 г. влился в 45-ю дивизию.

В бригаде Котовского прошел должности от красноармейца до командира эскадрона. После войны окончил школу им. Каменева. Сейчас—начальник полковой школы 14-го кавполка. Кандидат партии. Ранен 6 раз. Награжден 2-мя орденами Красного Знамени.

М. Я. Колесниченко.

1. Кавбригада под м. Волковинцы.

Первые же бои с поляками в Подольской губернии показали нам, что мы имеем дело с противником, гораздо более стойким, чем деникинцы или петлюровцы. В боях с поляками наша кавбригада часто несла значительные потери. Так было в бою под м. Волковинцы в марте 1920 г.

Утром поляки прорвали фронт 133 бригады и оттеснили ее на м. Волковинцы. Весь день продолжались польские атаки на Волковинцы.

Ночью на ст. Комаровцы (рядом с м. Волковинцы) спешно прибыла кавбригада. Стояла непроглядная темь, грязь; сырость пронизывала до костей.

Спешились, поставили лошадей в кустах близ станции, сами расположились на платформе.

Люди устали. Пробуют спать, но не удается: замерзают ноги в худых сапогах, холодно, под рваное обмундирование забирается сырость.

Котовский нервно шагает по платформе. Два раз'езда, посланные им в Волковинцы для связи с 133 бригадой, не возвратились. Он подходит то к Нягу, то к Макаренко советуются.

В третий раз посылается целый взвод. У переезда, близко от станции, этот взвод попадает под ружейные залпы. Пройти невозможно. Взвод, понеся большие потери, возвращается на станцию.

Тревога... Бригада выстраивается развернутым фронтом на Волковинцы. Впереди—тачанки с пулеметами.

Стоим. В местечке тихо. Но чувствуется, что противник где-то здесь совсем близко, может быть даже окружил нас.

Как бы в подтверждение этой мысли слева подымается стрельба. Пули начинают летать вокруг нас... Котовский спокоен. Для него еще не ясна обстановка. Он выдерживает свой удар, не желает бить по пустому месту.

Стрельба учащается. Она уже в нашем тылу. Это 133 бригада, окруженная поляками в Волковинцах, прорывается на Бар...

Все чаще свищут пули вокруг неподвижной кавбригады, залетают с фланга, с тыла. Нервы взвинчиваются. Больше всего мучит вынужденная неподвижность. Бойцы, скованные железной дисциплиной, продолжают стоять, хотя есть уже раненые.

Внезапно чувствую сильный удар сзади в левое плечо... Чуть не упал с седла... Ощупываю руку—кровь... Ранен...

Докладываю Криворучке (он был в то время помощником командира 2-го кавполка).

— Езжай по-над железной дорогой,—говорит он,—не морочь головы.

Еду вдоль жел. дороги. Тьма. Кругом свищут пули. Издали слышу, как тронулась с места кавбригада „Должно быть в атаку"—соображаю.

У рощицы нахожу сестру. Она осматривает мою рану, кладет повязку.

— Ну, братишка, ты легко ранен.

Кость не была задета.

Впереди—уже шум, крики, стрельба... Это кавбригада атакует поляков...

Подходят новые раненые...

Спешно отступает группа пехотинцев—человек 30—40. Я не выдерживаю.

— Стой,—кричу и бросаюсь между ними,—какой части, куда втекаешь?...

Остановились. Смущены...

Один из них, по виду начальник, отвечает:

— Пошел прочь... Видишь, отступаем. Не мешай...

Выхватываю шашку и, по примеру Котовского, его—клинком...

— А ну, за мной братва, назад, в деревню...

Мой вид с обнаженной шашкой в правой, с повязкой—на левой руке, произвел впечатление. Рота вмиг поворачивает назад и, предводимая мною, чуть не бегом наступает на деревню. Воодушевление красноармейцев так велико, что они перегоняют меня, и уже мне приходится поспевать за ними.

[1] Эти бои принадлежат к операциям кавбригады против повстанческо-кулацкой „армии" Антонова летом 1921 г.—*Ред*

Достигаем окраины, перелезаем через заборы и вскакиваем в местечко. Здесь уже хозяйничает Котовский. Как потом оказалось, он совершил обход и, не взирая на огромные потери от пулеметного огня, выбил противника из деревни.

Поляки бежали из Волковинцев, подгоняемые артиллерийским огнем подошедшего нашего бронепоезда. Крестьяне, „дядьки", тоже не остались безучастными: подстерегая бегущих панов, они убивали их из-за угла.

В местечке я, не привычный к долгому бегу, в изнеможении упал на землю. Повязка с раны спала, пошла кровь, и я впал в забытье. Пехотинцы пошли дальше...

Волковинцы стоили полякам многих зарубленных и пленных, а кавбригаде—не малых жертв.

2. Тютюнник в тылу 45 дивизии.

В конце апреля 1920 г. 45 дивизия отступала из-под Бара. Кавбригада шла во главе дивизионной колонны.

Проходя через м. Тульчин, мы узнали, что накануне здесь хозяйничал с большой бандой Тютюнник. Им были разгромлены обозы 60 дивизии, захвачено и зверски замучено несколько десятков красноармейцев. След банды вел на ст. Вапнярка.

Кавбригада, отделившись от колонны дивизии, на рысях двинулась в направлении ст. Вапнярка, В 8 верстах от станции было получено донесение, что станция занята пехотой и конницей бандитов. Короткое совещание, и план действий составлен: Криворучко с 1-м эскадроном 2-го кавполка (80 сабель) движется прямо на станцию, а Котовский с остальной бригадой—левее его, в обход Вапнярки. План состоял в том, чтобы выгнать банду из Вапнярки на главные силы бригады.

О подробностях этого замысла бойцы узнали только позже. Криворучко едет молча, он не любит болтать прежде времени...

Приближаемся к станции... Раннее утро... Тихо... Вдруг резкая команда:

— В атаку—марш-марш...

Это скомандовал Криворучко; он ничем не предупредил эскадрона и даже не перестроил колонны для атаки...

С места пускаем лошадей вскачь, разворачиваемся на галопе, и вот уже летим с обнаженными клинками—прямо на станцию.

Оказывается, здесь—конница, а рядом в леску—пехота. Атака ошеломляет своею внезапностью, бандиты, не сопротивляясь, бегут. Пешие и конные, охваченные паникой, густыми толпами удирают по железной дороге, скатываются в балки, спасают свою жизнь.

Эскадрон преследует бегущую банду, не давая ей опомниться. Станция, пути и прилегающее поле покрываются трупами зарубленных.

На большом поле натыкаемся на огромный обоз. Это—снабженческая база Тютюнника. „Снабженцы" одеты в штатское платье буржуазного покроя. Не мало здесь и женщин. Всю эту публику берем в плен.

Захватываем 2 орудия. Братва пытается стрелять по бегущим. Первый же снаряд перелетает верст на 6. Бросаем эту затею...

Станция очищена от банды. Около 100 зарубленных и застреленных бандитов—результат нашей атаки.

Обыскиваем эшелоны. В нескольких вагонах находим трупы красноармейцев. Их животы распороты, туда насыпано зерно, и приколота к платью записка: „Оце тобі хліб"...

Расстреливаем захваченных пленных бандитов и продолжаем движение на Тростянец, гоня за собой бандитский обоз.

В Тростянце встречаем Котовского. Узнаем, что кавбригада перехватила банду у дер. Кирнасовка (15 вер. вост. Вапнярки), окружила ее и почти целиком уничтожила.

Разгромленная нами банда Тютюнника, силой до 1000 конно-пеших, как оказалось, пришла на Подольщину через польский фронт с намерением поднять восстание в тылу отступающих красных войск. Эта затея вышла ей боком.

Вальдман, Григорий Абрамович.

Бессарабец, родился в 1884 г. в Кишиневе. Сын слесаря, сам — квалифицированный слесарь. Детство Вальдмана проходит в Сибири, в Никольск-Уссурийске, куда был сослан за революционную работу его отец. 10-ти лет Вальдман пробирается на юг России и до 1907 г. работает на предприятиях крупных южных городов (Черкасы, Одесса, Киев). С 1907 г. отбывает воинскую повинность в г. Никольск-Уссурийске—в частях артиллерии. В 1909 г. за участие в убийстве офицера заключается на 6 лет в крепость. Не досидев одного года, в 1914 году отправляется на германский фронт. После двухлетнего пребывания на фронте дезертирует из царской армии, арестовывается и присуждается к 12 годам каторжных работ. Революция 1917 г. освобождает Вальдмана; он приезжает в Кишинев и в 1918 г. вступает в партизанский отряд, действующий под лозунгом „за Советскую власть".

Вскоре встречается с Котовским и переходит в его отряд. С ним переходит в Красную армию и непрерывно служит в частях, возглавляемых Котовским, на должностях командира эскадрона и помощника командира полка. В 1925 г. уходит в запас РККА и в настоящее время работает в Харькове на производстве по своей специальности. Член партии с 1919 г. За боевые отличия имеет три ордена Красного Знамени.

1. Случай в бане.

Летом 1919 г. 2 бригада 45 дивизии, которой командовал т. Котовский, одно время располагалась в районе ст. Попелюхи. Штаб бригады стоял в м. Песчанка. Фронт против петлюровцев занимали пехотные полки и 2-й кавдивизион т. Нягу, в котором я тогда командовал эскадроном.

Я только что вернулся из командировки в гор. Одессу, куда меня посылал Котовский с задачей раздобыть седла и обмундирование. И хотя начдив т. Якир, к которому я, по приезде в Одессу,

обратился в первую голову, затопал на меня ногами и приказал немедленно убираться из Одессы,—я все таки разыскал в городе около 60 седел, забрал их и привез в бригаду. Котовский был доволен.

Я приехал, грязный, как чорт. Котовский это заметил.

— Ну,—сказал он,—иди теперь в баню. Кстати, и я с тобой пойду.

На фронте в это время было колебание. Бригада предполагала вскоре сниматься.

— Успеем еще помыться,—решил Котовский.

Пришли в баню, моемся, усердно мылим друг друга...

В разгар мойки влетает ординарец:

— Тов. Котовский, в местечке—петлюровцы...

В окна доносятся звуки перестрелки. Стрекочет пулемет...

— Вот сволочи,—возмутился Котовский и приказал немедленно подать к бане верховых лошадей.

Мы стояли еще в мыле. Быстро окатившись водой, бросились одеваться.

— Ничего, Гришка,—успокаивает меня Котовский,—не то еще случается.

Быстро напяливаем на себя одежду... Стрельба за окном усиливается. Вот доносится звук конских копыт... Кто-то быстро проскакал мимо бани... Кто-то пронесся под самыми окнами... Улица наполняется голосами и шумом бегущих и скачущих людей...

Я одет... С револьвером в руках охраняю вход. Котовский еще доканчивает туалет...

Снаружи голоса... Распахивается дверь, и врывается несколько петлюровцев...

Прежде чем я успел поднять револьвер,—из-за моей спины раздался выстрел, за ним еще один. Это Котовский, подскочивший с маузером, через мое плечо уложил двух петлюровцев...

Выскакиваем на улицу, бросаемся в дворы и огородами выбегаем на окраину местечка. Здесь недалеко скопились конные и пешие части, отступившие из Песчанки. Находим своих ординарцев с лошадьми...

Подходит дивизион тов. Нягу. Котовский отдает распоряжения по бригаде...

К вечеру положение на всем фронте восстанавливается. Петлюровцы отброшены. Штаб бригады возвращается в Песчанку.

2. Поединок.

В начале июля 1920 г. восточнее гор. Изяславль (не помню сейчас названий деревень) целый день шли бои с поляками. В одной из атак я с эскадроном в 50 сабель залетел на артиллерийскую позицию противника.

Перед нами в 200 шагах раскинулась 4-х орудийная польская батарея. Заиграло кавалерийское сердце, и с криком и свистом мы бросились отбирать орудия.

Но тут слева из-за горки показалось пехотное прикрытие—человек 120. Его огонь приостановил наш порыв. Батарея в свою очередь открыла по нас беглый огонь в упор. Эскадрон отступил.

Думать было некогда. Добыча ускользала. Развертываемся против прикрытия. Атакуем его с заходом в тыл. Пехота не выдерживает, бросает оружие...

Сейчас же вторично бросаемся на батарею, взятую уже на передки. Артиллеристы защищаются лучше пехотинцев. Дерутся отчаянно, но не могут устоять против конницы. Большая часть прислуги порублена котовцами. Отдельные польские всадники спасаются бегством... Батарея взята.

В то время, как братва расправлялась с прислугой батареи, мне бросился в глаза артиллерийский офицер на прекрасной лошади. Он хотел ускакать. Я пустился за ним в погоню, и гнался около полуверсты. Мне страшно хотелось забрать его лошадь.

Г. А. Вальман.

Когда я, наконец, поравнялся с ним, поляк внезапно повернул коня и бросился на меня с обнаженной саблей. Я едва отразил его удар шашкой, и вот, в стороне от места боя, между нами завязался смертельный поединок.

Я умел не плохо фехтовать, так как еще в старой армии, служа в частях артиллерии и кавалерии, был достаточно вымуштрован по этой части, кроме того за последнее время чуть ли не каждый день упражнялся в рубке, но и поляк оказался практиком этого дела. Справляться с ним было тяжело. Он нападал, я защищался, стараясь улучить момент. Минут 5 продолжалась схватка.

У меня оказался разрубленным палец на правой руке. Подавляя страшную боль, я, изловчившись, нанес противнику сильный удар по голове, от которого он упал замертво. Я схватил коня и вернулся к своим.

В этом бою эскадроном было захвачено 4 орудия с запряжкой и частью лошадей, 100 пленных и много оружия.

Прекрасный конь, приобретенный мною в дуэли, через три дня был убит подо мной.

3. „Жид-командир“.

В конце сентября 1920 г. через Бердичевщину проходили остатки некоторых расстроенных и разложившихся частей 6-й кавдивизии 1-й Конной армии. Деморализованные рядом поражений на Западном фронте, эти войска, состоявшие из просочившихся в Буденовскую армию деникинских элементов, грабили население, пьянствовали, материли Советскую власть и коммунистов, избивали встречающихся красноармейцев, срывая с них звездочки, и особенно охотно творили еврейские погромы.

Все это происходило в тыловом районе 45-й дивизии, и кавбригаде было приказано охранять район Бердичев-Липовец от выступлений пьяных бандитов, загрязнивших славное имя буденовцев.

Мой эскадрон при 4 пулеметах и 2 орудиях занял для охраны м. Зозов. Я имел приказание не впускать в местечко проходивших частей 6 кавдивизии, так как в этом случае погром был бы обеспечен. Маршрут этих частей должен был лежать в обход пунктов с еврейским населением.

Я сгруппировал эскадрон в кулаке, поставил орудия и пулеметы на позиции и стал ждать. Вскоре в местечко в'ехали квартирьеры одной из кавбригад 6-й кавдивизии во главе с помощником командира бригады. Их задержали и провели ко мне.

Квартирьеры держат себя вызывающе, недоумевают, требуют. Я зачитываю им приказ начальника тылового района, запрещающий их частям входить в местечко. Предлагаю расписаться в прочтении. Помкомбриг возмущен, однако, расписывается, и квартирьеры уезжают.

Приказываю командирам взводов предупредить людей, чтобы были готовы к бою. Ко мне подходит несколько красноармейцев.

— Непременно эта братва вернется,—говорят они.

— Ты откуда знаешь?

— А як на коней садились, говорили: „Покажем вашему жиду-командиру"...

— Пусть показывают, а мы посмотрим.

Через некоторое время от наблюдателей пришло донесение, что конница проходит стороной. Значит — подействовало.

Но вся бригада прошла, а один или два эскадрона обходным путем ворвались в местечко с той стороны, откуда их совершенно не ожидали.

Я сидел в хате, когда ко мне ворвался ординарец Чиканов с криком:

— Тікайте, тікайте, бо вас хотят убить.

Я вышел из хаты и остановился в дверях с маузером в руках.

Во двор влетело 3 пеших „буденовца". Они не узнали меня, так как по наружности меня нельзя признать за еврея.

— Где тут ваш жид-командир? — обратились они ко мне.

Не отвечая, я открыл стрельбу из маузера и тремя выстрелами в несколько секунд уложил всех трех.

Братва, между тем, уже бросилась усмирять „буденовцев", рассеявшихся по местечку и приступивших к погрому. После короткого сопротивления грабители стали разбегаться. Все же нам удалось человек 15 зарубить и человек 30 захватить в плен. Остальные бежали. Несмотря на быстрый подход эскадрона, в местечке все-таки оказались убитыми 4 еврея.

В течение целого дня и ночи мы ждали повторения налета, но этого не случилось.

Эскадрон за недопущение погрома получил благодарность.

Как известно, разложившиеся части были вскоре рядом беспощадных мер и расстрелов начисто выметены из армии Буденного, которая выступила на врангелевский фронт, очищенная от белогвардейских и бандитских элементов в своих рядах.

Котельник, Максим Трофимович.

Крестьянин пос. Ново-Архангельск, Первомайского округа (б. Херсонской губ.). Родился в 1894 году. С 11 лет батрачил у помещиков вплоть до самого призыва на военную службу. Нигде не учился. В 1914 г. взят на службу в старую армию, прослужил 3 года рядовым в 8 кавалерийском запасном полку, а с 1917 г.—ефрейтором. На фронт попадает лишь в 1917 г. Революция застает полк Котельника в Румынии. Полк пристает к большевикам, но после вторжения немцев расформировывается (1918 г.).

Тов. Котельник до марта 1919 г. работает в партизанских отрядах, потом 4 месяца лежит на излечении в Одесском госпитале. По выздоровлению вступает в Красную армию, в 45 дивизию, служит в мадьярском эскадроне, потом в кавдивизионе при 3 бригаде, с последним переходит в кавбригаду Котовского. С тех пор Котельник беспрерывно служит в кавбригаде Котовского, сначала рядовым бойцом, потом отделкомом, помкомвзводом и комвзводом. В бригаде известен под прозвищем „Яблочко". Сейчас—начальник хозкоманды 13-го кавполка. Имеет орден Красного Знамени.

1. Горинка.

Горинка находится в 10 верстах южнее Кременца. Здесь у кавбригады в середине июля 1920 г. был большой бой.

Поляки занимали Горинку двумя батальонами пехоты силою до 700 чел. при большом числе пулеметов и 8 орудиях. Эти данные нам стали известны лишь после занятия нами Горинки, из показаний пленных.

В последнее время Котовский часто применял бой в пешем строю. Каждый раз, когда поляки закреплялись в какой-нибудь деревне, один из полков спешивался и вел наступление, а другой выжидал где-нибудь на фланге в конном строю. Лишь только поляки выбивались пешим полком из деревни в поле, конный полк неожиданно бросался на них и рубил. Другого способа взять поляков не было

Мы подходили к Горинке из Катербурга. Поляки еще на далеком расстоянии взяли нас под артиллерийский огонь. Сразу стало видно, что дело будет жаркое.

Пробираясь лощинами и балками, подошли к деревне на 2 версты. Здесь 1-й кавполк спешивается и переходит в наступление. 2-й кавполк пробирается в конном строю на фланге.

Наступление 1 кавполка встречается из Горинки пулеметным огнем. Бушует польская артиллерия. Перебежками, совсем по пехотному, быстро продвигаемся вперед. С нами в цепи идет Котовский. Мы хотя не все его видим, но чувствуем его присутствие.

Потери пока не велики. Нас поддерживает конная батарея...

Вот мы уже у деревни. Нас разделяет широкая балка. За нею шагов 600 по открытому, засеянному цветущей гречихой полю,—и мы ворвемся в Горинку...

Сбегаем в балку, приводим себя в порядок. Еще одно последнее решающее усилие, а там коноводы подадут нам лошадей, и мы понесемся „рубать" бегущую польскую пехоту. Эта картина была нам знакома.

— Ну, вылезай, братва...

Подымаемся по скату, покрытому белой цветущей гречихой. Лишь только мы вступили на белый фон, поднялся бешеный пулеметный и артиллерийский огонь. Сразу же человек 15 было убито и переранено, и не стало возможности продвинуться дальше. Видимо, белый фон поляками был хорошо пристрелян. Полк залег и стал сползать с белого участка.

Наступление было приостановлено, а 1-й кавполк оказался в тяжелом положении. Противник продолжал давить его сильным артиллерийским и пулеметным огнем, от которого нас еще до некоторой степени спасало „мертвое пространство".

Отступить? Но это равнялось бы поражению после стольких усилий и жертв. Единственный выход—новая стремительная атака. Для этого не хватало нравственных сил...

Вдруг перед цепью на коне появился Котовский. Он ехал галопом вдоль цепи с обнаженной шашкой в руках, по белому фону цветущей гречихи. До бойцов долетел его голос:

— Подымайсь... в атаку... вперед!..

И то, что минуту назад казалось невозможным, стало фактом. Полк, охваченный бурным под'емом, поднялся, как один человек, и двинулся вперед. В тот же самый момент около Котовского один за другим взметнулось три столба пыли. Мы видели, как взвилась на дыбы его лошадь, а когда пыль и дым рассеялись, не оказалось ни лошади, ни Котовского

— Убит,—пронеслось по цепи.

Бешеная злоба, жгучая жажда мести овладели бойцами. Какой-то непреодолимый вихрь подхватил нас и понес на деревню. Огонь противника, вид раненых и убитых не доходил до сознания. Нами владело только одно безумное желание расправиться с теми, кто убил нашего комбрига. Без всяких команд, без управления, почти без передышек, полк пробежал через поле и ворвался в деревню.

В деревне завязалась рукопашная.

Мы дрались, как безумные. Поляки вскоре не выдержали напора и обратились в бегство. Мы настигали их, кололи, рубили и стреляли..

Деревня была взята, поляки—выгнаны в поле, и здесь налетел на них Криворучко со 2-м кавполком. Расстроенные предыдущим поражением, поляки бросились врассыпную, кто не мог бежать —сдавался в плен. Противник был совершенно разгромлен. На месте осталось около 400 убитых, раненых и захваченных в плен поляков. Кавбригада прочно овладела Горинкой...

... Не поддается описанию радость бойцов, когда стало известно, что Котовский не убит, а только тяжело контужен. Воздушным шквалом он был сброшен с лошади и откинут далеко в сторону. Прошел месяц, и под стенами Львова бойцы снова увидели Котовского во главе кавбригады.

2. Прорыв эскадрона.

Эскадрон т. Вальдмана, в котором я командовал взводом, силою 50 сабель при 2-х пулеметах, стоял заставой в лесу в 12 верстах впереди д. Дьяковцы, что 15 верст сев. зап. гор. Литин. Дело было 18 октября 1920 г., я хорошо запомнил дату, так как в 24 часа этого дня вступило в силу перемирие с поляками. Целую неделю перед этим шли бои в районе Летичев-Вербка. 45 дивизия медленно отступала на Литин

М. Т. Котельник

Эскадрон был выдвинут из дер. Дьяковцы, куда на рассвете пришла кавбригада. Когда стемнело, со стороны Дьяковцев донеслась сильная стрельба, продолжавшаяся около часа. Вскоре прибыло 2 кавалериста с приказанием от Котовского возвратиться в Дьяковцы.

Эскадрон выступил на Дьяковцы в 9 час. вечера. Было уже совсем темно. Предполагали за полтора часа достигнуть деревни.

Я с 2-мя красноармейцами ехал в $1^1/_2$ верстах впереди эскадрона. Дорога была безлюдна. Но на окраине дер. Дьяковцы меня окликнули по польски:

— Кто едзе?

Я быстро нашелся и ответил тоже по польски:

— Свуй.

Медленно под'езжаем. Перед нами 2 поляка. Первый из них спрашивает по украински:

— Ви мабуть, з першого куріня?

Повидимому, они нас приняли за петлюровцев. Этому содействовали наши живописные костюмы. На мне, например, был надет офицерский плащ, на голове—курсантская пилотка.

— Так, пан,—отвечаю ему,—з першого куріня.

Под'езжаем вплотную. Поляки оказываются старшим капралом и рядовым.

— Запалити нема?—спрашиваю я капрала.

— Є,—отвечает он и лезет в карман за спичками.

В этот момент я схватил его обеими руками за горло и, не давая опомниться, задушил. Второго поляка братва зарубила. Все произошло без шума.

Возвращаясь к эскадрону. Докладываю Вальдману: в деревне—поляки.

— Ничего, как-нибудь проскочим,—отвечает Вальдман.— Куда же теперь сворачивать эскадрон?

В'езжаем в деревню. На окраине улицы без-

людны. Но из центра доносится шум и мерцает пламя костров. Повидимому, какие-то части пришли на ночлег.

— Да тут, наверное, наши — говорят красноармейцы.—Пехота наша пришла.

Как бы в подтверждение этих слов, до нас доносится русская команда:

— Справа по-орудийно, на отдых...

— Да ведь это Просфирин,—сказал Вальдман.— Какие же тут поляки?

Действительно, услышанный нами голос поразительно походил на голос нашего командира батареи т. Просфирина[1]. Уже уверенный в том, что деревня занята нашими, я поскакал вперед, чтобы разузнать, где—кавбригада?

Навстречу попадается какая-то пехота, видимо, только что явившаяся в село. В темноте нельзя разобрать, какие это части. Пробираясь между ними, выезжаю на площадь перед церковью, где устанавливается на отдых артиллерия. Площадь полна людей, в стороне пылают костры.

В'езжаю в самую гущу, спрашиваю:

— Где командир бригады?

Спрошенный завопил:

— Большевйцы!..

Я увидел, что окружен поляками. Что тут было делать?

Случайно в моих руках оказался кнут, обыкновенный украинский „бат‚г" на длинном кнутовище, которым я пользовался как стэком. Сейчас ему суждено было сыграть роль шашки.

Не отдавая себе хорошенько отчета, я принялся наносить кнутовищем удары направо и налево, крича при этом:

— Бросай оружие, сейчас всех зарубаю...

В этой тактике я инстинктивно чувствовал свое спасение.

Среди поляков, никак не ожидавших нападения, поднялась паника. Вероятно, им казалось, что их атакует многочисленная конница, иначе нельзя об'яснить, почему они не уложили меня на месте, для этого стоило только одному из них ударить меня штыком...

Раздалась команда: „становись!.." Пехота стала строиться в колонны. Я повернулся назад и закричал:

— Давай сюда полк—карьером!..

Паника усилилась. Я пробивал себе путь батогом, подмял лошадью несколько человек и выскочил навстречу Вальдману, который уже выехал на площадь.

Быстро разобравшись, Вальдман выбросил вперед тачанки с пулеметами и приказал им открыть огонь. Два пулемета зашпарило в упор по запрудившей площадь толпе, обратив ее в дикое бегство. На площади образовалась каша. В безумном ужасе поляки искали спасения за церковной оградой. Напор тысячной массы был так велик, что каменная ограда обвалилась, люди, падая, давили друг друга, крича и проклиная. О сопротивлении никто и не думал, и эскадрон свободно проехал через площадь, захватив 2-х пленных.

— Теперь скачи скорей на мост,—сказал мне Вальдман.—Узнай, занят ли он.

Мост был на другой окраине села, верстах в $1^1/_2$ от площади. Мы знали его расположение, так как накануне кавбригада входила в село именно с этой стороны.

Я узнал от пленных отзыв и пропуск и вдвоем с командиром взвода т. Мисарушем (мадьяром) поскакал к мосту.

Мост оказался занятым польской заставой человек в 50. Нас окликнули по-польски. Я сказал пропуск, и мы под'ехали. Навстречу вышел офицер.

— Цо там се стало такего?—спросил он.

— От бачте, пане, ми — з першого кур ня,— отвечал я.—Якийсь б льшовик заскочив у містечко та й наробив паніки. Ось через це нас післали сюди, щоб пан не хвилювався через цю стр лянину.

— А, пся крев,— проворчал поляк,— из-за одного чорта такую стрельбу подняли.

Я подумал:

— А ну-ка, посмотрим, что *ты* запоешь?

На мосту был уже выставлен в нашу сторону пулемет, стоявший на каком-то возвышении. Я под'ехал к нему вплотную и потихоньку высвободил правую ногу из стремени. За моим длинным плащем это движение осталось незаметным.

Послышался стук копыт под'езжавшего эскадрона.

— А то кто едзе?—спросил меня офицер.

Не отвечая, я поддел правую ногу под дуло пулемета и опрокинул его. Пока поляк соображал, что случилось, я рубанул его клинком по голове, от чего он свалился.

Тогда мы с Мисарушем закричали:

— Бросайся все в воду. Сейчас всех вас перебьют...

Поляки так оторопели, что в самом деле побросались в воду. Подскакавший эскадрон рысью проскочил через мост и выехал на большую дорогу. Вальдман немедленно развел взводы по обе стороны дороги, так как ожидал открытия стрельбы нам в тыл. В самом деле, вскоре за нами поднялась ружейная и пулеметная стрельба, которой было ранено 2 красноармейца и 1 лошадь. Раненых взяли на тачанки и продолжали путь.

Эскадрон бродил всю ночь. Выслали разведку в разные стороны и на рассвете набрели на пехотную заставу 135 бригады. Кавбригаду нашли в районе Литина.

---

[1] Т. Просфирин, командир конной батареи кавбригады Котовского, храбрый и заслуженный боец, высоко ценившийся Котовским. Погиб с 10-ю артиллеристами от разорвавшегося орудия в бою с петлюровцами под Проскуровым, в середине ноября 1920 г. Подробности смерти т. Просфирина описаны Н. Криворучко в очерке „Налет на Проскуров" (статья „Конец петлюровщины", помещена в следующем разделе). *Ред.*

Н. КУДРЯВЦЕВ.

Комбриг.

(Памяти комбрига Котовского)

Поэма.

I.

Мчались войны,
Как кони мятежные.
Жизни с корня срывали они
Вспоминаю
Бригаду железную,
Вспоминаю кровавые дни...
Не забыть
Эти рейды буйные
И комбрига, лихого бойца,
Что водил нас
В дожди звонкоструйные
Под разливы
Огня и свинца.

II.

То не ветер полем гонится
(Ветру шалому нас не догнать),
Вихрем гонится
Наша конница...
Эх врагам, как водится,
По родным околицам
Не гулять...
Эй, гони, молодчики,
Погоняй!
Доживем ли мы, молодчики,
До другого дня?
И-эх, гони, молодчики,
Погоняй...

III.

Сила сердце радует,
Лес свистящих пик...
В бой летит с бригадою
Наш комбриг
Звонкая мятелица
Груди бьет свинцом...
Путь-дорожка стелется
Не в отцовский дом...
Звонкая мятелица,
Голубая кровь.
Путь бригады стелется
По тылам врагов.
И-эх,
Гони, молодчики,
Погоняй!
Не впервой молодчикам
Быть в пылу огня.

IV.

Эй, вперед, бригада!
Нынче белогадам
Не уйти.

Комбриг кавалерийской т. Котовский на польском фронте перед одним из боев. Правее т. Котовского - военкомбриг т. Жестоканов.

Нынче белогадам
Красная бригада
Сбила все пути...
Эй, гони, молодчики,
Погоняй!
Ну-ка, пулеметчики,
Дай огня!..
Други молодецкие,
В бой смелей, смелей!
Эх, за власть Советскую
Силы не жалей.

V.

Пулеметы в поле
Сыпали свинец...
Крой в атаку, что ли,
Кто по рубке спец?
Не смотри, братишка, косо,
Жарь по флангу
Бога нет.
Жарь по флангу,
Кровь из носа.
Бронепоезд под откосом...
Натворим полякам бед.
А враги от нас,
Как овцы,
Драпают гуртом.
А вдогонку мчат котовцы,
Сам Котовский передом.
Налетели ураганом,
Заплескалась кровь...
Звонкой шашкой
И наганом
Удалее крой!
Мы на смерть
Рукой махнули,
Нам плевать на эти пули,
Что кругом поют.
Всяк боец отлично знает,
Что не зря в кустах оставит
Голову свою...

* * *

В поле посвист дикий
От лихой орды.
Расшумелись пики
Лесом молодым.
Рвутся груди,
Стоны...
Крики...
Гнутся люди...
Гнутся пики...
Эх руб-ба-а-ай ..
Побеждай молодчики,
Или... пропадай.

* * *

Пули в Туле отливали,
В Туле наш завод,
Мы не мало расхлестали
В этот день господ...
Степь родная
Стала алой,
В травах стыла кровь...
Много, много там пропало
Удалых голов...
Мы врагов крошили хлестко
В свисте гибких пик.
На врага нас вел Котовский,
Удалой комбриг
Степь родная
Стала алой,
В травах стыла кровь...
Много, много там пропало
Удалых голов...
Эй, гони, молодчики,
Эй, гони!..
О былом, молодчики,
Песнями звени.

И. ЯКИР.

Так боролись и умирали они.

Попа—командир 399-го полка.

Тов. Попа, крестьянин, бывший офицер старой армии, очень небольшого чина, к нам пришел сразу после февраля. Оставшись в Бессарабии после оккупации ее румынами, тов. Попа, по указанию партии, был одним из организаторов Хотинского восстания. Восстание было румынами подавлено, и Попа с одной из групп своих партизан бежал на наш берег.

Впервые Попу я увидал в 1919 г. Молодой, жизнерадостный, огромной физической силы, он обладал и большой силой воли и огромной выдержкой. Полк, которым командовал Попа, в результате боев и тифа беспрерывно уменьшался. Отсутствие пополнений привело его до 39 штыков... Вот какой войсковой единицей командовал тогда Попа. Но он упрашивал не снимать, не перемещать его в другой полк, ибо он сжился, сроднился со своим немногочисленным полком, и каждый из оставшихся кр-цев представлял собой сознательного, выдержанного солдата, почти на 100% коммуниста.

С этой маленькой группкой т. Попа творил высокой храбрости дела.

Сказки о 399 полку и его командире.

У нас в дивизии передавались смешные сказки о Попе и его молодцах.

Командир бригады, давая приказ, указывал район для 399 полка, но при проверке расположения бригады, никак нельзя было найти полка на своем месте. В результате поисков тов. Попу или его помощника находили на колокольне церкви наблюдающими местность, а местонахождение ребят, в виду их малочисленности, мог указать только один Попа.

Зато каждый из армейцев Попы стоил пятерых

У нас в дивизии подшучивали над Попой:

— Поглядите, непобедимый полк проехал на двух тачанках...

Или:

— Попа со своим полком пошел в местечко мороженое кушать...

Полк тов. Попы пополняется.

Перед наступлением на белополяков, дивизия получила пополнение и в первую очередь получил его Попа. В 399 полк был влит целиком коммунистический добровольческий отряд, прибывший из Ростова на Дону, человек 200, и батальон казанского пополнения такой же, примерно, численности.

Трудно себе представить радость Попы и всего командного состава.

Все в полку ликовало.

Недолго пришлось простоять полку. Звали его в бой, и неудержимо было его порывистое движение на запад.

Первой серьезной преградой был укрепленный район линии реки Случь. При подходе к Случи, тов. Попа был со своим полком в резерве.[1])

Приказ дан определенный: форсировать Случь, взять Ново-Мирополь и продолжать наступление. Бригада долго билась, несла большие потери, но на берегу Случи проволока, за ней река, топкая, непроходимая, а дальше грозная, хорошо пристрелявшаяся артиллерия противника и много пулеметов.

Паны поддерживали беспрерывный огонь. К ночи ввели в бой 399 полк, уже называвшийся коммунистическим. Полк был умело подведен Попой к линии боя и пошел в атаку на Ново-Миропольские укрепления. Быстрыми, упругими прыжками приблизились цепи к проволоке. Огонь противника метче, сильнее и заставил бойцов залечь под проволокой.

„Цепь, за мной!"...

Полк залег. Потери увеличились, необходимо было быстро решить задачу.

Попа вскочил... Цепь за ним... Подбежав к проволоке, Попа схватил ее руками и начал рвать: сорвал первую линию, затем и вторую. Непрочно паны заколачивали, не думали, что подвернется под руку Попы.

Паны открыли убийственный огонь. Группа храбрецов, находившаяся впереди, была взята на мушку и упала. Цепь опешила, замерла, но, заметив противника, бегущего к командиру, встала, двинулась.

... Мощное „ура" разнеслось по всему району. Укрепления были пройдены, зажженный противником мост потушен, и Случь за нами.

Нет Попы с нами.

Ново-Мирополь занят... Но Попы, героя-командира, нет с нами. Попа получил до 10 пуль в ноги, в живот и шею и в полумертвом состоянии увезен панами.[1] Захваченный нами польский врач говорил о безнадежности его состояния и о последних героических минутах жизни Попы. Ни единого стона не издал титан-командир. Ни единого ответа не получили паны на свои вопросы.

Попу нужно вспоминать на каждом празднике Красной армии. Вспоминая о подобных ему, мы расскажем молодым армейцам, как дралась рабоче-крестьянская Красная армия и как умирали ее сыны.

Похороны начальника дившколы 45 т. Базарного, погибшего в бою с белополяками у д. Дубе (Галиции) 2 августа 1920 г. Т. Базарный похоронен на Божьей Горе близ Кременца. Снимок сделан в момент произнесения надгробной речи военкомом дившколы т. Корытным (стоит у знамени).

II. Железный командир—Ваня Базарный.

Жизнь Вани Базарного и его дела на долгое время сохранятся в нашей памяти. Долго мы будем вспоминать и учить молодых бойцов армии, рассказывая о нем. У него была железная воля, которой поражались все. В то же время он был лучшим товарищем, любимым учителем.

При отходе Южной группы в 1919 году, Базарный командовал главными силами центральной колонны 45 дивизии. Эти силы были созданы исключительно железной организаторской волей и крепкой рукой тов. Базарного. В бою часть под командованием Базарного не боится противника, не боится огня снарядов, пуль.

Десяток раз видел я роту, батальон в цепи под огнем и впереди—невозмутимый, спокойный, со своей трубкой в зубах, тов. Базарный. Дивизионная школа, начальником которой был тов. Базарный, благодаря его умению и опыту, выпускала младших командиров, таких же бесстрашных, таких же честных солдат Красной армии, как и их начальник. Эти молодые революционеры-энтузиасты умирали сотнями, всегда, везде памятуя своего Базарного, ведя себя так, как

[1]) Конец июня 1920 г.

[1] О геройской смерти тов. Попы рассказывает также А. Савченко в очерке „Ценою крови лучших борцов" (помещен выше). *Ред.*

подобает красному солдату. В самые тяжелые минуты, в самых опасных положениях в бой вводился Базарный с его воспитанниками, и всякий раз усилия противника разбивались о его выдержку и непоколебимое спокойствие.

Так было и в Южном переходе, и до его, и затем в боях на деникинском и польском фронтах.

Базарный и его школа под Жмеринкой.

Вспоминается Жмеринка. Вправо и влево от нее противник, изменившие галицийские бригады. Поляки перешли по всему фронту в наступление. Одна из колонн ворвалась в Жмеринку.[1] Я карьером лечу в школу. Там все готово. Базарный, как всегда спокойный, выводит роты. Здесь же в местечке развертывает их. С лучшей 1-й ротой молодой военком,[2] бывший курсант, перенявший все лучшие качества своего начальника.

Белополяки не ожидали сопротивления. Казалось все у нас находится в состоянии неудержимой паники...

Удар Базарного был выдержан, спокоен и ужасен. Противник понес огромные потери, показал спину, и по этой спине его уже „погладили" котовцы. Жмеринка за нами.

Железные ребята в Галиции.

Тяжелые были у нас бои в Галиции[3]. Бои с превосходившим нас противником, имевшим проволоку и окопы.

Эскадрильи аэропланов „бомбили" нас целые дни. Части таяли. Умирали командиры. Нужно было охранять каждую пядь земли. Чувствовалась усталость, отсутствие былой крепости. Как всегда, в такие минуты затребовали из тыла наших „железных" ребят с их начальником Базарным.

Самый ответственный участок, Дубе-Кадлубиска, был дан школе.

Базарный никогда не отступает.

На третий день, после ураганной огневой подготовки, паны бросили огромные силы на крепко оборонявшихся и переходивших в контр-атаки курсантов.

Большие потери понесли молодые герои и отошли...

Базарный никогда не отходил, и, имея приказ обороняться до последнего, с группой пулеметчиков не ушел.

Встретил панов, подошедших вплотную, огнем, нанес им большие потери и вместе со своими героями умер...

Через трое суток мы отбили место смерти тов. Базарного и нашли обезображенный труп родного Вани.

Похоронили Ваню Базарного на высокой „Божьей Горе"[1] и прикрыли таким же крепким, как он, таким же непоколебимым обломком гранитной скалы...

Может быть, паны вновь нарушили покой героя-солдата...

Для нас Ваня Базарный останется примером и образцом навсегда.

[1] Конец апреля 1920 г. *Ред.*

[2] Автор имеет в виду военкома школы, тов. Корытного *Ред.*

[3] Начало августа 1920 г. *Ред.*

[1] Близ Кременца *Ред.*

Л. ВЛАДИМИРОВ.

Эпизод из боев в Галиции.

Наша дивизия отступала из-под Львова. У ст. Задвуже (в 25 верст вост. Львова) нами была сделана попытка задержать наступление значительно превосходных сил противника, стянувшего в район Львова несколько дивизий. В районе Задвуже заняла позицию 135 бригада. 403 полку под моей командой было приказано оборонять станцию и местечко Задвуже.

Л. Владимиров рабочий - слесарь, член ВКП(б) с 1917 г. подпольщик, организатор партизанских отрядов на Приднестровье. В 1919 г. военком 404 полка 45 дивизии, затем помкомполка 403 и в 1920 г. командир 403 полка. Сейчас—заведующий Харьковским Комхозом. Награжден орденом Красного Знамени.

Полк занял позицию западнее станции, но не успел еще, как следует, расположиться, как появились польские цепи. Правый фланг полка в составе баталиона, кстати, очень малочисленного, перешел в контр-наступление.

На бугре завязалась рукопашная. Первые две цепи противника не выдержали нашего напора и бросились бежать, оставив нам человек 15 пленных. Из расспросов пленных выяснилось, что перед нами сосредоточено много польских частей Это, впрочем, видно было простым невооруженным глазом.

Вскоре показались новые цепи противника, более многочисленные, которые под прикрытием сильного артиллерийского огня двинулись в наступление против нашего правого фланга. Полк в составе 300 штыков был весь вытянут в цепь, в резерве оставалась лишь пешая разведка из 40-45 бойцов. В моем распоряжении имелась 4 орудийная батарея. Кроме того на путях стояло 2 бронепоезда, принадлежавшие 1-й Конной армии.

Я приказал артиллерии открыть по наступающим польским цепям огонь из всех орудий, намереваясь под прикрытием его перейти в контратаку. Но тут случилось непредвиденное. Огонь бронепоездов был настолько неудачен, что от него несли поражение мы, а не противник. С большим трудом удалось передать расходившимся бронепоездам приказ перенести огонь, после чего только я перебросил полковой резерв, пешую разведку, на крайний правый фланг полка с целью подкрепить его. Пешая разведка заняла северную окраину деревни Задвуже.

К этому времени поляки, значительно превосходившие нас численностью, атаковали наш правый фланг. Баталион принял атаку, но схватка длилась

всего несколько минут. Пешая разведка обходным движением ударила по левому флангу противника и начала заходить ему в тыл. Поляки, будучи не в силах сбить наш правый фланг и понесши потери от нашей разведки, бросились отступать. Но отступить в порядке им не удалось, и в наших руках осталось еще несколько десятков пленных, в том числе один офицер — командир роты. Этот последний на наши вопросы отказался давать какие либо ответы. Когда же я ему указал, что они глупо ведут наступление и вот уже два раза пла-

Штаб 403 полка в период боев в Галиции. В центре в „буденовке" комполка т. Владимиров, левее его военком полка т. Моисеев, стоит военкомбриг 135 т. Гольденберг.

тятся за это, он вынужден был согласиться, но тут же начал себя оправдывать, говоря, что он лишь выполнял приказ начальства.

Перед вечером поляки повели еще одно наступление на том же самом участке. Было непонятно, почему противник, не взирая на потери, нажимает именно на этот участок, лучше других защищенный, и совершенно не трогает нашего левого фланга, более уязвимого. Нам казалось, что здесь проводится какой то маневр, и мы ожидали какого-нибудь внезапного сюрприза в другом месте. Однако, ничего подобного не случилось, и третье наступление поляков было нами отбито так же, как и первые два, — с потерями для противника.

На следующий день нам стало известно, что ночью нас должен сменить 398 полк 133 бригады. Противник после обеда открыл сильнейший артиллерийский и пулеметный огонь, продолжавшийся до глубокой ночи. Во избежание лишних поражений части полка вечером были отведены с пристрелянных противником рубежей на 1 версту в тыл, на фронте оставалось лишь охранение.

Примерно, в полночь противник вновь повел наступление против нашего правого фланга и на этот раз овладел его позицией; мало того, он зашел нам в тыл, перерезав пути отхода. Положение угрожало катастрофой.

Полк был сбит, за исключением левого фланга, и казалось, не было никакой надежды на то, что можно еще исправить положение. В поднявшейся сумятохе части разбрелись, потерявши в темноте связь друг с другом, и сейчас нельзя было найти ни командного состава, ни более или менее компактных групп красноармейцев. Сразу как будто не стало целого полка.

В этот критический момент выручила инициатива нескольких красноармейцев и командиров. Пулеметчик Вася Самойленко, молодой, храбрый красноармеец, рабочий из Елисаветграда, и один конный разведчик (позабыл фамилию), донской казак, перебежавший к нам на деникинском фронте, собрали вокруг себя кучку человек в 10 красноармейцев и с криком „ура" бросились в контратаку. В то же самое время левее, на самом полотне железной дороги, кто-то из командиров также сколотил группу и, услышав наше „ура", сделал то же самое. Разбросавшиеся по всему фронту полка, не разбитые, а только расстроенные и утратившие ориентировку части стали по своей инициативе атаковать находившегося перед ними противника, увлекая друг-друга криками „ура".

Этой перекличкой восстановилась потерянная связь. Поляки сразу оказались атакованными на всем своем фронте и повернули назад, оставив в наших руках много пленных. Полк возвратил свои позиции и закрепился на них. Но велико было наше удивление, когда, приглядевшись к пленным, мы убедились, что имели дело с женщинами. Многие из них были ранены и имели довольно жалкий вид, плакали, просили чтобы их не трогали, только одна из них—немка, жившая в Ленинграде, истерически кричала по русски: „расстреляйте, но живой в руки не дамся", в то время, когда она фактически была уже в плену. Впоследствии же эта особа больше других рассказывала о всех подробностях их наступления, о том, какие у поляков части и проч. и проч. Этим окончилась ночная вылазка поляков. Участок на рассвете был сдан 398 полку, и полк был отведен на отдых в м. Красне.

Как ни грустно, но нужно отметить, что такие герои, как Вася Самойленко, а их было в полку не мало, так и не были ничем отмечены. Это произошло в силу того, что к представлениям и раздаче наград было приступлено лишь по ликвидации фронтов, а к этому времени многие герои повыбывали из своих частей, и о них забыли.

А. САВЧЕНКО.

Поучительный бой.

(Один из боев в районе Куткорж-Красне).

В начале сентября 133 бригада выдерживала ряд упорнейших боев за обладание рубежом р. Западный Буг и его притока Петрев.

Это было началом нашего отхода в связи с неудачами на Западном фронте. 399 полк занимал позиции по реке Петрев у м. Куткорж.

Противнику удалось сбить 399 полк с переправ у Куткорж и оттеснить его к лесу в район юго-западнее ст. Красне. 397 полк отошел в район самой станции, 398-й — посередине. Мы закрепились и, казалось довольно прочно, по опушке леса.

На следующее утро противник перешел в наступление, и при поддержке сильного артогня ему удалось вклиниться между нами и нашим соседом влево—полком 47-й дивизии. Пришлось оттянуть сначала фланг, а затем и все расположение в лес.

Мы постепенно отходили лесом, стремясь возможно скорее выйти для боя на открытой местности. Противник увлекся и шел буквально по нашим пятам. Вдруг появляется верхом тов. Котовский

Быстро ориентировавшись в обстановке и приняв решение, он потребовал от комполка 399 немедленно повернуть полк обратно и перейти в решительное наступление — сразу же, смаху, без всякой подготовки. И полк наш, до того отходивший перед противником, при виде подошедшей бригады Котовского, неожиданно и круто повернул и с криками „ура" перешел в контр-наступление.

Это было для противника полной неожиданностью.

Через каких-нибудь полчаса мы погнали белополяков стремительно обратно. Вид кавбригады, окаймлявшей противника кольцом, слева, на равнине вне леса, производил ошеломляющее впечатление. Тов. Котовский бил противника на той самой равнине, где несколько часов перед тем последний имел успех

Белополяки бежали, оставляя по дороге снаряжение, английское и французское обмундирование, новенькие французские карабины и проч. Все поле было усеяно брошенным оружием, снаряжением, шинелями и даже френчами.

Видно, бежать противнику было не легко после боя, сулившего ему вначале успех.

Белополяки настолько обнаглели, что перевели одну из батарей на эту сторону реки Петрев и поплатились ею полностью: успели только порубить постромки и ускакать на лошадях.

Через час-полтора мы были уже на переправе у Куткорж. И в первых рядах спешившихся котовцев я увидел командиров полков бригады т. Котовского.

Конники, таким образом, наглядно показали, что они умеют не только лихо идти в атаку и рубить с плеча, но что они также способны сражаться и в пешем бою с неменьшим упорством и успехом.

Это был бой на гибкость и стремительность удара.

Хороший и поучительный был бой.

В. БУШЕЧКАН.

Буск.

Я был назначен командовать 403 полком совершенно для себя неожиданно. Дело было 1 сентября 1920 г. В разгар боя 405 полка с наступавшими у Поборжаны на р. Зап. Буг поляками, в баталион, которым я командовал, явился комбриг 135 тов. Голубенко и приказал мне немедленно сдать командование баталионом, а самому принять 403 полк, дравшийся южнее нас, под Буском. Командир этого полка тов. Владимиров только что был ранен. В том же бою выбыло из строя много командного состава.

Спустя 3 часа я принимал 403 полк. Он только что вышел из ряда кровопролитных боев под Буском, и занимал окопы в 2-х верстах восточнее города. Буск разделялся рекой на две части. Из них западная находилась в руках поляков, а за восточную происходили беспрерывные бои, в которых перевес имели поляки, обладавшие тройным превосходством сил. И на этот раз город, после тяжелого для 403 полка боя, остался в руках противника.

Знакомлюсь с полком. Картина, хорошо мне известная. Те же оборванные, измученные беспрерывными боями, но не утратившие веры в победу красноармейцы, тот же видавший виды, спокойно распорядительный, но малочисленный командный состав, та же, стойкая, мужественная ячейка коммунистов. Комиссар полка—мой старый боевой товарищ Моисеев, человек храбрый и самоотверженный. Несмотря на полосу неудач, в полку не падают духом, надеются на пополнение, тогда, дескать, зададим панам духу.

И. Л. Яковенко—красный партизан Тилигулло-Березанского отряда, впоследствии преобразованного в 403 полк 45 дивизии. Старшина конной разведки 403 полка, участник всех его походов и боев. Ранен 5 раз. За храбрость и находчивость, проявленные в боях 403 полка под г. Буск (Галиция) награжден орденом Красного Знамени. Сейчас старшина кон. взвода 135 полка.

Вечером из штабрига получается приказ о переходе с рассветом всей бригады в наступление. 403-му полку — занять Буск и прогнать противника с восточного берега Буга. Отдаю необходимые распоряжения.

На утро после короткой артиллерийской подготовки полк выходит из окопов. Гладкое поле, по которому мы ведем наступление, простреливается сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем. Прошли версту, потом перебежали еще полверсты... Беспрерывный пулеметный и ружейный огонь... Рвутся снаряды... Множатся потери... Дальше наступать не хватает сил. 200 бойцов (полк) залегают в полуверсте от городской окраины, густо занятой польской пехотой.

Решаю ввести в дело резерв.

В полку была команда пеших разведчиков из 40 человек, зарекомендовавшая себя исключительной боеспособностью и отвагой. Ею командовал храбрейший человек; как я жалею, что уже забыл его фамилию... Эта-то пешая разведка и была сегодня в резерве, ей выпадало спасти положение.

Ф. Я. Бибиков—начальник пулемета 403 полка, активный участник боев под Буском. Сейчас рабочий колбасной фабрики в г. Киеве.

И разведка оправдала свою репутацию. Переброшенная на правый фланг, она смело, не взирая на губительный огонь противника, двинулась вперед и увлекла за собой весь полк. Наконец-то долгожданная штыковая атака...

Город взят. Поляки отступили на западный берег Буга. Полк выходит к реке и занимает переправы на восточном берегу. Задача выполнена...

Но через несколько часов, в связи с отходом соседа слева, нам приказывается оставить город. Отступаем в окопы, служившие нам исходным положением, оставляя за собой так дорого стоивший нам сегодня Буск, который без боя занимают поляки.

... На следующий день повторяется та же картина с тою разницей, что на этот раз противник, отбросивший 404 полк, обошел нас справа. Снова захваченный нами с боя город отдается противнику.

... На протяжении нашего двухнедельного стояния на Буге чуть не ежедневно идут бои за Буск. С 1 по 16 сентября (день нашего отступления из Галиции) город переходил из рук в руки 8 раз. В кровопролитных боях полк потерял более половины своего кадрового состава. Остальная половина тонула в массе влившегося к нам в разгар этих боев пополнения, плохо обученного, не бывшего раньше в деле и ненадежного.

Помню отдельные моменты,

Вот мы с комиссаром обходим бойцов, лежащих в окопах под проливным осенним дождем. Люди без шинелей, дрожат от холода и, чтобы хоть несколько согреться, влезают в снопы жита; в таком виде часто принимают бой с противником. При нашем проходе задают только один вопрос:

- Тов. командир... А скоро ли наступление?

Об одежде, о пище, об отдыхе не говорят. Спрашивают только, скоро ли наступление. Как ни ужасно сражение, оно все же лучше этого безысходного сидения в размытых дождем окопах.

А вот картина ночного налета, излюбленного поляками. Установилась традиция: днем наступаем мы, ночью—поляки. Внезапно где-нибудь на фланге 4-х километрового фронта подымается це-

лая буря взрывов. Это рвутся ручные гранаты, которыми польские ударные группы забрасывают наши окопы. Обстановка: непроглядная осенняя тьма, дождь, под ногами болото. С атакуемого участка доносится „ура!..“—поляки пошли в атаку. Немедленно бросаю резервную роту для восстановления положения. Всю ночь идут бои. С рассветом поляков выгоняют из наших окопов, иногда в наших руках остаются пленные. Но нужно прямо сказать, ночной бой поляки умели вести гораздо лучше нас.

... Тем временем где-то на севере шло генеральное сражение. Красная армия откатывалась из Польши и Галиции. А 45 дивизия, истекая кровью, обеспечивала левый фланг отходящих армий, удерживая на Зап. Буге втрое сильнейшего противника.

Бои под Буском навсегда войдут в историю 45-й.

А. САВЧЕНКО

Штурм предместья г. Буск-Липебоки.

Из боевых эпизодов на польском фронте (1920 г.) мне особенно памятен один, оставивший неизгладимое впечатление на всю жизнь. Дело было в начале осени, когда наша 133-я бригада выдерживала ожесточенные оборонительные бои за плацдарм Уцишков-Стронибабы-Буск. Это был период, когда 500 красноармейцев тов. Левензона (комбриг 133), лежа на животах на этом небольшом участке (подняться нельзя было), с героическим упорством защищали от напора белополяков каждую пядь земли.

Противник располагал на нашем участке (как и на многих других) значительным перевесом в силах. Главный свой нажим поляки направляли в сторону Стронибабы-Буск в надежде прорвать наше расположение. Не удивительно поэтому, что бои за обладание названными пунктами носили упорный, страшный по своему ожесточению, характер. Дело доходило до штыковых схваток, и однажды мы под Стронибабы выдержали до шести штыковых атак подряд.

— 9 сентября нашему 399 полку была дана задача—стремительно ударить на предместье г. Буск-Липебоки с юга, и поддержать операцию одного из полков соседней бригады (403-го), наступавшего на то же предместье с востока. Обоим полкам нужно было наступать одновременно и, по овладении проволочными заграждениями, (которые были здесь в два ряда и, кроме того, у поляков были прекрасные групповые окопы у самой окраины села) ворваться в Липебоки и в самый г. Буск, после чего овладеть переправами через р. Буг.

Задача была очень трудная, так как польские пулеметы не подпускали стрелков ближе 1500 шагов. Местность ровная, и ни одного скрытого места для подхода.

Мы решились... После коротенькой артподготовки (всего несколько весьма удачных выстрелов по неприятельскому пулемету, заставивших его замолчать) цепи нашего полка ринулись вперед. В этот серьезный момент красноармейцев охватил огромный порыв. Буквально в несколько минут мы были под проволокой и вырывали голыми руками колья.

Наша стремительность была настолько неожиданной для поляков, что они быстро очистили окопы и залегли за халупами, решившись вступить с нами в уличный бой. Наша цепь вынуждена была также остановиться у халуп—всего в расстоянии каких нибудь 100 шагов от противника Поляки не двигались с места и при малейшем нашем движении осыпали нас градом пуль, при чем многие из них стреляли прямо стоя. Видно было, что против нас стойкая часть противника, и что она не намерена отступать...

Наш порыв был исчерпан. Польский огонь подавлял всякую попытку отдельных групп к продвижению. Я видел, как командир баталиона, чувствуя свое бессилие заставить цепь двинуться хотя бы на десять шагов, бросил фуражку на землю и заплакал. Нужно было решиться, ибо минута была критическая.

Я приказал одному пулеметчику на тачанке двинуться вперед по улице, а сам на лошади выехал вперед рядом с тачанкой. И тогда красноармейцы, забыв все и вся, сорвались с мест и обратили поляков в бегство. Через несколько минут наши цепи были уже у самого Буска. Пулемет весело и метко стрелял в спину беспорядочно отходившим полякам... Я испытывал бурный прилив того сильного чувства гордости, которое охватывает бойца в минуту большой удачи...

Вдруг... все смешалось в наших рядах, наши бойцы падали десятками. Момент... и пулеметчик пал мертвым у своего пулемета...

Это была работа двух „максимов“ поставленных поляками во втором этаже большого здания, по ту сторону р. Буг.

Наша цепь быстро редела... Пал комроты, старый партисц тов. Николаенко. Пало много других безвестных рядовых героев... Мы должны были отойти от переправ, но Липебоки не отдали. Здесь мы закрепились и отбили польские контр-атаки.

Вот этот кровопролитный бой я крепко запомнил на всю жизнь, и дорогие образы храброго пулеметчика, комроты Николаенко и многих близких мне рядовых бойцов, часто, как живые, встают предо мной...

А. САВЧЕНКО.

Проклятый участок.

(Стронибабы)

Мне хорошо памятны бои 133 бригады на реке Западный Буг при нашем отходе из Галиции в сентябре 1920 года.

К этому времени полки значительно поредели. Старых, испытанных бойцов оставалось немного... На плечи каждого ложилась задача за десятерых. А бои носили все время (в течение 2-х недель) упорный и напряженный характер. Дело не один раз доходило до штыковых атак. Были окопы, была и проволока.

Один бой особенно глубоко врезался мне в память.

Наш 399 полк занимал проклятый участок у дер. Стронибабы (южнее г. Буск) на восточном берегу Буга. Проклятым это место было потому, что в нем никак не удавалось удержаться полные сутки. Обычно мы занимали деревню к ночи, а утром вынуждены были отходить. Под конец боев установилась даже своего рода традиция у нас и у противника: мы приходили в деревню ужинать и отдыхать ночь, а к обеду устраивались, не прекращая боя с белополяками, где-нибудь неподалеку, в открытом поле.

В одну из темных сентябрьских ночей противник часа за два, за три до рассвета произвел ночной налет на Стронибабы, сбил наши части и ворвался в деревню. Выскочив на улицу, компокла полчаса буквально никак не мог ориентироваться: стрельба шла не только с западного берега Буга, но и справа, со стороны урочища Хрещевице, что было крайне удивительно, так как на западной опушке урочища должна была находиться наша конная застава; наконец, стрельба шла в самой деревне. Начпулькоманды минут десять находился среди групп противника и ясно слышал польскую речь. То же повторилось и с помвоенкома полка. Свои и противник перепутались. Ночь же была темна, как воронье крыло.

Наконец, понемногу собираясь в небольшие группы, роты 399 полка начали отход к традиционному кресту у дороги, что в 2 верстах к востоку от деревни. Здесь, как всегда закрепились и начали вести хорошо знакомый нам бой в ожидании рассвета; с рассветом же „полагалось" наше контр-наступление и обратное занятие д. Стронибабы.

Связь со штабригом и соседями прервалась и не могла быть восстановлена еще с ночи. На это обстоятельство не обратили должного внимания, отнеся его к обычным казусам неисправного кабеля. Несколькими часами раньше на центральную полка прибыли два кавалериста из дозора, стоявшего на западной опушке урочища Хрещевице. Оба были, как потом выяснилось, в большом смущении: как будто они „что-то" видели в лесу, или „что-то" им показалось... в конце концов они, видимо, решили, что им только „показалось" в темноте, и никто поэтому не принял мер к ночной разведке урочища и установлению истинной обстановки. А на самом деле, там делалось вот что.

Противник, воспользовавшись темнотой, провел через названное урочище в стыке между нашим полком и соседней 135-й бригадой целый баталион в тыл нашего расположения с очевидным намерением взорвать железнодорожный мост у „Корчмы" (в нашем глубоком тылу), с целью отрезать путь нашим броневикам. Когда эта попытка в связи с наступившим рассветом не удалась, то баталион поляков, решив прорваться к своим, повел наступление с тыла на наш полк. Таким образом, полк (по сути дела, по своей численности не больше 2-х рот) оказался зажатым в тиски с фронта и тыла: вперед к противнику шагов 800-900, назад к противнику шагов 1000-1500, причем первый направлял в нашу сторону ружейный и пулеметный огонь, а второй — баталион с тыла — шел, почти бежал с ружьями на перевес, сопровождая свое движение какими то нестройными криками, похожими на крики „ура". Очень похоже было на то, что идут свои на поддержку.

Г. А. Капцевич — помкомполка 397, впоследствии комполка 397. В бою у Божьей Горы (Волынь) лично повел в контр-атаку две сводных роты полка, чем обратил в бегство наступавшие сильные цепи противника и предотвратил намечавшееся окружение 133 бригады. За этот бой награжден орденом Красного Знамени. Сейчас командир 295 полка 99 дивизии.

Время—рассвет. Местность—равнина, вправо —лес, за ним—соседняя 135 бригада; влево—река Буг, за ним—соседний 397 полк нашей бригады; впереди—дер. Стронибабы, занятая поляками.

Комполка на правом фланге наблюдает и руководит боем в ожидании скорой поддержки, которую он через помвоенкома запросил у комбрига. С фронта противник, опираясь на дер. Стронибабы, упорно наседает. С тылу поляки занесли над нами удар.

Комполка испытывал необычайно сильное внутреннее волнение. Но он сделал все для того, чтобы сохранить внешнее спокойствие.

— Так ты говоришь поляки сзади?—скучно, по виду, спросил комполка у начпулькоманды.

Мы ясно видели, что в тылу делается неладное. Посланная перед тем в тыл тачанка с испорченным пулеметом зачем-то остановилась, и возле нее заметно копошилась группа вооруженных. Сомнений нет: это белополяки забирают наш пу-

лемет. Нужно было вырываться из клещей, которые для нас готовил противник.

Быстрым движением направо в полоборота полк подался к северо-западной опушке ур. Хрещевице и вскоре занял новое положение, фронтом тоже на Стронибабы, но уже под другим углом. Противник, наступавший с тылу, попытался было пройти через Буг у Уцишкува, но был встречен оттуда пулеметным огнем соседнего 397 полка.

Выйдя из клещей и заняв новое положение, наш полк не только не попал в лапы противнику, а к полдню того же дня занял снова проклятые Стронибабы, восстановив, таким образом, утраченное положение. Противник в этом бою понес значительные потери.

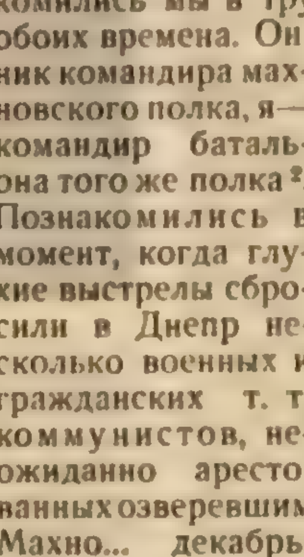
Понимание своего маневра и ответственности за него—вот что отличает тогдашнего красноармейца. Он сохранял стойкость и выдержку в самые трудные минуты боя. Вот чем памятен мне этот бой у Стронибабы.

П. ВЛАСОВ.

Из воспоминаний о Буге.

(Сентябрь 1920 г.).

В тот день, когда я принял 2-й батальон 405 полка, был убит помощник командира полка тов. Кульчинский, один из лучших командиров[1]. Неутомимый, презиравший опасность, с огромной волей командир, хороший товарищ — таким был т. Кульчинский. Познакомились мы в трудные для обоих времена. Он — помощник командира махновского полка, я— командир батальона того же полка[2]. Познакомились в момент, когда глухие выстрелы сбросили в Днепр несколько военных и гражданских т. т. коммунистов, неожиданно арестованных озверевшим Махно... декабрьская ночь... Никополь, 1919 г.

П. В. Власов — сын бедного крестьянина, чл. ВКП(б) с 1918 г., начпульком 405 полка в 1920 г., затем командир баталиона того же полка. В 1921 г. военком 405—399 полка, потом военком дившколы 45 до 1923 года. Сейчас на партийной работе в Автономной Марийской Области. Награжден орденом Красного Знамени за выдающуюся храбрость.

Т. Кульчинский был наповал сражен польской пулей при об'езде участка полка под Буском. За несколько часов перед этим он вступил в командование 404 полком.

О батальоне. Он занимал дер. Ланеровка в 3-х верстах сев. Буска и простреливался поляками с фронта и справа. Днем к нему со стороны штаба полка никакого доступа не было: по открытому тылу со всех „флангов" пули летели. Словом, жили, как на Маточкином Шаре—редко „чужих" людей видели. Хоть и любили нас, но жаловать к нам опасились.

Были и развлечения: музыка и телефон.

Музыка не своя,—польская, бесплатная: польским артиллеристам нравилась землянка дежурного взвода рядом со штабом батальона—они и долбили каждый день. Эту музыку и глухие слышали, а здоровые, наоборот, глохли.

А ночью телефон. Надоест, бывало, слушать ночную перестрелку — надумаешь:

— Первый батальон, комбата к телефону.

Штаб 405 полка в Галиции, в период боев, на З. Буге (сентябрь 1920 года) 1—Вридкомполка т. Кульчинский (убитый под Буском), 2—Военком полка т. Савейко. 3 — Военкомбриг 135 т. Гольденберг. Крайний справа—завразведкой полка т. Лебедев.

---

[1] О т. Кульчинском см. примечание к очерку А. Минина „Под Кременцем, 12 июля". *Ред.*

[2]. Т.т. Власов и Кульчинский в 1919 г. служили в частях 58 дивизии, которые в момент отступления Красной армии из Украины, поддавшись агитации махновских агентов, присоединились к армии Махно.

Усилиями ряда командиров и партийцев, перешедших к Махно и вынужденных скрывать даже свое происхождение, в частях махновской армии были организованы подпольные коммунистические ячейки, которые вели работу среди махновской массы за соединение с Красной армией, возвратившейся зимой 1919 года на Украину и разгромившей Деникина. Эти ячейки, по мере их разоблачения, подвергались беспощадной расправе со стороны Махно и его ближайших сподвижников. Так, в гор. Никополе в декабре 1919 г., был расстрелян ряд активных деятелей подпольной ячейки „1 стального им. батьки Махно полка", в том числе боевой командир этого полка—тов. Полонский. Тем не менее работа этой подпольной ячейки, к которой принадлежали т.т. Власов и Кульчинский, пустила настолько глубокие корни, что через несколько дней „1-й стальной полк" почти в полном составе перешел на сторону Красной армии, влившись в ряды 405 полка 45-й дивизии. *Ред.*

Слышно: ругается, подходит и сердито сообщает:

— У телефона.

— Поверка, т. Колышко, поверка...

— Вот чорт... Не спится тебе... На самом „интересном месте" потревожил.

В отношении „интересного места" с ним случай был. Польской разведке на участок 1-го баталиона, которым командовал Колышко, нравилось налеты делать, а Колышке—спать раздетому, да—по секрету скажу—не одному. Ну, и попал в переплет. Жаль, что чужие секреты выдавать не полагается. Пусть сам напишет—рассказывать он очень умел: самый веселый человек в бригаде был,—о том как в один из налетов выскочил с наганом но... без брюк—не успел надеть—и пошел в контр-атаку. Говорил после: — „на самом интересном месте помешали".

Вспоминаем этот случай, смеемся, а потом звоним в штаб полка: „поверку" производим. Ругаются. Кому охота вставать! Но ругаются добродушно.

А иногда в штаб полка „хорошие" сведения передаем. Если долго на одном участке стоишь, то по шуму определяешь траекторию снаряда. Разговариваю, однажды, с т. Лебедевым—нач. развед. части полка—слышу: снаряд. Определяю: к штабу полка.

— Тов. Лебедев,—кричу,—держитесь: к вам в гости снаряд летит.

— Врешь. Как знаешь, что...—Не окончил. Вместо логического окончания в трубке такие ядреные слова послышались, что при „хороших" людях повторять страшно.

С тех пор частенько мы его дразнили: „Лебедев, снаряд летит..."

— Ничего преподобного — отвечает, — не мешай мне чай пить.

Сильно любил чай, а еще больше галицийские самогонные изделия.

Так жили в „мирной обстановке".

А как воевали?

Назначение командовать 2-м батальоном я получил неожиданно. Стоял с пулеметной командой в дер. Волица-Деревлянска. Вдруг вызывает к себе Минин (командир полка).

— Езжай,—приказывает Минин,—Власов, командовать 2-м батальоном. Ночью получишь пополнение, а завтра наступаем.

Поехал... Хожу ночью из угла в угол по штабу батальона, жду пополнения, а оно—пополнение—заблудилось и прибрело только на рассвете. Пополнили 4-ю и 5-ю роты, 6-я была при штабе полка.

Получаю напоминание о том, что 404 полк слева пошел в наступление, нужно держать с ним связь и помогать. А у батальона и в хорошие-то времена с этим полком связи не было; версты на две только зайцы бегали.

Рассвело. Тишина полная. Хоть собака бы затявкала,—думаю. Решил один взвод послать в разведку... Пропал тот взвод. Справляюсь по телефону. Отвечают: вышел 404 полк.

— Выйти то, может, и вышел,—думаю,—да куда?

Стою у клуни, смотрю, протираю с ожесточением стекла бинокля. Внизу слева по эту сторону реки цепь показалась. Густая цепь, длинная. Двигаются от Буска, нас обходят.

— Каким образом—размышляю—это получилось? Наши или поляки?.. Звоню в штаб.

— Чорт их знает, — говорит Минин — нет из 404 полка никаких сведений.

И взвода нет. А тут еще „дух поддерживают" телефонисты да санитарные повозки:

— Тов. комбат, может нам ехать пора?

Смотрю еще: обходят. Звоню Минину.

— А ты, Власов, по затылку их —приказывает.

— Где там,—думаю,—„по затылку": их вдвое больше, да и повернуты не затылком, а лбом.

Говорю это Минину.

— Ну, так я с 6-й ротой иду тебя выручать.

Но в этот момент связь с штабом полка (дер. Побужаны) порвалась. Слышу, треск поднялся в том направлении от множества ружей и пулеметов. Смотрю в бинокль: и на Побужаны со стороны дер. Яблоновка движутся густые польские цепи.

И. Осипов — рабочий, боевой помощник комиссара 405 полка со дня его основания. В 1921 г. — помвоенкомбриг 135. Награжден орденом Красного Знамени за храбрость, проявленную в одном из боев Южного похода (под Цыбулевым в 1919 г.) Сейчас красный директор завода „Лако-Краска" в Ярославле.

— Ну,—думаю,—кто кого еще будет выручать!

Комполка приказывает бить „по затылку", а военком т. Осипов (приехал в мой батальон на рассвете) говорит мне:

— Идем в контр-атаку!

Навел я бинокль на того противника, что стоял против меня через реку.

Вижу, сильное у него какое-то происходит движение, и много народа к переправам перебегает. Не хотят ли среди бела дня через Буг переправиться? А впрочем, почему бы и не так, если ихние части в тыл батальону прошли? С двух сторон возьмут батальон в клещи, и тогда вертись.

А вот и подтверждение. Загвоздила польская артиллерия, да как раз по тому месту, где у меня переправу пулеметы защищают... А сзади бой в полном разгаре, слева цепь польская надвигается, и уже пули оттуда в нашу деревню летят.

Ясно для меня стало, что еще несколько минут, и батальон в тисках окажется. Взглянул на пополненцев,—стоят, ни живы ни мертвы, ничего не соображают, на лицах животный страх написан.

Не послушался я тогда приказа командира и совета военкома, а принял свое решение: отстреливаясь от наседающего с двух сторон противника, двигаться по берегу Буга — выходить из кольца, пробивая контр-атакой путь. Так и сделал. До штыков дело не дошло, — отбились без больших потерь. Полк нашли в 6 верстах на по-

лянке, в лесу, у дер. Грабово.

Как в полку обрадовались нам, можно понять из восклицания при встрече тов. Минина:

— Чорт бы тебя побрал!..

...Узнаю „обстановку".

Оказывается, накануне 404 полк пополнение получил и ночью его по ротам разбивал. Ночь была осенняя, грязная, непроглядная, разбивали людей наощупь. Не успели еще развести по участкам, как с тылу поляки ударили—перешли где-то Буг, в прорыве. Крик, стрельба, переполох... Пополненцы сразу ошалели. Ничего не соображая, бросились бежать кто-куда: кто-в поле, кто в хату запрятался, кто-с размаху в реку Буг. А было их больше, чем самого полка. В полку „тарарам" поднялся, едва пробились на Яблоновку, но удержать ее не удалось, пришлось отступить еще за 4 версты. Тогда то убит был тов. Кульчинский

Наш 405-й ничего этого не знал,—„связь" на обе ноги хромала. А поляки, заняв Яблоновку и в тылу у нас оказавшись, решили „оргвыводы" сделать: слопать нас. Повели наступление сразу с тылу и фронта, завели свою артиллерию,—все, как полагается. Совсем близко насели,—едва Минин с 1-м баталионом на Грабово пробился.

...Спустя два часа, опять наступаем. Целый день бой за Яблоновку идет. Наконец, поляки выбиты и за Буг отброшены. Занимаю свои „старые" позиции. Начинается „мирная" полоса.

А через 3 дня мы сами уже лезем через Буг, пополненцев драться обучаем.

Так то жили и воевали в 1920 г. на Буге.

Г. ЛИСИЦКИЙ.

Как работал политаппарат в Галиции.

В то время у нас не было ни опыта, ни твердых, ясных правил ведения политпросветработы. Мы пролагали пути коллективной мыслью и здоровым классовым подходом к массе красноармейцев и селян.

Единственным основным материалом для проведения культурно-просветительной работы была газета 45-й дивизии „Голос Красноармейца". Этого было конечно, мало, но в тот период клубов и агитповозок еще не было вовсе. Их заменяли библиотечные повозки, по одной на полк. Эти повозки имели большое количество массовой литературы,—брошюры, листовки и т. д. Самыми любимыми книгами красноармейцев были: Демьян Бедный и Рубакин.

Г. Лисицкий—участник всех боев и походов 45 дивизии, политработник 404 полка, член ВКП(б) с 1917 года. Сейчас политрук 46 артполка.

Библиотечные повозки разворачивали свою работу на всех больших и малых привалах. Они были всегда при полевом штабе полка. Кроме книг, там были граммофоны с пластинками. Что касается пластинок, то дело здесь обстояло не совсем благополучно. Было не больше 5-6 пластинок советского производства и содержания: речи Ленина,. Зиновьева и друг., а остальные пластинки были старые. Но, несмотря, на это, граммофоны поднимали дух у красноармейцев и после 20-30 верстных переходов граммофон развлекал красноармейцев, поднимал их бодрость.

Иногда бывали гармошки и бубен. Они пускались в ход, когда останавливались на большом привале. Тут же проводилась громкая читка газет, делались маленькие доклады, а после всего играла гармошка, и танцовали.

Спектаклей полк вовсе не ставил, это было делом политотдела бригады или политотдела дивизии. Они устраивались только в больших населенных пунктах и довольно редко (помню спектакли в г. г. Золочев и Буск).

Библиотечные повозки сыграли в тот период колоссальную роль: они тогда являлись средоточием всей культработы, а также почтой; здесь же хранились все дела политчасти и партбюро. На библиотекарей возлагалось распределение литературы по полку через книгонош; последние были развитые партийцы, политбойцы.

А. Е. Шапиро,—рабочий-наборщик, красноармеец 397 полка, с июля 1920 г., затем начальник клуба 133 бригады. Участник походов против белополяков и петлюровцев. Сейчас политрук 134 полка 45-й дивизии.

При переезде через села библиотекари раздавали брошюры и газеты местному населению. Это была уже политработа в которой деятельнейшее участие принимали все коммунисты полка. Партячейки проводили среди населения раз'яснительную работу, говоря о том, что представляет собою Красная армия, из кого она комплектуется, кого-она защищает и что она идет в бой не для того, чтобы захватить какие нибудь территории, а для того, чтобы освободить галицийское селянство и рабочий класс от векового гнета. Члены партии в районе Золочов-Буск, встречаясь с любым галичанином, встречаясь с маленькой кучкой населения, сейчас же шли туда

и завязывали беседы, читали вслух газеты, брошюры, раз'ясняли сущность Советской власти, раз'ясняли, кто—в коммунистической партии и чьи интересы она защищает.

Мы этими беседами преследовали две цели: первую—приблизить к нам галицийское крестьянство и вторую, чтобы селянство, встречаясь с польскими солдатами, могло бы им передать все наши слова и лозунги. Мы об'ясняли селянам, что Красная армия не расстреливает польских солдат, попадающих в плен, что польский солдат не является нашим врагом, а что он затемнен и задурманен польскими помещиками и буржуазией. Во всех селах снабжали литературой местное население, кроме этого, мы выдавали ему порядочное количество плакатов и лозунгов на польском и галицийском языке. На главных улицах на стенах и заборах писали мелом и красками лозунги и воззвания.

Что касается непосредственной работы среди польских солдат, то полки делали все, что было возможно. Некоторые члены партии набивали сумки разными брошюрами и листовками, подползали под проволочное заграждение и разбрасывали эти листовки по направлению к польским окопам. Когда был сильный ветер в польскую сторону, пускали листовки по ветру, который заносил их в польские окопы.

В нашем 404-м полку был один политбоец, на вид невзрачный, но очень энергичный и ловкий; он знал хорошо польский язык, был похож на поляка и носил полупольскую военную форму. Он почти каждый день брал с собой литературу и носил в польские окопы. Однажды, он даже беседовал с польскими солдатами более 10 минут, к большому ужасу польских офицеров.

Этот политбоец много помог нашему полку, так как кроме разбрасывания литературы он иной раз брал телефонный аппарат, соединялся с сетью противника, вводил в заблуждение польских телефонистов и добывал важные сведения. Этого политбойца вся красноармейская масса любила и уважала. Он был в нашем полку единственным переводчиком, и через него допрашивали перебежчиков и пленных. Случайно шальная пуля попала ему в голову, и он был убит наповал.

Коллективным разумом, со всем пылом увлечения, не останавливаясь перед жертвами, мы устанавливали формы политработы, накапливали и умножали свой опыт.

Б. ПРЫГОВ.

Из боевого пути 399-го полка.

1. Организация 399-го полка.

Преследуя деникинские части, наша дивизия в конце 1919 года расположилась в районе Екатеринослава. В составе дивизии 399 полка в это время не существовало, т. к. в Южном переходе 45-й дивизии 133 бригада была особенно потрепана и при реорганизации в Вязьме старый 399 полк был расформирован и поделен между 397 и 398 полками.

На деникинском фронте я был в составе 397 полка. 2-я рота этого полка была оставлена для несения гарнизонной службы в гор. Новомосковске. Мне было приказано оставаться с этой ротой в Новомосковске для принятия пополнения.

В это время весь Екатеринославский район кишел партизанскими отрядами, которые сослужили в свое время в тылу у деникинцев незаменимую службу Красной армии и Советской власти. В данный момент они группировались в селениях, довольно чувствительно беспокоя местное население, т. к. среди партизан были ребята, склонные к пьянству и грабежам. Эти отряды разоружиться не хотели и просили их принять в Красную армию.

Нам приказано было слить их в одну группу и принять, как пополнение, в 45-ю дивизию. Основой всех отрядов были два партизанских полка: Екатеринославский и Новомосковский.

Командование решило сгруппировать их вокруг 2-й роты 397 полка, получить еще пополнение из добровольцев рабочих районов и организовать 399 полк. Списочный состав полка был свыше 1000 человек, но после первого же перехода людей оказалось меньше 500. Командиром полка был временно назначен командир Новомосковского партизанского отряда Иванченко, его помощником—Бойко. Ад'ютантом—быв. командир 2-й роты 397 полка—тов. Мицкевич, а я—помощником ад'ютанта, при чем имелось в виду, что я негласно выполняю обязанности комиссара.

Б. Прыгов—помвоенком 399 полка на всем его боевом пути. Сейчас председатель Киевского Окротдела Союза Металлистов.

2. Партизанщина.

Мои ад'ютантские обязанности были ширмой для более успешного ведения политпросветработы среди комсостава и красноармейцев. В особенности этой ширмой приходилось пользоваться для влияния на командира и помощника командира полка. Я по мере сил старался предотвратить очередное преступление в полку, а преступлений было много: своеволие, пьянство отдельных командиров толкало и красноармейцев на грабежи. В Новоукраинке группой красноармейцев полка было разграблено полместечка, и с большим трудом мне удалось пьяного командира полка склонить к подписанию приказа об аресте грабителей. Но и сам командир полка не прочь был пограбить, правда, „органи-

зованным" порядком. На завтра все арестованные за грабеж были им отпущены.

Какой то армянин увел девушку от преследовавших ее красноармейцев, и командир полка со своим помощником поймали этого армянина и избили его до полусмерти.

Всегда пьяный, с неизменной плеткой в руках он избивал всех встречающихся на своем пути. Он арестовывал первых встречных „по чутью", избивал их и требовал контрибуции.

Денежные суммы полка хранились у самого командира, который тратил их без всякого контроля. Снабжение производилось собственными силами рот и команд. Начальник хозяйственной части, получив обмундирование от дивизии, растратил таковое и бежал, а командир полка, зная его местонахождение, никаких мер не принимал к его розыску,

Обо всем этом я периодически сообщал в Подив.

3. Реорганизация.

Нашей задачей было, отойдя возможно дальше с полком от первоначального места формирования, реорганизовать командование, сохранив бойцов. Екатеринославский партизанский полк, влившись несколько позже, дал нам трех коммунистов, в составе которых был комиссар полка тов. Колосков. Командир полка Иванченко и знать не хотел комиссара: „я мол сам, себе комиссар", и никаких...

Наконец, полк прибыл в район г. Вознесенска.

Полк имел с одной стороны части 134-й бригады, а с другой—кавалерию Котовского. И тут решили начать действовать. Прибыл тов. Попа (бессарабец-член партии) на должность командира полка. Первые слухи о снятии и аресте „батька" как будто взволновали бойцов, но своевременно принятые меры воздействия: митинг, раздача обмундирования, беседы в ротах, а в особенности близость кавалерии — предупредили беспорядки, и все прошло гладко, если не считать дезертировавших из полка около полусотни наиболее близких приверженцев „батька" Иванченко. Сам Иванченко был отправлен в Особый отдел XIV армии.

Мы энергично принялись за реорганизацию штаба и рот полка. В хозяйственной части совершенно не было аппарата. По предложению командира полка и с разрешения Подива я вынужден был взять на себя последовательно обязанности казначея и начальника хозяйственной части полка, а затем уже, по прибытии начхоза и казначея, я приступил к исполнению своих прямых обязанностей пом. военкома полка. Военкомом же был утвержден тов. Колосков, рабочий-металлист, старый партиец.

Прибыл из дивизии и комсостав. Из прибывших следует особенно отметить партийцев: т. т. Кухарева, кавалериста, сорви-голову, Савченка—энергичного, неутомимого организатора, впоследствии командира полка, Сергеева—и еще целый ряд товарищей, фамилий которых не помню. Весь переход по Одесскому району прошел под знаком организации.

Не мало впитали мы и бывш. деникинцев и петлюровцев. Помню характерный случай: прибыл к нам бывший петлюровский офицер—тов. Брайковский, назначенный командиром 1-й роты. Парень был формален и враждебен первое время, затем под влиянием нашей среды стал искренне втягиваться в коллективную жизнь, заинтересовался и увлекся „Азбукой коммунизма", стал очень внимательно относиться к отдельным заданиям и нагрузкам, и в конце-концов подал заявление о вступлении в партию. Правда, он не дождался своего приема, т. к. в бою на польском фронте под Грицевым, он, уже будучи командиром 1-го баталиона, был убит.

Нужно сказать, что мы создали исключительно теплую, товарищескую обстановку работы в полку. Мы на все 100 проц. использовали наши силы и давали разворачиваться инициативе. Энергичного и способного клубника — тов. Гарника мы вытащили из перевязочного отряда, дав ему возможность собрать все наличные силы для устройства драмкружка. Вместе с ним мы и стряпали пьесы. Для ведения бесед в ротах мы использовывали всякий повод, неуклонно направляя красноармейские умы к единой цели—к победе,

4. Окруженные.

Вот мы на польском фронте. Апрель 1920 г. Сосредоточились на участке Летичев—Литин (Подолия). Справа от нас заняли фронт галицийские части, перешедшие к нам от Деникина. Все время у нас идут приготовления к наступлению на Летичев.

Вдруг стрельба в тылу, порвана связь с бригадой и обозом. Оказывается, галичане изменили нам, перешли на сторону Петлюры, отрезав нам пути к отступлению. Первой жертвой этой измены пал тов. Колосков—комиссар полка. Он, пользуясь затишьем, зачем то отправился в обоз 1-го разряда. Здесь он наткнулся па заставу галичан, напавших на наш обоз. Его задержали и направили в штаб галицкой части, где его выдал один дезертир-красноармеец, сбежавший к петлюровцам, и тов. Колоскова расстреляли.

Обо всех подробностях этого расстрела нам донесли бежавшие из обоза красноармейцы. Нашему гневу и бешенству не было границ. Тов. Попа буквально скрежетал зубами ..

Мы оказались отрезанными от базы и окруженными со всех сторон поляками и галичанами. В течение двух недель нам пришлось двигаться, пробиваясь сквозь многочисленные силы противника. Силы полка таяли, но никто не унывал. Бой за боем,—и мы все ближе и ближе к соединению с другими частями дивизии.

Помню чрезвычайно интересный бой.

К ст. Вапнярка, одному из последних пунктов, разделявших нас от других частей нашей дивизии—мы подобрались ночью. Рассадив часть пехоты с ручными пулеметами на деревья, часть пехоты пустив в наступление фронтом, а кавалерию (конную разведку)—в обход, мы на рассвете открыли огонь и двинулись на противника, который был сильнее нас. Галичане бросились к лесу, а когда засада сверху, с деревьев открыла огонь, галичане, побросав оружие и припасы, разбежались, кто куда. Остальное доделывала горсточка конницы... Путь на Вапнярку и дальше к нашим частям был свободен и мы, набрав трофеев—оружия, припасов — присоединились к частям дивизии.

5. Наступление на Киевщине и Волыни.

Организация партбюро полка.

Прорыв Конной армией польского фронта (май—июнь 1920 г.) и приказ по нашей армии о начале общего наступления окрылил наш полк, и мы бодро и весело двинулись вперед. Прислан был новый комиссар полка тов. Смирнов. В полку в это время росла и парторганизация. Целый ряд командиров и красноармейцев вступили в партию, Временное бюро должно было уступить место постоянному. И вот мы однажды собрались в клуне. Заслушан был мой доклад о текущем моменте и содоклад комполка о внутренней работе в полку, и было избрано первое бюро партколлектива полка (я—председателем, Попа, Савченко, Гарник—членами и Грабаровский—секретарем).

Время пребывания в резерве нами было использовано на все 100 проц. Организация и использование библиотеки, драмкружок, хоркружок, прогулки, смычки и многое другое нашло применение во время этой маленькой передышки.

Дальше мы двигались с боями. Шли мимо Киева на Волынь. Большое сопротивление поляки оказали вдоль реки Случь у местечка Новый Мирополь. Четыре ряда густо переплетенных проволочных заграждений, большое количество пулеметов и артиллерии несколько приостановило темп нашего наступления. Тут нами было принято пополнение — около 200 бойцов из Ростова на Дону, носивших название коммунистического отряда, который и образовал собой 2-й баталион нашего полка [1].

Приготовившись и распределив силы мы разработали план и двинулись в наступление. Но некоторые наши части недостаточно выдержанно выполнили задачу (3-я рота), в результате чего преждевременно были открыты наши главные силы, которым под градом пулеметного и ружейного огня пришлось откатиться с большими потерями. В этом бою мы лишились нашего горячо любимого командира полка т. Попы. С ним легли и четыре красноармейца пытавшиеся его, тяжело раненого, поднять и отнести в тыл... Укрепления были все таки взяты через некоторое время обходом с правого фланга.[1]

6. Бой под Грицевым.

Наши части (конец июня—начало июля 1920 г.) гнались по пятам за поляками. Наш полк стоял в резерве за 400-м полком в 5-ти верстах от м. Грицева. Вдруг, с фланга, где несколько впереди должен был быть 400-й полк, рожь на поле плавно зашевелилась и, когда наша разведка пошла узнать причину странного движения ржи,—во весь рост поднялась цепь противника и открыла бешеный огонь по полку. От неожиданности роты сорвались и побежали. Командир полка т. Копецкий (чрезвычайно нервный и больной человек) принялся в исступлении кричать на отходящих в беспорядке красноармейцев и в припадке бешенства бить кулаками себя в голову. В результате паники мы потеряли почти четверть полка убитыми и ранеными. С колоссальным трудом т. Савченко (пом. комполка) и мне удалось удержать несколько пулеметов, вокруг которых была организована оборона. Я с группой красноармейцев пошел к мосту по дороге на Шепетовку, но был контужен и ранен и очнулся в перевязочном отряде какой то артиллерийской части.[2]

Штаб и команда связи 398 полка на польском фронте летом 1920 г. На переднем плане сидит комполка 398 И. Ф. Липанов, один из наиболее боевых командиров 45 дивизии.

[1]. О коммунистическом отряде тов. Копецкого подробно рассказывает тов. А. Савченко в очерке „Воспоминания о коммунистическом отряде" (помещен выше). *Ред.*

[1] Бой под Н.-Мирополем и смерть комполка 399 тов. Попы рассказаны в очерке А. Савченко „Ценою крови лучших борцов" (помещен выше). *Ред.*

[2] Подробно бой 399 полка 2 июля 1920 г. под Грицевым Коськовым описан в очерке А. Савченко „Грицевский кулак" (помещен выше) *Ред.*

7. Дубно и Почаев.

Бой под Дубно (середина июля 1920 г.) был чрезвычайно напряженным. Наш полк принял участие в этом бою двумя ротами 2-го баталиона. Под бешеным пулеметным и артиллерийским огнем роты три раза наступали на малоприступные Дубенские укрепления, навлекши на себя почти всю систему огня поляков, а в это время наши соседние полки со всех сторон вклинились в расположение поляков и овладели Дубно и Таракановым. Почти в течение целой недели наши части извлекали пленных поляков, как рядовых, так и офицеров, из многочисленных складов и подземных катакомб форта Тараканов. Нами было принято очень много оружия и снаряжения. Полк обогатился 25 пулеметами различных систем.

Следующий очень характерный и интересный бой был под Почаевым. Наша бригада, двигаясь в резерве дивизии, имела впереди себя один из полков 135 бригады. Перед нами на пути к Почаеву оказалась высокая гора, покрытая растительностью, под названием „Бужа Гора". Цепи, хотя и шли с боевыми предосторожностями, но просмотрели отдельные возвышенности и густые заросли, где оказалась хорошо укрывшаяся группа противника. Когда наш полк подошел к этим возвышенностям, противник открыл сильный огонь. Полк быстро развернулся, принял на себя удар и бросился на противника в атаку. Поляки не выдержали и были сбиты. Гора была нами занята.

Но тут произошел казус. На правом фланге, где фронт наш держали части 1-й Конной армии, усилился артиллерийский и пулеметный огонь противника, и наша конница, стоявшая на открытой местности, быстро откатилась, оголив наш фланг. Между тем, в бою с нами приняла участие откуда-то появившаяся конница поляков.

С трех сторон горы был неприятель. Четыре конных атаки противника нами были отбиты. Вот уже полчаса тихо, однако мы настороже. Вдруг с правой стороны опять показалась конница, рассыпавшаяся для охвата нас. Мы открыли огонь, и атака вновь была отбита. Один из политруков, наблюдавший после атаки продолжавшую маячить кавалерию, обратил внимание на одежду всадников. Выслав разведчика, мы к удивлению узнали буденовцев. Оказалось, что после трех отбитых нами контр-атак, польская кавалерия отошла, а буденовцы внезапной атакой обратили ее в дальнейшее бегство и снова заняли фронт. Приняв и нас за поляков, они хотели атаковать нас.

Когда впоследствии собралось командование (Буденный, Якир, Левензон и командиры конных частей), командир кавбригады, обстрелянной нами, настаивал на предании нас суду за обстрел своих частей. Тов. Буденный, однако, рассудил иначе: он велел после боя выстроить 399 полк и провести мимо него кавчасти церемониальным маршем, отдавая ему честь за доблесть[1].

С Божьей Горы мы двинулись в дальнейшее стремительное наступление, а правее нас две кавалерийские дивизии Буденного глубоко обошли и врезались в противника. Победа была блестящая. Свыше 800 человек поляков было перебито. Без особых затруднений был взят Почаев и мы дальше двинулись к границе.

8. Бои в Галиции.

(Буск, Красне, Задвуже, Стронибабы).

Жаркие бои разгорелись под Буском и у м.м. Куткорж и Красне (август—сентябрь 1920 г.) Там мы лишились уже третьего по счету командира полка. Большая тяжесть легла на помкомполка тов. Савченко и на меня. Недостаток командного состава заставлял нас не отлучаться и из цепи стрелков.

Из рук в руки переходили пункты Задвуже, Куткорж, Красне. В особенности тяжела была защита села Куткорж у моста через р. Петрев (приток Буга). Мы стояли с командой пеших разведчиков на защите моста; нас 32 человека, в течение 4-х часов беспрерывных атак мы удерживали мост. Но вот нам дают сигнал к отступлению. Противник буквально на наших плечах преследует нас.

Зная план командования, я поддерживал порядок в команде: в спину нам был сильный огонь артиллерии и пулеметов противника. Отход был быстрый, но в порядке. Вот мы вышли к опушке леса. Тут сгруппировался весь наш полк. И вдруг команда: „В контр-атаку, вперед"! сорвала бойцов с места и бешено двинула вперед, а слева фланг противника охватывала кавалерийская бригада Котовского. В результате: большое количество зарубленных и пленных поляков, и противник вновь отогнан за реку Петрев[1].

Замечательное положение было в с. Стронибабы. Село расположено в дуге реки Буг, а на нашем правом фланге граничило с густым и большим лесом. По ту сторону Буга были позиции поляков. И вот однажды, после четырех суток боя, мы с командиром полка тов. Савченко, усталые, совершенно обессиленные, прилегли, пользуясь временным затишьем, как вдруг нас подняли крики: „Вставайте, стрельба!"... Выскочив на улицу, мы заметили, что огонь открыт с трех сторон: с фронта, с тыла и с правого фланга (из лесу). Связь с штабригом и соседним полком была испорчена.

Тов. Савченко вскочил на лошадь и поскакал на правый фланг нашей цепи. Я поехал на левый фланг с тем, чтобы, связавшись с рядом стоявшим 397 полком, быстро организовать ударную группу для отпора неприятелю, зашедшему нам, повидимому, в тыл. На левом фланге полка протекала загибавшая здесь река Буг, разделявшая нас с 397 полком. Но, дойдя до нее, я не только не нашел нашего левого фланга, но подвергся обстрелу противника с фронта и с тыла. Я бросился в воду. По шею в воде перешел реку под градом пуль. На той стороне берега встречаю нашего помощника ад'ютанта, возвращавшегося в полк. Приказываю ему немедленно скакать в 397 полк и сообщить о заходе поляков нам в тыл.

Так как обратный путь к полку был отрезан, мне пришлось принять участие в операциях 397

---

[1] Этот случай у Божьей Горы описан в очерке „Парад на фронте" (помещен выше). *Ред.*

[1] Описание этого боя дает А. Савченко в очерке „Поучительный бой" (помещен выше). *Ред.*

полка. А тем временем (как потом выяснилось) тов. Савченко прибыл на правый фланг нашей растерявшейся цепи, быстро оттянул полк направо, в тот же лес, которым зашли нам в тыл поляки, но значительно глубже, зашел в тыл в свою очередь, полякам и ударил по ним с тыла и с фланга, гоня их на село. Одновременно баталион 397 полка расположился вдоль реки и открыл меткий огонь по отступавшим полякам. Таким образом, план поляков не только не удался, но

Митинг с трудовым галицийским населением, устроенный 133 бригадой в г. Бродах (август 1920 г.)

они отошли с большими потерями назад. За этот бой тов. Савченко был представлен к ордену Красного Знамени[1].

Перемирие нас застало в районе Старо-Константинов-Хмельник. Здесь мы развернули политпросветработу во всю. И во время боев политработа велась, но велась она малоорганизованно, хотя мы не упускали стоянки в резерве, чтобы не провести партсобрания, драм-постановки собственного производства, или коротенького митинга на тему от международного положения до „вши".

Но после перемирия, а затем и заключения мира работа пошла более планово и систематично. Единой системы политпросветработы в дивизии в то время не было, а каждый полк, в зависимости от изобретательности политаппарата, строил *свою* систему политпросветработы. У нас в полку работа строилась в следующем порядке: весь политаппарат делился на пять основных секций: 1) политическую, которую возглавлял я,— сюда мы в порядке общественной самодеятельности втягивали весь командный и политический состав для чтения лекций, ведения бесед на политические темы, и проводили занятия с политруками по проработке текущих тем политзанятий в ротах; 2) клубно-художественную секцию, которую возглавлял Гарник; эта секция проводила всю работу по организации кружков: музыкального, драматического, хорового, проводила массовую работу, прогулки, вечера воспоминаний и пр. 3) библиотечно-литературную, которая занималась улучшением библиотечного дела, ликвидацией неграмотности, распространением газет, руководством корреспонденциями в нашу дивизионную газетку „Голос Красноармейца", 4) физкультуры и военной пропаганды, которая проводилась под знаком учета опыта прошедшей войны (воспоминания, итоги и оценка боев, а также вопросы дисциплинарного характера), физкультура

9. Перемирие и мир.

Отступление из Галиции проходило с боем. Один из красноармейцев полка болгарин Магомет, чрезвычайно преданный полку, проявил исключительную самоотверженность в момент отступления из одного из сел в Галиции. Полк двигался ущельями и наткнулся на противника, окружившего полк со всех сторон. И вот красноармеец Магомет, рискуя жизнью, разыскал скрытое ущелье и в течение четверти часа скакал по открытому полю под градом пуль, отвлекая таким образом внимание противника от полка, который проходил указанным им ущельем. За этот поступок Магомет получил орден Красного Знамени.

В результате самоотверженной, выдержанной и стойкой борьбы на польском фронте, в нашем полку свыше 40 человек были представлены к ордену и к разным ценным подаркам. Полк в целом также был награжден Красным Знаменем.

---

[1]. Описание этого боя дает А. Савченко в очерке „Проклятый участок" (помещен выше). *Ред.*

была в зачаточном состоянии и только начинала привлелать к себе красноармейскую массу и 5) сан. просвет. секцию, работавшую под руководством ставрача. Прошедшие эпидемии тифа и холерины сильно отразились на частях, вырывая бойца за бойцом из строя и мы, проводя сан. пропаганду, в виде постановок, частушек, лекций, вместе с тем провели конкретную работу по очищению полка от вшей и грязи. Мы организовали сборы по городам, и нам жители охотно жертвовали белье и материал для белья. Брали мы все, что давали. Если мы получали рваное белье, то его чинили. Таким образом, мы собрали более двухсот пар „собственного белья", организовали примитивную баню (походную) и при ней починочную мастерскую. Эти мероприятия значительно облегчали ведение санитарной пропаганды.

В начале 21-го года было созвано совещание политработников 133-й бригады, и после подведения итогов работы в полках тов. Якир, присутствовавший на совещании, отметил работу нашего полка, как образцовую. После этого совещания я был отозван для работы в Подиве (начполитпросветом и нач. партотделения), и с полком уже больше связи не имел.

133 бригада в 1921 году несколько раз реорганизовывалась и в конце концов слилась с 135 бригадой Последняя переименовалась в 133 бригаду, а в дальнейшем (1922 г.) — в 133 Бессарабский полк.

Е. ГАРНИК.

Методы политпросветработы на польском фронте.

У нас не было такой строго-плановой, организованной работы политпросвета, как она есть сейчас, но работа того времени несмотря на свой эпизодический характер, все же проводилась серьезная и сложная. Как же все это делалось?

Е. Я. Гарник — завполитпросветом 399-го полка, на деникинском, польском и петлюровском фронтах энергичный культработник. Член ВКП(б) с 1920 г. В 1923 году начальник Дома Красной Армии в г. Киеве. Сейчас зав. Отделом Искусств Киевского Окрполитпросвета.

Я всегда вспоминаю ту спайку, какая была у нас на фронте, она то и позволяла успешно проводить работу. Была у нас пятерка: командир полка Савченко, комиссар Сампоев, политрук полка Прыгов, техсекретарь партбюро Грабаровский и я, заведывавший политпросветом. Эта пятерка в любом положении, после любого тяжелого перехода и серьезного боя, как-то умела собираться и поговорить, с тем, чтобы поделиться впечатлениями и условиться на счет дальнейшей работы. Эти совещания не носили характера официального, а имели чисто товарищеский, дружеский характер, и из этих разговоров рождалась плановая работа

Как мы проводили работу? Скажем, в вопросе о поднятии бодрости красноармейца. Мы всегда использовывали какую нибудь остановку, какую нибудь передышку на несколько часов и нам удавалось в какой нибудь лощине в лесу и т. д. разворачивать работу. Если это было село, то просто использовали клуню, снимали большую дверь и превращали в подмостки, а весь народ стоял на улице, и тут в этой клуне на подмостках разыгрывались спектакли, концерты и т. п.

При обозе 2 разряда находилась школа Ликбеза, которая обучала красноармейцев, бывших при обозе; остальные же красноармейцы обслуживались передвижками, и отдельные товарищи просто сходили в окопы и там проводили работу среди красноармейцев отдельными беседами: например, из спичек делали отдельные буквы и так учили в боевой линии грамоте; там же раздавалась литература, которая присылалась из Подива.

Если удавалось и было свободное время, в некоторых селах организовывались собрания вместе с селянами. Мобилизовывали ребят, которые звонили в колокола и собирали на сход жителей и красноармейцев, организовывали общие об'единенные собрания и ставили на них доклады, которые намечались на партбюро.

Впоследствии после заключения мира, мы проходя по Украине, задержались в м. Шпола. Здесь впервые была организована неделя Красной казармы.

Дело было новое, и мы собрались на совещание. Думали недолго, решили поступать внушительно, но просто. Был базарный день, и вот командир полка со знаменем в руках, с парой красноармейцев выезжает на базарную площадь в самую гущу народа, организовывает колоссальнейший митинг, докладывает о задачах недели Красной казармы и призывает трудящихся к пожертвованиям. Этот митинг дал очень много: был сбор белья, полотенец, продуктов и т. д., так что „неделя" дала нам все, чего мы от нее ожидали. Этим митингом мы охватили фактически все население. Я тут хочу отметить, что чем меньше официальщины, тем лучше проводится кампания.

Для политзанятий собирались в школе в разных группах и в разные часы. Школьные занятия переплетались с вопросами политического порядка. Если на фронте использовали только свои силы, то при переходе на мирное положение использовали местные силы. Обыкновенно, я ехал вперед, знакомился, с тем что есть на месте, договаривался с местными силами и подготавливал встречу части. Как только часть приходила в местечко, ставился концерт, спектакль и т. п. Летом по большей части это бывало на площади возле сельсовета, а зимой—в школе.

Так как руководств по политработе не было, то собирали политруков, вместе прорабатывали беседы, и потом каждый политрук проводил свою работу на основе нашего коллективного творчества.

Так мы подходили к плановой работе.

В. КРЕЙН.

Как мы отступали из Галиции.

(Отступление из Галиции 405 стрелкового полка).

19-го и 20-го августа 1920 года 45-я стрелковая дивизия, подчиненная командованию 1-й Конной армии, занимала пункты в 12—15 верстах к востоку от Львова. Взятие Львова казалось вопросом 2-3 дней.

Между тем, события развернулись иначе. Неудача под Варшавой вынуждает спешную переброску 1-й Конной армии на этот фронт. Одновременно дает себя чувствовать значительное усиление поляков в районе Львова, выясняется переброска сюда свежих сил противника и крупных артиллерийских средств. Лишенная мощной поддержки Буденного, сильно потрепанная в июльских и августовских боях, насчитывающая не более 2500 усталых и оборванных бойцов во всех своих 9 стрелковых полках — наша 45 дивизия 21-го августа приступает к отходу в общем направлении на Буск. Отход совершается под сильным напором поднявшего голову противника, которому дается бой на линии Убине-ст. Задвурже-Линяны (22—24 августа). 26-го августа дивизия очищает район к западу от реки Западный Буг и располагается по его восточному берегу на участке Волица Деревлянска - Поборжаны - Остапковцы-Стронибабы—железно-дорожная магистраль включительно. М-ко Буск, переходя несколько раз из рук в руки, в конечном счете осталось у противника.

Начался длительный период „позиционной" войны, если так можно назвать это трехнедельное сиденье в прибрежных деревнях, ежедневную перестрелку с противником и регулярные ночные налеты сторон друг на друга более или менее крупными силами, переправлявшимися через Буг, чтобы после удачного или неудачного боя, смотря по бдительности противной стороны, возвратиться в свое расположение. Справедливость требует отметить, что поляки, опираясь на свою численность и выучку, переходя реку, частенько нас бивали. Наше только-только влившееся в дивизию пополнение—Казанский и Уфимский запасные полки, значительно превышавшее численностью кадровых бойцов, но совершенно еще не обстрелянное, сдавало всякий раз под напором ударных отрядов противника, а к контр-атаке было еще неспособно.

Тем не менее 8-9 сентября было предпринято широко задуманное контр-наступление, ставившее себе целью форсирование Буга и выход на подступы к Львову. Начавшееся частичной удачей, благодаря внезапности и смелым действиям переправившейся через Буг кавбригады тов. Котовского, это наступление в 2-х дневном бою было отбито поляками.

В ходе наступления, стоившего больших потерь 45-ой и 47-ой дивизиям (составлявшим ударную группу), выяснилось подавляющее превосходство сил противника, как в живой силе, так и в артиллерийских средствах (что-то около четырех дивизий).

405-й стр. полк 135 стр. бригады нашей дивизии (этот полк является родоначальником нынешнего 133-го полка), в котором я тогда служил, занимал район д. д. Яблоновка, Поборжаны, Лаперовка. 404-й и 403-й полки нашей бригады располагались левее—против Буска, а правее, вниз по реке, верстах в 20-ти от нас, должна была находиться 24 стрелковая дивизия (была ли с ней связь, точно не помню).

Наш полк, как и все другие полки, вел „позиционную" войну вышеописанным способом: перестреливался с противником через реку, отбивал его налеты, (а, случалось, и отступал под его напором) и разбивался о польские позиции в безуспешном наступлении 8-9 сентября.

Понеся большие потери, мы отошли в деревню Яблоновку, расположив боевую часть полка на подступах к этой деревне. Тускло и серо потянулись дни. Боевой дух полка был сломлен. О наступлении никто серьезно не думал. Осенние дожди были в самом разгаре и превратили в топкое болото дороги и низины. Противник сидел на западном берегу Буга, не переходя в контрнаступление, и ограничивался систематической бомбардировкой из тяжелых калибров.

А. И. Моисеев—рабочий-путиловец, комиссар 1 баталиона, затем помвоенкома 405 полка на деникинском фронте, военком 403 полка на польском и петлюровском фронтах. За выдающуюся храбрость, проявленную в многочисленных боях с белополяками и деникинцами награжден орденом Красного Знамени.

Откуда-то (неизвестно откуда) поползли слухи: „24 дивизия уже отступила к Дубно, поляки обходят нас на севере". Это известие никакого особенного впечатления не произвело: перенесенные бои приучили видеть и отражать обходящего противника близко, а этот еще далеко, авось не подкачаем. Так думал командный состав. Комбриг же тов. Голубенко, находившийся, преимущественно, при нашем полку, был настроен сурово и говорил мало.

16-го сентября, часов в 10 вечера, из района фольварка Яблоновского, в полутора верстах к югу от дер. Яблоновки, послышалась сильная ружейно-пулеметная трескотня вперемежку со взрывами ручных гранат. Фольварк был занят нашей 5-й ротой; правее ее, в одной версте, в леске, располагалась 4-я рота, еще через версту вправо — 6-я рота. 7-я рота, входившая в состав 2-го же баталиона (больше рот в полку не было), находилась в обще-полковом резерве в деревне Яблоновка. Эта рота немедленно была приведена в готовность. Командир полка тов. Минин, подо-

звал меня (я был помощником командира полка).

— Володя,—сказал он,—(у него была привычка всех подчиненных, как и начальников, называть уменьшительными именами),—забирай немедленно татар (7-я рота была подобрана исключительно из татар) и галопом бегите на фольварк Яблоновский... во что бы то ни стало занять и сейчас же донести... Власову (командир 2 баталиона) прикажи держаться на всем фронте.

Через 5 минут я был в 7-й роте. Она была уже собрана в колонну и немедленно двинулась в непроглядную осеннюю тьму, увязая ногами в грязи. Сзади двинулся на тачанке пулемет „Шварцлозе". Пальба на фольварке стала затихать. Двигаясь по дороге на Буск, через 15 минут мы встретили командира 2-го баталиона Власова с кучкой кр-цев. Он ругательски ругал этих кр-цев, которые, как оказалось, принадлежали к соседней 4-й роте и во время налета на 5-ю роту сдрейфили и стали в потемках покидать позицию. Вид подошедшего подкрепления подействовал на них, и, пристыженные Власовым, они пошли назад.

Б. О. Семибратьев — бессарабец, сын рыбака, помкомроты в партизанском отряде т. Гуляницкого, затем командир роты 403 полка на деникинском фронте и командир баталиона того же полка на польском фронте. Участник всех боев и походов 405 полка. Сейчас помощник командира 300 полка 100 дивизии.

Власов, увидя нас, страшно обрадовался.

— А я уже всех ординарцев разослал с донесениями. 5-ю роту разбили, или она разбежалась. В фольварке поляки...

— А 4-я рота?

— 4-я рота на месте кроме этих... (тут он „выразился"). Ее пока не трогали... Но сейчас могут ударить на нее с фольварка...

— Пойдем брать фольварк.

В фольварке было тихо. До него было около версты. Командир татарской роты рассыпал роту в цепь. Мы стали тихо продвигаться вдоль дороги (Яблоновка-Буск), левее ее, прямо на фольварк. Я с Власовым ехал по дороге. Внезапно мы услышали топот многих лошадиных ног по камням.

— Передать Вяткину (командир роты) — стой, сдавленным голосом приказал Власов и обратившись ко мне:

— Это их кавалерия, видимо, выезжает из фольварка или на фольварк по шоссированному участку—(шоссированный участок отходил от большака под прямым углом и вел на фольварк).

— Что думаешь делать?

— Что тут делать. Нужно открыть огонь. Иначе они налетят на нас, или на штаб.

Подбежал Вяткин. Власов приказал ему:

— Открывай по кавалерии немедля огонь залпами по-взводно.

Через минуту раздалась резкая команда командира 1-го взвода:

— Первый взвод—пли!..

Залпы удались во всех взводах. Судьбы кавалерии не знаю, но она нас в эту ночь больше не тревожила.

После этого медлить нельзя было. Власов закричал:—„вперед на фольварк!" Но я приказал оставить на дороге 15 человек и тачанку с пулеметом на случай нового появления кавалерии.

Татары двинулись на фольварк по размокшему, вспаханному полю. Я ехал следом за ротой рядом с Власовым. В фольварке было тихо. Но вот—выстрел, другой, свист пуль, вспышка пулемета... Вяткин закричал: „Ура!". Татары пошли в атаку на фольварк.

Через 10 минут мы были в фольварке. Поляки, не оказывая серьезного сопротивления, отступили. Их нужно было преследовать, что было уже труднее. Первый пыл кр-цев прошел. С трудом переводя дух, они садились на доски, балки и разные строения, снимая с ботинок пудовые комья налипшей земли.

Все же рота была выведена на окраину фольварка. Я собирался занять находившуюся впереди шагах в 500 линию кустов и тем ограничиться. Оттуда уже начался редкий огонь противника. Но в этот момент прискакал на взмыленной лошади мой ординарец, которого я перед тем послал к командиру полка с донесением о взятии фольварка. Он не доехал до штаба, встретив двух конразведчиков, везших приказание: отводить 2-й баталион на Яблоновку, прикрывая отступление полка.

...Полк отступал в непроглядной мгле густым лесом в направлении на м. Соколовку. Около 6-ти часов стало светать. Я нашел в колонне командира полка и рассказал ему о ночном бое 2-го баталиона.

Он молча выслушал и буркнул:

— Добре.

— Разрешите узнать, тов. Минин, а почему мы отступаем?

— Потому отступаем—резко сказал он,—что поляки завтра возьмут Дубно. В Галиции кроме нашей дивизии никого не осталось.

Найдя затем Власова, я сообщил ему об этом разговоре.

— Ну, как думаешь,—спросил я его.—Вылезем благополучно?

— А что *об этом* думать,—ответил он.—Лучше вот подумай, чтоб нам с тобой квартиру отвели в Соколовке с варениками, а то я вот уже 10 дней питаюсь всякой дрянью.

...В Соколовке, большом, не об'еденном еще армиями, местечке, полк расположился свободно.

Красноармейцы и командиры, измученные 2-х недельным лежанием на расхлябанной земле, без шинелей, зарывшись в сосновые ветки, под непрекращающимся осенним дождем,—ожили в сухих, теплых хатах и после сытной пищи. Настроение сразу переломилось. Стало весело и жизнерадостно. Правда, передавались слухи, что где-то севернее нас появился есаул Яковлев с 3-мя конными полками, который „порубал" два полка толи 24-й, то-ли 47-й дивизии. Но это не внушало беспокойства. 403-й и 404-й полки, отведенные

на сутки раньше нас, занимали позицию впереди, уступом правее и левее нас, а наш полк был... в долгожданном резерве. В халупе командира полка играл граммофон, а сам он ходил, заложив руки в карманы, взад и вперед по комнате и толковал о предметах, не имеющих ничего общего с военной обстановкой и событиями прошедшей ночи. К вечеру приехал комбриг Голубенко, но я пошел спать, чувствуя себя целиком „в резерве".

18-го проснулся от ружейной трескотни. У штаба стояло человек 20 конных разведчиков. В штабе Минин изо всех сил кричал кому-то в телефонную трубку. Голубенко сидел над картой.

Поляки наступали на 403-й полк, что занимал позицию впереди и левее нас в районе Грабина-Брахувка. Вскоре и 404-й полк в деревне Пржеволочна вынужден был отбиваться от наседавших поляков. В результате резерв, т. е. наш полк двинул две роты 1 бат-на на помощь 404-му полку, а весь 2-й баталион (4 роты) был направлен в контр-атаку на деревню Грабина, в 2-х верстах к западу от м. Соколовки, откуда только что был выбит 403-й полк.

...Снова я еду со 2-м баталионом. Яркий солнечный день. Идем по чистому полю. Впереди деревня, которую нужно взять. Власов едет рядом со мной, шутит. Свои четыре роты (человек 160) он рассыпал в общую цепь, не оставив резерва; получилась картина довольно внушительная. Настроение у всех бодрое. Навстречу попадаются выбитые из деревни кр-цы 403-го полка, выбившиеся из сил, с трудом переводящие дыхание, оборванные. Увидя нас, они конфузятся, задерживаются в нерешительности и делают вид, будто бы хотят идти с нами. Но мы их не принуждаем, и они скоро оставляют нас.

Нам нужно подняться из низины на горку, где ожидаем огня противника. И, действительно, когда мы достигли гребня (в полутора верстах от деревни), тотчас же поляки открыли стрельбу. Мы продолжаем идти, не отвечая. Я сказал Власову:

— Поезжай на левый фланг и командуй двумя ротами, а я буду командовать двумя правыми.

Он поехал. Идти становилось все труднее. Пули, правда, перелетали большей частью через нас, но вот присоединились пулеметы. Без всяких команд кр-цы стали применять перебежки. Поляки стреляли не метко, и это способствовало сохранению боевого духа. Вся масса кр-цев, почти без приказаний, довольно быстро продвигалась вперед. Как сейчас вспоминаю, „сближение" с противником прошло у нас отлично. Я бы сказал, по правилам устава, вышедшего только через 3 года.

Хуже было мне и моему ординарцу, восседавшим на лошадях под пулеметным огнем противника. Я несколько раз собирался спешиться, но боялся, что, оказавшись пешим, я упущу командование. Далеко влево виднелся Власов, носившийся на коне вдоль цепи, и это меня всякий раз удерживало от желания спешиться. А потом одна за другой стали выезжать на позицию тачанки с пулеметами (их было три).

Наши пулеметы открыли огонь. Поляки отвечали. Стали попадаться раненые, однако, наступление продолжалось безостановочно, и мне фактически не оставалось ничего делать, как поспевать за цепью.

Так прошли версту. Наступал критический момент боя. Вдруг прекратился ружейно-пулеметный огонь из деревни: поляки, подавленные нашей кажущейся многочисленностью и настойчивостью, бежали. Взамен пулеметного огня они открыли артиллерийский. Над нами стали рваться снаряды двойного действия: шрапнель и граната—неприятная штука, с которой нам впервые пришлось познакомиться в Галиции.

Б. М. Киселев—чл. ВКП(б) с 1919 года. В 45 дивизии был политруком пешей разведки 401 полка. На польском фронте за разведку под Барановкой награжден орденом Красного Знамени За другую разведку был награжден портсигаром. Участвовал во всех боях вплоть до ликвидации петлюровских банд. В конце 1920 г. был пом. военкома 401 полка и в 1921 году военкомом 401 полка.

Ответом на картечь было „ура". Деревня была взята. Мы понесли малые потери, ибо огонь польских пулеметчиков и артиллеристов был не меток.

В деревне на моем участке было взято человек 10 пленных, чистенько одетых. Братва в одну минуту раздела их, и пленные предстали предо мной уже в одном белье. Я торопился выйти на западную окраину деревни и поручил своему ординарцу отвести белую команду в штаб полка и заодно получить от командира полка то или иное приказание; донесения я не писал: некогда было.

Западная окраина была достигнута, и наши стихийно двинулись дальше, наступая на лес, расположенный в шагах тысяче за деревнею. Наступать на этот огромный, тянувшийся на десятки верст, лес—было бесцельно. Я это понимал, но удержать людей не мог. Ими, особенно татарами, овладел какой-то азарт. Так и не удалось ни мне, ни Власову удержать наступавших красноармейцев, покуда перед самым лесом, под учащенным огнем поляков, они не вынуждены были остановиться сами. Тогда, с'ехавшись с Власовым и посоветовавшись, мы стали отводить людей на более удобный гребень между деревней и лесом. Сюда же перенесли и пулеметы, снявши их с тачанок.

В ходе боя мы не видели и не слышали, что делалось на соседних участках. Частая перестрелка доносилась откуда-то справа и сзади. Это нас обеспокоило. Спешившись, мы ждали приказания от командира полка. Поляки редко-редко постреливали из леса...

Внезапно появилось новое лицо. Это был командир 1-й роты Скондяков, который, сильно хромая, приплелся в деревню.

— Что вы здесь сидите! — возбужденно кричал он нам.— Поляки занимают уже Соколовку. 404-й полк отступил, наш 1-й баталион тоже.

Он сообщил, что наш 1-й баталион, брошенный на помощь 404-му полку, отступил к Соколовке, что он сам при отступлении был ранен в ногу и сильно отстал от роты; чтобы не быть настигнутым, он переменил направление и пришел сюда,

видя, что деревня занята нашими. Поляки сейчас наступают или уже заняли местечко Соколовка с севера, чем и об'ясняется слышимая нами перестрелка.

Все это было очень правдоподобно, но отступать без приказания было нельзя. Большую пришлось пережить тогда внутреннюю борьбу. С одной стороны перспектива окружения, может быть пленения или, в лучшем случае, больших потерь баталиона, с другой — а вдруг обстановка совсем не такая, и своим отступлением я подведу всю бригаду? Приказания между тем не поступало. Беспокойство стало передаваться кр-цам, хотя они и не слышали нашего разговора. По цепим поползли словечки „окружают", „наши отступили"... и проч. Настроение создалось нервное.

Когда, наконец, из леса дружно заработали польские пулеметы, над головами вновь залетали снаряды двойного действия, а из опушки леса, что правее, показалась польская цепь, я сказал Власову:

— Отступай по одному. Я отвечаю.

...Это было незабываемое отступление. Деревня, зажженная снарядами, горела в 3-х местах. Едва наши стали подыматься, чтобы отступить по одиночке, как поляки открыли сильнейший ружейный огонь. Не отставали и пулеметы. Временно красноармейцы, перебежав кое-как с позиции, укрылись в деревне. Здесь встречаю своего ординарца, того самого, что водил пленных в штаб.

— Тов. Крейн,—кричит,—командир полка приказал немедленно отступить.

— Ты видел его?

— Нет, я не доехал. Мне повстречался начальник пулеметной команды Погорский и передал на словах это приказание. Я пленных бросил и поехал сюда, а сейчас вся дорога под обстрелом, потому что поляки уже заняли Соколовку справа и ведут наступление нашему баталиону в тыл. Я насилу прискакал сюда...

Обстановка стала совершенно ясной: значит, лишь только покажемся из деревни, попадем под польский огонь слева, не считая того противника, что гонится за нами по пятам. Все это я быстро сообразил. Действительность не заставила себя ждать.

Вышли мы на восточную окраину деревни — как будто бы ничего. Началось оно после того, как мы прошли шагов с 400. Сначала огонь во фланг, правда дальний, а потом огонь в тыл, открытый немедленно же занявшим деревню противником, разбил наш баталион на отдельные маленькие кучки бегом отступавших людей. Отстреливаться, „прикрывать отступление" никто не думал и не мог; нужно было только, увертываясь от огня, перебежать около двух верст по чистому полю. Лично про себя помню, что носился на коне между отдельными кучками людей, потерявши своего ординарца, что-то кричал, что-то приказывал, но меня никто не слушал, да и сам я не верил в свое командование, а только давал выход своему нервному состоянию. Отступление продолжалось самотеком до самого местечка Соколовки. Баталион группками и в одиночку, в различных точках, входил в местечко, уже покинутое полком. Северную конечность местечка уже занимали поляки.

Нужно было спешить. Спешно, на ходу мы соединяли отдельные группки в колонну, а выйдя на восточную окраину, остановились на 20 минут и забрали остальных. Потерь, против ожидания, оказалось не особенно много, и красноармейцы, несмотря на пережитое, были настроены весело, смеялись и зубоскалили. О не оказавшихся налицо сказали: — „все придут"... И, действительно, через день-два не все, правда, но многие нас догнали.

...Батальон в порядке отправился вслед за полком. До последнего было версты полторы. Я догнал его и разыскал командира полка Минин ехал, насупившись, рядом с Голубенко. Увидев меня, он быстро спросил:

— Ты из 2-го баталиона?

— Да. 2-й баталион занимал дер. Грабина, а сейчас по Вашему приказанию, отступил в Соколовку В Соколовке есть уже поляки.

— Много братвы потеряли?

— Человек под 30.

— Коля,—обратился Минин к Голубенко,—второй баталион идет за нами.

Голубенко быстро взглянул на меня:

— Что, привел?

— Привел. Эх, тов. Голубенко, в какую мы переделку попали. .

— Ну, и ладно,— сурово перебил меня Голубенко.—Баталиону следовать в 4-х верстах за нашим хвостом и прикрывать тыл.

.. Колонна, молча, густым лесом пробиралась на Броды. Ранние осенние сумерки вскоре опустились на лес, а потом черная сентябрьская ночь прикрыла наш марш и облегчила „отрыв" от противника.

Так покинул в 1920 году Галицию 405-й стрелковый полк.

Э. САВЕЙКО.

На страже боевого духа.

Что моральное состояние бойцов имеет очень большое значение, это хорошо известно всем и наглядно подтверждено историей гражданской войны. Немалую роль играла в наших успехах уверенность в своих силах, в победе над врагом, убеждение, что противник должен быть нами разбит и т. д. Конечно, нельзя забывать основного, это—классового характера войны. Кто находится за спиной белых армий, красноармейцу было вполне ясно.

Но были моменты и упадочного настроения в силу разных причин, после поражения или паники, неудачного выполнения задачи, чрезмерной усталости и др. В таких случаях роль командира и политработника была особенно ответственной. Основной задачей являлось создать боевое настроение. Для этого были разные возможности.

Первое—это, конечно, личный пример командира, политработника, которые в большинстве были авторитетны среди красноармейской массы. Боевая обстановка быстро проверяла и давала закалку им.

В минуты упадка в частях дивизии особенно ободряющее действие оказывала весть о содействии кавбригады тов. Котовского; довольно было сказать, что бригада Котовского идет на поддержку, или наступает правее, левее нас, как красноармейцы быстро сбрасывали уныние и дружно шли в наступление. Уверенность в котовцах и любовь к ним были чрезвычайно велики, красноармейцы знали, что котовцы не подведут, погибнут или дадут жару врагу.

Конечно, не обходилось дело и без карательных мер в целях поддержания суровой фронтовой дисциплины. 405 полк знает случаи и расстрела паникерствующих, но это были единичные случаи.

Приведу пример особенного под'ема духа всех бойцов полка. Это бой 405 полка под д. Кожанка 30 мая 1920 года, когда в цепь пошли почти все нестроевые, как например, писаря, команда связи, телефонисты, обозные, вплоть до кашеваров и других, в обязанность которых не входило быть непосредственно в передовой цепи. Каждый желал участвовать сам лично, непосредственно в бою, оказать помощь друг-другу, все хорошо отдавали себе отчет, что в полку слишком мало штыков, поэтому бросили свои обслуживательские обязанности и устремились в цепь. Этот под'ем был вызван известием, что вместе с нами работает конница Буденного и от наших действий будет зависеть успех его прорыва в тыл польским армиям.

Порыв красноармейской массы был настолько силен, что без особых потерь под дружным натиском наших бойцов противник был вынужден бежать из хорошо укрепленных окопов, загражденных проволокой в несколько рядов, бросив на месте четыре орудия, которые он не успел испортить, и др. трофеи. Эта победа подтверждает, что и хорошая техника не могла помочь полякам против настойчивости охваченных под'емом кр-цев и, только благодаря тому, что у нас не было резерва, который должен был развивать успех, и кроме того, оборванные и босые кр-цы, вместо того, чтобы преследовать выбитого с позиции противника, увлеклись польским „барахлом“, поляки восстановили свое положение, причинив нам в этот день значительные потери.

Большое значение имели в полку добровольцы, полковые старики-патриоты; очень много было случаев, когда в трудную минуту они выручали, являясь опорой в полку.

Э. О. Савейко — рабочий-путиловец, участник июльских дней 1917 г. в Ленинграде, военком 405 полка 45 дивизии на всем его боевом пути. Стойкий, самоотверженный комиссар, выдающийся боец, завоевавший высокой личной храбростью огромный авторитет среди красноармейской массы. Награжден орденом Красного Знамени. С 1926 по 1928 год председатель Проскуровской ОкрКК. Сейчас студент Киевского КПИ, командированный на учебу ЦКВКП(б) в счет „1000“.

Один из многих таких случаев. Полк стоял на позиции Галузинцы-Шеинцы-Комаровцы (март 1920 г.). Штаб бригады стоял в м. Бар. Поляки лощиной прошли через фронт и заняли м. Бар, оказавшись у нас в тылу. Настроение красноармейцев было подавленное: сильная усталость, истощение от непрерывных тяжелых боев... В полку имелось большое количество бывших деникинцев, взятых полком на службу из числа пленных, после разгрома деникинских армий. Эта нежелательная мера была вызвана стремлением пополнить ряды, компенсировать потери, особенно чувствительные благодаря свирепствовавшему тифу: много бойцов мы оставили по госпиталям и хатам, на всем пути полка от Балтийского до Черного морей. Впоследствии мы убедились, что сделали ошибку: пленные деникинцы не являлись боевой силой, т. к. эта публика была окончательно деморализована; долгое и паническое их бегство от Красной армии оставило свой отпечаток, и сверх того, конечно, среди них осталось немало бывших стражников, полицейских и другого хлама.

И вот лучшей проверкой этой массы было положение, в котором мы очутились. Как только стало всем известно, что мы находимся в окружении, стали слышны голоса: „нас продали“, „служили у Деникина,—будем служить и у других“,

„коммунистов расстрелять" и другие контр-революционные выкрики.

Комбриг Голубенко и военкомбриг Гольденберг успели уйти от поляков, хотя приехали без шапок, чуть ушли в окно. Из штаба дивизии, находившегося в вагоне близ Жмеринки, поступило последнее приказание, немедленно наступать на г. Бар и восстановить положение, но идти было не с кем: большой процент деникинцев разлагающе влиял на голодную, разутую и усталую массу, лежавшую вповалку на земле. С такой массой в бой идти трудненько, и мало шансов на какой-либо успех...

Один был выход, который мы применяли в крайних случаях, это—подача команды:

„Кто за Советскую власть, становись! Коммунисты и добровольцы вперед!", и несмотря на крайнюю деморализацию эти лозунги всегда выручали, а по остающимся на месте можно было определить шкурный и враждебный элемент из деникинской публики. Так было и на этот раз. Задачу полк выполнил с честью, положение было восстановлено. Основное ядро бойцов не подвело...

Приведу пример из боевой практики, когда хладнокровие командиров и политработников решает положение. Полк пришел в село Багриновцы недалеко от Литина в день перемирия с поляками, кажется, 18 октября. Это село должно было войти в нейтральную полосу между нами и поляками. Не успели зайти в село (уже был вечер, темно), как по селу раздались крики „Слава!". Оказывается, что вслед за нами в село влетели сотни пьяных гайдамаков. Поляки нам услужили и напустили в проектируемую нейтральную зону всех бандитов и атаманов. Налет был неожиданный; у нас уже было мирное настроение, желание отдохнуть, красноармейцы были размещены по хатам свободно.

Я и Осипов поехали в штаб полка, который стоял на другой стороне реки, узнать в чем дело, но на мосту были остановлены выстрелами гайдамаков. Полк оказался разорванным на несколько частей.

Положение гайдамаков было выигрышное: инициатива у них, они действуют по ранее намеченному плану и пользуются сочувствием и активной помощью кулацких элементов села. Село Багриновцы—крупное, с большим процентом кулачества. Много в нем было бывших людей, офицерства, фельдфебельщины, полицейских, стражников и других. У нас же создалась некоторая растерянность среди красноармейцев оторвавшегося 1-го баталиона. Командир баталиона Устименко, бывший капитан, служивший комбригом у Петлюры, в такой момент особого доверия не заслуживал, хотя ранее, в боях с белополяками, он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. За ним учредили надзор.

Кое-кто был ранен. Петлюровцы наглели. Один из них, в темноте не рассмотревши нас, посчитал нас за своих и стал об'яснять, как можно всех красных не выпустить из села и перебить до одного человека. Разговаривать не было времени; красноармеец Гуренко пустил его „в расход", после чего еще человек 12 местного населения было задержано. Нужно было переломить настроение у кр-цев, поэтому приказали кричать „ура" и залпами в темноту заставили петлюровцев отступить. Таким образом, вышли из трудного положения без особых потерь, потому что не растерялись командиры и политработники.

Ком'ячейка 405 полка (декабрь 1920 г.).

Второй пример: когда группой в 7 человек комсостава и ординарцев при одном пулемете на тачанке под дер. Обухов 12-го ноября 1920 года было взято около 300 пленных и 4 орудия, и только одного потеряли убитым: ад'ютанта артдива тов. Ширяева, который был заколот штыком, когда он ворвался в гущу петлюровцев. Такой успех одержали, потому что не растерялись, допустили противника к себе в самый упор (мы были в кустах и он нас не видел) и неожиданным огнем из пулемета заставили его бежать в панике. Нам оставалось группами отрезывать беглецов и, обезоруженных, загонять в свой тыл, держа их все время под дулом пулемета.

Таких моментов полк знал много, и смелых и мужественных бойцов и командиров масса знала и видела, а это воспитывало ее в духе соревнования, никому не хотелось подкачать. Каждый боец становился патриотом своей части, любил ее, отставши от нее по причинам ли ранения или болезни, он по выздоровлении за тысячи верст

отыскивал только свой 405 полк. Много у бойца связано было с ним боевых воспоминаний, он верил в его силу, он помнил, как часто выходил с ним из трудного положения и как били врага.

Не малую роль играла поддержка нас со стороны населения. Были случаи, когда парни в крестьянских одеждах, часто со своим оружием и командирами, вливались к нам в полк. Один из таких отрядов к нам влился под Кременцем с тов. Костюком. Поляки хорошо помнят факты, когда стихийно на почве их завоевательских методов создавались партизанские отряды, содействовавшие нашим частям.

Большее время полком командовал тов. Минин. Он, как командир, имел необходимое качество—это уметь передавать приказание подчиненному. У него в голосе сомнения не было слышно, хотя, бы он сам и не отдавал себе отчета в обстановке. Он решался необыкновенно быстро. Боевой приказ отдавался чрезвычайно просто и легко: „Ты, Бушечкан" (командир батальона), „ударь противнику в лоб, а Шанцевой" (начальник пешей разведки) „зайдешь ему в тыл". Вот, примерно и все. И часто так оно и получалось, задача выполнялась, не раз полк гнал во много раз сильнее себя противника.

Группа пехотинцев 405 полка во время боев в Галиции.

Боевая спайка среди бойцов сильна, живет и сейчас. Разбросанные по разным углам Союза, мы знаем, кто где находится, связь есть. Только нужно больше внимания передовым заслуженным бойцам, которые ищут своих командиров, комиссаров за тысячи верст, чтобы пожаловаться на несправедливое к ним отношение местных органов власти, отсутствие работы и другое.

Больше внимания командиру запаса и демобилизованному красноармейцу!

М. БЕРЛЯНТ и Д. БИРГЕР.

В боях с польской шляхтой.

Еще живет
В ноздрях коней
Днестровской шири
Влажный запах,
Но тучами тучнеет Запад,
О новой говоря войне.
Завернутые на скаку
Приказом Реввоенсовета,
Идут полки,
Сквозь вешний ветер,
Дробя песок и осоку.
Идет
По взрыхленной земле,
По широте
Полей зеленых,
Под говор
Звонких трензелей,
Поток бойцов неугомонных.
Идет в поход
Дивизия.
„Всегда вперед!" —
Девиз ее.

I.

Шенцы.

Крут многоверстный переход.
Пылит поход
Пехотных рот.
Встречать гостей непрошенных,
Шатая шагом горизонт,
Дивизия на польский фронт
Весною переброшена.

* * *

Ночных атак
Огонь разит.
Ногам не вылезть

Из грязи.
Земля, жирея, чавкает.
12 памятных боев...
Убитыми
Набитый ров
Был первой страшной ставкою.
Запомнила река Ровец
Бесперебойный стук сердец,
Пропитанных железом,
Когда на вспененном коне
Принес известие гонец,—
Что баталион отрезан.
Заслоны рвут,
Идут вперед
По склизкой вязкости болот,
Хромая на обочинах...
И кровью терпкою плюет,
И обнимает пулемет
Наводчик Кривобоченко.
Двойной огонь
Сквозных атак,
Погонь
И рубки духота
Не так легко
Забудется;
Был опален
И запылен
Прорвавшийся баталион,
Прошедший сквозь распутицу.

II.

Мятеж галичан.

Режим голодного пайка
Не сломит бодрый дух полка —
Он, если нужно, двинется;
Но в папке штаба
„Спит" приказ;
Штыки и сабли
Ждут пока
В садах весенней Винницы.
Штурмуй науку
До зари!
Рубакам в руки
Буквари
На отдыхе даются.
Но это отдых
До поры.
Огонь походов тех
Горит
В призывах резолюций.
Гремит,
Дымится
Важный строй
Походных кухон
Над рекой,
А в городском театре
О тетрадках,
Букварях,
О новой школе
Говорят
Армейские ораторы.
... Но вдруг—
Смятенье,
Залп шальной...
И слух встает
Над тишиной—
О том, что за плечами,
За пыльным шляхом
Враг шалит,
Что к польской шляхте
Перешли,
Восстали галичане.
(Солдат дурачили ксендзы,
Офицера, хорунжие,
И за обманный их призыв
Должны солдатские низы
Панам продать оружие).

* * *

Гудит вокзал.
Набит перрон
Войсками до отказу.
За залпом,—залп
И прорван фронт,
И части ждут приказа.
По шпалам
Шпарит паровоз...
— „Постой, „Максим"!
Кого привез?
Эй, земляки! Откуда?"
„—Из плена мы!
Катим домой!
Но ежли бой,
Так можно, в бой!"
И воздух
Взорван гудом...
И утром
Лобовым ударом
Противник
Выбит из казарм.
А полк 402-й
С кольцом врагов
Вступает в бой,
Поддержанный бригадою.
И песня гнева—
Горяча...
И бунт погромный
Галичан
Расколот клином надвое.

* * *

Но прет поляк,
Растут волки его
И мы отпрянули
От Киева.

* * *

Мы отходили,
Как гроза,
Копя и впитывая гнев;
И щелкало
Кнутом в глаза
Высокомерное:
„Пся крев!".
Неужто мы тебя,
Волынь,
Уланам польским
Отдадим?!..
Клубится на полях
Теплынь
И канонад
Лиловый дым,
И шитый золотом жупан

В лицо крестьянам
Пялит пан.
Но хлеборобов злы глаза
И крепнут вилы партизан.

III.

Кожанка—Белая-Церковь.

Под Фастовом
Горят поля
И хвастает
Белополяк;
Но скоро лопнет спесь его—
Идет
Буденовский карьер
И за барьером
Рвет барьер
В дорожном,
Пыльном месиве.
Клинок каленый
Показать ему—
Идут колонны
До Казатина.
В звоне,
В батарейном громе
Рвутся кони
На Житомир.

* * *

Над Белой Церковью—
Луна,
Под Белой Церковью—
Война.
И вот,
Украинские ночи
Бомбардировкою
Грохочут.
И разразилась враз гроза
Об этом
Рассказать нельзя,
Как шли бои
Под Кожанкой,
Как падали в траву
Глаза
У приднестровских партизан,
Пальбой в упор
Подкошенных.
Вот из лесу
Опять грозят,
Но двинуться назад
Нельзя
С песка,
От крови вязкого.
Не сдастся раненый врагам.
И политрук поднял наган
К виску...
И нет Муравского.
... Тачанки.
Крики и стрельба.
И падает, в крови, комбат
На изгородь колючую.
Строка приказа
Бьет в набат.
В ней имена бойцов гремят
Храбрейшие и лучшие.

* * *

Но неусыпен гром тревог.
Великолепен был рывок,
Полки в атаку двинувший;
Упорный, пыльный топот ног
И вольной воли огонек,
Глаза и мускулы пружинивший.

IV.

Голый дивизион.

Ольшанка.
Зной палит, пыля.
Потеют в поле
Тополя.
Изнемогает конница.
На роздыхе между тревог,
Заводят
Лошадей в ставок
Под беспощадным солнцем.
Бултых с разбегу!
И тогда—
Пузырясь,
Фыркает вода
И лопается в хохоте.
Но ждет за берегом
Беда...
Внезапно рушится
Удар
В смятении и грохоте.
Загаром крытые тела,
Да в чем мамаша родила.
Ну, что-ж его поделаешь?!
Котовский в раж:
„Марш, марш! Пошел!"
И мы помчались, нагишом,
На эту сволочь белую,
Ремень на мокрое плечо...
Но мы рубились горячо.
А положенье аховое.
Враг замолк—
Он поражен;
А голый наш дивизион
Знай,
Саблями помахивает.
Криворучко впереди
Густые цепи
Бередит.
А справа,
Горяча отвагу,
Полк ведет
Товарищ Нягу.

V.

Бой под Ново-Мирополем.

Ночь расцветала
Во всех садах,
По буеракам размытым.
Июньским угаром
Воздух пропах,
Лошадиным навозом
Сытым.
Сквозь изгородь веток,
Плыла заря,
Сквозь проволочные загражденья.
В тиши траншей

Поляков отряд
Лежал
И не ждал нападенья.
Звезды полыхали,
По облакам скользя.
Ветер свистел по-полю.
Во что бы то ни стало
Надо было взять,
Занять
Ново-Мирополь.
А тут,
Роса оседает в траве,
Лучи подымаются
Настойчиво.
И вот,
Уже начинается рассвет,
А с проволокой
Еще не покончено...
Но тут подбегает
К окопу командир.
Руками,
Ногами,
Коленями,
Он проволоку рвет
У себя на груди,
Шляхетские
Рушит укрепления.
Гранаты скрежещут
И воздух рвут...
Пальба из польского окопа...
И пулями сраженный,
Падает в траву
Комполка товарищ Попа.
Пальба разрывается
Во всех зеленях,
Солнце начинает бомбардировать.
И нет возможности
За линию огня
Вынести
Тело командира.
Но рвется уже
С фланга на врагов
Конницы неслыханный топот.
Отряд,
Потеряв
Лучших бойцов,
Вступает
В Ново-Мирополь.

VI.

Баллада о коммунистическом отряде.

Коммунистический отряд!
Былых боев
Живая слава!
Когда рубились,
Влево, вправо,
Своим примером
Всех бодря,
Когда вставал
Над грозной кручей
Огонь не дрогнувших знамен,
Когда рекой —
Кровавой Случью—
Был даже воздух
Утомлен.
Когда у хутора Барбаровка
Патроны
Вышли у бойцов
И с криками „ура!"
С ударами
Отряд рванулся
На врагов,—
Тогда металось
Время бешено.
Белополякам—удирать
Тогда.
Под конными и пешими,
Земная лопалась кора.
Лицо здесь храбрости
Увидевши,
Поляков
Оторопь брала.
Всегда негнущаяся
Выдержка
У нас отличием
Была.
И храбрость
Шла бок-о-бок с нами
Несли отвагу
На плечах,
Над потрясенными
Полями
В победных
И взметенных днях.
Упорством
Горяча друг друга,
По кровью залитой
Земле,
Шли мы от Случи и до Буга
До пышных
Галицких полей.
Мы помним,
Как огонь неистов,
Багровых туч
Крутой вираж.
Так умирали
Коммунисты,—
Пустой сжимая патронташ.

VII.

Кременец-Почаев.

Вороний грай играет.
Панов дела плохи.
В Галицию вступают
Дивизии полки.
С ловкою
Сноровкою
Ринувшись в борьбу,
Конница Котовского
Ворвалась в Катербург.
Вот поляки,
В пику вам
Геройские дела!
Через речку Икву
Бригада перешла.
Горячкой потасовки,
Вихрем с берегов,
Врезался Котовский
В глубокий тыл врагов.
Над широкой балкой,
На полях гречихи—
Ветер перепалки

Никогда не стихнет.
О, деревня Горинка!
Не нам тебя забыть —
Смешанное с горем!
Биение судьбы!
Строка обезоружена...
Вырвался крик.—
Падает, контуженный,
С коня
Комбриг.
И мстя за комбрига,
Пики изломав,
Несутся с криком
По ярам и холмам,
По ростоши,
По чистой,
Где ворон
Бьет крылом,
Мчат кавалеристы
Напролом.
Тачанки
Прут по тракту.
Звенит
Боев пожар.
И гордой шляхте
Приходится бежать.

VIII.

Взятие Дубно

Катится полдень.
Он зноем облит,
Прогорклым настоем полей.
И солнце сигает
За горбыли,
К вершинам
Густых тополей.
И каждая ночь—
Скопление тьмы,
И каждый вечер —
Пыльная тень.
Через фольварки,
Мимо корчмы,
По 20 верст в день.
Сухая долина
И вьющийся хмель.
И в хмельниках,
По ночам,
Для пехотинца
Готова постель
С охапкой травы
У плеча.
Ночами свежеет
Дыханье луны.
Гармонь
У фруктовых садов...
У красноармейцев
Ранцы полны
Гранатами груш, арбузов.
Но осень,
Взорванная войной,
Встает над полями, грозя;
И вот, накален
Каменистый зной
И натиском Страклов взят.
Горит позади
Речка Горынь.
Самолеты кружат
Над становьем.
Волынских крестьян
Широки дворы
И пропитаны
Потом воловьим.
Форт Тараканов
Стоит на горе —
Он валом опоясан
Земляным.
Поляки окопались
В каменной норе,
За стойким прикрытием
Лесным.
Здесь дрались
За каждую пядь земли.
Такие бои
Надо выискать!
Плыла канонада
И тучи плыли.
Атака
Сменялась вылазкой.
Обугленным ветром
Несло от ракит.
Снаряды швырялись крупно...
Четыре раза
Брали полки
И отдавали Дубно.
По житу бежали,
По мокрой траве,
Болотный ширился шаг,
Падали в рвы...
Подымался рассвет,
Ветер свистел в ушах.
Но дружен натиск
Испытанных когорт.
С выдержкою обычною
Мы ворвались
В стынущий форт,
Захватив богатую добычу
И вот, гранатные зарева
Тухнут.
Бредет по Тараканову
Радость побед.
Враг оставил
Дымящиеся кухни
И славный,
Горячий обед.

IX.

Песня

Про великие
Привалы
И про зарева
Говори-ка
Запевало,
Договаривай!
Где воловьей
Слюной
Полон дух
Полевой,
С Приднестровья.
Войной
Шли полки
Подо Львов...
Не напрасно

Враг в бою
Сметен начисто.
Ай-да красное—
Поют—
Да казачество.

* * *

В поле пиками
Крутило,
(Жаркой жатва была!)
Да копытами
Пути
Пропечатывало.
В конском мыле
И в пыли,
В бой тачанка
Неслась...
Тут-то двинулись,
Пошли
Вражьи танки
На нас.
Сыплет конский
Цок
Ветер злости
В лицо,
А на кости
Бойцов
Черный ворон сел.
Ты постой,
Погоди!
Будет бой
Впереди.
Мы еще поглядим,
Да поборемся!

* * *

Жжет жаровней
Высота.
Час неровен—
Бьет беда.
Жмут на Ровно
Поезда
Бронированные.
Вот на Ковель
Прут.
Вот окопы
Берут.
Чем заштопать
Дыру
Фронта прорванного?
Только помнит
Буск
Крови темной
Вкус.
Волны Буга
Долго помнить
Будут
Сизые-
Как в отчаянной мгле
Галицийских полей,
Под огнем
Не сдавалась
Дивизия.

* * *

Клубный вечер на фронте.

Октябрь месяц. Лихорадка отступления закончилась. Дивизия снова в полосе позиционной войны. Дивизия заняла свою линию, сдерживая наступление поляков.

Уже можно и немножко отдохнуть, „побаловаться" пьесой, инсценировкой.

...Сегодня воскресенье. Бригада разбросалась в селе, отойдя в резерв всего на один день.

Но уже оркестр полка расположился в селянском дворе-клуне и добросовестно перебирает одну вещицу за другой: польку, венгерку, молдаванскую, руский козачек, украинский гопак.

Уже кружатся в танцовальном вихре красноармейцы с селянками.

Группа политработников 135 бригады.

Здесь же во дворе в большой клуне сняли двери, приделали занавес, сбили подмостки, на серых палатках разрисовали декорации.

Что это? Неужели?.. Мягкая красная мебель, большое зеркало, ковры. 4 лампы ярко освещают сцену.

— Достали ребята, вот проворные, — говорят красноармейцы.

— Сейчас будут представлены пьесы Чехова „Предложение" и „Медведь"—об'являет молодой парень в потрепанной шинели.

Сегодня ни больше ни меньше — литературно-музыкально-вокальный и танцовальный вечер. На фронте, конечно, такого вечера не устроишь, но сейчас ведь — в резерве, хотя и на один день,

хотя и слышна канонада артиллерии, хотя поляки совсем недалеко.

Но раз отвели в резерв — даешь танцевальный вечер.

Собираются красноармейцы, они в полном боевом вооружении. Ружья в козлы поставили, оставили дневальных, а сами уселись на траву.

Перед началом спектакля политическое слово военкомбрига. Он говорит о том, что стремление Советского правительства установить мир с поляками самое искреннее и настоящее. Но поляки умышленно оттягивают, поляки хотят еще крови и бойни.

Потом говорит комбриг.

Он говорит о том, что мы должны овладеть знаниями.

Слово комбрига о борьбе с неграмотностью, здесь, когда еще слышна далекая артиллерийская канонада, когда фронт в 2-х шагах.

Но это слово о знании, брошенное здесь у фронта группе бойцов, составивших винтовки в козлы и расположившихся у сцены, может быть, на час — на полтора, разве не призыв к борьбе и на другом фронте, который развернется, когда окончатся военные фронты, когда не нужно будет тащиться по степям и полям, когда не нужно будет перевязывать раненых и подсчитывать убитых?

...Красноармейцы тепло провожали своих командиров.

На сцене мелькает чеховский „Медведь". „Медведя" играет красноармеец артдива тов. Кириченко. Красноармейцы аплодируют своему товарищу, а сестра тов. Чайковская, сменив свой белый фартук на „кокетливую" блузку героини, сегодня играет в обеих пьесах.

Потом играют на скрипке под аккомпанемент... двух гитар, не пианино, а двух гитар. Под аккомпанемент пианино может быть и лучше, но не притащишь же сюда пианино, в клуню, где сняли двери, сбили подмостки, на серых палатках разрисовали декорации...— еще и пианино!..

„Концерт"— это, итальянский вальс „Городская жизнь", „Украинское поппури" и... „Не искушай меня".

Особенно аплодировали „Не искушай меня". Фронт, бои и... „Не иску-ушай меня"...

Это может быть похоже на горячий лед, на круглый квадрат, но это так.

...Поздно ночью расходятся красноармейцы по своим местам.

Завтра выступаем на фронт.

В. ТАЛДЫКИН.

Из дневника политрука.[1]

1. Мы едем на фронт.

Сегодня отправка на фронт. Настроение у красноармейцев боевое. На нарах в строго размеренном порядке лежат шинели, вещевые мешки. Группами разбросались по нарам красноармейцы. По казарме идет гул человеческих голосов, то утихающий, то усиливающийся. Спорят. Доказывают один другому. О чем они говорят, о чем они спорят? Подхожу к группе.

— А на какой фронт мы поедем, на польский или на барона?—бросает в группу своих собеседников, точно камень, вопрос высокий, белокурый, с несколько улыбающимся лицом, красноармеец.

— На польский фронт, знамо дело, там в последнее время наши дела осложнились,—отвечает кто-то из группы.

— Брось ты со своим осложением... На врангелевском куда хуже, — вот туда и поедем.

Спор разгорается все ярче и ярче.

— Да что ты понимаешь, тульский самовар?

— Товарищи, вы слыхали, что он сказал? — обращается обиженный к аудитории.

— Ну да, вот и сказал, и повторяю. Тульский са-а-мова-а-ар!..

Я вмешиваюсь в спор:

— Некрасиво, ребята, нельзя же так!...

— Вот, тов. политрук, скажите нам, на какой фронт мы поедем?

— Откуда я знаю, ведь это военная тайна.

— Ну ладно, а на каком фронте лучше воевать, на Южном или на польском?

— Как кому нравится, по моему, нам нужно добить и поляков и врангелевцев

— Да оно то верно...

Разговор наш обрывается. С верхних нар доносится шопот:

— Вань, а Вань, вот, ехамши мимо Горбачева, зайдем штоли домой?

— Да нет уж, куда там домой, дезертиром засчитают...

— Кой там дезертиром! Так со своими попрощаться!

В группе раздается громкий смех.

П. Талдыкин — рабочий-столяр г. Москвы. В Красной армии с 1918 г., в 45 дивизии, с августа 1920 г. в должности политрука 399 полка. С 1921 по 1924 год политрук 135—134 полков 45 дивизии, затем военком О. Р. С. 45 и секретарь партбюро 134 полка. Сейчас секретарь ДПК 45 дивизии.

---

[1] Печатаемые записки принадлежат перу политического руководителя роты. Они охватывают период уже относительного боевого затишья на польском фронте для нашей дивизии, а период борьбы с Петлюрой освещают лишь „по пятам отступающего противника". Это не записки, описывающие все перипетии боев полка. И они ценны не с этой точки зрения. В этом дневнике политрук рассказывает о бытовых сторонах жизни бойцов и командиров, просто и правдиво показывает настроение бойцов, рисует их нам со всеми плюсами и минусами, свойственными живым людям.

Автор попутно касается и отдельных моментов партийной работы. Сам он рабочий. В описываемый им период „кроме газет ничего не читал", и не обладал особыми политическими знаниями. Рассказы о красноармейских буднях во фронтовой и прифронтовой полосе написаны искренне и не без юмора. Это—сама жизнь. *Ред.*

— Ишь, ребята какую стратегию надумали...

— Да, што ни говори, а на фронте не та жисть, што в тылу—начинает старый красноармеец. Ежели не проклятое ранение, то не променял бы ни на што. Первое тебе—шамовка на ять. Второе тебе,— што командир, што красноармеец — одна семья. Ты босиком, и командир босиком. Ты лежишь в цепи, и командир рядом с тобой. Надоело слушать ваши споры, на каком фронте лучше, да куда поедем, а тут еще кто-то затянул, што мол войну долго тянут, дома хозяйство разваливается. Эх, братва! На фронте знай одно дело, руби и пали врага...

Звенит сигнал по казарме, а вдогонку ему по огромным комнатам здания несется команда:

— Становись!..

Быстро „заамуничиваются" красноармейцы и выбегают во двор. Забираю и я свою винтовку.

— А верно ведь там, где то в бюро ячейки, партийный билет мой на перерегистрации, надо б забрать, — мелькнула мысль.

Бегу к секретарю ячейки.

— Рота уж построилась, мне билет бы тут.

Секретарь бюро развертывает список и, отметив карандашом птичку против моей фамилии, отдает мне билет.

— Ну прощай, счастливо вернуться.

— Прощай...

Я выбегаю из комнаты и по лестнице мчусь вниз. Рота уже двинулась. Оставляем Спасские казармы и по улицам Москвы шагаем к вокзалу.

Красные товарные вагоны уже стоят на пути, ожидая своих незатейливых пассажиров.

Начинается погрузка, и шумом многоголосым наполняются вагоны и вокзал.

Я собираю коммунистов.

— Вот, Симонов, ты будешь находиться в этом вагоне, а ты, Алябьев, в этом. Смотри, как ребята, что они, ну и вообще, что много говорить... Дезертиров абы не было...

Кто-то затянул веселую русскую и первые звуки песни, поддержанные дружным хором кр-цев, быстро выросли в могучую волну.

— Весело у вас? — обратился с вопросом комиссар эшелона. — Вот слушай-ка, там надо получить листовки и раздать бы ребятам.

— Хорошо, сейчас пошлю...

Минут через десять наши вагоны отчеканивают размеренный такт... Посвистывает паровоз, тонет в голубой дали Москва, и поезд, вырвавшись в чистое поле, как конь, выскочивший из конюшни на волю, мчится безудержно вперед.

Проезжаем Тулу, Орел, Курск. Как все эти станции похожи одна на другую! И если бы переменить вывески, скажем, у Орла украсть и передать Курску, или же сделать обратную процедуру, то навряд ли кто нибудь это заметил.

Вечером следующего дня под'езжаем к ст. Харьков. По полотну железной дороги, то тут, то там разбросаны костры. Эти куски огня, точно факелы, освещают нам дорогу.

— Ну как, тов. политрук, узнал, на какой фронт едем то?

— Откуда же я узнаю?

— А мы вот узнаем.

— Ну еще бы, из Харькова ведь два пути, аль направо на поляков, аль прямо—к Врангелю...

За эти шесть дней я уже не плохо познакомился с красноармейцами. Ребята живые. Есть товарищи, хранящие в своих корзинках и сундучках сочинения русских классиков. Сегодня один красноармеец, перелистывая толстую книжку, спрашивал меня:

— А это вот читали?

Я взглянул на обложку. Черные буквы шрифта хранили название: „Воскресение. Лев Толстой".

— Ишь, что читают,— подумал я.

— Ну, а вы то читали эту книжку, или, может быть, на курево приобрели?

— Нет, зачем, тов. политрук, книжка хорошая.

— А скажите, тов. политрук, что это за организация в Англии „руки прочь от Советского Союза?"

— А скажите, что сейчас на фронтах слышно?

— А почему вот хлеб берут дома на селе отряды разные?

Они, точно, пчелы, окружили меня и засыпают вопросами. Мне радостна и приятна эта любознательность, и я отвечаю на вопросы. В мозгу бьется мысль: „Хотя бы не задали какого нибудь заковыристого вопроса, ведь я и сам то слабо разбираюсь".

Ах, как мне хочется сейчас быть хорошим оратором. Эта назойливая мысль бурлит в мозгу и будит свежие воспоминания. Я помню, в 1919 г., работая в тульских мастерских, я очень любил ходить на митинги. Приду, сяду где-нибудь поближе к первым рядам, вопьюсь глазами в докладчика и слушаю. А он, бестия, говорит час, говорит два. И откуда это у него берется?

— Так зачем эта организация в Англии, т. политрук? — выводят меня из мечтательного состояния красноармейцы...

...Уже поступают первые жалобы.

Сегодня кр-ц Симонов рассказывал, что на одной станции ребята стащили гуся.

Ну вот тебе и на! Началось. Надо будет подтянуть, кого следует!

Паровоз дал свисток, и мы тронулись по направлению на Киев.

— На поляков! Даешь поляков! — раздались голоса из вагонов и потонули в свистках и криках.

— Тов. политрук, в какую дивизию мы назначены?

— Не знаю...

Новая история. Я слушаю эти новые вопросы красноармейцев и уже сам мысленно наперед задаю себе следующие вопросы. Я знаю, когда мы приедем в дивизию, пойдут распросы о полке, в полке — о роте, в роте...

Леса обнимают железную дорогу и провожают нас.

2. Приятное разочарование.

Проехали Киев. Заболел политрук 2-й роты и его пришлось отправить в госпиталь. Плохо, что болеют коммунисты...

Между Казатином и Винницей казус, доставивший нам немало смеха. Утром, когда еще братва спала, один красноармеец, открыв дверь вагона, заорал во всю глотку:

— Поляки! Товарищи, мы окружены.

— Что за чертовское дело, — думаю,— откуда поляки?

Тишина. Стрельбы нет никакой. Смотрю на красноармейцев, некоторые уже схватывают вещевые мешки, набивают карманы сахаром и табаком, так сказать, „готовы к отступлению". Соскакиваю с нар. Действительно, на поле огромная лава кавалерии развернутым строем плывет по направлению к нам. Мы пристально всматриваемся в эту лаву. Наш поезд идет ей навстречу. Уже совсем близко, мы видим их лица. Кавалеристы улыбаются и машут руками.

— Вы туда на фронт? — спрашивают они, указывая на юг.

— Да это кавалерия Буденного, вот так фунт,— раздается сразу несколько голосов.

— Да, да, на юг, на поляков!

— Но почему же они все в польском обмундировании? — сыпятся новые вопросы.

— Да это надо так считать, сколько польских костюмов на них, столько и поляков разбито.

Наш поезд взбирается на под'ем. Медленно и постепенно тянется в гору состав. Вот мы и с глазу на глаз с нашей конницей.

— Ура!.. Ура!.. Да здравствует славная армия Буденного! Ура!..

Мы оставляем позади кавалеристов, и еще долго смех вперемежку с едкими, ироническими, но не злыми замечаниями красноармейцев в сторону первого, поднявшего панику, искрится в вагонах...

Скоро мы будем на фронте!

3. „Какая это 45-я дивизия?.

Станция Винница.

— Выходи из вагонов!

— Ну что, тов. политрук, приехали?

— Да, приехали.

Собственно говоря, зачем они задают мне такие вопросы? Ну, понятно, что приехали, Ах, эти красноармейцы! Они напоминают мне взрослых и наивных детей. Они засыпают меня вопросами. Они...

— А какая здесь стоит часть?

Ну вот, я так и знал..:

— Не знаю, товарищи.

Красноармейцы-дившкольцы 45 дивизии группами окружают нас.

— В 45-ю дивизию едете?

— Да, в 45-ю дивизию.

Мои ребята не остаются у них в долгу. Начинаются расспросы.

— А какая это 45-я дивизия?

— А на каких фронтах она билась?

— А считается ли она боевой? А имеет ли награду?

— Да! Да! Да! Дралась против Деникина, Юденича, Махно, белополяков, имеет награды, Красное Знамя...

— О, это другое дело!

Лица красноармейцев расплываются в улыбку, в глазах их зажигается боевой огонек. Из десяток глоток вырывается сразу восторженное, вдохновенное:

— Ну, это хорошо, что нас прислали в такую дивизию!

Откровенно говоря, и мне радостно, что придется воевать в рядах такой славной боевой единицы.

С вокзала отправляемся в казарму.

4. В Подиве 45 получаю назначение.

Завтра рано утром выступаем на передовые позиции и там же вливаемся в часть. Сегодня на 10 часов утра в Подиве назначено совещание политсостава полка. Красноармейцы знают о назначенном на завтра уходе на фронт, и поэтому в казарме сейчас суматоха и шум. Хозяйственная подготовка: починка брюк, рубашек и т. п. Я оставляю эту деловую атмосферу и ухожу в Подив.

Подив в здании школы. В огромных классных комнатах, точно на бивуаке, разбросались различные части и отделения Подива. Вот вам оргчасть, вот школьное отделение, вот клубное. Я присаживаюсь на парту и ожидаю начала совещания.

Постепенно сходятся политруки других батальонов, знакомимся. Завязывается разговор, расспросы о работе на фронтах и один всех нас волнующий вопрос, это о том, как лучше подойти к старым бойцам и завоевать доверие, суметь вести за собой эту массу.

— Да, товарищи,—заявляет один политрук,— Надо проявлять побольше заботливости о красноармейце, быть примерным в бою. Выпадает какая нибудь трудная операция—иди сам впереди. Главное, не будь трусом.

В комнату входит комиссар полка, секретарь парторганизации и еще один товарищ, как потом оказалось, представитель политотдела. Сделали нам перекличку. Я сижу на парте, и ученические годы вспомнились мне. Мы все так звонко отвечаем при перекличке: „Есть... есть... Я... я!.."

Начинается беседа. Отдельно с каждым товарищем.

— С какого года в партии? Какую работу выполняли? Что читали из политической литературы?

Доходит очередь и до меня.

— Поступил я в Красную армию рядовым бойцом. Читаю только газеты. Книг политических не читал.

— Мм... мм... Хорошо. Пойдете на фронт политруком,—замечает представитель политотдела.

Возвращаюсь в роту.

— Ну, тов. политрук,—встречают меня красноармейцы,—а в роте был начальник дивизии. Мы не подкачали. Он сказал: „гарні ви хлопці!".

Они рассказывают мне все до мелочи о посещении начальника дивизии тов. Гарькавого. Я еще раз мысленно произношу:

— Да, действительно, взрослые дети!. Им бы игрушки еще!..

5. Прощальный митинг.

Театр набит битком. Плотной человеческой массой загрузили красноармейцы даже все проходы.

Шум и голоса, так свойственные этим 15-20 минутам перед началом спектаклей и митингов, сразу обрываются с появлением на сцене представительного мужчины с бородою, в черной крестьянской шубе.

По рядам проносится шопот.

— Военкомдив, тов. Ракитов... Ракитов...

— Товарищи! — бросает он в аудиторию. — Завтра вы будете на передовых позициях и непосредственно встретитесь с врагом... Наша 45-я дивизия, бойцами которой вы состоите, прошла большой боевой путь на польском фронте. Она наступала на Львов, она уходила из-под Львова, сохраняя свою боеспособность и свое оружие. За это время много бойцов погибло...

Движения его рук очень быстры, и голос его, металлический и звонкий, отбрасывает слова, точно осколки, и они будоражат мозг.

— В полках у нас сейчас осталось по 50—60 человек, закаленных в боях красноармейцев. Вам нужно учиться у них, вы увидите старых бойцов, не всегда обмундированных, как следует, но всегда горящих готовностью борьбы с польскими панами. Наш боец не знает поражения и в плен не идет,—такова традиция 45-й дивизии. Поляки стремятся разложить нас, они сулят нам райское блаженство в плену, но поверить этим сказкам было бы глубочайшей наивностью и предательством делу революции.

Докладчик вынимает из своей походной сумки листок белой четвертушки и показывает аудитории.

— Вот пропуск для прохода в плен. Этот пропуск разбрасывают поляки на позиции. Здесь написано: „Мобилизованный солдат Красной армии, ты можешь свободно с этим пропуском пройти в плен. Тебя никто не тронет, наоборот, тебя накормят и отправят в тыл, где ты можешь работать на заводе, будешь получать жалование. Не хочешь, можешь работать на селе, вместо того, чтобы страдать в Красной армии. Все равно эта армия будет разбита. Нам помогают такие сильные страны, как Франция, Англия". А вот приписка внизу этого пропуска,—замечает тов. Ракитов:—„Если сам не желаешь, передай пропуск другому".

Гул вспыхивает по залу:

— Да, мягко стелють, та жестко спати буде!

— Знаємо ми ці ласкаві слова!

— А вот,—вынимает другой документ т. Ракитов, — письмо красноармейца нашего полка из плена.. „Тяжело издеваются сукины дети, польские офицеры, над нами..."

Тов. Ракитов читает, и слова высокой правды будят гнев и ненависть у бойцов.

— „Плен—это предательство своих бойцов",— заканчивает письмо докладчик.

И теплые дружеские аплодисменты вздымаются волной по всему залу вдогонку уходящему со сцены большевику-красноармейцу т. Ракитову.

Перерыв,—и затем пьеса.

6. Красноармейцы охотятся на свиней.

Баталион двигается по дороге. Впереди и сзади по бокам дозоры. Идем час, второй. Уже обеденная пора, часовая стрелка показывает, наконец, и два и три часа, но наше движение, прерываемое маленькими десятиминутными привалами, продолжается. Начинает темнеть. Вдруг выстрел, второй, третий, а затем точно по приказу, вспышки сухих винтовочных выстрелов зажигаются по всей колонне.

— Кто стреляет?

— А черт его знает, кто стреляет!

— По ком стреляют?

— Да неизвестно, по ком!..

К нам под'езжают какие то кавалеристы.

— Что это за часть?

— Это пополнение 133 бригады.

— Что ж вы, мать... перемать... стреляете! Что вы не знаете, что здесь фронт? Подняли на ноги весь полк. Да знаете ли вы, что ежели...,—слова грузнут в липкой, сочной брани.

Красноармейцы смотрят смущенно в землю. Выстрелы утихают, обрываются. Кавалеристы поворачивают обратно и исчезают в темноте ночи.

— Ребята, а, ребята, а чего стреляли то?

— А чорт его знает!

Через полчаса выясняется, что два красноармейца, увидя в поле свинью, решили ее убить и забрать с собой. Один красноармеец дал выстрел, не попал. На помощь этому неудачливому стрелку пришел его товарищ, тоже промахнувшийся.

— Эх вы, стрельцы!—раздалось сразу несколько голосов в сторону неудачников. И вместе с тем— один, другой, третий, четвертый выстрел огласили воздух, а затем поднялась беспорядочная стрельба.

... Через двацать минут входим в м. Хмельник. Разместились по хатам.

— Слушай, хозяюшка, покушать ничего там нету?

— Да де вже там! Істоньки самим не вистачає!

Хозяйка еще что-то бормочет себе под нос по украински. Я ничего не понимаю.

Голодные, ложимся спать.

7. Я вступаю в исполнение своих обязанностей.

Утром началась разбивка по ротам. Являюсь к военкому полка, докладываю:

— Политрук 3-й маршевой роты.

— Здравствуй, здравствуй!.. На фронте был?

— Да, немного был на Южном—пулеметчиком!

— Вот и хорошо, пойдешь политруком пулеметной команды!

— А где эта команда стоит?

— Вон там, на краю деревни, пойдешь по этой уличке, которая идет от штаба, там спросишь.

Прихожу в команду.

— Кто Вы такой будете?—встречают меня вопросами красноармейцы.

— Политруком к вам назначен.

— А-а. Очень хорошо. А на фронте был?

— Да, был на Южном.

— Ну тогда, садитесь, обедать... Тов. кашевар, а ну-ка сыпаните нашему политруку борща посмачнее. Котелок-то Ваш далеко-ль?

— Да вот мой котелок!

С аппетитом уплетаю вкусный борщ. Я давно не ел такого.

После обеда красноармейцы завалились спать, а я от скуки, пошел по местечку. Мне рассказывали, что это местечко когда-то было резиденцией украинского гетмана Богдана Хмельницкого. Я незнаю, насколько это исторически верно, но рассказ я принял за чистую монету и поэтому с интересом осматривал памятники старины: дворец, отдельные оригинальные домики. Они, вероятно, видели схватки украинского казачества с польской шляхтой, не раз, думается, были свидетелями и

Za kogo walczysz Żołnierzu!

Ja ci powiem:

Za Twój Kraj polski wolny, kochany,
Za Twoją swobodę,
Za Twoją polską mowę
Za Twoją wieś, za Twój kościółek,
Za Twoją ziemię, za Twoją rodzinę
Za Twoich starych rodziców, za Twoją żonę, za Twoją narzeczoną,
Za Twój własny dom, za Twój warsztat, za Twój dobytek, za Twoje bydełko, za Twoją chudobę.

Bo to wszystko odbierają bolszewicy.
Idź, broń, walcz, aby co Twoje, Tobie służyło do użytku.

ПЕРЕВОД:

За кого ты борешься солдат?

Я скажу тебе:

За Твой Край, польский, вольный, любимый.
За Твою свободу.
За Твой язык польский.
За Твое село, за Твою церковку
За Твою землю, за Твою семью..
За Твоих старых родителей, за Твою жену, за Твою невесту.
За Твой собственный дом.
За Твой станок, за нажитое Тобой добро, за Твоих коровок, за Твоих лошадок.
Ибо все это отбирают большевики.
Иди, защищай, борись, чтобы Тебе принадлежащее Тебе же служило на пользу.

Одна из листовок, распространявшихся среди польских солдат в период боев с Красной армией в Галиции, выдержанная в обычном буржуазно-шовинистическом духе. Лживость этой „агитки“ особо ярко выступает в словах (ты воюешь) „за Твою свободу“, „за Твою землю“, „за Твой станок“, в то время, как земля и фабрики находятся в руках польских помещиков и капиталистов, „свободно“ грабящих рабоче-крестьянские массы Польши. Не без ловкости польские „агитпропщики“ играют на мелко-собственнических струнках польского крестьянина: в эту точку бьют слова: „за Твой собственный дом“, „за нажитое Тобой добро“, „за Твоих коровок, за Твоих лошадок“.

еврейских погромов в те прошлые исторические дни 17-го века. Город хранит эту грязную традицию и до сегодняшних дней; об этом повествуют следы хозяйничанья петлюровцев.

8. Затишье.

Сегодня партийное собрание. С группой коммунистов спешим в театр—место нашего сборища. Просторный зал и пепельного цвета стены, скромный столик на сцене,—вот что прежде всего бросается мне в глаза. Зал оживает, постепенно наполняясь вновь приходящими.

— Итак, товарищи, можно собрание открывать? Собралось что-то человек 30.

— Ну, конечно, можно,—раздаются голоса.

— Давайте президиум.

— Савченко...

— Прыгов...

Президиум открывает собрание.

Повестка дня,—говорит тов. Савченко, такова: 1) Всероссийская перерегистрация членов партии и 2) Работа среди местного населения. Собственно говоря, по первому вопросу, много нечего говорить. Нужно заполнить анкеты и сдать билеты для отсылки в Подив. Понятно, товарищи?

— Понятно! понятно!

— По второму вопросу слово имеет тов. Прыгов.

— Нам нужно, товарищи, поставить несколько спектаклей и прочесть несколько лекций. У нас есть драматический кружок, мало что-то коммунистов в нем. Надо, ребята, записаться!

— Да, что мы актеры какие?

— Актеры не актеры, а надо.

— Есть ли желающие выступить в прениях?

Молчат. Раздается робкое замечание:

— Да что-ж там говорить, все ясно!

— Больше вопросов нет?

Собрание закрывается.

Рывком, как-то сразу, два-три голоса начинают: „Вставай, проклятьем заклейменный"...

Десяток голосов подхватывает Интернационал, и звуки революционной песни тонут под сводами театра тут, в 2—3-х верстах от фронта.

Партсобрание 402 полка на польском фронте. У стола крайний слева военком полка т. Конфман (отмечен крестиком), впоследствии зверски убитый бандитами на Подолии в 1921 году.

После собрания заполняем анкеты и сдаем партийные билеты. Появляется завклубом.

— Товарищи, не забудьте, что сегодня репетиция, кто что нибудь умеет, приходите. Найдем всем роли.

Я выхожу на улицу. Какой уж из меня актер?

— А! Здоров, парень как живешь?

— Да ничего...

Мы разговорились с комвзводом 3-й роты, моей старой роты.

— А что ты нашивки все содрал?

— Да так себе, на чорта они!

— Нехорошо, нехорошо. Трусом могут назвать!

...Жизнь идет. Боев нет. Разговоры о фронте кажутся сказкой. Говорят, поляки тут где-то близко, а я уж две недели в полку, но не только поляков не видал, даже не слыхал ни одного выстрела.

Сегодня спектакль в театре. Вечером собираю красноармейцев.

— Товарищи, кто хочет на спектакль?

— Все хотим.

— Ну, так пойдемте!

В театре нас угощают лекцией „Культура и роль интеллигенции". Лекцию читает военкомбриг. Он говорит о культуре, как о сумме добытых человеком знаний и опыта, он подчеркивает, что хранителем этой культуры является особый слой населения—интеллигенция, что перед пролетариатом и трудящимся крестьянством встает задача овладеть...

Он говорит долго и пространно, иллюстрируя свои тезисы отдельными примерами.

— Скучно, товарищ политрук,—жалуется мой сосед.—Может, пошли-б на улицу, вздохнули-б немного?

— Да нет уж, надо послушать, учиться надо ведь...

Непонятно... Чему-ж учиться?—неугомонен мой собеседник.

Я наблюдаю, как вслед за ним уходят из аудитории группами красноармейцы и зал пустеет.

...Нервно и быстро хлопая в ладоши, провожает поредевшая аудитория докладчика, как бы говоря: „Скатертью дорожка, всего хорошего", и вслед за аплодисментами, в различных уголках огромного театра, раздаются требовательные голоса:

— Даешь спектакль!

Сценки из борьбы красных на Уральском фронте, примитивные и простые, в первом действии показывающие пьянствующую офицерию и в последнем—налет красных и разгром белых, испуганные лица офицеров, прячущихся под стол, встречаются аудиторией очень взволнованно и нервно. Актеры играют хорошо, и может быть, потому невидимой рукой переброшен мостик между сценой и зрителем, прочный крепкий мостик, ибо в тот момент, когда ворвавшаяся в комнату группа красных, арестовав офицеров, не замечает спрятавшегося под стол их коллеги, из зала раздаются голоса.

— Ванька, Ванька, тащи его из-под стола, ишь, подлюка, залез, ховается!

— Так его, так, бери его!

В актерах красноармейцы, несмотря на весь грим и попытки искусственности в тоне, в разговоре, все же узнают своих товарищей и потому в такие „высокие" моменты пьесы создается как-бы невольно эта интересная перекличка между сценой и аудиторией.

Спектакль окончен. Идем по хатам.

В потемках комнаты ищу свободное место среди разбросавшихся ребят и устраиваюсь.

Десять дней уже, как я и многие из нас, не раздевались. Завелись неприятные гости—непременные сподвижники походной жизни. Раздеваюсь, сбрасываю ботинки, веки тяжелеют, и я засыпаю.

... Просыпаюсь под крики и шум, прерываемый одиночными выстрелами где-то за окном.

— Поляки, поляки!..

Быстро одеваю брюки, натягиваю правый ботинок, ищу второй... туда сюда, нет ботинка, пропал.

— Тов. политрук, тов. политрук, сейчас едем—кричит в окно красноармеец.

Фу ты, чорт его знает, что тут делать!.. Вылетаю в одном ботинке, сажусь в тачанку и кричу конюху:

— Ну поезжай к заставе, узнаем, в чем дело!

Т р о н у л и с ь. Оказывается, польский раз'езд оказался было здесь где-то, ну его наши и обстреляли.

Возвращаемся обратно. Ночь уже пропала. Ложиться спать неудобно. Решил я найти все-таки свой ботинок. Стал рыться под лавкой. Смотрю—лежит себе, забившись в угол.

С тех пор решил я никогда не разуваться на фронте.

9. Я в роли стратега.

Кто не знает из старых бойцов Старой или Новой Синявы? Знаете ли Вы, читатель, эти Синявы?

Они мне запомнились хорошо. Помню, в сентябрьский полдень, полк повел наступление из Хмельника на Синявы. Расстояние между этими двумя „центрами" около 20-ти верст. Наступаем. Я сижу на тачанке. Впереди наступает 397 полк. Слышна орудийная канонада, потухающая в винтовочных и пулеметных выстрелах. По дороге нам попадаются раненые.

К вечеру в'езжаем в село Старая Синява. Противник где-то здесь, недалеко. Мой конюх окунается в темноту ночи, соскакивает с козел, где-то там бегает и, догоняя тачанку, снова садится.

— Чего ты там бегаешь?—спрашиваю я.

— Да тут дело есть.

Он бросает в тачанку пару уток.

Я молчу и своим молчанием санкционирую воровство. Может быть потому, что мне хочется сильно ужинать? Я не знаю. Останавливаемся в одной хате. Сегодня утром здесь еще были поляки. Сейчас они в 6 верстах отсюда—в Синяве. Мы располагаемся в комнате. Мой конюх уже познакомился с хозяином, и они вдвоем потрошат утку.

Я удивляюсь его энергии и исключительной подвижности. Прислонившись к шкафу, сидя на стуле, засыпаю.

— Тов. политрук, тов. политрук,—толкает меня кто-то.—Проснитесь, полк уходит из села.

Выбегаю из хаты. Действительно, полк тихо движется по улицам, а пулеметы на тачанках закрывают это шествие.

— Ты будешь ехать сзади в арьергарде с двумя пулеметами,—бросает мне проезжающий на лошади комполка

— Слушаюсь, тов. командир!

Ночь темная нависла над селом. В пяти-шести шагах ничего не видно. Слышен лишь шум, тарахтенье от'езжающих тачанок.

— Ну ребята,—говорю я, вбегая в хату—едем и мы скорей, скорей!

Взбираемся на тачанки и мелкой рысью едем вдогонку за полком. Темно, тишина кругом. Где же полк? Едем дальше час... перед носом вырастают хаты. Стучим в окно.

— Какое село?

— Новая Синява. А вы хто такі?—спрашивает дядька.

— Красноармейцы,—отвечаем мы.

— Так у селі ж поляки!

— Ну, братва, тікай обратно!

Повернули обратно, выехали версты две, решили никакого огня не разводить и искать дорогу.

Пошел искать дорогу я с одним красноармейцем. Ходили, ходили часа два, никак не можем найти дороги. Вернулись обратно к тачанкам.

— Нет дороги, — говорю я.—Если дорогу до утра не найдем, нас все равно поляки обнаружат. Что ж? Мы, коммунисты, будем биться до конца, а вы, товарищи,—обращаюсь к беспартийным красноармейцам—уж как хотите.

— А мы то что, хуже вас? И мы будем биться до последнего патрона! .

— Ну, тогда, товарищи, нужно все таки опять искать дорогу.

Группа красноармейцев 45 дивизии на польском фронте. Варят ужин.

Пошли опять в разведку — я и еще двое. Покрутились что-то около получаса и набрели на дорогу. Радостные, взволнованные вернулись к месту стоянки.

— Есть дорога, ребята! Едем!..

Тронулись в путь, проехали верст пять и выскочили на ту большую дорогу, по которой утром наступали.

— Ну теперь крой, ребята.

— ... Стой! Ни с места! Буду стрелять!

Остановились. Неужели поляки?—мелькнула мысль.

— Какого полка?—спрашиваем мы.

— 399-го,—отвечает часовой,—на привале мы тут!

— Ну так какого же чорта кричишь, не видишь свои едут?

— Много вас тут своих!..

Обменявшись крепкими русскими любезностями, мы, наконец, добываем себе право проезда, и через час располагаемся в хате. Мой конюх дожаривает утку, и мы уплетаем в три щеки.

Я еле удерживаюсь от смеха.

— Как же ты утку не забыл? Ведь суматоха большая была...

— Суматоха ни при чем,—утка, добытая с трудом, т. политрук.

Вся группа разражается звонким, веселым, радостным смехом...

* * *

Сегодня утром я заходил в канцелярию роты. Под руки попался список роты, Читаю. „Красноармеец Пашук—убит под Божьей Горой. Красноармеец Иванюк—без вести пропал. Красноармеец Петренко—ранен, отправлен в госпиталь..." Читаю дальше. Моя фамилия. Графа пустая...

Мысли тормозят мозг.

— Бои еще не закончились, может быть, завтра, против моей фамилии будет отмечено: убит—под...

Что за идиотские мысли лезут в голову!

10. Бой под Кумановцами.

Раннее осеннее утро. Медленно плывут сочные тучи по небу, готовые каждую минуту брызнуть на нас... Баталион медленно двигается по улицам местечка Хмельника. Мы идем на позицию. Угрюмые лица. Не слышно веселых шуток.

Собственно говоря, недовольны не столько тем, что идем на фронт, сколько тем, что сегодня был ранний под'ем. Пулеметчики сидят на тачанках. С рассеянным взглядом посматривают по сторонам, попыхивая цыгарками.

Выходим за село и рассыпаемся в цепь Поле — черное полотнище. Серыми кучами лежат буряки Движемся вперед... То вдруг свернем вправо, то влево, цепь то заляжет, то снова поднимается...

— Слушай, Борзенко, какого чорта комбат водит нас за нос?.. Идти, так идти вперед, биться так биться!.. А то ходим, то влево, то вправо, что за буза!

— Эх, ты не знаешь!.. Наш комбат ахвицер! Он хочет по научному.. Маневры там разные. А на кой чорт это?

Под'езжает комполка.

— Вы, ребята, поляков увидите—не бойтесь, а пачками по ним, пачками... пулеметчики помогут вам лентой!..

— Да мы уж не замедлим, чего там?..—раздается несколько голосов.

Мы идем целый день, маневрируя, и ночь настигает нас в поле. По цепям шопотом жужжат красноармейцы:

— Что ж это в поле ночевать будем? А в деревню почему не идем?

— Тут жрать охота, а он чего задумал!..

„Он", т. е. комбат Щукин, как бы в ответ на это журчание, громко передает по ротам:

— Не курить, не разговаривать, каблуками не греметь... Взявшись за руки и не разрываясь, не отставать, за мной вперед!

— Ну, вот тебе, новое дело!..

Баталион быстрыми шагами идет вперед за своим командиром. Тишина. Даже становится жутко. Слышишь лишь усиленное дыхание своих

товарищей и чувствуешь в руках руки, крепко держащие твои пальцы.

— Баталион, стой!,—шопотом прошла по красноармейской колонне команда.

Стали, как вкопанные.

— Баталион вперед! Ложись в ров!

Шурша по земле, разбрасываются красноармейцы.

— Главное, не курить, не разговаривать, тишина...

Тело, разогретое быстрой ходьбой, просит отдыха, и так приятно обняться с сырой землей и лежать, лежать...

Напрягая слух, стараемся уловить какие-нибудь звуки в этой мертвящей, ночной тишине... Чу?... Что это такое? Ясно доносится какой-то шопот, даже больше, отдельные слова и фразы „Гдзе ты пошел... бендзе... бендзе..." прерываемое яркими украинскими „испуганными" выражениями:

— Ой, не займайте!.. Ой, що ви робите?!.

Явственно слышатся женские голоса.

— Да это ж поляки дівчат душат! — говорит мне Борзенко.

Крики утихают и тонут в тишине.

— У, гады проклятые!..

— Тише, товарищи, тише, не разговаривайте!— бросает по цепи командир роты.

— А покурить бы, смерть, ах, покурить...

Но как покурить, когда паны под боком?

Красноармеец снимает шинель, за ним другой, и через минуту сооружается что-то на подобие шалаша!

— Ну, кто хочет, ребята, по одному залазь, отведи душу!.. Тов. политрук, ты может таво, тоже, потянул бы разок?

— Да нельзя ж товарищи,—говорю я им,— бросьте заниматься этой штукой.

Но у „шалаша" уже целая очередь, и я не могу ничего сделать...

Ветер доносит с запада из села мелодичные звуки песни. Мягкий тенор разрывает тишину ночи, и мы лежим, очарованные, плененные прекрасной песней. Звуки растут и крепнут и то, высоко поднимаясь, кажется, вытягиваются в длинную тоненькую линию и вот-вот оборвутся, то снова полно и сочно дрожат в воздухе...

— А хорошо поет, бестия поляк, только, как то скушно поет!—замечает мой сосед. Заунывные звуки тонут во мраке ночи, будят в наших сердцах печаль и роят вороха вопросов. О чем поет он? О любимой девушке? О жене? О старушке матери или о далеком селе, где нибудь в Познани, „он", одетый в польский мундир, может быть, рабочий, наш брат по труду? Он, борющийся с нами, не сбросивший пелены, обманутый польскими помещиками?

Песня утихает, обрываются крики, не слышно разговоров и на польской заставе. Спать хочется сильно.

— Ребята, не спи!

Я хожу по цепи и бужу засыпающих.

— Слушай, Симонов, ты опять спишь?

Нет, тов. политрук!

— Как же нет, а еще коммунист!

На востоке зажигается белая полоска предвестник утра. Комбат отдает приказ: „Приготовиться".

— Приготовиться!.. Приготовиться!.. Встать!..

Баталион тихо, быстрыми шагами с винтовками на перевес идет вправо. Проходит 10—15 минут, и крестьянские постройки как бы неожиданно встают перед нами. Нервы напряжены до отказа. Входим в село.

Где то сбоку затрещал пулемет и умолк. Поздно... Польская застава опоздала. Ударом штыка и приклада пулеметчик убит. С громким криком „ура" бежим по улице. Из хат выбегают поляки. Застигнутые врасплох, они поднимают руки.

— Я пан ваш, сдаюсь!..

Суматоха утихает лишь через час. Уже совсем светло, и мы за селом разбросались цепью и установили пулеметы по флангам. Поляки оправились после паники и, получив подкрепление, стали бить из артиллерии.

Взвизгивая и свистя, разрывается шрапнель. Алешка-пулеметчик, славный наш парень, глухой на оба уха, выехал на бугор с пулеметом и давай строчить по полякам. Мы все наблюдаем за его геройским поступком и чувствуем, какую огромную помощь оказывает стрельба этого пулемета. Он шпарит во всю...

Уже передают по цепи:

— У Алешки осталась одна лента!

— Что-ж делать?

Посылаю кр-ца за патронами. Проходит минут 20—30, а кр-ца и след простыл. Срываюсь сам, бегу к патронному пункту.

Не добегая шагов 30—40, не удерживаюсь, кричу:

— Какого ж вы чорта так долго набиваете?

Гляжу, а они руками набивают ленты. Поодаль сидят кр-цы обоза, о чем то разговаривают. Мобилизую немедленно всех присутствующих, и работа закипает быстрее. К нам под'езжает комполка и помощник военкома.

— Ну, как дела, тов. политрук?

— Да ничего, ребята настроены добре! Вот с доставкой патронов скверно. Не плохо было бы, если бы артиллерия снарядиков пять пустила в сторону поляков. А то молчит все.

С позиции приехал комбат Щукин. Он докладывает комполка о ходе боя. Крепко жмет руку Щукину комполка, обнимает его и целует.

Ну, ничего, удался налет!

По улице идут два красноармейца, медленно и нехотя переставляя ноги.

— Куда вы идете?—спрашиваю их.

— Да вот, тут бойки у затворов поломались!

За красноармейцами следом едет тачанка с пулеметом.

А вы чего едете? —обращаюсь к пулеметчикам.

— Задержка, тов. политрук, там подгоняли, подгоняли, никак не могли устранить, да и к тому же поломка бойка...

— Сейчас же переменить и на позицию.

— Мы сейчас, тов. политрук.

Проходит 5—10 минут, пулеметчики копаются возле пулемета.

— Вы скоро замените боек?

— Вот сейчас...

Подхожу к ним.

— А ну, покажите, что у вас тут такое?

Оказывается, они и не думают вставлять боек.

Сам беру замок, заменяю боек, проверяю пулемет, все исправно.

— Ну, ребята, крой, крой на позицию!

Вдогонку бросаю им коробку с пулеметными лентами в тачанку. Мелкой рысью двинулась тачанка.

Ах, эти поломки бойков у винтовок и пулеметов! Это ведь преддверие паники на позиции. Отдельные бойцы начинают искать возможность ухода с позиции. Испытанным методом этих дезертиров является порча оружия: у винтовок они ломают бойки, а в пулеметах делают специальные задержки. Большие специалисты этого дела могут „устроить" задержку, на устранение которой хорошему пулеметчику надо потратить час, два.

...Щукин жмет руку командиру полка и садится на лошадь. В воздухе раздается треск, и белая дымка обволакивает Щукина, комполка, лошадей. Через минуту, когда дым рассеивается, мы видим, Щукин клонится с седла и начинает падать. Я быстро подбегаю к нему, схватываю его за руку:

— Что с вами, тов. Щукин?

— Нога... нога... тов. политрук!

На брюках появляется красное пятно, все увеличивающееся и увеличивающееся.

Ложу на повозку Щукина и отправляю в госпиталь.

— Передайте командиру 1-й роты тов. Сперанскому,—говорит комполка—чтобы он вступил в командование баталионом.

Щукина увозят. Хорший парень, бывший офицер, он прибыл к нам в полк и сразу завоевал симпатии и у командного состава, и у красноармейцев. Он принадлежал к разряду той немногочисленной части офицерства, которая честно и добросовестно боролась в наших рядах. Жалко, жалко, что ранили хлопца.[1]

Проводив Щукина, бегу на позицию. Полк начинает отходить на рубеж перед деревней Кумановцы, патронов нет. По дороге встречаю пулеметчика, едущего на тачанке.

Ну,—думаю,—опять „задержка".

— Ну, в чем дело?—спрашиваю конюха.

- Да вот, тов. политрук, лошадей ранило! А у вас нема нi кусочка хлiба? Я вже два днi не шамав!

— Вот проедешь дальше, там найдешь кашевара, у него есть!

Да я, тов. политрук с тачанки не могу сойти, спина болит!

— Чего же это она у тебя болит?

Гляжу, а спина, точно решето. Поляки угостили шрапнелью. Парень получил восемь ран, и он только потому сейчас едет с позиции, что лошади ранены. Восемь же ран его собственных, как видно, не давали ему морального права оставить позицию. Я даю ему кусок хлеба, парень с жадностью ест.

— Сейчас же,—говорю,—немедленно едь в медпункт!

Я смотрю ему вслед, и радостно бьется сердце. Да, такими вот сильна наша армия, такими без'именными героями, скромными бойцами. Жив ли он, этот славный конюх? Может быть сейчас, где нибудь в коммуне или в совхозе строит наше социалистическое хозяйство? А может быть, где нибудь сидит в сельсовете и направляет жизнь своего села по советскому руслу? Я не знаю, где он, но я шлю ему сейчас горячий привет и низкий поклон политрукский...

— Тов. политрук,—нужны патроны, не хватает...

Опять бегу на патронный пункт, мобилизовываю всех, даже хозяина хутора, его жену, дочь, кашевара, легко раненых кр-цев, и работу гоним во всю...

— Тов. политрук! Вы, может быть, пошамали б, а то обед два дня сварен и никак не могу выдать братве!

Ну, давай, а то я пожалуй два дня не ел!

Возле забора пристраиваюсь с котелком борща. Быстро ем, затем сажусь на тачанку с пулеметом и еду вперед к позиции. Много пулеметчиков выбыло из строя, и я сам сажусь за пулемет.

Моя тачанка уже в цепи. Черные массы дыма клубками точно вырастают из под земли, а затем рассеиваются и два-три-четыре, а то и пять красноармейцев, кажется, падают убитыми. Я смотрю, „убитые" снова приподнимаются и отходят.

Вот мы уже у деревни Соколовки. Забрались в окопы. Я со своим пулеметом встал в интервал между окопами... Накрапывает мелкий дождик. Уже вечереет. Одиночные выстрелы вспыхивают и обрываются.

Поляки прекратили огонь. Мы тоже. Среди красноармейцев разносится слух, что в 12 часов сегодня входит в силу договор между нашим и польским командованием о заключении мира.

— Правда, тов. политрук, что сегодня мир? спрашивает пулеметчик Ваня Бедунов.

Не знаю, не знаю... Переговоры о мире с поляками велись, но чем там окончилось, неизвестно.

Но эта мысль овладела всеми.

Сейчас уже около 10 часов вечера. Я смотрю на красноармейцев, приткнувшихся к стенкам окопов и кунящих „Осталось два часа, может быть, до мира. Неужели меня за эти два часа,—убьют?" вот мысль, которая куском расплавленного железа бьется в мозгу всех их, лентой человеческих тел заполнивших окопы.

Ночью все же мы окопы оставили и из Соколовки отправились в Хмельник.

Мир наступил лишь в 12 часов ночи следующего дня.

11. 3-я рота.

Мы стоим в селе Сосновке. В трех верстах город Литин, уездный центр. Наш полк расположен, выражаясь по иностранному, в демаркационной полосе, т. е. в том нейтральном пустом пространстве, которое сегодня служит временной границей между Украиной и Польшей. В ближайшие дни эта граница будет установлена более точно, но сегодня все это пока условно. Петлюровские войска от нас всего в 7-ми верстах. Сегодня, напри-

[1] Щукин за бой под Кумановцами, получил награду—кожаный костюм. Выздоровев, он прибыл в полк в начале 1921 г. и был назначен комендантом м. Шпола. Умер он очень странно. В мае 1921 года тов. Щукин пошел на гауптвахту проверять арестованных. В одной камере он беседовал с бандитом, прикидывавшимся, между прочим, религиозным фанатиком. Тов Щукин, окончив беседу, направился к выходу. В это время бандит железной палкой нанес ему удар по голове и расколол череп пополам. Смерть наступила мгновенно. Похоронен т. Щукин в м. Шпола. *П. Т.*

мер, крестьяне были даже на базаре утром в этом селе, рассказывают:

— А петлюрівці пьють, аж дим курить. Мобілізацію проводить Петлюра зараз. Там біля правління народу зараз багато, та все молодь понабиралась.

Мы знали, что петлюровцы готовятся к наступлению на нас.

Сегодня комиссар полка предложил мне перейти в 3-ю роту. 3-я рота 399 полка по общему мнению полковых старожилов считается самой партизанской.

Я пришел в роту и начал знакомиться с тем человеческим материалом, с которым мне придется

Ядро роты, или, пользуясь сегодняшней терминологией, красноармейский актив, состоял из красноармейцев коммунистического отряда, прибывшего в дивизию еще в мае м-це 1920 года из Ростова на Дону. Этот отряд был сформирован из солдат старой армии, часть из них уже воевала на Южном фронте с Деникиным, некоторые испытали ужасы деникинского плена и, грубо говоря, представляли „битых ребят". Очень часто они в кругу кр-цев рассказывали о прошлых днях гражданской войны. Эти рассказы, очень живые, подлинные и правдивые, служили неплохим дополнением к той политической работе, которую мне, как политруку, пришлось проводить в массе.

Пулеметная команда одного из полков 133 бригады на польском фронте.

вместе работать и воевать. Прежде всего я поинтересовался, есть ли коммунисты в роте. Их оказалось 2 человека: комроты Мишка Воробьев[1]; второй - Симонов, политбоец, кандидат партии, батрак, сам из Курской губ., поступил добровольно в Красную армию; уже в армии ликвидировал неграмотность и в книжку, можно сказать, был влюблен; я часто его наблюдал рисующим различные эскизы отдельных красноармейцев[2]. Третьим в ячейке я.

Командный состав представлен тремя командирами взводов. Два из них—б. унтер-офицеры старой армии и к тому же партизаны до мозга костей. Лишь в бою они чувствуют себя командирами, вне боя они с красноармейцами за панибрата, и слово „братва" для них свято. Они нередко плетутся в хвосте массы. Третий командир взвода — несколько особая личность. Это бывший поручик колчаковской армии, сухой, необщительный, замкнутый. Красноармейцы называют его „офицерской крысой".

Кр-цы же не представляли однородной, едино целой массы. Здесь были и русские, и татары, и партизаны, и вчерашние дезертиры, и... хотя лучше расскажу подробно обо всех этих категориях.

[1] Исключен в 1921 году за пьянство и за покушение на убийство женщины в пьяном виде. *П. Т.*

[2] Симонов потом поступил в худ. академию *П. Т.*

Они помогали мне воспитывать в красноармейцах классовую ненависть к противнику.

Мы,—рассказывали эти красноармейцы,—наименовали себя коммунистическим отрядом, чтобы не сдаваться в плен. У нас, если рота наступает и кто-нибудь сделает шаг назад, первый, заметивший это, имеет право расстрелять такого кр-ца, а, если он этого не сделает, то сам будет расстрелян.

Это они входили в отряд, засевший на Божьей Горе и решивший умереть, а не сдаваться перед лавой наступавшей конницы. Дело потом выяснилось, конница оказалась буденовской.

Они и сейчас с интересом рассказывают об этом случае, и глаза их горят решимостью и отвагой[1].

Были в роте и „черноголовые" татары. Называли их так потому, что все они были одеты в черные фуражки.

— Пригнали это их к нам, тов. политрук, рассказывает отделком тов. Борзенко,—в полк и дали мне в отделение 12, кажется, человек. Пошли мы как-то в бой. Тут стрельба, команда вперед, а мои черноголовые собрались в кучу и давай кричать „алла, алла!.." Крикну я на них, разойдутся немножко, как будто снова команду слушают, смо-

[1] О коммунистическом отряде рассказывает А. Савченко в очерке „Воспоминания о коммунистическом отряде" (помещ. выше). *Ред.*

трю, опять собрались и опять „алла, алла!". Поляки заметили кучку и давай по ним бить, видят они, что их аллах ничего не помогает и давай тикать. Паника поднялась. Поляки нажимают. Ну, и начали мы отступать. Злость меня берет и сказать трудно! Из-за вас же, думаю, черноголовые черти, баталион весь отступает! Ходу прибавили, потому поляки наседают и наседают! Смотрю, мои черноголовые давай сапоги снимать, а затем и шинели бросают, чтобы легче, значит, бежать было. Вот думаю комедия! Да мы ведь до Львова, прошли, можно сказать, в нижнем белье. А их одели во все новенькое и хорошее, и все это бросают полякам! Жалко мне стало. Ведь погибнут же бестии на фронте босиком и без шинели. Я, как отделком, сзади отступаю. Бросит черноголовый сапоги, я подберу, шинель—тоже. Набрал я семь шинелей, 4 пары сапог, да два вещевых мешка. Ну, думаю, умру. Тяжело бежать...

— А ты, Борзенко про веревочку расскажи! — перебил кто-то из присутствовавших.

— Ежели ты знаешь, так и расскажи,— огрызнулся Борзенко.

— Да, так вот и знаю и доскажу. Бежит это Борзенко с этими шинелями и сапогами, я с ним рядом и кричу: „Брось, говорю, Борзенко", а он в ответ: „Ой, умру,... Ой, умру!", а бараxла не бросает. Смотрю, мой Борзенко остановился, думаю, ранило. Стал и я, смотрю на него. Он нагнулся, поднял кусочек веревочки, посмотрел на нее и бросил. Кричит мне: — „не подходит!". Прибежали, наконец мы к леску, уже стемнело, поляки отстали от нас. Ну и раздал потом Борзенко все обмундирование своему отделению. Хохоту было до упаду.

— Да, — вмешался Борзенко, — потом черти еще благодарны мне были. Ну, уж после этого случая воевать научились.

Тульские крестьяне—вот третья категория к-цев роты. Большинство из них бывшие дезертиры. Их мало интересуют вопросы политики, они мало способны на подвиги, лишь бы быть сытыми и одетыми. Не все таковы, среди них есть и такие, которые уже обтесались и являются хорошими красноармейцами.

Четвертую группу кр-цев составляли вологодские мужики, почтенные бородачи, средний возраст 40—45 лет. У некоторых — даже сыновья в Красной армии. Политруком они меня, 24-хлетнего парня, не называли, а попросту:

— Ну, сынок, расскажи, скоро ли домой поедем? В особенности часто этот вопрос они стали задавать после заключения перемирия с поляками.

— Что-ж, с поляками дело покончили, — говорили они мне — пора и домой!..

— А вот Петлюра не разбит,—отвечаю я.

— Это уж вы, сынок, сами его разобьете, вы молодые, а нам што, старикам? Дома семьи остались, по хозяйству нужно работать.

Таково было лицо красноармейцев 3-й роты, куда я был назначен.

Село, в котором стоит 3-я рота, не маленькое. Красноармейцам живется, как видно, неплохо. У каждого из них в сумке можно найти сало, масло. Они рассказывают мне, оттопыривая, что называется, животы:

— Только что, т. политрук, молока надулись! Они дразнят меня разговорами о вкусных вещах. Хочется кушать, я с утра ничего не ел. Пошел по хатам.

— Тітко, дай мені що-небудь поснідать!

— Немає нічого, в мене москал!

Пошел в другую хату, такая же встреча. Э, думаю, дело плохое! Пришел на квартиру, отведенную одному из взводов, смотрю, красноармеец в своей сумке перекладывает фунта 2 сала.

— Слушай, парень, я обошел хат 10, просил поснідать, никто не дает, а ты вот сало даже имеешь!

— Эх Вы, т. поликурп, просить не умеете. Идемте, идемте со мной!

Пошли мы, входим в хату. Гляжу, мой красноармеец снимает шапку, широко крестится три раза.

— Добрый день, хозяюшка! С субботой вас!

— А, здравствуйте! День добрий! Сідайте!

Хозяйка усаживает нас за стол, и через каких-нибудь 10-15 минут на столе появляется жирный борщ, вареники, молоко. Когда мы уходим, рассыпая всем чадам и домочадцам, „спасибо и дякую", хозяйка тычет нам в сумку по куску сала.

— Вот тебе и на!—думаю я.—Способ, что называется, очень верный, для того, чтобы получить хороший обед или ужин в селе. Но я ведь коммунист и политрук?—Я перебираю в голове, как это получилось, что я санкционировал некрасивый, по сути дела, метод и даже воспользовался приемом кр-ца для того, чтобы пообедать. Нехорошо! Нехорошо!..

12. Выборы делегатов на дивпартконференцию.

Рота через день ходит в заставу. Красноармейцы себя чувствуют довольно „размагниченно" и в заставе поголовно спят.

Надо будет что-то сделать, чтобы не спали. Решили мы с командиром роты делать более частые поверки ночью. Мы и делали, но безрезультатно. Пока мы сидим в заставе, кр-цы разговаривают с нами, не спят. Идем в другую заставу,— они уже заснули.

Только что пришел посыльный из штаба с сообщением о том, что сегодня полковое партийное собрание.

Ищу Симонова. К 12 часам наша коммунистическая тройка — я, Симонов и Воробьев,—отправляемся на собрание. В просторной крестьянской хате, где назначено партийное собрание, мы застаем уже человек 12 коммунистов, оживленно беседующих. Под громкий смех коммунист Ревко отбояривается от нападавших.

— Ну, Ревко, скоро война совсем кончится. Будешь ты безработный!

— Не беспокойтесь, не буду, я сапоги умею шить.

Наконец, когда хата прилично наполняется публикой, секретарь открывает собрание. На повестке дня два вопроса: выборы корреспондента и выборы делегата на 3-ю дивпартконференцию.

Первый вопрос пробегаем быстро, и корреспондентское перо без споров и прений вручаем в дополнение к нагану командиру 1-й роты.

— На, и пиши, да смотри у нас, чтобы о полку побольше было в газете!

— Да что ж, я то писать буду, а будут ли печатать?

— Что значит не будут печатать?!

Вопрос о выборе делегатов на партийную конференцию вызывает много споров, и собрание оживает и шумит. В президиум летят фамилии, одна обгоняет другую. Кандидатуры очень тщательно обсуждают, отводят по малейшему поводу и, наконец, останавливаются на двух.

Расходимся с собрания, наполняя улицы шумом, говором и страстным спором.

— Я ж говорил, товарищи, что нужно было вовсе не Симчука послать на конференцию!

— Почему не Симчука?

— Что там говорить, товарищи... Ваша кандидатура провалилась!

— Да она бы не провалилась, если бы вы там не бузили...

Вечерние сумерки падают на село. Мы расходимся по квартирам...

13. Каким должен быть коммунист?

Сегодня в роте был секретарь бюро полковых ячеек тов. Купцов. Вместе с ним провели беседу с красноармейцами о международном положении. Попутно выплыл вопрос о том, каким должен быть коммунист?

Борзенко, сворачивая кривую „собачью ножку" и поминутно сплевывая на пол, многозначительно рассуждал:

— Что и говорить, тов. поликурп, идейный коммунист,—это тот, который имеет, к примеру, сапоги, но ежели у него попросит беспартейный, то должен их отдать. В бою должен идти впереди. А то, мало ли я знаю коммунистов, которые...

— О сапогах спорить не буду, — перебиваю я моего философа.—А вот о примерности в бою с тобой еще можно поспорить! Вот перед тобой сидит Купцов. Сколько раз он ходил в тыл к полякам и там наводил такую панику, что тебе землетрясение! Или вот Ревко, ведь его весь полк называет бронированным!.. Уткин!.. Савченко!..

— Слушайте, тов. поликурп, о коммунистах, которые в полку, речи нет. А вы вот посмотрите, что коммунисты делают в тылу? Продразверстку берут с крестьян, а сами во всем кожаном ходят...

— Ну, а как же без продразверстки? Ведь ты сам первый заорешь во всю глотку, ежели один тебе день не дать пообедать? Ведь хлеб же то нужно откуда то брать? Армия то еще воюет?.. Ну, о кожаном не будем говорить. Может, которые и ходят. Так разве только коммунисты?

— Ну да, слов нет, хлеб то нужен. Ну и опять же сказать, продразверстка оно дело не шуточное, берут с крестьян!

— Что ж ты,—вмешивается Купцов, — и да и нет, и нет, и да.

Тень улыбки пробегает по лицам красноармейцев. Наша беседа и диспут закончены. Пора идти на обед.

14. Кандидата партии избираем секретарем ячейки...

Комиссар дал задание организовать парт'ячейку в роте. Организационное собрание устроили на квартире у комроты, в светлой большой горнице, чуть ли не на одну треть заполненной широкими просторными кроватями с традиционной горой подушек, почти до потолка, и с настоящим иконостасом святых в углу. О горе подушек шел разговор, подтрунивали над дочкой хозяйки, а она, вся смущенная и зардевшаяся, отбоярывалась от нас:

— Та неправда, що ми не спимо на цiх подушках!.. Це вашi вигадки, що женихові виготували ми цi подушки!.. Аж нiяк... тiльки для себе!

...Я открыл организационное собрание и сообщил о предложении комиссара. Должен заметить, что на нашем организационном партийном собрании присутствовала беспартийная масса: это хозяйка, хозяин и дiвчина, примостившиеся тут же в комнате, на скамейке у печи, и с удивлением слушавшие наши коммунистические разговоры.

— Так я, товарищи, еще когда учился в военной школе, — начал Симонов, — помню хорошо, что на собраниях партийных всегда намечалась сначала повестка дня и велся протокол, а потом уже...

— Ну, а ты, Воробьев, протокол писать умеешь?—спрашиваю я.

— Нет.

— Ну, и я не умею.

Один Симонов обладал тогда этой способностью. Проголосовали кандидатуру секретаря единогласно. Симонов — кандидат партии, политбоец нашей роты, избран секретарем ячейки.

Второй вопрос встал перед нами в такой формулировке: „Почему красноармейцы спят в заставах и что нужно нам делать?"

— Да что-ж, нужно усилить поверку самих постов: в особенности часовых и подчасков,—говорит Воробьев.

- Да что-ж проверять? Мы с тобой проверяли. Ты ж знаешь, пока сидишь в заставе — не спят, уйдем—заснули. Я как то раз в 4 часа утра пришел в заставу. Спят поголовно все, винтовки стоят в углу. Забрал я винтовки, спрятал и стал их будить: „Что ж вы тут спите, винтовки проспали". Потягиваются и, позевывая, встречают меня такими комплиментами: „Ты, мать... перемать... не бузи, политрук! Говори, куда дел винтовки? Кроме тебя, никто тут не возьмет".

После долгих прений в протокол записали: „в заставах поручать коммунистам, (т. е. это мне, Воробьеву и Симонову) читать с красноармейцами газеты, рассказы, таким образом, поддерживая бодрствование".

Расходясь, уже на улице решили третий вопрос: об'явить в роте об организации ячейки, повести среди кр-цев раз'яснительную работу о том, что ячейкой принимаются заявления о вступлении в партию.

15. Злополучная шинель.

В хату влетает Борзенко, командир первого взвода и несколько красноармейцев.

— Тов. поликурп, где же это правда? Видано ли, чтобы так делалось?

— А в чем дело, товарищи?

— Да как же, в чем дело! Привезли в полк три шинели, и комполка тов. Савченко раздал шинели двум комротам, а третью начштабу Пивоварову. Как это так Пивоварову—шинель? Он все время в тылу, а мы воюем, ему шинель?

— Но одной шинелью ведь роту не оденешь,— пытаюсь урезонить их я.

— Не о роте идет речь, а вот для комвзвода требуется.

— Так, товарищи, нельзя. Вы не имеете права вмешиваться в распоряжения командира полка.

— Брось, тов. поликурп, нас агитировать, мы уже с'агитированы!

Хлопая дверьми, эта группа демонстративно выходит из хаты и теряется в уличной людской сутолоке.

Немедленно доложил комиссару о „шинельном" настроении.

— Ну что ж, надо об'яснить, что так не хорошо делать!

— Об'яснял.

— Собери еще раз, потолкуй.

На следующий день утром двигаемся на Литин. Сбоку на лошади рысцой едет комполка тов. Савченко.

— Тов. Савченко, т. Савченко! На минутку к нам!

Я узнаю голос Борзенко. Это он, идя в колонне, зовет командира полка.

— Такое дело, тов. Савченко...—обращается Борзенко к нему.

Вся рота остановилась.

— Почему Вы,— продолжает Борзенко,— выдали шинель тов. Пивоварову? Он же весь фронт просидел в тылу: мы хотим, чтобы шинель выдали нашему комвзводу.

— Да, конечно, нашему комвзводу,—раздалось несколько голосов из колонны.

Все, тов. Борзенко?

Все, тов. Савченко!

- Хорошо... шинель вечером будет в роте!

„Шинельное" настроение, как рукой сняло. Борзенко сегодня герой. Ай да Борзенко! Я не ожидал от него такого номера!

16. В снежную мятель без шинелей...

Винница от нашей стоянки в 6 верстах. Сегодня утром рота получила 20 пополненцев-тамбовцев, без шинелей, в одних гимнастерках. Тамбовцы производят хорошее впечатление. Молодежь живая, любознательная .. Ах, если-бы с шинелями не было этого казуса! Смотри, еще прикажут куда передвинуться!

Мои пророчества оправдались. Вечером часов в 6 получаем приказание построить роту на площади.

Вышли, построились. Мятель, бушует ветер. Снежные хлопья кружатся в вихре и застилают колонну. Нам об'явили приказ: немедленно двинуться на Литин.

— Шагом марш!

Прошли 5 верст... 10 верст .. Тамбовцы бегом бегут в одних гимнастерках. 20 верст пролетела рота за два часа. Вот и село. Разместились по хатам. Красноармейцы довольны, что можно отогреться, поужинать...

Через два часа получаем приказ двигаться дальше. Иду по хатам.

— Ну, ребята, выходи, стройся!

— Куды выходи?

— Приказ есть двигаться дальше!

— Да куды ж мы будем двигаться?—отвечают тамбовцы.— Погода то на дворе какая, хороший хозяин и собаки на двор не выпустит!

— Ничего не поделаешь, ребята, вот дойдем до Литина, оденемся!

Я начинаю им толковать о том, что мы находимся в боевой обстановке, выполнение приказов должно быть безоговорочно.

— Не пойдем, т. политрук, без шинелей.

— Ну, рота двигается. А вы можете оставаться,—обращаюсь я в последний раз к тамбовцам.—Вас все равно здесь бандиты побьют.

Не действует и этот аргумент.

— Вам хорошо, тов. политрук, в шинели агитировать,—раздается окрик.

Снимаю шинель.

— Нате, надевайте, товарищ!

Красноармеец мнется, виновато смотрит на меня.

— Ну чего ж, берите шинель?

— Да мы и так уж пойдем.

В снежную мятель и бурю двигаемся дальше и с рассветом прибываем в Литин.

... Утром тамбовцы получили шинели.

17. Мир!.. Мир!.. Мир!..

Полк стоит в селе, что верстах в 15-ти от Волочиска. Ждем каждую минуту приказа о дальнейшем преследовании Петлюры. Хотя сегодня уже 12-й день, как дивизия гонит Петлюру, но нашему полку не пришлось сделать ни одного выстрела. С Петлюрой расправляется Котовский и другие полки. О легендарных боях и победах Котовского у нас ходят рассказы, один одного причудливее и занятнее.

— Сейчас же явиться в штаб к комиссару полка,—передает посыльный.

Штаб стоит в доме попа; хороший, железом крытый дом. Прихожу. Здесь уже человек 10 актива нашего полка. Начподив т. Шмидт берет слово для информации о последних событиях.

— Т. т. коммунисты! Победу за победой одерживают наши армии над белогвардейцами. Южная армия разбила Врангеля. Крымский полуостров очищен.

— Как, полуостров очищен?

— Неужели?

— Ведь там французские укрепления были? Расскажите подробней! — вырываются вопросы у нас.

— Партия и Советская власть поставили задачу к 3-й годовщине Октябрьской революции очистить страну от всех контр-революционных армий. Выполняя эту задачу, наша южная армия взяла Перекоп, преодолев огромнейшее укрепление и потеряв очень много своих лучших сынов. Петлюра, как известно, сейчас прижат к польской границе. Или он перейдет к полякам, или мы его заберем. Естественно, товарищи, у Вас возникает вопрос: раз война закончена, то что же будет дальше?.. А дальше вот что! 9-й с'езд нашей партии выработал программу—план электрификации, по которому намечено покрыть страну электрическими станциями и зажечь электрическую лампочку в хате каждого селянина...

Мы слушаем эту речь, и волна радости охватывает сердце. Мы засыпаем тов. Шмидта ворохом вопросов: об электрификации, о Петлюре, о Врангеле, о партийной работе. Наша беседа длится час, два...

— Тов. начподив Шмидт здесь? — спрашивает вошедший красноармеец.

— Да, я Шмидт!

-- Вот Вам пакет.

Тов. Шмидт разрывает пакет, быстро пробегает эту белую четвертушку и, улыбаясь, сообщает нам:

— Котовский доносит начдиву, что Петлюра разбит в пух и прах и что остатки его армии по льду через Збручь удрали в Польшу.

Мы хлопаем в ладоши этому сообщению, Котовскому и тем безыменным сотням кавалеристов, которые разгромили Петлюру.

А через час на площади весь полк слушает сообщение командира полка. Савченко взволнованно рассказывает о том, что контр-революция разбита, Петлюра удрал в Польшу, что страна должна приступить к мирному труду. Многоголосое „ура" вырывается из сотни глоток и бурной волной прокатывается по площади.

— Ура!.. Ура!.. Да здравствует труд, мир!..

В роте на меня производят настоящее нападение.

— Да когда же, тов. политрук, пойдем домой?

— А вот будут отпускать,— отвечаю я,— но конечно, не всех сразу, а по порядку.

-- Нас первых, конечно, отпустят,— авторитетно заявляет Борзенко,— потому мы долго дома не были.

В группах разгорается спор, догадки о том, кто раньше уйдет домой.

Усталость я чувствую в этих спорах и большую здоровую тягу к мирному труду я вижу на лицах этих тамбовских, тульских крестьян—красноармейцев. Мир и окончание войны они встречают, как большую, огромную радость...

18. Мой расстрел.

Полк стоит в м. Шпола. Нашу роту отправили на охрану Киселевского сахарного савода. Завод расположен тут же возле села.

Приходим на свою новую стоянку и располагаемся. Перед нами, политработниками, поставлена задача воспитывать у красноармейцев серьезное, бдительное отношение к выполнению своих обязанностей, как караульных, охраняющих заводы, воспитывать у кр-цев желание скорее расправиться с петлюровско-кулаческим бандитизмом. Среди же крестьян наша задача раз'яснять политику Советской власти, а также контр-революционную сущность бандитизма, звать крестьянство на борьбу с этим бандитизмом.

Сегодня утром в караульное помещение входит крестьянин.

— Здорово були, хлопці!

— Здравствуйте!

— Де тут у вас буде политрук?

— Я политрук!

— Мене послали до Вас, щоб передати Вам ось цю записку.

Группа красноармейцев одного из полков 45 дивизии на польском фронте. Вид одежды бойцов ярко говорит о том, в каком обмундировании приходилось воевать бойцам 45 дивизии.

Читаю: „Тов политрук, селяни села Уваровки прохають Вас сьогодні перед виставою, яка буде в школі, зробити доповідь!"

— Хорошо, я буду.

Вечером с кр-цем Вдовиченко мы тронулись на тачанке в путь. До села Уваровки или Варваровки (точно не помню) что-то верст 6—7. Едем по степи. Где-то далеко хлопают выстрелы редкие, одиночные.

— Стреляют, тов. политрук. Сегодня крещение, Так вот, по старому обычаю на Украине водосвятие, и стреляют!

— Так это же днем стреляют, а сейчас ночь!

— Стреляют, балуются значит,—поясняет Вдовиченко.—Вы знаете, смотрю я, ночь такая светлая, яркая и мне как то вспомнился такой случай,— продолжает он.— Было дело на польском фронте. Стою это я со своим отделением в заставе, на одном фольварке в Галиции. Слышу шаги, показалась фигура, спрашиваю: „Кто идет?", а он отвечает: „Свои... ваш... комполка..." Голос незнакомый. Думаю, брешет собака! Что я своего комполка не знаю? А он уже и возле нас: „Здравствуйте, товарищи!"—„Здравствуйте". Гляжу на него, высокий такой, стройный, в новом френче, сапоги хромовые, через плечо ремни; сбоку наган и сабля. Хиба ж наш комполка был

когда нибудь так одет? Вот думаю, гадюка, офицерская морда, ловко под'ехал. Пришел к нам в заставу; мол, ваш комполка. Подожди, нас не проведешь. А он к нам: „Вы, товарищи, тут смотрите, не спите". „Нет",—отвечаем ему. „Особенно наблюдайте вон слева за дорогой, возможно, по ней могут пройти поляки". Ловко, думаю, зубы заговаривает. „До свидания, товарищи"—сказал и пошел влево на дорогу. Отошел это он шагов двадцать. Ах, думаю, стерва, взял винтовку к плечу, давай целиться ему в затылок. Только хотел спустить курок, а он обернулся и смотрит на меня. Руки так и опустились. Посмотрел, и быстрыми шагами пошел до поляков. Ах, взяла меня братва в оборот: „шляпа, выпустил польского офицера!" Молчу, что я могу сказать? Прозевал. На утро выступаем, выстроился полк, смотрю, а этот самый, что ночью был у меня в заставе, полком командует. Ребята смотрят на меня, а я на них. Вот те случай.

За рассказом незаметно добрались и до села. Разыскиваем школу.

— Ну, ты, Вдовиченко, крой с лошадьми на квартиру к кому-нибудь здесь, а я пойду делать доклад!

Школьное помещение оказалось набито битком. Человек полтораста еще толпилось у дверей, желая попасть на спектакль. С большим трудом, работая локтями, пробиваюсь в зал. У дверей стоят здоровые дяди с винтовками, человек 12.

Думаю, что это за вооруженный народ?

Спрашиваю одного:

— Кто вы такие будете?

— Да я — милиционер из Звенигородки. Це тут усе міліція!

Ну, раз милиция, значит свои, бояться нечего. Влезаю на сцену.

— Товарищи! Гражданская война закончена. Перед Советской страной стоит задача восстанавливать свое разрушенное империалистической и гражданской войной хозяйство! На этом пути у Советской власти есть ряд преград. И одна из них особенно серьезная,—это бандитизм на селе...

Я подробно останавливаюсь на этом вопросе, раскрываю всю контр-революционную сущность бандитизма и, потрясая руками, бросаю в зал:

— Советская власть не хочет мстить, она призывает всех обманутых петлюровскими офицерами трудящихся крестьян вернуться к мирному труду. Вернувшимся честно и добровольно Советская власть дарует жизнь. Тем же, которые будут с оружием в руках мешать мирному труду рабочих и крестьян, тем, которые...

Я чувствую, как сзади десять пальцев вгрузают в мою шею и поднимают меня вверх. Оборачиваюсь... Три рослых дяди, мнимые милиционеры из Звенигородки, смотрят мне прямо в лицо и, трепля за шиворот, бросают со сцены в толпу.

— А, червона гадюка!.. Теревені будеш тут розводити!

Я попадаю в человеческую массу. Двое вооруженных притискивают меня к стенке и начинают бить прикладом винтовки.

— Что вы делаете, товарищи? Я — коммунист, приехал делать доклад по желанию крестьян...

— Еге, вот таких нам и треба!

Я чувствую удар чем то тупым по шее, в глазах заблестели огоньки. Думаю, каюк. На меня направлены две винтовки. Кидаюсь в сторону. Но не тут то было! Я окружен плотной человеческой массой. Кругом народ, негде яблоку упасть. На меня смотрят злые огоньки глаз. Падаю на землю, и между ног и женских юбок пробираюсь вперед. Выстрел... Какое-то тяжелое тело падает на меня... Поднимается крик, суматоха... В школе гаснет свет. Паника невыразимая. Человеческое месиво, испуганное и уже само боящееся за свою шкуру, (ведь только что из-за этого „проклятого коммуниста" один дядька уже поплатился жизнью!) лавой стремится к дверям, к окнам. Бандиты открывают стрельбу по дверям, понимая, что я должен проскочить где-то в этом месте. Крики раненых, стоны оглашают огромные классные комнаты и коридоры.

С толпой выбегаю на улицу. Бегу по селу, а мой Вдовиченко выезжает со двора и ругается, на чем свет стоит.

— Чорт его знает. Поехал к попу, чтобы овса дал лошадям,—прогнал с хаты, чорт патлатый!

— Да ну его с овсом и с попом твоим! Скорей заворачивай и драпаем из села. Бандиты тут...

— А шинель где Ваша и винтовка?

— Да там оставил, в школе... Погоняй! Погоняй!

Приезжаем в Киселевку. Здесь в школе также должен быть спектакль. Встревоженный, рассказываю ребятам о всей истории.

— Тов. политрук, доклад Вам делать сейчас! говорит мне один.

— Да какой у чорта там доклад, дайте отдышаться!

— Нельзя, тов. политрук, народ уже ждет целый час, разойдутся!

Ничего не поделаешь. Взбираюсь на сцену. Битком набитый зал, и те же, как будто, лица, которые вот час тому назад составляли мою неудачную аудиторию.

— Товарищи! Гражданская война закончена!.. Перед Советской страной стоит задача восстанавливать свое разрушенное империалистической и гражданской войной хозяйство. Бандитизм, это язва, которая мешает...

Свой доклад я закончил благополучно. Весь разбитый, почухивая затылок, побрел на квартиру спать.

Спал я эту ночь действительно непробудным сном.

...Через несколько дней началась демобилизация.

РАЗГРОМ ПЕТЛЮРЫ.

В. КОПЫЛОВ.

Петлюровская „неделя".

Значение нового фронта. Перегруппировка частей 45 дивизии и военная подготовка наступления на петлюровцев. Политическое обеспечение успеха. Три этапа операции. Ликвидация фронта. Общая оценка действий 45-й дивизии.

Уже тотчас после заключения перемирия с поляками, в конце октября 1920 г., 3-я партконференция 45 дивизии на одном из заседаний в г. Виннице услышала из уст т. Якира сообщение о взятии Перекопского перешейка частями Южного фронта.

С этого момента единственным местом на Украине, которое могло еще послужить плацдармом нового разворачивания белых армий против Республики Советов был район, в котором сосредоточились остатки петлюровской армии.

В конец истощенная войною против Советского государства в живых и материальных силах, белая Польша не могла рассчитывать на успех дальнейшей борьбы в надвигавшейся зимней кампании, тогда как Красная армия имела теперь возможность распорядиться мощным резервом снятых с врангелевского фронта частей. Этим и об'ясняется готовность Польши к быстрому заключению перемирия.

В то же время, под рукой Пилсудского оставались еще многочисленные отряды из остатков петлюровских формирований, действовавших на правом фланге Украинского фронта польской армии в течение всего периода операций против Красной армии.

Не желая в предстоящих мирных переговорах открыто занимать явно невыгодную политическую позицию откровенной организацией из указанных частей антисоветского петлюровского фронта, польское правительство позаботилось о двух важнейших моментах, позволявших ему затянуть заканчивавшийся для Красной армии период войны на внешних фронтах.

Во-первых, рядом военных мероприятий оно постаралось в последние перед перемирием дни ценою величайшего напряжения армии продвинуть возможно далее на восток границу нейтральной полосы, каковою считалась полоса между фактически занятой войсками линией и той, на которую должны были отойти части по условиям перемирия, особенно подчеркнув эти свои усилия на Жмеринском направлении; тем самым подготовлялась „без'ответственная" территория, достаточно широкая для сосредоточения и разворачивания здесь готовых петлюровских частей.

Во-вторых, польское правительство и командование формально сняли с себя ответственность за разрешение петлюровским дивизиям, базирующимся на нейтральную зону, подготовлять новый поход против Советской России,—тем, что в переговорах с красным командованием в Бердичеве польская делегация сделала официальное заявление о „невмешательстве" польского командования в возможные операции Красной армии против петлюровцев.

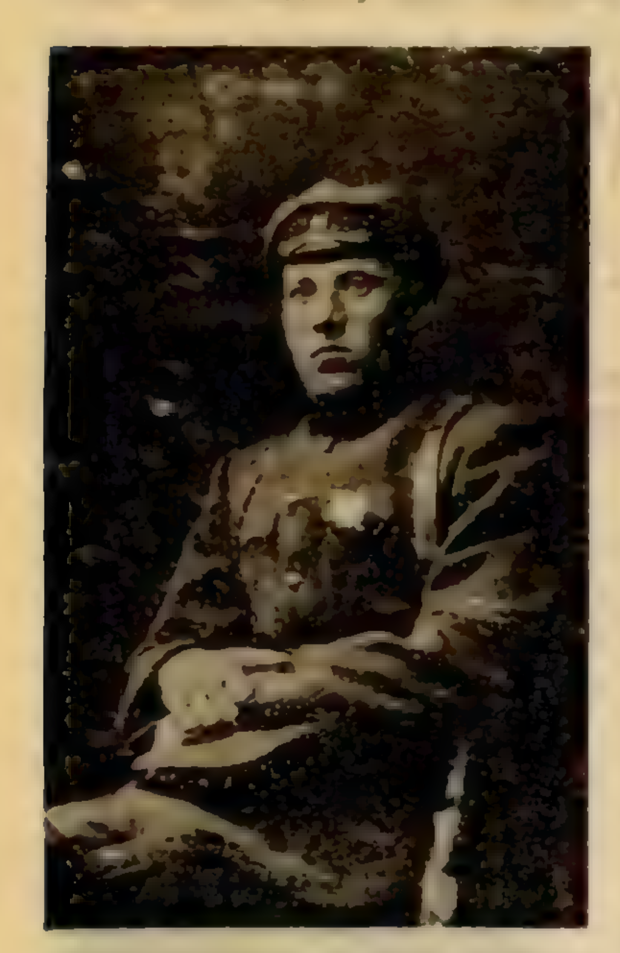
В. Н. Копылов — помнаштабриг 2 (131), затем наштабриг 134, участник всех походов и боев 134 бригады, член ВКП(б). В 1928 г. окончил Военную Академию им. Фрунзе. Сейчас начальник учебной части Школы Червоных Старшин.

Таким образом, на открывавшихся мирных переговорах в Риге белополяки заранее подготовили формальный отвод против возможных обвинений в фактическом продолжении войны против Советской республики и в то же время развязывали фактическое возникновение нового фронта и новую попытку военного удара против нашего государства. В момент окончания войны с поляками и в период ликвидации Врангеля в небольшом треугольнике Проскуров-Могилев Подольский-Жмеринка таким образом, подготовлялась новая интервенция против Советской республики, авангардом которой должны были послужить старые и вновь созданные формирования петлюровской армии.

Существование и активные действия петлюровской армии давали в руки Пилсудскому важный козырь, позволявший в ходе мирных переговоров в Риге оказывать влияние на позицию Советской делегации, так как затяжка войны

даже на этом небольшом участке отрывала бы много сил и внимания Советской республики.

С огромным под'емом была встречена партконференцией, а затем и всей 45 дивизией, весть о почетной задаче, возлагавшейся на нее в числе других дивизий XIV армии: в кратчайший срок ликвидировать подготовлявшую наступление армию Петлюры, последнюю угрозу на внешних фронтах гражданской войны.

П. В. Калашников — начальник конной разведки 403 полка на польском и петлюровском фронтах, затем (1921 г.) командир эскадрона 45 кавполка, член ВКП(б). С маленькой в 35—40 сабель конразведкой неоднократно лихими атаками наносил поражение крупным пехотным частям противника. В июле 1920 г., пробравшись в глубокий тыл противника, захватил и доставил в полк польскую батарею. В бою с петлюровцами 12/XI у ст. Котюжаны с 9 всадниками захватил 50 пленных и 3 орудия. Награжден орденом Красного Знамени. Сейчас председатель Мясо-треста в Ростове на Дону.

Пополненные за короткое время стоянки в районе Винницы части дивизии совсей серьезностью, какой требовала ответственная задача, приступили к совершению перегруппировки, дабы занять исходное положение для наступления. Боевая школа, которую дивизия прошла на польском фронте подготовила ее к организованному удару против нового врага. Этот удар она блестяще выполнила в голове других частей XIV армии.

Лишь только польское командование уведомило о своем „невмешательстве" в наши действия против Петлюры, командующий XIV армией отдает (25 октября) приказ о сосредоточении дивизий для наступления.

Разведкой армии и дивизий с первых же дней выясняется спешная подготовка к наступлению со стороны Петлюры. Захваченные документы позволяют установить, что на 11 ноября противник наметил общее наступление своих дивизий на фронте от Могилева Подольского до Винницы, с главным направлением удара на Жмеринку, задаваясь, повидимому, целью выйти на фланги и в тыл наших частей и овладеть Жмеринским узлом, игравшим крупнейшую роль в перевозках всего Юго-Западного фронта Красной армии. Кроме того, выход в этот район обещал петлюровцам соединение с многочисленными, хорошо вооруженными и весьма активными бандами.

Занятый петлюровцами район использовывается ими для пополнения частей. Проводится мобилизация и обучение пополнения, при чем, для большей гарантии против дезертирства, пополнению не выдается оружие до момента прибытия частей на фронт. Намерения петлюровцев тщательно скрываются, однако наша агентура, пользуясь расположением трудового населения к Красной армии, расшифровывает план петлюровского командования в основных его частях.

С 4-го по 8-е ноября 1920 г. с первым выпавшим снегом новой зимы, 45 дивизия 140-километровым броском от Винницы переходит в район к югу от м. Джурин, занимая положение, обеспечивающее глубокий маневр во фланг петлюровцам в направлении на Нов. Ушица-Проскуров.

Войсковая разведка бригад и полков устанавливает наличие петлюровских застав на левом берегу реки Мурашка, между м. Джурин и Могилевом. В течение 9 ноября происходит окончательная выработка плана действий и полки принимают группировку для наступления.

Особенное внимание обращается на выполнение частями дивизии дружного одновременного удара на всем фронте дивизии. К ночи на 10 ноября все выполнено в отношении подготовки до деталей. Проведена артиллерийская разведка, и командиры баталионов лично осмотрели предстоящие пути наступления. В штабах бригад достукиваются на машинках последние инструкции по тылам... Отправляются последние „спокойные" оперсводки.

В 7 часов 10 ноября загремели пушки 45 дивизии на всем ее участке по р. Мурашка, и готовые к пружинной атаке, конные полки Котовского выстроились в свете начинавшегося ненастного зимнего утра...

Еще дивизионная партконференция в Виннице, происходившая в последних числах октября, бросила лозунг „недели ликвидации петлюровщины".

Этот лозунг, подхваченный красноармейской массой, создал необычайный под'ем, под знаком которого проходила вся подготовительная кампания к наступлению. Огромная работа партийной организации, проведенная в этот промежуток времени, показала великолепную сплоченность коммунистических кадров дивизии. Начиная с бесед в ротах и кончая полковыми собраниями, все было посвящено задаче подготовить наступление и создать необходимое боевое настроение в частях дивизии, немного разряженное прекращением военных действий против белополяков.

Результаты оказались прекрасными. За все время перехода дивизии от Винницы на юг, совершавшегося в достаточно тяжелых условиях начинавшейся зимы, не было случаев отставания, не говоря уже о прямом дезертирстве, даже среди необстрелянного, принятого в Виннице пополнения. В решающее утро 10 ноября не было в дивизии бойца, не занявшего к назначенному часу своего места в рядах полков.

В ночь на 10 ноября бойцы дивизии получили немного запоздавший подарок ко дню 7 ноября (годовщина пролетарской Революции): усиленный паек из редкого лакомства-колбасы и белой булки. В дополнение к ранее проведенной раз'яснительной работе, этот момент дал возможность

перед самым началом наступления напомнить бойцам об исполнившемся трехлетии Октябрьской революции и об огромной важности предстоявшей боевой задачи дивизии в отношении защиты завоеваний трудящихся.

Все было сделано и использовано для подготовки бойцов к „петлюровской неделе", и не впустую поработала партийная организация. Начатое ровно в 7 часов 10 ноября, наступление 45 дивизии развивалось безостановочно вплоть до момента полной ликвидации всего белогвардейско-петлюровского, что оставалось по эту сторону Збруча.

Г. Озерянский красногвардеец, затем (1919 г.) красноармеец 3 бригады 45 дивизии. В 1920 г. адъютант комбрига 135, с 1921 по 1923 г г. военком кавгруппы при 133 бригаде. В боях с петлюровцами в 1919 г. два раза ранен. За храбрость, проявленную в операциях против франко-зуавов под Бендерами (1919 г.) награжден орденом Красного Знамени. Сейчас секретарь парткоолектива „Дома трестов" в г. Киеве.

Предупредив готовившееся наступление петлюровцев, части 45 дивизии 10 ноября стремительно опрокидывают две пехотных дивизии врага в направлении Черневцы—Куриловцы Мурованные, захватывая пленных и трофеи. В этот день была разбита Котовским и 134 бригадой „железная" дивизия Удовиченко, одна из надежнейших петлюровских частей.

Первый же день боев с Петлюрой показал, насколько утрачены позиции петлюровцев среди местного трудового населения. Мобилизованная Петлюрой молодежь очень охотно бросала оружие и уходила по домам. Основная масса трудового крестьянства определенно высказывала свое отрицательное отношение к петлюровской авантюре, восставшие крестьяне дали бой петлюровцам в районе м. Куриловцы Мурованные. Среди командования петлюровской армии наблюдались угрожающие признаки распада и разложения в виде скрытой вражды петлюровских генералов, о чем свидетельствовали захваченные у петлюровцев документы и письма.

Вызванное ударом 45-ой дивизии расстройство первоначального плана петлюровского командования вынудило к отступлению петлюровцев в северо-западном направлении под прикрытием арьергардов. 11 ноября части дивизии преследуют по пятам отступающие петлюровские части, и кавбригада Котовского у Бендичаны целиком уничтожает сильный кавалерийский арьергард петлюровцев, еще более углубляя расстройство и панику у врага.

Следующий третий день операции явился решающим в выполнении дивизией первого сокрушительного удара по сосредоточенным на ее фронте петлюровским дивизиям. В районе ст. Котюжаны противник, пользуясь численным превосходством и подтянув свежую кавалерийскую дивизию Тютюнника со стороны м. Снитково, окружил части нашей 135 бригады вместе с кавбригадой Котовского и едва не разгромил их. Положение было спасено гибким фланговым маневром двух баталионов 135 бригады и смелой атакой кавбригады на конницу, обратившуюся бегство [1].

В результате первых трех дней наступления 45 дивизия нанесла решающие удары во всей полосе своего наступления трем лучшим дивизиям петлюровцев: 3-й „железной" Удовиченко, 4-й Киевской и 6 Волынской; кавбригада Котовского разгромила кавалерийский отряд Фролова и части кавдивизии Тютюнника.

Следующий этап операции составляют действия частей дивизии по ликвидации новой попытки петлюровцев остановить наше наступление ударом в стык между 45-й и соседней справа 60-й дивизией. В исполнение своего плана отступившие части петлюровцев и вновь подтянутые резервы сосредотачиваются 15 ноября в районе м. Деражня — ст. Комаровцы, избрав направлением своего удара железную дорогу Деражня — Жмеринка. К этому времени здесь появились новые части противника, в виде так наз. 3-й врангелевской армии, представлявшие собой, по большей части, кадры белогвардейских офицеров, пополненные пленными красноармейцами.

Назначенный на 15 ноября контр-маневр петлюровских дивизий вместе с 3-й врангелевской армией предупреждается частями 45 дивизии в самом начале. Решительным наступлением с утра 15 ноября стрелковых бригад на Гармаки и кавбригады Котовского на Галузинцы инициатива выхватывается из рук противника, который теряет разбитой 1-ю пехотную дивизию 3-й армии Врангеля. 45-й дивизии достаются пленные и трофеи; противник целыми партиями переходит на нашу сторону.

Г. С. Рындич — в 1920 г. красноармеец саироты 45 дивизии, затем (1921 г.) военком саироты Участник боев с белополяками и петлюровцами. В 1925 г. окончил Киевскую артшколу. Сейчас командир артбатареи 45 артполка.

Третий этап операции состоял в подготовке и проведении разгрома петлюровцев, сосредоточивших все, что было еще боеспособного в районе Проскурова. В то время, как стрелковые бригады дивизии быстро продвигаются по пятам отступающего противника, нанося ему удар за ударом,

[1] Бой 135 бригады в районе ст. Котюжаны описан М. Погорским в очерке „Бой под Обуховым — Котюжаны" (помещен в этом разделе). Разгром конницы Тютюнника у м. Снитково в ярких красках рассказан Н. Криворучко в очерке „Разгром Тютюнника под Снитковым" (статья „Конец петлюровщины", помещена в этом разделе). *Ред.*

петлюровцы вновь пытаются сосредоточением своих сил в Проскурове и кавгруппы Яковлева в районе Меджибож — Голосково остановить наше наступление. Петлюровцы намеревались использовать выдвинутое вперед положение 45 дивизии для удара по ее правому флангу из района Деражня. Это было последнее усилие петлюровского командования. Ликвидация замысла противника стало делом кавбригады Котовского.

К. В. Мушкет-Игнатков—адъютант гаубичного дивизиона 45 дивизии в 1920 г. участник похода против белополяков и петлюровцев. В 1922 г. командир батареи 45 артполка, затем командир дивизиона. Сейчас помощник командира 45 артполка.

Кавбригада, продолжая форсированные марши, 17 ноября у д. Казимировка (15 кил. юж. Проскурова) в упорном бою уничтожает спешенный сводный кавполк 3-й врангелевской армии. В ночь с 17 на 18 ноября, конница атамана Яковлева из Меджибожа-Голосково наносит удар 60 дивизии и выбивает ее части из м. Деражня, создавая таким образом, угрозу прорыва в стыке 45 й и 60-й дивизий и удара по тылам наших стрелк. бригад. Кавбригада Котовского, учитывая создавшееся критическое положение фронта, в ту же ночь бросается на Проскуров и на рассвете врывается в город, несмотря на огонь бронепоездов и тяжелых орудий. Этот удар конницы Котовского по боеспособным остаткам петлюровской армии, сосредоточенным в Проскурове, определяет развязку всей операции[1]. Противник отказался от борьбы и поспешно отступил на запад и северо-запад, стремясь спасти остатки армии и материальной части за рекой Збручь под крылышком польских войск. Петлюровская конница (кавгруппа Яковлева) не рискнула оставаться в одиночестве, тоже свернулась и побежала к Волочисским переправам.

Таким образом, в течение 10—18 ноября была проведена замечательная по быстроте „неделя" ликвидации последнего из европейских фронтов гражданской войны. Оставалось помешать остаткам разбитых петлюровцев скрыться за линию польской границы, и этот заключительный этап операции был проведен совершенно самостоятельно кавбригадой Котовского. Неотступно преследуя панически отступающие части „Украинской" и 3-й Врангелевской армий, котовцы в течение 19—21 ноября подошли к Волочиску и 22 ноября к 18 часам, проведенной под непрерывным огнем артиллерии и пулеметов атакой с дистанции 5 верст, прекращают переправу петлюровцев на западный берег реки Збручь. На глазах обескураженых и против воли нейтральных покровителей-белополяков, скончалась бесславно желто-блакитная армия, потеряв господские пушки, бронепоезда, пулеметы и снаряды[1].

Всего за 12 дней операции 45 дивизия захватила 18 легких и 2 тяжелых орудия, 200 пулеметов, 2 бронепоезда, несколько груженых снарядами эшелонов, огромное число пленных и разное имущество.

45 дивизия показала здесь много боевого искусства, идейной связанности действий частей, инициативности и маневренности в сочетании с упорством в боях и выносливостью в марше. Конница дивизии под руководством незабываемого Котовского дала в этой операции поучительнейшие образцы подвижности, решительности, самоотверженной боевой работы бойцов и командиров вместе с изумительной гибкостью руководства.

Начальные операции 10—12 ноября характеризуются прочной согласованностью и дружностью действий стрелковых и кавалерийской бригад, на протяжении первых 3—4 десятков километров, совершенно уничтоживших всякое сопротивление противника.

Вступление в дело с самого начала операции с обеих сторон крупных частей конницы заранее обещало сообщить широкую маневренность действиям 45 дивизии и противостоящих петлюровских частей. Перевес резко обозначился на стороне лихих полков Котовского, гибкостью, напористостью и искусством маневра неизмеримо превосходивших своих противников — петлюровскую и казачью конницу.

Упорство в боях, проявленное стрелковыми бригадами, наряду с гибким маневром батальонов, безостановочный размах преследования петлюровцев всеми частями дивизии, позволили командованию легко связать последовательностью развития отдельные этапы операции: 1) первый удар в районе Березовка—Черневцы—Бендичаны; 2) быструю ликвидацию попытки контр-маневра петлюровцев в районе Обухов—Котюжаны—Снитково, 3) то же в районе Комаровцы—Галузинцы—Гармаки, 4) молниеносный разгром последней попытки к сопротивлению и контр-наступлению в районе Проскуров — Меджибож и 5) окончательную ликвидацию остатков петлюровцев средствами конницы при безостановочном преследовании противника со стороны всех частей дивизии.

45 дивизия вела разгром Петлюры от удара к удару по важнейшим его группировкам, не боясь временных угроз со стороны отдельных группировок противника на флангах, своими ударами ликвидируя неудачи соседней 60 дивизии. За все время операций ни одна часть 45 дивизии не сделала ни одного шага назад. Действия отдельных полков и артиллерийских дивизионов отличались стремительностью, гибкостью маневрирования и внезапностью ударов, образцом которых может, например, служить операция 402 полка 134 бригады, совершившего после 90 верстного похода ночной налет на расположение отдельной бригады петлюровцев в с. Жучковцы и захватившего там штаб бригады.

[1] О проскуровской операции рассказывает Н. Криворучко в очерке „Налет на Проскуров" (статья „Конец петлюровщины", пом. в этом разделе). *Ред.*

[1] Сокрушительный разгром петлюровских остатков в Волочиске ярко описан Н. Криворучко в очерке „Волочиск" (статья „Конец петлюровщины" пом. в этом разделе). *Ред.*

Наконец, политическая работа в частях дивизии, беспрерывное обслуживание полков газетами, выбрасывание вперед и выпуск почти на линии передовых частей дивизионной газеты „Голос Красноармейца“ [1], вместе с напряженной работой всех коммунистов в каждой из частей,— позволили командованию дивизии и бригад опереться в своей работе на высокую сознательность и готовность к подвигу всех бойцов дивизии.

Быстрая ликвидация петлюровского фронта, как нельзя лучше подкрепляла позицию Советской делегации в мирных переговорах с Польшей. Подготовленные вдоль всей южной половины Юго-Западного фронта белогвардейские банды (Балахович и др.), не получили ожидаемой возможности составить „единый фронт“ с петлюровской контр-революцией для прорыва на Советскую Украину. С водружением славными котовцами красного знамени на левом берегу Волочисской переправы дело мира было прочно закреплено за истощенной беспрерывной интервенцией и переходящей к хозяйственному возрождению, к строительству социализма Советской республикой.

М. ПОГОРСКИЙ.

Бой под Обуховым-Котюжаны.

(12 ноября 1920 года).

18 октября было заключено перемирие с поляками. 45 дивизия сконцентрировалась в районе Винницы. О том, что война кончилась, не думали, не верилось: за прошедшие полтора года привыкли от одного противника переходить к другому, внезапно выраставшему перед Красной армией.

Так было и на этот раз. Вскоре появились упорные слухи, что дивизию перебрасывают на Врангеля. Повидимому это было серьезно, т. к. наша 135 бригада даже один переход сделала в сторону, как нам показалось, Врангеля... Но вслед за этим план изменился: решено было раз навсегда покончить с Петлюрой.

Нас перебросили на юг в район мес. Джурин. Оттуда 10 ноября мы открыли наступление на Петлюру.

Ккк известно, эта кампания продолжалась всего лишь 12 дней, закончившись совершенным разгромом Петлюры. Решающую роль в этой кампании сыграла 45 дивизия, а в последней — кав бригада тов. Котовского, который в этом походе превзошел сам себя, уничтожая ежедневно какой нибудь корпус или дивизию петлюровской армии.

Но и наша пехота дралась стойко, сокрушая противодействие петлюровских дивизий. Вот — решительный бой, в котором петлюровцы сразу почувствовали силу натиска нашей 135 бригады.

12 ноября 403 полк наступал с юго-востока на д. Обухов, 404 полк — левее его на д. Котюжаны, 405 полк, состоя в бригрезерве, в 11 часов вступил в дер. Хреновка,

Погода в этот день, несмотря на зимнее время, вполне благоприятствовала нашим действиям: с утра был небольшой мороз и дул нехолодный северный ветер. Настроение красноармейцев и комсостава было хорошее: все жаждали поскорее закончить с Петлюрой. В 12 часов 12 ноября комполка 405 тов. Минин получил распоряжение от комбрига тов. Голубенко, примкнув справа, поддержать наступление 403 и 404 полков, продвижение которых задерживалось.

Комполка быстро отдает приказания: 2-му баталиону под командой тов. Власова наступать на северную окраину дер. Обухов и поддерживать наступление 403 полка справа; 1-му баталиону под командой тов. Вяткина наступать правее 2-го баталиона, достигнуть леса, что севернее Обухова и, пользуясь подступом, обрушиться на левый фланг противника.

Конная разведка под командой т. Соколенко получила задачу обойти Обуховский лес с севера и обеспечить правый фланг полка.

В 2-х верстах к востоку от Обухова баталионы приняли боевой порядок и, пользуясь лощиной, начали быстро продвигаться к д. Обухов. В это время 403 и 404 полки вели жаркую перестрелку под д. д. Котюжаны и Обухов, но не могли сломить упорного сопротивления петлюровцев.

Своевременный подход 405 полка, захват 1-м баталионом обуховского леса и выход его на западную окраину этого леса — явилось развязкой боя: баталион открыл усиленный огонь по левому флангу противника, последний, не ожидавший появления наших частей со стороны леса, не выдержал и начал спешно отходить.

М. И. Погорский — сын крестьянина - середняка, начпульком 405 полка на польском и петлюровском фронтах, затем (с 1922 г) командир баталиона 133 и 135 полков 45 дивизии. За храбрость и распорядительность, проявленные в бою с петлюровцами под д. Обухов 12/XI 1920 г., награжден орденом Красного Знамени Сейчас командир 22 отдельного пулеметного баталиона XIV корпуса.

Одновременно 404 полк на своем участке перешел в атаку, и противник на всем фронте Котюжаны — Обухов начал откатываться на северо-запад на д. Берлинцы Полевые. При отходе цепи противника смешались и в беспорядке двигались шагах в 200 от наших наступающих цепей. Батарея противника находилась в одном километре западнее д. Обухов на совершенно открытой позиции и прикрывала огнем отход своей пехоты. Военком 405 полка тов. Савейко видя,

[1] Характерную иллюстрацию работы „Голоса Красноармейца“ дает очерк А. Алексеева „Газета на фронте“ (пом. в этом разделе). *Ред.*

что противник ускальзывает, быстро организует из нескольких всадников (комсостава и ординарцев) кавалерийский отряд в 8 человек и, заехав

И. А. Сенькан—командир батареи 3 артдивизиона при 135 бригаде. Участник всех боевых походов 45 дивизии. Батарея т. Сенькана в многочисленных боях отлично сработалась с стрелковыми полками 135 бригады. Награжден орденом Красного Знамени за сбитие петлюровской батареи в бою под д. Обухов 12/XI 1920 г. Сейчас командир батареи 95 стрелк. полка.

лощиной, идущей от западной окраины д. Обухов на северо-запад, галопом бросается в атаку на отступающие петлюровские части

Атака настолько была неожиданной и стремительной, что противник, придя в окончательное расстройство, начал бросать оружие, подымать руки кверху и сдаваться. Таким образом было захвачено в плен до 180 петлюровцев, взято около 200 винтовок, несколько пулеметов и 4 орудия с передками, которых противник не успел снять с позиции, 403 и 404 полком также было захвачено несколько сот пленных.

В нашем „кавалерийском отряде" был убит начальник разведки артиллерии тов. Ширяев, врезавшийся в самую гущу отступавших петлюровцев и заколотый штыком.

В этот же день, в те же, примерно, часы Котовский, подошедший с юга к м. Снитково, разбил наголову цвет петлюровской конницы - „окрему кінну дівізію" (Тютюнника) и, оказавшись в тылу отступавшей петлюровской пехоты, ликвидировал ее целиком.

Наша победа была полная и решающая.

Вслед за этим, без особых затруднений, 135 бригада последовательно овладевала рядом пунктов от Обухова до Волочиска в тесной связи с Котовским. Для Котовского этот поход был настоящим праздником. Он последовательно уничтожил Удовиченко, Фролова, Тютюнника, какую-то 3-ю врангелевскую армию, внезапно оказавшуюся на этом фронте, какой-то офицерский конный полк и т. д. В конце концов, 22-XI, он как буря, ворвался в Волочиск, прикончив там остатки петлюровской армии.

135-я бригада привыкла драться рядом с Котовским. Он любил ее больше других бригад нашей дивизии, так как ценил ее стойкость.

В боях против Петлюры это боевое содружество выразилось особенно ярко.

Акт

обследования подвигов, совершенных Отдельной кавалерийской бригадой тов. Котовского при 45-й Советской стрелковой дивизии в период операций против армии Петлюры и 3-й армии Врангеля с 10 по 22 ноября 1920 года.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатаемый ниже „акт" о подвигах кавбригады Котовского, независимо от строгого, официального стиля изложения, свойственного официальному документу, в силу одного своего содержания представляет собою увлекательный рассказ, развертывающий перед читателем яркую картину исключительных по отваге и замечательному руководству лихих действий кавбригады т. Котовского, следствием которых явился полный разгром петлюровской армии. Поэтому редакция помещает этот документ целиком.

13 декабря 1920 г. По распоряжению начдива 45 т. Якира настоящий акт составлен на основании п. 4 о порядке представления к награждению почетным Революционным Красным Знаменем, по оперативным и разведывательным сводкам, оперативным приказам и личным разговорам и впечатлениям.

10 ноября 1920 г.

К 24 часам 9/XI кавбригада сосредоточилась в исходном положении в д. Володиевцы, что 12 в. юго-западнее м. Джурин. Противник крупными силами (3-я „железная" дивизия полковника Удовиченко) занимал линию р. Мурашка: д. д. Березовка—Лужки—Черневцы.

С рассветом 10/XI кавбригада в связи с 135 и 134 бригадами из д. Володиевцы перешла в решительное наступление на д.д. Березовка—Шендеровка. По сильно пересеченной местности, по испорченным дождем дорогам и при густом тумане бригада быстро подходила к д. Березовка, откуда была встречена сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем крупных частей противника, занимавших эту деревню. Шедший во главе колонны 2-й кавполк, не имея возможности атаковать противника в конном строю, был спешен и при

поддержке конной батареи, выброшенной на линию цепи и открывшей сильный огонь прямой наводкой, полк дружным ударом выбил значительно превосходящего противника из села Березовка и обратил его в паническое бегство.

По занятии села полк был немедленно посажен на коней и вместе с 1-м кавполком продолжал развивать преследование отступающего противника на Шендеровку, одновременно заходя в тыл м. Черневцы для оказания содействия наступающей на Черневцы 134 бригаде. При подходе к дер. Шендеровка бригада вновь была встречена огнем свежих пехотных частей противника, занимавших эту деревню. Построенная лавой, бригада стремительным ударом выбила противника из деревни и, захватывая крупные трофеи, продолжала преследовать его на д. Следы.

При подходе к этой деревне бригада была встречена кавгруппой противника. Несмотря на значительную усталость людей и лошадей, лихой атакой кавгруппа противника была сбита и в панике отступила на ст. Бендичаны, при чем вновь были захвачены пленные и трофеи. После короткого отдыха в д. Следы бригада, выполняя приказ по дивизии, перешла и расположилась на ночлег в д. Беляны.

В результате упорных боев всего дня 10 XI, бригада опрокинула и разгромила значительные силы лучшей „Украинской" дивизии, захватив около 400 пленных, 6 легких орудий, 11 пулеметов, большой обоз, в том числе 2 кухни, до 300 винтовок, ручные гранаты и канцелярию. Вследствие умелого руководства и стремительности атак кавбригады, последняя понесла ничтожные потери: 1 красноармеец убит и 1 ранен.

11 ноября.

Продолжая выполнять приказ по дивизии, кавбригада к 9 часам 11/XI перешла в дальнейшее наступление через д. Сугаки на ст. и д. Немерчи. Но по прибытии в дер. Сугаки разведка бригады обнаружила движение свежих и крупных кавчастей противника с севера на юг через д. и ст. Бендичаны, во фланг наступающим частям 134-й бригады и 41 дивизии.

Дабы не дать возможности кавалерии противника обрушиться на левый фланг дивизии, части кавбригады по собственной инициативе от д. Сугаки по весьма пересеченной и неудобной местности быстро перебросились в район д. Бендичаны, где вступили в ожесточенный бой с кавалерийскими частями противника, занимавшими дер. Бендичаны и экономию, что южнее этой деревни. Кавполки, при поддержке огня конной батареи, в конном строю под ураганным огнем противника атаковали деревню и заняли ее. Кавалерия противника (отряд Фролова в составе 500 сабель), не выдержав лихой атаки значительно меньшей его кавбригады, бросилась в паническое бегство в направлении м. Озаринцы. Стараясь уклониться от боя, морально расстроенный противник при бегстве побросал значительное количество своих пулеметов, из которых кавбригадой было подобрано 5, остальные пулеметы (до 30 штук) были захвачены 134 бригадой, атаковавшей противника во фланг во время его отступления на Озаринцы. Вместе с прочими трофеями здесь же было захвачено кавбригадой знамя фроловцев.

Преследуя от д. Бендичаны кавалерию противника, кавбригада за д. Бендичаны настигла его кавалерийскую задержку силою до 30 сабель и целиком ее уничтожила. Вследствие того что в это время кавбригада вошла в связь с 1-м Конкорпусом, выдвигавшимся из района Куковка-Себринцы на Изранловку, дальнейшее преследование кавалерии противника было прекращено, и кавбригада, продолжая выполнять приказ дивизии, из района Бендичаны к вечеру перешла и расположилась на ночлег в районе Мал. Ольчадаев-Ломозов. В результате боя 11/XI кавбригада нанесла решительное поражение крупной и лучшей кавалерийской части противника-отряду Фролова, разгром которого затем был довершен частями 134 бригады и 1 Конкорпуса.

12 ноября.

С рассветом 12/XI кавбригада, выполняя полученный через 134 бригаду приказ начдива, из д. Мал. Ольчадаев через д. Попелюхи выступила на Вел. Ольчадаев, захватывая левыми боковыми кавраз'ездами д.д. Беляны и Перекоринцы. Противника перед фронтом бригады не было.

Около 13 часов разведка выяснила, что восточнее ст. Котюжаны 135 бригада ведет упорный бой. Противник, подтянув свежие части 4-й Киевской и 6-й Волынской дивизий, а также крупные кавчасти, в ночь с 11 на 12 ноября сбил левый фланг 60 дивизии в районе Копай Город — Котюжаны и с рассветом 12/XI перешел в энергичное контрнаступление на 135 бригаду. Для содействия 135 бригаде кавбригада из В. Ольчадаев быстро перебросилась в район д. Котюжаны и смелым маневром стала обходить ведшие с 135 бригадой бой пехотные и кавалерийские части противника с запада и северо-запада. Противник, не будучи в силах противостоять натиску 135 бригады и обходу кавбригадой, стал в панике разбегаться, бросая орудия и пулеметы, винтовки и обозы. Кавалерия противника также стала рассеиваться, причем часть ее выкинула белый флаг из'являя намерение сдаться. Но одновременно с этим по шоссе из м. Снитково появилась спешно шедшая на поддержку противника свежая отдельная кавдивизия в полном составе (более 1000 сабель). Зашедши в тыл кавбригаде, кавдивизия противника развернулась в боевой порядок. Видя, что кавбригада оказалась в кольце между нею и вновь оправившимися пехотными и кавалерийскими частями, ведшими бой с 135 бригадой, кавдивизия выслала кавбригаде парламентеров с предложением сдаться. Кавполки, построенные для боя в восточном направлении, еще совершенно не были готовы для встречи удара с запада, вследствие чего кавбригада оказалась в весьма трудных условиях. Чтобы выиграть время для перестроения кавполков и удара на отдельную кавдивизию противника, командир 2-го кавполка тов. Криворучко лично стал вести мнимые переговоры о сдаче. Во время этих переговоров успевшие быстро перестроиться кавполки с неудержимой энергией бросились в лихую атаку на кавдивизию; последняя, несмотря на более чем двойное численное свое превосходство и на выгодно занимаемую ею позицию, была опро-

кинута и пустилась в паническое бегство во всех направлениях, бросив обоз, 8 пулеметов и 1 орудие. Прорвав кольцо противника, кавбригада преследовала его до д. Снитково, зарубив много солдат и офицеров. Дальнейшее преследование бежавшего на д. Долиняне противника было прекращено ввиду усталости людей и лошадей. Вся пехота противника численностью до 500 человек была захвачена в плен.

В бою у Котюжан 12-го ноября кавбригада с 135 бригадой разгромила и совершенно вывела из строя 4 и 6 неприятельские дивизии и нанесла решительное поражение самой крупной кавчасти противника — отдельной кавдивизии Тютюнника, после которого она не могла оправиться до самой ликвидации „Украинской" армии. 12-го ноября закончена блестяще первая половина операции — разгром живой силы „Украинской" армии, части которой отдельными отрядами, совершенно не связанными друг с другом, расстроенные морально, без боя бежали в направлении Проскуров и Ярмолинцы, бросая материальную часть. Главная масса армии, мобилизованные и бывшие военнопленные красноармейцы, крупными партиями с оружием переходят на нашу сторону.

13-го ноября.

Для развития дальнейшего преследования противника и разгрома левой его группы, главным образом, кавалерийского отряда есаула Яковлева — части 45-й дивизии и XIV армии в течение дня 13-го ноября, продолжая преследовать противника передовыми частями, производят перегруппировку главных сил, имея целью нанесение главного удара на Проскуров. Кавбригада 13-го ноября остается в м. Снитково. Разведка, высланная вперед на 20 вер., противника не обнаружила.

14-го ноября.

После полудня кавбригада выступает из м. Снитково и к вечеру сосредотачивается в исходном положении для дальнейшего наступления — в д. Мигалевцы, что севернее м. Елтушково.

15-го ноября.

Из захваченного нами оперприказа петлюровской армии установлено весьма крупное сосредоточение „Украинской" и появившейся на фронте 3-й армии генерала Врангеля в районе ст. Комаровцы—Елтухи—Нов. и Стар. Гармаки, 14 ноября потеснивших правый фланг 60 дивизии. Противник имеет задачу утром 15-го ноября перейти в энергичное наступление на Бар—Елтушково для окончательной ликвидации нашего наступления.

Во исполнение приказа по дивизии кавбригада вместе с 135 бригадой с утра 15-го ноября переходит в дальнейшее наступление, без особенного труда занимает Нов. и Стар. Гармаки и в районе д. Галузинцы разбивает крупные пехотные и кавчасти противника, теснящие 60 дивизию к Бару, опрокидывает и сбрасывает 1-ю пехотную дивизию 3-й армии Врангеля. Не давая противнику возможности сосредоточиться и перестроиться, кавбригада преследует его до Шелеховской слободы, где и остается на ночлег. За день захвачено 350 пленных и трофеи. Контр-маневр 3-й армии Врангеля и украинских частей (группа генерала Загорецкого) быстрыми и высоко инициативными действиями кавбригады и 135 бригады ликвидируется в самом начале, не получив никакого развития. Опасность прорыва на участке 60 дивизии отпадает, и последняя восстанавливает свое положение в районе ст. Комаровцы. 3-й армии Врангеля и особенно ее пехотным частям, еще совершенно не обстрелянным, наносится крупное поражение: армия морально разлагается, и солдаты ее крупными партиями переходят на нашу сторону.

16-го ноября.

В течение дня 16-го ноября части дивизии и кавбригады продолжают стремительно развивать достигнутый 15-го ноября успех и, не давая возможности противнику перегруппироваться и сосредоточиться, преследуют его на Проскуров, захватывая громадные трофеи и пленных. К вечеру кавбригада сосредоточилась в Михалполе. Разведкой установлено сосредоточение всех боеспособных частей украинской армии и еще не введенных в бой частей 3-й армии Врангеля в районе гор. Проскурова, где противник намерен оказать упорное сопротивление. Кавалерийская дивизия Яковлева в районе: д. Голосково—м. Меджибож.

17-го ноября.

Несмотря на выдвинутое вперед положение дивизии и обнаженность более чем на 25 верст правого ее фланга, на котором висит в районе Голоскова в полном составе кавдивизия Яковлева, кавбригада с утра 17-го ноября из района Михалполя выступает на Проскуров для удара по главным силам противника и окончательной его деморализации. В районе д. Казимировка, что 12 верст сев. м. Михалполя, кавбригада ведет упорный бой с Сводно-Кавказским конным полком 1-й дивизии 3-й армии, в результате которого совершенно уничтожает его, при чем 60 человек взято в плен, а остальные были зарублены и разбежались. После этого кавбригада переходит в д. Баламутовка и вследствие сильной усталости лошадей, в течение 3-х суток делавших большие переходы с боем, останавливается в этой деревне на ночлег.

18-го ноября.

В ночь с 17 на 18 части кавдивизии Яковлева занимают м. Деражня, выбив оттуда части 60 дивизии. 1-й конкорпус в районе Яблоновка—Зяньковцы—Буцневцы. Считая единственным средством ликвидации зарвавшегося в районе Деражня противника удар по его главным силам и тылам в Проскурове, кавбригада несмотря на отсутствие связи с 1-м конкорпусом в 3 часа утра 18 ноября из д. Баламутовка форсированным маршем наступает на Проскуров, с рассветом переправляется через озеро Дубовые, где сбивает передовые заставы противника и вступает в бой с его главными силами. Крупные пехотные и кавалерийские части противника, вышедшие из города, при поддержке ураганного артогня двух бронепоездов, 8 легких и 2 тяжелых орудий, стрелявших со стороны д. Заречье, оказывают упорное сопротивление, но части кавбригады после двухчасового боя геройски сломили сопротивление несколько раз превосходного противника и ворвались в город.

Конная батарея бригады, выбросившись на линию наступающих частей и открыв меткий ураганный огонь по городу, оказывала содействие кавалерии. В городе захвачены трофеи, обоз и отбита большая партия пленных красноармейцев.

Деморализованный противник, не ожидавший такого быстрого выдвижения в районе Проскурова, потеряв окончательно связь с правой группой и кавдивизией Яковлева, в панике бежит в северном и сев.-западном направлении. Кавдивизия Яковлева, намеревавшаяся из района Голосков—Деражня произвести глубокий рейд в тыл 24 и 45 дивизиям, по занятии кавбригадой гор. Проскурова быстро свернулась и из района Деражня ушла на Проскуров.

19, 20 и 21 ноября.

В течение 19, 20 и 21 ноября продолжается развитие успеха кавбригады у Проскурова. На линию Проскуров—Черный Остров выдвигаются оставшиеся далеко позади части 1-го Конкорпуса и 60 дивизии, ведущие бои с арьергардными частями противника. Последний отдельными, не связанными друг с другом, группами, отходит на Волочиск, бросая значительную материальную часть. К вечеру 21-го ноября наша XIV армия сосредоточилась для окончательной ликвидации противника.

22-го ноября.

С рассветом 22-го ноября кавбригада, сосредоточенная в д. Бокиевка, что 13 верст юго-западнее Черного Острова выступает на Волочиск. Части 1-го Конкорпуса, задержавшиеся в районе Черного Острова, выступают в том же направлении.

Разведкой выяснено, что между противником и поляками достигнуто соглашение о пропуске остатков „Украинской“ и 3-й армии Врангеля со всей материальной частью в Галицию. Кавбригада, не ожидая выдвижения на занимаемую ею линию частей 1-го Конкорпуса, совершенно самостоятельно, без всякой поддержки справа и слева, форсированным маршем идет прямо на Волочиск. Идя по пятам противника, сосредоточившего все свои силы в районе Волочиска, сметая его арьергардные части, под ураганным огнем бронепоездов, кавбригада переменным аллюром проходит по маршруту Гарнишевка—Янушевцы—Бальковцы, тесня огромные силы противника, и от д. Фридриховка бросается в стремительную атаку. Последние 5 верст перед Волочиском бригада прошла галопом под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника и в 18 час. конечным ударом сбивает его главные силы на лед, отрезая их от моста. Буквально из рук вырывает переправляемые на польский берег орудия, эшелоны и материальную часть. Доканчивает ликвидацию остатков армии противника и захватывает много пленных и громадные трофеи: 8 орудий, 2 бронепоезда, богатый обоз, 4 эшелона с арттехимуществом и проч.

13 декабря 1920 г. Штадив 45.

Комкор из батраков.

(Н. Н. Криворучко).

Ему теперь 42 года. Сын батрака села Березняги, Шелепухской волости, быв. Черкасского уезда,—тов. Криворучко в детстве был пастухом. В юношеские годы Криворучко служит кучером у попа в дер. Кумейки и у директора винокуренного завода в сел. Софиевка. Затем ушел в Екатеринослав, был пекарем, потом грузчиком на пристани в Амуре. В 1905 г. принимал участие в маевке вместе с дядей, рабочим Брянского завода. После ареста дяди уехал в Оренбург и поступил рабочим на строящуюся железную дорогу Оренбург—Ташкент. Возвратившись на Украину, поступает на работу в шахты Кривого Рога, а затем Донбасса. Здесь застал его призыв на военную службу в 1907 году.

Прослужив 7 лет в 12-м уланском Белгородском полку (в г. Проскурове), т. Криворучко вместе с ним выступает на фронт. Образцовый солдат, лихой кавалерист, отличный рубака, ловкий разведчик, умный, распорядительный начальник, единственным недостатком которого является почти полная безграмотность, тов. Криворучко производится в чин вахмистра.

Февральская революция 1917 года застала полк на румынском фронте.

Вскоре в связи с начавшимися внутри страны революционными вспышками против временного правительства полк перебрасывается для охраны порядка в гор. Ананьев, Херсонской губернии. Здесь тов. Криворучко, избранный председателем эскадронного комитета, связывается с подпольной большевистской организацией, во главе которой стоит Боханцев, старый матрос-потемкинец. Организация, раскрывая Криворучке глаза на сущность классовой борьбы, завоевывает его для дела большевиков. В полку, руководимые Криворучкой, формируются кадры сторонников власти Советов.

Н. Н. Криворучко

В ноябре 1917 года с образованием на Украине Центральной Рады, 12-й уланский полк переформировывается в украинскую национальную часть с восстановлением старого привилегированного положения офицерства. Тов. Криворучко восстает против своего начальства. Во главе революционно настроенных солдат он откалывается от полка и организует отряд для борьбы за власть Советов. Выступивший на усмирение „бунтовщиков" старый уланский полк, перешедший на сторону Рады, разбивается на голову отрядом Криворучко.

С этого момента начинается революционная деятельность т. Криворучки. Во главе своего отряда Криворучко ведет партизанскую борьбу против оккупантов—немцев, австрийцев, позже французов, греков и румын. В то же время он уничтожает отряды гетманцев, а позднее (1918—1919 г.) ведет непримиримую борьбу против петлюровцев и расплодившихся в то смутное время в большом числе лже-революционных отрядов, возглавлявшихся всевозможными авантюристами (Григорьев, Попов, Казаков, и многие др.). С 1918 г. отряд Криворучки работает по заданиям Областного Комитета большевистской партии в Одессе. Наконец, в 1919 году, когда Советские войска заняли Украину, тов. Криворучко со своим отрядом вливается в регулярную Красную армию.

В Красной армии Криворучко проходит все ступени, начиная от командира эскадрона и до командира 2-го кавалерийского корпуса, должности, занятой им после смерти своего ближайшего начальника, боевого товарища и друга—незабвенного Котовского.

Тов. Криворучко лично участвовал во всех, без исключения, боях знаменитой кавбригады Котовского, всегда впереди красноармейцев, заражая

их своей безумной отвагой. Он умел не только храбро сражаться, но и руководить частью, организовывать бой и довести его до конца, заменить в любой момент выбывшего старшего начальника.

Вне боя—он друг и ближайший товарищ красноармейцев, прост и разговорчив, но во время дела у него нет друзей, в бою—он суров и беспощаден к тем, кто уклоняется от своего долга—типичный красный командир.

Его сила воли такова, что в самые тяжелые минуты он не только умел поддержать дух бойцов, но и сделать их героями и вести их к победе.

„Котовцы не сдаются, они умирают или побеждают"—вот подлинные слова тов. Криворучко, сказанные им в безвыходном, казалось бы, положении кавбригады под Божьей Горой. (23/VII-1920 г.)

Отличный кавалерист—никто в корпусе так не рубит, не работает пикой, не джигитует.

Ранен 3 раза. Имеет только 2 ордена Красного Знамени, достоин значительно больших наград, но его это не беспокоит. Он скромен, но знает себе цену, верит в свои силы и внушает другим веру в себя.

Таков этот комкор, рожденный революцией.

Н. КРИВОРУЧКО

Конец петлюровщины.

Война с поляками окончилась. Остались петлюровцы. У котовцев против этой шпаны давно чесались руки.

Не знаю, серьезно ли думал Петлюра, что ему со своей, наскоро мобилизованной из местного населения, пехотой, „гвардией" Тютюнника и конницей нескольких донских и кубанских прохвостов (Фролов, Яковлев) удастся сделать то, чего не сумела сделать вымуштрованная польская регулярная армия,—завоевать Украину, рассчитывал ли он на „загальне повстання" населения, или просто нужно ему было выслужиться перед французским правительством—факт тот, что широко задуманное наступление „украинской" армии провалилось самым постыдным образом. Менее чем в 2 недели эта „армия" была разнесена в пух и прах красными войсками, и далеко не последнюю роль сыграли здесь котовцы.

Вот несколько интересных эпизодов.

1. Разгром Тютюнника под Снитковым.

В районе ст. Бендичаны и Ольчадаев мы 11 ноября разбили конницу Фролова, а когда стали ее преследовать, внезапно налетели на червонцев (8-я кавдивизия Черв. Казачества). Ни они нас, ни мы их не узнали, и завязался бой. Под артиллерийским огнем червонцев мы бросаемся на них в атаку, окружаем и едва не порубили. С трудом узнали друг друга. Чтобы впредь таких случаев не повторялось, Котовский с Примаковым договорились, в каких направлениях будет действовать каждый. Примаков намеревался перейти в район Курашовцы-Татариска.

На следующий день (12 ноября) мы продвигались на север вдоль р. Лядова в тыл пехоте Тютюнника, дравшейся с нашей 135-й бригадой у Котюжаны-Обухов. Проходя через д. Татариска, застали там квартирьеров 8-й Червонной—значит, червонцы будут здесь.

Бой 135-й бригады был в полном разгаре. Петлюровцы на восточном берегу р. Лядова уже отступали, но на зап. берегу было еще много свежей пехоты, повидимому, резервов, и целая бригада конницы, готовившей, повидимому, удар на продвигавшуюся 135-ю бригаду.

При нашем появлении пехота стала отступать в дер. Куращовцы и пачками сдаваться в плен, а конница, не принимая боя, принялась отходить к северу. Котовский поставил батарею у шоссе Котюжаны-Снитково, приказав Просфирину (командиру батареи) вести огонь против пехоты, все еще сопротивлявшейся 135-й бригаде; а с остальной бригадой отправился в погоню за конницей.

Вдруг конница выкинула белый флаг, выражая этим желание сдаться. Котовский высылает вперед 1-й кавполк, но при его приближении петлюровцы вновь отходят, не свертывая, однако, белого флага; достигнув дер. Берлинцы Полевые, они начинают переправляться на восточный берег реки Лядова. Я, не выдержав, скомандовал 2-му кавполку „в атаку",но немедленно подскакавший Котовский приостановил развертывание полка. Не знаю почему, ему казалось, что удастся принудить конницу сдаться без боя.

Между тем, конница противника продолжала переправляться через реку, ограждая себя белым флагом. Было ясно, что они нас дурачат. Снова не выдерживаю: приказываю командиру пулеметного эскадрона открыть по переправляющейся колонне конницы пулеметный огонь.

Но едва только застрекотали пулеметы, снова подскакал взбешенный Котовский,.., и тут досталось и мне, и командиру пульэскадрона.

Тогда я, в свою очередь выведенный из терпения, бросился с 5-ю всадниками вдогонку за противником, чтобы положить конец этой комедии. Навстречу выезжает группа всадников—человек 20. Сошлись на 40-50 шагов. Остановились.

Во главе группы „сам" Тютюнник. Я крикнул:

— Що ж ви здаєтесь, чи ні, бо зараз від вас тільки шматки залишаться?

В ответ Тютюнник вынимает маузер и производит в меня несколько выстрелов.

Я снова крикнул ему:

— Ах ти, дурья голова... Ще й атаман... Виходи на клинки, один на один... Чия візьме?

Тютюнник говорит: „Добре..." Посовещался со своими. Смотрю, те зашевелились, что-то хотят предпринять.

Мне надоела эта игра. Соскакиваю с лошади, снимаю карабин и стреляю в Тютюнника. Под ним падает лошадь, он вскакивает сзади на лошадь казака, которая уносит обоих в деревню. Вмиг и вся группа исчезла из виду.

Бросаемся к убитой лошади. Снимаем седло, раскрываем кобура. Среди других предметов на-

ходим бритву в серебряной коробочке с монограммой и посвящением от французского правительства. Эта бритва и сейчас у меня.

А конница, между тем, вся переправилась на тот берег и стала удаляться на м. Верховка. Белый флаг свернули и выбросили желто-блакитный.

И. Г. Кириченко—красный партизан приднестровских отрядов. В 1919 г. командир взвода 15 кавдивизиона при 3 бригаде 45 дивизии, влившегося в кавбригаду т. Котовского. В 1920 г. командир эскадрона 2 кавполка кавбригады Котовского, затем (1921 г.) помощник командира полка. Один из наиболее боевых котовцев, участник бесчисленного множества кавалерийских атак, схваток и боев. Награжден 2 орденами Красного Знамени. Сейчас командир 15 кавполка 3 Бессарабской кавдивизии.

Возвращаюсь к Котовскому. Докладываю...

Но тут события приняли новый оборот. Подлетел на галопе со своей батареей Просфирин. Докладывает:

— В тыл наступает конница—всадников 600, а то и больше. Я едва успел снять батарею.

— Откуда наступает?

— Из дер. Татариска.

— Да этого быть не может,—вскипел Котовский,—в Татариска червонцы. Ты опять червонцев за противника принял.

Но подскакавший начальник прикрытия докладывает то же: из Татариска движется множество кавалерии противника.

—Врете вы оба,—заволновался Котовский. Вот увидите сейчас, что это червонцы пришли нам на поддержку. Едем со мной, Криворучко. Бери человек 5, знамя и красный флаг, чтобы им ясно было, кто мы.

Поехали—Котовский, я, Симонов, Бригадир, Удовиченко и еще два или три человека. Действительно, у шоссе выстроилось в боевой порядок несколько конных полков.

— Конечно, червонцы,—говорит Котовский.

Под'езжаем ближе. Видим, кавалерия одета в желтые полушубки.

— Ну нет,—говорю я Котовскому—это не червонцы. Те,—ты сам знаешь, в чем.

Котовский все еще не верит.

Нас заметили. От строя отделяется взвод, сабель 30. Впереди несется сотник. Черные шлыки развеваются по ветру.

— Вот так червонцы...—вырвалось у нас.

Петлюровцы приближаются галопом...

Подскакали шагов на 25. Встали...

Хто ви такі?—крикнул нам сотник.

Котовцы,—ответил я.—А вы—кто?

Мы—козаки Яковлева.

— Так...

— Ну що,—крикнул снова сотник,—прийматимете бійку, чи здаватиметесь?

А вот зараз поміркуємо.

Я толкнул стременем Котовского, он толкнул меня.

— Оставайся и веди переговоры,—сказал мне Котовский,—пока я не подведу бригаду.

— От зараз,—крикнул я сотнику,—пішлемо товариша до Котовського, бо він ще сьогодні казав мені, що хоче пристати до Петлюри.

Котовский поскакал к бригаде.

— А тим часом кажіть нам ваші умови,—обратился я снова к сотнику.

По взаимному соглашению мы от'ехали шагов на 30 в сторону от прочих и сошлись вплотную. Подаем друг другу руки.

У меня в руках пика с красным флагом, взятым по приказанию Котовского.

— По перед усім—заявил сотник,—зверніть цього червоного прапора, щоб він не майорив перед моїми очима.

Я свернул флаг и застегнул его на пуговицу.

- Як що ви здаєтесь без бійки,—продолжал сотник,—вашим старшинам, чи командирам, та козакам не буде зроблено ніякого лиха.

Я спросил его, каким порядком должна быть произведена сдача.

— Зложіть у полі всю зброю, гармати, кулемети та сідла, червоноармійці зійдуть з коней і будуть вести їх в поводу, а Котовський та штаб повинні проїхати вперед.

Я сказал, что условия эти подходящие и Котовский их, наверное, примет, только нужно изложить их на бумаге, надо же Котовскому иметь в руках документ.

Он согласился со мной, вытащил блокнот и стал одно за другим перечислять условия. Время, таким образом, шло. Я придумывал, чем бы еще его занять. Задаю вопрос:

- А що, добродію, буде зроблено із нашими ком'сарами та комуністами? Котовський за це дуже безпокоїться, бо є серед них гарні хлопці.

— Усіх комісарів та комуністів,—отвечает,—буде зарештовано та відправлено до Львова. Там, мабуть, будуть судити, що-ж до іншого комскладу,—ні один волос не спаде з голови...

— Та ви ж і це,—говорю я ему,—зафіксіруйте.

— Добре,—и он снова углубился в писание.

Я стоял, не оглядываясь, дабы не возбуждать его подозрений.

Окончив писание, он поднял голову и вдруг изменился в лице.

— Чого це ваша кіннота,—спросил он взволнованно,—построілася в бойовий порядок і чому виходить із-за бугра?

Я понял, что за моей спиной показалась кавбригада.

— А чому,—говорю,—ваша кіннота теж стоїть у бойовому порядкові?

— Та ви-ж здаєтесь...

— Ну, це ще ми побачимо, хто кому здасться.

Он сразу понял все, круто повернул коня и галопом поскакал к своим. Я пришпорил своего коня, нагнал сотника и со всего размаху всадил ему пику в спину. Пика с флагом прошла насквозь до половины древка, и тело сотника повисло на ней.

Я хотел сбросить тело с пики, но мешал флаг. Мой конь, испугавшись тела, взвился на дыбы. Времени терять нельзя было. Кавбригада, предводимая Котовским, уже неслась в атаку на яковлевцев и сгруппировавшуюся около них петлю-

ровскую пехоту. Я бросил пику с телом сотника и встал во главе своего 2-го кавполка.

Батарея Просфирина, открывшая огонь по коннице, с первого же снаряда угодила в самую гущу яковлевцев. Котовский с 1-м кавполком бросился на пехоту, я—прямо на конницу. Яковлевцы не выдержали атаки и повернули коней. Отдельные их отряды несколько раз пытались оказать сопротивление, но вскоре побежали все. Их батарея ззгрузла в речушке. В дикой панике казаки летели на Снитково. Мост в Сниткове не выдержал массы всадников и провалился, перила обломались, люди и лошади летели в воду, а котовцы рубили направо и налево.

Тем временем Котовский окружил пехоту и принудил к сдаче 465 человек. 135-я бригада также разгромила стоявшего перед ней противника и сейчас преследовала его.

Вся пехота и конница, с которой нам пришлось сегодня иметь дело, принадлежала к группе Тютюнника, в том числе и разгромленная нами яковлевская бригада, состоявшая из кубанских казаков-украинцев, сформированная Яковлевым в Галиции и переданная им Тютюннику.

Трофеи этого дня были огромны. Было бы долго их перечислять. „Гвардия" Петлюры—дивизия Тютюнника перестала существовать; трупами ее было усеяно поле битвы у Котюжаны-Снитково, а живые—в длинных колоннах, безоружные, окровавленные, грязные, раздетые следовали в штаб XIV армии.

За пленными на 40 повозках везли собранное после боя оружие.

Одна лишь конная бригада во главе с самим Тютюнником обманным путем ушла в этот день от разгрома. Не ее ли крошили котовцы через год у мес. Базар?

2. Налет на Проскуров.

17 ноября из м. Михалполь кавбригада двинулась на Проскуров. По дороге разведка донесла, что в дер. Казимировка, влево от нашего движения, сгруппировалась какая-то странная пехота: английское обмундирование, французские плащи в накидку, на рукавах и на верхах фуражек нашиты белые кресты.

Котовский заинтересовался „белокрестиками" и свернул на Казимировку. Здесь нас встретили сильнейшим ружейным и пулеметным огнем. Один полк спешился и пошел в атаку. Атаку отбили. Вторую и третью—тоже. Сразу почувствовалось, что мы имеем дело не с простым противником. Это нас раззадорило.

Пустили в ход артиллерию и пулеметы, направили часть сил в обход и, действуя в пешем и конном строю, мобилизовав все свои средства, выгнали, наконец, противника из деревни на чистое поле, где намеревались покончить с ним привычной конной атакой.

Не тут то было. „Белокрестики", несмотря на свою малочисленность (их было всего 150 чел.), дрались отчаянно. 5 раз мы атаковывали их и столько же раз отскакивали. Их меткий ружейный и пулеметный огонь наносил нам чувствительные потери, усиливая наше озлобление. Вот уже 3 часа продолжался жаркий бой, а решения все еще не наступало.

Командир конной батареи кавбригады Котовского т. Просфирин (впереди колонны) перед выступлением батареи с одного из ночлегов на польском фронте. В глубине рядом с орудием т. Котовский (отмечен крестиком).

Наконец, изнеможенные непосильным боем, окруженные конницей, сокрушенные губительным артиллерийским и пулеметным огнем, „белокрестики" стали сдавать. Их огонь ослабел, и было видно, что они не выдержат новой атаки. Наконец то мы врезались в их ряды, и пошла рубка. „Белокрестики" защищались до последнего. Не желая сдаваться, многие сами себя расстреливали из винтовок и взрывали ручными гранатами: бросит гранату и ляжет на нее, или же приставит запаленную французскую гранату к голове. Осколками этих гранат было убито и ранено много котовцев.

Но вот последнее сопротивление сломлено. Все поле усеяно белыми крестами. Человек 50 взято в плен. Братва, пришедшая в ярость, не признает уважения к храбрости побежденного противника: пленных тут-же, прислонив к забору, расстреливают. Среди пленных поп с крестом; его расстреливают в первую очередь...

Котовский на лошади, с обнаженным клинком в руках, врезался в толпу и прекратил расстрелы. Пленных успокоили и допросили. „Белокрестики“ оказались спешенным эскадроном какого-то офицерского конного полка. Все они были сплошь офицерами. Котовский, который любил храбрость, обошелся с ними ласково, а они заявили ему о своем желании служить в Красной армии. Котовский дошел даже до того, что послал их под честное слово, без конвоя, в свой тыловой штаб, поручив отвод старшему из них — капитану Романкевичу. Впоследствии многие из них служили в кавбригаде: Романкевич, Андреев и другие.

Я. П. Продан—красный партизан Ананьевского отряда т. Криворучки, затем (1919 г.) красноармеец 15 кавдивизиона при 3 бригаде 45 дивизии. В 1920 г. командир взвода конной батареи кавбригады Котовского, затем помощник командира батареи. После смерти тов. Просфирина под Проскуровым (18 ноября 1920 г.), командует батареей в последующих боях с петлюровцами. Участник всех операций кавбригады т. Котовского на всех фронтах. За неоднократно проявленную храбрость награжден орденом Красного Знамени. Член ВКП(б). Сейчас работает на сахзаводе им. К. Маркса в гор. Умани.

Отдыхали в дер. Баламутовка, в 15 верстах южнее Проскурова, а вечером двинулись на самый Проскуров. Под Проскуровым имеются большие сады и парки, называемые хутора Дубовые. Здесь, под прикрытием ночи, остановилась кавбригада. По приказанию Котовского я со взводом надежных людей отправился в разведку в самый город Проскуров.

Я хорошо знал Проскуров, так как при царизме отбывал там военную службу в 12-м уланском Белогородском полку. На электрической станции у меня были знакомые рабочие. Пройдя скрытыми подступами через предместье Кавказ и железную дорогу, я разыскал одного из своих знакомых и узнал от него, что в городе стоит тыловой штаб Яковлева и много обозов; в тюрьме много красноармейцев и рабочих; в городе в эту ночь идет сильная гулянка.

Я выехал на центральную Миллионную улицу. Улица и дворы были полны повозок и лошадей. Охранение неслось плохо: меня даже никто не окликнул. Строевых частей не было видно.

Я поехал назад и, вернувшись на жел. дорогу, узнал от стрелочника, что недалеко стоит петлюровский бронепоезд „Запорожець“. Вместе со стрелочником мы разобрали одно звено железнодорожных рельс, чтобы отрезать бронепоезду путь отхода. После этого я вернулся к Котовскому.

Котовский, выслушав меня, приказал артиллерии немедленно встать на позицию и открыть ураганный огонь по станции, после обстрела станции—перенести огонь на город. С первыми выстрелами кавбригада выступила на Проскуров. Котовский с 1-м кавполком налетел на станцию, а оттуда ворвался в город, я со 2-м кавполком пошел на дер. Ракова, где, по сведениям, было много наших пленных.

Я вскочил в Ракову неожиданно и поднял там переполох. Во всех клунях и даже на улицах деревни лежали на соломе пленные красноармейцы, оборванные и жалкие. Петлюровский караул, человек 60, выскочил на улицу, но сейчас же был нами окружен и частично изрублен, частично захвачен.

Пленные красноармейцы повскакали на ноги, ничего не соображая. Когда я закричал им: „хватайте оружие, идем на Проскуров“, никто не шевельнулся, очевидно, мне не верили.

Я снова закричал:

— Мы—котовцы. Берите же оружие и идите с нами!

Молчат и не трогаются с места; вижу—не верят.

Тогда я приказываю расстрелять на их глазах захваченный петлюровский конвой. Это подействовало. Стали расхватывать винтовки и строиться. Пленных красноармейцев оказалось до 1000 человек, все из состава 60-й дивизии, накануне сильно потрепанной Яковлевым. Винтовок едва хватило на десятую часть. Я назначил из своего полка командиров, которые построили красноармейцев и увели их в тыл.

Сам с полком пошел на Проскуров. Здесь уже хозяйничал Котовский. В городе стояли паника. Трупы зарубленных петлюровцев валялись на улицах. Пальба раздавалась по всему городу...

Первым делом Котовского было выпустить заключенных из тюрьмы. Это было поручено Вальдману и Воронянскому. Когда Воронянский отпер двери общей камеры, его чуть не сбил с ног поток заключенных... Через 15 минут в густо набитой тюрьме не оставалось ни одного арестанта...

Похозяйничав в городе, мы двинулись назад к нашей артиллерии. Здесь нас ожидала печальная картина: во время стрельбы разорвалось одно орудие, убившее около 10 человек, в том числе славного командира батареи Просфирина. Котовский был потрясен этим случаем.

Мы возвращались в дер. Баламутовка, где провели весь следующий день. Здесь бригада торжественно похоронила тов. Просфирина и убитых артиллеристов. Котовский, глубоко взволнованный, произнес речь...

... Накануне Яковлев в перехваченном нами приказе хвалился сделать из Деражни рейд в тыл 45-й дивизии. Получилось наоборот. Действия кавбригады заставили его немедленно возвратиться в район Проскурова, откуда он, уклоняясь от встречи с котовцами, не решаясь даже войти в город, поспешно отступает к границе.

3. Волочиск.

Разбитая петлюровщина бежала на Волочиск. Котовцы гнались по пятам.

В Волочиске сбились в беспорядке все роды оружия. Здесь же, на железно-дорожных путях, скопились эшелоны с продовольствием, обмундированием, снарядами, лошадьми... В городе и на всех дорогах сбились огромные обозы.

Второй день шла спешная переправа остатков петлюровской армии на польский берег Збручи.

22 ноября утром кавбригада находилась в 25-ти верстах к востоку от Волочиска. Котовский, узнав об эвакуации Волочиска, немедленно устремился на город.

Волочиск прикрывался двумя бронепоездами и частями кавалерии — остатками „окремої кінної дівізії" Тютюнника. В 5-ти верстах от города мы наткнулись на сплошное проволочное заграждение, устроенное из переносных ежей и рогаток. Пока мы растаскивали рогатки, бронепоезда взяли нас под артиллерийский и пулеметный огонь. Все же, неся потери, мы прорвались через проволоку и уже снова неслись вперед. Тогда противник делает последнюю попытку задержать нас: навстречу бросается кавалерия.

В. Л. Цейтлин рабочий, ветеран кавбригады т. Котовского, участник всех ее походов и боев. Член ВКП(б) с 1920 года. Сейчас командир эскадрона 13 кавполка 3 Бессарабской дивизии.

Короткая схватка, — и, повернув коней, удирают петлюровцы. Сейчас уже ничто не может удержать кавбригады. Переходим в галоп...

Спереди доносится гул взрыва: это Воронянский, пробравшийся обходным путем со своим взводом под самый Волочиск, взорвал полотно железной дороги в тылу бронепоездов...

Врываемся в город... Невозможно описать безумной паники, поднявшейся у петлюровцев. Котовцы в экстазе рубят направо и налево. В диком ужасе перед ними все бежит к переправам...

2-й кавполк устремился к таможне, где происходила переправа главной массы войск и обозов. При виде конницы весь этот человеческий муравейник пришел в неописуемое смятение. Бросая орудия, тачанки с пулеметами, лошадей, швыряя на землю винтовки и шинеля, люди прыгали в ледяные воды Збручи, намереваясь вплавь перебраться на польский берег... На мосту творилось столпотворение; сбившиеся на нем повозки в буквальном смысле налезали друг на друга, поднимаясь „на дыбы".

Один эскадрон, переправившись по мосту на западный берег Збручи, отрезал петлюровцам путь через мост. Пулеметы открыли убийственный огонь по пловцам... немногие из них достигли польского берега. Всю массу захваченных повозок, орудий, пулеметов, лошадей, людей погнали в центр города...

Железнодорожный мост был захвачен 1-м кавполком. Эшелонам, скопившимся в Волочиске, путь в Польшу, по существу, был отрезан еще до нашего прибытия: еще утром одним железнодорожным машинистом был пущен под откос большой состав, груженый сахаром, и всякое движение по железной дороге прекратилось. Сейчас по железнодорожному мосту пытались проскочить пешие и конные петлюровцы. Котовцы положили этому конец.

Мосты на западном берегу Збручи охранялись польскими караулами. Несколько наших эскадронов, прорвавшись на польский берег, продолжали и здесь крошить петлюровцев. Вмешавшийся польский караул был по ошибке тоже зарублен. Это грозило осложнениями: с поляками у нас было перемирие. Котовский немедленно приказал перевести тачанкой на наш берег двух зарубленных польских солдат. Так это исчезновение и осталось тайной для поляков.

Наконец, сыграли сбор. Расположились на отдых. Пленных, все захваченное имущество и материальную часть собрали на площади. Командир эскадрона Вальдман, назначенный комендантом города, принялся за вылавливание укрывшихся в городе и окрестностях петлюровцев и выявление трофеев. Последние были колоссальны: 2 бронепоезда, 8 орудий, множество пулеметов и всякого оружия, вагоны со снарядами, винтовками, мукой, рисом, сахаром—всего не пересчитаешь. Из опрокинутого эшелона с сахаром всю ночь потом поляки, перебираясь группками через мост, крали сахар. Котовцы, охранявшие мост и составы, добродушно позволяли им делать это.

Вечером в наш штаб явилась польская делегация: польский полковник, подполковник и несколько офицеров, чтобы договориться о нейтральной зоне. Котовский оказал делегации любезный и предупредительный прием. Пока шли деловые переговоры, в одной из комнат уставляли столы самогоном и закусками. Покончив с делами, Котовский повел поляков к „столу", но, прежде чем приступить к „банкету", он, соблюдая „светские" правила, представил полякам свой командный состав.

— Вот это—командир 2-го кавполка и мой ближайший помощник Криворучко, — сказал он, указывая на меня.

Я только прискакал из полка — худой, заросший щетиной, забрызганный грязью.

Полковник и офицеры, затянутые в безукоризненные мундиры, сияющие блеском пуговиц и сапог, были, как говорится на буржуазном языке, „шокированы"... но, нечего делать, подают руку, знакомятся.

Д. И. Анастасов— помкомвзвод I кавполка, боевой котовец, участник всех боев и походов кавбригады, многократно отличался в боях с деникинцами и белополяками. Сейчас работает в милиции г. Балты (АМССР).

Не лучшее впечатление производит и остальной комсостав...

Но уже через полчаса, после выпитого самогона, господа офицеры „опростились". Развязались языки, пошел непринужденный разговор. Самогонка не нравится полякам, с их берега подвозится коньяк и вина.

Поляки чувствуют себя прекрасно. Оказывается, Котовский — совсем не страшилище, а вполне светский человек и прекрасный собеседник. Да и все его командиры—такие милые. Один за другим, „господа офицеры" произносят тосты. Пьют и за „славную Красную армию" и за „русско-польскую дружбу", и за „доблестных красных кавале-

ристов", но больше всего за „нашего радушного хозяина, доблестного пана Котовского, который показал нам, полякам, как надо воевать",—так выразился польский полковник.

Мы ограничиваемся тостами „за здоровье наших гостей". Пьем сдержанно. Тому, кто начинает усердствовать, Котовский исподтишка показывает кулак.

В полночь захмелевших панов бережно усадили в тачанки и перевезли на польский берег. Над городом воцарилась тишина...

Эту ночь котовцы спали богатырским сном. С Петлюрой было кончено.

А. АЛЕКСЕЕВ.

Газета на фронте.

Начподив Шмидт приказал немедленно вместе с ним выехать на передовую линию. Мы в Тульчине. Отсюда до передовой линии недалеко. Но линия фронта не стоит, а быстро движется в лоб петлюровским бандам, выдвинутым на нашу территорию услужливым Пилсудским.

Только на вторые сутки мы догнали какие-то части. Это было червоное казачество. Они оказались в тылу нашей дивизии, кажется, их задержала схватка с кавалерийским (фроловским) отрядом савинковско-петлюровской армии.

И. П. Шмидт—рабочий-наборщик, красногвардеец, член ВКП(б) с 1917 г. В 45 дивизию вступил рядовым бойцом, принимая участие во всех боях дивизии с петлюровцами до отхода Южной группы в передовой цепи. Вскоре занимает должность военкомбрига 2 (сентябрь 1919 г.). В апреле 1920 г. в боях с белополяками под м. Комаровцы ранен в обе ноги. По излечении в октябре 1920 г. назначается начподивом 45. Большевистская выдержка, политическое чутье, твердость в проведении Ленинской линии, чуткое и внимательное отношение к красноармейской массе—таковы черты этого боевого начподива. Сейчас начальник Московской губернской совпартшколы.

Хлопцы набросились на литературу, которую мы им предложили. „Голос Красноармейца" быстро разошелся по рукам и белыми чайками заметался в руках червонцев. Вот уже месяц казаки не получали свежей газеты. Проголодались.

Поздно вечером мы приехали в Елтушково. Штаб 135 бригады расположился на сахарном заводе. Комбриг тов. Голубенко устроил с командиром червонцев тов. Примаковым летучее совещание. Полевой штаб Примакова—молодые, бравые ребята в черных поддевках и в казацких, с красным верхом, шапках. Один из них заявил Шмидту, что их части давно не получали газет.

— Наши, как ушли с Винницы в рейд на Могилев, газет не видали.

Шмидт приказал немедленно издать полевой номер „Голоса Красноармейца".

Пишу передовую о последнем и дружном натиске на Петлюру. Заманчиво выходит: „Прижать хвост панской собаке, и конец гражданской войне".

Шмидт утверждает статью.

Меня знобит. Должно быть, простудился в дороге. Но надо работать.

Через штаб получили свежие телеграммы с белых фронтов.

Шмидт пишет статью: „Кто такой Петлюра?" Несколько сообщений из штаба пришли со свежих страниц полученной только что газеты „Правда". Соответствующий лозунг,—и газета готова.

Шмидт уже разыскал в Елтушкове какую-то частную типографию.

Идем туда. Все на месте. Только нет света, бумаги и наборщика Посылаю на завод за „сахарной" бумагой. Оттуда же тянут телефонный провод, проводят электричество. Машина на ходу. Вот только в „ход" ее некому пустить, нет рабочих рук. Тогда начподив Шмитд, сам старый наборщик берется за верстатку. Я корректирую набранное. Работа кипит.

К часу ночи номер газеты был набран. Вызвали красноармейцев крутить машину.

Утром картинка Я заснул на конторке. Покатая крышка ее не совсем удобна была для спанья. Шмитд примостился и спит на шинельке в соседней комнате.

Два красноармейца сидят у машины в газетных окопах. Намучились от непривычной работы, да еще после дневного утомительного похода.

На ручке машины, перегнувшись пополам через нее, спит толстый хозяин типографии. Ночью он заглянул на неожиданный огонек в свою типографию. Красноармейцы его поймали и заставили вертеть машину.

Рассвет, и какой-то крик и шум на дворе разбудил всех нас. Хозяин испуганно сразу завертел машину.

Вышли на улицу.

У червонцев какая-то женщина отнимает табак. Увидев нас, они, обвешенные этим табаком с головы до пят, хотели ускакать.

Шмидт что-то хотел сказать, но только поднял руки с газетами, как казаки тотчас обернули коней и наскочили на нас.

Огромная фигура Шмидта завертелась среди казаков, лишь мелькали выше коней газеты в его руках.

Я еле поспевал раздавать газеты с крыльца. Сегодня червоные казаки и бойцы 45-й получили газету „Голос Красноармейца" прямо со станка.

М. БЕРЛЯНТ и Д. БИРГЕР.

Разгром.

I.

Хоть картечью обглодана почва,
И осенняя слякоть
И хлябь,
Вновь
Военной игрою грохочут
Пушки, ветер
И серый ноябрь.
Кавалерия
Мчится аллюром
По желтеющим зеленям.
Вновь
Разбойничий посвист Петлюры
Растекается
По деревням.
Что же!
Сабли еще не ступились!
Не поломаны
Наши штыки!
Мы коней своих горячили
И в горячку бросали полки.
Попадешь, „самостийник",
В облаву,
И суставы твои затрещат,
И осыпется
Желтая слава
Голубыми костями
В ночах!
Мы запомним—
В игрушечном штабе
Ты не спал,
Ты был солнцу не рад,
Ты был бдителен неослабно
И боялся
Своих солдат.[1]
Но хрипел броневик
От надсады,
Лошадиную легкость
Томя.
Пусть о подвигах
Кавбригады
И доныне
Песни шумят!

II.

Стоит туман.
Он не даст уснуть.
Нельзя на него надеяться.
Вязкая слякоть.
Испорчен путь.
Бригада стоит в Володиевцах.
Но на Шендеровку
Двинулись в бой,
Лавой,
Густой толпой.
Батарея бьет
Наводкой прямой,
И спешен 2-й кавполк.
И дальше маршрут —
Сугаки, Немерчи,
Следы, Копай-город, Котюжаны.
Бригада в обход,
И ветер заверчен,
И режет встречных ножами.
Но каждый день—
Богатые трофеи
И пульс напряженный—
Ночью.
По топким болотам,
По смятой траве
Победные марши
Грохочут.
Кавалерия Фролова
Рысью, в галоп
Удирает на Озаринцы.
Шальной буерак,
Яруга, окоп,—
И бригада
Не может ринуться.
Солнце дробится
В осенней росе,
Горят бедняцкие клуни —
Это по вздыбленному
Шоссе
Из Сниткова
Мчится Тютюнник.
Но перестрелкой
Друг друга бодрят,
Окруженные с двух сторон.
И вот 12 ноября
Расколот
Петлюровский фронт.
И каждый день
Поочередно
Гремели
Военные встряски:
Хрустнули
Яковлевцев ребра,
Разгромлен
Полк кавказский.
Ну, как перечислишь
Звезды ночей,
Омытых грозовою славой!
Осенние ночи
Неслись горячей—
Бандитов глушили облавой!

III.

Петлюра шел,
Как заправский шулер,
В грязь, в бездорожье
Угара осеннего—
На кровь хлеборобов,
На звонкие пули
Банкноты французского штаба
Разменивать.
Толпы отрядов,
Беспутных и пьяных,

[1] Комичное положение петлюровского правительства, его растерянность, доходившую до боязни быть арестованным своими собственными войсками, в ноябрьские дни 1920-го года в Елтушкове, довольно ярко передает б. главнокомандующий этой армией, Ю. Тютюнник в брошюре „З поляками проти Вкраїни. (стр. 28). *Ред.*

Сколоченных наспех
И взятых обманом,
Сквозь дымовые завесы тумана,
Нехотя шли
За своим атаманом.
Ты проиграешь в игре нечистой,
Недруг хищный,
Лукавый „добродий"!
Встает Котовский,
Идет плечистый,
Отважный сын
Большевистской породы!
Он тушит клинком
Огонек азарта,
Он правит конем
В кромешной давке,
Он раскрывает
За картой карту,
Он побивает
За ставкой ставку.
Трещи, пулеметная перебранка!
Конник, скачи
И без устали порскай!
Это—
Удар по французскому банку
И по гнезду дефензивы польской!

* * *

Ветер крылом подбитым машет.
Некогда спать
Или трубку раскуривать,
В час форсированного марша
От Баламутовки до Проскурова.
Нет подмоги
Ни слева ни справа,
Но ошарашены часовые—
И начинается переправа
Через озеро Дубовые.
Конь храпит,
Но нет водопоя
(Каждый миг
В дороге дорог),
И после двухчасового боя,
Кавбригада
Влетает в город.
Грузные тучи на горизонте—
Конной дивизии ветер острый
Уже подтягивался по фронту
На Проскуров и Черный Остров.
Не дадим мы
Врагу опомниться:
Снова погоня...
Атака...
Штурм...
И отправляется
Наша конница
На Волочиск
Переменным аллюром.

* * *

Еще усилье—
И скоро будет
Воздух пашен
Пахуч и мирен;
А у взорвавшегося орудья
Убитым пал
Командир Просфирин.
Эта воля
У Приднестровья
И на Волыни
Поля взрывала,
Чтоб истечь непокорной кровью
У последнего перевала!
Так мчись галопом
По жарким кручам!
Пальбою воздух
Замешан круто.
Артиллерийский огонь по Збручу—
Над Просфириным
Был салютом!
Кавбригада блестит клинками.
Во вражьем таборе, с перепугу,
Кони путаются постромками,
Скрипят повозки
И рвется ругань.
И размахнувшимся ураганом
Враг сметен в ледяные струи.
Он удирает,
Считая раны,
Бросая пушки,
Теряя сбрую,
Хвост обоза
Поджав понуро...
Так был добит атаман Петлюра.

IV.

Полками слава
Добыта с бою,
Чтобы в угольных
Штольнях темных,
Под рудою
Велись забои,
Чтоб наливались
Лавой домны.
Чтобы на поле,
Спозаранку,
По горячим
И пыльным трактам,
Как на битву,
Подобный танку,
Погромыхивал
Грузный трактор.
Когда же
Сумрак притихший, хвойный,
Вдруг нацеливался
Обрезом—
Всегда готова была
Обойма,
И глушили мы
Крик разбойный
Бодрой выучкой
И железом.
Шум работ
Над родимым краем
Не умолкает
На́-зло грозам.
И хлещет золото
Урожая
По коммунам
И по колхозам.
Мы широкую грудь
Наполним
Гордой песней

Завоеваний,
В миллньоновольтном,
В миллньоновольном.
Упрямом штурме соревнованья!
Пускай запомнят
Боев удушье
И знойный ветер
Знамен обугленных
Молодые бойцы,
Кладущие

На винтовку
Ладони смуглые.
Если буря
Забьет тревогу
Над черной шахтой,—
Над белой хатой,—
Они пойдут
По крутым дорогам
Под знаменами
Сорок пятой!

„ЕСЛИ ПОСТАВИТЬ СЕБЕ ВОПРОС, ЧЕМ ЖЕ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ОБ'ЯСНЯЮТСЯ НАШИ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ, ГОРАЗДО БОЛЕЕ СИЛЬНЫМ, ТО ПРИХОДИТСЯ ОТВЕТИТЬ ТЕМ, ЧТО В ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ БЫЛИ ВЕЛИКОЛЕПНО ОСУЩЕСТВЛЕНЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ТВЕРДОСТЬ ПРОЛЕТАРСКОГО РУКОВОДСТВА В СОЮЗЕ РАБОЧИХ И ТРУДЯЩЕГОСЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ВСЕХ ЭКСПЛОАТАТОРОВ“.

(ЛЕНИН—том XVII, стр. 412).

В период последних победоносных боев с Петлюрой в историю дивизии была записана третья славная традиция:

„Спрашивай, ГДЕ противник, а СКОЛЬКО его, узнаешь, когда разобьешь“.

ГОЛОС КРАСНОАРМЕЙЦА № 205

СРЕДА, 14-го ИЮЛЯ [illegible] ГОДА

На красных фронтах

ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

Западный Фронт.

[illegible]

ВОЙНА—ВОЙНЕ, МИР—МИРУ.

[illegible]

Снимок с дивизионной газеты „Голос Красноармейца“, выпускавшейся на всем боевом пути 45 дивизии.

М. ЛЬВОВСКИЙ.

„Голос Красноармейца".

(Заметки политработника).

Как жаль, что нет под рукой густого, синего полукартона, жестких листов сахарной бумаги, которые, если их сложить по числам и дням кровавой хронологии гражданской войны, составят большой комплект истории 45-й славной, боевой, Краснознаменной...

„Голос Красноармейца". Какой „сухой" заголовок! Не „Боевой Путь", не „Путь к победе", не „Красная Звезда", а скромный и спокойный „Голос Красноармейца"—орган политотдела 45-й Советской стрелковой дивизии. Но сколько в газетных листах под этим заголовком было рассказано об истинных героях-бойцах за власть Советов. Как громко, бодро и победно всегда звучал „Голос Красноармейца"!

* * *

Газета начала свою жизнь в Одессе, когда в разгульную, партизанскую, полублатную 3-ью Украинскую армию врезалась специально подобранная, сплоченная группа боевиков, командиров и политработников, чтобы „навести порядок".

Вместе с вновь рожденной 45-й Советской стрелковой дивизией вышла в свой боевой путь газета „Голос Красноармейца".

45-я готовилась к боям, к походу. Штаб уходил из Одессы. Должна уходить и газета.

Подняли на ноги полиграфкомиссаров. Пустили по типографским складам опытных „собирателей". Заворочались „журналистские" силы „Голоса Красноармейца".

Газете нужна походная типография. Через несколько дней к штабному поезду прицепили 3 вагона. Широкооконный вагон—наборная; широкостенный товарник—печатная, и маленькая щуплая теплушка—общежитие походной типографии.

* * *

В Бирзуле, где летом 1919 г. стоял штаб, ворочал газетными гранками А. Курс, член партии, журналист, имевший большой опыт журналистской работы. Курсу помогал т. Величко, тогда беспартийный, журналист с еще большим, нежели Курс, журналистским стажем и опытом.

Внешне это были две очень комичные фигуры: Курс—маленького роста, семенивший короткими ногами. Величко—высокий, худой, длинноногий. В работе—это была очень недурная пара, которая сумела быстро ориентироваться на читателя-красноармейца, полуграмотного технически и неграмотного политически, живущего лозунгами гражданской войны.

Внешний вид газеты: шрифты, верстка, расположение материала,—все это было столь-же боевым, сколько и содержание. Нужно сказать, что „Голос Красноармейца" уже с первых дней своего существования имел успех.

* * *

„Голос Красноармейца" не отличался какими-либо особыми от всего дивизионого качествами. Газета выполняла свой большевистский революционный долг борца с классовым врагом. Делала она это со всем энтузиазмом, который свойственен воину рабоче-крестьянской Красной армии. И нельзя было „отделить" газету от всего живого тела дивизии.

Несколько слов о доставке газеты боевым частям.

Экспедиция газеты состояла из ребят, (Голодков, Штукмейстер и др.), прошедших „огонь и воду". Доставить в те времена в боевые части газету—дело было нелегкое и небезопасное.

Несколько экспедиторов, получив утром газету, наряд на подводу, боевые патроны и „продовольствие", делали большое героическое, по существу, дело, добиваясь быстрой и аккуратной доставки в боевую часть газеты.

М. Львовский—бессарабец, член ВКП(б) с 1919 г. В Красной армии с 1919 г., участник похода против Колчака, затем секретарь подива 45 (1919 г.), редактор дивизионной газеты „Голос Красноармейца" до 1921 г. Боевой орган дивизии „Голос Красноармейца" пользовался большой любовью красноармейской читательской массы.

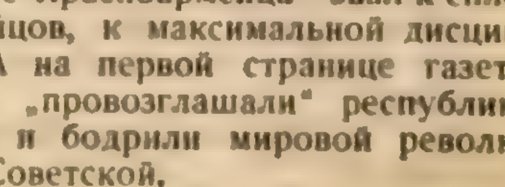
* * *

Дивизия в кольце врагов. Об этом стало официально известно уже за несколько дней до того, как мы были окружены. И, вместе с тем, это не было новостью. В сущности дивизия все время была в кольце.

И когда стало известно, что дивизия „окружена", - меньше всего было паники.

И как спокойно готовилась дивизия к выходу из окружения, так же спокойно покидали ряды дивизии все трусы, все примазавшиеся, все те, кто был близок к белогвардейщине и только случайно попал в ряды красных.

В эти дни „Голос Красноармейца" звал к сплочению красных бойцов, к максимальной дисциплинированности. А на первой странице газеты огромные аншлаги „провозглашали" республику Советов в Венгрии и бодрили мировой революцией бойцов 45-й Советской.

* * *

Бирзула оставлена. Балта—последний пункт железной дороги. Отсюда проселочными путями дивизия будет пробиваться сквозь вражеское кольцо.

На север, на соединение с „нашими".

Ликвидирована и походная типография. Остатки ее уместились в одной телеге. Не осталось у дивизии инструмента для печатного слова. Но и врагу не оставили его.

„Голос Красноармейца“ прекратил свое существование на все время тяжелого похода.

Только в центре походных колонн—в штабной колонне—от времени до времени ходили по рукам листки отпечатанного на машинке бюллетеня, под заголовком „Голос Красноармейца“, в коротких и сухих строках которого сообщалось о боях, о продвижении наших частей, о наших потерях и победах.

Но как много значили эти маленькие белые листки! Сколько радости и печали приносили они красноармейцам! С каким трепетом каждый день ждали их командиры и красноармейцы, все, кто в эти дни, отбиваясь на каждом шагу, медленно шел к заветной цели: на соединение со своими, с красными.

Знаменательный день! Сегодня маленькая радиостанция, разворачивающая свою работу на каждой стоянке, приняла первую радиограмму от штаба 12-ой армии. „Голос Красноармейца“ сегодня вышел с сенсацией. Маленький белый листок, отпечатанный на машинке, быстро стал ходить по рукам. Сколько радости! Никогда после, несмотря на то, что газета сумела вырасти, установить крепкую связь с частями, с красноармейцами, стать популярной и массовой, все-же никогда она не была так близка, так дорога, так нужна, так интересна и так захватывающе бодра, как в тот день, когда дивизия, отрезанная от всего мира, окруженная со всех сторон врагами, потерявшая связь со своими,—вдруг эту связь обнаружила.

* * *

Дивизия вырвалась из кольца. Штаб в Коростышеве.

Газета в Житомире. Здесь снова бойцы превратились в редакторов, журналистов. Маленькая листовка, отпечатанная в походе на машинке, снова вырастает в печатную армейскую газету.

„Голос Красноармейца“ снова начал жить большой жизнью.

* * *

Дни формирования, дни отдыха для дивизии. Заброшенный угол в Смоленской губернии—гор. Вязьма.

„Голос Красноармейца“, однако, не отдыхает. Он продолжает боевую работу.

Нужно выжить из частей партизанский дух. Газета зовет к дисциплине, к сплоченности, к организации, к военной учебе, к сохранению боевого пыла, подготовке к новым боям.

Потом призыв в партию осенью 19-го года. Боевой лозунг: „Боец-красноармеец должен быть в партии“.

Ряды дивизионных партийцев получили новое пополнение.

* * *

Отдых кончился. Новые тысячи бойцов влились в ряды дивизии.

Дивизия снова идет в бой. На этот раз на северо-западный фронт против Юденича, в распоряжение 7-й армии. Эта армия—одна из лучших; армия, у которой нет и намека на партизанский дух, у которой очень неплохо была поставлена политработа. Дивизия получает приличное пополнение политработниками. Она быстро воспринимает навыки хорошо дисциплинированной и хорошо организованной 7-й армии. Она получает опыт красного Петрограда.

„Голос Красноармейца“ в 7-й армии обрастает опытом армейской газеты. Здесь впервые в газете появляются письма красноармейцев. Здесь же создаются условия для лучшей техники по выпуску газеты.

* * *

Период наступления против Деникина для „Голоса Красноармейца“ был чрезвычайно тяжелым. Здесь дивизия двигалась с очень большой быстротой. Деникинские части отступали, как говорили красноармейцы, „на носках“. А „Голос Красноармейца“ не поспевал. Когда в газете сообщали о занятии Екатеринослава, Деникин уже оставлял Кривой Рог.

Газета не доходила и до своих частей. Она в этот период обслуживает, главным образом, тыловые части дивизии; она помогает ориентироваться в событиях жителям маленьких городов, местечек и сел, через которые дивизия проходит. Она способствует укреплению здоровых настроений в тылу. Она помогает расслоению в селе, организации бедноты вокруг Советского знамени и борьбе с кулачеством, которое на Украине активно участвует в борьбе с Красной армией.

„Голос Красноармейца“ сумел свою задачу неплохо выполнить. Быстро передвигаясь с места на место, переходя из одной типографии в другую, быстро приспосабливаясь к новым условиям, быстро разворачивая свою работу, всегда на ходу, редакция и типография „Голоса Красноармейца“ выполняли тяжелую работу—организатора крепкого советского тыла боевой дивизии.

* * *

Взятие Одессы в феврале 20-го года принесло дивизии большие трофеи. Но среди этих трофеев „Голос Красноармейца“ не отметил одного, который для самой газеты был, пожалуй, самым ценным. Это—вновь оборудованная походная типография.

С ней начинались новые походы против новых врагов. Одесса—не конечный пункт. Одесса—только этап. И об этом все время твердит „Голос Красноармейца“, воодушевляя бойцов дивизии на новые подвиги.

* * *

Дивизия переходит на юго-западный фронт в распоряжение 14-й армии.

Здесь произошла смена в редакционном аппарате. Редактор газеты тов. Курс перебрасывается редактором газеты „Красная Армия“—поарма 14. Помощник редактора тов. Величко уезжает из дивизии (Впоследствии он работает в Херсоне в частях армии, боровшейся против Врангеля. Здесь же вступает в партию).

Газета поручается новому редактору—секретарю политотдела дивизии Львовскому.

* * *

Ликвидация деникинской армии не принесла для нашей дивизии окончания боевых действий.

Враг был жив. И потому ни на минуту не замолк призыв к борьбе в „Голосе Красноармейца". Неизменна была на первой странице сводка военных действий. В ней говорилось о победах, о непрерывном движении вперед частей Красной армии, о ликвидации отдельных армий врагов. Сводки напоминали о том, что еще жива контр-революция, что силы ее еще достаточно велики.

И, действительно, отдых был очень непродолжительным. Не успели отбросить остатки деникинцев через Днестр, и „рассортировать" огромное число белых офицеров, попавших в плен Красной армии, не успели отдохнуть от беспрерывного, быстрого, наступательного похода,—как уже об'явился новый фронт, польско-петлюровский.

* * *

Мятеж галичан был одним из тех вопросов, который больше всего взволновал красноармейскую массу. Но на этот вопрос в газете ответить не удалось. Ибо мятеж галичан был причиной длительного перерыва в жизни „Голоса Красноармейца".

* * *

Эвакуировался из Винницы политотдел. Вместе с ним и газета.

„Голос Красноармейца" возвращался в вагоны походной типографии. Но в эту ночь, а за ней и многие другие, газету выпускать не пришлось. Началось отступление. Отступление боевых частей

Раздача „Голоса Красноармейца" в Галиции.

по проселочным дорогам. Штаб снова свернулся в боевую колонну. Связь с ним была потеряна.

„Голос Красноармейца" переменил имена в „реляциях" и с той же напористостью, с какой он звал к борьбе с деникинщиной, повел атаку против польских панов и желтоблакитной своры.

* * *

Задачи газеты значительно усложнились, когда дивизия заняла позиции в Подолии и частью на Волыни. Не совсем доброжелательно было настроение населения, в особенности кулачества, по отношению к Красной армии. Петлюровщина успела заразить ядом шовинизма широкие слои селянства. Польская же часть населения (кулаки, зажиточные и часть середняков) была настроена более враждебно к Красной армии, чем какое-либо другое население. Нужно было потратить много энергии для того, чтобы сплотить бедноту и помочь ей организованно пойти против кулачья.

В этот период появилась в газете серия писем о петлюровщине, также как до этого печаталась серия писем о махновщине.

Эти письма, написанные в очень популярной форме, вызвали большой интерес у красноармейцев, и в редакцию поступало много откликов, вопросов и т. п.

Газета на эти вопросы отвечала в специальных статьях.

* * *

Редакция и типография „Голоса Красноармейца" эвакуируются по железной дороге. С огромным трудом эшелоны дивизии продвинулись к Одессе. Здесь скопились штабные грузы, грузы политотдела, отдела снабжения и санитарных частей.

Все это нужно было двинуть обратно в дивизию, которая осталась без самых необходимых предметов снабжения.

После нескольких дней тяжелого ожидания сведений из дивизии, в подиве получили приказ двинуть все имущество на Белую Церковь. Здесь дивизия после отступления пополнялась, отдыхала и готовилась к переходу в новое наступление.

Перебросить грузы оказалось, однако, крайне сложным и трудным делом. Мост через Буг на Николаев был взорван. Другого пути на Белую Церковь не было. Пришлось на одной из станций у моста разгрузить все вагоны, в том числе и нашу типографию. Все это подводами перевозилось в Николаев. Здесь все снова было погружено в вагоны.

Мы двинулись в Белую Церковь.

* * *

Наша дивизия в составе 1-й Конной армии т. Буденного ведет наступление против поляков.

„Голос Красноармейца" снова снялся с колес. Из городка в городок, из местечка в местечко продвигается небольшая группа воен. журналистов и типографов. В каждом городке или местечке немедленно занимается типография. С подвод сгружаются типографские шрифты и бумага.

„Голос Красноармейца" не знает перерывов. Газета неуклонно зовет к наступлению.

Регулярная информация о положении на фронте, немного информации, перехваченной радиостанцией о событиях на Западе и в стране, лозунговая передовая и несколько хроникерских заметок из штаба, политотдела и ревкома,—вот содержание номера. Но все это действенно, все это пропитано боевым настроением. Много из того, что сейчас показалось бы нам скучным, нудным,—тогда было новым и бодрым. Все эти „избитые" лозунги, все эти Чемберлены, Пуанкаре и т. п.— все то, что сейчас служит материалом для карикатур,—тогда было новым словом и вызывало жгучую ненависть, звало к борьбе.

* * *

В эти месяцы появились у „Голоса Красноармейца" и первые спецкоры. Выросло и число военкоров. Пришлось даже для обработки красноармейских писем взять литработника.

Спецкоры, не были случайными в Красной армии людьми. Один, не плохой журналист—Нежинцев (Красный). Он был много месяцев в красноармейской части рядовым красноармейцем. Был ранен. После первых нескольких корреспонденций с фронта был отозван из части для работы в редакции. Другой—И. Саховалер, прапорщик времен Керенского. С первых дней революции был в Красной армии. В последние месяцы до отзыва в газету „Голос Красноармейца" был командиром баталиона в одном из полков дивизии.

Корреспонденции, которые эти два спецкора „Голоса Красноармейца" присылали в газету с боевых участков, были абсолютно правдивы. И ни разу, нигде никто не жаловался на приукрашивание, „перебарщивание" и т. п. Конечно в них было много специально подобранного. Но все то, что писали эти товарищи, было результатом не досужей фантазии, а рассказом очевидца.

Помнится, особенно показательными были рассказы о боях под Дубно, написанные Нежинцевым. Эти бои отличались особой жестокостью. Здесь решалась основная задача нашего наступления. И поляки упорно отстаивали крепость. В этих боях спецкор „Голоса Красноармейца" принимал непосредственное участие, и его письма с этого участка фронта были письмами бойца.

* * *

Военкоровские письма не отличались разнообразием. Первые письма красноармейцев были большей частью некрологом о погибшем товарище, командире или комиссаре. Затем, после того как появились письма спецкоров с описанием боев, военкоры охотно рассказывали о боевых эпизодах. Здесь уже не было той точности, какая имелась у спецкоров. Но настроение было столь же боевым, столь же полным веры в победу, в несокрушимость Советской власти.

* * *

Наступление против польской армии увенчалось успехом. Красные части заняли Галицию.

„Голос Красноармейца", прежде всего, призвал красноармейцев к установлению братских отношений с населением „чужой страны"—с галичанами. Этот призыв нашел широкую поддержку у красноармейцев. Они присылали довольно много писем, рисующих взаимоотношения между нашими частями и сельским населением Восточной Галиции. Появились и разоблачительные письма, рассказывающие о тех или иных безобразиях, допущенных нашими против галичан.

„Голос Красноармейца" развернулся в Бродах. В небольшой типографии удалось организовать систематический выпуск газеты. Она читалась не только нашими красноармейцами, но имела большое распространение и среди городского населения Брод и окрестных сел. Часто с раннего утра у типографии толпились жители в ожидании выхода газеты.

Неизменная сводка с фронта вызывала оживленные разговоры и дебаты между читателями на улице. Много раз эти споры переходили границы „мирных" разговоров.

* * *

Отход из Брод был поспешным.

„Голос Красноармейца" был захвачен врасплох. Пришлось оставить часть набранного материала в типографии, в Бродах.

Мы откатились в Кременец.

Здесь „Голос Красноармейца" опубликовал о перемирии между нами и поляками.

Опубликовывая это сообщение, „Голос Красноармейца" сразу же потребовал сохранения боевого духа. Началась борьба с усиливавшимися демобилизационными настроениями.

Это было необходимо, так как ко времени перемирия с Польшей, накопил, при помощи техже поляков, свои бандитские силы Петлюра.

* * *

Снова поход. Снова „Голос Красноармейца", кочуя из местечка в местечко, меняя свой формат, размеры, бумагу, шрифты, сотни раз меняя свою внешность, продолжает неизменно сохранять свое содержание, продолжать свою большевистскую работу по сплочению боевых рядов Красной армии, по укреплению тыла боевых частей.

* * *

Последние бои с петлюровцами.

„Голос Красноармейца" призывает к бдительности, к стойкости, к сплоченности, к решительному отпору врагам диктатуры пролетариата.

Телеграмма о взятии Крыма.

„Голос Красноармейца" зовет в последний бой с петлюровщиной.

23 ноября. Утро. Штабная колонна вышла из м. Шаргород на дорогу к Проскурову. На полдороге штабную колонну останавливает комендант. В руках приказ. Короткий митинг.

„Котовцы разгромили петлюровщину".

Враг добит.

„Голос Красноармейца" становится газетой мирного строительства.

БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ.

С. СТУПНИЦКИЙ.

Операции 45 дивизии по ликвидации бандитизма на Правобережье.

(1920—1922 г. г.).

Правобережная Украина, особенно территории ее б.б. Киевской и Подольской губерний, еще с момента первой ликвидации петлюровщины (весною 1919 года), служила ареной самой энергичной деятельности банд различных окрасок. Предпосылок к этому было достаточное количество. Значительная кулацкая прослойка, активное и зажиточное духовенство, кадры шовинистической интеллигенции и полуинтеллигенции в лице учительства, мелких служащих и чиновников, и остатки войск и банд самых различных контр-революционных окрасок, от деникинцев до махновцев включительно,—обеспечивали и руководящими кадрами и исполнителями работу банд. Малая культурность бедняцкой части деревни, терроризованной кулачеством, и ее тяжелое, в результате трехлетней войны, экономическое положение, позволили идеологам украинского бандитизма использовать, в качестве отдушины для недовольства масс — антисемитизм, ненависть к бывшим угнетателям „москалям"—помещикам и царю, с которыми петлюровцы отождествляли Красную армию, и, наконец, заманчивые в смысле наживы методы борьбы с рабоче-крестьянской властью: погромы, грабежи и т. д.

Эти моменты обеспечили бандитизму значительное пополнение за счет темных середняцких и даже бедняцких слоев деревни. Материальная база в виде большого количества оружия и военного снаряжения, оставленная войсками всех армий: б. царской, немцами, австрийцами, гетманцами, петлюровцами и т. д., была на лицо. Оружие вплоть до целых батарей имелось в каждой украинской деревне, а опыт войны имели сотни тысяч участников империалистической войны.

Слабость частей Красной армии и сложная военно-политическая обстановка 1919 года позволили развиться бандитизму до угрожающих размеров. Отряды Зеленого, Струка, Ангела и прочих, достигавшие иногда пяти-шеститысячного состава, неделями занимали уезды Киевщины и Подолии, производили чудовищные по размерам и жестокости погромы и совершенно срывали работу тыла армии, являясь одной из причин оставления нами Украины в 1919 году. Начало польской кампании и появление на Правобережье крупных сил Красной армии, естественно, сократили размеры бандитизма, но, уйдя в подполье, атаманы, действующие по заданиям Петлюры, были постоянно готовы развернуть свою деятельность. Продвижение наших армий в Галицию вновь ознаменовалось в течение лета 1920 года рядом кулацких восстаний и появлением крупных банд Грызло, Цветковского, Струка, Лыхо и т. д. в районах Ольгополя, Гайсина, Умани, Чигирина, Фастова.

Отход Красной армии из Галиции вызвал новый энергичный под'ем деятельности банд, имевшей целью облегчить полякам захват Правобережной Украины. Упомянутые выше атаманы и ряд местных мелких „атаманчиков" продвинулись к самой линии фронта, примерно, по линии ж. д. Киев-Одесса, дезорганизовывая тыл Красной армии, нарушая связь и транспорт.

Нам удалось установить координированность действий всех этих групп с польским и петлюровским командованием.

Окончание польской кампании и молниеносная ликвидация Петлюры освободили части Красной армии для борьбы с бандитизмом. Внутренние крупные банды оказались изолированными, но прекрасно организованными и поставленными в условия отличного знания местности и снабжения местным кулачеством.

В этот же период наших окончательных побед на внешнем фронте контр-революционеры всех окрасок вплоть до русских монархистов, найдя общий классовый язык, массами пошли в бандитские организации, видя в них последнюю надежду на свержение Советской власти.

С начала декабря 1920 года дивизии Красной армии на Украине переходят на мирное положение. Приказ командующего Юго-Западного фронта от 4-XII-20 г. так определяет задачу красных армий:

„В области военной—охрана румынской и польской госграницы. В области экономической—обеспечение продовольственной разверстки, охрана сахзаводов, вывоз сахара, заготовка дров. В области политической — борьба с бандитизмом и укрепление Советской власти, обеспечивая нормальное функционирование ее на местах".

Банды всех окрасок имели диаметрально противоположные задачи. Как видно из захваченных документов, из-за кордона им были поставлены задачи: полный срыв железнодорожного транспорта, уничтожение Совaппарата и Красной армии,

срыв хлебных и дровяных заготовок и персональное уничтожение коммунистов и начсостава Красной армии. Иначе говоря, дезорганизация народного хозяйства, уничтожение Красной армии и, как конечная цель, организация общего восстания, которое обещано было поддержать из-за кордона. Бандитская организация носила сравнительно стройную систему. Действуя по директивам заграничного петлюровского центра, банды имели командующих фронтами по губерниям и уездам и готовые органы власти на случай захвата ее в том или ином месте.

П. Л. Соколов-Соколовский — помкомполка 402 в 1919 г., участник Южного похода, член ВКП(б). В 1921 г. комполка 401, затем (1923-24 г.) комполка 134. В 1927 г. окончил Воен. Академию им. Фрунзе. Сейчас наштадив 27.

Необходимо также учесть, что аппарат железнодорожного транспорта и связи был в сильной степени насыщен активными и пассивными пособниками банд, а милиция не представляла собою сколько-нибудь реальной силы, как количественно, так и по своему качеству. Низовой сельский аппарат был в нередких случаях лишен партийной или даже бедняцкой прослойки, и только в некоторых пунктах, вблизи городских центров, начали развивать энергичную деятельность комитеты незаможных селян.

К вечеру 3 декабря части 45-й дивизии расположились для стоянки и выполнения указанных выше задач: штадив—Гайсин, 133 бригада—Брацлав, 135 бригада—Липовец, 134 бригада—Зятковцы, артиллерия дивизии — Соболевка и кавбригада—Тульчин, приняв для выполнения указанных выше задач территории Липовецкого, Гайсинского и Тульчинского уездов с 29 сахзаводами и густой сетью железнодорожных линий, вдоль которых велись лесозаготовки. На этой же территории до прихода дивизии были отмечены банды: Волынца (до 100 человек) у Немирова, Лыхо (до 600 человек) южнее Гайсина, и ряд местных мелких группировок.

К 20 декабря банда Волынца, разгромленная действиями 133 и 135 бригад, распылилась, а Лыхо, разбившись на мелкие отряды, организовал налеты на железнодорожные станции, заводы и отдельных работников. В это время погиб комиссар 402 полка тов. Койфман, замучен и расстрелян взвод 134 бригады. Части дивизии еще не приноровились к этой борьбе, действуя, по примеру войны, сравнительно крупными силами против гибких и подвижных банд. Все же факты решительной борьбы повели к сдачам отдельных групп, и уже 12/XII сдалась и была помилована банда Харченко в 50 всадников, о чем широко оповещено население. Декабрь месяц использован был, главным образом, на выкачку оружия у населения, обеспечение топливом железных дорог и охрану сахарных заводов.

28 декабря банда Махно, преследуемая из пределов Екатеринославщины частями 1 Конной армии, силою до 2000 всадников, перешла Днепр и появилась в пределах Уманского уезда, направляясь на Умань. Бригады, совершив в двое суток 120 км. марш, сосредоточились в районе Умани, преграждая Махно пути на северо-запад, но Махно уклонился от боя, двинувшись вдоль берега Днепра к северу. Ликвидация его была возложена на 8 кавалерийскую дивизию. К этому времени из состава дивизии выбыла ее кавалерийская бригада.

1 января 1921 года, в связи с расформированием некоторых дивизий и созданием органов военного управления мирного времени в виде штаба КВО, дивизия заняла район Уманского, Таращанского и Звенигородского уездов, расположившись: штадивом — в г. Умани, артиллерией дивизии — Тальное, кавполком — Торговица, 133 бригадой — Звенигородка, 134 бригадой — Умань, и 135 бригадой — Тараща. Территория этих уездов оказалась насыщенной рядом бандитских группировок, достаточно обнаглевших после успешных действий против частей 47-й дивизии, занимавшей ранее этот район. Здесь оперировали: банда уездного масштаба Цветковского в районе Тараща — до 300 человек, Деремука — на Уманщине такой же силы, Лыхо — в западной части Уманщины с 300 сабель и ряд банд мелкого волостного масштаба: Кринички, Пугача и остатки Грызло. По боевому расписанию банд количество их на 15 января 1921 года достигало: 4 крупных и 32 мелких с общим числом 800 пеших и 450 конных бандитов при 80 пулеметах.

А. С. Авраменко — рабочий, член ВКП(б) с 1917 г., красногвардеец. В 1919 г. политком коммунистического отряда т. Гуляницкого, участник боев с повстанцами и Южного похода. На польском фронте (1920 г.) военком 397 полка, затем военком уч.-кадровой бригады (1921 г.) В боях с белополяками и бандитами 3 раза ранен. В настоящее время командирован ЦК ВКП(б) на учебу в счет „1000".

Действия частей дивизии сводились к следующему. При штабах бригад располагался полк. Остальные части распределялись по-батальонно и по-ротно на важнейших об'ектах охраны и работы — сахарных заводах и железнодорожных станциях, организуя вывозку сахара и заготовку дров. Конные разведки и 2-3 роты из каждого полка составляли экспедиционные отряды для активной борьбы с бандитизмом и содействия в сборе продразверстки. Экспедиционные отряды были в целях подвижности обеспечены подводами и базировались на неподвижные гарнизоны в городах и на сахарных заводах. Бригады и полки имели своих уполномоченных Особого Отдела, а к отрядам прикомандировывались сотрудники местных ЧК в целях организиции осведомления. Отряды преследовали обнаруженные банды, обеспечивая хозяйственные работы, и параллельно выкачивали в огромном количестве оружие у населения.

Тактика банд, утративших возможность открытых действий, претерпела изменения. Располагаясь

на стоянку в глухих лесных хуторах, и зачастую даже зимой в лесах (находились землянки и конюшни), банды, пользуясь широкой информацией своих агентов, производили короткие налеты на волревкомы, обозы с продразверсткой и небольшие отряды красноармейцев, разгоняли рабочих Лесзага и портили желдорпути и линии связи, выполняя, таким образом, в сокращенном масштабе указанную им выше задачу. Обычно, бой банда принимала только в условиях своего крупного превосходства, а в остальных случаях распылялась в лесах и населенных пунктах, превращаясь в мирных жителей, для того чтобы через 2-3 дня вновь собраться в заранее намеченном сборном пункте.

Несмотря на все эти неблагоприятные для операций против банд условия, действия частей дивизии заставляли банды сокращаться и численно и организационно. Только небольшая часть банд имела связь с закордоном, большинство же действовало на свой страх и риск.

Для частей наступила будничная, но полная риска и напряжения работа. Очень характерна в этом отношении взятая нами на удачу выписка из журнала боевых действий 133 бригады за 11 февраля 1921 года.

„Бригэскадрон выезжал в Кучуковку для ликвидации появившейся там банды. Поймано три бандита, 15 дезертиров, вылито 100 ведер самогону, взято 8 винтовок, 5 шашек, 2 обреза, 240 патронов. В лесу зап. Звенигородка бандитами захвачен казначей 398 полка. В Кальниболото экспедиционный отряд № 1 имел стычку с бандой Грызло. Результаты: убит один бандит и захвачено 5 лошадей. За день вывезено: сахара белого—2400, желтого—900 пудов".

Основным недочетом в борьбе с бандитизмом была несогласованность действий советского, партийного и военного аппаратов. Приказ от 14/II № 2405, подписанный Председателем Совнаркома Украины и Командующим войсками Украины и Крыма тов. Фрунзе, отмечая это положение, установил для борьбы с бандитизмом „уездные и губернские совещания" в составе председателей — начальников губернских, уездных участков (старших войсковых начальников) и членов совещания: предревкома, предчека и продкомиссара. Упомянутый приказ, устанавливая положение о совещаниях, говорил:

П. Я. Шустов—красногвардеец, член ВКП(б) с 1918 г. Начальник и военком тыла 45 дивизии на польском и петлюровском фронтах. Сейчас начальник Астраханского Теруправления.

„Постановления, выработанные совещанием, обязательны для всех органов власти. Совещания несут полную ответственность за согласованность организационно-политической работы с проводимой операцией, дабы одновременно с уничтожением живой силы водворялся твердый революционный порядок".

Направляя на борьбу с бандитизмом концентрированные силы советского, партийного и военного аппаратов, приказ скоро дал решительные результаты. Особенно резко это сказалось в уничтожении питающих бандитизм корней на селе. Губернские, уездные совещания, учитывая классовый характер бандитизма, проводили решительную (обычно, расстрел и конфискация имущества) политику в отношении кулаков и главарей и помилование по отношению к повстанцу-бедняку и середняку, видя в нем жертву экономической зависимости от зажиточных слоев села и непонимания собственных классовых интересов.

А. Т. Ткачук—сын батрака, красногвардеец, ветеран 45 дивизии, комвзвод, потом комроты дившколы 45 в период гражданской войны. Участник операций против банды Лыхо в районе Тульчина. Сейчас начальник полковой школы 134 полка.

Общим результатом работы частей дивизии к 1 марта 1921 года явилось снижение банд до 22-х, общей численностью 800 человек, уничтожение до 600 бандитов и выкачка до 3000 штук оружия различного наименования вплоть до 3 дюйм. орудий (на юге Уманщины). Части дивизии стали приобретать навыки в борьбе с бандитизмом, в деле организации разведки и агентуры. Район действий каждой банды вскоре был сужен до пределов 7—8 деревень с понижением численного состава банды. Крупные банды прекратили совершенно свое существование.

Довольствие за счет населения, замена лошадей, принудительный набор в банды вызвали резкое недовольство бандами со стороны населения, что в свою очередь, повлекло за собой расправы со стороны бандитов а, с другой стороны, дало толчок населению оказывать помощь нашим войскам. Классовое расслоение деревни, как результат развертывающейся классовой борьбы и работы партийного аппарата, привело к тому, что бандиты, растеряв все свои политические лозунги, стали базироваться исключительно на кулацкую верхушку села. С другой стороны, трудовое селянство, осознав все преимущества мирного труда и испытывая реальную помощь со стороны армии и органов Советской власти в посевной кампании, решительно изолировалось от банд, активно поддерживая политику Советской власти и компартии. Посевная кампания, об'явленная ударной, протекала с большим успехом.

Посевкомы, возглавляемые командирами бригад, полков и батальонов, вели работу в темпе боевых операций, дав результаты увеличения засеянной площади на 28% против весны 1920 года. Банды, чувствуя ускользающую из под ног почву, пытались нарушить темп работы, уничтожая обозы с семенным материалом и разгоняя крестьян с полей. 12-го апреля в штаб 404 полка был доставлен избитый красноармеец Алексеев, работавший на запашке земли, с запиской такого содержания: „Надсилаю червоноармійця Олексіїва та

в поздравлiння 25 шомполiв на дорогу, аби більш не приїздив працювати. В нашому краї кацапам нічого робить. Повстанець Андрій Миколенко, с. Шостаківка".

Однако, Алексеевы большого и маленького звания продолжали свою работу. Свыше 3000 лошадей и такое же количество людей вложило свой труд в обеспечение урожая.

Об'явленная в июне 1921 года широкая амнистия дала, по данным ВУЧК, до 4000 сдавшихся бандитов, в том числе свыше 1000 человек на территории дивизии. Отход населения и сдача ряда атаманов видоизменили систему деятельности оставшихся банд. Наружная деятельность банд свелась к минимуму, зато быстро стали обнаруживаться случаи шпионажа, проникновения бандитов на службу в части, штабы и соваппарат, контр-революционная агитация среди красноармейцев, размещенных на квартирах, и отдельные террористические акты. В июле случайно была предотвращена попытка взорвать артсклад дивизии в м. Тальное двумя бандитами, уже более месяца исправно служившими красноармейцами караульной роты.

Одна из пулеметных команд 45 дивизии, входившая в летучий экспедиционный отряд по борьбе с бандитизмом.

Значительную величину представляли еще банды Цветковского — в районе Тараща-Звенигородка, Пугача—в южной части Звенигородщины и Кринички—на юге Уманского уезда. Центром, возглавлявшим бандитское движение, была банда Цветковского, имевшего непосредственную связь с заграницей. Сотрудники О. О. дивизии, проникшие в состав банд, привели к уничтожению их основной вооруженный кадр. Главари Цветковский и Пугач сдались.

Серьезной операцией была борьба с бандой Лыхо, вытесненного с территории Подольской губернии с отрядом в 250 сабель. Действиями 134 бригады и артиллерийских конных разведок банда была разгромлена сев. Тальное, остатки ее вылавливались до августа месяца.

Август принес оживление организованной деятельности бандитских штабов и всей петлюровской организации на Правобережье. Намечавшееся восстание, своевременно раскрытое Киевской Губчека, было ликвидировано; при этом части дивизии из'яли до 2000 человек участников повстанческой организации, в том числе ряд лиц из галицийского полка, входившего десятым отдельным полком в 45 дивизию.

Конец августа ознаменовался еще одним любопытным эпизодом, положившим конец деятельности Махно на советской территории. Банда Махно, в составе до 250 сабель, переправившись через Днепр и вышедшая из под ударов частей Харьковского военного округа, проникла в расположение дивизии в район Торговица, где стоял 45-й кавполк. Организованное немедленно преследование привело к двухнедельной беспрерывной погоне и ряду столкновений с оставляемыми бандой арьергардами. Следуя все время на хвосте банды, несмотря на совершенную измотанность лошадей, эскадроны 45-го кавполка в районе сев. Ольгополь вступили в бой с крупной бандой Заболотного, преградившего им путь, и когда после 4-х часового боя кавполк подошел к румынской границе на Днестре, Махно с остатками банды в 30 человек уже переправился на румынскую сторону. 150 зарубленных и взятых в плен бандитов, брошенные тачанки, пулеметы и имущество отметили последний путь Махно.

В сентябре 1921 года дивизия, претерпевшая 3 реорганизации, переменила район расквартирования, заняв Белоцерковский, Уманский, Сквирский, Липовецкий, часть Бердичевского, Радомысльский и Малинский уезды, с населением свыше двух с половиной миллионов человек. Штадив расположился в Белой Церкви. Дивизия оставила юг Киевщины очищенным от политического бандитизма и с укрепившимся советским аппаратом. Основные задачи по выполнению продразверстки, лесозаготовок и вывозу сахара были выполнены (последняя задача даже на 150%).

Новые районы дали новые банды: Карый на Бердичевщине, старый бандит Струк—на Киевщине, Гаевой и Орлик—в районе Фастова, Трейко на Сквирщине и еще ряд мелких группировок. Бандитизм этих районов был тесно связан с Петлюрой; Карый являлся его эмиссаром на Правобережье. Сбор и реализация урожая вновь привели к оживлению бандитской деятельности. Не рискуя

нападать на воинские части или сколько нибудь крупные населенные пункты, бандиты разрушали полотно железной дороги, линии связи, уничтожали хлебные обозы и ссыпные пункты и устремили свои силы на борьбу с малочисленным низовым партийным и советским аппаратом, а особенно с появившимся в деревнях небольшим кадром партийцев и комсомольцев и комнезамами, чувствуя в них наибольший фактор укрепления Советской власти и восстановления хозяйства.

Расписание банд на 15 сентября 1921 года дает следующие цифры: количество банд—21, общая численность—432 пеших и 220 конных, 10 пулеметов. Цифры эти в достаточной степени ориентировочные в с. лу большой текучести банд.

Новая реорганизация дивизии включила в ее состав отдельную 164 бригаду, занимавшую территорию Козелецкого, Городнянского, Остерского и Чернобыльского уездов. Участок, занимаемый этой бригадой (переименованной в 135 бригаду 45-ой дивизии), являлся сравнительно спокойным (Левобережье Украины было менее заражено бандитизмом) и принес не более 6—7 мелких банд уголовного оттенка.

Сентябрь месяц, давший, как мы указывали выше, энергичную вспышку бандитизма, направленную на срыв хлебозаготовок и сбора продналога, ознаменовался налетами на ссыпные пункты, и организацией крушений продовольственных поездов. Отлично налаженная к этому времени информация и опыт полков в борьбе с бандами позволили частям дивизии (особенно на территории Бердичевщины и Белоцерковщины) нанести ряд ударов основным бандитским группировкам, из которых надо отметить разгром 134 бригадой самой сильной банды Карого (сам атаман захвачен). Банды, увеличившиеся числом (результат разгрома крупных банд) и уменьшившиеся численно стали скатываться на путь уголовного грабежа, как способ более легкий и могущий материально заинтересовать личный состав банды.

Настоятельная необходимость вести планомерную учебу, которую части дивизии начали еще летом, и численное сокращение бандитизма, а также укрепление местных органов власти с осени 1921 года значительно меняют характер работы дивизии по ликвидации бандитизма. По изложенным выше причинам необходимость в разбросанных крупных гарнизонах отпала, сахзаводы в большинстве случаев охранялись уже своими силами и так называемой „сахарной" милицией, и от частей дивизии в каждом уезде было выделено по 5—6 так назыв. экспедиционных или летучих отрядов по 25—50 всадников, приданных органам ЧК, или продкомиссарам для борьбы с бандитизмом и продовольственной работы. Параллельно на борьбу с бандами выдвигаются отряды ЧК и конной милиции, состояние которой позволяло уже использовать ее, как силу, для подвижной борьбы с бандами.

Таким образом, руководство ликвидацией бандитизма перешло в руки, главным образом, орга-

Второй выпуск младших командиров, окончивших дившколу 45 16 ноября 1920 г. Учеба в дившколе беспрестанно прерывалась операциями против банд, действовавших в тылу дивизии. В центре наштадив 45 т. Гарькавый, левее его: 1) вр. исп. д. начшколы т. Шустов, 2) комроты дившколы т. Пономарев; правее т. Гарькавого: 1) военком дившколы т. Корытный и 2) военкомдив 45 т. Ракитов.

нов ЧК, а за командованием частей и уездсовещаниями остались функции увязки политической и военной работы и содействия в нужных случаях более крупными воинскими силами. Самый метод борьбы летучих отрядов изменился: нащупывая банду, отряд вел ее непрестанное преследование, не взирая на территорию, до полного уничтожения, не отвлекаясь в период данной операции на борьбу с другими бандитскими отрядами. В это же время началась работа не только по уничтожению активных банд, но и по выявлению рассосавшихся пассивных пособников и бывших бандитов, а также планомерная выкачка **оружия**. В этом отношении **бедняцкие** слои деревни оказывали решительную поддержку Красной армии. Кулачество, увидевшее реальную невыгоду поддержки банд, стало постепенно отстраняться от пособничества: введенный к тому времени институт „ответчиков" из кулацкого элемента, обязывал кулаков информацией о бандах, охраной путей и линий связи, налагая на верхушку села персональную ответственность.

Ф. А Золюм—красногвардеец латышских отрядов, ветеран 45 дивизии, участник всех ее походов и боев. Начальник одного из экспедиционных отрядов по борьбе с бандитизмом. Сейчас командир батареи 46 артполка.

Этот период (сентябрь—октябрь 1921 г.) характеризуется полной распыленностью банд, действовавших без единого плана и все более скатывавшихся на путь грабежей чисто уголовного порядка, как единственного способа существования. Главари, скрывшись в подполье, повели, так называемую „организационную" работу, именуя себя в дошедших до нас официальных документах не менее, как „командующими повстанческими войсками". Атаман Струк, например, именовал себя командующим повстанческими силами не только Украины, но и Белоруссии (районом его действий было Полесье-Радомысльщина).

Отмирание бандитизма ясно видно из сопоставления двух сводок на 1 октября и 1 ноября 1921 г.

	Число банд	Пеших бандитов	Конных бандитов	Всего	Пулеметов
На 1/X . .	16	222	250	472	4
На 1/XI .	18	163	134	297	2

Эти цифры в силу налаженности учета и информации надо считать очень близкими к истине.

В начале ноября произошло вторжение закордонных банд Тютюнника и Палия, общим числом до 300 человек, на территорию Волыни и Подолии. Части 133 бригады в районе Радомысля оказали активную помощь 9-ой кавдивизии в уничтожении главных сил Тютюнника, а в конце ноября были уничтожены 134-ой бригадой проникшие в район Казатина остатки банды Палия.

Конец 1921 года ознаменовался ликвидацией банд Яблочка, Голубенко и Селезня и снизил общую численность банд до 12-ти с 200 участников.

Начало 1922 года застает банды в состоянии сильного количественного и качественного упадка. Состав банды, в среднем, 6—9 человек. Деятельность их была обращена, главным образом, на грабежи и отдельные убийства коммунистов, начальствующего состава армии и советских работников, особенно продовольственных, как самых серьезных врагов деревенского кулачества. Борьба с бандами передается в руки местных властей, а постоянные отряды, состоявшие в распоряжении ЧК, милиции и продорганов, постепенно отзываются в свои части.

Апрель 1922 года свел количество банд на территории, занятой дивизией, к 11, при общем числе 85—100 бандитов и, так как по малочисленности своей банды не могли нападать даже на отдельных представителей армии или власти, то работа их вступила в новую эру, эру борьбы с молодым сельским советским аппаратом и, в первую очередь, с сельской партийной и комсомольской организацией. Лето 1922 года ознаменовалось рядом убийств сельских работников, главным образом, партийцев и комсомольцев.

Общая сумма бандитской деятельности снизилась настолько, что такие факты, как захват на мельнице 2—3 мешков муки, стали помещаться в сводках.

Дивизия стала отходить от активной борьбы с бандами. Сводки октября—ноября 1922 года регистрируют уже только 5—6 банд, общим числом до 30 человек, конные бандиты прекратили существование, и бандитизм вылился в грабительские действия в небольшом по радиусу районе, при этом банды совмещали с грабежом уже и мирную деятельность. Бандитизм, окончательно потеряв поддержку на селе, стал исключительно уголовным явлением.

Размеры очерка не позволяют нам осветить вопросы той хозяйственной и культурно-политической работы, проделанной 45-ой дивизией, которая наряду с ликвидацией бандитизма вооруженной рукой, обеспечила работу советского аппарата и хозяйственное возрождение Киевщины (в пределах тогдашней губернии). Достаточно перечислить ударные кампании: продовольственные, лесозаготовительные, противосамогонные, посевные, вывоз сахара, уборку урожая, постройку мостов—в области хозяйственной. В области политической на дивизию легла организация советского, партийного аппарата, насыщение его своими демобилизуемыми работниками, ликвидация неграмотности среди населения (эта последняя работа дала свыше 18000 обученых грамоте людей).

Подводя итоги деятельности дивизии, протекавшей на территории Киевщины, можно охарактеризовать их следующей таблицей:

ПЕРИОД	Общее число банд	Общее количество бандитов	Средн. состав банды.	Уничтожено бандит.	Сдалось бандит.	Взято оружия штук
Янв.—март 21 г.	27—30	2400—3000	100	1200	300	1700
Март—авг. 21 г.	30—35	800—1000	30—40	330	450	1300
Сент.—дек. 21 г.	20	500—600	25—30	800	450	2000
1922 год . . .	10—15	150—200	6—10	100	600	1700
Всего. .				1930	1800	6700

45-ая дивизия понесла немалые потери в своей упорной борьбе по ликвидации бандитизма на Правобережье. Около 25 командиров и политработников и свыше 150 красноармейцев пали в открытых боях с бандами и свыше 20 командиров и 200 красноармейцев пали жертвой нападений на посты, караулы и мелкие группы. Это были последние жертвы, которые дивизия отдала в вооруженной борьбе с контр-революцией... Это была последняя кровь, пролитая бойцами дивизии.

Период бандитизма закончил полосу боевых действий дивизии и открыл новую страницу в ее истории—страницу учебы, стройки, новой работы.

Н. КРИВОРУЧКО.

Ликвидация об'единенной банды Грызло, Цветковского и Гуляй-Гуленко.

Фронты окончились. Боевые красные дивизии отведены вглубь страны. Перед ними новые задания по обеспечению хозяйственных мероприятий правительства.

Правобережье кишит бандами. Кулацкая часть селянства не желает сдавать продразверстки, активно выступает против организаций бедноты, ненавидит Советскую власть и Красную армию. Часть середнячества, не разбираясь в политике Советского правительства, идет за кулаками. Бандитизм расцветает пышным цветом. Убийства совработников, милиционеров, красноармейцев, нападения на волисполкомы, жел.-дорожные станции, ссыпные пункты, разгром продотрядов, зверские издевательства над захваченными красноармейцами, коммунистами и особенно продработниками, чекистами и активными комнезамщиками—такова повседневная практика бандитизма.

На Уманщине к моменту прихода туда 45-й дивизии (декабрь 1920 г.) действовали три крупных банды: полковника Грызло, Цветковского и Гуляй-Гуленко. Об'единившись, бандиты готовились к нападению на Умань. Для этого ими было мобилизовано население района Иваньки, Буки, Вороное, Шаулиха и др.—обыкновенные „дядьки", вооруженные винтовками и обрезами, распропагандированные и слепо верившие атаманам. В оружии недостатка не было: в каждой деревне его хватало с избытком, не редкостью были и пулеметы.

Нужно было покончить с этим движением. Кавбригада, расположенная в районе Умани, 18 декабря перешла в д. Дзендзелевка (25 верст сев. Умани). К вечеру были получены сведения, что банда грабит сахарный завод в местечке Иваньки (15 верст вост. Дзендзелевка).

На рассвете 19 декабря котовцы ворвались в Иваньки. Застигнутая врасплох банда, силою до 150 всадников, после короткого боя бежала на мес. Буки (10 вер. к северу), оставив на месте более половины зарубленных бандитов.

Награбленный сахар был немедленно возвращен в магазины.

Спустя несколько часов, об'единенные силы банды повели генеральное наступление на м. Иваньки против кавбригады. На горизонте показались длинные цепи бандитской пехоты при пулеметах, наступавшие с большим воодушевлением. По приблизительному определению, здесь было до 800 человек. На флангах маячила конница.

Котовский приказал артиллерии встать на позицию и выдвинул вперед пулеметы. Банду взяли под артиллерийский огонь, а, когда она все-таки пошла в атаку, отразили ее пулеметами. Отхлынув, банда вскоре оправилась и вторично пошла в атаку—с тем же результатом.

Котовский выжидал третьей атаки.

Прошло порядочно времени, и вот в третий раз атакует банда. Подпустив ее на близкое расстояние, пулеметы расстреливают банду в упор, и когда она, расстроенная, снова откатывается, с двух сторон вылетает конница, и начинается рубка.

Побросав оружие, „дядьки" просят пощады. Котовский приостанавливает расправу. Пленных (около 500 чел.) сгоняют в кучу и отправляют в Иваньки. Конница бандитов с главарями банды отступает на Буки.

Тынько Алексей—бессарабец, красный партизан, красноармеец кавбригады **Котовского**. В декабре 1920 г. захвачен бандой Лыхо, зверски изрублен шашками, но остался жив. Сейчас занимается сельским хозяйством в с. Колбасное, Рыбницкого района АМССР.

На рассвете 20 декабря кавбригада окружает Буки. Ядро бандитов захвачено врасплох. Выхода нет. Все дороги и лазейки заняты котовцами...

Банда мечется в предсмертной судороге. Часть бандитов сдается, другая—стреляется, третьи прячутся по хатам и клуням. Братва выволакивает бандитов из клунь и тут-же расстреливает...

Ищем главарей... Гуляй-Гуленко забрался на чердак и долго отстреливался; последний патрон пустил в себя.

Полковника Грызло обнаружили совсем случайно в колодце. Решили взять его живьем. Долго оборонялся бандит, наконец, сдался. Ему бросили веревку и вытащили его таким образом на поверхность. После короткого допроса расстреляли.

Банда была в полном смысле уничтожена. Но что было делать с массой захваченных пленных? Пойманные „дядьки", в большинстве середняки и беднота, горько плакали, кляли обманувших их атаманов, просили их простить. Эту темную, обманутую массу мы собрали на митинг, распропагандировали их, снабдили обильно агитлитературой и распустили по домам. Выявленных среди них злостных бандитов (с нами был уполномоченный местной Ч. К.) отправили в Умань.

Это был один из первых ударов по бандитизму на Украине.

Г. ЛИСИЦКИЙ.

Как был заколот политрук.

45-я дивизия перешла на мирное положение. Полки ее встали в районе Звенигородка-Тараща. 404-й полк расположился в селе Кальниболото[1]. Здесь мы проводили большую культурно-просветительную работу, а также помогали бедноте по вспашке земли и т. д. Члены партии, ветераны проводили беседы на квартирах, а в воскресенье собирали всех селян в школу и там делали доклады. Все внимание в беседах и докладах было обращено на борьбу с бандитизмом. В этих беседах указывалось, что беднота—наш упор, что беднота в союзе с середняком должна вести наступление против кулачества и против бандитов. Население Кальниболота было до того терроризировано, что боялось высказываться на докладах и беседах. Каждый вечер в селе подымалась стрельба со всех сторон...

Политрук В. проводил самую активную идейную борьбу против бандитов, раз'ясняя населению, какой вред приносят бандиты. Этого политрука красноармейцы любили и уважали. Он был всегда с красноармейцами.

Настал канун пасхи. Политрук проводил большую антирелигиозную беседу, куда были приглашены и селяне. Селяне почти не высказывались, хотя некоторые поддакнули, что уже давно время отказаться от церкви и от попов и браться за культурное поднятие сельского хозяйства.

Стало уже темно. Политрук пошел домой. Он жил в одной хате с командиром роты. Оба сидели и беседовали, когда внезапно в хату зашел какой то парень и произнес:

— Добрый вечер, товарищи.

Следом за ним ворвалась большая орава людей, вооруженных обрезами и ножами. Они подскочили к столу, где сидел политрук, и подняли над ним ножи, а оторопевшему командиру роты сказали:

— Вы, командир, не бойтесь нас, потому что Вы нам ничего плохого не сделали, а наши враги это коммунисты и политруки.

Ножи вонзились в политрука, окровавленный, он упал на стол. А командир, как держал карандаш, так и застыл. На него напал столбняк.

Бандиты ушли. Кровь была на столе. Политрук что-то хотел сказать командиру, но уже не имел силы.

Минут через пять в хату зашел красноармеец и видит: политрук плавает в крови, а командир-белый, как стена. Красноармеец выскочил из хаты и побежал к клуне, где спало около 20-ти товарищей. По дороге он натолкнулся на бандитов. Те открывают огонь, и красноармеец, сраженный пулею, падает в грязь. На стрельбу выбежали красноармейцы спавшие в клуне, но бандиты уже бежали. В хате лежал мертвый политрук, а на улице валялся труп красноармейца.

На другой день тело политрука и красноармейца перевезли в штаб полка, сделали два гроба, накрыли красной материей и понесли на кладбище в сопровождении всего полка и большой толпы селян. Многие плакали: тяжело и больно было за политрука, погибшего на своем посту, и за красноармейца, который служил в дивизии добровольно с первых дней ее организации. Два гроба пронесли через холмы и болота на кладбище, сняли их с плеч... Военком полка произнес речь, обнажились головы, гробы опустили в могилу и стали засыпать их землей под прощальные ружейные залпы...

И. ТЕСЛЯ.

На бандитском фронте.

1. 1921-й год.

Зима. Январь месяц. Наш конный взвод выделен в помощь агентам по хлебозаготовке. В'езжаем в одну деревню. Выслали вперед маленький дозор из 3-х красноармейцев, а сами остановились и ждем. Дозора все нет. Командир взвода решил, что красноармейцы в деревне зашли к кому-либо погреться, так как было очень холодно.

В'езжаем в село. Проехали почти все село, а кавалеристов нет. Начали спрашивать в сельсовете, там говорят, что красноармейцев не было, и у сельсоветчиков какое-то странное выражение лица, как будто они чего-то боятся или хитрят.

Случайно один красноармеец находит на площади шпору. Пошли дальше нашли кобур. В это время подходит один мальчик и говорит:

— Ваших москалів забрали бандіти, віднялы зброю і убили.

Сразу же взяли в оборот председателя. После короткого запирательства тот сказал:

— Ваши красноармейцы приехали и зашли ко мне в хату, а тут были бандиты, которые их увели в лес.

Председателя мы, конечно, забрали с собой.

Поехали в лес. Нашли дорожку, по которой вели красноармейцев. Начали преследование. Шли пешком, ведя лошадей в поводу. Идем уже долгое время, но нагнать банды никак не можем: мешает глубокий снег. Наконец, ввязываемся в перестрелку. Бандиты отходят, отстреливаясь. Нас было человек 15, а остальная часть взвода осталась в деревне.

Мы преследовали бандитов часа четыре. Наконец, выходим на дорогу и видим: бандиты укрепились за большим оврагом, а перед оврагом совершенно открытая поляна, которую они держат под огнем.

Командир взвода решил обойти банду с тыла, для чего послал человек 7—8 в обход. Остальные продолжали вести перестрелку.

---

[1] б. Звенигородского уезда. *Ред.*

Бандиты кричат нам:

— Хотите, вас всех перестреляем, так вот, как этих красноармейцев...

Выводят наших трех красноармейцев и на наших глазах их расстреливают. Мы не выдерживаем и бросаемся в атаку, но пока шла переправа через речку, протекавшую по дну оврага, банда успела уйти.

Обмерзлые красноармейцы возвратились в деревню. Здесь нашли много оружия. Оказалось, бандитам помогал председатель сельсовета. Его пустили в расход.

Красноармейцы, убитые бандитами, были торжественно похоронены в этой деревне.

2. Ликвидация Деращука.

Дело было в Уманском районе весной 1921 г. Эскадрон 134 бригады под командой тов. Царева стоял в одной из деревень Уманщины. Были слухи, что пошаливает банда Дерещука. Однажды утром во время строевых занятий, прибегает один „дядька" и доносит, что в такой-то деревне находится банда, человек 300—400 с большим обозом, есть и конница. Сейчас же была об'явлена тревога, и эскадрон выступил. До деревни было верст 25—30. Выслали разведку и охранение.

Под'езжая к деревне, мы еще издали увидели большое число повозок и среди них массу людей. Высланный раз'езд стал незаметно подбираться к деревне... Однако, подойдя к селу, красноармейцы этого раз'езда сделали большую ошибку: увидя одного спрятавшегося часового, они открыли по нему огонь и этим обнаружили себя. Командир эскадрона Царев, услышав выстрелы и сообразив, что раз'езд уже обнаружен, сейчас же подал команду: „в атаку". Мы кинулись на деревню в конном строю при поддержке пулеметов. Первые выстрелы предупредили бандитов, но все таки среди них поднялась паника, и человек 60 не успело бежать.

Оставшиеся бандиты оказали сопротивление. Начальник штаба банды отчаянно дрался. Он убил 4-х красноармейцев. Командир взвода Нечаев налетел на него с клинком. Бандит поворачивается и хочет стрелять в комвзвода, но патронов в нагане уже нет. Нечаев ударил его клинком по голове и разрубил ему голову. Но бандит еще стоит, поднял наган и хочет стрелять в себя. Еще несколько человек налетело на него, но он уже упал...

Налетели еще на одного здорового парня. Командир эскадрона кричит: „взять его живьем!". Царев думал, что это атаман, но бандит оказался старшиной отряда, атаман же успел удрать в лес...

Банда оставила в селе пулеметы, винтовки, боеприпасы, около 15-ти лошадей, походные кухни и т. д. С нашей стороны было убитых 6 человек, с их же стороны—около 40 человек.

Дальше мы банду не преследовали, потому что бандиты рассеялись по разным деревням и обнаружить их было очень трудно; кроме того, нужно было дать отдых лошадям. Командир эскадрона решил отдохнуть часа четыре, а потом продолжать преследование. Стали допрашивать взятого в плен старшину. На наши вопросы о банде он не ответил ни одного слова.

Ночью часовой, охранявший бандитского старшину, был найден связанным, а раненый бандит удрал и никаких следов не оставил.

Эскадрон на другой день преследовал бандитов и долго еще вылавливал по два-три человека. После этого побоища банда Дерещука больше себя не проявляла.

3. Бой с бандой Кравченко.

Май месяц 1921 года. В районе Торговицы около 3-х лет оперировала банда Кравченко. Кулаки села Нерубайка помогали Кравченко, и никак не удавалось его поймать.

И. П. Тесля ветеран 45 дивизии, красноармеец кавэскадрона 134 бригады, затем (1921 г.) командир взвода 45 кавполка в период его борьбы с бандитизмом. Храбрый боец, участник лихих кавалерийских атак. Сейчас командир взвода отдельного кавэскадрона 45 дивизии.

Для ликвидации банды 45-я дивизия выделила кавполк под командой т. Дорошенко. Несколько эскадронов стали в Торговице, остальная часть полка в Нерубайке и других селах. Район был таким образом окружен.

Около двух недель продолжается безрезультатное преследование. Днем бандиты прячутся по селам, а ночью в лесу. Наконец, к нам явился с информацией псаломщик деревни Нерубайка, у которого жена ушла с бандитами. Он дал сведения о численности банды, о расположении ее, о том, где она скрывает оружие и т. д.

Была устроена облава, и, действительно, в селе Нерубайка нашли много оружия и сочувствующих банде.

Банда насторожилась. Она не стала совершенно выходить из леса. Лес же был большой, верст двадцать в ширину и пятнадцать в длину, очень густой и местами непроходимый.

Жена псаломщика через несколько времени приносит нам от атамана банды письмо, в котором последний выражает желание сдаться. Вслед за этим Кравченко вновь присылает одного бандита с письмом такого содержания: „Я мол, такой то, Кравченко, сдаюсь на милость Советской власти, но с условием, чтобы из моего отряда сформировать эскадрон, и я буду им командовать".

Командование полка не дало на это согласия и ответило:

— Пусть атаман сам лично придет переговорить в такое-то место.

Кравченко отвечает согласием.

В назначенный день полк встречается с бандой на р. Синюха. На одном берегу — весь кавполк, на другом—Кравченко и с ним человек 30 бандитов. Кравченко заявляет:

— Я сдаюсь, но при условии, что вы сделаете из моего отряда эскадрон, и я буду его командиром.

Командир полка предлагает ему сдаться без условий, а там, мол, увидим.

Атаман отвечает:

— Имейте ввиду, что у меня 300 сабель и на помощь мне идет другой такой же отряд. Я ваших нескольких убил, и вам тоже не сдобровать.

Сказал, повернул лошадей, и—в лес. В тот момент мы их преследовать не имели возможности, так как река не имела моста. Они от'ехали и дали залп по нас, мы—по ним, и разошлись.

Долго после этого никак нельзя было поймать Кравченко.

Через полторы недели был другой случай. Бандиты проникли в одну деревню во время красноармейского спектакля и зажгли помещение, где шел спектакль. Благодаря бдительности одного патруля пожар был замечен в самом начале. Поджигатели были пойманы.

Вскоре после этого происшествия командир полка, получив какую-то информацию, ночью по тревоге собрал полк, и мы двинулись в поход, не зная хорошенько, в чем дело. Прошли верст пятнадцать. В'езжаем в лес. Здесь два эскадрона остаются в конном строю, а остальные четыре спешиваются и идут цепочкой через лес. Прошли почти весь лес, осталось несколько деревьев и густой кустарник.

Вдруг из кустарника залп. Выскакивают бандиты и с криком „ура" нападают на нас. Мы быстро сомкнулись, окружили их и открыли огонь. Помню, я застрелил одного бандита, который все время целился в командира полка. Бандиты, видя, что их нападение не удалось и что им самим грозит уничтожение, старались прорваться через нас, чтобы удрать в лес. Некоторые из них сдавались. Атаман Кравченко, руководивший боем, криками ободрял своих людей и на моих глазах лично застрелил одного бандита, который хотел нам сдаться. Когда Кравченко попытался было подобраться к командиру полка, он был убит. После его смерти банда разбежалась. Мы забрали человек 15 в плен, и человек 10 бандитов было убито.

Анакин — начальник конной разведки 404-398 полка, активно боровшейся против бандитизма на территории Уманщины, Сквирщины и Радомысльщины.

После боя вышли из лесу на дорогу. Смотрим, идет какой то пожилой крестьянин. Его задержали. Спрашиваем:—„где был?" Он говорит: „Коней пасу, иду до дому". Внезапно он подходит к командиру полка, выхватывает револьвер и стреляет. Его немедленно обезоружили. Начали допрашивать. Один пленный бандит вдруг заявляет: „Та це ж батько отамана".

Командир полка застрелил бандитского „батька" на месте.

Вскоре после этого банда была нами окончательно ликвидирована, и крестьянство окружающих сел получило возможность спокойно работать. Когда мы уезжали, крестьяне благодарили нас за освобождение от банды.

4. Погоня за Махно.

После ликвидации банды Кравченко кавполк 45-й дивизии был переброшен на борьбу с прорвавшейся из-за Днепра бандой Махно. Слухи насчет Махно ходили разные. Говорили, что у него 3000 человек, сотня пулеметов и т. д. Мы имели сведения, что его преследует Конная армия Буденного из самой Полтавщины.

В первый день операции с рассветом от кавполка был выслан раз'езд, который должен был нащупать банду. Начальником раз'езда был командир взвода. Не доезжая одной деревушки, раз'езд натолкнулся на группу всадников. Последние назвали себя буденовцами и в подтверждение пред'явили документы. Всадники просили наш раз'езд отправиться с ними в штаб буденовской дивизии, который по их словам, находился недалеко. Командир взвода согласился.

Приехали к какому то оврагу. Здесь на древке метался красный флаг. Красноармейцев провели в овраг, там их окружили, обезоружили и начали допрашивать. Мнимые буденовцы оказались махновцами.

Красноармейцев против ожидания не убили, а только раздели и допросили, какие части их, махновцев, преследуют. Командира взвода отправили к самому Махно. Что с ним стало, неизвестно.

Утром следующего дня красноармейцев отпустили на свободу, но приказали им идти в сторону, противоположную той, где были наши части.

Одному все же удалось, переодевшись, пробраться в расположение кавполка и дать командиру полка сведения о банде. До этого кавполк не имел ровно никаких данных о Махно, и поэтому действия его были нерешительны.

Командир полка, узнавши, где прячутся махновцы, решает разбить полк на эскадроны, окружить со всех сторон расположение бандитов и уничтожить банду.

Однако, банда уже переменила место. Окружить ее не удалось.

Начинается преследование. В'езжаем в одну деревню—говорят: только что здесь были махновцы. Следы их на лицо: реквизированы лошади, разгромлен винокуренный завод и пр. Продолжаем погоню. В следующей деревне повторяется та же картина и т. д.

В первый день мы проехали 120 верст. Лошади под нами совершенно отказывались идти. Бандиты двигались быстро только потому, что в каждой деревне меняли лошадей. В первый день нам не удалось их настигнуть, а за ночь они еще больше оторвались от нас. На второй день не только не догнали, а даже совершенно потеряли их из виду. Через несколько дней разведка натолкнулась на банду в какой то деревне. Эскадрон, в котором я находился, решил атаковать эту деревню.

Эскадрон незаметно подошел к деревне и на-

пал на бандитов врасплох. Пошла резня на улице. Бандиты вскоре бежали, а наши ребята бросились собирать их барахло. Командир эскадрона всего лишь с 20-ю всадниками продолжал преследование банды.

В одной группе бандитов был сам Махно. Он сидел на пулеметной тачанке, рядом с ним какая то женщина, а между ними—пулемет. Махно отстреливался из маузера, в то время, как лошади галопом уносили его тачанку. Если бы мы организованно бросились в погоню всем эскадроном, махновцев можно было бы уничтожить вместе с „батькой".

Наша группа в 20 всадников преследовала махновцев далеко за деревню. В бою у командира эскадрона была убита лошадь, он пересел на другую. Но, достигнув леса и убедившись, что нас совсем мало, бандиты привели себя в порядок и бросились в контр-атаку. Их оказалось в несколько раз больше нас. Наша группа, не решаясь принять боя, повернула назад. Бандиты—в погоню. Чувствовалось, что вот-вот нагонят. Измученные лошади едва несли нас, и мы были бы, вероятно, все порублены, как вдруг на опушке леса с правой стороны показался свежий эскадрон.

Мы еще не знали, свои ли это, или бандиты; махновцы тоже смешались, остановились. Новый эскадрон, ориентировавшись, понесся в атаку на махновцев; те не принимая боя, поворачивают лошадей и удирают в лес. Бандиты рассыпаются во все стороны, чтобы сбить преследователей со следа. Эскадрон, который, как оказалось, принадлежал нашему же кавполку, разбился на несколько групп и начал преследование.

... На следующий день Махно сгруппировался в другой деревне. К нам тем временем подошли остальные эскадроны. Мы окружили деревню, где засели махновцы со всех сторон, оставили одну дорогу открытой и устроили на ней засаду.

Махно тогда пускает по этой дороге крестьян на лошадях, привязав им на спину палки. Ночью казалось, что это отряд кавалерии. Мы увлеклись погоней за этим „отрядом", а Махно в это время прорвался по другой дороге и удрал в лес. Дальше не было сил итти. Лошади падали с ног.

Это происходило уже около реки Днестр. Нам стали встречаться другие многочисленные кавалерийские части, тоже преследовавшие Махно. Казалось, что на Днестре банда будет, наконец, настигнута и ликвидирована.

Но этого не случилось. Махно при помощи ложных документов захватил нашу заставу на Днестре, перебил ее и переправился на румынский берег. По эту сторону реки остались почти все его пулеметы и много убитых бандитов. Не мало махновцев было во время преследования захвачено нами живьем. Но знаменитый „батько" так и не дался нам в руки.

К. ПРИСЯЖНЮК.

Бердичевщина.

Конец 1920, начало 1921 года.

Быстро, планово, обильно питаясь извне—директивами, изнутри—живым участием „недобитков" желто-блакитной своры, растет ядовитая зелень на только что начавшей оживать советской земле—земле, развалинами городов и местечек, огромными незасеянными пространствами, бесчисленными братскими могилами свидетельствующей о недавних ужасах гражданской войны.

Штабс-ротмистр Кравченко, вымоливший помилование в 1919 г. от расстрела за контр-революцию у штаба 2-й группы 12-й армии;

Трейко Иван, проворовавшийся в бытность свою в Топоровском сах. заводе;

Федорец - станиловский кулак, эсер, скучающий по своей мельнице,—избирают политическую карьеру—карьеру „спасения Украины".

Овсяники, Сопин, Мончино, Ордынецкие хутора, Ширмовка, Немиринцы, Станиловка, Левковка, Белашки, Лещинцы и т. д., охватываются сетью „ватажков", опирающихся на организованный, обиженный кулацкий кадр и на одуренные середняцкие и даже бедняцкие массы.

Несколько волостей: Самгородецкая, Вахновская, Прилуцкая, Мало-Чернятинская, Спичинецкая, частично Погребищенская, Ширмовская, Белиловская, Топоровская,—зашевелились. Поджоги ссыпных пунктов, убийства крестьянской бедноты—советского актива, милиционеров, продармейцев, уничтожение архивов, документов и, наконец, просто грабежи, налеты на сахарные, винокуренные заводы,—вот короткая история начала бандитизма на Бердичевщине.

Отношение крестьян к бандитам было неодинаковое. Кулаки снабжали лошадьми, седлами, вооружением, давали приют, помогали в работе, организовали разведку, связь. Середняки в своей массе часто тянулись за кулачней; беднота же была настолько терроризована, что оказать сколько-нибудь организованное сопротивление была не в состоянии. Но время и положение не заставляли долго ждать. Банды свирепеют, и свирепость их начинает бить через край.

Наши силы. Чрезвычайная Комиссия посылает своего уполномоченного по б/б Ваську Муляра. Этот неустрашимый, опытный чекист появляется в м. Погребище, где к тому времени недурно организована Советская власть.

Здесь—райпарком, насчитывающий по району 25 коммунистов, главным образом, из местных работников; зарождающийся райком комсомола; небольшая, молодая, но сумевшая хорошо организовать вокруг себя бедноту, вооружив ее, ячейка с. Белашек во главе с т. Гаврилой Безворовайным; Ширмовская и Спичинецкая ячейки, насчитывающие по нескольку человек партийцев, которые своих людей имели во всех селах (правда, очень немногих, которые представляли собою реальную силу).

Первые успехи банд дали мощный толчок.

С каждой неделей начали появляться новые и новые группировки:

в Дзюнькове—Стремский, быв. офицер, со своим ад'ютантом, бывшим писарем уездного воинского начальника Кучером; в Мончино—поручик Ефремов—кулак и брат его—семинарист; в Белиловке—Середа, прапорщик, сын местного кулака; в Немиринцах—братья Пирожки и Баланенко; в Гопчице — Иван Лавренчук и Иван Храбан и т. д.

К. Г. Присяжнюк - сын крестьянина-бедняка, секретарь райпаркома ВКП (б) в Погребище, Бердичевского округа, и уполномоченный по борьбе с бандитизмом по Погребищенскому району. В 1922 г.—красноармеец 1Я тяжартдива, затем политрук батареи (1923—1925 г.). Сейчас военком отд. кавэскадрона 45 дивизии

С размножением банд расширяется и их организованность, их планы.

Во главе об'единенных групп становится кулак, учитель из Дзюнькова—Яворский (Карый), с начштабом — Петренко; со стороны Вахновки примыкают братья и сестра Горлинские, кулаки-хуторяне.

В итоге организовано до 150 атаманов и атаманчиков с завербованными бандитами до 2000 человек.

Первые удары банд обрушились на местных работников. Так был убит Чайка, начальник Самгородецкой милиции, которому банда, поймавши его живьем, отрезала язык, уши, выколола глаза, на груди вырезала звезду и, замучив, бросила в поле. Чайка был активным советским работником.

Затем был захвачен пом. продкомиссара м. Погребище т. Исаев, член партии. Его поймали в с. Немиринцах при исполнении своих обязанностей. Исаев был зарублен и последние его слова были: „я—коммунист и как коммунист умру, а вы - бандиты и погибнете, как бандиты".

Но банда о гибели не думала, а наоборот, строила широкие планы. По перехваченным нами документам, они сводились к следующему:

1) разрушить местный аппарат, перестрелявши местных работников, для чего по району была создана специальная агентура, учитывающая и составляющая списки активных работников; там же—отметки, как с кем поступить. Казни очень разнообразные. Вот, например, выдержки из списка Шпаковича—делопроизводителя Погребищенского наробраза:

Муляра—замучить;

Рофмана—расстрелять;

Присяжнюка—изжарить на сковороде;

Франка—повесить и т. д.

2) налеты на сахарные и винокуренные заводы: забрать сахар, спирт и конский состав;

3) налеты на железно-дорожные мосты, на охрану, милицию, на ссыпные пункты;

4) наконец, разбив местный аппарат, забрав оружие, двинуть на Бердичев, занять тюрьму, выпустить арестованных (среди них было много бандитов), после чего разрушить Казатинский узел. К тому времени ожидалась подмога от Петлюры из-за кордона.

Не теряя времени, банды приступают к выполнению своего плана.

Произведены налеты на Турбовский, Новогребельский, Овечачский, Топоровский сах. заводы, вывезено много сахару, забраны лошади, обезоружены охраны и частью перебиты. Иван Лавренчук с 25-ю бандитами из с. Гопчицы произвел налет на Босо-бродский ж. д. мост по Уманской ветке, убил начальника охраны и нескольких охранников, забрал пулемет, винтовки и телеграфный аппарат.

С приездом в Погребище Муляра мы начали укреплять и пересматривать старую осведомительную сеть и сколачивать кадры чекистов. В короткое время райпарком превратился исключительно в боевую организацию, мы подобрали своих людей в военкоматовскую команду и милицию, вооружили сельские ком'ячейки и комнезамы. Таким образом, за короткое время у нас была довольно крепкая опора:

в Ширмовке—Зеленчук, Бакалюк, Хава Моисеевна и еще некоторые партийцы; туда же был послан начальником милиции Трофимец Петр; в селе Белашки — ком'ячейка и отряд комнезама человек 35; в Спичинцах—милиция во главе с начальником „Антошей", участковый уполномоченный по б/б Громчевский и секретарь ком'ячейки Дронь; в Самгородке—Костик, Лещинецкий участковый уполномоченный; в Вахновке—Верещагин, участковый уполномоченный.

Был и некоторый прорыв: Черемошанская кандидатская ячейка, как потом оказалось, работала на две стороны: банде и нам.

Я, одновременно с совмещением должности секретаря Погребищенского райпаркома, был назначен уполномоченным по борьбе с бандитизмом в районе с подчинением мне Самгородецкого, Спичинецкого, Вахновского и Дзюньковского участков; в каждый участок входило по две волости с участковым уполномоченным во главе. При районе почти постоянно находился уездный уполномоченный Васька Муляр и его помощник Миша Рофман. Кроме них часто приезжали товарищи из Бердичевской Чека.

Построив хорошую осведомительную сеть, посадив своих людей и сколотивши боевые ячейки, мы стали более решительно противодействовать бандитам и своими налетами на них выхватывали отдельных „активистов", коих частью отправляли в Бердичев, частью же заполняли ими овраги.

Но наши боевые силы были слишком слабы и мало подготовлены для чисто боевых действий, а банды к тому времени успели уже сделать несколько демонстративных организованных вылазок, силами в 50—100 человек. Каждая такая вы-

лазка сопровождалась террором местной власти, вешанием милиционеров, убийством отдельных работников.

Сеть бандитских осведомителей тоже недурно была поставлена. Бывали случаи: завербуешь „сека",—на второй день он прибегает со слезами: „я больше работать не буду, ко мне сегодня приходил Кравченко и говорил: „гад, ты вже чекист, смотри — застрелю!" Ну, такого „сека" приходилось выгонять.

Таким образом обстановка в районе создалась довольно напряженная. Работа начала страшно тормозиться. Кого ни пошлешь на село,— не уверен, вернется ли он жив.

Наши задачи сами по себе вырисовывались: необходимо было парализовать бандитизм, парализовать как можно быстрее, пока он еще недостаточно вкоренился. Казалось, что достаточно разбить верхушку, из'ять организаторов, а массы сами разбегутся, так как почвы под собой они почти не чувствовали, а все движение было насаждено сверху. Но для этого нужна была боевая сила.

И вот в этот момент прибывает 134 бригада 45-й дивизии под командой тов. Савченко. Савченко, в то время неказистый себе человечек, собрал нас всех и рассказал о своих задачах и о своем назначении. После нескольких совместных совещаний, бригада приступает к составлению плана разгрома банд.

Первая операция была под Липовецкими хуторами, где отряд бригады, столкнувшись с бандой, разбил ее; было несколько человек убито, забраны пленные и лошади. Это—первый орех, который проглотил бандитизм. Затем последовала крупная операция как раз накануне предполагавшегося выступления банды в 700 человек под руководством Кравченка.

Обстановка была такова. Выступлению бандитов предшествовало совещание атаманчиков, затем открытое собрание банды в с. Овсяники, где участвовало почти все село. Выступление должно было начаться из села Станиловки, сбор—Станиловский лес, вблизи которого накануне бандиты убили 12 наших разведчиков-красноармейцев.

Перед бригадой т. Савченко стала задача ликвидировать эту попытку, в противном случае банда могла наделать больших бед, так как к этому выступлению приурочивались выступления по всему району. Затем после слития и проверки сил банда должна была приступить к осуществлению своего плана похода на Бердичев.

Детально разработав план наших действий, мы двинулись на Станиловку. Бригадой командовал Савченко. Бандиты после небольшой перестрелки разбежались, после чего конная группа бригады, под командой тов. Казакевича стала их преследовать. Одновременно к нам явился Кузьменко, крестьянин с. Станиловки, который играл видную роль при банде Кравченко. Сдавшись нам, Кузьменко выдал многих бандитов и указал, где они скрываются. Тут же нами было поймано около 30 человек самой активки банды, среди них Паславский, зять станиловского попа, поручик, который был сотником в банде. Но главари банды все же успели скрыться.

Это столкновение было началом разгрома банды. После описанной операции к нам начали переходить отдельные бандиты-крестьяне сповинной. Их использовывали для вылавливания скрывающихся бандитов. Отсюда начинается упорная, днем и ночью, работа по добиванию деморализованной банды. После этого часто приезжала стоявшая по соседству 135 бригада т. Минина и конная разведка 402 полка под командой т. Домбровского.

Прошло некоторое время. Кравченко засел в Сопине и начал опять усиленно готовиться к выступлению. Сведения о подготовке мы получили своевременно.

Помню ночь. Выезжаем с отрядом тов. Казакевича в м. Спичинцы, там соединяемся с отрядом Домбровского, и ночью разрабатываем план. Решено на рассвете оцепить село Сопин. Село довольно большое. Был канун пасхи и по предположению Муляра и по имевшимся сведениям от „секов", бандиты должны были справлять пасху дома.

Темная весенняя ночь. Дождь, холод, дорога плохая, незнакомая. Двинулись, к рассвету прибыли. Оцепили сонное после разговенья село. Часть самых боевых красноармейцев, по заранее набросанной схеме, пошли облавой. В результате было поймано человек 70, среди них определенные бандиты и те, которые так или иначе были замешаны в бандитизме, в помощи банде подводами, или в участии в налетах на спиртовый и сахарные заводы. В школе короткий допрос, небольшое „крещение" упирающимся. Тут же жеребьевка заложникам; по существовавшим в то время положениям, за укрытие банды в селе нужно было расстрелять двух заложников.

После нескольких таких операций бригады т. Савченко с его боевыми конразведками Казакевича и Домбровского бандитизм начал быстро распадаться. Началось брожение среди крестьян. Крестьянство, поддерживавшее банду, начало отходить от нее, частью же переходить на нашу сторону, оказывая нам содействие; еще бо́льшая часть селян была „ни сюди, ни туди".

Но атаманчики не сдавались, а все еще собирались выступить, ища опоры среди кулацкой части села. Разбившись на небольшие отряды по 20—25 человек, они продолжали делать налеты, грабежи. Физиономия этих банд была несколько иной, чем тех, которые положили начало движению: пристроилось порядочное число чисто уголовных бандитов и зарвавшихся атаманчиков, которым не было никакого выхода. Эти банды были более свирепы после разгрома, чем в первое время.

Второй период борьбы с бандитизмом сводился к тому, что, главным образом, конразведки почти без отдыха неделями гонялись за остатками банд, преследуя и разбивая их. Следует отметить кулацкое восстание в с. Белашки, где кулачня села, обиженная переделом земли, проводившимся под руководством ком'ячейки, вооружившись и разогнавши местную власть, столкнулась с вооруженными ком'ячейкой и комнезамом, которые засели в бедняцкой усадьбе. Это выступление началось под вечер, была темная ночь и сильный дождь, поэтому кулачня, засев на противоположной части села, выжидала рассвета. Но один из коммунаров,

пробравшись в Погребище, сообщил мне о происшедшем.

В то время в Погребище стояла одна из частей бригады, которая немедленно выделила отряд, не помню, кто им командовал. Расстояние до с. Белашки было 7 верст.

Колонна двигалась в непроглядной темноте, дождь, грязь по колени. Наконец, вот—кладбище, начало с. Белашек. Втроем отправились в разведку вглубь села. Глубокая тишина встретила нас в селе, и вдруг окрик:

— Стій, хто йде?

Я отозвался:

— Свої...

— Хто свої?..

— Кость, це я з отрядом.

Подскакивает один из коммунаров, удивленный такому быстрому нашему приходу. Короткий расспрос. Подходим к усадьбе. Обмен паролями. Коммунары и комнезамовцы забаррикадировались, держа винтовки и обрезы на изготовку.

Заходим в хату. На лавках и на земле насторожившиеся люди. Посреди хаты, во всю ее длину, на белом рядне — окровавленная человеческая фигура в свитке и рваных сапогах. У изголовья обрез, бомба и наган. Подхожу ближе. Из залитой кровью массы мигнуло два белка и блеснули белые зубы:

— Розділили, голубе...

Это был секретарь местной ком'ячейки Гаврило Безкоровайный. Смотрю, пытается встать, подымает голову, но тут же обессиленно опрокидывается назад.

Все стало мне ясно без расспросов. Отряд подтянули. Коммунары зашевелились. Не ожидая рассвета, облавой двинулись на кулаков. Почти всех переловили. Им было не до сопротивления: слух о нашем прибытии уже разнесся по селу. Отряду пришлось силой удерживать рассвирепевшую бедноту села от самосуда. На месте не убили ни одного. Захваченных доставили в Погребище, оттуда в Бердичев.

Таким образом часто приходилось еще сталкиваться с отдельными отрядами банды. В результате стычек было порядочно убито со стороны бандитов, были и убитые со стороны бригады, особенно из конных разведок. Упористо, умело действовали бандиты вплоть до того, что использовывали собак. Был такой случай. Едем на облаву. Под'езжаем ночью тайком к селу. Вдруг, смотрим — побежала собака с колокольчиком по селу. Мы почти не обратили на это внимания, но, зайдя в село, к нашему удивлению, несмотря на самые достоверные сведения, бандитов не нашли. Потом оказалось: на каждом в'езде в село был скрытый наблюдатель с собакой, собака бралась с прямо противоположной части села, ей подвешивали колокольчик и, лишь только наблюдатель замечал приближение красноармейцев, он пускал собаку, та бежала домой, звонком сигнализируя по селу наше приближение.

Одна из конных разведок 45 дивизии, принимавшая активное участие в подавлении бандитизма на Бердичевщине.

Ухищрения бандитов заставили нас постепенно менять тактику, переходя от действий большими отрядами к более мелким. Отряды бригады гоняли бандитов, не давали им группироваться, а мы, чекисты, поодиночке вылавливали.

Замечательный случай, когда нас 8 человек переоделись и, загримировавшись крестьянами, вечером ворвались в село. Это было уже зимою в конце 1921 года, как-раз на „кутью". Подходишь под окно,—бандит с семейкой „шамае" кутью.

Вскакиваем в хату...

„Руки вверх!". Нацеливаемся маузерами... Ложка в кутью — бовть... бандит застыл. Связав руки, — на сани... Так в течение 15—20 минут мы выловили 7 злостных бандитов,—на сани... и пошел.

Беднота много помогала разведкой. Один из интересных типов, это „жінка" Безковровайного. Нужно произвести в с. Станиловка разведку; по слухам, туда прибыла банда из 25 человек. Отряд не пошлешь, — разбегутся бандиты. Безковоровайный снабжает свою жинку бумажкой и говорит:

— На, бабо, оцей папірець, бери дрючка, качай в Станіловку: коли прийдеш, дивись, хто там є

в селі, та добре роздивись, а сама кажи, що купила поросятко рябеньке, та втікло, з мотузочком, чи не бачили, чи не прибилось часом? — и эта беднячка приносила ценные для отряда сведения. Таких и подобных случаев оказания помощи было много, всех не вспомнишь.

И, как противоположность, — отношение кулачка. Ночью заезжает в село Лещинцы отряд во главе с т. Савченко. По дороге мы условились выдать себя за банду. Заезжаем к кулаку. Красноармейцы располагаются по хатам. Муляр прекрасно говорит на украинском языке. Савченко разыгрывает злого, неразговорчивого атамана. Дядько, когда узнал, что мы бандиты, заставил бабу зарезать трех гусей, сам всю ночь при фонаре молотил овес, тут же сообщил всякие откровения о бригаде Савченко и вообще о красных. На утро, когда дядько узнал, в чем дело, чуть не разорвался. Мы, конечно, только смеялись: и без того знали его к нам отношение, но разведчики не отстали, пока не всыпали ему 25 шомполов...

Так постепенно была разбита организация бандитизма. Из сводки Карого Петлюре читаем: „Працювати неможливо, скрізь літають червоні, в лісах самих ховатись вже не можна. Заможне селянство боїться переховувати. В наші загони попролазили чекисти. Начальником штабу Козятинського повстанкому був чекист і старшини, яких Ви направляли в моє розпорядження, прямим потягом попадали в Губчека“.

И верно, чекисты проникали в банды, вернее, мы своих людей там находили. Начальник штаба Казатинского повстанкома по расшифровании его был зверски замучен бандитами. В станиловской банде Федорца начальником штаба был наш „сек“ Захаров, которого впоследствии расшифровали. Захаров успел скрыться от банды, но его после все же убили и сожгли дом.

После разгрома бандиты перешли к иной тактике. В лесах прятаться уже нельзя было, крестьянство перестало поддерживать, кулачня боялась и бандиты решились пойти на амнистию, чтобы лучше ориентироваться, подготовиться за зиму, а затем опять выступить. Эта тактика была своевременно расшифрована, за амнистированными устраивали слежку и, накрывши их за продолжением бандитской работы, тут же „пришивали“.

Большую работу проделали парторганизация и политаппарат бригады, особенно 401-го и 402-го полков. В сельские ячейки были посланы секретарями и вообще на работу лучшие партийцы. В Райвоенсовещание выделены лучшие работники полков. Целыми группами посылались партийные работники по селам для укрепления власти, для проведения кампаний. Райпарком, который представлял собой больше боевой отряд, был усилен такими сильными товарищами, как Ципко (убит впоследствии в Галиции при восстании), Кузьма, Зайончковский. Эти товарищи, будучи выделены в состав райпаркома, много трудов положили по налаживанию партработы в районе. Кузьма организовал первый в то время в нашей организации политкружок. Немало было проделано и в смысле партпросветработы: организованы клубы, читальни, постановки в Народном доме. Руководил всей политпросветработой военком Нагуляк и пом. военкома Бочан. Этим товарищам многим обязана районная партийная организация.

Немало и небезуспешно вел борьбу с бандитизмом 400-й полк под командой тов. Дацкова. В итоге, части 45 дивизии не только разбили крепко организованный бандитизм, но и сумели укрепить довольно слабую после ряда бандитских налетов власть на местах. Только после операций 134 бригады и других частей 45 дивизии, местный советский аппарат взялся за непосредственную работу на селе.

Эта борьба стоила жертв, — не мало полегло здесь красноармейцев и командиров. Их имен я не помню, но Бердичевщина знает одно имя: это части 45 дивизии. Лучшим итогом их работы служат Спичинецкие овраги, яр между Спичинцами и Черемошно и Ширмовский лес, где в беспорядке сложены кости многих бандитов. Лучшим итогом их работы является то, что села, когда-то почти поголовно бандитские, сейчас имеют хаты-читальни, кооперацию, партийные ячейки, комсомол, организованную бедноту, которые практически строят новое социалистическое село.

К мирному труду.

Ликвидация фронтов поставила перед Советскими республиками задачу со всей решительностью перейти к мирному труду, залечиванию тех глубоких ран, какие получило наше народное хозяйство за время ожесточенной схватки с контр-революцией, отечественной и иностранной. Под знаком перехода к мирному труду проходит 8-й с'езд Советов. Он выносит важное решение о демобилизации старших возрастов Красной армии. Демобилизация застает нашу дивизию в момент перехода с петлюровского фронта сначала на Подолию, позднее на Киевщину. Лучшие бойцы, закаленные в боях, герои прорыва Южной группы, все те, кто остался в живых, возвращались к плугам и станкам, сдавая винтовки остающейся на революционном посту молодежи.

Ликвидация внешних фронтов не означала, что врагов у Сов. власти больше нет.

Внешние враги были разбиты, ушли за границу, но, уходя, оставили здесь на Украине подпольные контр-революционные организации. Кулак и петлюровско - настроенная интеллигенция и полуинтеллигенция, раздавленные в открытом бою с Советской властью, видя невозможность свергнуть ее извне, начинают развивать подпольную работу. Организуются многочисленные банды, которые грабят население, разрушают Советские учреждения, убивают коммунистов, Советских работников и кр-цев.

Только уничтожение бандитизма могло дать возможность спокойно приняться за мирную работу, и Красная армия получает новую задачу: ликвидировать бандитизм.

Операции частей дивизии против бандитизма начались с Гайсинского и Брацлавского уездов Подольской губ. Этот район был первой стоянкой дивизии на „мирном положении". В течение короткого срока частям дивизии удается нанести ряд серьезных ударов нескольким крупным бандам. Параллельно этому полки проделывают большую организационную и агитационную работу: так, за один декабрь м-ц 1920 г. проведено воскресников и субботников—6, из них два в пользу семей кр-цев, митингов - собраний—38, спектаклей - концертов—31, волс'ездов и совещаний селян—2.

Политический отдел дивизии развивает большую работу по укреплению органов Советской власти на местах, при чем особенное внимание обращается на укрепление комнезамов, терроризованных кулачеством.

Красноармейцы оказывают частичную помощь детским домам, приютам и больницам, отчисляя свои пайки и заготавливая дрова для этих учреждений.

К этому времени партийная и политическая работа дивизии оживляется. Чаще созываются общие собрания красноармейцев, регулярнее заседают ком'ячейки, завоевывают права гражданства клубы, школы. Дивизия насчитывает в своих рядах до 1390 членов партии и кандидатов, об'единенных в 54 ячейки, в декабре была проведена перерегистрация членов партии на 55 общих партсобраниях.

В дивизии было тогда 25 клубов, 30 кружков, 33 библиотеки с 11570 книг, 40 школ первой ступени, 3 второй ступени при 41 учителе и 1287 учениках. Дивизия получила за декабрь около 255400 экземпляров газет.

Чисто военная подготовка в условиях беспрерывной борьбы с бандитами нормально вестись не могла.

Дивизия переходит на Уманщину (июль 1921 г.). Здесь вскоре разворачивается еще шире политическая и партийная работа, как внутри дивизии, так и среди населения.

Подводятся итоги опыта воспитательной работы. Политпросветработу начинают в большей степени укладывать в планы, и в целом намечается перелом от митинговщины к углубленной воспитательной работе. В бригадах проводятся конференции политработников.

Разворачивается довольно широко ликвидация неграмотности. Оперативная политсводка в начале января 1921 г. подводит следующие итоги: обучается неграмотных 1779 чел., малограмотных 239. В 133 бригаде неграмотность ликвидирована на 90%...

В частях заметно оживление, проявляется большой интерес к книге, газете, клубу, театру, кружку, школе. Кр-ц с жадностью набрасывается на знание.

Открываются политкружки, партшколы. Партийцы усиленно штудируют „Азбуку коммунизма" Бухарина.

Партийная жизнь особенно оживает накануне 10 с'езда РКП. Партийцы принимают активное участие в дискуссии о профсоюзах, которая тогда охватила всю партию. 4-я дивизионная партийная конференция прошла очень живо, поставив в центре внимания доклад Подива и вопрос о профсоюзах.

Весной 1921 г., когда 10 с'езд РКП(б) принимает решение о переходе к новой экономической политике, парторганизация дивизии очень живо и горячо обсуждает этот серьезный поворот в политике партии. Имевшее место в этом году Кронштадтское восстание встретило со стороны кр-цев самую резкую оценку. Это можно было проследить по страницам дивизионной газеты „Голос Кр-ца", где печатались резолюции, принимаемые на кр-ских собраниях. Кр-цы заявляли в них: „Долой изменников, смерть провокаторам!"

Проводя на Киевщине кампанию „на бандита", дивизия использовывала также эту кампанию и в целях раз'яснения крестьянству замены продразверстки продналогом. Амнистия раскаявшимся бандитам, об'явленная 5-м Всеукраинским с'ездом Советов, была проведена 45-й дивизией весьма удачно.

П. Е. Княгницкий — старый большевик, начальник авангарда 45 дивизии в Южном походе, начальник 45 дивизии в 1921 году.

Несколько позже дивизия в районе своего расположения помогает молодому Советскому аппарату проводить кампанию перевыборов в Советы, одновременно ведя раз'яснение всей контр-революционности лозунга „Советы без коммунистов", выброшенного, как известно, вождями кронштадтского мятежа.

Перевыборы, в частности, Уманского горсовета дали такое соотношение: 114 коммунистов и 17 беспартийных, при чем части дивизии избрали 67 коммунистов и 1 беспартийного.

В дальнейшем дивизия принимает активное участие в посевной кампании, помогая крестьянству в работе непосредственным участием кр-цев и лошадей. Кампания проходит под лозунгом „ни одного клочка незасеянной земли".

Весной 1921 г. было обработано более 7000 десятин земли и 62 огорода, перевезено 8308 пудов семян, 645 подвод навоза при участии 3342

кр-цев и 6011 лошадей. Организованы прокатные пункты, кузницы и сельско-хозяйственные артели.

Клич „На помощь голодающим Поволжья!" встречает среди кр-цев отклик. Они отчисляют от пайка 1457 пудов различного продовольствия, собирают среди населения около 108 пудов продуктов и до 7 с половиной миллионов рублей деньгами.

И. О. Гусарев, первый и бессменный начальник снабжения 45 дивизии на всем ее боевом пути. В прошлом начснаб Тираспольского партизанского отряда, начснаб IX армии и комиссар снабжения III украинской армии. Член ВКП (б). Тов. Гусарев принадлежит к группе организаторов 45 дивизии.

Введение продналога на урожай 1921 и 1922 г. требовало все же выполнения полностью продразверстки за 20—21 г. Политические силы полков, бригад, и всей дивизии, активно помогают проведению продовольственного месяца, в частности одна только 135 бригада в своем районе собрала 100.000 пуд. хлеба.

В мае меняется дислокация частей: часть их уходит в Липовецкий уезд, неблагополучный по бандитизму, к тому же имевший слабый Советский аппарат. Подив 45 бросает по селам и волостям Липовеччины крест. группу в 85 работников, которая помогает проведению продовольственного месяца, укреплению Советского аппарата на местах, в особенности укреплению комнезама, а также развертыванию просветработы. Политработникам пришлось столкнуться с бандитизмом, с засильем кулаков, петлюровской агитацией (так назыв. „просвітянством"), преподаванием закона божия в школах и т. п. фактами, показывающими, что революция сюда почти не заглянула. Крестгруппа провела в Липовецком уезде следующую работу: устроено митингов-собраний—235, волс'ездов комнезамов—10, волс'ездов по кооперации—8, выборов правлений кооперативов—88, заседаний волсельсоветов и президиумов комнезамов—353, собраний женщин—85, субботников—3, 1 уездный с'езд незаможников и одна уездная конференция работниц и крестьянок Было организовано комнезамов 100, ячеек комсомола—3, ком'ячеек—6, хат читален—38.

Воспитательная работа среди кр-цев в это время разворачивается также достаточно широко; неграмотных в дивизии насчитывается всего лишь 100 человек. Ряд курсов сделал выпуск: сельскохозяйственные—51 окончивших, руководителей хоровых кружков—25, руководителей литературных кружков—27.

Усиленно работают клубы и кружки. Так, за май месяц в частях дивизии было проведено: спектаклей—11, концертов 11, кино-сеансов—21, литсансудов—9, выпущено полковых журналов—2. В ком'-ячейках устанавливается единый партдень. Подивом разрабатывается на каждое партсобрание повестка дня, прикрепляются к слабым ячейкам подготовленные товарищи. Создаются кружки, изучающие вопросы: ревдвижение, программу и устав партии, историю партии.

Июль месяц потребовал от дивизии напряжения сил для проведения кампаний: по вербовке на красные комкурсы, уборочной хлебной кампании и по подготовке сбора продналога. Вербовка на курсы краскомов дала 171 чел., из них 48 рабочих. В уборочную кампанию силами дивизии, по неполным сведениям было убрано около 1300 десят., обмолочено 1000 снопов, перевезено 2000 копен. Продналоговая кампания на Киевщине, в связи с неурожаем на Поволжье, должна была быть проведена с наибольшим результатом и дивизия бросает свои силы на выполнение этой кампании. Надо отметить, что к моменту сбора продналога усиливается подпольная петлюровская агитация среди крестьян, а также оживают банды Орлика, Струка, Яблочко, Кравченко, Карого и других, которые всеми силами, а по преимуществу, угрозами, стараются повлиять на крестьянство, чтобы оно продналога не сдавало.

Но все же дивизии удалось этот продналог собрать, и ссыпные пункты наполнялись зерном. Тогда банды пытаются поджигать ссыпные пункты, пускать под откос поезда с хлебом и всячески тормозить дело помощи голодному Поволжью.

В результате решительной борьбы 45 дивизии с бандитизмом на Киевщине, последний идет на убыль и к зиме 1921 г. заметно замирает. Последнее оживление бандитизма во время прорыва из-за кордона банды Тютюнника окончилось разгромом этой банды.

И. П. Павлов,—начдившколы 45 с 1920 г. по день ее расформирования, затем помкомполка 133 (1924—1927 г.). Сейчас комполка 25 в С<ВО.

В октябре ноябре 1921 года, партийная организация проводит чистку своих рядов.

Все коммунисты становятся на суд широкой кр-ской массы и того, кто по отзывам кр-цев, был недостоин носить звание коммунара, партийная организация исключала из своих рядов.

Чистка спаяла, сблизила кр-цев и коммуни-

стов, их дальнейшая работа пошла еще дружнее. Во время чистки дивизия потеряла 20% состава своей организации. Вот цифры результатов чистки: проходило чистку 1163, исключено 238.

А. А. Волковский—ветеран 45 дивизии, начальник хозяйств. части 405 полка на всем его боевом пути. Сейчас начальник АХО 100 стр. дивизии.

Кто был исключен?

По служебному положению комсостава 66, адмсостава — 86, комиссаров — 8, вообще политработников — 12, культработников 15, красноарм. — 51.

По партстажу членов партии с 17 года — 3, с 18 г. — 4, с 19 г. — 62, с 20 г. — 102, с 21 г. — 57.

По соцположению: рабочих — 44, крестьян — 79, интеллигентов — 115.

Из таблицы видно, что чистка коснулась, главным образом, случайных попутчиков партии из среды мелкой буржуазии и интеллигенции.

К этому времени относится новая демобилизация. Из дивизии уходит много старых бойцов.

И. С. Пашков—ветеран частей артиллерии 45 дивизии. Сейчас делопроизводитель 45 артиллерийского полка.

Строевая подготовка к этому времени еще не вошла в нормальное русло. Кр-цев отрывают кампании, продналоговая, топливная и гужевая. Работа дивизии не пропадает даром. В декабре 1921 г. на 6 Всеукраинском с'езде Советов Киевщина получает Красное трудовое Знамя за выполнение раньше всех на Украине продналога. Энергичное содействие дивизии продорганам по взиманию продналога отмечается, например, фактом преподнесения Радомысльским Окрисполкомом Красного Знамени 133 бригаде.

Новый 1922 год дивизия начинает уже строевыми занятиями. Они ведутся более или менее регулярно. Организуются военно-научные кружки, читаются лекции по военным вопросам. Особенно подчеркивается тот момент, что нет отдельной политической работы, проводимой политруком, и военного обучения, проводимого командиром. Есть единое военно-политическое воспитание кр-ца, проводимое общими усилиями командного и политического состава.

В. Плоткин—ветеран 45 дивизии, красный партизан Приднестровья, боец 40 украинского полка, входившего в состав 45 дивизии в 1919 г. Участник кровопролитных боев с петлюровцами у Жмеринки — Вапнярки, контужен при взятии ст. Рахны. Сейчас работает политпросветчиком на селе (Барвенково, Изюмск. Округа).

К 1-му мая 1922 г. в дивизии насчитывается 280 неграмотных из числа 1278 бывших на 1 марта. Уходят снова старики. Демобилизация 1899 года выхватывает из рядов дивизии новые партии ее ветеранов, закаленных бойцов.

В первой половине 1922 года дивизия широко развивает кампанию помощи голодающим. Бойцы дивизии нередко отдавали предметы из серебра и золота, включая и боевые подарки, устраивали спектакли, концерты, доходы с которых отсылали голодающим. Работа, вначале несколько неорганизованная, потом улеглась в рамки постоянной помощи под лозунгом: „10 сытых накормим одного голодного". От своего, правда, не совсем сытного пайка кр-цы отдают $^1/_{10}$ часть, кроме того 13% жалования. При бригадах за счет отчислений были созданы детские дома. Такой детский дом был организован при штабе дивизии. В этих домах было до 200 детей.

Весенняя посевная кампания, правда, не входившая в прямую задачу частей дивизии, занятых всецело своей внутренней работой все же там, где дивизия принимала в ней непосредственное практическое участие, дала хорошие результаты. Силами дивизии было проведено людьми 1269 рабочих дней, лошадьми 2062 раб. дня; незаможным селянам, семьям красноармейцев и инвалидам было обработано огородов 8, пашни 1040 дес., вывезено 137 возов навоза, нарезано 35 копен соломы. Обработано для нужд частей дивизии 60 десятин, у совхозов 301 десятина.

В. В. Соловьев - комбат 401 полка на польском и петлюровском фронтах. Сейчас комбат 137 полка 46 дивизии.

В борьбе с бандитизмом, в выполнении важнейших трудовых заданий, крепла и росла дивизия, крепла и росла ее партийная организация. Дивизия переходила к нормальным дням своей военно-политической учебы.

Ник. Кудрявцев.

Былое.

Отгремели дни былые,
Злобный враг
Давно уж смят...
Нынче нивы золотые
Мирно колосом звенят.
И бывалые герои
После долгих тяжких лет,
Новый быт сегодня строят
Перед крепким свежим строем,
Вспоминая дни побед...
Вспоминают
Пыл сражений,
Громы грозные мортир,
И встают в воображенье
И Котовский и Якир.
Нам не счесть
Лихих ударов,
Нам не счесть
Лихих атак...
Средь развалин и пожаров
Трепетал разбитый враг.
Не сердца были,
А камень,
Четок шаг железных рот,
Сохранит навеки память
Славный Южный переход.
Мы гранатой
И винтовкой
Пробивали путь прямой.
Помню рейд на Шепетовку
И за Дубно жаркий бой.
Бились лихо,
Как бывало,
Были смелы,
Как один.
И легло бойцов немало
Средь неведомых
Равнин...
Часто, часто
Голод грозный
Шел за нами
Словно тень...
И свинец
И мор тифозный
Нас косили каждый день.
Приходилось тяжело нам.
Рвань, не обувь на бойцах...
И в степях и в эшелонах
Леденил мороз сердца...
Но не страшен
Враг проклятый,
Он разбит—наемный враг.
Не забудут сорок пятой—
Ни Петлюра, ни поляк.

Г. КОТОВСКИЙ.

Мой завет.[1]

Три года прошло с того момента, когда 45 дивизия вошла в нумерацию боевых регулярных частей, ставших стальной стеной своих штыков и клинков на защиту Советов трудящихся.

Сколько незабвенных эпизодов запечатлено пролетарской коммунистической революцией на страницах ее истории за это время!

Десятки, сотни, тысячи партизан собрались в отдельные отряды, вызванные к жизни могучим порывом к освобождению от многовекового гнета.

Эти разрозненные отряды народной стихии сводятся во все большие и большие организованные части сначала Красной гвардии, а затем Красной армии.

Рабочий, батрак, крестьянин-бедняк осознали, где правда, и пошли за ней. Завязалась титаническая борьба, пожирающая десятки тысяч жертв.

История гражданской борьбы заносит на свои страницы миллионы нечеловеческих подвигов. Не последнее место занимает в ней история 45 дивизии, нашей общей матери, рожденной из недр партизанщины, прошлое которой целиком соткано из бесчисленных подвигов и легенд.

Имя 45 стрелковой Краснознаменной дивизии в ее борьбе с доморощенной и международной контр-революцией заняло одно из самых почетных мест в рядах великой Красной армии. Не одна белогвардейская рать склонила перед ее ударами свои боевые знамена.

Григорий Иванович Котовский.

Сначала разрозненные небольшие группы украинцев и бессарабцев, бежавших „от нового рая", принесенного румынскими штыками, сводятся в мощные, крепкие, проникнутые пролетарской дисциплиной, батальоны, эскадроны и полки 45-й непобедимой, стальной дивизии.

Полураздетые, полуголодные, оторванные от своих родных мест, бойцы ее творят чудеса, имея перед собою подготовленную, технически обеспеченную, до зубов вооруженную, обозленную потерей своих привилегий белую гвардию.

Кровавые, жестокие бои... Пощады нет.

И везде побеждает не знающий преград в своем стремлении к победе боец 45-ой Краснознаменной.

Он всегда впереди. Он разрешает неразрешимые, казалось бы задачи. Неся частично поражения, он всегда в конечном результате побеждает.

Новая молодая смена бойцов 45 дивизии должна вспомнить всех тех, кто погиб под знаменами нашей дивизии: Христофорова, Макаренко, Попу, Нягу, Криворучку, Просфирина, Базарного, Морозова и сотни и тысячи других безвестных доблестных героев.

Вспомним белогвардейское восстание на Украине в 1919 г., кулаков и богачей, окружение Южной группы красных войск и ее прорыв на север, фронт Юденича, разгром Деникина, фронт белополяков — Кременец, Божью Гору, Дубно, Белый Камень, армию бандита Петлюры, банды и бандочки Тютюнника, Махно, Лыхо, Цветковского и других „батек" и те бесчисленные моменты, когда несравненные герои 45 дивизии своей кровью записывали все новые страницы истории героизма и несокрушимости.

На пороге четвертого года существования дивизии мне, как старому бойцу и непосредственному организатору ее частей, хочется призвать вас, молодых бойцов нашей общей дорогой матери, свято относиться к тем традициям, за которые немало храбрейших из нас осталось на поле брани.

Умирая, они завещали нам довести до конца начатое ими дело. И теперь ветераны дивизии вместе с молодежью обязаны исполнить свой долг перед погибшими за наше общее дело — дело освобождения.

Все традиции, созданные и пронесенные 45 дивизией через пламя гражданской войны, должны быть сохранены молодыми бойцами ко дню последней и решительной схватки с капиталом.

Прошлые победы — лучший показатель силы наших традиций, и я верю, что и в предстоящей схватке победа будет за нами.

Старый боец 45 дивизии

Г. Котовский.

1922 г.

[1] „Мой завет" написан покойным Г. И. Котовским в 1922 г. ко дню 3-й годовщины 45 дивизии. Завет покойного героя-комбрига, стойкого большевика, грозы контр-революционеров всех пород, — сохраняет по сей день свою силу, правильность даваемой установки, проникновенность слова и непоколебимую веру в победный марш революции. „Завет" является прекрасным напутствием вливающимся ежегодно в нашу дивизию новым сменам молодых бойцов. *Ред.*

Т.т. Фрунзе и Якир в вагоне на вокзале ст. Киев в момент отъезда после смотра частей Киевского гарнизона в 1923 г

Делегаты 5 партийной конференции 45 дивизии, состоявшейся 5—8 мая 1922 года в г. Белой Церкви.

„В ТО ВРЕМЯ, КАК БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ, ВОПРЕКИ ЕЕ ДЕКЛАРАЦИЯМ, ПРЕВРАЩАЛА ВОЙСКО В ОРУДИЕ ИМУЩИХ КЛАССОВ, ОТДЕЛЯЯ ЕГО ОТ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС И ПРОТИВОПОСТАВЛЯЯ ЕГО ИМ, УНИЧТОЖАЯ ИЛИ ЗАТРУДНЯЯ ДЛЯ СОЛДАТ ВОЗМОЖНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА, СОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА СЛИВАЕТ В СВОИХ ОРГАНАХ, В СОВЕТАХ РАБОЧИХ И СОЛДАТ, НА ПОЧВЕ ПОЛНОГО РАВЕНСТВА ИХ ПРАВ И ЕДИНСТВА ИХ ИНТЕРЕСОВ. ЗАДАЧЕЙ ПАРТИИ ЯВЛЯЕТСЯ ОТСТАИВАТЬ И РАЗВИВАТЬ ЭТО ЕДИНСТВО РАБОЧИХ И СОЛДАТ В СОВЕТАХ, УКРЕПЛЯЯ НЕРАЗРЫВНУЮ СВЯЗЬ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ С ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРОЛЕТАРИАТА И ПОЛУПРОЛЕТАРИАТА."

(ЛЕНИН — том XVI, стр. 477.) Из программы РКП(б).

НАШИ ШЕФЫ.

45-я дивизия и Красная Волынь.

45-я дивизия носит название Волынской. Это имя ею по праву заслужено у рабочих и крестьян Волыни Это имя завоевано кровью лучших бойцов дивизии, пролитой на полях и в лесах Волыни в борьбе с классовыми врагами пролетарской революции.

Это имя Волынской,—результат боевого союза рабочих и крестьян Волыни с дивизией в тяжелые, но славные дни гражданской войны. С Волынью дивизия связана еще с первых месяцев своего существования. Еще в июне 1919 года когда организовывалась дивизия в Одесском районе,-в селах, местечках, городах сегодняшней Советской Молдавии, в полки и батареи молодой красной дивизии приходили смелые и сильные люди и заявляли:

— Хотим биться за Советскую власть!

В среде этих бойцов, в основном жителей Приднестровья, Одесщины, Херсонщины, которые, не взирая на свист и шиканье кулацкого и белогвардейского зверья, твердо решили биться с контр-революцией, не мало было и волынских рабочих и крестьян. В большинстве это были беженцы, бросившие свои хаты и насиженные места, беднота, убежавшая от петлюровской нагайки, от кулацких банд различного цвета и масти...

Волынцев было немало в полках дивизии, и они прошли с нею весь тяжелый исторический 400-верстный переход от Балты до Житомира—Коростышева...

Так было положено начало связи 45-й дивизии с волынскими рабочими и крестьянами.

Бурным потоком, прорвавши белогвардейско-петлюровское кольцо, вливались полки дивизии в волынские леса и поля. Петлюровские части отступали в направлении Житомира — Бердичева. Отступали, но с боями, не пуская дивизию на Волынь. В боях за Миньковцы, Ивницу, Ходорков, Корнин дивизия потеряла немало убитыми и ранеными. Это была первая кровь, пролитая бойцами дивизии на Волыни.

2-й расширенный пленум Волынского Окрисполкома 5 созыва, состоявшийся в г. Житомире 6–7 августа 1929 г.

А кто из старых ветеранов дивизии, кто из сегодняшних жителей Сельца, что неподалеку от Житомира, не помнит боев бригады Котовского с петлюровцами? Тогда эта пехотная бригада решительным напором сбила петлюровские войска, последние, не выдержав натиска, освободили Сельцо. Но неугомонен враг... Отступив в направлении Бердичева и, немножко оправившись, он снова повел наступление. Снова бои... Но напрасны были старания петлюровцев на этот раз. Дивизия освобожденных сел и местечек Волыни не отдала. Противник был отброшен.

- Бригаде Котовского поддержать наступление 44 дивизии,—отдает новое приказание командование. И тогда прыжок за врагом в район

Троянов, что за крученой р. Гуйвой разбросался к югу от Житомира. Другие части дивизии в это время занимали район Коростышева. Утвердившись на р. Тетереве, а затем, перешагнув ее, уверенным полукольцом окружили с северо-востока Житомир. И, наконец, 20 сентября 1919 года совместно с частями 44-й дивизии сорок пятая берет Житомир...

Гарновольченко — председатель Волынского Окрисполкома, старый революционер, политкаторжанин (11 лет ссылки). С 1918 по 1922 работал в Красной армии. Член ВКП(б).

Бойцы отдыхали в волынских селах, вспоминая тяжелый, пройденный с кровью путь. Но отдыхать пришлось недолго, потому что дивизию перебрасывали в другой район. Она уходила из Волыни, похоронив на бездорожных кладбищах, в лесах и байраках Волыни многих своих сыновей.

Это была первая жертва дивизии на Волыни. Дивизия ушла, чтобы снова вернуться на Волынь для боев, для битв, еще более жестоких и кровавых.

И уже в июньские дни 1920 года 45-я дивизия в составе Буденовской армии после исторического прорыва Сквира — Казатин снова на полях Волыни. Белополяки панически отступают. У реки Случь началось тяжелое.

...Если смотреть на карту Волыни, то взору представляется почти зеленое сплошное море, кое-где переходящее в перелески и поля. Речки, речушки бегут по Волыни, извиваясь в лесах. Среди этих болотистых речушек три—Случь, Горынь и Иква (сейчас временно отошла к Польше) принадлежат к серьезным преградам. Они тремя черными кручеными лентами перерезают Волынь с юга на север. Если идти от Житомира на запад, то поочередно нужно переступить сначала Случь, потом Горынь, потом Икву. Дивизии это и нужно было сделать. Она это сделала, оставив на скалистых речных берегах сотни своих бойцов, павших в боях у Ново-Мирополя, Любара, Изяславля, Грицева, Кременца, Дубно и Божьей Горы.

Связь дивизии в период ее боев на Волыни с рабочими и крестьянами крепла: в дивизию вливались отряды бедноты, батрачества для борьбы с белополяками.

И вот, по окончании гражданской войны, 20 февраля 1922 года 2-й с'езд Советов Волыни принимает шефство над 45-й дивизией, этим актом как бы скрепляя ту неразрывную историческую связь, которая родилась у дивизии с Волынью в период боев с иностранной контр-революцией. С этого времени дивизия прибавила к своему имени одно слово „Волынская". Волынская, как символ боевого союза рабочих и крестьян Волыни с 45 дивизией, союза, который креп, сделался мощным под руководством коммунистической партии.

За последние годы связь 45 дивизии со своим шефом еще более окрепла. На Киевских маневрах 1928 г. были представители волынских рабочих и крестьян и участвовали в этих маневрах не только как гости, но и как бойцы, демонстрируя своим пребыванием на маневрах боевую готовность рабочего класса и трудящегося крестьянства Волыни к борьбе вместе с 45-й дивизией, со всей Красной армией, против всех посягающих на Советский Союз.

Дивизия, носящая имя Волынской, поднимаясь все выше по линии военно-политического совершенствования, всегда готовая защищать Советский Союз от нападения буржуазии, крепит свою мощь и твердо уверена, что если ей придется опять очутиться на Волыни, молодые красноармейцы, ведомые закаленным в гражданской войне командно-политическим составом, организованные в единую мощную силу партийной организацией, будут достойно нести знамя дивизии, воодушевленные лозунгом: „победить".

И они победят.

Делегаты от шефа, Волынского Окрисполкома, рабочие заводов Волыни участники Киевских маневров 1928 г. в качестве бойцов 45 дивизии. Второй справа—военкомдив 45 т. Березкин.

ВОРОНОВИЧ.

АМССР и десятилетие 45-й дивизии.

Для Молдавской Республики десятилетие сорок пятой дивизии является большим праздником. Сорок пятая дивизия—родная, наша дивизия. Этот праздник особенно близок нам, потому что свой славный геройский путь дивизия совершила на нашей территории. Славная 45-я Краснознаменная дивизия вписала в историю борьбы рабочих и крестьян СССР страницу побед над многочисленными бандами и оккупационными войсками.

Димитриу предсовнаркома АМССР.

Воронович председатель ЦИК'а АМССР, молдаванин-бедняк, выдвинут на этот ответственный пост трудящимися Молдавской Советской Социалистической Республики.

Богопольский — секретарь Обласкома КП(б)У в АМССР

Молдавская республика, левобережная и правобережная, будет помнить своих героев, павших за рабочее дело в боях с белогвардейскими бандами. Правобережная часть АМССР дала 45 й дивизии много своих сынов. Массы бессарабцев под руководством Григория Ивановича Котовского не раз выказывали чудеса храбрости в боях с неприятелем.

Благодаря блестящим победам 45-й дивизии, мы имеем сейчас возможность направить наше хозяйство по социалистическому пути. Там, где красные бойцы 45-й дивизии давали решительный отпор белобандитским шайкам кулаков, сейчас строится новая жизнь. В Тирасполе построена новая электростанция. В Карагаче мощная водонасосная станция орошает сейчас 1300 гектаров,а вбудущем году будет орошать 6—7 тысяч гектаров.

Мы строим новые коллективы, коммуны, построено несколько заводов. Сейчас строим большую консервную фабрику в Тирасполе.

Национальная культура забитого царским помещичьим режимом молдавского рабочего и крестьянина растет. Наша совпартшкола ежегодно выпускает новые отряды молодой молдавской интеллигенции. Наши школы растут, как количественно, так и качественно. Имеем уже свою молодую молдавскую пролетарскую литературу. Выходит молдавская газета „Плугарю Рош“, насчитывающая свыше 10.000 подписчиков. Развивается кооперация, как сельско-хозяйственная, так и потребительская. Открыт Дом Молдавской Культуры, имеем свой молдавский хор, капеллу и театр.

Наша славная Красная армия зорко охраняет наш мирный труд. 45-я дивизия — наш страж.

Этот праздник 10-тилетия вольет в нас новые силы, и мы с еще большей энергией будем продолжать социалистическое строительство.

Мы своим большевистским упорством еще крепче напружим наши мускулы, еще крепче сольемся с нашим детищем—45-й дивизией, еще упорнее будем продолжать наше наступление на косность, религию, нэпманство, кулачество, темноту для завоевания счастливого будущего—социализма.

С. УШЕРОВИЧ.

Бессарабия и 45-я.

45-я стрелковая дивизия исторически связала себя с Бессарабией. Среди ее бойцов, организаторов, политработников, немало было сынов Бессарабской земли, которые кровью своей доказали преданность делу пролетарской революции, железное желание бороться за Советскую Бессарабию с империалистическими насильниками.

Боевые участники Хотинского восстания в 1919 г., революционно-партизанские отряды, действовавшие против румынских и других банд, славная кавалерийская бригада героя, титана-командира Котовского, отдельные бессарабцы-боевики являются основоположниками боевой 45-й.

Изучение истории борьбы и побед 45-й дивизии неразрывно связано с изучением истории борьбы бессарабских трудящихся масс за свою независимость.

Многочисленные национальности Бессарабии свыше ста лет находились под тяжелым царским каблуком, терпя помещичью эксплоатацию, погромы и разорения. Октябрьская революция окрылила надеждой трудящихся Бессарабии построить в тесном союзе со всеми раскрепощенными рабочими и крестьянами бывшей царской России свою рабоче-крестьянскую Бессарабию. Но сконцентрировавшаяся на территории Бессарабии генеральская и контрреволюционная рать во главе с генералом Щербачевым оборвала эти вынашивавшиеся долгие годы исторические надежды и помогла боярам стать хозяевами положения в Бессарабии.

С. С. Ушерович—рабочий-печатник, бессарабец. Участник революции 1905 в Одессе. В 1908—1914 был на каторге, 1914—1917 на поселении в Сибири. 1917 председатель профсоюза и редактор „Рабочей Газеты" в Тирасполе. В Красной армии добровольцем против колчаковщины; работал нач. полевой типографии штаба нар.-револ. армии. В данное время зав. тип. Транспечати Член ВКП(б) и член Центрального Совета Всесоюзного Общества Бессарабцев. Почетный красноармеец 133 бессарабского полка.

Но не только генералы помогали румынским боярам в удушении и разорении рабоче-крестьянской Бессарабии. Первыми застрельщиками изгнания большевиков из Бессарабии, сейчас же после Октябрьской революции, явились кишиневские меньшевики и эсеры. Они подготовили прекрасную почву для захвата Бессарабии, расчищая дорогу „победоносной" румынской армии. И вот, 13 января 1918 года румыны ввели свои войска во все бессарабские города и селения. Ненависть и вражда к румынским боярам и помещикам дошла до своей высшей точки, в Измайловском, Сорокском, Аккерманском и Хотинском уездах. В Хотине вспыхнуло восстание. События развивались быстрым темпом.

Уже 19 января 1918 года мы имеем первую попытку захвата Кишинева румынами, в чем немало помогли боярам также и петлюровцы. Это нападение было отбито почти исключительно молдавскими частями города Кишинева. В это же время другие румынские части уже захватили Хотин, и дикая расправа над восставшим против гнета населением началась. Восстание в Хотине, перекинувшееся и на Сорокский уезд, было довольно мощным. Трудовые рабоче-крестьянские массы стойко в неравной схватке продолжали борьбу. Все же через две недели восстание было раздавлено, разбито. Свыше 50.000 беженцев, повстанцев-хотинцев, не пожелавших сложить оружия, ушло на Украину и продолжало борьбу против румын и Петлюры. Эти отряды, как известно, и были наряду с отрядами Приднестровья, Херсонщины и т. п. кадрами для будущей 45-й дивизии.

Хотин погиб в огне восстания, разгромленный, раздавленный, отдавши за свою смелую революционную борьбу 11.000 человек убитыми, не считая сожженных живыми 60 женщин и детей, не считая зарубленных, заколотых в одиночку.

26 января 1918 г. Кишинев был окончательно захвачен румынскими полчищами. Этот день мы считаем днем траура не только для трехмиллионного населения Бессарабии, стонущего под румынским ярмом, но и для всех трудящихся Советских республик.

11 лет кровавого хозяйничанья Румынии над бессарабской страной стоят трудовому населению 30.000 убитыми и нескольких тысяч замученными в казематах.

Через два года в октябре 1920 года буржуазные государства Англия, Италия, Франция и Япония подписали в Париже договор с Румынией, в силу которого эти государства признают присоединение к Румынии Бессарабии навсегда. Население, конечно, не было опрошено. Оно продолжало и продолжает изнывать под тяжестью румынского сапога, оно обливается кровью в неимоверно тяжелой борьбе с румынскими оккупантами, оно повседневно теряет своих лучших детей, отдающих свою жизнь за Советскую Бессарабию.

Бессарабское население и СССР не признали и не признают разбойничьего владычества румынской буржуазии над частью Советского Союза — над Бессарабией. СССР и бессарабцы требовали, требуют и будут добиваться плебисцита — опроса трудового населения. Пусть само население своим открытым голосованием скажет, какую власть желают трудящиеся бессарабские массы.

Понятно, такое голосование должно быть про-

ведено лишь при условии, что румынская армия будет выведена из Бессарабии (иначе невозможно никакое свободное волеиз'явление). Такое требование вносили наши делегаты в 1924 году в Вене, на конференции с румынами. Но, как и следовало ожидать, румынские делегаты отказались выполнить требование нашей делегации, сорвали конференцию, ибо они понимали, что трудовое население Бессарабии выскажется против владычества румынских бояр. Оно уже „высказывается".

— Гнать вон насильников из Бессарабии, — вот клич и лозунг всех трудящихся бессарабцев по ту и эту сторону Днестра. Этот свой клич бессарабцы подтверждают неоднократными восстаниями против румынских оккупантов, начиная с 1919 г., чего даже не может скрыть и само румынское военное командование, указывающее, что за 11 лет оккупации в разных частях Бессарабии было около 200 восстаний. Всем известны судебные процессы бессарабцев по обвинению их в антигосударственной деятельности (процесс 500 татарбунарцев, процесс „48", „34", „108", „270", процесс крестьянского блока и унитарных профсоюзов в 1929 г.), ряд отдельных судов, преследований, пыток и неменьшее число крупных забастовок,—все это свидетельствует о неугасимой воле трудящихся масс Бессарабии к борьбе.

Не помогает упрочению румынского владычества в Бессарабии и румынизация края. „Все должны быть румынами"—таков лозунг бояр. Закрыты русские, украинские, еврейские школы. Имели и имеют место еврейские погромы, воскрешающие худшие традиции времен царского владычества. Стонет трудовое население. Бессарабия превращена в пустыню. Бессарабия сегодня — это огромная каторжная тюрьма с трехмиллионным населением.

Бессарабцы, политэмигранты и беженцы, живущие по эту сторону Днестра и за-границей, не могли оставаться равнодушными к тяжелой борьбе своих собратьев с румынскими насильниками, и, руководимые стремлением сб'единить всех бессарабцев в одну организацию, целью которой является продолжение агитации и пропаганды за изгнание бояр из Бессарабии, сейчас же после Венской конференции 1924 года организуются во Всесоюзное Общество Бессарабцев, на знамени которого написан лозунг: „Прочь руки румынских захватчиков от Бессарабии".

Первый всесоюзный с'езд бессарабцев состоялся в Москве в 1925 г. в 7-ю годовщину „присоединения" Бессарабии к Румынии. Собравшиеся на с'езд делегаты, числом около 100 человек, истинные сыны трудовой бессарабской земли, прибывшие на с'езд из всех уголков СССР и из за-границы, заявили о своем твердом решении не уменьшать своей энергии в дальнейшей борьбе за Советскую Бессарабию. С'езд категорически сказал, что Бессарабия никогда не принадлежала румынам и принадлежать не должна в будущем. С'езд наметил твердую линию дальнейшей работы Об-ва Бессарабцев, которое, мобилизуя свои силы, должно быть готово в нужный момент превратиться в Общество действия для руководства трудящимися Бессарабии в их борьбе за изгнание со своей земли румынских насильников. С'езд имел огромное политическое значение и не мало крови испортил своим врагам — румынской буржуазии.

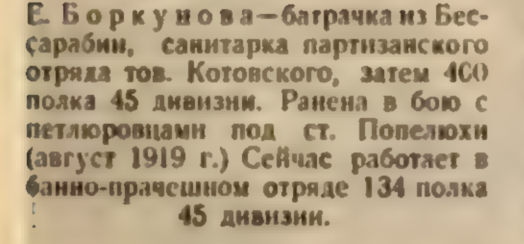

Актив Киевского Отделения Всесоюзного Общества Бессарабцев.

Представитель 3-ей Бессарабской кавалерийской дивизии т. Криворучко, приветствовавший с'езд заявил: „Бессарабская дивизия стоит у берегов Днестра и занимается учебой. Она закаляет свои клинки в рабоче-крестьянской пролетарской кузнице. Она знает, что румынские бояре опутали, как паук паутиной, Бессарабию. Среди бессарабских масс растет уверенность в своем близком освобождении. Бессарабская дивизия всегда будет с этими массами в их борьбе против румынских захватчиков".

Тов. Котовский, выступая с пламенной речью на этом с'езде, заявил: „Пусть Румыния думает, что ей удастся удержать Бессарабию в своих руках. Красная конница заявляет, что если рабоче-крестьянское правительство, руководимое компартией, скажет „довольно дипломатических переговоров!" и прикажет нашей Красной армии бро-

ситься к границам Румынии, на помощь рабочим и крестьянам Бессарабии, наш кавалерийский корпус будет впереди. Мы уверены, что, если этот исторический момент настанет, наша красная конница перемахнет через Днестр и, напоив коней в реке Прут, пойдет и дальше, неся знамя свободы".

Е. Боркунова—батрачка из Бессарабии, санитарка партизанского отряда тов. Котовского, затем 400 полка 45 дивизии. Ранена в бою с петлюровцами под ст. Попелюхи (август 1919 г.) Сейчас работает в банно-прачешном отряде 134 полка 45 дивизии.

2-й наш с'езд, состоявшийся в Харькове весной 1928 г., как известно, принял решение шефствовать всей организацией над 45-й дивизией.

Тесно связавшись со своей дивизией и отдельными частями ее, Общество Бессарабцев, не покладая рук, ведет свою плановую работу по агитации и пропаганде идей общества, среди бойцов дивизии. Поэтому исторически правильным является факт шефства Общества Бессарабцев над 45-й дивизией и в частности шефство Киевского Отделения Об-ва Бессарабцев над 133-м Бессарабским полком.

На протяжении нескольких лет, связавшись с частями 45 дивизии, мы стремимся к тому, чтобы каждый рабочий и крестьянин в городах и глухих деревушках помнил и знал о Бессарабии, о героическом пути борьбы бессарабских партизан в 45-й дивизии, знал бы выдающихся боевиков-бессарабцев и организаторов 45-й дивизии, знал бы цели и задачи Об-ва Бессарабцев.

„Прочь руки румынских захватчиков от Бессарабии" уже не является только нашим лозунгом. Это есть лозунг всех трудящихся, ибо кровавый баланс, подведенный нами в результате 11-тилетнего хозяйничанья румынских бояр в Бессарабии, приковывает к себе внимание не только трудящихся Советского Союза.

Общество Бессарабцев, шеф 45-й дивизии, тесно связан с ней. К десятилетию дивизии Центральным Советом Общества Бессарабцев выпущен шефский подарок 45-й Краснознаменной дивизии —массовая книжка под лозунгом „Бессарабия будет Советской" для раздачи всем бойцам, командирам и политработникам дивизии. Последний номер журнала „Красная Бессарабия" также почти целиком посвящен десятилетию 45-й дивизии.

Если мы сейчас, как шефы, только в определенное время посещаем дивизию, то в страдные боевые дни, когда буржуазные полчища откроют стрельбу против Страны Советов, мы, Общество Бессарабцев, числом до 300,000 эмигрантов и беженцев станем под боевые знамена родной нам 45-й и двинемся под руководством опытных наших командиров в бой.

— *„Пусть знают все, что в случае нападения на нас первый день войны будет первым днем Советской власти Бессарабии"*. (Из рапорта командира 2-го Конного корпуса Котовского ЦИК'у АМССР).

45-я дивизия на Киевщине.

45-я дивизия многим связана с Киевщиной. Еще в 1919 году, когда Южная группа войск Красной армии прорвалась через кольцо петлюровцев и деникинцев, 45 дивизия выдвинула свои части для наступления на Киев. В районе Новая Гребля-Бородянка-Берестянка, 45 дивизия вела жестокие упорные бои с деникинскими офицерскими полками.

В дни бело-польского нашествия, когда паны хозяйничали в Киеве, 45 дивизия совместно с Конной армией Буденного прорвала польский фронт. Как известно, тогда дивизией были освобождены Таращa, Белая Церковь, Фастов, Бердичев.

После ликвидации польского и петлюровского фронтов 45 дивизия вновь попадает на Киевщину. Наступает новая пора. Дивизии приходится энергично заниматься ликвидацией бандитизма, помогать в сборе продналога, содействовать укреплению советского аппарата на селе, организовывать комнезамы, проводить среди населения политико-просветительную работу.

К началу 1923 года бандитизм на Киевщине был ликвидирован, если не считать отдельных мелких, уголовного характера шаек, занимавшихся грабежо.

Пребывание частей дивизии на селах не исчерпывалось одной лишь вооруженной борьбой с бандитизмом. Дивизия участвовала и в трудовой жизни села. Так, в весеннюю посевную кампанию 1921 года дивизией было обработано более 7000 десятин земли и 52 огорода, перевезено 8038 пудов семян, 645 подвод навоза. Организованы прокатные пункты, кузницы, сельско-хозяйственные артели. Осенью ряд условий не позволил дивизии развернуть широкую помощь незаможному селянству во время полевых работ, но все же помощь, оказанная дивизии была значительная: было убрано 1400 десятин, обмолочено 1000 снопов, перевезено 2000 копен. Кроме того части выделяли лошадей для безлошадных крестьян, помогая даже и семенами.

Весной 1922 года, несмотря на то, что из частей дивизии начали уходить по домам старые бойцы, дивизия приняла участие в весенней посевной кампании. Всякая кампания, проводимая советским аппаратом на селе, встречала отклик и помощь со стороны дивизии. Особенно важное значение имело участие дивизии в продналоговой кампании. Были брошены десятки политработников и выделено большое количество продотрядов.

Насколько удачно проходила эта работа, можно судить по тому, что за проведение продкампании Радомысльским уисполкомом 133-й бригаде было поднесено Красное Знамя. Заслуги дивизии на трудовом фронте были отмечены Киевским Губисполкомом, по ходатайству которого дивизия 7 ноября 1922 года *была награждена орденом Трудового Красного Знамени.*

Ю. А. Войцеховский—председатель Киевского Окружного Исполнительного Комитета.

Эта связь 45 дивизии с рабочим классом и трудовым крестьянством Киевщины крепла с каждым годом. 45-я дивизия окружена любовью и вниманием своих пролетарских шефов. В частности, необходимо отметить те крепкие узы связи, которые существуют у дивизии, у ее полков с нашими большими Киевскими заводами, как „Краснознаменный", „Большевик". „Красный Пахарь". Дивизия помогает рабочим этих заводов в военизации. Командный состав дивизии работает в военных кружках. Здесь уже есть ряд достижений. Рабочий класс Киевщины медленно, но твердо поднимается по ступенькам в своей военной подготовке. Это, в частности, показали Киевские Осо-авиахимовские маневры 1929 г., в руководстве и организации которых 45 дивизия приняла выдающееся участие.

Яркие страницы связи рабочего класса Киевщины с 45-й дивизией вписаны прошедшим в этом году смотром Красной Казармы. Мы имели повсеместно отчисления рабочими из своего заработка в фонд улучшения Красной Казармы. Да и не только это. Почти в каждом полку работали бригады рабочих и работниц, которые, приходя с заводов после работы, ремонтировали Красную казарму, украшали ее и т. п. Смотр Красной Казармы еще больше укрепил органическую связь дивизии с рабочим классом Киевщины.

Весной 1929 года 45 дивизия вместе с рабочими Киева приняла участие в посевной кампании. Дивизия посылала свои красноармейские бригады, которые помогали незаможному крестьянству в обсеменении полей, в ремонте сельско-хоз. орудий и т. п. Некоторые бригады проводили попутно с этим политическую и культурно-просветительную работу (выезжали кино-передвижки, посылались докладчики и т. п.).

Отдельные бригады сумели организовать колхозы из бедноты Киевщины и сейчас держат с ними постоянную связь, стараясь выращивать эти молодые очаги социалистического хозяйства на Киевщине.

Рабочий класс Киевщины держить связь с дивизией, интересуется ее жизнью и учебой, и это очень важно, ибо помощь рабочего класса для дивизии является одним из необходимых условий ее успешного военно-политического роста. Незабываемой войдет в историю связи рабочего класса Киевщины с 45 дивизией, встреча дивизии по возвращении с Киевских маневров, полная теплоты, внимания со стороны рабочих к своей армии.

Части дивизии вступили в социалистическое соревнование с основными предприятиями Киева, когда партия выдвинула этот метод вовлечения масс в социалистическое строительство и их социалистического воспитания.

Растет и крепнет социалистическое хозяйство Киевщины, мужает и крепнет с каждым месяцем хозяин Киевщины — **рабочий** класс и трудовые крестьянские массы. Растет и крепнет, отражая в себе общий **социалистический** рост, Красная армия и одна из ее **крепких частей** 45 дивизия.

Н. Н. Демченко—секретарь Киевского Окружного Комитета КП (б)У.

Крепко связанная с рабочим классом Киевщины, в этой связи черпающая силы для преодоления **трудностей** в своей учебе, 45-я дивизия всегда готова под руководством коммунистической партии занять тот участок фронта, который укажет ей партия и Советская власть для борьбы за дело социализма во всем мире.

С. ГОРДЕЕВ.[1]

Подшефному.

I.

Голодные года, овьюженные зимы,
Горячая любовь к сгоревшему вчера...
Не каждому дано
О днях своих любимых,
Рассказывать друзьям
В февральских вечерах.
Не каждому дано...
И память, повинуясь,
Ворочает, как вол,
Событий колесо.
И мы ведем рассказ,
Бледнея и волнуясь,
По тысячам дорог
Уже забытых сел.
И в памяти встают
Сожженные станицы,
Потухшая любовь,
Разбитое окно...
Но вот передо мной
Запыленный блок-нот
И желтый, как поля,
Кусочек литстраницы:
„Отзвонит колокол, в который раз,
Стараясь, выбросит язык наружу,
Сегодня также, как вчера,
Нагонит ветер с моря стужу.
Сегодня также, как вчера,
В худой шинели, в рваных буцах,
Я буду мерзнуть до утра,
Пока в казарме не проснутся.
Когда с костела шаг часов
Рассыпется в шести ударах,
Я буду вновь кормить клопов
На голых деревянных нарах".
О, время. Стужей истекло
И снегом—седина,
И старческие складки.
То голод клал
красноармейца на лопатки,
То ветер отбирал
последнее тепло,
То злобу затаив,
в разбитые казармы,
Входили патрули,
отряхивая снег,
То нужную шинель
носили на базар мы,
То сами запрягались
в поскрипы телег...

II.

По крутым дорогам
Каблуками—щелк.
Я иду в подшефный
Березанский полк.
Я иду и вижу:
Загребают снег
Пламенные лыжи
И горячий смех.
„Вы куда, товарищ,
Не на смычку-ли?
Будемте знакомы,
Васька Чикулин".
И, открыв калитку,
Васька показал
Черною перчаткой—
Освещенный зал.
Я вошел...
и сразу
Новая, не та.
На меня пахнула
Краской чистота.
Мне своей казармы
Не узнать теперь—
Выбелены стены,
Выкрашена дверь.
И какой то очень
Громкий говорун
В ней заводит песни,
Без трубы и струн.
Где же ты, казарма?
Даже дом иной...
„Может быть сыграем
С Вами в домино?".
— Дайте осмотреться,—
Говорю,—браток.
Чей это белеет
На стене платок?
Чьи это на столиках
Выстроены вдоль
Синие коробочки
„Ленжета" и „Одоль".
И храня традицию
Дружеских бесед,
Вынул я поношенный
Шелковый кисет.
Эх, давай закурим
Крымский крепачек,
Чтобы не журились
Дома землячек!
Мы разговорились
О былой войне...
Вдруг...
шагнула надпись
Со стены ко мне:
„Не бросай окурки
И не плюй на пол!".
. . . .
Так меня встречает
Березанский полк.

[1] Автор —рабочий Киевского Краснознаменного завода.
Ред.

ЛЕСЬ КУРБАС.

45-я дивизия и театр „Березіль".

Если организовывается театр в буржуазной стране, то это, обыкновенно, бывает так: собирается несколько богатых людей в ресторане и под звуки музыки, запивая шампанским, составляют договор, ставящий своей целью путем эксплоатации искусства получать прибыль. Они вкладывают в это дело капитал, и этот капитал дает им доход.

Когда организовывают театр у нас в Советской стране, то конечно, ничего похожего не бывает и не может быть. В большинстве случаев театр у нас организовывает государство и чаще всего с небольшими средствами, а в некоторых случаях почти и вовсе без средств.

Рождение театра „Березіль", — это единственный пример, какому нет подобного во всем мире. Никогда еще не было, чтобы театр, составленный из студии был выращен, выпестован красноармейцами. История театра „Березіль"—это в значительной мере история взаимоотношений его со славной Краснознаменной дивизией.

Впервые мы встретили 45-ю дивизию во время войны с белополяками, когда те захватили Киев. Казалось, что всем молодым, новым, революционным силам, которые родились после Октября, которые стали давать крепкие ростки,—всей этой культуре пришел конец. Поляки кичливо ходили по Киеву, и можно было подумать, что они никогда не уйдут из него. Революционный театр и драматические кружки перестали существовать. Наш кружок, который работал еще в период пребывания Советской власти в Киеве (в нем было человек 15-16 актеров), решил перебраться по ту сторону фронта к красным войскам.

Лесь Курбас—художественный руководитель революционного украинского государственного театра „Березіль", бывшей художественной театральной мастерской при 45 дивизии в 1922 году.

Так решили, так и сделали. Ближайшим прифронтовым пунктом была Белая Церковь. С огромнейшими трудностями мы приехали в Белую Церковь, но здесь польское командование не разрешило нам играть. Как можно, фронт так близко! Ни... Ни... Ни!..

Поляки на фронте, понятно, не имели той хвастливости, которая отмечала их в тылу. Поляки боялись прорыва.

Мы очутились в тяжелом положении. Перебраться по ту сторону фронта не было никакой надежды. Но вот, совершенно неожиданно, на другой, на третий день пришла утром в Белую Церковь 45-я дивизия, которая уже не застала в городе ни одного поляка. В тот же день мы дали первый спектакль, на котором было несколько красноармейцев и комсостав 45-й дивизии.

Б Белой Церкви мы пробыли некоторое время и успели хорошо познакомиться с 45-й дивизией.

Из Белой Церкви мы в конце 1920 г. поехали в Умань. И представьте себе наше огромнейшее удивление. На другой-третий день после нашего приезда в Умань, мы на улице встретили начподива и всех наших друзей, которых мы оставили в Белой Церкви. Подивцы сказали нам, что 45-я дивизия отныне будет стоять в Умани. Так возобновилась наша связь с частями 45-й дивизии. Мы развернули довольно широко работу. На тачанках раз'езжали по селам, где были расположены части 45-й дивизии, и там на маленьких, быстро сколоченных сценках, а то и под открытым небом, давали постановки. Наша связь все более крепла.

Но вот наступило тяжелое время—голод 1921 г., разруха, когда говорить о какой-нибудь целесообразности театральной работы нельзя было. Мы на этот год остановили свою работу и перебрались в Киев. Представьте себе удивительное стечение обстоятельств. Мы перебрались в Киев—и в то же самое время в Киев была переведена и 45-я дивизия. И здесь уже, в мирной обстановке, 45-я дивизия показала, насколько она высоко ставит нашу работу, насколько серьезно она к ней относится, как заинтересована она в том, чтобы еще выше поднять знамя культурной работы. Нас, актеров, которые не имели никаких средств к существованию, нас всех зачислили в 45-ю дивизию, как членов своей семьи и записали на красноармейский паек. 45-я дивизия снабдила нас средствами, правда, скромными, но все же мы свою работу смогли несколько возобновить. Помню, кр-цы давали нам мешки для декораций, необходимый реквизит и т. п.

В ноябре 1922 г. мы дали первый спектакль для 45-й дивизии в Киеве, спектакль, который мы сделали в течение буквально 8-ми дней. Эта постановка называлась „Октябрь". В то время это была одна из первых агиток. На Украине делались лишь первые шаги в создании революционного театра, и эта агитка была одним из первых

лозунгов к созданию революционного театра, не только по своему содержанию, но и по форме — театра, близкого и понятного широким трудящимся массам.

Другая постановка наша была сделана также для 45-й дивизии: это постановка „Рур", сделанная нами в связи с событиями, которые имели место в Германии, в Руре. В спектакле были ярко подчеркнуты лозунги социальной классовой борьбы. Эта постановка была актом, который еще больше укрепил нашу связь с 45-й дивизией. Дивизия приняла официально шефство над нами. Нам было вручено Красное Знамя, на котором было написано: „Борьба за пролетарскую культуру"—лозунг, которому мы остаемся верны и до сегодняшнего дня.

Из Киева мы переехали в Харьков, но наша связь с 45-й дивизией не прерывается. Если бывает, например, в Харькове какой-нибудь с'езд и 45-я дивизия посылает свою делегацию, последняя всегда бывает у нас, и мы с большой радостью встречаем представителей 45-й. Нужно видеть, каким весельем загораются лица березильцев, когда они узнают о приезде делегата из 45-й дивизии.

Мы любим 45-ю дивизию. Мы гордимся этой дивизией, с которой нам вместе пришлось работать в тяжелые, но славные годы гражданской войны. Нам дорога эта дивизия, которая поставила нас на ноги и дала нам капитал, не денежный, а великий идейный капитал, огромную веру и убеждение в правильности лозунгов нашей великой революции.

Пусть живет наша славная, непобедимая Красная армия!

Пусть живет ее героическая представительница, наша знаменитая, дорогая нам, Краснознаменная Волынская дивизия!

П. Т. Власов — бессарабец, организатор партизанского отряда, влившегося в 4:5 полк 45 дивизии, член ВКП(б). Командир взвода 405 полка. Тяжело ранен на деникинском фронте Сейчас работает в охране Юго-Зап. жел. дор.

П. В. Морозов — красный партизан Тилигулло-Березанского отряда, впоследствии комендант 403 полка 45 дивизии. Участник всех боевых походов полка Сейчас работник агробазы ст. Борщи (АМССР).

Красные партизаны Приднестровья были кадрами 45-й. Они своим революционным энтузиазмом создали славные традиции, которые по сей день продолжают жить в Краснознаменной дивизии, воспринимаясь молодыми бойцами, ежегодно вступающими в ее ряды.

М. БЕРЕЗКИН.

Сила 45-й в ее сознательности и героизме.

(Вместо послесловия)

1-й том истории 45-й стрелковой Волынской Краснознаменной дивизии охватывает только три года из десяти лет ее существования.

Деление истории дивизии на два периода не случайно. Десятилетие дивизии складывается из ярко очерченных двух периодов: трех лет упорной борьбы на фронтах, тяжелых и героических боев с отечественной контр-революцией, империалистическими интервентами и бандитизмом, и семи лет мирного строительства, напряженной учебы, воспитания и технического совершенствования.

История 45-й дивизии—только одна из многих страниц славной, героической истории Красной армии. Но эта страница—из тех, которые оставляют глубокую борозду в памяти читателя. Это—страница, на которой особенно ярко, незабываемо запечатлелись огромные трудности строительства вооруженных сил пролетарской революции, ни с чем несравнимый революционный энтузиазм широчайших масс рабочих и крестьян, самоотверженность и безграничная преданность делу Октябрьской революции многих тысяч бойцов, командиров и политработников, огромная, поистине титаническая, организующая, сплачивающая и ведущая через лишения, трудности и тяжелые жертвы руководящая роль авангарда рабочего класса—коммунистической партии; страница, которая дышит неуемной классовой ненавистью угнетенных масс к своим поработителям, к помещикам, капиталистам, кулакам.

Достоинство книги в том, что она языком сотен активных борцов на фронте классовой борьбы рассказывает об этих страницах великих боев *так, как было*.

А. Н. Борисенко—родился в 1889, в семье батрака Курской губернии, член ВКП (б) с 1918 года. С детства был пастухом, потом работал посыльным в волости, там же научился письмоводству и стал писарем. В старой армии с 1915 г. солдатом, по окончании школы прапорщиков—офицером. В Красной армии добровольно с первых дней ее организации, сначала комполка 5 в боях с чехословаками, (январь 1919 г.), затем (апрель 1919 г.)—в боях на Восточном и Донском фронтах, в июне 1919 комполка Грайворонского в боях против деникинцев. В 1920 г. командовал полком, бригадой, дивизией и другими войсковыми группами в боях с Врангелем, Улагаем, грузинскими меньшевиками, армянскими дашнаками. С конца 1921 по сентябрь 1922 года комбриг и военкомбриг, комдив и военкомдив в Кавказской Краснознаменной армии, с сентября 1922 г по сентябрь 1923 г.—в Москве на ВАК-е, в 1923—24 г.г.—комдив 1-й, затем 2-й Кавказской дивизии, с 1924 г.—начком Школы Червоных Старшин им. ВУЦИК-а, с 1929 г комдив и военкомдив 45. В период гражд. войны 4 раза ранен. За боевые подвиги награжден 2-мя орденами Красного Знамени, 2-мя золотыми часами и др. Член ЦИК'а АМССР.

Высшая форма проявления борьбы классов—вооруженное восстание и гражданская война—является одновременно и проявлением самой высокой классовой сознательности трудящихся масс, когда массы „знают, за что они борются", и никакая сила уже не заставит их отказаться от борьбы, как бы ни были велики трудности, как бы ни были жестоки потери, как бы ни было упорно сопротивление господствующих классов, обреченных всем ходом исторического процесса на гибель. История 45-й дивизии является живым документом ожесточенного, не знающего компромиссов и перемирия, столкновения классовых сил.

Партизанская борьба в Бессарабии, на полях АМССР, Одесщины и Херсонщины, достигшая к середине 1919 года высшего развития и перераставшая в организованную борьбу руководимых коммунистической партией полков и дивизий армии пролетарской революции, положила начало 45-й дивизии. Дивизия впитала в себя все лучшее, революционно-сознательное, классово-выдержанное и классово-непримиримое из того, что было в партизанском движении 1918—1919 г.г. на юге УССР. Дивизия справедливо гордится тем, что все партизанские и полупартизанские, полурегулярные части Бессарабии, восставшие против румынских бояр-оккупантов, участники исторического Хотинского восстания (январь 1919 года) явились основоположниками дивизии, первыми кирпичами фундамента, закладывавшегося в дивизии.

Основа дивизии—революционные партизанские части—была сколочена из сознательно непримиримых, ненавидящих угнетение, отважных и преданных революции бойцов, и влияние этой сердце-

вины дивизии охватило все остальные части, влившиеся в дивизию 23 июня 1919 года. Первый командный состав дивизии были лучшие, пользовавшиеся огромным авторитетом, боевики-партизаны; коммунистическая организация дивизии с первых дней развернула большую политическую работу в массе бойцов; дивизия получила мужественное и умелое руководство с первых дней своего существования. Закаляясь в огне кулацких восстаний, разлившихся широкой волной к середине 1919 года по УССР, и будучи в полном смысле этого слова окруженной украинской, русской и иностранной (оккупанты) контр-революцией, 45-я дивизия вынуждена была драться не на жизнь, а на смерть в первые дни своего формирования и формироваться в постоянных больших и мелких боях и стычках,—именно поэтому 45 дивизия приобрела те славные боевые качества, ту революционную сознательность и беспримерный героизм, которые сделали ее имя „дикой дивизии" ненавистным врагам и горячо любимым, окруженным полулегендарными рассказами о „Якировской дивизии"—в массах трудящихся УССР и АМССР.

История дивизии написана не историками, а теми, кто делал эту историю, старыми партизанами, руководителями партизанского движения, бойцами, командирами, политработниками, коммунистами и беспартийными, живыми участниками социалистического строительства и теми, кто отдал свою жизнь в этой тяжелой и кровавой борьбе.

Ряд очерков и статей были написаны в свое время теми, кто сегодня не с нами, кого уж нет в живых, но о ком память жива среди нас и вызывает огромнейшее уважение и преклонение в сердцах десятков тысяч соратников, товарищей и всех участников революционной борьбы.

Эта книга—продукт подлинного коллективного творчества. Роль редакции—Политического отдела дивизии—больше свелась к систематизации и некоторой литературной обработке того огромного материала, которым откликнулись старые бойцы на призыв записать в книгу истории прожитые дивизией годы.

К сожалению, как всегда, ограниченность срока, и отсюда спешка, положила свой отпечаток на книгу. Не все сделано так, как хотелось бы. Далеко не тщательна отделка ряда статей, далеко не полно освещение ряда эпизодов, совсем неполный перечень организаций и лиц, сыгравших заметную роль в истории дивизии, и, наконец, неполное художественное оформление—все это минусы книги. Большие или маленькие,—но минусы, и в то же время, по нашему глубокому убеждению, выход „Истории 45-й дивизии" будут приветствовать многие тысячи участников этой незабываемой, неповторимой героической эпопеи,

Что безусловно ценно в книге,—это ее максимально возможная историческая правдивость. В историю вошел, и не мог не войти, ряд таких тяжелых отрицательных эпизодов, явлений, лиц и картин, которые являются теневыми пятнами и о которых, может быть, скажут лучше было бы не вспоминать. Редакция была другого мнения. Политический отдел дивизии считает, что эти отрицательные явления были неизбежными. Они являлись следствием как об'ективных условий (лежащих вне дивизии)—наличия мелко-буржуазных, неустойчивых и разложенных элементов, увлеченных ходом революционных событий, окончательно разлагавшихся и изменявших нам на известных этапах и неизбежно погибавших, так и следствием суб'ективных причин—недостаточности дисциплины у значительной части крестьянства, призванного по мобилизации, нехватки и порой острой нуждаемости в продовольствии, боевом снаряжении, патронах и снарядах, недостаточно умелых распоряжений и ряда допущенных командованием частей ошибок. Однако, эти теневые стороны, достаточно освещенные в книге, как бы они ни были прискорбны, одновременно являются и большой школой, опытом, тяжелым, но поучительным опытом для многих командиров и бойцов частей дивизии. На этом отрицательном опыте дивизия училась преодолевать причины, порождавшие эти явления.

Борьба 1920—1921 года (польский фронт, петлюровский, ликвидация бандитизма) не похожа на 1919 год. В 1920 году дивизия была значительно более сложившимся, закаленным, спаянным, обогащенным опытом борьбы 1919 г., более крепким коллективом борцов. Дивизия росла, крепла, совершенствовалась, как боевое соединение, на глазах своих бойцов и командиров и под непосредственным усилием и руководством коммунистической организации. Богатейшая школа, какой являлись для дивизии 1919—21 годы, впитывание и приспособление для себя в интересах повышения боеспособности дивизии всего положительного, нового, что приходилось подмечать у соседей или у противника, непрестанное совершенствование тактической подготовленности, изумительная по своему героизму и боеспособности конница дивизии (кавбригада т. Котовского), усовершенствование использования техники артиллерии, пулеметов, и, наконец, бурный рост партийной организации дивизии, цементировавших ее коммунистических кадров (особенно после партийной недели 1919 года),—все это обнаруживало огромнейшую жизнеспособность дивизии, все подтверждало наличие весьма здоровой, непрерывно развивающейся основы дивизии—ее старых кадров, ее боевого костяка, все это давало надежды на успешное развитие дивизии и в дальнейшем.

Эти надежды оправдались полностью. Три года вооруженной борьбы и, мы забегаем немного вперед, семь лет мирного развития дивизии, показали *высокую* степень как боевого, так и политического роста.

Эти моменты из истории дивизии довольно полно освещены в книге именно теми, кто создавал дивизию, кто ее растил, водил в боях, победах и всегда очень умело и успешно выводил из тяжелых условий, зачастую от, казалось, неминуемого разгрома.

То, что книга написана коллективом бойцов дивизии, живыми свидетелями, непосредственными борцами, стойко, упрямо перенесшими на своих плечах все эти радостные победы и печальные поражения, придает всей истории дивизии настолько живой, буквально ощущаемый колорит, что, кажется, слышишь, видишь, переживаешь сейчас наново все эти славные страницы, бурно и быстро сменявшие друг друга, наслоившиеся одна на другую, порой в беспорядке, и в кажущемся, но только кажущемся, хаосе. Но стоит внима-

тельно вчитаться, вдуматься в отдельные рассказы, очерки, воспоминания, сопоставить их, охватить в целом,—и нельзя не различить во всем этом большом материале стройное, упорно возводимое, кирпич за кирпичем, складывавшееся здание растущей и крепнущей с каждым месяцем, с каждым боем, с каждой победой и поражением красноармейской 45-й дивизии.

И так строилось, так возводилось и здание всей Красной армии, и здание нашего рабочего государства, в кажущемся хаосе, в беспорядочном напластовании, но проникнутое одной идеей, одним стремлением—единственным учением единой и единственной Марксо-Ленинской коммунистической партии — завоевать вооруженной рукой пролетарскую диктатуру, защитить завоеванное и на развалинах царистско-помещичьей России создать СССР.

История 45-й дивизии, как и многих других дивизий и всей Красной армии, является не только документом истории, она является одновременно боевым оружием, укрепляющим дело обороны нашей страны.

Книга рассчитана на *массового* читателя, главным образом, красноармейцев, рабочих и крестьян, на наш командный и политический состав, ведущий непосредственное обучение и воспитание красноармейцев и запаса. Привить бойцам, молодым командирам, любовь к дивизии, заинтересовать их славным боевым прошлым, убедить их в огромной силе и мощи Красной армии—вооруженного часового революции, вдохновить их славными примерами героизма и беспредельной преданности делу защиты революции, воспитать уважение к памяти погибших борцов и влить в нашу молодежь безудержное стремление к совершенствованию своих знаний, и военных и политических, привить навыки революционной дисциплины, рассказать так, чтобы поняли и уяснили огромную руководящую роль коммунистической партии, коммунистической организации дивизии, ее политаппарата и политорганов, воспитать безусловное доверие к старшим командирам и политработникам, как боевым руководителям частей, воспитать уверенность в наших силах и нашей победе в неизбежных боях с нашими классовыми противниками, — таковы конкретные цели преследуемые этой книгой.

Это требует от книги в первую очередь популярности, доступного массового изложения, известной занимательности и художественности.

Правильно ли пред'являть *такие* требования к истории дивизии?

Безусловно. Только отвечая этим требованиям, писанная история дивизии будет соответствовать действительной истории.

Бесспорно, что огромнейшей популярностью пользовались в массах лозунги партии и Советской власти, под которыми трудящиеся массы вели гражданскую в о й н у. Безусловной любовью и заботливостью со стороны рабочего класса и самых широких масс трудового крестьянства пользовалась Красная армия—этот важнейший инструмент гражданской войны, и безусловно популярны были в массах все эпизоды, переживаемые армией.

М. Ф. Березкин—сын рабочего, член ВКП (б) с 1919 г. Доброволец Красной армии, красноармеец подрывник, участник похода против Петлюры в 1920 году. С 1920 г на партийно-политической работе, замначпобриг 1 отдельной (1921 г.), начорг Подива 44, отсекр. ДПК 44 и военком 132 Донецкого полка (1921—1923 г.). помначполитуправления V армии в Сибири (1924 г.), политинспектор Вузов (1925—1926 г.). По окончании курсов усовершенствования при Военно-Политической академии им. Толмачева (1927 г.), назначается военкомдивом 45. Сейчас начподив 45.

На примере 45 дивизии эти положения можно доказать с огромной убедительностью. В книге этому достаточно примеров. Разве не занимательна в самом обширном смысле этого с л о в а для трудящихся масс история поражений и побед, история гражданской войны, ведшейся в невероятных трудностях этими-же самыми массами?

Как много в нашей литературе описано образов старых бойцов, боевых красноармейцев, командиров, политработников, с исключительной занимательностью рассказывающих м о л о д ы м слушателям тот или иной эпизод гражданской войны, революционной борьбы!..

Требование известной художественности также вполне понятно. Гражданская война и в частности история 45 дивизии оставила богатейшее наследство для развития искусства во всех его художественных формах. Изложить историю дивизии в литературной форме, не только можно, но и должно, обязательно. Только живые и яркие краски могут претендовать на подлинно отвечающее действительности изображение этой самой яркой, расцвеченной героизмом небывалой борьбы, действительности.

Нам кажется, что эта книга, правда, в скромных пределах, отвечает всем этим требованиям. Ее коллективный автор передавал только то, что было, чему он был свидетелем или участником, и уже этим самым воплотил в свой труд высокую художественность и подлинную литературность.

К сведению читателя, хочется отметить, что книга была набрана и отпечатана коллективом

рабочих типографии штаба 45-й дивизии в баснословно быстрый срок, при огромнейшем старании и напряжении сил всех рабочих. Рабочие типографии подражали неплохому образцу коллектива бойцов дивизии, создавших эту книгу также в сравнительно незначительный срок.

Что красной нитью проходит через всю книгу, что является ее основной мыслью?

Ответ напрашивается сам собой—это та изумительно многообразная, твердая и гибкая, упорная, несущая в себе марксо-ленинское учение— *руководящая роль коммунистической партии* в лице партийной организации дивизии, которая создала дивизию, провела ее через труднейшие годы, через тяжелые испытания, закалила и сплотила в единый подлинно-большевистский коллектив, сумевший преодолеть все препятствия и оставить молодым поколениям образ революционной борьбы угнетенных масс со своими угнетателями. Примером для дивизии была и останется коммунистическая партия, которая историей своего существования, историей своей военной организации дала неподражаемый образец высокой классовой сознательности, революционной организации на четких принципиальных основах большевизма, образец беспримерной преданности интересам рабочего класса. Этому высшему образцу революционной борьбы подражала вся Красная армия, созданная и руководимая коммунистической партией. Этому образцу подражала и подражает и 45 дивизия и в годы гражданской войны, и сейчас в годы упорной учебы и совершенствования дела обороны СССР.

Многообразие форм руководства партийной организации всей дивизии целиком вытекало из той многообразной, сложной и изменчивой обстановки, в которой приходилось драться эти три года дивизии.

На всех фронтах 45 дивизия защищала Октябрьские завоевания. От нападок бандитизма и украинской кулацко-помещичьей контр-революции, от напора деникинско-врангелевской, генеральской белогвардейщины, иностранных империалистов и бело-поляков, через бесчисленные бои с врагами пролетарской революции пролегает боевой путь 45 Краснознаменной дивизии.

От огневого кольца, сковавшего молодую дивизию в 1919 году на юге УССР, огневого кольца, в котором в удивительном содружестве оказались бандитско-кулацкие шайки, помещичье-петлюровская контр-революция, белая добровольческая офицерская армия Деникина, румынские бояре—насильники над революционной Бессарабией, и иностранные оккупанты—слуги английского и французского империализма, и до мощного победного наступления дивизии в составе 1-ой Конной армии Буденного, до подступов к Львову в 1920 г.

На многих фронтах была дивизия за эти три года. С многими врагами пролетарской революции дралась дивизия, но классовая сущность всех этих врагов, в конечном счете, была одна и та же. Откровенные, неприкрытые белогвардейские реставраторы, стыдливо прикрывавшие свою буржуазную наготу тогой „Украинской народной республики" петлюровцы, анархо-бандитствующие махновцы или прикрывавшиеся насквозь фальшивыми лозунгами национальной независимости белополяки,—все они, в конечном счете, были слугами свергнутого российского капитализма и англо-французского империализма, все они были щупальцами одной и той же мировой контр-революции, пытавшейся задушить блокадой, контрреволюционными восстаниями, генеральскими походами и иностранной оккупацией первое в мире государство пролетарской диктатуры.

Постоянное, повсеместное, непрерывное и всестороннее раз'яснение массам бойцов классовой сущности всех этих „витязей от контр-революции"—было основной и главной задачей партийной организации дивизии и ее начальствующего состава. Но одновременно нельзя было пренебрегать (наоборот, их нужно было учитывать и разоблачать) всеми теми особенностями, оттенками, флагами, лозунгами, под которыми выступали эти отряды контр-революции. И сложность партийного руководства, огромные задачи политической работы, именно и заключались в том, чтобы ухватить, наряду с основным, все эти разношерстные политические одежды контр-революции и противопоставить им четкую, выдержанную, классово-непримиримую Ленинскую линию нашей агитации и пропаганды.

Политическая работа в дивизии была теснейшим образом связана с огромной культурно-политической работой в массах окружающего населения. Сложная обстановка украинской деревни 1919—21 г.г., особенно юга УССР со сравнительно значительной прослойкой зажиточно-кулацкой части крестьянства, длительный, упорный бандитизм, как форма проявления кулацкой контр-революции, неурожаи, частая смена властей и ряд других специфических условий украинской деревни, дававшей пополнения бойцами дивизии и являвшейся ареной непрекращающейся гражданской войны,—все это требовало от дивизии огромного политического чутья, весьма гибкого подхода и железной настойчивости в проведении линии партии, Советской власти в своей крестьянской работе.

Насколько успешно справлялся политаппарат с этими обязанностями свидетельствует ряд очерков, помещенных в книге.

Мы имели в украинской деревне поддержку наших мероприятий деревенской беднотой и значительной частью середнячества, при бешеном сопротивлении кулака, доходившего до убийств наших работников и уничтожения целых наших групп и партий.

Эта поддержка, свидетельствуя о быстром темпе классового расслоения деревни, в то же время была основной опорой для нашей работы в селе и результатом этой работы. Достойнейшим свидетельством политической сознательности массы бойцов дивизии являются хотя бы факты ликвидации кулацких восстаний в районе Кучурган-Раздельная, в районе Ананьева, наконец в Плоском, где восстание плосковского *кулачья* было потушено плосковским же полком нашей дивизии, сформированным из *партизан и бедноты* села Плоского.

Не только в украинской деревне, но и в Галиции, стонавшей и стонущей под угнетением польских панов, полки дивизии после упорных боев неустанно вели огромнейшую работу по раз'ясне-

нию крестьянским массам их действительных классовых интересов, сущности Советской власти, помогая крестьянской бедноте в организации органов Советской власти. Ряд товарищей с подлинным пафосом разсказывают о тех дружеских, прекрасных отношениях, которые устанавливались между бойцами дивизии и трудящимся крестьянством, видевшем в дивизии своих избавителей от гнета помещиков и жандармов.

Все годы войны дивизия вела при малейших к тому возможностях разъяснительную политическую работу и среди солдат противника. Переход на нашу сторону ряда частей махновских, петлюровских (пусть вспомнит читатель встречу 45 дивизии с армией Махно в районе Александровск-Никополь в январе 1920 года) зачастую являлся результатом нашей умелой и понятной массам работы. Многие из них, перешедши на нашу сторону, потом сражались в рядах дивизии бок-о-бок со своими вчерашними врагами, давая образцы храбрости и самопожертвования.

Наша агитация и пропаганда, совершенствовавшаяся из месяца в месяц, накоплявшая богатейший опыт работы в обстановке войны, опыт, который до сих пор еще нами, как следует, не учтен, — являлась таким оружием в борьбе, что к ней совершенно справедливо ряд авторов возвращается неоднократно.

Всей этой работой руководил политический отдел дивизии со своим боевым и любимым всеми бойцами „Голосом Красноармейца". А когда вынуждала обстановка, сотрудники политотдела шли в строй рядовыми бойцами и с винтовкой в руках делали то, к чему неустанно призывали всех бойцов. Так тесно переплетались, связывались, как цепь, звено к звену, политработа с винтовкой, газета с бойцом-читателем, умело написанная брошюра или воззвание с успешными боями и проявлениями исключительной храбрости и выносливости.

Обо всем этом разсказывает коллективный автор книги, где — отдельно метко брошенными замечаниями, где — статьями и очерками, рассказывает ***так, как было.*** И эти бесхитростные свидетельства участников являются только немногими страницами той многообразной, полной революционного энтузиазма книги о работе коммунистической организации дивизии, которую еще следует написать.

История боевых дней дивизии посвятила много своих страниц рассказам, описаниям, свидетельским показаниям бойцов о своих командирах и политработниках. Отличительной чертой 45 дивизии является ее начальствующий состав. Можно смело утверждать, что немногие дивизии РККА с первых дней своего формирования имели такой, отлично подобранный, спаянный, дисциплинированный и преданный делу революции командный состав, какой имела 45 дивизия. Первыми командирами молодой дивизии были старые партизаны и подпольщики-коммунисты, организовывавшие борьбу с контр-революцией еще в 1917—1918 г.г. в условиях ожесточенной, бесшабашной расправы различных контр-разведок, охранок и сигуранц, и эти люди принесли с собою в дивизию такую сокрушающую ненависть к капиталистическому строю и его подлым слугам, такое упорство и настойчивость в борьбе, такую самоотверженность и высокую степень революционной бдительности, какие были способны ворочать горами. Эти люди подняли широкие трудящиеся массы на борьбу, на штурм проклятых **капиталистических** твердынь. Эти люди сумели сорганизовать и стать во **главе** партизанского движения и повести своих бойцов труднейшим Южным походом через жестокие бои к славным победам.

Сколачивание дивизии — труднейший и длительный процесс. Он длился все годы войны. Состав дивизии несколько раз почти полностью обновлялся — велики были потери от боев и эпидемий — вливались сырые и необработанные массы пополнений, иногда из бывших дезертиров, „зеленых", выбывал убитыми и ранеными старый, с партизанских времен, командный и политический состав, прибывали молодые краскомы, но дивизия, закалившая себя в первый же год своего существования, под руководством своих счастливо уцелевших старых командиров, при повседневной

М. И. **Василенко** — командир 45 дивизии с 1924 по 1929 г., сын крестьянина незаможника Полтавского округа, в старой армии офицер. В 1917 г. организатор красногвардейских отрядов. В 1919 г. командир бригады комитетов бедноты, позже Богучарской дивизии, оперировавшей против казачьей конницы. В 1919—1920 г.г. командовал последовательно XI, IX и XIV армиями, одержавшими под его руководством ряд крупных побед над белогвардейцами и петлюровцами. За боевые подвиги награжден орденом Красного Знамени, золотыми часами, почетным оружием и др. знаками отличия. В период командования 45 дивизией т. Василенко, дивизия далеко шагнула вперед в области боевой подготовки. С 1927 г. дивизия занимает первое место среди частей УВО по стрельбе из пулеметов и винтовок. Киевские маневры 1928 года показали высокую мобильность дивизии и ее крепкую тактическую выучку. Сейчас тов. Василенко комкор XVII.

поддержке партийной организации и старого, хотя и немногочисленного, костяка бойцов, успешно перерабатывала, перемалывала все трудности и неизменно показывала высокую боеспособность и революционную сознательность.

Роль командного состава, как одной из организующих сил дивизии, нашла себе в книге не одного автора. Перечитывая все эти страницы, не находишь ни одной, где о командирах - бойцах, командирах революционерах, командирах-вождях, об огромнейшей любви и доверии к ним со стороны массы бойцов, об огромном упорстве и уверенности командного состава дивизии в своих бойцах— не было бы речи.

В. М. Скрипкин — рабочий - маляр, член ВКП(б) с 1912 года, в Красной армии с 1918 г., участник Южного похода в составе 58 дивизии, участник боев и походов против деникинцев, белополяков и врангелевцев. За удержание Никопольской переправы против врангелевцев награжден орденом Красного Знамени. Сейчас командир - военный комиссар 134 полка. В период командования т. Скрипкиным 134 полком последний вырос в крепкую боевую единицу. Полк второй год удерживает первенство в стрельбе из винтовок пулеметов в пределах УВО.

И это совершенно не случайно. Это не совпадение. Нет, это отражение, это описание того, что было. Якир, Котовский, Гарькавый, Левензон, Голубенко, Черников, Гуляницкий и десятки и сотни других имен. Многие из них не дожили до наших дней. О многих, павших смертью храбрых, смертью революционеров записано в историю дивизии. Но еще больше записано о них в сердцах их соратников, боевых товарищей.

Мы еще слишком скупы на отдание должного памяти погибших товарищей. Больно сжимаются сердца, порывами начинает стучать кровь. Местью загораются наши лица по адресу наших врагов, вырвавших из жизни десятки, сотни и тысячи славных, беззаветно-преданных делу революции, борцов, чьи безвестные могилы так обильно усеяли огромные просторы, поля недавних битв. Словно с кровью выжимают из себя старые бойцы скупые слова о павших товарищах. Но в этих немногих словах так много несказанного, что, читая их, чувствуешь, понимаешь, переживаешь много больше, много острее, чем эти, такие обычные, слова о необычайных примерах героизма скромных людей, вдохновленных классовой ненавистью к своим классовым врагам.

Сейчас в дивизии только единицы старых участников боев дивизии.

Остальные товарищи разбросаны по другим частям РККА.

Многие из них на ответственнейшей партийной, военной, хозяйственной и советской работе. Многие из старых наших командиров - боевиков сейчас головой ушли в разрешение новых задач социалистического строительства, работают над индустриализацией страны, коллективизацией и кооперированием миллионов крестьянских хозяйств, руководят славнейшими организациями и учреждениями. Но никто не забыл о героических днях, месяцах и годах упорных боев в рядах 45 Краснознаменной дивизии, никто не растерял того богатого наследства, которое оставили эти жестокие, но и славные годы.

На обращение политотдела дивизии принять участие в составлении истории дивизии они откликнулись, как один. Это показатель крепости боевых связей и готовности к новым боевым испытаниям.

Нельзя не отметить еще одной характерной особенности командного состава дивизии первых годов. Значительная его часть, пожалуй, большинство, были людьми совершенно в военном отношении неподготовленными. Казалось, что это обстоятельство может явиться непреодолимым затруднением для успешного ведения операции. Однако, сама жизнь и боевая действительность явились такой „академией", которая с успехом обучила и воспитала их. Но с каким трудом, с каким напряжением воли, энергии давалась эта учеба, могут рассказать только сами „академики!" Большевистское упорство и вера в свои силы одержали блестящие победы. Это очень неплохой пример для части наших молодых командиров, останавливающейся в своем развитии после школьной скамьи, потому что „работы много, но некогда учиться". Старые командиры доказали на собственном примере другой тезис, что работа, как бы она ни была тяжела, должна быть неразрывно связана с постоянной учебой.

А. Я. Бриллиант—стрелок Латышских революционных полков, восставших в 1917 г. против правительства Керенского. В Красной армии с 1918 г., участник походов против Каледина, Краснова, Деникина и Врангеля. Награжден орденом Красного Знамени. Сейчас командир 133 полка 45 дивизии.

Учиться, работая, и работать, учась— таково обязательное условие овладевания всеми новейшими достижениями науки и техники, без чего невозможно движение вперед, совершенствование боевой мощи армии и укрепление обороноспособности нашей страны.

Книга рассказывает также, как развивалась

тактика, как совершенствовалась организация дивизии, как тяжело иногда приходилось расплачиваться отдельным частям дивизии за пренебрежение к сложным требованиям военного искусства. Ряд боев, проведенных дивизией, представляет из себя богатейший материал для изучения и выводов об особенностях каждого отдельного фронта, о методах, применявшихся противниками, и искусстве побеждать этих противников.

Большой проверкой для дивизии явился фронт борьбы с белополяками. Здесь пришлось встретиться с противником, организованным и оснащенным несравненно более высоко, чем прежние противники дивизии. Но дивизия к этому времени имела за плечами большой боевой багаж, и с ним ей были не страшны и белополяки. Командование фронта возлагало на дивизию ответственнейшие поручения (об этом разсказывают документы) и не было ни одного случая, чтобы дивизия не выполнила этих поручений. Длинная цепь пролегает от бандитского фронта к белопольскому, но уверенно от звена к звену прошла 45 дивизия по этой цепи, всегда нанося тяжелые поражения противнику, и после каждого боя, залечивая раны, готовилась к следующим боям.

Только так можно было выдержать тот бурный поток событий, тот стремительный темп, с которым приходилось вести боевые операции: Южный ли поход, ликвидацию ли деникинщины, поход ли на Львов — везде был этот сокрушающий темп, эти беспрестанные, многоверстные переходы с упорными боями, переходы, которых не выдерживали колеса, но преодолевали обмоточные, с неизменным оскалом зубов огромных ботинок, а зачастую и вовсе босые, красноармейские ноги.

Темп, на языке сегодняшнего дня — мобильность, был отличительным свойством 45 дивизии в годы гражданской войны и остался этим свойством в годы, протоpенные учебой.

Первый том истории дивизии, охватывая только боевой период, оставляет на будущее ряд больших и важных вопросов из последней семилетки дивизии.

Второй том должен будет охватить мирный период. Но, пожалуй, точнее было бы назвать эту семилетку, не „мирным периодом", а периодом подготовки к новым, неизбежным боям с мировым империализмом.

Это период передышки. Сознание это глубоко охватило кадры дивизии, и ответом на растущую угрозу военного нападения на нас является неуклонно растущая боеспособность и боеготовность дивизии.

Дивизия имеет значительные, признанные высшим командованием, успехи в учебе и политическом воспитании бойцов. Дивизия выросла во всех отношениях, приняв те четкие, продуманные рамки организации, которые наиболее успешно обеспечивают выполнение дивизией ее боевых задач. Ряд маневров, проведенных дивизией за последние годы, в частности участие в Киевских маневрах 1928 года, были всесторонними проверками дивизии. И дивизия эти проверки выдержала.

За годы передышки окрепли, упрочились и усложнились те теснейшие, кровные узы, отношения, которыми 45 дивизия с первых своих шагов связана с рабочими и крестьянами исторических для дивизии районов. Форма пролетарского шефства фабрик, заводов и целых районов и округов над частями Красной армии является своеобразным выражением единого классового существа рабочего государства и орудия пролетарской диктатуры—Красной армии.

Шефы 45 дивизии — Всесоюзное Общество Бессарабцев, Автономная Молдавская Социалистическая Советская Республика, Волынский округ УССР, крупнейшие заводы города Киева: „Краснознаменный", „Большевик" и другие, союз работников просвещения Киевского округа, пролетарские театры „Березіль", им. Франко, и 2-й МХАТ— являются выражением тех забот, любви, внимания и общественной помощи, которыми вооружена Красная армия со стороны широчайших трудящихся масс СССР и интернационального пролетариата.

В ознаменование десятилетия дивизии, в знак нерушимых, глубоких интернациональных обязанностей, которые несет в себе ВКП, СССР, Красная армия и 45 дивизия, как часть армии пролетарской диктатуры,—дивизия принимает шефство над Кишиневской каторжной тюрьмой, переполненной узниками капитала, жертвами белого террора, жертвами озверевшей, много раз омывавшей свои руки рабочей кровью, румынской военщины.

Период передышки, учебы и напряженного строительства армии не менее интересен, не менее захватывающ, чем период непосредственных боев.

За семь лет развернулось огромное строительство нашей страны. Период восстановления сменился периодом социалистической реконструкции, страна делает гигантские усилия для индустриализации народного хозяйства, развертывающаяся коллективизация сельского хозяйства, кооперирование и электрификация, культурная революция и грандиозная пятилетка, рост опасности войны и непрекращающиеся провокационные выпады против СССР мировых хищников империализма и их слуг, захват китайской военщиной К. В. ж. д., нарастание нового революционного под'ема в Западной Европе и колониальной Азии, вырождение социал-демократии в социал-фашистов и рост влияния коммунистических партий—таковы основные штрихи обстановки к десятилетию 45 дивизии.

Активное участие во всем этом гигантском строительстве, социалистическое соревнование в подготовке всех элементов, составляющих боеспособность дивизии, решительный, последовательный отпор всем правым, оппортунистическим и примиренческим элементам, продолжение борьбы с контр-революционным троцкизмом — очередные задачи нашей работы, и коллективным трудом бойцов, командиров, политработников, под Ленинским большевистским руководством коммунистической партии, эти задачи дивизией будут выполнены. Этому посвящен второй том истории дивизии.

Возможно, что и авторы, и редакция допустили ряд ошибок, больших и маленьких, технических, и по существу. Необходимо учесть, что первый том пришлось делать в спешке. Не везде четка техническая отделка книги (клише и т. п.).

И авторы, и редакция просят всех читателей помочь нам исправить допущенные ошибки.

Группа краснознаменцев 45 дивизии (1927 г.). Сидят: первый ряд (слева направо) начоперчасти штадива 45 т. Мостовенко, комдив 45 т. Василенко, помвоенкома 133 т. Земцев, комполка 133 т. Юшкевич. Второй ряд—комбат 135 полка т. Погорский, комроты 133 полка т. Щанцевой, помкомполка 135 т. Богданов, военком 133 полка т. Коломиец

Группа ветеранов 45 дивизии. В центре (третий слева, сидит) комдив-военкомдив 45 т. Борисенко, рядом с ним—комкор VII т. Мулин, руководивший инспекторскими стрельбами в дивизии в 1929 году.

Подив 45 состава 1929 г. Сидят 1 ряд (слева направо) замначподив 45 т. Пицарев, начподив 45 т. Березкин, начоргчасти т. Бородин, начагитпропчасти т. Богуславский. Стоят 2 ряд (слева направо) инструктор по КСМ работе т. Боркейн, инструктор по внешкольной работе т. Сморгонский, инструктор по учету и информации т. Славинский, инструктор по школьной пропаганде т. Кестер, инструктор по партработе т. Голот

Штаб 45 дивизии состава 1929 г. Сидят: (слева направо) помначоперчасти т. Акишев, начвоенхозснабжения дивизии т. Куров, дивизионный инженер т. Красавцев, начартдив 45 т. Ступницкий, комдив-военкомдив 45 т. Борисенко, наштадив 45 т. Успенский, начоперчасти т. Еремин, секретарь Подива 45 т. Будиловский, начальник связи дивизии т. Горушкин.

„МЫ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ МОЖЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО ОТ ВОЙНЫ МЫ УЖЕ ГАРАНТИРОВАНЫ... ПОЭТОМУ ВОЕННУЮ ГОТОВНОСТЬ МЫ ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ. НЕ ПОЛАГАЯСЬ НА НАНЕСЕННЫЕ УЖЕ ИМПЕРИАЛИЗМУ УДАРЫ, МЫ СВОЮ КРАСНУЮ АРМИЮ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ВО ВСЕЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ И УСИЛИТЬ ЕЕ БОЕВУЮ СПОСОБНОСТЬ".

(ЛЕНИН—*т. 17 стр. 404—405).*

В порядке социалистического соревнования...

Верите ли вы читатель, что книга, которую вы держите в руках отпечатана в маленькой типографии, силами коллектива насчитывающего всего лишь 33 рабочих.

Баснословный срок! Откровенно говоря, мы, редакция, прежде чем решиться на такую „процедуру", обмозговывали со всех сторон вопрос, где печатать эту книгу. Не раз задумывались и яд сомнения неотступно давил нас:

— Справится ли эта типография с такой работой?

— Не отдать ли в другую, более мощную, более сильную?

— Но ведь кто же возьмется в такой срок сделать? Ведь даже и мощная, большая типография не сможет уложиться в восьмичасовый рабочий день.

— Позвольте, но как же так, имея „свою" типографию итти и просить рабочих другой типографии напечатать нам книгу? — искренне обижаясь с жаром задавал нам вопрос молодой выдвиженец, старый рабочий заведующий типографией т. Чепов.

— Мы должны сами отпечатать свою книгу о своей истории, —твердо заявляли рабочие.

Коллектив рабочих типографии штаба 45 дивизии, работавший над выпуском книги „История 45-й дивизии".

Но все же мы решили подсчитать, проверить мощность нашего меленького предприятия, все взвесить, рассчитать, чтобы героизм, которым полны рабочие, не был растрачен попусту, а чтобы была польза. Ведь дело серьезное! Решили созвать консилиум. Пригласили нашего шефа, старого рабочего наборщика—заведыв. типографией Транспечати т. Ушеровича, притащили к нашим станкам и кассам и сказали:

— Наша типография должна выпустить большую книгу! Сможет ли она это сделать?

Консилиум был внимателен ко всем мелочам, был серьезен и строг.

— Если взять несколько дополнительных рабочих, если несколько подладить машину...

В горячем споре, где доказательства переплетались с твердым убеждением, консилиум решил после тщательных подсчетов, что книгу выпусить можно... Но... здесь дополнялось не маленькое, а большое „но"... При героическом усилии со стороны рабочих, при четкой, не дающей никаких перебоев работе редакции, с этим делом можно справиться.

— *Есть задачи трудные, но непосильных нет,*— ярко вырисовывалась перед нашими глазами рожденная в жестоком пламени борьбы дивизии с классовыми врагами пролетарской революции — традиция...

Задача трудная, но она должна быть решена.

И работа началась. Собиравшиеся в отпуска рабочие отказались от этих отпусков. Печатники, наборщики, переплетчики отказались от отпусков в эти теплые августовские дни, самые „выгодные" дни для отпуска, когда лозунг „вода, воздух и солнце—друзья здоровья" оплодотворяется наилучшим образом.

25 дней и ночей, почти без перерыва, почти без отдыха, маленькая типография, надрываясь в своем темпе и беге, выбрасывала печатные листы. Путь этот был труден и тернист. Московская цинкография[1] задерживала присылкой клише и нашей типографии приходилось изворачиваться, чтобы не пропадали впустую золотые, считанные дни. Порой и очень часто эти 4 комнатушки типографии, всплошную заставленные станками, кассами, напоминали штаб. Одна смена уходила и сейчас же на ее место становилась другая и работа продолжалась. Стучали машины, в шершавых, мозолистых руках наборщиков дрожали верстатки[2], ежеминутно пухли наполняясь новым, свежим серебром шрифта.

— Сегодня дали один лист, маловато. Надо полтора,—требовала неугомонная редакция, с карандашем в руках, показывающая свои колонки цифр заведующему типографией т. Чепову, наборщикам, печатникам, всем, кто делал эту книгу.

— Да, знаю товарищи!.. Знаю!—взволнованно говорил т. Чепов. — Я уже и сам сегодня думал о полутора листах.

И тогда по типографии выростало твердое новое требование:

[1] В связи с недостатком цинка в Киеве—клише пришлось заказывать в Москве и Харькове.

[2] Верстатка — инструмент наборщика, на которой набираются буквы. *Ред.*

Товарищи, нужно дать полтора листа!

Полтора листа, т. е. 24 страницы?—улыбаясь через свои „самодельные“ очки, „лукаво“ спрашивал метранпаж, старый мастер, знаток своего дела т. Шапошников.

В порядке соцсоревнования, дадим, отвечали рабочие.

И работали здесь, как то, по особенному, по новому. Коллективом старались устранить всякие задержки, которые вольно и невольно вставали на нашем пути.

Товарищи редактора, с машиной задержка, лист что-то не подают,—говорили печатники.

Клише... клише... подбросьте не позже, чем через час,—напоминали наборщики.

Форзесную бумагу купить бы нужно, заранее заготовить для обложек,—заявляли в переплетной.

Задержки устранялись. И все винтики типографской машины, отбрасывая в сторону и круша встречавшиеся на пути преграды, учащали свой бег. На столах переплетной, точно снежный ком, вырастали горы листов, свежих, пахнущих еще краской, ожидающих фальцовщиков.

Рабочие типографии жили книгой, радовались каждому продвижению вперед, каждому успеху и волновались при всякой новой запинке. В нервной сутолоке типографских дней, размеренно-четком, быстром темпе, спаянного крепкого коллектива, чувствовались кусочки, того подлинного социалистического под'ема, какой способен ворочать горами. Работали здесь добросовестно. Этого мало сказать. Больше того, работали, отдаваясь целиком и полностью, скрепленные социалистической дисциплиной, проникнутые важностью и ответственностью взятых на себя обязательств.

За печатанием книги „История 45-й дивизии“ в печатном отделении. Крайний справа заведующ. типографией штадива 45, молодой выдвиженец тов. Чепов, печатник т. Лещенко (держит лист) и накладчик т. Лисица (стоит на машине).

Социалистическое соревнование, этот лозунг социалистического строительства получил в типографии свое осуществление, особенно полно в эти дни когда набиралась книга. Большинство рабочих типографии имеют за плечами 15—25 летний производственный стаж. Эти рабочие старики, весь свой опыт и навык сумели помножить на напористость и дать нужный темп работе. Не преувеличивая можно сказать, что дисциплина в типографии была образцовая. Ни одного прогула за этот период не было, опозданий на работу также. Если случалось, что кто нибудь из рабочих, не всегда внимательно отнесся к порученному заданию (не совсем чисто исправил корректуру, „мазанул“ клише) коллектив реагировал быстро и твердо.

Нельзя так, внимательнее нужно работать! И ошибавшийся немедленно исправлял свою ошибку.

Типография выполняла этот заказ, понятно, при том оборудовании и на тех машинах, которые у нее были в первый день работы. А это важно, ибо типография штаба дивизии (несколько исторьи) имеет оборудование не из новых. Организовалась она в 1924 году, имея всего на всего небольшое количество старого шрифта, сохраненного дивизией от периода гражданской войны, одну печатную машину, одну американку, что составляло в переводе на день: около 3.000 руб. К этим средствам производства добавилось еще несколько.

Вот и весь инвентарь с которым типография вступила в эту работу. По сравнению с тем, что было в 1924 году, это может быть и много, это большой шаг вперед. Доказательством этому являются хотя бы такие факты, что эта типография имеет своих заказчиков, главным образом воинских, не только в Киеве. Ей присылают заказы из Минска и Урала, из Ставрополя и Смоленска из далекой Сибири и различных гарнизонов Украинского Военного Округа.

Типография подросла, окрепла, этого отрицать нельзя, но все же ни на йоту нельзя уменьшить ее заслуг в том, что она выполнила этот заказ, книгу „История 45-й Краснознаменной дивизии“ в срок, безусловно быстрый и короткий.

Типография штаба дивизии уже давала примеры такой работы, а именно: в прошлом году на Киевских маневрах типография выделила походную типографию, которая выпускала дивизионную газету „Голос Красноармейца“ также при огромном напряжении энергии рабочих, набиравших, верставших и печатавших газету быстро и хорошо. Этот костяк рабочих участвовал в издании и настоящей книги. Немало рабочих типографии работали так-

же в типографиях дивизий в период гражданской войны.

Все это, в конце концов, обеспечило успешное разрешение серьезной большой и ответственной задачи, которая легла на плечи этого коллектива. Рабочие типографии оказались достойными коллективного автора этой книги—ветеранов дивизии, написавших историю своей славной дивизии. Они выполнили в срок книгу и тем дали возможность ветеранам дивизии, молодым красноармейцам, рабочим и крестьянам—читателям настоящей книги во-время к юбилею, десятилетию дивизии иметь этот важный документ, ценнейшее оружие воспитания молодых поколений для будущей борьбы с теми, кто попытается поднять руку на страну строящегося социализма.

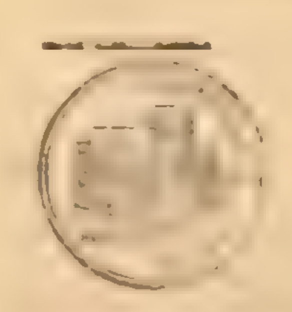
Мы выразим общее настроение всех читателей нашей книги, если от их имени передадим этому крепкому коллективу,—типографии штаба 45 дивизии *красноармейское* спасибо.

С. ТРЕТЬЯКОВ [1]

О 45-й Краснознаменной.

Тот, кто верил в правды силу,
Не хотел гнуть даром спину
И от барщины бежал,—
В наши тот ряды попал.
Из степей Херсона вольных,
Бессарабии раздольной
Посходились батраки—
Бить господские полки.
И в тяжелый час невзгоды,
Защищая власть народа,
Грозно встали пред врагом
Мы в порядке боевом.
Проходя от моря к морю,
Всем врагам на зло и горе.
Как гранитная скала
Сорок пятая была.
В Белой Польше, Галичине,
На Подолии, Волыни
Побывали мы не раз,
Питер тоже видел нас.
Где удар врага сильнее,
Где опасней и больнее,—
Трудовой кричал народ:
„Сорок пятая, вперед".
Не щадя ни сил, ни крови,
Воин красный наготове.
Позабыв про дом родной,
Смело он вступает в бой.
Гордо держит красный флаг
И не страшен ему враг;
В руках верная винтовка—
Не даст промаха, плутовка
И везде, где слышен плач,
Кровь сосет буржуй-палач,
Бедняка где гады жмут,
Сорок пятая уж тут.
Паразитам всем попало.
Время мирное настало.
Звонко песни полились:
За ученье мы взялись.
Дело наше крепко знаем,
И без промаха стреляем.
Бой готовы мы принять,
Чтоб Союз наш отстоять.
Наша Красная Звезда
Ярко светит нам всегда,
Свет ее всем кажет путь,
Не дает врагам уснуть.

[1] Автор песни быв. красноармеец 45-й дивизии, сейчас командир роты 137 полка 46 дивизии.

Издатель-Редактор—ПОДИВ 45.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Борьба с белополяками.

Разгром Петлюры.

Борьба с бандитизмом.

Наши шефы.

Отпечатано 3000 экз. в 23 печати листа.

СХЕМА 1.
Районов формирований Партизанских отрядов, послуживших основанием 45-ой дивизии.
ДУНАЕВЦЫ
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК
ХОТИН
ЯРЫШЕВ
СЕРЕБРИЯ
МОГИЛЕВ-ПОД
р. Днестр
ЯМПОЛЬ
СОРОКИ
р. Южн Буг
ОЛЬВИОПОЛЬ
ТРИДУБЫ
СЕКРЕТАРКА
БАЛТА
КРИВОЕ ОЗЕРО
РЫБНИЦА
БЕЛЬЦЫ
АНАНЬЕВ
КОХАНОВКА
ВАЛЕГОЦУЛОВО
ВОЗНЕСЕНСК
ОРГЕЕВ
ДУБОССАРЫ
р. Прут
ГРИГОРИОПОЛЬ
ПЛОСКОЕ
КИШИНЕВ
ТИРАСПОЛЬ
БЕНДЕРЫ
ИЗМАЙЛО-ПОКРОВСКОЕ
АНТОНО-КОДИНЦЕВО
АНАТОЛЬЕВКА
ВЕЗИРКА
ТУЗЛЬ
ОДЕССА
МАЯКИ
ОВИДИОПОЛЬ
АККЕРМАН
Черное море
Б Е С С А Р А Б И Я
С
Ю
Условные обозначения
Районы охваченные партизанским движением
12,5 км 0 12,5 км 25 км 37,5 км 50 км 62,5 км 75 км 87,5 км

СХЕМА 5.
БОЕВОЙ ПУТЬ 45-ОЙ ДИВИЗИИ НА ДЕНИКИНСКОМ ФРОНТЕ
19/XII 1919 г.—20 II 1920 г.
ст. ФАСТОВ
Б. ЦЕРКОВЬ
КАНЕВ
ЧЕРКАСЫ
ПОЛТАВА
3Б
2Б
1Б
КРЕМЕНЧУГ
р. Днепр
ЖМЕРИНКА
ВЕРХНЕДНЕПРОВСК
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
ст. ВАПНЯРКА
р. Ю. Буг
ст. НОВОУКРАИНКА
НБ
ОЛЬГОПОЛЬ
ОЛЬВИОПОЛЬ
ДОЛИНСКАЯ
ВОБРИНЕЦ
АЛЕКСАНДРОВСК
БАЛТА
КРИВОЕ ОЗЕРО
КБ
16-II
14-16 II
АНАНЬЕВ
ТРОИЦКОЕ
НОВЫЙ БУГ
15-18 I
30-I
ВАСИЛЬЕВО
ДУБОССАРЫ
БЕРЕЗОВКА
С
БЕССАРАБИЯ
р. Днестр
ГРИГОРИОПОЛЬ
12 II
10-18 II
РАЗДЕЛЬНАЯ
ТИРАСПОЛЬ
БЕНДЕРЫ
ст. КУБАНКА
20-II
НИКОЛАЕВ
ХЕРСОН
МЕЛИТОПОЛЬ
ОДЕССА
7-9 II
АРМЯНСКИЙ БАЗАР
Ю
Черное море

СХЕМА 6.
Взятие ЕКАТЕРИНОСЛАВА и АЛЕКСАНДРОВСКА и борьба против МАХНО.
19.XII-1919 г.—9.I-1920 г.
2 бригада
1 бригада
ПОЛТАВА
ЛАДЫЖИН
3 бригада
СЕНЖАРЫ
41 дивизия
КАРЛОВКА
КОНСТАНТИНОГРАД
9 кав. див.
КОБЕЛЯКИ
19 XII-19
Х. ДМУХАЙЛОВСКИЙ
р. Днепр
С
Ю
ЧАПЛИНКА
30. XII — 19 г.
ВЕРХНЕДНЕПРОВСК
НОВО-МОСКОВСК
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
41 дивизия 1. I-20
СИНЕЛЬНИКОВО
3 бригада
2 бригада
1 бригада
3 бригада 9.I-20.
ВАРВАРОВКА
ЧУМАКИ
СОФИЕВКА
кав. бригада ген. Морозова
группа ген. Слащева
АЛЕКСАНДРОВСК
1 бриг. 9.I-20.
НИКОПОЛЬ
р. Днепр
в Крым
ОРЕХОВ
ПОЛОГИ
46 дивизия 9.I-20.

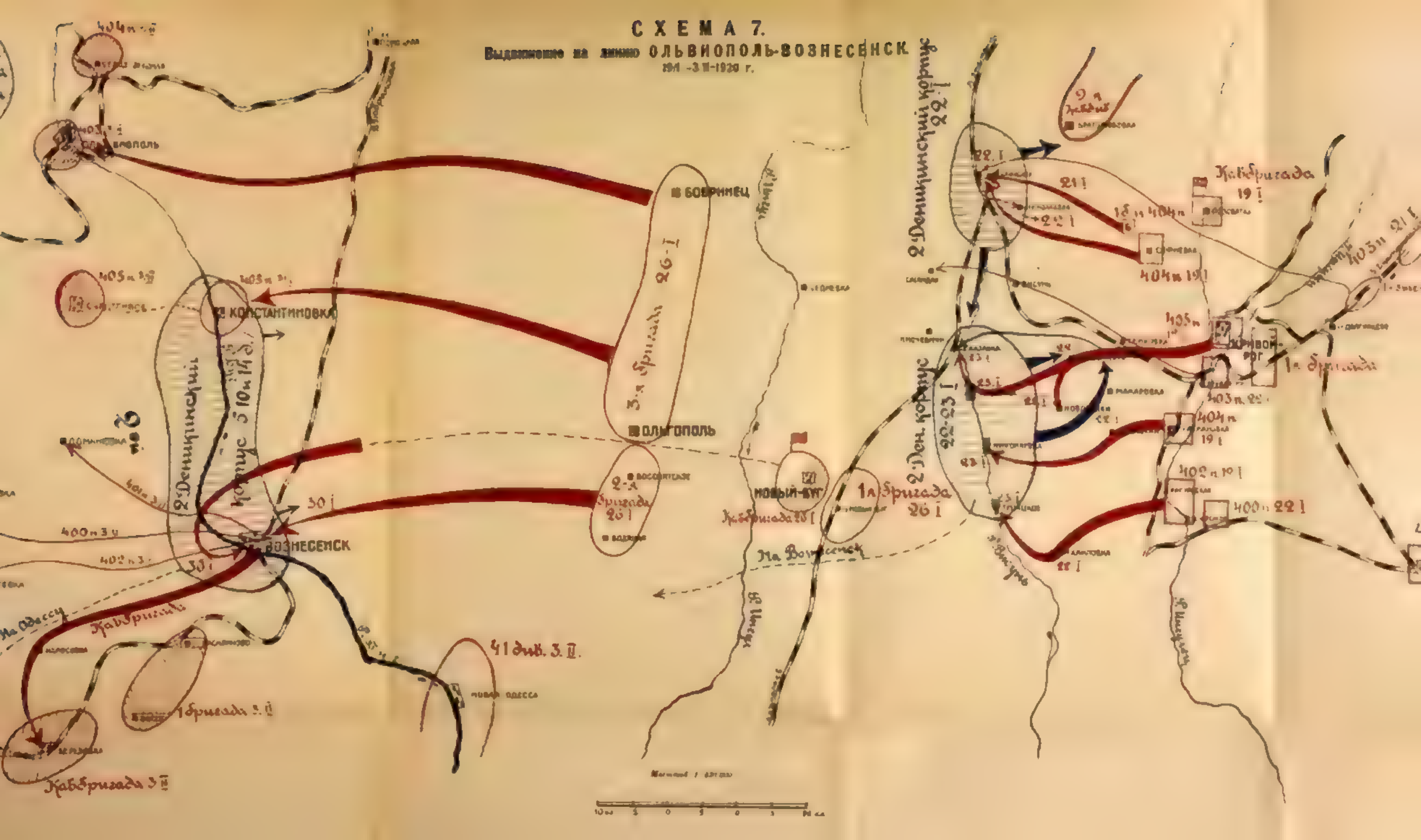

СХЕМА 7.
Выдвижение на линию ОЛЬВИОПОЛЬ-ВОЗНЕСЕНСК
19 I-3 II-1920 г.
БОБРИНЕЦ
КОНСТАНТИНОВКА
ОЛЬГОПОЛЬ
ВОЗНЕСЕНСК
НОВЫЙ-БУГ
КРИВОЙ РОГ
НОВАЯ ОДЕССА
3-я Бригада 26-I
2-я Бригада 26 I
1-я Бригада 26 I
2 Деникинский корпус
2 Деникинский корпус 22 I
2 Ден. корпус 22-23 I
Кавбригада 19 I
Кавбригада 3 II
1 Бригада 3 II
41 див. 3 II.
На Одессу
На Вознесенск
400 п 22 I
402 п 19 I
403 п 22 I
404 п 19 I

СХЕМА 15.

Бои на р. ИКВА с 11—16 июля 1920 г.

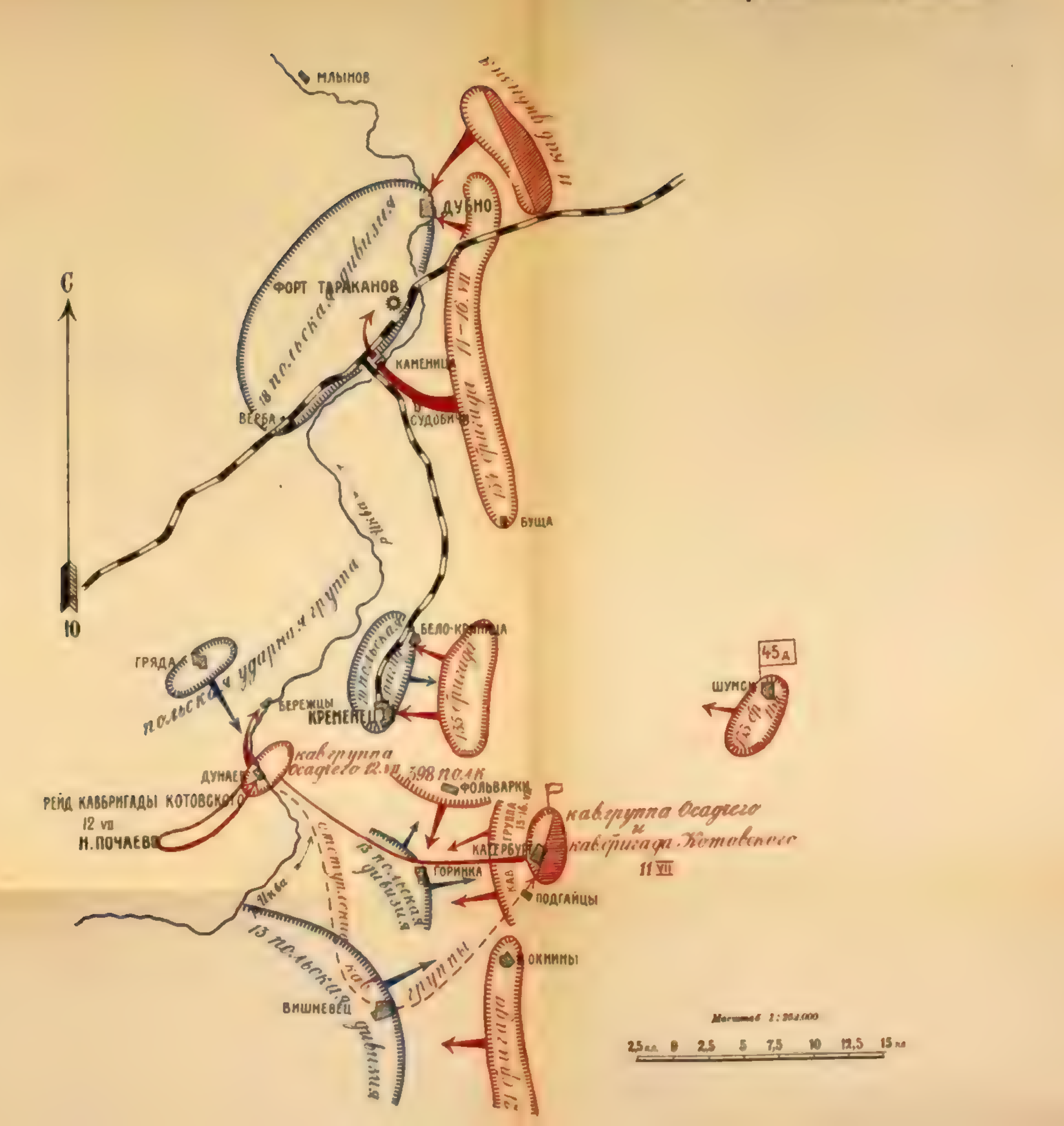

СХЕМА 16.

Бои на берегах р. ИКВА с 17 по 22 июля 1920 г.

СХЕМА 17.

Контр-наступление белополяков на ДУБНО-КРЕМЕНЕЦ и его ликвидация.

23—24/VII 1920 г.

СХЕМА 18.

Первое наступление в ГАЛИЦИЮ.

28/VII—7/VIII 1920 г.

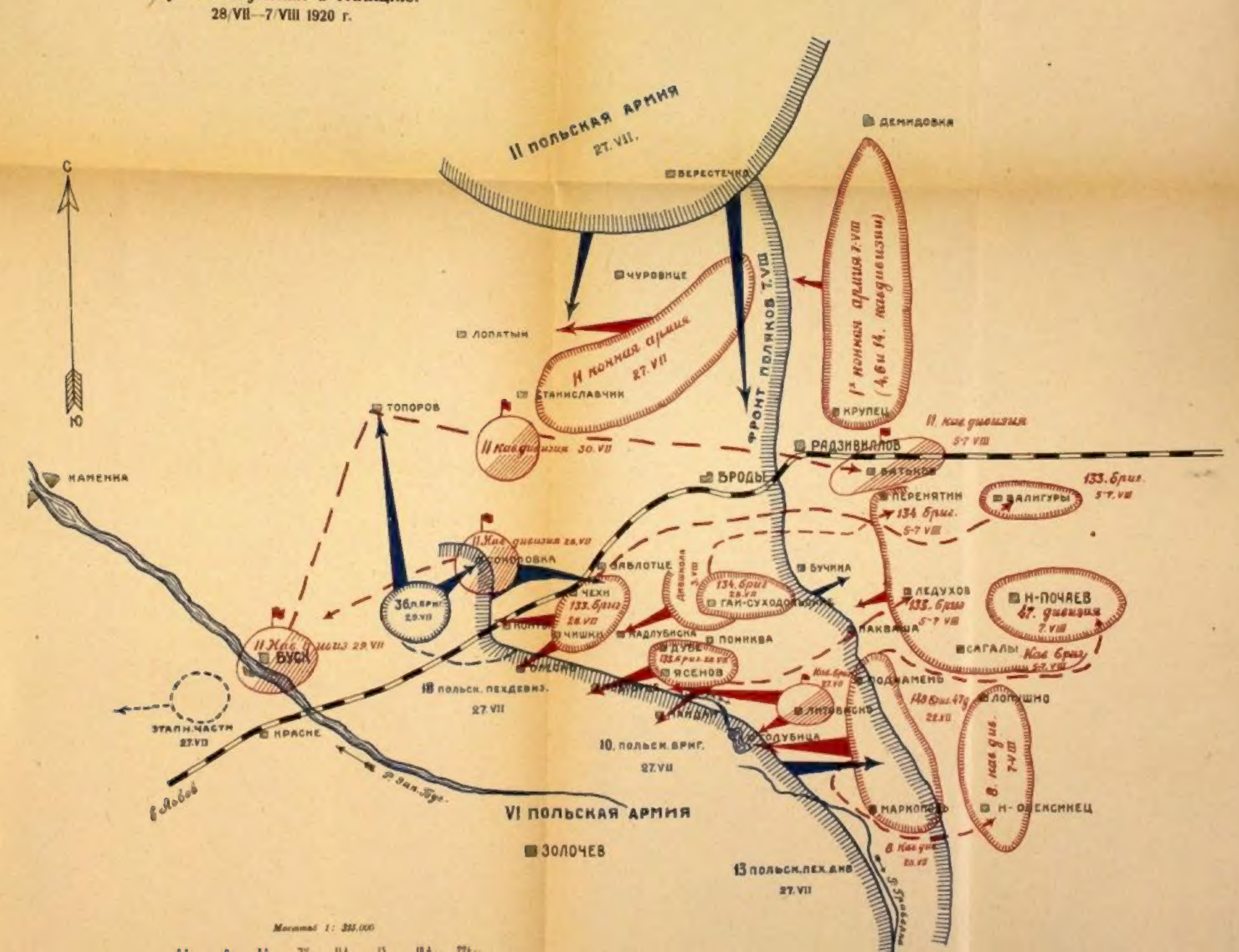

СХЕМА 19.

Второе наступление в ГАЛИЦИЮ, бои у ЛЬВОВА и отход на р. ЗАП.-БУГ.

13/VIII—1/IX 1920 г.

СХЕМА 20.

Бои на р. ЗАП. БУГ с 1 по 16 сентября и отступление из ГАЛИЦИИ.

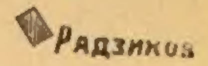

СХЕМА 21.

Осенний отход 45 дивизии в район ВИННИЦА и бои на р. ЮЖН. БУГ до заключения перемирия.

20/IX—18/X 1920 г.

